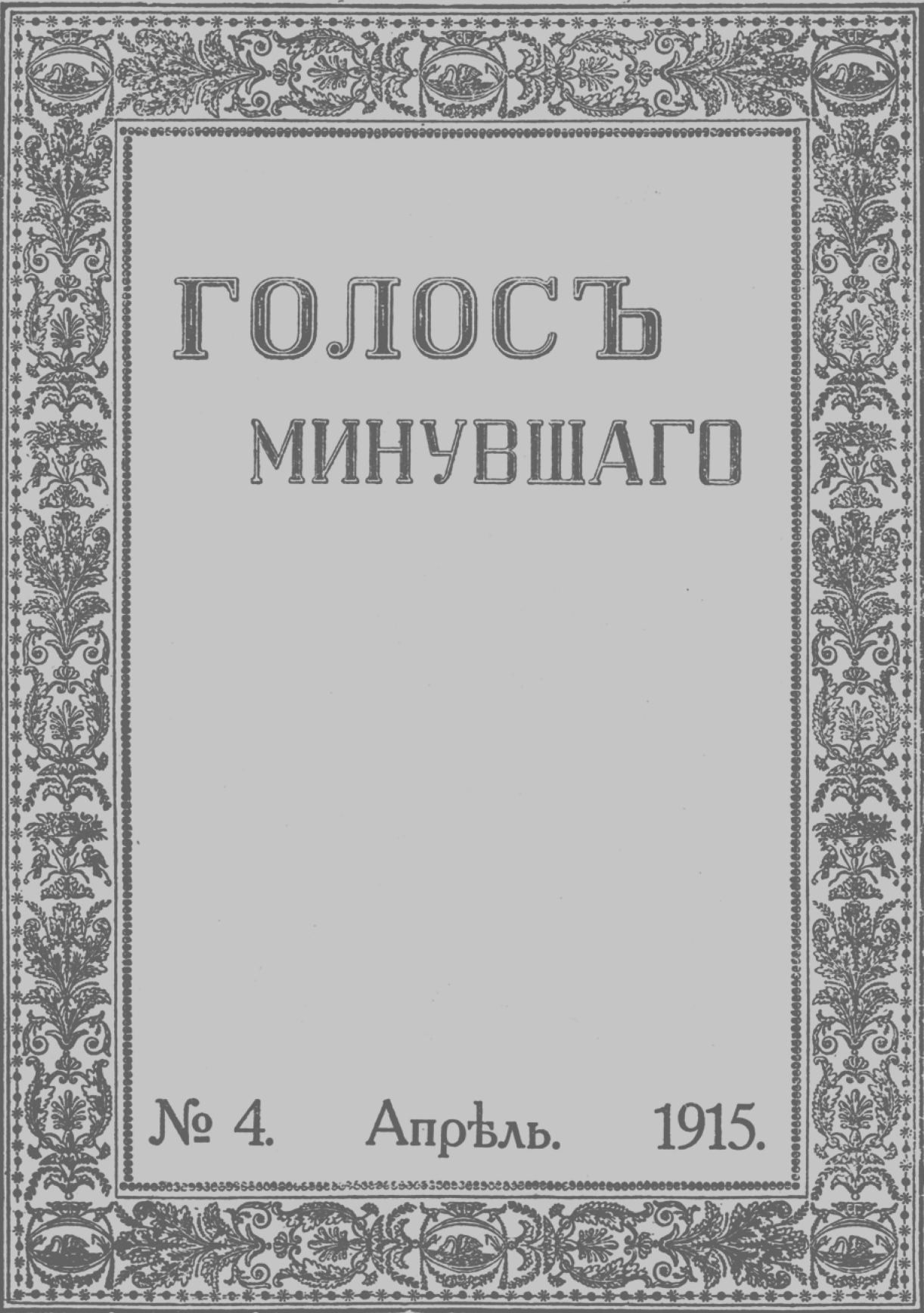

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 4. Апрѣль. 1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	Стр.
Е. Н. Щепкинъ. До воротъ и у воротъ Берлина	5
И. С. Рябининъ. Тадеушъ Косцюшко	35
С. А. Ефремовъ. Изъ исторіи возрожденія Галичины. II. На зарѣ возрожденія.	75
II. Воспоминанія:	
Н. А. Морозовъ. За свѣтъ и свободу	103
В. В. Бери (Н. Флеровскій). Воспоминанія. II. Вступленіе на престолъ Александра II. III. Первое участіе въ политическихъ движеніяхъ	144
А. А. Пельканъ. Во второй половинѣ XIX в. Студенческіе годы. III. Въ Петербургскомъ университетѣ	167
III. Матеріалы.	
Изъ переписки декабристовъ. II. Воспоминанія о А. Г. Му- равьевой: 1. Письмо И. Д. Якушкина. 2. Письмо И. И. Пущина. 186	
В. Я. Богучарскій. Общественное движеніе 60 гг. подъ перомъ казенныхъ изслѣдователей	193
Ч. Вѣтринскій. Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ. IV. Въ на- чалѣ 80 гг. V. Изъ писемъ къ Е. С. Некрасовой	221
IV. Изъ текущей литературы.	
Г. И. Шрейдеръ. Италія и Польша въ 1863 г.	249
V. Некрологъ.	
И. С. Рябининъ. Сигизмундъ Милковскій.	264
VI. Критика и библіографія.	
В. А. Келтуяла. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература. Н. К. Пи- ксановъ. В. В. Сиповскій. Русская лирика. Н. П. Кашинъ. L. Le- ger. Nicolas Gogol. В. М. Фишеръ. Объ Онассенѣ и Николетѣ. В. М. Фриче. Жизнь Альфіери. И. Н. Розановъ. Французскіе ли-	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 4.

Апрѣль.

1915

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бул., Путинковский пер., домъ № 3.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	Стр.
Е. Н. Щепкинъ. До воротъ и у воротъ Берлина	5
И. С. Рябининъ. Тадеушъ Косцюшко	35
С. А. Ефремовъ. Изъ исторіи возрожденія Галичины. II. На зарѣ возрожденія.	75
 II. Воспоминанія:	
Н. А. Морозовъ. За свѣтъ и свободу	108
В. В. Берви (Н. Флеровскій). Воспоминанія. II. Вступленіе на престолъ Александра II; III. Первое участіе въ политическихъ движеніяхъ	144
А. А. Пеликанъ. Во второй половинѣ XIX в. Студенческіе годы. III. Въ Петербургскомъ университетѣ	167
 III. Матеріалы.	
Изъ переписки декабристовъ. II. Воспоминанія о А. Г. Му- равьевой: 1. Письмо И. Д. Якушкина. 2. Письмо И. И. Пущина. 186	
В. Я. Богучарскій. Общественное движеніе 60 гг. подъ перомъ казенныхъ изслѣдователей	193
Ч. Вѣтринскій. Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ. IV. Въ на- чалѣ 80 гг. V. Изъ писемъ къ Е. С. Некрасовой	221
 IV. Изъ текущей литературы.	
Г. И. Шрейдеръ. Италія и Польша въ 1863 г.	249
 V. Некрологъ.	
И. С. Рябининъ. Сигизмундъ Милковскій.	264
 VI. Критика и библіографія.	
В. А. Келтуяла. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература. Н. К. Пи- ксановъ. В. В. Сиповскій. Русская лирика. Н. П. Кашинъ. L. Le- ger. Nicolas Gogol. В. М. Фишеръ. Объ Окассенѣ и Николетѣ. В. М. Фриче. Жизнь Альфіери. И. Н. Розановъ. Французскіе ли-	

рики XVIII в. Г. Пригоровскій. Д. М. Петрушевскій. Великая хартія Вольностей. Г. И. Шрейдеръ. La Triplіce alleanza. П. Мижуевъ. С. А. Корфъ. Автономныя колоніи Великобританіи. И. М. Соловьевъ. Сочиненія Н. И. Пирогова. Г. В. Вернадскій. В. И. Пичета. Юрій Крижаничъ. В. Е. Сыроѣчковскій. Изъ текущихъ работъ ученыхъ архивныхъ комиссій. В. И. Власовъ. В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старообрядцевъ . . 269

VII. Мелочи исторіи.

П. С. Побѣдоносцевъ въ Маріенбадѣ. М. Клевенскій. По поводу одной пѣсни. 301

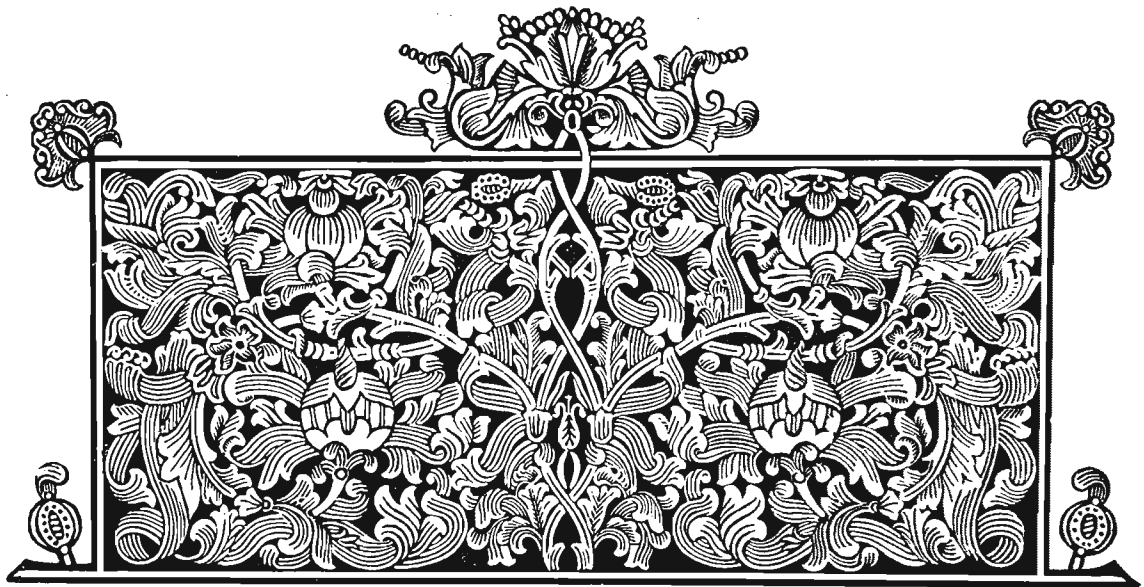
VIII. Романъ.

Шарль де Костеръ. Легенда о подвигахъ Уленшпигеля. Пер. В. Н. Карякина. 303

IX. Рисунки.

Портреты: гр. Е. А. Ламбертъ, С. Милковскаго, Т. Косцюшки.

X. Объявленія.

До воротъ и у воротъ Берлина.

I.

Завѣты Семилѣтней войны.

Миръ нѣсколько изумленъ, что весь философскій идеализмъ, вся гуманитарная литература Германіи прошли какъ-то безслѣдно для ея теперешняго поколѣнія, въ особенности для пруссаковъ. Но творцомъ великодержавной Пруссіи былъ не Гердеръ и не Шиллеръ, а военный геній и дипломатъ, небрезгливый ни въ постановкѣ цѣлей, ни въ выборѣ средствъ—ея король Фридрихъ В. Поэтому потокъ личной воли Фридриха II, застывшій въ вѣчную модель, опредѣляетъ по традиціи духъ внѣшней политики и военныхъ дѣйствій Пруссіи. Личность Фридриха В., совмѣщая въ себѣ для XVIII-го в. и кн. Бисмарка, и гр. Мольке, приобрѣла нормативную значительность для прусской государственности, въ частности для Гогенцоллерновъ, и гипнотизируетъ теперь императора Вильгельма II и его кронпринца.

Сохранились политическія завѣщанія Фридриха II, напр., его *Réveries politiques* отъ 1752 г., до сихъ поръ пугающія чеховъ, о завоеваніи Саксоніи и вознагражденіи ея курфюрста Богеміей. Министерство иностранныхъ дѣлъ все еще препятствуетъ опубликованію этихъ завѣщаній цѣликомъ и въ концѣ XIX вѣка вырѣзало почти $\frac{3}{4}$ «Политическихъ грѣзъ» изъ копій,

снятой было историкомъ М. Леманномъ. Однако, въ широкомъ смыслѣ слова государственные завѣты Фридриха В.—это вся его многотомная политическая корреспонденція и многотомная исторія его войнъ, офиціозныя изданія, которыми ознаменованы въ Берлинѣ конецъ XIX-го и начало XX-го вѣковъ.

Какъ разъ съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія двинута была прусскимъ генеральнымъ штабомъ въ главную очередь новая обработка Семилѣтней войны Фридриха В. на три фронта—противъ Австріи, Россіи и Франціи. Въ 12-ти обширныхъ томахъ этотъ трудъ Главнаго Генеральнаго Штаба доведенъ уже до пятого года войны, до начала 1760 года, отмѣченнаго къ концу набѣгомъ на Берлинъ.

Семилѣтняя война разразилась въ августѣ 1756 г., потому что Фридрихъ II предпочелъ лучше предупредить, чѣмъ самому быть предупрежденнымъ: ему важно было забѣжать впередъ на годъ и предупредить грозу наступательнаго соглашенія противъ Пруссіи, созрѣвшаго въ переговорахъ между Елисаветой Петровной, Маріей Терезіей и Людовикомъ XV или, говоря интимнѣе, маркизой де Помпадуръ... Такимъ же превентивнымъ наступленіемъ окрещена въ Германіи и теперешняя общеевропейская война.

Семилѣтняя война началась тѣмъ, что Фридрихъ II безъ предупрежденія ввелъ тремя колоннами армію въ Саксонію, овладѣлъ Дрезденомъ, обнародовалъ въ свое оправданіе дипломатическія тайны тамошняго двора и, въ отвѣтъ на предложенный было курфюрстомъ нейтралитетъ, потребовалъ, чтобы саксонскія войска примкнули къ прусскимъ. Въ первую же кампанію вся саксонская армія сдалась Фридриху II на капитуляцію и была включена въ прусскую, а Саксонія перешла въ управленіе короля Пруссіи... Минувшимъ лѣтомъ Бельгія замѣнила Вильгельму II Саксонію въ его планѣ итти по стопамъ Великаго Фридриха.

Перебрасываніе корпусовъ съ западнаго фронта на восточный и обратно и кочеванія вслѣдъ за ними самого императора съ одного театра войны на другой только количественно, въ большемъ масштабѣ повторяютъ стратегику Фридриха В. и его брата Генриха, хотя бы за второй годъ Семилѣтней войны, за 1757 г. Излюбленный тактический пріемъ Фридриха II сводился къ тому, чтобы въ каждой битвѣ сосредоточить силу преимущественно на одномъ крылѣ и раздавить имъ противостоящій флангъ врага, а на другомъ ограничиваться обороной до выясненія побѣды на первомъ. Такъ 6 мая 1757 г. н. с. король подъ чешской Прагой своимъ лѣвымъ крыломъ сломилъ правый

флангъ австрійцевъ на горѣ Таборѣ, задержавъ свое правое для прикрытія отступленія въ случаѣ пораженія. Послѣ этой побѣды Фридрихъ II пошелъ навстрѣчу австрійскому фм. графу Дауну, приближавшемуся съ в. на выручку Праги, и атаковалъ его 18-го іюня н. с. на высотахъ Колина. Король опять попридержалъ правое крыло и напалъ лѣвымъ. Но Даунъ, зная этотъ приѣмъ, перевелъ подкрѣпленія съ своего лѣваго на правый флангъ, и вся атака пруссаковъ была отбита по частямъ. Это пораженіе принудило Фридриха II снять осаду Праги.

Въ силу прежнихъ обѣщаній, король съ корпусомъ въ 22 тысячи человекъ двинулся теперь въ Тюрингію противъ французовъ. Въ первыхъ числахъ ноября н. с. Фридрихъ II уже стоялъ за рѣкой Саале у Россбаха противъ обѣихъ непріятельскихъ армій—имперцевъ и французовъ подъ командой кн. Субиза. Командующій имперской арміей пр. Гильдбурггаузенскій и Субизъ, въ надеждѣ на численное превосходство своихъ армій въ 41 тысячу человекъ, согласились атаковать 5-го ноября н. с. позицію Фридриха В. у Россбаха, но были разбѣяны прусскою конницею, дѣло которой довершила пѣхота. Тогда король поспѣшилъ опять на в. въ Силезію, гдѣ австрійцы тѣмъ временемъ овладѣли крѣпостями Швейдницемъ и Бреславлемъ. Принцъ Карлъ Лотарингскій, братъ австро-германскаго императора, оставивъ позицію у Бреславля, передвинулся навстрѣчу Фридриху II и 5 дек. н. с. утромъ занималъ высоты за Лейтеномъ. Здѣсь напалъ на него король правымъ крыломъ, сильно оттянувши назадъ свое лѣвое ради резерва. Австрійцы первоначально ждали нападенія на свой правый флангъ и туда перевели резервы. Потерпѣвъ теперь пораженіе на лѣвомъ крылѣ, оттягивая его и продвигая впередъ правое, они должны были въ разгаръ битвы выстроить новый фронтъ съ центромъ у Лейтена, почти поперекъ своей прежней позиціи. Сюда на Лейтенъ направили теперь свои атаки оба прусскія крыла: за отраженіемъ австрійской кавалеріи послѣдовало и бѣгство пѣхоты.

Вотъ примѣры, которые вдохновляютъ Вильгельма II. «Я веду юношество отъ Седана и Гравелотта черезъ Лейтенъ и Россбахъ назадъ къ Мантинеѣ и Оермопиламъ», восклицалъ онъ въ своихъ педагогическихъ указаніяхъ еще съ начала царствованія. Но геніальности не такъ легко подражать, какъ технику. Политическія констелляціи измѣнчивы до безконечности и никогда не повторяются. Предугадываніе той группировки силъ, которая осуществится въ дѣйствительности, и приспособленіе къ ней общаго плана военныхъ кампаній требуютъ самобытной даровитости, и тутъ мало одного подражанія. А между тѣмъ даже

свою попытку возложить надежды на Турцію и магометанскій міръ Вильгельмъ II перенялъ у Фридриха II конца Семилѣтней войны.

Грандіозный масштабъ теперешнихъ битвъ тоже затрудняетъ подражательность. Битвы Семилѣтней войны кажутся миніатюрами. Подъ Прагой 64 тысячи пруссаковъ атакуютъ 61 тысячу австрійцевъ; потери Фридриха II убитыми, ранеными, пропавшими—401 офицеръ и 14 тысячъ рядовыхъ, у принца Карла Лотарингскаго выбыло—412 офицеровъ и 12.912 рядовыхъ. При Колинѣ прусскій король съ 33 тысячами войска атакуетъ гр. Дауна съ его 54 тысячами, при Лейтенѣ съ 35 тысячами даетъ бой пр. Карлу и гр. Дауну съ ихъ 65 тысячами; эта побѣда стоила Фридриху II убитыми и ранеными 223 офицера и 6.159 рядовыхъ, тогда какъ австрійцы потеряли при Лейтенѣ 3 тыс. убитыми, 6—7 тыс. ранеными, 12 тыс. плѣнными. При этомъ прежнія битвы кратковременны, распадаются на цѣпь закругленныхъ эпизодовъ, укладываемыхъ въ рассказъ историка, какъ въ ленту кинематографа. Цорндорфская битва длилась 11 часовъ, включая сюда первые два часа канонады; битва при Кунерсдорфѣ продолжалась, въ сущности, даже менѣе 6 часовъ.

Пруссскій генеральный штабъ изучалъ Семилѣтнюю войну не только ради тактики и стратегіи Фридриха II. Вся военная географія Западной Европы осталась, конечно, безъ перемѣнъ. Три пути на Берлинъ—черезъ Восточную Пруссію и Померанію, отъ Познани на Франкфуртъ или на Кюстринъ, съ верховьевъ Одера изъ Силезіи отъ Бреславля и Глогау на Губенъ—протоптаны русскими еще въ Семилѣтнюю войну.

Первые шаги на почвѣ прусскаго королевства русская армія сдѣлала въ 1757 г. въ Восточной Пруссіи. Ея пути отмѣчены географическими именами, которыя теперь у всѣхъ на устахъ. Ферморъ, подойдя черезъ Полангенъ къ Мемелю, принудилъ его къ сдачѣ 5 іюля н. с. Послѣ этого только и Апраксинъ съ главными силами двинулся черезъ Вержболово, Сталлупененъ, Гумбиненъ къ Инстербургу. Вскорѣ съ нимъ соединился и Ферморъ, овладѣвшій уже Тильзитомъ. Рѣшено было продолжать путь къ Кенигсбергу по южному берегу Прегеля черезъ Алленбургъ въ обходъ прусскаго фм. Левальдта, и съ 25—27 авг. русская армія переправлялась черезъ эту рѣку. Тогда и пруссаки перешли на лѣвый берегъ Прегеля и расположились лагеремъ позади Пушдорфскаго лѣса. Это встревожило Апраксина и заставило его къ вечеру 28 августа н. с. сжечь передъ своимъ фронтомъ мѣстечко Гроссъ-Егерсдорфъ. Русская армія насчитывала до 55 тыс. человекъ, прусская до 25 тыс. Апраксинъ сдѣлалъ

на 30-е авг. н. с. приготовленія, чтобы идти къ Алленбургу вдоль восточной опушки частаго и болотистаго Норкиттенскаго лѣса. Левальдтъ рѣшилъ атаковать русскихъ при самомъ началѣ ихъ марша въ 4½ утра. Такъ произошло первое столкновение двухъ народовъ у Гроссъ-Егерсдорфа ¹⁾).

Нельзя представлять себѣ тогдашнее русское войско варварами или деревенщиной. Наступленіе пруссаковъ всѣхъ захватило врасплохъ. Объ общемъ планѣ и руководствѣ не могло быть и рѣчи въ битвѣ. Всѣ отдѣльныя части арміи дѣйствовали самостоятельно, но тѣмъ не менѣе цѣлесообразно, и совокупными усиліями одержали побѣду. Къ десяти часамъ утра битва, въ сущности, была уже закончена. У Левальдта выбыло 123 офицера и 4.397 рядовыхъ; русскіе потеряли 4.494 человекъ ранеными и 1.487 убитыми. Ферморъ довершилъ завоеваніе Восточной Пруссіи, занявъ въ январѣ 1758 г. Кенигсбергъ, и былъ назначенъ генераль-губернаторомъ провинціи.

Первая встрѣча самого Фридриха II съ русскими произошла въ слѣдующую кампанію 1758 года въ какихъ-либо ста верстахъ отъ Берлина. Ферморъ предпринялъ въ августѣ этого года осаду крѣпости Кюстрина при впаденіи Варты въ Одеръ; въ то же время отрядъ гр. Румянцева занялъ Шведтъ еще ниже по Одеру въ сторону Штеттина. Прусскій король поспѣшилъ съ юга на выручку своей крѣпости, достигъ 20 авг. н. с. Франкфурта и, чтобы отрѣзать отрядъ гр. Румянцева отъ Фермора, рѣшилъ перейти на правый берегъ Одера между Кюстриномъ и Шведтомъ. Вѣсть о наведеніи мостовъ побудила Фермора снять осаду съ Кюстрина и отойти сѣвернѣе къ рѣчкѣ Митцель, чтобы расположиться лагеремъ между Кварченомъ, Цихеромъ и Цорндорфомъ. Здѣсь русская армія заняла съ утра 24 августа хребетъ къ с.-з. отъ Цорндорфа. Между тѣмъ въ ночь съ 22 на 23 авг. Фридрихъ II перешелъ со своей арміей Одеръ, а 24 авг. отвелъ ее къ рѣчкѣ Митцель и разбилъ тамъ лагерь.

Пруссаки были слабѣе русскихъ пѣхотой, но сильнѣе ихъ конницей и тяжелой артиллеріей. Армія короля насчитывала 36.500 человекъ, у Фермора было до 44.300 чел. Нападеніе Фридриха II повело къ Цорндорфской битвѣ 25 авг. н. с., но онъ рѣшилъ обойти на разсвѣтѣ позицію русскихъ съ востока и атаковать ихъ въ тылъ съ юга отъ Вилькерсдорфа и Цорндорфа.

¹⁾ Подробности относительно битвы при Гроссъ-Егерсдорфѣ 19-го августа 1757 г. и планъ этой битвы см. въ сочиненіи автора этой статьи Е. Н. Щепкина «Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны 1746—1758 гг. Изслѣдованіе по даннымъ Вѣнскаго и Копенгагенскаго Архивовъ». Спб. 1902. Ред.

Тогда Ферморъ повернулъ всю свою армію фронтомъ ему навстрѣчу, къ югу.

Балки поперекъ длинной русской позиціи мѣшали Фридриху II примѣнить здѣсь свою любимую атаку съ охватывающимъ крыломъ, а потому ему пришлось напасть съ фронта. Онъ рѣшилъ оставить въ резервъ свое правое крыло (гр. Дона), а лѣвое, авангардъ и запасную кавалерію направить въ атаку противъ Фермора, непосредственно командовавшаго своимъ правымъ флангомъ. Атака шла мимо горѣвшаго Цорндорфа и черезъ него. Въ 9 часовъ утра началась канонада двухъ тяжелыхъ батарей. «Но стойко, съ глухимъ равнодушіемъ, выносили русскіе цѣлыхъ два часа убійственный огонь»¹⁾. Къ 11-и часамъ оба прусскія крыла разошлись, такъ какъ лѣвое пошло въ атаку, а правое сдвигалось дальше къ востоку, чтобы удержать отъ вмѣшательства лѣвое русское. Атакующіе батальоны пруссаковъ были встрѣчены съ русской стороны штыковымъ ударомъ. Чтобы восполнить прорывъ между лѣвымъ и правымъ прусскимъ крыломъ, ф. Каницъ самовольно двинулъ туда въ одну линію свои первую и вторую боевыя линіи: все это создало тонкій фронтъ. Русская конница изъ 14 эскадроновъ прорывается впередъ и ударяетъ полку ф. Каница во флангъ: и вотъ обѣ прусскія колонны—Мантейфеля и ф. Каница отброшены къ Цорндорфу и далѣе на в. къ Вилькерсдорфу. Фридрихъ II велѣлъ тогда своей кавалеріи и въ особенности Зейдлицу броситься въ контръ-атаку. Но прусская кавалерія съ фронта гонитъ конницу только до линіи русской пѣхоты, а тамъ должна остановиться. Въ это время Зейдлицъ, форсировавъ съ западнаго края переправу черезъ Цабернъ-Грундъ, ударяетъ съ 36 эскадронами этой пѣхоты во флангъ. Начинается бѣгство русскихъ къ Кварчену; Ферморъ, слегка раненый, увлеченъ туда потокомъ бѣглецовъ; иные бѣгутъ даже за Митцель, къ дивизіи Румянцева.

Около 2 часовъ пополудни побѣды еще не было у Фридриха II, такъ какъ центръ и лѣвое крыло непріятеля стояли невредимыми. Король рѣшилъ двинуть свое правое (гр. Дона) противъ русскихъ. Начался артиллерійскій огонь. Ген. Броунъ былъ тяжело раненъ, и къ 6 часамъ его обсервационный корпусъ сталъ было отступать. Прусскіе батальоны дѣлали при этомъ оборотъ на з. и попали такимъ образомъ русскому центру во флангъ. Однако, русскіе обогнули ближайшее къ непріятелю крыло и постепенно отодвинулись къ Гальгенъ-Грунду. Поэтому и здѣсь, съ восточнаго фронта, побѣда пруссаковъ была неполная.

¹⁾ Слова нынѣшняго Прусскаго Генеральнаго Штаба.

Король рѣшился теперь третьей атакой съ уцѣлѣвшими еще въ порядкѣ 8—10 батальонами атаковать русскихъ съ востока, а вторично бѣжавшіе въ паникѣ къ Вилькерсдорфу батальоны лѣваго прусскаго крыла должны были отъ Цорндорфа ударить въ правый, то-есть теперь уже южный флангъ русскаго центра. Но эта запуганная пѣхота не выдержала артиллерійскаго огня и налета русской кавалеріи, что сдѣлало безуспѣшной атаку пруссаковъ на Гальгенъ-Грундъ съ в. Даже спускъ въ Гальгенъ-Грундъ не помогъ дезорганизованному войску Фридриха II.

Послѣ 8 часовъ вечера, изъ боязни обхода въ сумеркахъ, пруссаки стали отступать. Король собралъ въ темнотѣ армію позади хребта, идущаго отъ Вилькерсдорфа на в. къ Кварчену, то-есть отчасти на утренней позиціи крайняго лѣваго крыла русскихъ. Русскіе послѣ 9 ч. убѣдились, что бой прекратился. Ферморъ, успѣвшій вернуться, считалъ положеніе своей арміи на позиціяхъ ея праваго крыла рискованнымъ и отвелъ ее съ разсвѣтомъ къ Цорндорфу, то-есть отчасти на утреннюю позицію лѣваго прусскаго фланга. Такимъ образомъ ночью оба противника какъ бы помѣнялись мѣстами. Это дало поводъ Фридриху II провозгласить себя побѣдителемъ, хотя тактически исходъ битвы остался неопредѣленнымъ. Однако, нападенія пруссаковъ, котораго ждали русскіе, тоже не послѣдовало. На разсвѣтѣ 26 авг. н. с. король проѣхался, съ опасностью для жизни, къ русской позиціи, призналъ ее сильной и отказался отъ возобновленія битвы. То же самое повторилось и 27 авг., когда Ферморъ со своей арміей уже стоялъ между Гроссъ- и Клейнъ-Камминомъ. Стратегически эта полупобѣда сослужила службу Фридриху II, такъ какъ все-таки остановила наступленіе русскихъ. Побѣда могла бы достаться русскимъ, если бы Румянцевъ во-время поспѣшилъ на соединеніе съ Ферморомъ. Но Румянцевъ, узнавъ у Шведта вечеромъ 24 авг. о переправѣ пруссаковъ у Альтъ-Гюстебизе, медлилъ и терялъ время въ мелкихъ полумѣрахъ. Въ Цорндорфской битвѣ русскіе потеряли убитыми, ранеными, плѣнными, пропавшими безъ вѣсти 918 офицеровъ и свыше 20.700 рядовыхъ, то-есть почти половину арміи. Пруссакамъ достались 24 знамени, 103 орудія, свыше 850 тыс. денегъ. У Фридриха II выбыло около $\frac{1}{3}$ боевой силы, а именно 355 офицеровъ и 12.442 рядовыхъ; русскіе взяли 2 знамени и 26 орудій.

Самый серьезный порывъ русскихъ къ Берлину проявился въ кампанію 1759 г. На этотъ разъ русская армія должна была искать соединенія съ австрійцами на среднемъ Одерѣ. Новый русскій главнокомандующій гр. П. С. Салтыковъ сталъ ¹⁹/₃₀ іюня во главѣ арміи у Познани, достигавшей до 69 тыс. человекъ, и,

несмотря на старанія прусскаго корпуса графа Дона задержать движеніе русскихъ, выступилъ къ Одеру на предполагавшееся соединеніе съ австрійскимъ фм. гр. Дауномъ. Іюля 20 н. с. русская армія перешла прусскую границу и стала близъ Одера между Каролатомъ и Кроссеномъ. Но у Цюллихау съ 20-го іюля уже стояла армія гр. Дона, надъ которой черезъ два дня принялъ команду ф. Ведель съ диктаторскими полномочіями отъ Фридриха II и порученіемъ атаковать при удобномъ случаѣ Салтыкова и помѣшать его встрѣчѣ съ австрійцами. Между тѣмъ Салтыковъ получилъ извѣстіе, что соединенія съ гр. Дауномъ надо искать у Кроссена и рѣшили обойти прусскую позицію у Цюллихау, къ сѣверу отъ нея. Въ лагерѣ при Цюллихау пруссаки насчитывали 27400 человекъ, тогда какъ русскіе располагали къ бою силами до 52300 чел. Когда съ утра 23 іюля н. с. русская армія двинулась по направленію къ Кроссену, тогда около 1 часа пополудни Ведель принялъ рѣшеніе повести прусскую армію отъ Цюллихау черезъ деревню Кай къ Пальцигу, чтобы тамъ предупредить Салтыкова.

Передъ Пальцигомъ, къ востоку, Салтыковъ выстроилъ свою армію въ двѣ боевыя линіи фронтомъ на в. По словамъ теперешняго Прусскаго Генеральнаго Штаба, «со свойственнымъ имъ желѣзнымъ спокойствіемъ ожидали русскіе напиравшаго врага», а затѣмъ, подъ убійственнымъ огнемъ русскихъ вдогонку, прусскіе батальоны должны отступать туда, откуда началась ихъ атака. Къ 7 часамъ пальба утихла. Ведель отвелъ свою армію къ ю. отъ Кая, а на слѣдующій день, не чувствуя себя болѣе въ силахъ преградить русскимъ путь къ Кроссену, перешелъ за Одеръ. Салтыковъ послѣ битвы велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ, а затѣмъ далъ два дня отдыха солдатамъ въ лагерѣ у Пальцига. Ведель потерялъ въ битвѣ убитыми и ранеными всего 6.776 человекъ, то-есть почти $\frac{1}{4}$ арміи. Потери съ русской стороны сводились къ 4.833 чел.

Только 17/28 іюля Салтыковъ прибылъ къ Кроссену, когда срокъ, условленный съ австрійцами для соединенія на Одерѣ, миновалъ. Нерѣшительный Даунъ считалъ было весь планъ кампаніи неудавшимся, и только отрядъ австрійцевъ подъ начальствомъ фельдм.-лейт. Лаудона въ составѣ 19.200 человекъ шелъ навстрѣчу русскимъ. Вообще австрійцы стремились отвоевать у Фридриха В. обратно Силезію и всегда предпочитали для совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими тамошній театръ войны по верхнему Одеру. Напротивъ, Салтыковъ сталъ подумывать въ Кроссенѣ о соединеніи со шведами въ Помераніи, о набѣгѣ на Берлинъ черезъ Франкфуртъ, вооще о томъ, чтобы

отодвинуть весь театръ военныхъ дѣйствій не въ Силезію, а ближе къ Восточной Пруссіи, уже завоеванной русскими. Тѣмъ временемъ и Фридрихъ II понялъ, что теперь австрійцамъ и русскимъ удобнѣе соединиться близъ Франкфурта. Салтыковъ, дѣйствительно, сначала отрядилъ изъ Кроссена во Франкфуртъ ген. Вильбоа, а 1 авг. н. с. и самъ выступилъ туда же съ главными силами. Къ Франкфурту спѣшилъ теперь и Лаудонъ. Этимъ движеніемъ къ Берлину русскій главнокомандующій навлекъ нападеніе прусскаго короля на одну свою армію.

Лаудонъ 3-го августа по н. с. подошелъ къ Франкфурту и сталъ лагеремъ на лѣвомъ, западномъ берегу Одера. Въ тотъ же день и русская армія достигла Франкфурта и стала на правомъ берегу рѣки къ в. отъ города на Кунерсдорфскихъ высотахъ. Салтыковъ въѣхалъ въ городъ и послалъ Елисаветѣ ключи отъ Франкфурта. Фридрихъ II спѣшилъ туда же. На битву съ русскими онъ смотрѣлъ уже не такъ легко, какъ до Цорндорфа. По поводу побѣды герц. Фердинанда Брауншвейгскаго надъ французами при Минденѣ, король писалъ въ эти дни своему министру: «мои русскіе медвѣди не французы, и артиллерія Салтыкова стоитъ въ сто разъ больше, чѣмъ пушки Контада». Между тѣмъ, въ виду обѣщанія Дауна двинуться навстрѣчу русскимъ, въ главной квартирѣ Салтыкова опять было рѣшили вернуться къ Кроссену и тамъ перейти за Одеръ. Лаудонъ тоже перешелъ къ русскимъ на восточный берегъ Одера и сталъ на ихъ правомъ крылѣ. Утромъ 11 авг. н. с. Тотлебенъ, стоявшій во главѣ легкихъ войскъ, донесъ, что Фридрихъ II переправляется черезъ эту рѣку. Фридрихъ II дѣйствительно, миновавъ Франкфуртъ, перевелъ 11-го августа свою армію въ 49.900 человекъ черезъ Одеръ. На слѣдующій день 1/12 авг. предстояла битва у Кунерсдорфа.

Село Кунерсдорфъ расположено было передъ русскимъ фронтомъ, обращеннымъ теперь къ ю.-в., впереди Кугрунда, поперечной балки у его лѣваго фланга.

Наканунѣ битвы русскіе, по совѣту Лаудона, сожгли село Кунерсдорфъ. На правомъ флангѣ фронта, съ з. до Фалькенштейн-Берге стали пѣхотные полки ген.-лейт. Вильбоа, далѣе до Большого Шпицберга — дивизія Фермора, къ которой примыкала дивизія ген.-лейт. гр. Румянцева вплоть до Кугрунда. Тяжелыя орудія были расположены преимущественно на горахъ Фалькенштейнскихъ и Большомъ Шпицбергѣ. Къ в., на Мельничьихъ горахъ (Мюльберге) помѣстился обсерваціонный корпусъ кн. Голицына съ фронтомъ на три стороны. Вторая боевая линія русскихъ проходила параллельно первой съ пра-

вымъ крыломъ на Юденъ-Берге. Третью и четвертую линію позади праваго крыла составили пѣхотные полки Лаудона по склонамъ Еврейскихъ горъ, къ ю.-в. отъ Франкфурта. Противъ прусской позиціи у Бишофзе стояли на сторожѣ легкія войска гр. Тотлебена. Русская позиція съ ю.-в. была укрѣплена искусственно шанцами, засѣками, недоконченнымъ рвомъ, волчьими ямами и т. п. Слабымъ мѣстомъ русской позиціи былъ лѣвый флангъ, удобный для обхода. Особенно большія силы Салтыковъ сосредоточилъ на правомъ крылѣ въ видѣ резервовъ. Съ русской стороны стояло, включая австрійцевъ, 79.000 чел. противъ 49.900 пруссаковъ. Фридрихъ II недостаточно зналъ мѣстность и не могъ уже обстоятельно изучить ее.

Въ воскресенье 12 авг. н. с. прусская армія еще ночью стала обходить русскую позицію съ востока. Фридрихъ II самъ произвелъ рекогносцировку въ сторону Кунерсдорфа и только теперь убѣдился, что русскіе повернуты фронтомъ на югъ.

Вся Кунерсдорфская битва началась обычнымъ для Фридриха II трюкомъ. Ген.-лейт. ф. Финкъ долженъ былъ на разсвѣтѣ произвести ложную тревожную атаку съ с., со стороны Треттина, въ тылъ правому русскому крылу. Туманъ сдѣлалъ всю эту симуляцію ф. Финка безцѣльной до 8 ч. утра, а когда пелена разсѣялась, то стало ясно, что атака ведется противъ лѣваго крыла русскихъ. Въ 11½ ч. утра прусская артиллерія начала канонаду противъ Мюльберге. Русскія орудія отвѣчали, и артиллерійская битва продолжалась съ часъ, при чемъ обсервационный корпусъ на этихъ Мельничьихъ горахъ понесъ страшныя потери. Первая прусская атака началась въ 12½ ч. пополудни. Натискъ этого авангарда заставилъ русскихъ grenadiers и мушкетеровъ отступать. Попытка кн. Голицына строить заново линіи изъ отброшенной пѣхоты не увѣнчалась успѣхомъ. Пруссаки заняли площадь лѣваго русскаго фланга вплоть до Кугрунда; сюда ввезены и орудія. Русскіе бѣжали по боковымъ склонамъ, а отъ Кугрунда наступали новыя русско-австрійскія войска на помощь; но и эта подмога были отброшена и разсѣяна. Только когда прусская пѣхота спустилась въ Кугрундъ и стала было подыматься на противоположный откосъ, то встрѣтила, наконецъ, твердый отпоръ русскихъ и австрійцевъ; ей пришлось вернуться назадъ за Кугрундъ.

Между тѣмъ съ ю.-в. отъ Кунерсдорфа наступала двумя боевыми линіями вся прусская армія. Правое крыло ея поддерживало атаку авангарда на Мюльберге, но сильно страдало отъ русскаго артиллерійскаго огня. Теперь послѣ 2 ч. пополудни Фридрихъ II самъ сталъ во главѣ своего праваго крыла и по-

велъ его опять на поддержку авангарда подъ Кугрундомъ, во флангъ русскимъ съ востока. Пруссакамъ удалось ввезти нѣсколько тяжелыхъ орудій на Кубергъ, но русскіе, терпѣвшіе подъ Кугрундомъ большія потери, продолжали двигать сюда свѣжія силы. Король приказалъ было драгунамъ и гусарамъ произвести конную атаку на склоны къ з. отъ Кугрунда, но одновременно Румянцевъ и Лаудонъ пододвинули сюда съ своей стороны русскихъ и австрійскихъ гусаръ и драгунъ. Прусская конница была отброшена, а наша бросилась на пѣхоту непріятеля, обращая ее въ бѣгство. Опасность стала грозить и самому королю. Однако, тутъ подоспѣлъ на выручку Зейдлицъ. Но Салтыковъ притянулъ подкрѣпленія: Зейдлицъ вынужденъ былъ повернуть назадъ.

Съ 5 часовъ пополудни побѣда стала склоняться на сторону русскихъ. Король въ послѣдній разъ собралъ для атаки воедино все, что было налицо къ в. отъ Коровей балки и Кунерсдорфа. Подъ нимъ самимъ убиты двѣ лошади, а рядомъ съ нимъ ранены два флигель-адъютанта; двѣ пули задѣли одежду Фридриха II. Заключительный тройной приступъ черезъ Кугрундъ съ в. и съ боковъ—съ ю. отъ Кунерсдорфа и вдоль сѣверной окраины русской позиціи—опять былъ отбитъ неисчерпанными еще силами изъ запаса Салтыкова.

Къ 6 часамъ вечера всѣ прусскія части были уже въ отступленіи. Битва была окончательно проиграна для Фридриха II. Тяжелая артиллерія его не могла быть спасена. Явился страхъ передъ казаками. Вскорѣ ротмистру ф. Приттвицу съ отрядомъ гусаръ пришлось спасать самого Фридриха II отъ Чугуевскихъ казаковъ. Впрочемъ, только Лаудонъ обнаружилъ рѣшительность въ преслѣдованіи. Вообще же русскіе готовы были удовлетвориться очисткой поля сраженія.

Королю удалось собрать остатки своей арміи на высотахъ у Бишофзе и спокойно отвести ихъ въ Этшеръ, но отъ арміи въ 50 тысячъ у него къ вечеру оставалось всего 3 тысячи человекъ. Масса же бѣглецовъ спасалась по дорогѣ, по которой пришли. До вечера въ лагерѣ у Гѣрица было задержано до 10 тысячъ, и ночью они приведены къ Фридриху II. Въ крестьянскомъ домѣ въ Этшерѣ король провелъ первую ночь послѣ самаго сильнаго пораженія, которое когда-либо испыталъ. По видимости, Фридриху В. приходило въ голову отречься отъ престола, чтобы только примирить съ Пруссіей ея противниковъ. На слѣдующій день король перевелъ армію черезъ Одеръ, сломалъ мосты и сталъ лагеремъ близъ Рейтвейна; здѣсь къ вечеру онъ передалъ главную команду ф. Финку, ссылаясь на

болѣзнь. Впрочемъ, уже 16 авг. н. с. Фридрихъ II опять стоялъ во главѣ арміи, насчитывавшей теперь свыше 24 тыс. Въ письмахъ онъ все еще считалъ положеніе опаснымъ: «Если русскіе перейдутъ Одеръ и дѣйствительно сдѣлаютъ видъ идти впередъ на Берлинъ, то мы будемъ биться съ ними не столько въ надеждѣ ихъ побѣдить, сколько съ рѣшимостью похоронить себя подъ развалинами нашего отечества». Въ концѣ-концовъ, король рассчитывалъ на ошибки врага и на всемогущій случай. И вотъ, 28 авг., онъ неожиданно узналъ, что Лаудонъ и русскіе ушли куда-то на югъ, по лѣвому берегу Одера.

Въ битвѣ при Кунерсдорфѣ король всего потерялъ убитыми, ранеными, плѣнными, пропавшими безъ вѣсти 569 офицеровъ и 18.400 рядовыхъ, кромѣ того 26 знаменъ, 2 штандарта, 172 орудія. У русскихъ выбыло 566 офицеровъ и 13.615 рядовыхъ, у австрійцевъ 116 офицеровъ и 2215 рядовыхъ. И все-таки побѣда при Кунерсдорфѣ не повлекла еще за собой похода Салтыкова до воротъ Берлина. Надъ всѣми операціями русской арміи попрежнему тяготѣлъ удручающій гнетъ союзныхъ отношеній съ Австріей, которая старалась превратить ее въ какое-то зависимое войско наемниковъ ради завоеванія для Маріи Терезіи Силезіи и осады тамъ крѣпостей—Брига, Бреславля, Глогау.

Къ 4/15 августа въ русскую главную квартиру прибылъ начальникъ австрійскаго штаба гр. Лесси и сообщилъ, что Даунъ думаетъ осадить крѣпости Бригъ и Нейссе, а русской арміи предлагаетъ прикрывать операціи австрійцевъ. Салтыковъ послѣ двухъ побѣдъ впалъ въ бездѣйствіе, считая, что теперь очередь наступленія за Дауномъ. Исключительно по соображеніямъ гигиены, онъ 16-го авг. н. с. вслѣдъ за Лаудономъ перешелъ на лѣвый берегъ Одера. Черезъ недѣлю состоялось свиданіе Салтыкова съ Дауномъ въ Губенѣ... Рѣшено, конечно, сообщать двинуться въ Верхнюю Силезію.

II.

Набѣгъ на Берлинъ.

Кто же былъ этотъ счастливецъ русской арміи, который рано утромъ 28 сент.—9 октября 1760 г. вступилъ въ г. Берлинъ черезъ Котбусскія ворота во главѣ пѣшихъ и конныхъ гренадеровъ? Въ XVIII-омъ вѣкѣ это былъ конечно—нѣмецъ, недостаточно владѣвшій русскимъ языкомъ.

Герой набѣга на Берлинъ, Готлобъ-Куртъ-Генрихъ графъ

ф. Тотлебенъ былъ «честнымъ саксонскимъ вѣрноподданнымъ», въ молодости выступилъ на жизненный путь пажемъ при своемъ курфюрстѣ, приглянулся графинямъ, самъ пожалованъ въ графы, служилъ въ прусской арміи, затѣмъ набралъ полкъ для Голландіи, и, наконецъ, въ 1758 г. перешелъ волонтеромъ же на русскую службу, въ страну неограниченныхъ возможностей и сказочныхъ карьеръ. Здѣсь онъ всегда старался высвободиться изъ-подъ зависимости отъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ и даже главнокомандующихъ, создать себѣ самостоятельную команду и обособленную сцену для проявленія личныхъ военныхъ дарованій. То выдаваясь боевыми заслугами, то пугая своей отставкой, то хватаясь за поддержку Дрезденскаго двора, Тотлебенъ искалъ себѣ опоры непосредственно у канцлера Воронцова, а черезъ него—у имп. Елисаветы. Его подвиги и реляціи часто явно рассчитаны на точки наименьшаго сопротивленія въ характерѣ государыни, на ея жалостливость, мѣтніе передъ всякой видимостью торжествующей справедливости или посрамленія зла, на чувствительность къ русской чести и славѣ, на весь ея наивный, расплывчатый кругозоръ среди реальной сутолоки и водоворотовъ политической жизни.

Уже въ 1758 г. Тотлебенъ «оказалъ отличное мужество» въ траншеѣ подъ Кольбергомъ, во время неудачной осады крѣпости ген.-майор. Пальменбахомъ, и въ слѣдующемъ же 1759 г. принять на русскую службу со своимъ заграничнымъ чиномъ генераль-маіора «въ разсужденіи, что генерально свидѣтельствуется достойнымъ и способнымъ генераломъ,... хотя по силѣ указовъ надлежало его принять только бригадиромъ». Съ этихъ поръ подъ его начальствомъ упоминаются то конно-гренадерскіе полки, то гусары, казаки и вообще легкія войска, съ которыми онъ сжигаетъ большой мостъ черезъ болото передъ Кунерсдорфской битвой, а послѣ побѣды преслѣдуетъ непріятеля.

Своеволіе во всѣхъ дѣйствіяхъ, самоуправная жестокость при наказываніи подчиненныхъ солдатъ и офицеровъ, отсутствіе обстоятельныхъ донесеній—таковы особенности службы гр. Тотлебена, навлекающія на него неудовольствіе главнокомандующихъ. Поэтому гр. Ферморъ представляется ему весной 1760 г. «непримиримымъ непріятелемъ» и «столь сильнымъ гонителемъ», что Тотлебенъ будто-бы не можетъ служить подъ его командою. Поэтому и на генер.-фельдмаршала гр. Бутурлина, котораго онъ въ концѣ 1760 г. еще «дѣйствительно за отца и благодѣтеля своего почитаетъ», Тотлебенъ уже черезъ полгода во всеподданнѣйшемъ прошеніи «къ стопамъ приложить принужденъ спра-

ведливый свои жалобы». Однако, полный свѣтъ былъ пролить на личность гр. Тотлебена даже не въ дни его штурмовъ на Берлинъ, а когда 19-го іюня с. с. 1761 г. въ Помераніи въ лагерѣ при Бернштейнѣ онъ вдругъ былъ арестованъ «съ общаго совѣта всѣхъ полковыхъ командировъ подчиненнаго ему корпуса, за открывшуюся вредительную службѣ Императорскаго Величества съ непріятелемъ переписку».

Еще 18-го іюня с. с. въ лагерь при Бернштейнѣ подполковникъ Ашъ привезъ еврея Саббатку изъ Старгарда къ Тотлебену. Но, когда на другой день утромъ графъ отпустилъ этого «конфидента», приказавъ капитану Пфафіусу проводить его съ казаками до крѣпости Кюстрина, то Ашъ задержалъ Саббатку и обыскалъ его. Въ сапогѣ у Саббатки оказался конвертъ безъ надписи, но за печатью гр. Тотлебена, а въ немъ точные нѣмецкіе переводы съ ордера гр. Бутурлина, полученнаго 12 іюня 1761 г. о направленіи русской арміи прямо къ Бреславлю, и съ маршрута отъ Познани въ Силезію съ 15-го по 18 іюня, а также собственноручный «билетъ» графа къ прусскому королю съ заключительной подписью шифрами: «вѣрный рабъ хотя и весьма боленъ горячкою, однако не перестанетъ, до послѣдняго своего издыханія, принципалу служить и оказывать до гроба, что вамъ наивѣрнѣйшій. 1284». При арестѣ Тотлебенъ успѣлъ разорвать полученный имъ секретный шифръ короля. Однако, въ его бумагахъ удалось, между прочимъ, найти письмо самого гр. Тотлебена къ извѣстному банкиру Гоцковскому въ Берлинъ и черновой набросокъ его письма къ Фридриху II такого содержанія: «Ваше Величество въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ изволите высказывать желаніе, чтобы мнѣ служить еще одну кампанію, для облегченія Вашихъ подданныхъ, требуя, чтобы доброю въ моихъ войскахъ дисциплиною я предупреждалъ всякія грабительства и опустошенія... Какъ до сихъ поръ, такъ и впредь я буду употреблять всевозможное стараніе къ отвращенію всякой наглости и способствовать всѣми силами облегченію Вашихъ областей; но, пока провинціальныя совѣтники не будутъ оставаться въ своихъ округахъ и въ ихъ домахъ для распоряженій по требуемымъ поставкамъ, то всѣ мои старанія будутъ бесполезны и недѣйствительны». Косвенными уликами въ полученіи подкупа подп. Ашъ выставялъ противъ Тотлебена, что графъ въ Штольпѣ въ Помераніи купилъ себѣ домъ и садъ съ конскимъ заводомъ за 2 тыс. талеровъ и еще одну большую мызу Луповъ приторговывалъ даже за 96 тыс. талеровъ. Въ письмѣ къ Тотлебену, перехваченномъ уже послѣ его ареста, Фридрихъ II извѣщалъ, что не можетъ дать просимаго

тѣмъ имѣнія, гершафта Милическаго, принадлежавшаго графу и секвестрованнаго пруссаками, но обѣщалъ дать другое, равноцѣнное. Сверхъ всего этого, 13-лѣтній сынъ Тотлебена, взятый было въ началѣ Семилѣтней войны изъ школы въ Берлинѣ унтеръ-офицеромъ на прусскую службу, хотя уже около года до ареста графа былъ вывезенъ отцомъ изъ столицы Пруссіи сначала въ Данцигъ и затѣмъ въ Курляндію, однако получилъ свой «абшидъ» отъ прусскаго короля, то-есть увольнительный отъ прусской службы видъ, только 13 мая 1761 г. лишь въ силу предательской переписки Тотлебена съ Фридрихомъ II.

Арестованные были препровождены для допроса сначала въ армію, а затѣмъ и въ С.-Петербургъ. Купецъ Исаакъ Саббатка, родившійся и воспитанный въ Бреславлѣ, на первомъ допросѣ подъ плетями во всемъ заперся, но позднѣе показавъ, что возилъ письма отъ принца Генриха Прусскаго къ гр. Тотлебену и обратно, хотя содержанія ихъ не зналъ, а потомъ доставлялъ письма даже отъ самого короля; при этомъ графъ просилъ Саббатку вручить его отвѣтъ самому Фридриху II и устроить ему личное свиданье съ королемъ, за что обѣщалъ 2 тыс. луидоровъ и особую милость императрицы. Гр. Тотлебенъ съ самаго начала пожелалъ дать откровенныя объясненія. Братъ прусскаго короля, принцъ Генрихъ, завелъ съ нимъ переписку еще съ марта или начала апрѣля 1761 г. черезъ Гиршеля, когда-то зависѣвшаго отъ графа по его силезскому имѣнью, а этотъ «дворовый» или «домашній жидъ» Тотлебена привозилъ съ собой и Саббатку, служившаго шпиономъ уже раньше для гр. Чернышева. Въ перепискѣ рѣчь шла о томъ, чтобы Тотлебенъ щадилъ во время войны Силезію и не давалъ своему войску грабить и разорять ее. Графъ нуждался въ милости короля, такъ какъ владѣлъ въ Саксоніи и Силезіи имѣньями, подпадавшими прусскому секвестру, и желалъ получить полный «абшидъ» для своего сына. Наконецъ, Фридрихъ II прислалъ въ Штольпъ «абшидъ» для молодого Тотлебена, обѣщавъ по окончаніи войны исполнить просьбы самого графа о его деревняхъ и вообще «обнадеживалъ всякою милостію, когда жженіе, паленіе и грабительство, какое прежде отъ моего корпуса происходило, прекращу». По словамъ Тотлебена, онъ уже всѣ три года на русской службѣ носился съ «прожекторомъ» при случаѣ захватить прусскаго короля въ плѣнъ и теперь считалъ минуту благоприятной, чтобы черезъ Саббатку, главнаго «конфидента» Фридриха II, войти къ нему въ довѣріе, уговорить на свиданье или, по крайней мѣрѣ, развѣдать, «когда и гдѣ онъ, по обыкновенію своему, съ малымъ закрытіемъ рекогносцировать бу-

детъ». Король съ своей стороны требовалъ, «чтобъ пріятель къ облегченію подданныхъ принcipала еще сію кампанію служилъ», и ждалъ свѣдѣній о предполагаемомъ планѣ новой русской кампаніи. И вотъ, «дабы короля толь больше уловить», Тотлебенъ рѣшился «въ маловажныхъ дѣлахъ его любопытству удовольствіе дѣлать», но все, что онъ ему въ «притворной конфиденціи» сообщалъ, касалось будто-бы только дѣлъ или совѣтъ невинныхъ, «индифферентныхъ», или уже завершившихся раньше, чѣмъ графъ его о томъ увѣдомилъ. Такъ, ордеръ гр. Бутурлина о походѣ прямо къ Бреславлю и маршрутъ до 17-го іюня Тотлебенъ якобы не послалъ изъ Шифельбейна, а лишь 20-го изъ Бернштейна, когда содержаніе маршрута уже было исполнено. Съ своей стороны графъ пользовался Саббаткой тоже, какъ шпиономъ, получилъ отъ него свѣдѣнія о намѣреніяхъ Фридриха II идти въ Силезію и оставить у Глогау Гольца для наблюденія за русской арміей; черезъ него же Тотлебенъ добылъ и шифръ изъ тайной королевской канцеляріи. У своего адвоката Зака въ Глогау графъ дѣйствительно справлялся, въ продажѣ ли «господство Милячъ», но сдѣлалъ этотъ запросъ для одного богатаго голландца, а не для себя, такъ какъ это дворянское помѣстье цѣнилось въ 500 тысячъ талеровъ, а Тотлебенъ оставался еще долженъ за свои саксонскія деревни и тѣхъ еще выкупить не могъ. Банкиръ Гоцковскій въ самомъ дѣлѣ навѣдывался у Тотлебена, куда-бы и къ какому министру въ С.-Петербургѣ могъ адресоваться король, чтобы «императорскій дворъ къ полезнымъ о себѣ сентиментамъ пріуготовить»; къ этому Гоцковскій прибавилъ, что королю война наскучила и онъ охотно для этой цѣли употребилъ бы одинъ или два милліона¹⁾. Всѣ эти недозволенные сношенія Тотлебенъ, по его увѣреніямъ, поддерживалъ «въ самомъ непорочнѣйшемъ намѣреніи», а именно, «дабы себя повѣренностію сего опаснаго не-пріятеля обнадежить и тѣмъ пользоваться, чтобы чрезъ то ему знатнѣйшій и рѣшительный ударъ причинить и основаніе къ славной кампаніи положить». Дѣти гр. Тотлебена уже были въ Курляндіи, гдѣ онъ и самъ думалъ поселиться. «Какъ-же потому статья, чтобъ я свое имѣніе, своихъ дѣтей и себя самого

¹⁾ Въ дек. 1760 г. Фридрихъ II послалъ въ С.-Петербургъ гофрата Баденгаупта съ порученіемъ предложить фавориту Ивану Шувалову 1 милл. рейхсталеровъ отъ короля, если тотъ побудитъ Елисавету или заключить сепаратный миръ безъ всякихъ территоріальныхъ уступокъ, или оставить русскую армію въ теченіе слѣдующаго года въ бездѣйствіи и не предпринимать враждебныхъ дѣйствій противъ короля. Предварительные переговоры съ Баденгауптомъ велись черезъ Гоцковскаго. Впрочемъ, Фридрихъ II не ждалъ тутъ успѣха, считая Шувалова «*Français à brûler*» (Pol. Corr.).

несчастнымъ сдѣлалъ и моею честію жертвовать похотѣлъ такому королю, которому я единственно справедливое мщеніе и смертельную ненависть долженствую». Всѣ письма и показанія гр. Тотлебена приходилось переводить на русскій языкъ.

Почти два года пришлось завоевателю Берлина провести въ заключеніи въ Петербургѣ. Только уже въ царствованіе Петра III въ апрѣлѣ 1762 г. учрежденъ былъ военный судъ надъ нимъ, «генеральный кригсрехтъ» подъ предсѣдательствомъ принца Гольштейнъ-Готторпскаго. Мая 20 этотъ судъ постановилъ и приговоръ: «Тотлебена, какъ измѣнника, казнить смертію; Саббатку же освободить, такъ какъ онъ былъ только письменноносцемъ и шпиономъ Тотлебена; не зная, что было въ письмахъ, русской арміи не причинилъ никакого вреда». Приговоръ оставался еще неисполненнымъ, когда на престолъ вступила Екатерина II. Теперь только Саббатка, его сынъ и прислуга Тотлебена были высланы за границу, а самъ графъ еще до весны 1763 г. продолжалъ сидѣть подъ карауломъ. Производилось дознаніе о его матеріальныхъ средствахъ; очевидно, пытались выяснитъ размѣры подкупа. Изъ-за границы получены были свѣдѣнія, что на Тотлебена предъявлены были взысканія по векселямъ, выданнымъ имъ еще въ 1757 г.—въ Регенсбургѣ, Вѣнѣ и другихъ мѣстахъ—на немаловажную сумму. Съ другой стороны Тотлебенъ имѣлъ родовыя имѣнія въ Саксоніи и Силезіи и даже давалъ свои деньги взаймы на содержаніе подчиненныхъ ему русскихъ полковъ, какъ это подтверждалось выданными ему росписками на 11.466 рублей. Русскій резидентъ въ Данцигѣ наложилъ арестъ на вещи и деньги Тотлебена, хранившіяся у банкира Мати: здѣсь найдено свыше 60 тысячъ гульденами, 11 тысячъ въ фридрихсдорахъ, 8½ тысячъ рублей, 2 тысячи августдоровъ, до тысячи червонцевъ и т. д.—въ валютѣ австро-имперской, прусской, русской, саксонской. Кромѣ того выяснилось, что весною 1761 г. Тотлебенъ тайно отправилъ свои вещи и деньги въ 42 ящикахъ и узлахъ изъ Данцига моремъ въ Любекъ, а затѣмъ въ Гамбургъ, откуда всѣ сундуки должны были быть отвезены вверхъ по Эльбѣ, но куда и кому, никто не знаетъ. Только 11-го апрѣля 1763 г. обнародованъ сенатомъ указъ, подписанный Екатериной II: «Готлобъ-Куртъ графъ фонъ Тотлебенъ... держаннымъ надъ нимъ кригсрехтомъ осужденъ лишенію чести, имѣнія и живота... Но мы, въ разсужденіи томъ, что злое его, Тотлебена, умышленіе никакихъ вредительныхъ слѣдствій нашему государству еще не произвело и онъ уже около трехъ (?) лѣтъ въ арестѣ сидѣлъ, по природному нашему великодушію живота у него не отнимаемъ, а

вмѣсто того повелѣли мы нашему сенату его, Тотлебена, яко преступника, болѣе нетерпимаго въ областяхъ нашихъ, подъ карауломъ вывезти за границу нашей имперіи... Мая 13-го 1763 г. Тотлебенъ былъ, наконецъ, выпровожденъ за русскую границу между Лифляндіей и Курляндіей.

Политическая переписка Фридриха II дала новыя свѣдѣнія объ измѣнѣ гр. Тотлебена. Прусскій король охотится за нимъ еще съ 1760 г. Такъ въ сентябрѣ этого года король уже предписываетъ фонъ-деръ-Гольцу сдѣлать попытку подкупить графа подаркомъ въ 20, 30 и даже 40 тысячъ талеровъ, дабы онъ подъ предлогомъ опустошенности Новой Марки побудилъ русскую армію вернуться въ Польшу. Когда герцогъ Бевернскій, губернаторъ Штеттина, сообщаетъ Фридриху II въ февралѣ 1761 г., что онъ воспользуется снабженнымъ деньгами Саббаткой для начала тайныхъ переговоровъ съ графомъ, то король одобряетъ дѣло касательно Тотлебена, денегъ и Саббатки: «но надо быть осторожнымъ, дабы убѣдиться, что парень (der Kerl) не обманывается». Саббатку же Фридрихъ II еще въ началѣ 1760 г. самъ направилъ къ Фуку, какъ шпиона, уже оказывавшаго пруссакамъ услуги въ предыдущія кампаніи собираніемъ свѣдѣній въ Польшѣ о русской арміи. Король не желалъ, чтобы Тотлебенъ ушелъ съ русской службы, такъ какъ тогда онъ сталъ бы для пруссаковъ бесполезнымъ, а русскіе легко найдутъ себѣ другого такого-же, чтобы съ той-же ловкостью командовать его корпусомъ. Поэтому въ апрѣлѣ 1761 г. Фридрихъ II готовъ былъ дать Тотлебену денегъ, но за то, чтобы онъ не разорялъ болѣе прусскихъ земель и тайно сообщалъ о планахъ русскихъ операцій; за это король обѣщалъ, что по окончаніи войны графъ можетъ спокойно владѣть своими землями въ предѣлахъ прусскаго государства и жить тамъ. Поэтому, когда король развѣдалъ въ іюнѣ 1761 г., что Тотлебенъ на чужое имя приторговываетъ себѣ феодальное помѣстье въ Силезіи, то притворился, будто-бы ничего не знаетъ. Тотлебенъ безъ сомнѣнія оказалъ пруссакамъ нѣсколько услугъ, но помогалъ имъ охотнѣе всего противъ своихъ личныхъ соперниковъ на русской службѣ. Графъ былъ недоволенъ, что съ іюня 1761 г. его отзывали изъ Помераніи и замѣняли гр. Румянцевымъ, намѣченнымъ для осады Кольберга. Поэтому Тотлебенъ черезъ Гоцковскаго предупредилъ принца Фр. Евг. Вюртембергскаго о своемъ уходѣ черезъ Шифельбейнъ къ арміи, о томъ, что у одного Румянцева останется всего тысячъ 10 войска и значить принцъ можетъ тогда смѣло обрушиться на него. И все-таки пр. Вюртембергскій относился къ Тотлебену въ высшей степени подозрительно. Во-

преки показаніямъ самого графа на слѣдствіи, оказывается, что онъ еще именно изъ Шифельбейна отъ 12/23 іюня сообщилъ Фридриху II содержаніе только-что полученнаго приказа гр. Бутурлина, по которому, въ силу указаній изъ С.-Петербурга, русская армія должна была идти прямо къ Бреславию. Король передалъ это извѣстіе принцу Генриху и самъ поспѣшилъ выступить изъ-подъ Швейдница къ Нейссе, чѣмъ и помѣшалъ предположенному соединенію австрійцевъ Лаудона и русскихъ гр. Бутурлина у Брига. Когда на русскій престолъ вступилъ другъ Фридриха В.—императоръ Петръ III, то Тотлебенъ обратился къ королю съ просьбой о заступничествѣ за него въ С.-Петербургѣ. Тогда въ апрѣлѣ 1762 г. Фридрихъ II въ отвѣтъ на интимный запросъ императора далъ свои разъясненія о личности гр. Тотлебена: невѣрно, что Тотлебенъ намѣревался ввергнуть въ опасность русскую армію, но нельзя считать его и вполне невиновнымъ. Графъ будто бы по собственному почину вызвался сообщить пруссакамъ важный для нихъ тогда планъ русской кампаніи, но не вполне сдержалъ и это обѣщаніе. Разумѣется, Фридрихъ II долженъ отвергать наличность тутъ подкупа съ его стороны, а въ концѣ концовъ совѣтуетъ Петру III выслать Тотлебена за предѣлы Россіи, для которой онъ никогда не станетъ вѣрнымъ слугой.

Въ итогѣ, гр. Тотлебена нельзя считать только зауряднымъ продажнымъ предателемъ. Съ Саксоніей онъ былъ связанъ подданничествомъ; во власти пруссаковъ, какъ залогъ, оставались его имѣнія, а одно время и сынъ. Фридрихъ II не настолько цѣнилъ его военныя дарованія, чтобы открыть ему блестящую дорогу въ рядахъ своей арміи. Проявленія предательства гр. Тотлебена и король, и принцъ Фр. Вюртембергскій принимали съ недовѣріемъ, были какъ бы на сторожѣ съ нимъ. Къ зениту военной карьеры Тотлебенъ скорѣе могъ бы подняться на русской службѣ, но для этого нужны были подвиги. За разореніемъ Тотлебеномъ Помераніи весной 1760 г., осенью послѣдовала капитуляція передъ нимъ Берлина. Цѣною прекращенія такихъ подвиговъ Тотлебенъ могъ купить себѣ у Фридриха II спокойную жизнь послѣ войны въ своихъ помѣстьяхъ въ предѣлахъ Пруссіи. Можетъ быть, этимъ покоемъ онъ бы и пожертвовалъ еще за то блестящее положеніе при С.-Петербургскомъ, при Вѣнскомъ, Версальскомъ и своемъ Дрезденскомъ дворѣ, которое онъ могъ сразу завоевать захватомъ Фридриха В. въ плѣнъ и славнымъ окончаніемъ шестой кампаніи войны. Душевными изгибами двойной измѣны и тонкими переливами расчета при движеніи впередъ по двумъ путямъ сразу гр. Тот-

лебенъ скорѣе всего мѣтитъ въ предшественники Судейкина и Азефа. Таковъ былъ генераль-маіоръ русской службы, на котораго Ферморъ, замѣнявшій больного Салтыкова, возложилъ осенью 1760 г. осуществленіе набѣга ради контрибуціи на Берлинъ.

Начальство надъ легкими войсками при набѣгѣ на Берлинъ было поручено гр. Тотлебену по рѣшенію С.-Петербургской конференціи. Съ отрядомъ изъ 3 гусарскихъ полковъ, 3—5 Донскихъ казачьихъ, 2 конно-гренадерскихъ и 4 баталіоновъ гренадеръ, а всего самое большее изъ 5.400 чел., при 15 орудіяхъ онъ долженъ былъ отъ Нейштедтеля (близъ Бейтена и Глогау въ Силезіи у Одера) на Сорау, Саганъ, Губенъ, Бесковъ, Сторковъ, Вустергаузенъ пробѣжать почти 200 верстъ до Берлина. Вслѣдъ за нимъ приблизительно тѣмъ же путемъ двинуть былъ въ видѣ подкрѣпленія авангардъ ген.-поручика гр. Чернышева изъ 7 пѣхотныхъ полковъ, всего до 12 тыс. Одновременно и главныя русскія силы гр. Фермора и гр. Румянцева стали передвигаться въ ту же сторону къ Губену и Кроссену, а далѣе—на Франкфуртъ. Тотлебену предоставлялась полная свобода дѣйствій, но онъ обязывался ежедневно доносить гр. Чернышеву о своемъ движеніи. Впослѣдствіи гр. Ферморъ офиціально называлъ гр. Чернышева «главнокомандующимъ при всей сей экспедиціи», но предписывалъ ему сотрудничество съ Тотлебеномъ—«обще съ нимъ экспедицію на Берлинъ производить». Однако гр. Ферморъ уклонился отъ рѣшительнаго приказа о подчиненіи ген.-маіора генералу-поручику. Только въ ордерѣ Тотлебену отъ 29 сент. с. с., предписывая ему отступать отъ Берлина вмѣстѣ съ гр. Чернышевымъ для соединенія съ главными силами въ виду приближенія Фридриха II, главнокомандующій, наконецъ, ясно установилъ отношенія младшаго къ старшему: «и во всемъ повиноваться его ордерамъ, чиня по нимъ неупустительное исполненіе». Въ инструкціи отъ главной квартиры Тотлебену предписывалось при вступленіи въ Берлинъ требовать отъ города «знатную» денежную контрибуцію, или взять вексель и обезпечить по нему уплату «аманатами»—изъ ратуши двумя особами и отъ знатнаго купечества нѣсколько человѣкъ; арсеналь, литейный домъ, всѣ оружейныя магазины и суконныя фабрики «въ конецъ разорить», при этомъ никому изъ жителей столицы обидъ не причинять.

Австрійцы съ своей стороны направили къ Берлину корпусъ ген.-фельдцейгмейстера гр. Лесси. Имъ столица представлялась средоточіемъ всякихъ магазиновъ, литья пушекъ, душой всѣхъ военныхъ и хозяйственныхъ учрежденій. Поэтому они ждали,

что прусскій король не останется равнодушнымъ къ операціямъ въ сердцѣ своей страны и раздробить силы, дѣйствовавшія противъ Дауна. Такъ австрійскій уполномоченный при русскомъ лагерѣ Плонкеттъ, думая воздѣйствовать на Салтыкова, обѣщалъ, что ихъ корпусъ не будетъ русскимъ въ тягость требованіями провіанта и что всѣ они желаютъ только содѣйствовать славѣ экспедиціи. Это заявленіе было понято русскими, какъ отказъ Вѣнскаго двора отъ доли въ контрибуціи съ Берлина. Получивъ извѣстіе, что гр. Лесси съ корпусомъ въ 18—20 тысячъ уже достигъ Бунцлау, Ферморъ послалъ Тотлебену и Чернышеву приказъ при наступленіи къ рѣкѣ Шпре войти въ переговоры съ начальникомъ австрійскаго отряда и стараться выполнить экспедицію противъ Берлина по общему соглашенію.

15—26 сент. гр. Тотлебенъ и гр. Чернышевъ выступили къ Берлину, а къ 1-му окт. н. с. отряженные ими команды овладѣли уже Франкфуртомъ, гдѣ черезъ недѣлю и соединились всѣ главныя русскія силы гр. Фермора и гр. Румянцева. Достигши 21 сент.—2 окт. Вустергаузена, Тотлебенъ узналъ, что на выручку Берлина спѣшить съ юга изъ Саксоніи ген. Гюльзенъ, а съ с. изъ Помераніи принцъ Вюртембергскій; тогда онъ написалъ гр. Чернышеву, занявшему Фюрстенвальде, просьбу о поддержкѣ, «дабы я въ спинѣ воленъ былъ», и донесъ объ этомъ Фермору. Главнокомандующій тотчасъ же направилъ всю 1-ю дивизію подъ начальствомъ П. И. Панина форсированнымъ маршемъ къ Фюрстенвальде.

Берлинъ съ предмѣстьями прикрывался тогда на лѣвомъ берегу рѣки Шпре каменной оградой, а на правомъ берегу—палисадомъ. Въ 11 часовъ утра Тотлебенъ прибылъ съ легкими войсками къ Котбусскимъ воротамъ столицы и тотчасъ же занялъ высоты какъ передъ ними, такъ и передъ Галлишскими воротами. Комендантъ Берлина ф. Роховъ отвѣтилъ отказомъ на требованіе сдать городъ, а поэтому, когда къ 2 часамъ пополудни подошла пѣхота и артиллерія, Тотлебенъ приказалъ бомбардировать столицу, и канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась цѣлый день. Къ вечеру Тотлебенъ приказалъ перевозить тяжелыя орудія на большую гору противъ Галлишскихъ воротъ, гдѣ непріятель успѣлъ соорудить новую батарею, а къ ночи послалъ штурмовать Котбусскія и Галлишскія ворота. Подп. кн. Прозоровскій съ 300 гренадерами и 2 пушками долженъ былъ напасть на Галлишскія, а майоръ Паткуль тоже съ 300 гренадерами и 2 пушками на Котбусскія ворота; въ помощь каждому изъ нихъ было послано еще по 200 гренадеръ и по 2 эскадрона гусаръ и конно-гренадеръ. Хотя кн. Прозоровскій

дошелъ до Галлишскихъ воротъ и держался тамъ цѣлый часъ, но долженъ былъ, равно какъ и маіоръ Паткуль, отступить вслѣдствіе чрезвычайно сильнаго картечнаго огня непріятеля и ружейной стрѣльбы его пѣхоты, стоявшей за стѣнами на подмосткахъ. Бомбардированіе продолжалось до 3 часовъ пополуночи.

Между тѣмъ отъ дезертировъ стало извѣстно, что пр. Вюртембергскій со своими главными силами всего лишь въ 2 миляхъ отъ Берлина, а его кавалерія еще въ полночь вступила въ столицу. Съ разсвѣтомъ 4-го окт. н. с. непріятельскіе драгуны и гусары показались передъ Галлишскими воротами. Въ то же время у Тотлебена изъ большихъ орудій осталось только 2, всѣ прочія были подбиты или испорчены, всѣ снаряды были разстрѣляны, у команды не было хлѣба, сама она была изнурена, помощи ждать было пока неоткуда. Тотлебену пришлось признать попытку захватить Берлинъ врасплохъ, овладѣть имъ съ налету, не дожидаясь гр. Чернышева и гр. Лесси, неудавшейся. Онъ отступилъ въ Кёпеникъ, гдѣ на слѣдующій день, 5 окт. по н. с., съ нимъ соединился гр. Чернышевъ. Ферморъ, узнавъ о неудачѣ Тотлебена, усилилъ дивизію П. Панина, а Чернышеву приказалъ вторично атаковать Берлинъ, но безъ риска, въ случаѣ затрудненій выждать прибытія отряда Лесси, а при надобности и всѣхъ силъ самого Фермора. Поэтому гр. Чернышевъ былъ въ правѣ отложить приступъ до прибытія Панина, а 6 окт. н. с. ограничиться лишь рекогносцировкой.

Тотлебену, какъ видно, не улыбалась неизбежность стать просто вспомогательной силой при общей атакѣ гр. Лесси и гр. Чернышева съ П. Панинымъ на Берлинъ. Къ вечеру онъ снова сталъ требовать отъ гр. Чернышева подкрѣпленій, чтобы идти опять на лѣвый берегъ Шпре, и добился присоединенія къ нему бригадира Бенкендорфа съ 2 пѣхотными полками, 2 большими орудіями и зарядами. Все-таки его прежній отрядъ увеличился не болѣе, какъ до 8—9 тысячъ человѣкъ. Съ разсвѣтомъ 7 окт. н. с. Тотлебенъ былъ уже близъ деревни Риксдорфа, въ полумилѣ отъ Берлина. Онъ оставилъ часть конницы передъ Котбусскими воротами, а съ остальными легкими войсками и со всею пѣхотою двинулся прямо къ Галльскимъ воротамъ въ надеждѣ прогнать непріятеля съ тамошней горы. Но пѣхота и конница пр. Вюртембергскаго успѣла здѣсь хорошо укрѣпиться для прикрытія сообщеній съ Потсдамомъ, такъ какъ ген. Гюльзенъ двинулъ этимъ путемъ къ Берлину авангардъ подъ начальствомъ ген. Клейста. Тотлебену пришлось до полудня обстрѣливать непріятельскій лагерь передъ Галль-

скими воротами. Наконецъ, по дорогѣ изъ Потсдама въ Берлинъ показались передовыя части Гюльзенова корпуса. Съ гусарами Хорвата и казаками Тотлебенъ пытался было остановить эту прусскую пѣхоту.

Между тѣмъ около 10 ч. утра Лесси уже подошелъ къ Берлину, пока только со своею конницею, и засталъ Тотлебена за этой попыткой отрѣзать отъ города прусскій пѣхотный полкъ Сальмута, двигавшійся изъ Потсдама въ Берлинъ. Однако, полку удалось достичь села Шёнеберга и войти въ городъ. Затѣмъ получена была вѣсть о приближеніи непріятельской кавалеріи и пѣхоты отъ Зармунда къ Берлину. Тогда Тотлебенъ занялъ возвышенность съ расчетомъ преградить непріятелю путь. Австрійская и саксонская кавалерія гр. Лесси примкнула къ его лѣвому крылу. Были посланы хорватовы гусары противъ деревни Целендорфъ, занятой непріателемъ. Однако, въ виду численнаго преобладанія непріятельской конницы, гусары принуждены были отступить и чуть было не потеряли 4 единорога, пушки, остававшіяся временно въ рукахъ пруссаковъ. По словамъ Тотлебена, только вмѣшательство кавалеріи подп. Цвѣтиновича и Чорбы опять выручило эти орудія. Напротивъ, Лесси и самъ Фридрихъ II приписываютъ честь спасенія русскаго отряда отъ гибели—прибытію австрійцевъ къ лѣвому крылу Тотлебена. Опровергая «продерзостную» реляцію, Лесси утверждаетъ, что «если бы при этомъ случаѣ ген. Брентано не врубился бы въ среду враговъ и не отвоевалъ назадъ потерянные было уже 4 единорога, то подп. Цвѣтиновичъ и Чорба врядъ ли удостоились бы похвалы Тотлебена». Впрочемъ, самъ двигавшійся корпусъ оказался незначительнымъ, и, при первомъ же движеніи союзниковъ къ нему поближе, онъ отступилъ къ Тельтову.

Но вскорѣ у Тельтова показалась голова другого корпуса изъ пѣхоты и кавалеріи, открывшаго артиллерійскую стрѣльбу по австрійскому отряду генерала Брентано, преслѣдовавшему первый, отступавшій непріятельскій корпусъ. Плѣнный, выдававшій себя за адъютанта ген. Клейста, пояснилъ, что первый, отступившій корпусъ—Клейста, а второй, наступавшій—ген. Гюльзена. Въ виду объединенія теперь всего корпуса Гюльзена, Тотлебенъ долженъ былъ отойти на свою прежнюю позицію, а Лесси на ночь расположился лагеремъ въ милѣ отъ его лѣваго крыла, а именно у Гроссъ-Цитена, поджидая прибытія своей пѣхоты и артиллеріи. У ген. Гюльзена Лесси предполагалъ до 12 тыс. человекъ, и, чтобы предупредить вступленіе этого корпуса въ Берлинъ, собирался атаковать его на слѣ-

дующій-же день, 8-го окт. н. с., если только русскіе окажутъ поддержку. Пока, еще въ тотъ же вечеръ Лесси потребовалъ сдачи Берлина и его гарнизона, обѣщая щадить городъ, какъ королевскую резиденцію, но комендантъ отвѣчалъ, что въ виду охраны столицы двумя арміями онъ не можетъ согласиться на сдачу.

Рано на другой день 8 окт. н. с. Тотлебенъ получилъ отъ ген.-поруч. Панина снаряды изъ Кёпеника, но за проливнымъ дождемъ въ этотъ день ничего не могъ предпринять. Онъ перемѣнилъ свою позицію, отправилъ пѣхоту и конно-гренадеровъ въ Риксдорфскій лѣсъ, а артиллерію размѣстилъ на высотахъ при Котбусскихъ воротахъ; бывшія при немъ легкія войска должны были стать лагеремъ передъ тѣми же воротами. Какъ только подошла австрійская пѣхота и расположилась въ лагерѣ, Лесси отправился рекогносцировать позицію Гюльзена и рѣшилъ атаковать его лишь на слѣдующее утро, 9-го окт. н. с., до разсвѣта. Рѣчь шла и о томъ, чтобы отнять непріятельскія батареи передъ Галлишскими воротами. Тотлебенъ согласился поддержать одну атаку австрійцевъ, и Лесси извѣстилъ о своемъ намѣреніи Чернышева, требуя, чтобы тотъ съ своей стороны предпринялъ приступъ на Берлинъ съ праваго берега Шпре. Это казалось единственнымъ средствомъ, чтобы опрокинуть оба корпуса и заставить ихъ запереться въ городѣ. Къ тому же съ вечера 7-го окт. прибылъ Панинъ со своимъ авангардомъ, а главныя его силы ожидались на разсвѣтѣ 9-го окт. н. с. Лесси предполагалъ у гр. Чернышева до 30 тыс. человѣкъ въ строю. У гр. Чернышева еще со времени рекогносцировки готовъ былъ планъ общей атаки на пруссаковъ въ Берлинѣ, при чемъ Лесси и Тотлебенъ съ конницей должны были бы дѣйствовать совмѣстно на лѣвомъ берегу рѣки, а Чернышевъ и Панинъ ворвались бы въ столицу съ ея праваго берега. Въ этомъ смыслѣ была разслана съ вечера 8 окт. диспозиція для общей атаки, которая назначена была на 7 ч. утра послѣ пробитія утренней зори и 3 выстрѣловъ вверхъ брандугелями вмѣсто сигнала. У принца Вюртембергскаго на правомъ берегу Шпре и у Гюльзена на лѣвомъ, у Галльскихъ воротъ насчитывалось 14—16 тыс. человѣкъ; со стороны союзниковъ имъ можно было противопоставить до 15½ тыс. у гр. Чернышева, свыше 8 тыс. у Тотлебена и отрядъ Лесси въ 12—14 тыс., а всего 35—37 тыс. человѣкъ. По словамъ Чернышева, «невозможно довольно описать, съ какою нетерпѣливостью и жадностью ожидали войска сей атаки: надежда у каждаго на лицѣ обозначалась...» Однако, взятіе Берлина общимъ приступомъ подъ главнымъ

начальствомъ гр. Чернышева и гр. Лесси не входило въ планы Тотлебена. Его вторичная попытка 7-го окт. справиться одному съ непріятелемъ чуть было не кончилась гибелью его отряда. Первые неудачи легкомысленныхъ налетовъ Тотлебена дѣлали робкими и нерѣшительными Лесси и Чернышева, отлагавшихъ день за днемъ главную атаку въ ожиданіи подкрѣпленій. Такая медлительность при наличности уже значительнаго численнаго перевѣса надъ пруссаками кончилась тѣмъ, что непріятель еще во время выскользнулъ изъ ловушки. Къ вечеру 8 окт. на прусскомъ военномъ совѣтѣ было рѣшено отступить ночью всѣми силами на Шарлоттенбургъ къ Шпандау.

Тѣмъ временемъ гр. Тотлебенъ шелъ уже новымъ путемъ интриги къ своей затаенной цѣли—одному стать героемъ всего набѣга на Берлинъ и хозяиномъ столицы. Вечеромъ наканунѣ назначенной атаки Тотлебенъ получилъ вдругъ приказаніе отъ гр. Чернышева оставить свою позицію и идти къ нему на другой берегъ Шпре, дабы прикрывать приступъ русскихъ съ праваго берега рѣки. Тотлебенъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого безъ большой обиды не можетъ, что онъ ближе другихъ къ Берлину, опрокинулъ непріятеля, стоитъ передъ воротами и долженъ сохранить свою позицію, а не пропускать другихъ. Уступчивый Чернышевъ прислалъ было новое приказаніе Тотлебену—остаться на мѣстѣ для совмѣстныхъ дѣйствій съ австрійцами, но всѣ свои легкія войска немедленно отослать на другую сторону города и рѣки. Но и это Тотлебенъ отказался исполнить подъ предлогомъ, что легкія войска нужны ему для форпостовъ и пикетовъ, хотя между нимъ и пруссаками стоялъ корпусъ Лесси. Австрійцы были поражены отсутствіемъ субординаціи у Тотлебена въ переговорахъ со своимъ старшимъ начальникомъ, однако въ общемъ отстаивали прежнюю диспозицію и необходимость оставить непокорнаго генераль-маіора на лѣвомъ берегу. Тотлебенъ сумѣлъ занять выгодное положеніе между обоими корпусами гр. Чернышева и гр. Лесси, такъ что ни тотъ, ни другой не могли выполнить своего плана безъ его содѣйствія. Чернышевъ на правомъ берегу не смогъ бы безъ него съ желательнымъ совершенствомъ окружить Берлинъ, а на лѣвомъ Лесси тоже не вполне могъ разсчитывать на его поддержку. Между тѣмъ комбинированными дѣйствіями австрійцевъ и русскихъ, по мнѣнію Лесси, легко было бы заставить положить оружіе и сдаться въ плѣнъ три раздробленныхъ корпуса пруссаковъ—ген. Гюльзена, принца Вюртембергскаго и ген. ф. Штуттергейма. Но такъ какъ Тотлебенъ не хотѣлъ работать подъ чужой фирмой, а безъ него обоимъ военачальникамъ союзниковъ не хватало

рѣшимости, то корпусу Гюльзена удалось пройти чрезъ городъ, соединиться съ пр. Вюртембергскимъ и ген. ф. Штуттергеймомъ и отступить къ Шпандау.

Чтобы вполнѣ достигъ своей цѣли, Тотлебенъ по видимости дѣйствительно уже у воротъ Берлина прибѣгъ къ излюбленному приему двойной игры. По разсказамъ прусскихъ должностныхъ лицъ, генераль-маіоръ русской службы, чтобы побудить магистратъ сдать городъ, пославъ ночью съ 8-го на 9-ое окт. н. с. трубача въ столицу, сообщалъ черезъ него о приготовленіяхъ Лесси къ атакѣ противъ корпуса Гюльзена на разсвѣтѣ, предсказывалъ, что въ виду численнаго преобладанія австрійцевъ побѣда имъ обезпечена, что городъ, доставшись австрійцамъ въ руки, несомнѣнно будетъ подвергнутъ грабежу, сожженію, а жители — жестокостямъ, совѣтовалъ предупредить такой разгромъ Берлина, отворивъ ворота лучше ему, Тотлебену; тогда онъ согласенъ подписать капитуляцію въ духѣ ихъ желаній и возьметъ городъ съ его жителями подъ свое покровительство¹⁾. По донесенію самого Тотлебена, около часу пополудни непріятельскій трубачъ, принесъ ему еще отказъ берлинскаго коменданта въ отвѣтъ на требованіе сдаться, но, послѣ ночной бомбардировки, въ 3 часа ночи трубачъ снова явился и представилъ Тотлебену капитуляцію. Очевидно, что тѣмъ временемъ прусскія войска успѣли обезпечить себѣ отступление на Шпандау. По капитуляціи, заключенной между ф. Роховымъ и гр. Тотлебенемъ, весь гарнизонъ сдался военноплѣнными, арсеналъ, литейный домъ и магазинъ выданы русскимъ. По капитуляціи съ городомъ, Берлинъ обязуется уплатить 1½ милліона контрибуціи, послѣ чего уже свободенъ отъ всякаго грабежа, зажженія и другихъ притязаній, какъ постой: «россійскихъ войскъ по квартирамъ не ставить». Оговорена была и неприкосновенность королевскаго замка.

Ген.-лейтенанта Рохова, какъ коменданта, Тотлебенъ нашелъ въ Котбусскихъ воротахъ и тотчасъ же распорядился занять гусарами и нѣсколькими эскадронами конно-гренадеровъ всѣ ворота и высоты при Галлишскихъ воротахъ, гдѣ были непріятельскія батареи. Въ 5 часовъ утра 9-го окт. н. с. онъ двинулся съ остальными конно-гренадерами въ городъ, ко дворцу. За нимъ должны были слѣдовать 2.000 гренадеръ. Приказавъ имъ смѣнить всѣ караулы на гауптвахтахъ и приворотахъ, Тотлебенъ назначилъ бригадира Бахмана комендантомъ Берлина.

¹⁾ Изъ донесеній графа Лесси, въ Вѣнскомъ Военномъ Архивѣ. По этимъ рукописнымъ донесеніямъ главнымъ образомъ изображено здѣсь участіе австрійскаго корпуса въ занятіи Берлина.

Гусарь и казаковъ онъ послалъ вслѣдъ за корпусами Гюльзена, Клейста, пр. Вюртембергскаго на Шпандау.

Такъ занятъ былъ Берлинъ на разсвѣтъ 28 сент.—9 окт. 1760 г. втихомолку, безъ всякаго торжества. «Все это совершилось безъ всякаго участія кого-либо изъ корпусовъ Чернышева и Лесси, но въ 7 часовъ я послалъ обоимъ этимъ генераламъ извѣщенія объ этомъ счастливомъ событіи... Чтобы провѣрить мои капитуляціи съ комендантомъ и городомъ, я долженъ былъ снова ѣхать къ Котбусскимъ воротамъ... туда же прибыли генералы Лесси и Чернышевъ съ большою свитою и болѣе часа осыпали меня шумными упреками. Въ заключеніе получилъ я отъ Чернышева писанный карандашемъ приказъ отдать австрійцамъ трое воротъ и 80 тыс. талеровъ изъ назначенныхъ въ подарокъ денегъ. Первое я, поневолѣ, долженъ былъ исполнить, но велѣлъ уплатить австрійцамъ только 50.000 талеровъ». Въ такомъ тонѣ написана вся «продерзостная» реляція гр. Тотлебена, которую онъ напечаталъ по-нѣмецки послѣ очищенія Берлина, безъ вѣдома и разрѣшенія гр. Фермора, для котораго она официально предназначалась и дошла позднѣе¹⁾.

Тѣмъ временемъ шло преслѣдованіе непріятеля, отступавшаго къ Шпандау. Чернышевъ поручилъ это преслѣдованіе ген-пор. П. Панину, а тотъ своему адъютанту капитану Панину съ казаками; ихъ поддерживали всѣ легкія войска гр. Чернышева и гусары, и казаки отъ Тотлебена. Аріергардъ непріятеля состоялъ изъ пѣхотнаго полка Клейста, 1 батальона Вунша, 300 королевскихъ егерей, нѣсколькихъ эскадроновъ конницы. Всѣ участвовавшія въ преслѣдованіи русскія войска догнали и атаковали этотъ аріергардъ и гнались до самаго Шпандау, откуда по нимъ открытъ былъ огонь изъ пушекъ. Взято было въ плѣнъ до тысячи пруссаковъ, въ томъ числѣ баталіонъ маіора Вунша, убито и ранено у непріятеля свыше тысячи человѣкъ. Съ русской стороны потери за все время набѣга на Берлинъ исчислялись не болѣе, какъ въ сто человѣкъ.

Столица Пруссіи оставалась въ рукахъ русскихъ и австрійцевъ всего четыре дня. Еще въ день занятія Берлина гр. Ферморъ получилъ извѣстіе, что Фридрихъ II спѣшитъ на выручку столицы, и послалъ гр. Чернышеву приказаніе немедленно по частямъ отступать къ Франкфурту. Утромъ 1/12 окт. выступили изъ-подъ Берлина Чернышевъ и Лесси, а къ вечеру и Тотле-

¹⁾ Съ именемъ гр. Тотлебена связаны двѣ реляціи—«продерзостная», опубликованная въ окт. 1760 г., и реляція, якобы посланная лично императрицѣ Елисаветѣ и обнародованная за границей въ началѣ 1761 г. Въ этой смиренной реляціи преувеличиваются потери отряда гр. Тотлебена подъ Берлиномъ и опасности, которымъ онъ подвергался.

бенъ. Но за эти четыре дня настоящимъ хозяиномъ Берлина все-таки оставался гр. Тотлебенъ, а не его старшіе начальники. Онъ сдержалъ свое слово: городъ не былъ разграбленъ и разрушенію подверглись только королевскія учрежденія, работавшія на войско и войну. Тотлебенъ и Бахманъ вошли въ близкія сношенія съ вліятельнымъ въ столицѣ купцомъ и банкиромъ Гоцковскимъ, который черезъ нихъ добивался различныхъ облегченій для жителей. Взамѣнъ провіанта натурою магистратъ долженъ былъ внести сумму въ 200 тыс. талеровъ въ видѣ подарка на всѣ корпуса побѣдителей. Изъ контрибуціи городъ обязался уплатить 500 тыс. талеровъ звонкою монетою, а на 1 миллионъ тал. выдать вексель за подписью 25-ти извѣстныхъ купцовъ; въ казначействѣ конфискована наличность въ 62 тыс. тал. Арсеналъ, цейхгаузъ, монетные дворы и всѣ королевскіе заводы, въ частности пушечный—литейный, и магазины-склады были разорены или опустошены; взорваны и пороховыя мельницы, но съ гибелью 13-ти человѣкъ своей команды. Хорошія ружья отдали солдатамъ, а негодное оружіе брошено въ Шпре; такъ же поступали съ кирасами и прочими мундирными и амуническими вещами. Провіантъ и фуражъ изъ всѣхъ магазиновъ розданы какъ въ русское войско, такъ и въ австрійскій корпусъ. Королевскія сокровища были осмотрѣны и немногочисленные ящики и корзины съ золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями и древностями отправлены къ арміи во Франкфуртъ.

Фридрихъ II затребовалъ позднее отъ Курмаркской камеры смѣты на возстановленіе въ прежнемъ видѣ пороховыхъ мельницъ, литейнаго дома въ Берлинѣ и оружейнаго завода въ Потсдамѣ, но въ общемъ имѣлъ свѣдѣнія, что поврежденія незначительны. Король одобрилъ мѣропріятія камеры для выручки всего того запаса обмундировки, который былъ растащенъ непріателемъ во время его пребыванія въ Берлинѣ и навязанъ гражданамъ для покупки. По словамъ Лесси, если склады сукна, мундировъ и солдатской монтировки по большей части опустошены, то лишь потому, что разграбившія ихъ войска перепродавали добычу за безцѣнокъ направо и налево горожанамъ, а все это, значить, спасено для короля. Впрочемъ, большая часть полковыхъ командировъ въ войскахъ Лесси воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы снабдить своихъ солдатъ, или покупая вещи у русскихъ, или овладевая ими хитростью. Только австрійскія легкія войска дѣйствительно разгромили дворецъ короля въ Шарлоттенбургѣ, а казаки дворецъ королевы въ Шёнгаузенѣ. Признавая опустошеніе русскими королевскаго цейхгауза съ солдатской обмундировкой, Лесси замѣчаетъ: «Мы

были только зрителями при этомъ и такъ сказать рабами Тотлебена, который во всемъ разыгрывалъ господина, не стѣсняясь ни съ Чернышевымъ, ни со мною и рассматривая меня съ моими войсками просто, какъ вспомогательный отрядъ». Австрійцы съ своей стороны занялись Потсдамомъ. Эстергази разрушилъ здѣсь королевскіе ружейные заводы; все готовое оружіе и военныя принадлежности забраны и увезены или брошены въ Гавель и Шпре. Королевскій замокъ въ Потсдамѣ ген. гр. Эстергази оставилъ цѣлымъ и неповрежденнымъ, въ чемъ и взялъ удостовѣреніе отъ интенданта построекъ и садовъ короля. Однако, и съ Потсдама гр. Лесси получилъ контрибуцію—18 тыс. талеровъ деньгами, а на 42 тыс. тал. векселей на Гамбургъ. Изъ всѣхъ варварствъ нерегулярныхъ войскъ Фридрихъ II былъ особенно возмущенъ тѣмъ, что при отступленіи австрійцевъ кроаты близъ Треббина разграбили въ церкви гробницу обершталмейстера ф. Шверина и его супруги, выбросили ихъ тѣла, разрубили гробы, а у покойницы отсѣкли палецъ съ золотымъ обручальнымъ кольцомъ.

Къ концу своей «продерзостной» относительно гр. Чернышева и гр. Лесси реляціи опытный актеръ Тотлебенъ прибегъ самый эффектный и самый трогательный жестъ, рассчитанный, очевидно, на чувствительность Елисаветы: «Я оставался въ Берлинѣ все воскресенье $\frac{1}{12}$ окт. съ 2000 гренадеровъ и однимъ полкомъ конно-гренад., приказавъ обезоружить всѣхъ жителей и сжечь ихъ оружіе, а выпущенныя противъ Ея Имп. Вел—а, Ея союзниковъ и ихъ армій зловредныя изданія сжечь черезъ палача, подъ висѣлицею. Газетчики, за дерзкія выходки ихъ во время этой войны, должны были понести заслуженное ими наказаніе шпицрутенами, но такъ какъ весь городъ просилъ о монаршемъ милосердіи къ нимъ, то это наказаніе, именемъ Ея Имп. Вел—а, было отмѣнено, но все же они проведены были до мѣста, гдѣ была назначена экзекуція и гдѣ все уже было приготовлено, и даже съ нихъ были сняты рубашки¹⁾».

Вступленіе непріятельскаго войска въ столицу сильнаго духомъ народа всегда вызываетъ народную войну и надолго поселяетъ въ немъ чувство горечи и мысли о возмездіи. Парижъ былъ занятъ въ 1814 и 1871 г.г. въ отвѣтъ на занятіе Москвы въ 1812 г. и Берлина въ 1806 г. Стратегически занятіе столицы

¹⁾ По переводу XVIII-го вѣка: «Найденныя въ Берлинѣ печатныя письма, которыя въ противность нашему двору, велѣлъ я всѣмъ подъ висѣлицею сжечь, чрезъ тамошняго палача. А въ ономъ городѣ Берлинѣ кои сочиняютъ газеты, за ихъ противное составленіе, по нынѣшней войнѣ, на плацъ-экзекуцію были они выведены и раздѣты были». Арх. кн. Вор., VI.

соперника вполнѣ оправдывается только возможностью сразу положить конецъ войнѣ; таковъ былъ обычно пріемъ Наполеона I. Бываютъ исключительные случаи, по особымъ мотивамъ. Въ 1760 г. австрійцы видѣли, напримѣръ, въ Берлинѣ центръ по выработкѣ и храненію средствъ для дальнѣйшаго веденія войны. Для русскихъ послѣ постепенно возраставшихъ успѣховъ 1757,—58 и—59 г.г. занятіе Берлина могло имѣть и эмоциональное значеніе въ смыслѣ укрѣпленія въ арміи и общественномъ мнѣніи Европы вѣры въ приближеніе торжества союзниковъ надъ Фридрихомъ II. Но то прозаическое, будничное вступленіе въ Берлинъ, которое подготовилъ и осуществилъ Тотлебенъ, лишало это событіе его обаянія.

Совѣтъ заключить капитуляцію не съ австрійцами, а съ русскими далъ Берлинскому магистрату въ ночь съ 8 на 9-ое окт. купецъ Гоцковскій. И вотъ, по его словамъ, Тотлебенъ въ Берлинѣ «проявилъ себя болѣе другомъ, нежели врагомъ. Вѣдь захоти, и чего только не смогъ бы онъ вымучить и выговорить для себя лично». Но Тотлебенъ долженъ былъ считаться съ голосомъ нѣмцевъ въ будущемъ.

Евг. Щепкинъ.

Тадеушъ Косцюшко¹⁾.

Дорогъ поляку образъ Косцюшки, одѣтаго въ сермягу народнаго вождя, ведущаго въ бой за свободу сермяжныхъ, оторванныхъ отъ плуга, героевъ. Дорогъ не столько за осязательные результаты его дѣятельности, сколько какъ символъ польской независимости. Возстаніе, во главѣ котораго сталъ Косцюшко, не удалось; за проигранной имъ при Мацѣвицахъ рѣшительной битвой послѣдовалъ окончательный раздѣлъ Польши, утрата поляками ихъ политическаго бытія, долгая, мучительная неволя. Но гибель государства не повела за собою гибели народа. Народъ призналъ себя покореннымъ, но не покорившимся. Ореоломъ славы и почета окружилъ онъ память того своего вождя, который не извѣрился въ возможность защиты польской независимости, вызвалъ къ жизни лучшія народныя силы и предотвратилъ позорное пассивное принятіе послѣдняго удара.

Съ именемъ Рѣчи Посполитой польской обыкновенно связывается представленіе о какомъ-то неопредѣленномъ союзѣ шляхетскихъ сувереновъ, самовольныхъ и жестокихъ удѣльныхъ монарховъ, порою содержавшихъ собственныя войска и собственныхъ пословъ при иностранныхъ дворахъ, порою простиравшихъ свою власть на нѣсколько бѣдныхъ семействъ, но всегда одинаково гордыхъ, эгоистическихъ, топтавшихъ тѣхъ, кто на общественной лѣстницѣ занималъ болѣе низкія ступени, безразсудно гнавшихся за неуловимымъ призракомъ золотой вольности и утратившихъ въ этой погонѣ всякое сознаніе истинной, разумной свободы.

Но не на защиту этой старой, разваливавшейся, анархической и несправедливой, пьяной и разгульной Польши выступилъ Косцюшко; онъ поднялъ знамя возстанія во имя другой Польши, молодой, разбуженной громомъ перваго раздѣла, дѣятельно при-

¹⁾ Въ основу статьи положенъ трудъ Корзона: «*Kościuszko. Biografia z. dokumentów wysnuta*». Krak.-Warsz. Другія пособія отмѣчаются въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ.

нявшейся за уврачеваніе старыхъ ранъ, за реформу внутренняго строя и улучшеніе положенія низшихъ слоевъ населенія, мѣщанъ и крестьянъ. И не словесное лишь покаяніе въ былыхъ грѣхахъ, не смутный порывъ къ лучшей, свѣтлой жизни защищалъ онъ, а актъ подлиннаго возрожденія и дѣйствительнаго сознанія вѣковыхъ ошибокъ—ту конституцію 3 мая 1791 года, о которой современный польскій поэтъ говоритъ:

О если бѣ, Польша, лишь одну имѣла
Ты хартію отъ памятнаго мая,
То въ образѣ бы ангела бѣлѣла
Предъ міромъ у утраченнаго рая,
У вратъ свободы, затворенныхъ властно,
Правѣй предъ Богомъ, болѣе несчастна.

Возстаніе Косцюшки представляетъ лишь первый этапъ въ жизни новой Польши, начальное звено въ длинной цѣпи попытокъ польскаго народа къ возвращенію утраченной политической независимости. За возстаніемъ наступила эпоха легіоновъ, за легіонами—революціи 1831 и 1863 г.г. Но эти вооруженныя движенія безмѣрно дорого обходились полякамъ. Послѣ неудачи 63 года они какъ будто отказались отъ мысли о восстановленіи своего государства и выставили новый лозунгъ, лозунгъ охраненія своей народности путемъ культурнаго развитія и мирнаго повседневнаго труда. Однако признавши, что «безумство храбрыхъ» не есть «мудрость жизни», они не могутъ не преклоняться передъ нравственной красотой этихъ «безумцевъ», передъ ихъ любовью къ свободѣ, патріотизмомъ и склонностью къ самопожертвованію. И они ставятъ вопросъ: возможенъ ли былъ бы ихъ теперешній мирный трудъ, ихъ участіе въ общеевропейской культурной жизни и даже самое сохраненіе ихъ народа безъ этихъ возстаній, безъ протестовъ и попытокъ сопротивленія? Культъ Косцюшки служитъ лучшимъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ.

I.

Родители Косцюшки. Школа пярвовъ.

Андрей-Тадеушъ-Бонавентура Косцюшко родился 4 февр. 1746 года въ имѣніи Меречовщица Новогрудскаго воеводства, близъ теперешней станціи Александровской жел. дороги Коссово ¹⁾. Онъ принадлежалъ къ небогатой шляхетской, нѣкогда бѣлорусской, но издавна ополячившейся семьѣ. Его отецъ

¹⁾ *Korzon*. Kościuszk. Dopełnienia. I—II. Но съ полною точностью ни дата, ни мѣсто рожденія Косцюшки не установлены донынѣ.

Людвикъ носилъ титулъ брестскаго мечника и занималъ въ литовскомъ войскѣ должность ротмистра. Принужденный продать въ родовомъ имѣніи Сехновичахъ (близъ станціи Жабинка Алекс. жел. дор.) свою незначительную, обремененную долгами долю, Людвикъ Косцюшко въ теченіе всей своей жизни былъ болѣе занятъ устройствомъ своего хозяйства на новомъ мѣстѣ, заботами о приумноженіи достатка и поддержаніи увеличивавшейся семьи, чѣмъ военной службой, которая при бездѣятельномъ королѣ Августѣ III сводилась къ простымъ парадамъ. Онъ умеръ въ 1758 г., оставивъ молодую вдову Теклю, рожденную Ратомскую, и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Существуетъ разсказъ, усердно повторяемый въ русской исторической литературѣ—Костомаровымъ въ «Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой», В. М.—нымъ въ статьѣ «Косцюшко» въ 31-омъ полутомѣ Энцикл. Словаря Брокгауза и Ефрона и другими,—будто Людвикъ Косцюшко былъ убитъ собственными крестьянами, выведенными изъ терпѣнія жестокимъ съ ними обращеніемъ. Костомаровъ связываетъ это событіе съ коливщиной, съ гайдамацкими бунтами Желѣзняка и Гонты, утверждаетъ, будто молодой Тадеушъ присутствовалъ при казняхъ, которымъ предавали крестьянъ, виновныхъ въ убійствѣ ихъ пана, и впечатлѣніемъ, которое произвело это зрѣлище, объясняетъ послѣдующее благожелательное отношеніе Косцюшки къ крестьянской массѣ. Тогда именно, по словамъ Костомарова, Косцюшко постигъ тайну, что «Польша была въ упадкѣ преимущественно отъ того, что громада народа ей подвластнаго, живя въ государствѣ, которое называлось республикой, не имѣла ни гражданскихъ, ни чловѣческихъ правъ; и прежде, чѣмъ народу не отданы будутъ эти права, напрасны будутъ всякія усилія къ возрожденію націи». Но извѣстный польскій историкъ Тадеушъ Корзонъ, авторъ документальной, основанной на первоисточникахъ, біографіи Косцюшки, не нашелъ никакого подтвержденія самому факту убійства ни въ письмахъ, ни въ семейныхъ записяхъ, ни въ официальныхъ актахъ, изслѣдованныхъ имъ; онъ не располагаетъ никакими данными, свидѣтельствующими о жестокости Людвика Косцюшки; напротивъ, онъ приводитъ показанія въ пользу заботливаго отношенія отца Косцюшки къ крестьянамъ. Корзонъ справедливо утверждаетъ, что нельзя доискаться связи между смертью Людвика Косцюшки и гайдамацкими бунтами, такъ какъ событія эти отдѣлены десятилѣтнимъ промежуткомъ времени; невозможно также, по его мнѣнію, говорить о присутствіи при казняхъ молодого Тадеуша, который находился въ то время вдали отъ родины. Отъ разсказа Костомарова слѣдуетъ поэтому

отказаться, и не въ мнимомъ убійствѣ отца, но въ нравственныхъ качествахъ самого Косцюшки искать источникъ его благороднаго стремленія облегчить тяжелую крестьянскую долю.

На 10-мъ году жизни Косцюшко былъ отданъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ своимъ Іосифомъ въ школу отцовъ пьярровъ ¹⁾ въ мѣстечкѣ Любешовѣ или Новомъ Дольскѣ, расположенномъ на почтовомъ трактѣ изъ Пинска въ Ровно и Луцкъ. Это была одна изъ лучшихъ духовныхъ школъ того времени, рѣзко отличавшаяся отъ іезуитскихъ конвиктовъ, которые стремились сдѣлать изъ своихъ воспитанниковъ лишь ярыхъ сторонниковъ католицизма. Ее успѣли уже коснуться живительныя вѣянія реформъ Симона Конарскаго, знаменитаго педагога, проводившаго смѣлую по тому времени мысль, что учителя не должны заслуживать названія мясниковъ и палачей; хранившаяся въ ней среди другихъ учебно-воспитательныхъ пособій скамейка для тѣлесныхъ наказаній воспитанниковъ являлась, надо думать, простымъ пережиткомъ, обломкомъ отходящей въ область преданія старины. Въ коллегіи помимо обычныхъ предметовъ преподаванія того времени (грамматики, поэтики, синтаксиса и риторики) изучались: всеобщая и польская исторія, математика, физика, химія, естественныя науки и новые языки; весною, въ маѣ, происходили, подъ руководствомъ преподавателей, практическія занятія по межеванію окрестностей и съемкѣ плановъ, давшія зачаточныя свѣдѣнія Косцюшкѣ, будущему инженеру и стратегу. У пьярровъ Косцюшко пробылъ пять лѣтъ, съ 1755 по 1760 г.; онъ просидѣлъ два года въ приготовительномъ классѣ, т. наз. инфимѣ, прошелъ грамматику, синтаксисъ и поэтику и на этомъ пока закончилъ свой курсъ. Уже здѣсь, при чтеніи Корнелія Непота и Плутарха, онъ особенно увлекался коринѣскимъ полководцемъ IV вѣка до Рождества Христова Тимолеономъ, который убилъ собственнаго брата Тимофана, стремившагося къ захвату власти въ Коринѣ, возвратилъ независимость коринѣской колоніи Сиракузамъ, побѣдивши мѣстныхъ тирановъ Діонисія Младшаго и Гикета Леонтинскаго, воздвигъ на мѣстѣ разрушенныхъ замковъ этихъ тирановъ зданіе для законодательныхъ собраній, призвалъ въ Сиракузы коринѣскихъ переселенцевъ и надѣлилъ ихъ землею и мудрыми законами. До глубокой старости Косцюшко хранилъ въ душѣ обликъ этого древнегреческаго борца, освободителя и благодѣтеля своего

¹⁾ Пьяры (піаристы)—отцы благочестивыхъ школъ, члены католическаго монашескаго ордена, принимавшаго сверхъ трехъ обыкновенныхъ обѣтовъ (убожества, чистоты и послушанія) еще четвертый—безплатнаго обученія молодежи.

народа; по его собственнымъ словамъ, онъ особенно цѣнилъ въ Тимолеонѣ то, что тотъ «могъ возвратить народу отвоеванную свободу, ничего не взявши отъ нея въ свою пользу»¹⁾; въ этомъ онъ видѣлъ наибольшее счастье челоуѣка.

II.

Кадетскій корпусъ.—Поездка съ образовательною цѣлью во Францію.—Романъ съ Сосновской.

Слѣдующій пятилѣтній періодъ жизни Косцюшки, отъ ухода его изъ Любешовской коллегии и до поступленія въ Варшавскій кадетскій корпусъ, не изслѣдованъ донинѣ ни однимъ біографомъ. Въ кадетскій корпусъ, иначе рыцарскую школу, Косцюшко поступилъ въ декабрѣ 1765 г. Корпусъ этотъ, лишь за два мѣсяца передъ тѣмъ открытъ королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ, представлялъ первое въ Польшѣ свѣтское передовое и патріотическое учебное заведеніе. Въ первоначальномъ своемъ видѣ онъ являлся высшей военной школой съ годичнымъ курсомъ, въ которомъ практическому воспитанію отдавалось преимущество передъ теоретическимъ образованіемъ. Онъ предназначался для избранной шляхетской помѣщичьей молодежи въ возрастѣ 16—18 лѣтъ, которая до того времени завершала свое образованіе на магнатскихъ дворахъ, содѣйствовавшихъ, конечно, приобрѣтенію нѣкотораго внѣшняго лоска, но приучавшихъ къ многочисленнымъ порокамъ: къ праздности, распутству и пьянству. Корпусъ, состоявшій подъ покровительствомъ самого короля и руководимый просвѣщеннымъ комендантомъ, генераломъ подольскихъ земель кн. Адамомъ Чарторыскимъ, стремился внушить своимъ питомцамъ любовь къ клонящемуся къ упадку отечеству, указывалъ имъ на высокія гражданскія задачи, выпавшія на ихъ долю, задачи возрожденія Польши и предотвращенія грозящей ей политической гибели. Въ теченіе перваго года обученія кадеты находились на испытаніи; затѣмъ, по окончаніи экзаменовъ, совѣтъ корпуса опредѣлялъ, кто изъ испытуемыхъ достоинъ надѣть кадетскій мундиръ. Обрядъ принятія кандидата обставлялся большою торжественностью. По окончаніи молебствія священникъ излагалъ новичку его обязанности въ отношеніи отечества, а новый кадетъ въ присутствіи всего корпуса давалъ присягу пользоваться полученнымъ имъ оружіемъ лишь для защиты родины и своей чести. Одна изъ употреблявшихся

¹⁾ *Paszkowski*. Dzieje Tadeusza Kościuszki, стр. 6: «я отъ него самъ это слышалъ».

въ корпусѣ учебныхъ книгъ снабжена была предисловіемъ, составленнымъ, вѣроятно, самимъ княземъ комендантомъ и заключавшимъ характерное признаніе недостатковъ современнаго правительственнаго строя Польши: «находя отечество свое въ этомъ печальномъ положеніи,—говорилъ авторъ предисловія, обращаясь къ кадетамъ,—вы должны заселить его гражданами, пекущимися объ его славу, объ укрѣпленіи его внутренней мощи и уваженія къ нему извнѣ и объ исправленіи его образа правленія, наихудшаго по существу своему». Тотъ же Чарторыйскій составилъ кадетскій катихизисъ, въ которомъ не только внушалъ любовь къ Богу, преданность родинѣ и уваженіе къ старшимъ, но и предостерегалъ противъ умаленія собственнаго достоинства, противъ чрезмѣрнаго, столь распространеннаго въ Польшѣ, сервилизма, а на вопросъ: «можетъ ли быть кадетъ робкимъ или трусомъ?» давалъ отвѣтъ: «на это не умѣю отвѣтить, такъ какъ мнѣ незнакомы ни слова эти, ни понятія, которыя ими опредѣляются».

До насъ дошло нѣсколько разсказовъ изъ жизни Косцюшки въ корпусѣ. Такъ, Войцехъ Конарскій, товарищъ Косцюшки, рассказываетъ, что послѣдній, желая «побѣдить самого себя», старался вставать въ 3 часа утра; онъ привязывалъ къ лѣвой рукѣ веревку и просилъ сторожа, который проходилъ раннимъ утромъ по коридору топить печи, потянуть за нее; по вечерамъ онъ держалъ въ холодной водѣ ноги, чтобы отогнать сонъ. Генералъ Пашковскій, авторъ старой біографіи Косцюшки, передаетъ, что товарищи прозвали Косцюшко «шведомъ», находя въ немъ упрямство, хитрость и стремительность Карла XII. Тотъ же Пашковскій приводитъ слѣдующій эпизодъ изъ корпусной жизни будущаго польскаго диктатора: какъ-то на танцевальномъ вечерѣ подляшскій воевода Гоздзкій оскорбилъ одного изъ кадетовъ; товарищи, съ Косцюшкой во главѣ, вступились за обиженнаго и, не найдя поддержки у непосредственнаго начальства, порѣшили публично унижить обидчика; но король, который принималъ близко къ сердцу дѣла корпуса, охотно носилъ кадетскій мундиръ, присутствовалъ на экзаменахъ и раздавалъ награды, узнавши объ этомъ юношескомъ заговорѣ, призвалъ Косцюшко къ себѣ для объясненій; тотъ почтительно, но твердо и настойчиво выступилъ на защиту товарищей, успѣлъ доказать ихъ правоту и добился извиненія воеводы передъ кадетами. Къ сожалѣнію, помимо этихъ несложныхъ и неособенно достовѣрныхъ разсказовъ, у насъ почти нѣтъ данныхъ для сужденія о томъ, какой запасъ знаній вынесъ Косцюшко изъ корпуса. Правда, біографъ Косцюшки, Корзонъ, съ большимъ піэтизмомъ и рѣдкою добросовѣстностью собравшій всѣ доступные ему матеріалы для жизни

и дѣятельности своего героя, приводитъ подробное расписаніе лекцій въ корпусѣ; однако, какъ теперь дознано, расписание это относится къ болѣе позднему времени, къ эпохѣ четырехлѣтняго сейма 1788—92 г.г., когда корпусъ утратилъ свой исключительный характеръ военной и «рыцарской» школы и (съ 1770 г.) получилъ уставъ общеобразовательнаго учебнаго заведенія съ 7-милѣтнимъ курсомъ, доступнаго для шляхетскихъ дѣтей, начиная съ 8-милѣтнаго возраста. Молодой польскій историкъ Владимиръ Дзвонковскій, изучившій въ послѣднее время въ Парижѣ, Краковѣ, Москвѣ и др. городахъ документы, относящіеся къ раннимъ годамъ жизни Косцюшки, полагаетъ, что Косцюшко, обучавшійся въ корпусѣ въ первый годъ его существованія, въ періодъ его формированія, могъ усвоить себѣ лишь несущественныя теоретическія знанія, такъ какъ центръ тяжести обученія лежалъ въ то время во фронтѣ, въ практической подготовкѣ офицерскихъ кадровъ для регулярной арміи. «Во всякомъ случаѣ,—пишетъ Дзвонковскій,—онъ слушалъ геометрію и физику, военную архитектуру и тактику, усваивалъ себѣ новые языки. Онъ принадлежалъ къ способнѣйшимъ ученикамъ школы. Трембицкій рассказываетъ ¹⁾, что среди остальной молодежи онъ отличался «своимъ прилежаніемъ, учтивостью и навыкомъ къ прекрасному письму и рисунку, талантами, нынѣ заурядными, но въ тогдашней Польшѣ совершенно неизвѣстными». Другіе историки подтверждаютъ, что онъ выдѣлялся способностями и любовью къ рисованію и математикѣ» ²⁾.

20 дек. 1766 г., послѣ годового обученія, Косцюшко былъ произведенъ въ офицеры съ чиномъ хорунжаго и оставленъ при корпусѣ въ качествѣ суббригадира, т.-е. помощника военного инструктора съ жалованіемъ въ 72 золотыхъ польскихъ ³⁾ въ мѣсяцъ, возросшимъ позднѣе, послѣ производства Косцюшки въ 1768 г. въ капитаны и назначенія вицебригадиромъ, до 200 золотыхъ. Во время этой преподавательской службы въ корпусѣ, Косцюшко бывалъ при дворѣ короля, который, согласно разсказамъ, полюбилъ юнаго офицера и часто призывалъ къ себѣ въ лекторы. Король, цѣнитель и знатокъ искусства, меценатъ и покровитель молодыхъ талантовъ, замѣтивши, вѣроятно, въ Косцюшкѣ рѣдкія способности къ рисованію, предложилъ ему средства для дальнѣйшаго образованія за границей; возможно,

¹⁾ Trembicki Antoni. O rewolucyi r. 1794 czyli Powstanie Kościuszkowskie. Рукопись одной изъ частныхъ библиотекъ, извѣстная г. Дзвонковскому.

²⁾ Dzwonkowski W.-A. Młode lata Kościuszki. (В-ка Warsz. Paźdz. 1911).

³⁾ Злотый—старинная польская монета, равная 30 грошамъ; теперь такъ называютъ въ Польшѣ нашъ пятиалтынный.

что въ данномъ случаѣ сыграли извѣстную роль и благородныя черты характера Косцюшки, обнаруженныя имъ еще въ инцидентѣ съ Гоздзкимъ. Заручившись, помимо субсидіи короля, поддержкой князя Чарторыскаго и занявши у брата Юсифа 7000 злотыхъ польскихъ въ счетъ будущаго наслѣдства послѣ родителей, Косцюшко въ половинѣ 1769 г. отправился во Францію.

Въ ноябрѣ 1769 г. онъ поступилъ въ парижскую академію художествъ (l'Académie Royale de peinture et de sculpture), руководимую въ то время Альбертомъ-Франсуа Пуассономъ, маркиграфомъ де Марини и знаменитымъ граверомъ Шарлемъ-Николѣ Кошеномъ (Cochin) младшимъ. Онъ искалъ здѣсь удовольствованія своимъ художественнымъ запросамъ, но разочаровавшись, вѣроятно, въ собственномъ талантѣ, покинулъ академію и сталъ изучать военныя науки и «экономику». Несомнѣнно, онъ не поступилъ для довершенія военнаго образованія на французскую военную службу, какъ это дѣлали другіе поляки до и послѣ него; условія этой службы при Людовикѣ XV его мало прельщали. Едва ли также онъ окончилъ курсъ какой-нибудь французской военной школы ¹⁾. Скорѣе можно думать, что онъ лишь частнымъ образомъ посѣщалъ публичныя лекціи извѣстныхъ парижскихъ ученыхъ и самостоятельно изучалъ математику, механику, строительство дорогъ и мостовъ и фортификацію; тогда же онъ ознакомился съ трудами французскихъ фізіократовъ и усвоилъ себѣ, вѣроятно, нѣкоторыя стороны ихъ ученія, особенно требованіе «единого», падающаго на собственность, а не на лицо, налога и протестъ противъ системы привилегій, противъ обремененія податнымъ грузомъ исключительно бѣднаго населенія. Кромѣ Франціи, Косцюшко во время своего перваго пятилѣтняго пребыванія за границей, побывалъ и въ другихъ странахъ, вѣроятно, въ Германіи, Швейцаріи и Италіи.

Въ срединѣ 1774 г. онъ возвратился въ значительно уменьшенную вслѣдствіе перваго раздѣла Польшу. Онъ сохранилъ титулъ капитана, но не могъ примѣнить на практикѣ пріобрѣтенныхъ за границей знаній, не могъ получить въ польскомъ войскѣ какого-нибудь мѣста, такъ какъ каждый постъ оплачивался въ то время

¹⁾ Корзонъ предполагаетъ, что Косцюшко обучался въ парижской Ecole Militaire или въ школѣ военныхъ инженеровъ въ Mézières. Но ни въ Archives Nationales, хранящемъ бумаги Ecole Militaire, ни въ парижскомъ архивѣ военнаго министерства, въ которомъ находятся документы школы въ Mézières, Дзвонковскій не нашелъ никакого подтвержденія гипотезѣ Корзона; онъ отвергаетъ эту гипотезу и утверждаетъ, что Косцюшко «пріобрѣталъ знанія отрывочно, съ трудомъ и препятствіями, наблюдая и изучая то, на что натолкнулъ его случай и собственная интуиція...; о какой-нибудь систематичности не могло быть и рѣчи» (Młode lata Kościuszki).

суммой, равной четырехлѣтнему жалованью; за уступку должности, соответствующей чину капитана, Косцюшкѣ пришлось бы заплатить офицеру, оставляющему службу, около 18000 зл. польск. Но у него не было этихъ денегъ и неоткуда было ихъ взять; его старшій братъ Іосифъ, человѣкъ легкомысленный и расточительный, такъ плохо управлялъ родовымъ неподѣленнымъ имѣніемъ Сехновичами и надѣлалъ столько долговъ, что Тадеушъ вынужденъ былъ искать судебнымъ порядкомъ свою долю и просить своего дядю Яна-Непомучена Косцюшко о временномъ для себя пристанищѣ въ Славинкѣ подъ Люблиномъ. Вѣроятно, тогда именно онъ былъ приглашенъ въ учителя рисованія, математики и исторіи къ дочерямъ богатаго польскаго сановника Іосифа Сосновскаго, смоленскаго воеводы и литовскаго польнаго гетмана, давно знакомаго съ проживавшей по сосѣдству семьей Косцюшко. Занятія 29-лѣтняго капитана съ красивою дочерью воеводы Людвикой привели къ взаимной любви, но старикъ Сосновскій, человѣкъ корыстолюбивый и неразборчивый въ средствахъ, занявшій высокій постъ на польской службѣ благодаря русской протекціи, рѣшительно отказалъ въ согласіи на бракъ своей дочери съ бѣднымъ, не получавшимъ казеннаго жалованья офицеромъ. Существуетъ неподтвержденный рассказъ, будто Сосновскій въ отвѣтъ на просьбу Косцюшки отвѣтилъ, что «горлицы не для воробьевъ, а дочери магнатовъ не для мелкихъ шляхтичей». По другой версіи (Трембицкій) Косцюшко обратился къ королю Станиславу-Августу, личному другу Сосновскаго, съ откровеннымъ признаніемъ въ своей любви и съ просьбой о заступничествѣ; онъ не скрылъ будто бы даже своего намѣренія похитить любимую дѣвушку въ случаѣ упорства ея отца; но на этотъ разъ вмѣсто ожидаемой поддержки онъ встрѣтилъ суровое внушеніе и совѣтъ покинуть Польшу. Онъ такъ и сдѣлалъ, а Сосновская, по настоянію отца, отдала руку сыну Кіевскаго воеводы Іосифу Любомирскому, владѣвшему богатымъ староствомъ на Украинѣ.

III.

Американскій періодъ жизни Косцюшки ¹⁾.

На одолженные у родственниковъ деньги Косцюшко отправился во Францію, а оттуда въ Америку и, высадившись

¹⁾ Американскій періодъ жизни Косцюшки изслѣдованъ В. М. Козловскимъ въ статьяхъ: «Pierwszy rok służby amerykańskiej Kościuszki» (Przegl. Histor., 1907, maj czerwiec), «Kościuszko w West-Point» (Ibid., 1910, styczeń-czerwiec), «Ostatnie lata służby amerykańskiej Kościuszki» (Ibid., 1911, lipiec-grudzień).

въ августѣ 1776 г. въ Филадельфіи, подалъ въ союзный конгрессъ Сѣв. Америки прошеніе о зачисленіи его въ ряды колоніальной арміи. Не матеріальнаго характера мотивы играли здѣсь роль. Разоренный польскій шляхтичъ нашель бы хорошо оплачиваемую должность на службѣ богатой Англіи, охотно нанимавшей иностранцевъ. Но Косцюшко, не колеблясь, предложилъ свои услуги американцамъ. Геройская борьба за независимость горсти колонистовъ противъ могущественной Англіи не могла не привлечь къ себѣ симпатіи поляка, лелѣявшаго въ душѣ планъ борьбы съ угнетателями своей родины. Колоніи рѣшились бросить перчатку своей метрополіи. Почему же болѣе многочисленные поляки не дѣлають вызова Россіи и Пруссіи, подѣлившимъ между собою часть польскихъ земель и угрожающимъ остальнымъ землямъ? Способнѣ ли американцы къ сопротивленію? Какъ, какими средствами они будутъ сопротивляться? Вотъ вопросы, которые занимали Косцюшко при вступленіи его въ ряды борцовъ за независимость Америки.

Въ октябрѣ 1776 г. Косцюшко получилъ въ колоніальной арміи чинъ инженера-полковника. Всю зиму этого и начало слѣдующаго года онъ провелъ, вѣроятно, въ Филадельфіи, занятый укрѣпленіемъ ея окрестностей; затѣмъ, будучи прикомандированъ весной 1777 г. къ начальствовавшему надъ сѣверной колоніальной арміей ген. Гэтсу, защищаль противъ англичанъ фортъ Тайкондирогу, важный стратегическій постъ, являвшійся, по признанію самого Вашингтона, «ключомъ ко всѣмъ колоніямъ Новой Англіи» и взятый англійскимъ генераломъ Бургойномъ въ значительной степени вслѣдствіе того, что смѣнившій Гэтса ген. Скайлеръ (Schuyler) помѣшалъ Косцюшкѣ осуществить его планы, признавши ихъ слишкомъ смѣлыми, такими, на которые не отважился «ни одинъ инженеръ, ни французскій, ни англійскій, ни американскій». Когда получившій вновь команду ген. Гэтсъ двинулся, желая поднять духъ арміи, на сѣверъ противъ Бургойна, Косцюшко по его порученію избралъ позицію для сраженія при деревнѣ Саратогѣ, къ западу отъ Гудсона, въ штатѣ Нью-Йоркѣ, и такъ сильно ее укрѣпилъ, что она оказалась совершенно недоступной для англійской арміи и союзныхъ съ нею войскъ. 17 окт. 1777 г. Бургойнъ принужденъ былъ со всѣмъ своимъ корпусомъ сложить оружіе передъ американцами. Въ дѣлѣ этомъ, сразу поднявшемъ кредитъ американскаго оружія и побудившемъ Францію къ заключенію открытаго союза съ возставшими колоніями, роль Косцюшки была громаднa; Гэтсъ приписывалъ рѣшающее значеніе именно «холмамъ и лѣсамъ, которые молодой польскій инженеръ удачно избралъ для лагеря». Заслуги Косцюшки

отмѣтилъ и Вашингтонъ; въ письмѣ къ предсѣдателю конгресса отъ 10 ноября 1777 г. онъ назвалъ Косцюшко «человѣкомъ науки и высокихъ качествъ» и «очень достойнымъ имѣть его въ виду».

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ съ половиною лѣтъ Косцюшко былъ занятъ въ качествѣ главнаго инженера защитой сѣвернаго театра военныхъ дѣйствій отъ новаго нападенія англичанъ. Онъ укрѣпилъ рѣку Гудсонъ фортификаціями и построилъ на скалѣ Вестъ-Пойнтъ сильную крѣпость, которая, по словамъ американскаго генерала Армстронга, исключила для непріятеля всякую возможность овладѣть прилегающими къ ней мѣстностями. Нынѣ укрѣпленія эти не существуютъ, но въ Вестъ-Пойнтъ сохраняется садъ Косцюшки и памятникъ, воздвигнутый ему въ 1830 г. воспитанниками мѣстной военной академіи.

Въ 1780 г. Косцюшко былъ назначенъ на должность главнаго инженера южной арміи подъ начальствомъ генерала Грина. И здѣсь онъ оказалъ американцамъ рядъ цѣнныхъ услугъ сначала какъ инженеръ, затѣмъ какъ отважный партизанъ и отличался, по отзыву Грина, «безпримѣрною скромностью и неумѣніемъ сознавать, что онъ совершилъ нѣчто необычайное; онъ никогда не предъявлялъ личныхъ желаній или претензій и никогда не преминулъ отличить другихъ или обратить вниманіе на чужія заслуги». Взятіе Вашингтономъ Юрктоуна, въ Виргиніи, сыграло рѣшающую роль въ военныхъ дѣйствіяхъ американцевъ съ англичанами. 22 февр. 1782 г. англійскій парламентъ приступилъ къ переговорамъ, а 13 окт. 1783 г. конгрессъ произвелъ Косцюшко въ бригадные генералы и выдѣлилъ соотвѣтствующее этому чину количество земли въ Америкѣ; кромѣ того, въ силу постановленія конгресса объ уплатѣ при отставкѣ каждому участвовавшему въ войнѣ офицеру пятилѣтняго жалованья, Косцюшко получилъ 12280 долларовъ; хотя за недостаткомъ въ казначействѣ денегъ сумма эта не была немедленно выплачена, но ему дано было свидѣтельство на право взиманія съ нея 6%; наконецъ въ особомъ аттестатѣ конгрессъ засвидѣтельствовалъ Косцюшкѣ свою признательность за его «продолжительныя, вѣрныя и цѣнныя заслуги». Ему оказано было вниманіе и со стороны товарищей, принявшихъ его въ члены «общества Цинцинатовъ», основаннаго въ 1783 г. генераломъ Кноксомъ и ставившаго своею цѣлью защиту правъ и свободы рода человѣческаго, укрѣпленіе единенія между союзными государствами и товарищескую помощь сочленамъ и ихъ семьямъ. Эта принадлежность Косцюшки къ обществу, преслѣдовавшему, до извѣстной степени, цѣли космополитическаго братства, предоставляла ему какъ бы права всемірнаго гражданства.

Восьмилѣтнее пребываніе въ Америкѣ дало Косцюшкѣ мате-

ріальное обезпеченіе, боевой опытъ и широкія свѣдѣнія; оно расширило его умственный кругозоръ и содѣйствовало окончательной выработкѣ его міросозерцанія. Въ свободной странѣ, признававшей лишь выборную, отвѣтственную передъ избирателями, власть, укрѣпились республиканскія убѣжденія Косцюшки, рѣзко отличныя, впрочемъ, отъ «республиканизма» старой польской шляхты. Здѣсь зародилась въ немъ вѣра въ неизсякаемыя силы народа, борющагося за свое правое дѣло, за свободу и независимость. Отсюда же, изъ этой первой, дѣйствительно, демократической республики, онъ вынесъ возвышенныя аксіомы о свободѣ совѣсти, о религіозной терпимости, о созданіи всѣхъ людей равными и дарованіи имъ Творцомъ «нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ правъ, въ томъ числѣ жизни, свободы и стремленія къ счастью». Онъ вернулся въ Польшу зрѣлымъ мужемъ, убѣжденнымъ поклонникомъ народнаго верховенства и «правъ человѣка», страстнымъ народолюбомъ, проникнутымъ сочувствіемъ къ обездоленнымъ массамъ и особенно къ роднымъ польскимъ хлопамъ, о которыхъ съ сердечною болью онъ вспоминалъ въ далекой Америкѣ, наблюдая жизнь невольниковъ-негровъ, томившихся на плантаціяхъ.

Въ концѣ 1784 г. Косцюшко былъ уже на родинѣ.

IV.

Жизнь въ Сехновичахъ.—Служба въ коронномъ войскѣ.—Конституція 3 мая 1791 г.—Отношеніе къ ней Косцюшки.—Участіе Косцюшки въ войнѣ съ Россіей 1792 г.

Сестра Косцюшки Анна Этко и мужъ ея Петръ, которымъ передъ отъѣздомъ въ Америку Косцюшко выдалъ довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ, успѣшно очистили Сехновичи отъ обременявшихъ ихъ долговъ, предоставивши такимъ образомъ Косцюшкѣ послѣ возвращенія его въ Польшу возможность отдохнуть въ собственномъ родовомъ имѣніи. «Генераль американскихъ войскъ» оказался ревностнымъ хозяиномъ и заботливымъ о своихъ крестьянахъ помѣщикомъ; онъ выписывалъ изъ за границы англійскія сѣмена травы, отдавая имъ предпочтеніе передъ литовскими, рано сѣялъ овесъ и ячмень, выдѣлывалъ голландскій сыръ и т. п. Онъ значительно сократилъ у себя барщину, позволяя требовать съ мужика не болѣе двухъ рабочихъ дней въ недѣлю, совершенно освободилъ женщинъ отъ повинностей въ пользу двора, и, какъ кажется, отпустилъ на волю два семейства; онъ желалъ освободить и остальныхъ своихъ крестьянъ, писалъ, что слово «крѣ-

постной» «должно быть проклято» въ средѣ просвѣщенныхъ народовъ, но находилъ препятствіе для этихъ своихъ стремленій въ правительственномъ строѣ страны.

Не выступая на политическую арену и не участвуя даже въ своихъ брестскихъ сеймикахъ, онъ внимательно слѣдилъ изъ своего деревенскаго уединенія за развивавшимся въ Польшѣ реформаторскимъ движеніемъ и читалъ многочисленные политическіе трактаты, брошюры и памфлеты, то порицавшіе застарѣлые предрассудки анархическихъ бюстителей шляхетскаго безнарядія, то настойчиво призывавшіе къ коренному измѣненію правительственного и общественнаго строя, къ усиленію власти и поднятію низшихъ слоевъ населенія, мѣщанъ и крестьянъ; онъ прислушивался къ голосамъ польскихъ патріотовъ, требовавшихъ увеличенія польской арміи и указывавшихъ, что «для нѣсколькихъ милліоновъ людей, живущихъ на плодороднѣйшей землѣ, одаренныхъ отъ природы особыми качествами», позорно «ждать неволи безъ средствъ спасенія, безъ заботы о себѣ, совершенно равнодушно»; что постыдно для поляковъ занять мѣсто «народа, который погибъ безъ попытки спасти себя» (Сташиць); онъ и самъ написалъ въ 1789 г. трактатъ, въ которомъ разбиралъ вопросъ объ отрицательныхъ сторонахъ милитаризма и о превосходствѣ всесословной милиціи надъ регулярной арміей, состоящей обыкновенно изъ крестьянъ, не обезпеченныхъ никакимъ закономъ, который гарантировалъ бы ихъ личную и имущественную неприкосновенность, не заинтересованныхъ въ общественномъ благѣ и слѣпо повинующихся своему начальству, которое можетъ воспользоваться находящейся въ его распоряженіи силой согласно своему образу мыслей.

Въ октябрѣ 1789 г. Косцюшко благодаря стараніямъ своихъ друзей, въ томъ числѣ кн. Людвики Любомирской, рожд. Сосновской, былъ назначенъ генераль-маіоромъ короннаго войска. Когда въ Берлинѣ созрѣлъ планъ войны съ Австріей изъ за Галиціи, Косцюшко былъ отправленъ съ малопольской дивизіей къ австрійскимъ границамъ; затѣмъ, когда планъ этой разсѣялся, и малопольская дивизія была отозвана въ Подолію для обезпеченія польскихъ границъ, Косцюшко двинулся съ нею и расположился лагеремъ въ мѣстечкѣ Чарторыскихъ Мендзибожѣ. Здѣсь онъ простоялъ до конца іюля 1791 г.; здѣсь же онъ познакомился съ дочерью жидачевскаго хорунжаго и владѣльца имѣній въ Подоліи и Галиціи 18-тилѣтней Теклей Журавской. 45-тилѣтній Косцюшко горячо полюбилъ юную дѣвушку и нашелъ въ ея сердцѣ откликъ на свое нѣсколько запоздалое чувство; но и на этотъ разъ онъ натолкнулся на упрямаго отца, признавашаго, вѣроятно, пожилого,

небогатаго генерала неподходящимъ для своей дочери; сюда примѣшались сплетни о прежнихъ попыткахъ Косцюшки увести Сосновскую, и въ результатъ мягкосердечный генераль, долго мечтавшій о семейномъ теплѣ и уютѣ, остался на всю жизнь холостымъ. «Противъ моего горя—писалъ онъ въ прощальномъ письмѣ Журавской—у меня есть дѣйствительнѣйшее средство. Средство это—служеніе родинѣ».

Родина Косцюшки дѣйствительно нуждалась въ преданныхъ ей людяхъ. Такъ наз. великій сеймъ, непрерывно засѣдавшій уже третій годъ, провелъ 3 мая 1791 г. путемъ государственнаго переворота, не прибѣгая къ установленнымъ закономъ преніямъ и не испрашивая разрѣшенія у русскаго правительства, которое гарантировало ненарушимость польскаго государственнаго строя, знаменитую конституцію, создававшую дѣйствительныя основанія для будущей сильной Польши и ниспровергавшую вѣковые палладіумы польской вольности. Конституція 3 мая отмѣняла требованіе единомыслія сеймовыхъ депутатовъ при проведеніи законопроектовъ (такъ наз. право *liberum veto*), конфедерации ¹⁾, избирательность престола и пресловутый артикулъ «*de non praestanda obedientia*» ²⁾; осуждая эгоистическія, узко сословныя стремленія шляхты, она указывала ей на необходимость заботы о меньшей братіи, сближала ее съ мѣщанами, надѣляла послѣднихъ самоуправленіемъ и освобождала ихъ отъ шляхетской подсудности; примиряя исконное стремленіе поляковъ къ свободѣ со стремленіемъ къ государственному порядку, конституція устанавливала такъ наз. стражу, т.-е. правительственный совѣтъ, которому вмѣстѣ съ королемъ поручала исполнительную власть; не будучи завершеніемъ зданія польскихъ реформъ и не имѣя на это притязаній—черезъ 25 лѣтъ допускался пересмотръ акта 3 мая,—она стремилась къ начертанію наиболѣе правильнаго пути для дальнѣйшихъ преобразованій и являлась несомнѣннымъ показателемъ подлиннаго возрожденія лучшей части польскаго общества, сознавашаго вѣковые недуги своего

¹⁾ Такъ называлось право польскихъ гражданъ отмѣнять обязательныя для всѣхъ постановленія и учреждать особое конфедератское правленіе для достиженія извѣстныхъ цѣлей, преслѣдующихъ благо государства, но не могущихъ быть достигнутыми въ предѣлахъ дѣйствующихъ законовъ; такъ какъ конфедерация могла возникнуть не только по инициативѣ короля или сейма, но и каждаго отдѣльнаго магната, то нерѣдко правомъ этимъ пользовались лица, преслѣдовавшія эгоистическія и антигосударственныя цѣли.

²⁾ Въ силу этого артикула народъ освобождался отъ обязанности повиноваться верховной власти, если послѣдняя нарушала контрактъ, заключаемый между народомъ и королемъ при избраніи послѣдняго на престолъ (т. наз. *pacta conventa* съ 1573 г.).

общественнаго и политическаго строя и искренно стремившагося къ ихъ искорененію.

Естественно было бы ожидать, что Косцюшко, поклонникъ Тимолеона, убѣжденный республиканецъ, боровшійся за права человѣка, выразить недовольство монархической конституціей, устанавливавшей наслѣдственность польскаго престола. Но онъ безъ всякаго колебанія подписался подъ присланной ему формулой присяги и съ жаромъ привелъ къ присягѣ подчиненныхъ ему офицеровъ. Слуга народа, послушный волѣ народныхъ избранниковъ, онъ готовъ былъ защищать новый строй отъ всякихъ на него посягательствъ. Своему другу и сосѣду по Сехновичамъ Михаилу Залѣскому, недовольному реформой, онъ указывалъ на необходимость «всѣмъ соединиться ради одной цѣли—освобожденія отечества отъ чужого насилія, отъ униженія и истребленія польскаго имени». «*Libetum veto*, чудовищное выраженіе эгоистической свободы и отрицанія воли большинства—пишетъ Корзонъ,—не существовало для него, не проявлялось никогда въ его разсужденіяхъ или постановленіяхъ, вырвано было до послѣднихъ корней изъ его благородной натуры». Вскорѣ Косцюшкѣ пришлось наглядно доказать свою преданность конституціи, активно выступить на ея защиту.

Восторженно встрѣченная польскимъ обществомъ, привѣтствованная за границей, одобренная прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ II, конституція 3 мая вызвала однако протестъ со стороны всероссійской самодержицы Екатерины II, выступившей по отношенію къ полякамъ ярой поклонницей республиканскихъ началъ и той старой формы правленія, при которой Польша «чрезъ толь многіе вѣка процвѣтала и благоденствовала». Екатерину возмущало «насилъство беззаконной конституціи», не оставлявшей полякамъ «ниже тѣни той вольности и тѣхъ преимуществъ, къ коимъ они всегда толь ревнительными себя показывали». Непосредственно заинтересованная въ сохраненіи стараго государственнаго строя Польши, обусловливавшаго возможность вмѣшательства Россіи въ польскія дѣла, она охотно согласилась «протянуть великодушную руку угнетенной націи», уступая просьбамъ небольшой группы польскихъ измѣнниковъ, завязавшихъ въ украинскомъ мѣстечкѣ Тарговицѣ конфедерацію противъ конституціи 3 мая. «Великая Екатерина!—писали эти послѣдніе могикане польской анархіи—уподобляясь божеству еще болѣе желаніемъ творить добро, нежели безграничною властью, которою ты облечена, ты одна можешь быть этимъ божествомъ, благопріятнымъ для польской свободы. Владѣлица полуміра, великая по

уму и дѣянiямъ, ты предписала законъ всѣмъ твоимъ врагамъ. Удивленная Европа смолкла передъ тобою, и у тебя нѣтъ болѣе ни враговъ, ни соперниковъ. Польская нація, соединенная въ одну общую конфедерацію, обращается къ тебѣ, какъ къ божеству, благопріятному для ея свободы, и призываетъ тебя къ себѣ на помощь... Почему польскій король, по просьбѣ котораго ты столько разъ посылала войска твои въ Польшу, долженъ оказаться въ этомъ случаѣ счастливѣе насъ?»¹⁾ Поощряя усердіе этихъ добрыхъ патріотовъ, многіе изъ которыхъ немного поздиѣе, во время революціи 1794 г., закончили свою жизнь на уличныхъ фонаряхъ Варшавы, Екатерина II двинула свои войска подъ начальствомъ М. Н. Кречетникова и М. В. Каховскаго въ предѣлы непокорной Рѣчи Посполитой польской. Только съ помощью русскихъ войскъ и русскихъ денегъ—генер. Каховскому уже при отправленіи его въ Польшу ассигновано было 300.000 руб. «въ пользу конфедераціи»—небольшая, насчитывавшая на первыхъ порахъ лишь 13 человекъ, группа торговчанъ, надѣвшихъ русскіе мундиры и готовыхъ ради личной выгоды служить любой державѣ, смогла разрушить дѣло 3 мая и возстановить былую анархію.

Поляки не сумѣли защитить свою конституцію. Ихъ война съ Россіей 1792 г. была крайне неудачна для польскаго оружія. Верховное руководство военными силами поручено было въ ней королю Станиславу-Августу, стрѣлявшему, по выраженію Корзона, на охотѣ дичь, но не нюхавшему военного пороха. Не желая вести войны съ Россіей, дорожа своей безмятежной жизнью въ золочѣныхъ палатахъ болѣе, чѣмъ благомъ родины, Станиславъ-Августъ отдавалъ войскамъ постоянные приказы отступать въ глубь страны; до конца кампаніи онъ не рѣшился проѣхать въ военный лагерь, такъ какъ опасался, что его француцъ-поварь, знаменитый Тремо, не найдетъ въ условіяхъ военного времени всего необходимаго для королевской кухни. Командиромъ коронной арміи Станиславъ-Августъ назначилъ своего 29-тилѣтняго племянника кн. Юсіфа Понятовскаго, мужественнаго и рыцарски благороднаго человека, но недостаточно опытнаго полководца; командиромъ литовской арміи—кн. Людвигъ Виртембергскаго, двоюроднаго брата супруги наслѣдника русскаго престола, измѣнившаго въ рѣшительную минуту польскому дѣлу. Подчиненные имъ генералы или проигрывали сраженія, или отдавали непріятелю безъ выстрѣла важныя позиціи, сообщая о «прекрасныхъ ретирадахъ», ими совершенныхъ. Верхи населе-

¹⁾ Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 47, стр. 315 и слѣд.

нія были равнодушны къ войнѣ, низы враждебны къ ней. Въ литовской арміи, встрѣчавшей большее сочувствіе со стороны населенія, господствовала такая же анархія, какъ въ коронной; по свидѣтельству одного изъ участниковъ литовской кампаніи, войска испытывали голодь. Въ этой несчастной войнѣ принялъ дѣятельное участіе и Косцюшко. Предотвращеніе пораженія превосходило его силы, но проявленное имъ мужество, его способности, «спасеніе имъ чести польскаго оружія» единогласно отмѣчаются историками. Особенно онъ отличился въ большомъ сраженіи при Зеленцахъ, за которое былъ награжденъ орденомъ *Vir-tuti Militari*, и при переправѣ черезъ р. Бугъ, у Дубенки; избравши здѣсь выгодную позицію между болотистыми дефилеями и умѣло укрѣпивши ихъ флешами, онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ геройски сопротивлялся втрое сильнѣйшему непріятелю; король сталъ гордиться «нашимъ знаменитымъ Косцюшкой» и произвелъ его въ генераль-лейтенанты. «Сраженіе это—пишетъ историкъ—принесло Косцюшкѣ громкую славу и указывало какъ будто на него, какъ на единственнаго вождя, способнаго смыть позоръ 1792 г. и предотвратить политическую гибель народа» ¹⁾).

Послѣ неудачной попытки умиловить Екатерину предложеніемъ польскаго престола цесаревичу Константину Павловичу подъ условіемъ сохраненія майской конституціи, Станиславъ-Августъ 13/24 іюля 1792 г. подписалъ актъ о своемъ присоединеніи вмѣстѣ съ арміей къ торговицкой конфедераціи. Извѣстіе это взволновало все войско. «Подлость унизиться до измѣны отечеству—писалъ кн. Іосифъ своему коронованному дядѣ—была бы нашей могилой»; онъ требовалъ немедленнаго прибытія короля въ лагерь и угрожалъ военнымъ бунтомъ. Однако, король не только не внялъ этому голосу, но даже спрашивалъ русскаго посла Я. И. Булгакова, пріятны ли будутъ императрицѣ выраженія, въ которыхъ онъ заявляетъ о своей рѣшимости присоединиться къ торговичанамъ. Тогда сеймовые маршалы и нѣкоторые министры внесли протестъ противъ поступка короля и уѣхали изъ Варшавы, а кн. Іосифъ и 220 другихъ офицеровъ подали прошенія объ отставкѣ, обѣщавши вернуться лишь тогда, когда отечество призоветъ ихъ «въ болѣе пристойной ситуаціи». Среди ушедшихъ въ отставку былъ и Косцюшко. Отпоясавши саблю, онъ, согласно преданію, воскликнулъ: «Боже, даруй еще разъ сразиться за отечество!»

Начались оргіи торговичанъ. Отмѣнены были благія постановленія великаго сейма и выработанъ проектъ новой республи-

¹⁾ *Przyborowski W. Przyczyny upadku Polski. Warsz. 1910. Стр. 74.*

канской, вѣрнѣе—олигархической, формы правленія. Противники ея были подвергнуты проскрипціи. Преслѣдовались и вожди переворота 3 мая («варшавскаго заговора», по выраженію конфедератовъ), и все сословіе мѣщанъ, у которыхъ отняты были дарованныя имъ майской конституціей права, и отдѣльныя лица, заподозрѣнные въ неблагомыслии. Разсѣяно было польское войско, введена строгая цензура. Словно предчувствуя кратковременность своего торжества, тарговицане набросились на всѣ источники обогащенія и сдѣлали объектомъ грабежа все, на что ихъ наталкивала алчность и честолюбіе. Игнорируя или оскорбляя короля, они все громче воспѣвали хвалу «великодушной императрицѣ», выступившей противъ «революціи», унижались передъ русскимъ посломъ, возсѣдавшимъ во время гродненскаго сейма подъ балдахиномъ трона, составили въ честь проливавшаго польскую кровь ген. Каховскаго новогоднюю оду, начинавшуюся словами: «справедливостью своею ты улаждаешь нынѣ судьбу нашу»... Но они проглядѣли одно: переговоры, которые за ихъ спиною велись между Россіей и Пруссіей относительно новаго раздѣла польскихъ земель. Въ Гроднѣ, въ 1793 г., на «нѣмомъ» сеймѣ, послѣднемъ сеймѣ Рѣчи Посполитой, свершилось послѣднее дѣйствіе порожденной тарговицанами драмы. За Польшей оставлена была небольшая территорія въ 4000 кв. миль съ населеніемъ въ 4 милліона.

V.

Вторая поѣздка Косцюшки за границу.—Польша и Франція.—Косцюшко въ Парижъ въ 1793 г.—Начало національнаго польскаго возстанія.—Мадалинскій.

Отказавшись отъ Сехновичей въ пользу сестры своей Анны Эстко и ея сыновей и поставивши условіемъ этого отказа пожизненное содержаніе старой хозяйки и управляющаго Сехновичами, освобожденіе женщинъ отъ барщины и требованіе ея съ мужчинъ лишь въ размѣрѣ двухъ дней въ недѣлю, Косцюшко опять уѣхалъ за границу. Готовый «сто разъ обречь себя на смерть за отечество», онъ не видѣлъ, однако, пользы отъ своего пребыванія на родинѣ, боялся «хотя бы косвенно быть причастнымъ къ ея несчастію», находилъ, что военный мундиръ, который онъ носитъ, можетъ постепенно стать «символомъ позора». Онъ отправился сначала въ Галицію, въ имѣніе Чарторыскихъ—Сеняву, а оттуда во Львовъ, занятый въ то время австрійцами, но, встрѣченный здѣсь, какъ писали газеты, всѣмъ обществомъ «съ тѣмъ удовлетвореніемъ, какое справедливо принадлежитъ истинной доблести и храбрости»,

онъ навлекъ на себя подозрѣніе австрійской полиціи и поэтому переѣхалъ въ ноябрѣ 1792 г. въ другой, принадлежавшій Австріи, городъ—Замость; здѣсь онъ былъ радушно принятъ вдовой канцлера Андрея Замойскаго, гр. Констанціей, рожд. Чарторыской, но уже черезъ недѣлю принужденъ былъ покинуть и этотъ гостепріимный кровъ. Командующій австрійскими войсками въ Галиціи гр. Вурмсеръ письмомъ отъ 30 ноября 1792 г. изъ Львова предостерегъ М. В. Каховскаго относительно Косцюшки, какъ человѣка «склоннаго къ возмущенію». Русскому отряду, несшему въ окрестностяхъ Замостя сторожевую службу, поручено было имѣть неусыпное наблюденіе за Косцюшкой, но напуганные разсказами о польскомъ генералѣ русскіе солдаты нашли это требованіе превосходящимъ ихъ силы; они увѣряли начальство въ неувимости Косцюшки, въ его умѣніи превращаться въ кошку. 5 дек. 1792 г. Косцюшкѣ приказано было въ теченіе 12-ти часовъ покинуть австрійскую Польшу.

Онъ уѣхалъ въ Лейпцигъ.

Этотъ саксонскій городъ, принадлежавшій Фридриху-Августу, которому на четырехлѣтнемъ сеймѣ была предложена польская корона, въ описываемое время былъ переполненъ польскими эмигрантами; здѣсь жили представители конституціонной партіи четырехлѣтняго сейма и главные творцы майской конституціи, искавшіе спасенія передъ местью торжествующихъ торговчанъ и надѣявшіеся, что Фридрихъ-Августъ, какъ бывшій наслѣдникъ польскаго престола, предоставитъ имъ свободу дѣйствія; они оживленно совѣщались о средствахъ спасенія родины, но относились съ большимъ скептицизмомъ къ доходившимъ до нихъ слухамъ о готовящемся въ Польшѣ возстаніи. Считая вооруженное движеніе преждевременнымъ, они предполагали прибѣгнуть сначала къ чужой помощи, къ Швеціи и особенно Франціи.

Дружественныя отношенія между Польшей и Франціей начинаются съ 1791 г.: 24 мая 1791 г. членъ Законодательнаго Собранія депутатъ Мену очень одобрительно отозвался на засѣданіи о польской конституціи 3 мая. Девизъ: «война королямъ, миръ народамъ», провозглашенный 20 апр. 1792 г. въ Учредительномъ Собраніи, былъ вполнѣ примѣнимъ и къ польской націи, боровшейся съ участвовавшими въ раздѣлѣ польской территоріи державами. Временно исполняющій обязанности министра иностранныхъ дѣлъ генералъ Дюмурье отправилъ въ Польшу съ благожелательными инструкціями посла Декорша (Descorches); когда Екатерина II послѣ побѣды надъ поляками потребовала удаленія изъ Польши Декорша, какъ «смутьяна» и распространителя «отвратительнаго ученія якобинцевъ», онъ, занявши постъ

французскаго посла въ Турціи, давалъ убѣжище польскимъ эмигрантамъ въ Константинополь; особенно много участія оказывалъ полякамъ секретарь Декорша Казиміръ Ла-Рошъ, полякъ по матери, впослѣдствіи одинъ изъ творцовъ польскихъ легіоновъ. Уѣзжая по настоянію Екатерины II изъ Варшавы, Декоршъ навѣстилъ въ Лейпцигъ главныхъ авторовъ майской конституціи, Игнатія Потоцкаго и Гугона Коллонтая, и увѣрилъ ихъ, что французское правительство никогда не признаетъ Тарговицкой конфедераціи. По прибытіи въ Парижъ Декоршъ убѣдилъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ Лебрена вступить въ сношенія съ вождями польской оппозиціи, пребывавшими внѣ Польши.

Для переговоровъ съ французскимъ правительствомъ отправленъ былъ Косцюшко. Онъ охотно принялъ предложенную ему миссію, такъ какъ еще со времени войны Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ за независимость у него сохранилось представленіе о французахъ, какъ о народѣ, способномъ бороться за идеи и нести вооруженную помощь защитникамъ свободы; великія событія, разыгрывавшіяся во Франціи, еще сильнѣе укрѣпляли его увѣренность въ правильности этого взгляда. Онъ рассчитывалъ на благожелательный пріемъ въ Парижѣ, такъ какъ Учредительное Собраніе даровало ему, на ряду съ Вашингтономъ, Шиллеромъ, Песталоцци, права французскаго гражданства.

Въ Парижъ Косцюшко прибылъ въ началѣ 1793 года. Онъ предполагалъ выхлопотать у французовъ и шведовъ помощь деньгами, оружіемъ и кораблями, высадиться съ поддержкой французскаго флота на берегахъ Рѣчи Посполитой и начать войну съ Россіей; одновременно съ этимъ Декоршъ долженъ былъ поднять противъ Россіи Турцію. Планы эти встрѣтили сочувствіе среди стоявшихъ у корма правленія жирондистовъ, оказавшихъ, кажется, извѣстную денежную помощь польскимъ патріотамъ. Но этимъ и ограничилось участіе Франціи. Послѣ измѣны ген. Дюмурье, сражавшагося нѣкогда, во время Барской конфедераціи, за Польшу и перехода его на сторону Австріи, захватившіе власть монтаньяры стали враждебно относиться къ польскимъ эмигрантамъ, какъ друзьямъ жирондистовъ; помимо этого, тогдашняя Франція, угрожаемая извнѣ и раздражаемая внутренними усобицами, дѣйствительно не могла оказать полякамъ сколько-нибудь существенную помощь; наконецъ, самъ Косцюшко, возмущенный ужасами террора, принимавшаго все болѣе жестокія и безчеловѣчныя формы, счелъ невозможнымъ вести переговоры съ Горой.

Онъ возвратился въ Лейпцигъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе объ образованіи въ Варшавѣ секретнаго комитета съ генераломъ

Игнатієм Дзялынскимъ и банкиромъ Андреемъ Капостасомъ во главѣ для организациі вооруженнаго возстанія¹⁾. Отправленные въ Лейпцигъ эмиссары комитета объявили Косцюшкѣ о царившемъ въ Польшѣ всеобщемъ недовольствѣ и о рѣшеніи комитета поручить ему начальство надъ повстанческимъ войскомъ. Въ странѣ, дѣйствительно, скопилось много горючаго матеріала; къ политическимъ перемѣнамъ масса населенія относилась сравнительно равнодушно, но она болѣзненно ощущала тяжелый экономическій кризисъ, вызванный этими перемѣнами. Закрылась значительная часть фабрикъ и промышленныхъ заведеній, возникшихъ въ послѣднее время; обанкротились почти всѣ банки въ Варшавѣ и другихъ городахъ; на краю гибели находилось земледѣліе. Народъ изнемогалъ подъ гнетомъ налагаемыхъ на него русскими и прусскими войсками контрибуцій; ширилась нужда и возросло раздраженіе. Варшавскіе ремесленники то подкарауливали тарговицкихъ «совѣтниковъ» и били ихъ плетью, то обрѣзывали уши русскимъ офицерамъ. Все чаще раздавались совѣты «послѣдовать примѣру французовъ». Послѣ казни Людовика XVI появился рядъ анонимныхъ стиховъ, заключавшихъ явныя угрозы по адресу Станислава-Августа, признававшихъ его «достойнымъ канонизациі Капета». Но апогея своей ненависти къ поработителямъ достигла въ концѣ 1793 г., послѣ подписанія второго раздѣла Польши. Острая жажда мести охватила и темныя шляхетскія массы, преданныя, въ сущности, своей родинѣ и лишь временно увлеченныя посулами тарговичанъ, и мѣщанъ, и молодую польскую армію, призванную къ жизни «революціоннымъ» четырехлѣтнимъ сеймомъ и теперь, вслѣдствіе постановленія гродненскаго сейма о «редукціи», т.-е. сокращеніи ея болѣе, чѣмъ на половину, почти обреченную на гибель.

На предложеніе эмиссаровъ стать во главѣ революціоннаго войска Косцюшко далъ принципиальное согласіе. Послѣ неудачной поѣздки въ Парижъ онъ сталъ склоняться къ программѣ тѣхъ вождей эмиграціи, которые въ національномъ возстаніи и въ призывѣ къ оружію всѣхъ польскихъ крестьянъ видѣли единственное спасеніе Польши. Далекій отъ стремленія къ соціальному перевороту, не сочувствовавшій крайностямъ французской революціи, онъ поставилъ условіемъ, чтобы возстаніе со всѣмъ революціоннымъ правительствомъ носило военный характеръ. Перенося на польскую почву пріемъ американскихъ колоній въ ихъ борьбѣ за независимость, онъ издалъ инструкцію относительно устройства въ провинціи революціонныхъ клубовъ и назначенія—

¹⁾ См *Tokarz W.* Warszawa przed wybuchem powstania 17 kwietnia 1794 г. Krak. 1911, стр. 129—138.

по образцу существовавшихъ въ каждомъ штатѣ генераль-маіоровъ милиціи—земскихъ генераль-маіоровъ, обязанныхъ тайно вербовать людей для возстанія, готовить пики, косы, сухари, разуживать о силѣ непріятеля въ своемъ округѣ и т. п. Но его планамъ относительно систематической подготовки возстанія не суждено было осуществиться. Неожиданно въ Польшѣ произошли событія, ускорившія взрывъ.

Русскій посолъ при польскомъ дворѣ гр. О. А. Игельстромъ, напавши на слѣды приготовленій къ возстанію, приступилъ къ исполненію постановленія гродненскаго сейма объ уменьшеніи польской арміи до 15.000, надѣясь такимъ путемъ лишить возстаніе опоры въ войскѣ. Эта «редукція» арміи вызвала серьезныя волненія въ средѣ очутившихся за бортомъ офицеровъ и солдатъ. Призывъ русскихъ и прусскихъ властей поступать на иностранную службу нашелъ среди нихъ весьма слабый откликъ. Обѣщанія русскаго подполковника Обрескова, вербоваваго въ Польшѣ солдатъ для русской арміи, относительно уплаты польскимъ офицерамъ по пяти рублей за каждаго доставленнаго солдата, соблазнили очень немногихъ ¹⁾. «Мы не думаемъ—читаемъ въ письмѣ одного офицера—сложить передъ кѣмъ бы то ни было оружіе или продавать кровь братьевъ по пяти рублей, какъ намъ обѣщаль подполковникъ Обресковъ» ²⁾. Испытавшее много преслѣдованій въ эпоху Тарговицкой конфедераціи польское войско нетерпѣливо ждало теперь появленія Косцюшки, о доблести и мужествѣ котораго слагались пѣсенки прежде, чѣмъ онъ сталъ во главѣ возстанія. «Когда приказъ о редукціи былъ прочитанъ бригадѣ,—пишетъ 15 марта 1794 г. поручикъ Андрей Піотровскій своимъ родителямъ,—«товарищи» и рядовые воскликнули, что они проломаютъ головы своимъ офицерамъ за то, что тѣ не заботятся объ ихъ судьбѣ, что ничего не остается, кромѣ разбоя, которымъ они гнушаются» ³⁾. Въ виду этого настроенія арміи, задѣтой въ своихъ патріотическихкихъ чувствахъ и угрожаемой лишеніемъ насущнаго хлѣба, а также въ виду заарестованія Игельстромомъ главныхъ вождей революціоннаго комитета и все усиливавшихся слуховъ о намѣреніи русскихъ захватить единственный хорошо снабженный варшавскій арсеналъ, чтобы лишить возставшихъ оружія и амуниціи, наиболѣе горячимъ заговорщикамъ удалось безъ труда убѣдить генерала Антона Мадалинскаго, человѣка несомнѣнно храбраго, но совершенно незнакомаго съ военнымъ дѣломъ,

¹⁾ Tokarz. Op. cit., 252—283.

²⁾ Рукописи М. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Архивъ Царства Польскаго. Кн. 323, л. 16.

³⁾ Ibid., л. 15.

поднять знамя возстанія, не дожидаясь Косцюшки, уѣхавшаго въ Италію отъ зорко слѣдившихъ за нимъ международныхъ агентовъ. Мадалинскій бросился со своей бригадой вдоль новой прусской границы въ Краковское воеводство.

Такимъ образомъ возстаніе начато было преждевременно. Въ варшавскомъ организаціонномъ комитетѣ было много энтузіазма, много вѣры въ успѣхъ предпринимаемаго дѣла, но не было ни накопленныхъ матеріальныхъ средствъ для его осуществленія, ни источниковъ, изъ которыхъ эти средства можно было бы добыть. Была надежда на угрожаемое роспускомъ войско, но наличная революціонная сила состояла пока изъ 4—5 тысячъ. Предполагали поднять мѣщанъ и крестьянъ, но не думали о томъ, смогутъ ли послѣдніе сразу, по первому требованію, превратиться изъ забитыхъ рабовъ въ сознательныхъ гражданъ, въ патриотически настроенныхъ защитниковъ отечества. Косцюшко сознавалъ шаткость всѣхъ этихъ надеждъ. «Печально было бы,—говорилъ онъ,—легкомысленно и необдуманно начать, чтобы затѣмъ упасть». «Я не началъ бы возстанія,—говорилъ онъ на допросѣ въ Петропавловской крѣпости,—не получивъ всѣхъ необходимыхъ извѣстій (изъ воеводствъ о приготовленіи средствъ). Если бы я ихъ не получилъ, то отложилъ бы начало возстанія до другого времени; можетъ быть, я даже дождался бы войны съ Турціей, о коей много тогда говорили». Но когда Мадалинскій первый поднялъ возстаніе, Косцюшко не пожелалъ его покинуть; онъ «рѣшился скорѣе погибнуть, чѣмъ подать поводъ къ упрекамъ въ слабости или недостаткѣ любви къ отечеству»¹⁾.

VI.

Присяга Косцюшки на краковскомъ рынкѣ.—Актъ возстанія.—Организаціонная работа въ Краковѣ.

Въ памятный для поляковъ день 24 марта 1794 г., увѣковѣченный польскимъ живописцемъ Михайломъ Стаховичемъ на одной изъ его картинъ, народный избранникъ Тадеушъ Косцюшко принесъ на историческомъ краковскомъ рынкѣ въ присутствіи восторженно настроеннаго населенія присягу «не злоупотреблять данною ему властью для угнетенія отдѣльныхъ лицъ, но воспользоваться ею единственно для защиты цѣлости границъ, возстановленія народнаго верховенства и установленія всеобщей свободы». Затѣмъ, пройдя въ ратушу, онъ обратился къ собравшимся

¹⁾ Показаніе Нѣмцевича въ Петропавловской крѣпости. (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1866, кн. IV, стр. 222 и 224).

съ горячимъ призывомъ защищать погибающее отечество и увѣрялъ, что всѣ для него одинаково дороги и равны, такъ шляхта, какъ и духовенство, такъ мѣщане и крестьяне, какъ евреи; онъ не требовалъ отъ гражданъ присяги и лишь напоминалъ имъ, что дѣло освобожденія родины является дѣломъ общимъ, всѣмъ въ равной степени близкимъ. Послѣ этого онъ приказалъ своему секретарю Александру Линовскому прочесть «актъ возстанія гражданъ—обитателей краковского воеводства», составленный еще въ Лейпцигѣ Коллонтаемъ. Актъ этотъ перечислялъ обиды, причиненныя Польшѣ Россіей и Пруссіей, обрушиваясь съ особенной силой противъ Екатерины II, которая въ своей «варварской и неутомимой мстительности» попираетъ всѣ права свободы и собственности, преслѣдуетъ «мысли и чувства честнаго поляка» и покровительствуетъ измѣнникамъ и предателямъ; онъ указывалъ на преступленія торговичанъ, выражалъ готовность гражданъ «или погибнуть подъ развалинами своего края, или освободить родную землю отъ хищнаго насилія и позорнаго ига» и заявлялъ о стремленіи ихъ отказаться «отъ всѣхъ предразсудковъ и мнѣній, которые раздѣляли сыновъ одного отечества» и «не щадить никакихъ жертвъ и средствъ, какія только святая любовь къ свободѣ можетъ доставить людямъ, въ отчаяніи возстающимъ на ея защиту». Далѣе въ немъ описывалось новое революціонное правительство. «Единственнымъ верховнымъ начальникомъ всего вооруженнаго возстанія» провозглашался Косцюшко; ему принадлежитъ руководство войсками и право замѣщенія военныхъ должностей; онъ долженъ составить «Высочайшій Народовый Совѣтъ» изъ лицъ, которымъ самъ окажетъ довѣріе, для завѣдыванія общественной казной, наборомъ рекрутъ, закупкой оружія и амуниціи, для укрѣпленія національнаго духа и т. п. Порученія начальника и совѣта исполняетъ порядковая комиссія краковского воеводства. Одновременно съ этимъ устанавливался уголовный судъ съ правомъ приговаривать къ смертной казни преступниковъ, вредящихъ народу и святой цѣли возстанія. «Спасеніе народа—провозглашаетъ въ заключеніе актъ возстанія—есть высшій законъ».

Дѣйствительныя черты краковского акта бросаются въ глаза уже при первомъ, поверхностномъ его разсмотрѣніи: во-первыхъ, широта диктаторскихъ полномочій, предоставляемыхъ имъ Косцюшкѣ, ставящая послѣдняго въ смыслѣ полноты власти выше самыхъ любимыхъ и самыхъ сильныхъ польскихъ королей, и, во-вторыхъ, демократическій характеръ акта, его стремленіе привлечь къ дѣлу защиты государства низы населенія, главнымъ образомъ, крестьянъ. Съ этой точки зрѣнія краковский актъ является естественнымъ дополненіемъ и расширеніемъ консти-

туції 3 мая 1791 г., которая, уничтожая вѣковую преграду, раздѣлявшую шляхту отъ мѣщанъ, и принимая подъ опеку закона крестьянъ, признавала однако шляхетскій классъ первѣйшимъ защитникомъ вольности, предоставляла ему почетное руководство въ обществѣ и гарантировала его старыя привилегіи. Актъ 1794 г. игнорируетъ совершенно эти привилегіи; онъ не кассируетъ ихъ, но и не подтверждаетъ; онъ лишь вскользь упоминаетъ о конституціи 3 мая и не указываетъ на возможность ея возстановленія; онъ словно стремится подготовить общественное мнѣніе къ новой, болѣе демократической, конституціи и призываетъ впервые за время существованія Рѣчи Посполитой къ государственному строителству крестьянъ, говоритъ объ уничтоженіи социальныхъ перегородокъ. «И въ заключительныхъ словахъ его—*salus populi suprema lex esto*—не было уже,—говоритъ современный историкъ,—той фальши, которая звучала нѣкогда въ рѣчахъ шляхетскихъ трибуновъ. Этотъ народъ—это уже не одно сословіе, но вся многомилліонная масса населенія. Торжественнымъ провозглашеніемъ права всей этой массы пользоваться свободой краковскій актъ поднимался въ уровень съ деклараціей независимости С.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ, приближался къ французской деклараціи правъ человѣка и гражданина»¹⁾.

Въ Краковѣ началась напряженная организаціонная работа. 24 марта Косцюшко издалъ рядъ универсаловъ: «къ польскому и литовскому войску», въ которомъ выставилъ девизъ: «смерть или побѣда»; «къ гражданамъ», съ призывомъ къ пожертвованіямъ и къ забвенію партійныхъ несогласій; «къ красѣ рода человѣческаго»—«польскимъ женщинамъ» касательно приготовленія корпіи и перевязочныхъ средствъ и къ духовенству, относившемуся въ высшихъ своихъ слояхъ съ явнымъ несочувствіемъ къ движенію, въ виду нѣкоторой общности послѣдняго съ французской революціей, съ выраженіемъ увѣренности, что оно послужитъ примѣромъ для другихъ классовъ населенія въ дѣлѣ защиты отечества. На слѣдующій день Косцюшко установилъ порядковую комиссію краковского воеводства и поручилъ ей подготовительныя работы. Предположено было набрать линейное войско, милицію и ополченіе. Такъ какъ въ распоряженіи революціоннаго правительства было недостаточно матеріальныхъ средствъ и такъ какъ краковскіе арсеналы, королевскій и городской, были совершенно пусты, то каждый пять домовъ въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ должны были поставить въ линейные батальоны по одному рекруту, снабженному сухарями на 6 дней, деньгами на пропитаніе въ

¹⁾ *Zawierucha Stach. Powstanie Kościuszkowskie. Wyd. «Życie». 1911.*

теченіе мѣсяца въ количествѣ 15 злотыхъ, крестьянскимъ платьемъ вмѣсто мундировъ и винтовками или пиками и сѣкирами; ополченцевъ же приказывалось снарядить «просто пиками въ 5 локтей длиною съ крѣпко насаженными травяными косами»; съ каждого дома предписывалось взыскать по 24 фунта сухарей, 3 гарнца овса, 24 фунта сѣна, извѣстное количество лошадей и рабочихъ. Произведена была опись находящагося въ Краковѣ оружія всякаго рода, амуниціи, селитры, сѣры, желѣза и олова; наложенъ секвестръ на королевскія имѣнія и на недвижимости, принадлежавшія краковскому епископству; забраны нѣкоторыя правительственныя кассы и кассы братствъ и цеховъ. Краковскіе кузнецы лихорадочно отливали пули, оружейные мастера безвозмездно готовили пушки и винтовки, столяры насаживали косы и пики, монахи заряжали патроны. Краковская генеральная консисторія, согласно предложенію порядковой комиссіи, разрѣшила ремесленникамъ производить работы въ воскресные и праздничные дни. Стали поступать и пожертвованія деньгами, оружіемъ, провіантомъ, лошадьми; приносилось на цѣли возстанія серебро и драгоценности; бѣдные мѣщане отдавали иногда все свое состояніе ¹⁾. Трое крестьянъ сплавщиковъ, Срока, Брандысъ и Гржива, пожертвовали на военныя нужды деньги и 20 барокъ; Косцюшко, благодаря ихъ, снялъ передъ ними, согласно разсказу, свою генеральскую шляпу и отбросилъ ее въ сторону, сказавши: «мнѣ нужно имѣть свободныя руки, чтобы прижать васъ къ своему сердцу». Но этихъ проявленій патріотизма не слѣдуетъ обобщать; массоваго характера они не носили; въ народѣ болѣе было вѣры въ своего вождя, чѣмъ въ дѣло, которое онъ защищалъ; самъ Косцюшко пріобрѣталъ все большую популярность, становился легендарнымъ героемъ, олицетвореніемъ любви къ отечеству; но достаточно было ему покинуть Краковъ, чтобы патріотическое настроеніе, имъ вызванное, пошло на убыль. «Крестьяне,—пишетъ краковскій историкъ Купчинскій,—шли неохотно, только подъ сильнымъ давленіемъ; шляхта стала задумываться надъ послѣдствіями своего участія въ возстаніи, желала вмѣшательства Австріи и занятія послѣднею краковского и сандомирскаго воеводства» ²⁾.

Для характеристики настроенія населенія въ первые дни возстанія приведемъ любопытное анонимное письмо къ неизвѣстному лицу изъ Кракова отъ 26 марта 1794 г. «Быть можетъ, вы тамъ (очевидно, въ Варшавѣ) уже слышали, а здѣсь всѣ говорятъ

¹⁾ *Kupczyński T.* Kraków w powstaniu Kościuszkowskim. Kraków. 1912, стр. 89—97.

²⁾ *Ibid.*, стр. 112.

о томъ, что день 24 марта былъ будто бы предназначенъ на какую-то революцію не только во всей Польшѣ, но и въ Швеціи, Даніи, Венгріи, Силезіи и Галиціи... Въ прокламаціи Косцюшки къ гражданамъ находится выраженіе: кто не съ нами, тотъ противъ насъ; всякое равнодушіе будетъ признаваться преступленіемъ. Всѣ поэтому присоединяются (*gobią akcesu*) къ возстанію, одни добровольно, другіе изъ страха, такъ какъ при учрежденіи уголовного суда предполагается передъ гауптвахтой построить висѣлицу. Во время ревизіи почты найдено было здѣсь письмо сандомирскаго каштеляна Ромишовскаго къ войскову Хвалибогу съ порицаніемъ возстанія Косцюшки; уже изданъ приказъ предать Ромишовскаго уголовному суду, чтобы онъ далъ объясненія... Все желѣзо, порохъ, сружіе, олово забираютъ изъ лавокъ и платятъ наличными; здѣсь говорятъ, что Франція дала на это дѣло 14 милліоновъ и что саксонскій курфирстъ обѣщалъ свою помощь. Косцюшку здѣсь на всѣхъ улицахъ встрѣчаютъ громкими рукоплесканіями. Въ Краковѣ царитъ радость, пожалуй, не меньшая, чѣмъ въ Парижѣ. Съ Косцюшкой здѣсь находятся нѣсколько французовъ, прибывшихъ одновременно съ нимъ, и говорятъ, что они отправлены Національнымъ Конвентомъ...¹⁾.

VII.

Рацлавице.—Забота Косцюшки о крестьянахъ.

Издавши необходимыя административныя распоряженія, назначивши сборные пункты для войска и сдѣлавши приказъ объ устройствѣ земляныхъ валовъ для защиты города, Косцюшко съ 4000 регулярнаго войска и 12 разнокалиберными пушками выступилъ 1 апр. 1794 г. изъ Кракова съ цѣлью спасенія разбѣянныхъ польскихъ отрядовъ передъ концентрировавшейся по приказу Игельстрома русской арміей; затѣмъ, присоединивши къ своему отряду 2000 «домовыхъ рекрутъ», то-есть краковскихъ крестьянъ, вооруженныхъ пиками и косами, онъ столкнулся 4 апрѣля при дер. Рацлавицахъ съ состоявшимъ подъ командой ген. Тормасова передовымъ отрядомъ корпуса ген. Денисова, направлявшагося къ Кракову. «Начало (сраженія),—рассказываетъ въ своихъ запискахъ Л. Н. Энгельгардтъ,—обѣщало успѣхъ; кавалерія непріятельская (польская) не могла выдержать дѣйствія нашей артиллеріи и отступила за пѣхоту. Тормасовъ бросился на оную, но, по превосходству силъ непріятеля и крѣпкой

¹⁾ Рукописи М. Гл. Архива М. И. Д. Арх. Царства Польск. Кн. 323, стр. 21—22: Kopia listu pewnego pisanego z Krakowa d. 26 marca 94 г.

его позиціи, совершенно былъ разбитъ, потерялъ всѣ пушки и съ малымъ числомъ едва самъ спасся». «Мы,—доносилъ въ свою очередь народу Косцюшко на второй день послѣ сраженія,—одержали полную побѣду; мы удержали за собой поле битвы, взяли 11 пушекъ большого и малаго калибра съ упряжью и амуницией, захватили кавалерійское знамя, полковника, капитана, поручика, хорунжаго и 18 плѣнныхъ, такъ какъ пылъ стычки не оставлялъ вошедшему въ азартъ солдату времени для пардона».

Рѣшительную роль въ этомъ дѣлѣ сыграли краковскіе косиньеры, съ безумной отвагой атаковавшіе непріятельскую батарею; примѣръ подаль имъ домохозяинъ изъ деревни Ржендовиць Войтекъ Бартосъ, собственной шапкой погасившій фитиль пушки. Хотя Рацлавицкое сраженіе самъ Косцюшко называлъ, какъ мы видѣли, простой стычкой, хотя на дальнѣйшее развитіе военныхъ дѣйствій оно не могло имѣть вліянія и не нанесло русской арміи сколько-нибудь ощутительнаго урона, хотя оно являлось лишь «неожиданностью, которой содѣйствовали и ошибки непріятеля, и личная храбрость Косцюшки, и бравура оторваннаго отъ плуга хлопа», неожиданностью, которой Косцюшко не смогъ использовать для воспрепятствованія концентрации непріятельскихъ силъ, — тѣмъ не менѣе моральное значеніе этого дѣла было громадно: это была первая побѣда польскаго оружія со времени кончины Яна Собѣскаго, первое сраженіе, въ которомъ народъ добровольно выступилъ на защиту отечества; оно возбуждало національную гордость, увѣренность въ своихъ силахъ, содѣйствовало расширенію и углубленію возстанія ¹⁾.

Косцюшко послѣ Рацлавицкаго сраженія окончательно возложилъ надежды на крестьянъ. Онъ вѣрилъ, что сотни тысячъ выступятъ теперь на поле битвы. «Трудно—писалъ онъ Францу Сапѣгѣ — получить въ нашихъ условіяхъ 100.000 линейнаго войска, но выставить 300.000-ную массу будетъ легко, если помѣщики и ксендзы искренно захотятъ этого». Онъ оказывалъ крестьянамъ всевозможные знаки вниманія, надѣлъ, согласно традиціи, бѣлую краковскую сермягу, которую носилъ съ этого времени вмѣсто мундира, произвелъ Войтека Бартоса въ шляхетское достоинство, назвавши его Войтехомъ Гловацкимъ, наградилъ его своимъ гербомъ Рохъ III и назначилъ хорунжимъ регимента гренадеровъ краковской милиціи; онъ общался вмѣстѣ съ крестьянами, велъ съ ними долгія бесѣды, старался разбудить ихъ патріотизмъ. Согласно его плану вмѣстѣ съ войскомъ должно было слѣдовать крестьянское ополченіе каждаго вое-

¹⁾ *Bartoszewicz Kaz. Dzieje insurrekcyi Kościuszkowskiej. Wiedeń. S. a, стр. 173.*

водства до границъ послѣдняго и на границахъ смѣнялись новымъ. Но расчеты эти были преждевременны. Часть «домовыхъ рекрутъ», плохо вообще слушавшихъ команду и еще во время сраженія набрасывавшихся на военную добычу, сочла послѣ побѣды дѣло оконченнымъ, признала заслуженнымъ свой отдыхъ и безъ разрѣшенія стала покидать лагерь; ихъ призывала въ деревни весенняя страда, полевая работа для себя и для своихъ пановъ, которые не особенно охотно отпускали своихъ крѣпостныхъ или требовали отъ оставшихся въ деревняхъ женщинъ исполненія панщины за сражавшихся мужей и братьевъ; случалось, что помѣщики сами прибывали въ лагерь и уводили своихъ работниковъ, самовольно поступившихъ въ ряды защитниковъ отечества; другіе въ излишнемъ усердіи доставляли Косцюшкѣ крестьянъ связанными, третьи просто препятствовали набору.

На покидавшихъ лагерь крестьянъ Косцюшко и руководимая имъ краковская порядковая комиссія старались воздѣйствовать мѣрами кротости и убѣжденія, на притѣснявшихъ ихъ помѣщиковъ—угрозами. Возвращавшимся въ лагерь дезертирамъ былъ объявленъ «генеральный пардонъ». Призванные въ ряды арміи крестьяне освобождались отъ всякихъ барщинныхъ повинностей до своего возвращенія домой, но и послѣ возвращенія съ нихъ запрещалось требовать работы за истекшее время. Въ виду поступавшихъ въ комиссію многочисленныхъ жалобъ со стороны крестьянъ предписывалось помѣщикамъ не чинить никакихъ насилій при наборѣ рекрутъ въ войско, предоставлять имъ всякія льготы и принимать мѣры къ тому, чтобы крестьянское хозяйство въ отсутствіе главы семьи «не падало, и чтобы земля, источникъ богатства страны, не лежала необработанной». «Всякій преслѣдователь крестьянъ, этихъ мужественныхъ защитниковъ края,—объявляла комиссія—будетъ считаться врагомъ отечества и, какъ таковой, подвергаться наказанію» ¹⁾).

VIII.

Возстаніе въ Варшавѣ.—Учрежденіе Высочайшаго Народоваго Совѣта.—Вильно.—Литовскій Высочайшій Совѣтъ.—Варшавскія казни.

Послѣ Рацлавицкой побѣды движеніе стало постепенно разрастаться. Къ краковскому акту присоединились и другія воеводства: холмское, возставшее еще до полученія извѣстія объ успѣхѣ

¹⁾ *Мякотинъ*. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ. Спб. 1889, стр. 216—218.

Косцюшки при Рацлавицахъ, люблинское и сандомирское. Поднялись и города: сначала Варшава, затѣмъ Вильно.

Варшава еще въ началѣ 1794 г. казалась спокойной. Она веселилась, танцевала, посѣщала театры, въ которыхъ давались то «Женитьба Фигаро съ музыкой Бомарше», какъ наивно сообщала мѣстная газета, то «Краковяки и Горцы» (*Krakowiacy i Górale*), умѣренно патріотическая пьеса Богуславскаго, написанная подъ вліяніемъ Рацлавицкой побѣды. Но спокойствіе это было призрочно и обманчиво. Въ началѣ апрѣля стало нарастать тревожное настроеніе. Носились противорѣчивые слухи о злостныхъ замыслахъ расположеннаго въ Варшавѣ русскаго гарнизона, объ отданномъ гр. Игельстромомъ приказѣ запретъ въ костелахъ въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ молящееся населеніе, поджечь предмѣстья, разоружить польскіе полки и захватить арсеналъ и пороховой складъ. Авторами этого проекта народная молва называла польскихъ измѣнниковъ—епископа Коссаковскаго и гетмановъ Ожаровскаго и Забѣлло. Была ли это умышленно брошенная въ народъ версія, или въ слухахъ этихъ таилась доля правды—судить трудно; можно думать, что русскіе, опровергая въ послѣдствіи существованіе у Игельстрома подобнаго плана, желали представить апрѣльскія событія въ Варшавѣ, какъ измѣнническое, ничѣмъ не мотивированное нападеніе на нихъ поляковъ. Во всякомъ случаѣ слухи эти много способствовали ускоренію взрыва. Такъ называемая «святая инсurreкція» вспыхнула въ Варшавѣ 16 апрѣля. Небольшой, насчитывавшій лишь 3½ тысячи человѣкъ, польскій гарнизонъ, поддержанный городскимъ населеніемъ, руководимымъ ксендзомъ Яномъ Мейеромъ и сапожникомъ Яномъ Килинскимъ, одержалъ послѣ 38-часоваго кроваваго боя полную побѣду надъ 8-тысячнымъ русскимъ корпусомъ, состоявшимъ подъ командой самого русскаго посла Игельстрома, и заставилъ послѣдняго искать убѣжища въ расположенномъ подъ Варшавой прусскомъ лагерѣ. Петербургское правительство, недовѣрчиво относившееся къ тревожнымъ депешамъ Игельстрома и полагавшее, что поляки не рѣшатся вступить въ открытую борьбу съ Россіей, теперь приняло болѣе энергичныя мѣры для подавленія движенія.

Освобожденіе Варшавы оказалось фактомъ первостепенной важности для дальнѣйшаго хода возстанія. Столица государства, самый населенный и богатый польскій городъ, владѣвшій прекраснымъ арсеналомъ, перешелъ теперь на сторону движенія. Пало правительство, навязанное русскими властями. Жившій въ Варшавѣ король, являвшійся, правда, простой игрушкой въ рукахъ русскаго посла, но олицетворявшій все-таки незави-

Т. Косцюшко.
(Съ мініатюри 1817 г. Рапперсвильскій музей).

симость народа, официально присоединился къ возстанію. Новые элементы выступили теперь на арену борьбы и придали движению новое направленіе, непредвидѣнное верховнымъ руководителемъ возстанія и крайне нежелательное ему. Организованное офицерами коронной артиллеріи, разсчитывавшими не столько на всенародное ополченіе, о которомъ мечталъ Косцюшко, сколько на войско, искавшее выхода изъ того трагическаго положенія, въ которомъ оно очутилось благодаря редукиі, варшавское возстаніе и обязано было своимъ успѣхомъ прежде всего войску, то-есть тѣмъ, составлявшимъ главный кадръ его, среднимъ шляхтичамъ, которые въ военной службѣ видѣли свое призваніе и не безъ извѣстной гордости носили со временъ великаго сейма 1788—92 г.г. военный мундиръ. Но собственными силами варшавскій гарнизонъ не могъ бы справиться съ непріателемъ. Онъ прибѣгъ къ поддержкѣ мелкихъ мѣщанъ и низшихъ слоевъ городского населенія, мясниковъ, сапожниковъ, ремесленной молодежи, мелкихъ торговцевъ, дворниковъ и праздношатающагося люда, переполнявшаго варшавскія улицы ¹⁾. И эти именно элементы, сыгравшіе теперь рѣшающую роль въ побѣдѣ надъ Игельстромомъ, внесли разлагающія начала въ возстаніе Косцюшки; они стали соединять національное польское дѣло съ общереволюціоннымъ и стремиться къ соціальному перевороту по образцу Франціи, къ уничтоженію собственности и классовыхъ различій. Варшава превратилась въ очагъ революціи, опасный для сосѣднихъ державъ.

Послѣ бѣгства Игельстрема, оставившаго въ рукахъ возставшихъ кассу съ 95.000 золотыхъ червонцевъ и секретный архивъ русскаго посольства, содержавшаго документы съ 1763 г., жители Мазовецкаго княжества подписали на варшавской ратушѣ актъ своего присоединенія къ краковскому возстанію и учредили т. наз. Временный Замѣщающій Совѣтъ, долженствовавшій засѣдать до полученія приказовъ отъ главноначальствующаго Косцюшки. Совѣтъ принялъ мѣры къ внутренней безопасности города и его защитѣ, учредилъ уголовный судъ Мазовецкаго княжества, издалъ приказы о поставкѣ рекрутъ и обратился съ призывомъ къ пожертвованіямъ на нужды отечества. Къ королю отправлена была депутація въ составѣ Дзялынскаго и Горайна съ увѣреніемъ, что Совѣтъ сохранить къ нему свое уваженіе и любовь, но что повиновеніемъ онъ обязался Косцюшкѣ; одновременно съ этимъ делегаты просили короля поддерживать Совѣтъ въ его начинаніяхъ и не покидать Варшавы.

¹⁾ Tokars. Op. cit., 187—201.

Косцюшко долго медлилъ съ установленіемъ центрального революціоннаго правительства, Высочайшаго Народоваго Совѣта, намѣченнаго еще актомъ краковскаго возстанія 24 марта. Опасаясь нарушить границы предоставленной ему власти, онъ ждалъ подтвержденія этого акта большею частью народа, ждалъ полномочія со стороны другихъ воеводствъ кромѣ краковскаго. Наконецъ, 10 мая онъ опредѣлилъ организацію Совѣта, являвшагося на смѣну провизоріальныхъ революціонныхъ органовъ. Устройствомъ Совѣта занялись прибывшіе въ Варшаву Гугонъ Коллонтай и Игнатій Потоцкій. До того они находились въ лагерѣ Косцюшки, являлись наиболѣе дѣятельными членами негласнаго «повстанческаго министерства», ближайшими совѣтниками Косцюшки, редакторами издаваемыхъ отъ его имени универсаловъ и распоряженій и нерѣдко ихъ вдохновителями. Они не были солидарны во взглядахъ. Потоцкій отличался большею умѣренностью и большею разборчивостью въ средствахъ, чѣмъ сторонникъ французской революціи, «польскій Робеспьеръ»—Коллонтай; но онъ подчинялся вліянію послѣдняго и не оказывалъ достаточнаго сопротивленія радикальнымъ начинаніямъ своего товарища. Уже при организаціи Высочайшаго Народоваго Совѣта—онъ состоялъ изъ 8 «совѣтниковъ» (министровъ), находившихся во главѣ самостоятельныхъ «отдѣловъ» (министерствъ), и 32 замѣстителей—Коллонтай, по словамъ секретаря Косцюшки Александра Линовскаго, сознательно распредѣлилъ портфели между людьми малозначительными, чтобы сохранить за собой руководство всѣми дѣлами Совѣта; официально онъ взялъ на себя завѣдываніе финансами, но въ дѣйствительности роль его простиралась неизмѣримо дальше. Врагъ Станислава-Августа, Коллонтай, тотчасъ по прибытіи въ Варшаву, вступилъ съ нимъ въ молчаливую, но упорную борьбу.

Вслѣдъ за Варшавой возсталъ столица Литвы Вильно. Населеніе города совмѣстно съ четырьмястами солдатъ напало въ ночь съ 22 на 23 апрѣля подъ предводительствомъ инженеръ-полковника, горячаго патріота и «прирожденнаго революціонера», Якова Ясинскаго на русскіе посты и почти безъ сопротивленія обезоружило застигнутый врасплохъ сонный гарнизонъ. «Страхъ неожиданности поразилъ русскихъ до того, что они потеряли присутствіе духа. Иные прятались въ печи, другіе надѣвали женское платье. Такимъ образомъ взяли въ плѣнъ: 5 маіоровъ, 4-хъ капитановъ, 11 поручиковъ, 8 подпоручиковъ, 1 адъютанта, 12 прапорщиковъ и 964 нижнихъ чиновъ». ¹⁾ Одновременно былъ

¹⁾ Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб. 1870, стр. 747.

захваченъ главнокомандующій русскими войсками Н. Д. Арсеньевъ, найденный, по однимъ свѣдѣніямъ, на чердакѣ дома спрятавшимся за трубу, по другимъ—въ квартирѣ своей любовницы, г-жи Володковичъ. Вслѣдъ за тѣмъ виленскіе граждане составили «актъ возстанія литовскаго народа», учредили особый Литовскій Высочайшій Народовый Совѣтъ и передали командование городомъ Ясинскому. Установленный тогда же уголовный судъ приговорилъ къ смертной казни гетмана Симона Коссаковского, призвавшаго въ Польшу русскія войска, узурпировавшаго гетманскую власть и безуспѣшно предупреждавшаго Арсеньева о готовящемся въ городѣ возстаніи. «Ни одинъ чловѣкъ,—говоритъ о Коссаковскомъ въ своихъ «Запискахъ» Л. Н. Энгельгардтъ,—не сдѣлалъ столь много озлобленія полякамъ, какъ онъ». Привлеченный на веревкѣ въ одномъ «желтомъ китайчатомъ халатѣ», въ какомъ онъ былъ схваченъ, Коссаковский былъ повѣшенъ на виленскомъ рынкѣ въ присутствіи официальныхъ лицъ, войска и толпы народа; спустя короткое время та же участь постигла Игнатія Швыковского, маршалка виленской конфедераціи въ эпоху Тарговицы.

Сознавая громадное значеніе литовской территоріи въ общемъ ходѣ возстанія, Литовскій Высочайшій Совѣтъ старался всѣми мѣрами привлечь къ движенію самые широкіе круги населенія; онъ апеллировалъ къ патріотическимъ чувствамъ братскаго литовскаго народа, располагалъ путемъ льготъ въ свою пользу крестьянъ, запрещалъ всякое насиліе при ихъ наборѣ и оказывалъ довѣріе евреямъ, поручая еврейскимъ кагаламъ развѣдочную службу; онъ издалъ обращенія даже къ «русскимъ солдатамъ» и къ «уніатамъ и дизунитамъ», въ которыхъ напоминалъ о многочисленныхъ въ XVIII в. побѣдахъ крестьянъ изъ Россіи, взыскивавшей «съ души подать», въ предѣлы Рѣчи Посполитой, предоставлявшей полноту гражданскихъ правъ. Къ началу іюня въ Вильнѣ было собрано около 6000 рекрутъ. Къ возстанію присоединился рядъ литовскихъ городовъ и повѣтовъ; образованы были мѣстныя гражданско-военныя порядковыя комиссіи, гродненская, брестско-литовская, ковенская, пренская, вилкомирская, троцкая и др.; онѣ занялись наборомъ и вооруженіемъ войска, приготовленіемъ провіанта, опредѣленіемъ льготъ для крестьянскихъ семействъ, поставлявшихъ рекрутъ, и т. п. Начались партизанскія стычки съ численно сильнѣйшими русскими войсками, состоявшими подъ командой кн. Н. В. Репнина. Но эта энергичная дѣятельность Литовскаго Совѣта не встрѣчала, особенно на первыхъ порахъ, сочувствія со стороны Косцюшки. Въ фактъ самовольнаго установленія особаго высшаго револю-

ціоннаго учрежденія для Литвы, въ предоставленіи Ясинскому главноначальствованія надъ литовскимъ войскомъ, въ пропускѣ своего имени при составленіи текста виленскаго и ковенскаго актовъ возстанія Косцюшко усмотрѣлъ умаленіе собственнѣйшей власти, стремленіе къ сепаратизму, къ обособленію литовскаго движенія отъ короннаго. Онъ издалъ 21 мая обращеніе къ Совѣту, въ которомъ писалъ, что считалъ бы себя недостойнымъ довѣрія, оказаннаго ему народомъ, если бы не сумѣлъ «использовать и удержать» свою власть. «Исправляя шаги, ошибочно сдѣланные въ первый моментъ возстанія», онъ заявлялъ, что въ виду предстоящаго образованія общаго Высочайшаго Народоваго Совѣта—онъ былъ открытъ 29 мая,—временные Совѣты, Варшавскій и Виленскій, должны прекратить свои дѣйствія. Распоряженіе это не встрѣтило протеста со стороны Литовскаго Совѣта. Допущенное имъ въ началѣ возстанія нѣкоторое самоволіе вызвано было лишь необходимостью немедленной организаціи революціоннаго правительства и трудностью сношеній съ Косцюшкой; оно могло свидѣтельствовать о разницѣ въ пониманіи задачъ и средствъ возстанія, но не о стремленіи къ сепаратизму; Литовскій Совѣтъ самъ указывалъ на временный характеръ своихъ полномочій и на свою подчиненность верховному начальнику; поэтому обнаруженная со стороны Косцюшки подозрительность не имѣла за собой достаточныхъ основаній и являлась скорѣе слѣдствіемъ интригъ лицъ, заинтересованныхъ въ разъединеніи короннаго и литовскаго движенія, чѣмъ дѣйствительной виновности Совѣта. Какой то глубокой разладъ, какія то сложныя интриги несомнѣнно существовали среди литовскихъ дѣятелей и весьма пагубно отражались на ходѣ движенія. Судя по даннымъ, собраннымъ польскимъ историкомъ Генрихомъ Мосцицкимъ въ его новомъ трудѣ «Исторія Литвы и Руси послѣ перваго раздѣла Польши» ¹⁾, можно предполагать, что несогласія эти проистекали главнымъ образомъ изъ враждебнаго отношенія умѣренной части литовскаго общества къ творцу виленскаго возстанія Ясинскому, къ тому радикальному теченію, которое онъ представлялъ. Уже при исполненіи приговора надъ Коссаковскимъ Ясинскій обратился къ собравшимся со слѣдующею рѣчью: «Милостивые Государи. Здѣсь будетъ происходить событіе, о которомъ запрещается разсуждать. Нравится ли оно кому изъ васъ или нѣтъ, извольте молчать, а кто подниметъ голосъ, тотъ будетъ повѣшенъ на этой висѣлицѣ» ²⁾; онъ призывалъ возставшихъ забыть о чинахъ и

¹⁾ *Mościcki Henryk.* Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi. T. I, стр. 158—272.

²⁾ *Костомаровъ.* *Op. cit.*, 750.

должностяхъ и видѣть неравенство между людьми лишь въ различной степени мужества и доблести, имъ присущихъ; онъ полагалъ даже, что «Польша нельзя спасти, не вырѣзавши всей шляхты»; представленный Косцюшкѣ, какъ сторонникъ террора и демагогъ, преслѣдующій личныя цѣли, онъ въ началѣ іюня былъ лишенъ главнокомандованія надъ литовскимъ войскомъ и весьма неудачно замѣненъ Михаиломъ Віельгорскимъ, безталаннымъ генераломъ и враждебнымъ всему движенію челоѣкомъ.

Возстаніе все ширилось. Кромѣ великой Польши, занятой прусскими войсками и не могшей поэтому сразу присоединиться къ движенію, и Волыни, оставшейся до конца равнодушной къ борьбѣ за свободу, въ Рѣчи Посполитой не было почти уголка, который такъ или иначе не отзывался бы на призывы Косцюшки. Подъ знамена его стекались даже тѣ отряды, которые уже были распределены по русскимъ полкамъ и предназначены къ отправленію въ Крымъ для защиты русскихъ границъ имперіи въ виду ожидавшагося вооруженнаго выступленія Турціи; они пробивались къ Косцюшкѣ черезъ лѣса, подвергаясь громадной опасности со стороны русскихъ; съ пойманными, по словамъ Костомарова, «поступали неумолимо; особенно жестоко наказывали тѣхъ, которые оказывали сопротивленіе при поимкѣ; такимъ образомъ, состоялся приговоръ, произнесенный кіевскимъ кригсгерихтомъ въ августѣ (1794 г.): 280 челоѣкъ присуждено колесовать и на колеса тѣлеса ихъ положить; другихъ только вѣшали; многихъ виновныхъ наказывали тѣлесно и отправляли во внутреннія губерніи на службу» ¹⁾).

Зрззительный примѣръ казни гетмана Коссаковскаго въ Вильнѣ, съ одной стороны, и нѣкоторыя злоупотребленія русскихъ отрядовъ въ окрестностяхъ Варшавы и иныхъ мѣстахъ, съ другой—привели въ состояніе сильнаго возбужденія городское населеніе Варшавы. Ходили неговѣренныя слухи о жестокостяхъ капитана С. А. Тучкова, который, уходя изъ подъ Вильны, жегъ жилия мѣстности, о разорительной контрибуціи, наложенной на Гродно кн. П. Д. Циціановымъ, объ отданномъ будто бы маіоромъ Сухозанетомъ бургомистрамъ г. Козенице приказѣ поставлять для русскихъ солдатъ польскихъ женщинъ. На вѣру принимались самыя чудовищныя, самыя неправдоподобныя вѣсти, имѣвшія вполнѣ опредѣленную цѣль—поднять населеніе противъ русскихъ и ихъ сторонниковъ. Съ настойчивостью распространяемые въ Варшавѣ, слухи эти возымѣли здѣсь особенно сильное дѣйствіе, вызвавши крайнее ожесточеніе какъ противъ русскихъ, такъ и противъ заключенныхъ въ тюрьму поляковъ,

¹⁾ Костомаровъ. *Op. cit.*, 754.

навлекшихъ на родину русскія войска, противъ вождей тарговицкой конфедераціи, противъ самозванныхъ маршалковъ и гетмановъ. Секретныя документы русскаго посольства, найденныя во дворцѣ Игельстрома послѣ его бѣгства, воочію убѣждали въ виновности короля, его брата—примаса и многочисленныхъ епископовъ и сановниковъ польскихъ; въ документахъ этихъ перечислялись суммы, которыя польскіе дѣятели получали отъ русскаго правительства за оказываемыя послѣднему услуги или на подкупъ сеймовыхъ пословъ.

8 мая, въ день именинъ Станислава-Августа, возбужденіе городского населенія достигло своего апогея. По городу пушень былъ слухъ о приближеніи русскихъ и прусскихъ войскъ и о бѣгствѣ короля изъ столицы. Народъ, почувствовавшій себя покинутымъ, бросился въ арсеналь, выломалъ ворота, вооружился и сталъ кричать объ измѣнѣ. Тревога оказалась напрасной. Король, уѣхавшій лишь на Прагу посмотрѣть воздвигаемые тамъ окопы, немедленно возвратился, узнавши о волненіи въ городѣ; его встрѣтили восклицаніями: «да здравствуетъ король», къ которому другіе добавляли: «только пусть не убѣгаетъ». Его принудили принять въ свою свиту 14 адъютантовъ, назначенныхъ Временнымъ Совѣтомъ изъ представителей города и дежурившихъ въ количествѣ двухъ человѣкъ по одному разу въ недѣлю; на ихъ обязанности лежало ночевать въ королевскомъ замкѣ и сопровождать всюду короля; въ составъ этихъ городскихъ адъютантовъ входило 7 купцовъ, мечникъ, ювелиръ, типографъ, слесарь, столяръ, мясникъ и сапожникъ. Но населеніе успокоилось не сразу. Въ ночь на 9 мая оно построило четыре висѣлицы съ надписями: «наказаніе измѣнникамъ отечества!» и подъ утро окружило ратушу, въ которой засѣдалъ Временный Совѣтъ, настойчиво требуя казни четырехъ наиболѣе ненавистныхъ сановниковъ, гетмановъ Ожаровскаго и Забѣлло, предсѣдателя Постояннаго Совѣта Анквича и епископа Коссаковскаго; на увѣщанія Совѣта чернь, предводительствуемая ксендзомъ Мейеромъ и бывшимъ секретаремъ Коллонтая—Казиміромъ Конопкой, отвѣчала угрозой самосуда. Совѣтъ уступилъ, и осужденные были повѣшены среди криковъ «да здравствуетъ революція!» и ликованія озвѣрѣвшей толпы, плевавшей на свои жертвы и рвавшей на нихъ одежды.

IX.

Поланецкій универсалъ.—Обращеніе Косцюшки къ православному духовенству.

Во время этихъ событій Косцюшко собиралъ медленно стекавшіеся къ нему отовсюду отряды. Въ началѣ мая въ его распо-

ряженіи находилось около 10.000 регулярнаго войска и 5.000 косиньеровъ. Подступивши къ границамъ Сandomирскаго воеводства, онъ, согласно выработанному плану, распустилъ краковскую милицію и предполагалъ замѣнить ее сandomирской; онъ разослалъ офицеровъ для набора косиньеровъ и пикинеровъ и для приобрѣтенія лошадей и провіанта подъ выданные изъ скарба расписки; но жители Сandomирскаго воеводства обнаружили мало усердія къ возстанію; «большая часть шляхты—записываетъ въ своемъ дневникѣ Заіончекъ—покинула край, удаляясь въ Галицію; оставшіеся же на родинѣ скорѣе были вредны, чѣмъ полезны общественному благу; они думали лишь о томъ, чтобы потушить всякую искорку патріотизма въ пригнѣтенныхъ неволей душахъ крестьянъ и даже поощряли ихъ къ оставленію родныхъ избъ»¹⁾.—Въ виду нерегулярнаго поступленія податей и отсутствія средствъ на содержаніе все возрастающаго войска Косцюшко принужденъ былъ обратиться къ реквизиціи костельнаго серебра и утвари; онъ приказалъ забрать изъ костеловъ и изъ монастырей, не исключая нищенствующихъ, серебро и золото, оставляя лишь необходимое для богослуженія, и перелить его въ слитки; онъ указывалъ, что въ святомъ дѣлѣ защиты отечества средство это не является предосудительнымъ; «и храмы Божіи—писалъ онъ—не обезпечены передъ грабежомъ врага....; поэтому то, что можетъ сдѣлаться добычей послѣдняго, надлежитъ отдать отечеству».

Его не покидала великая вѣра въ крестьянъ, въ возможность массоваго привлеченія ихъ къ дѣлу возстанія путемъ защиты ихъ личности и достоянія и распространенія на нихъ гражданскихъ правъ. «Мы съ удивленіемъ замѣчаемъ—пишетъ В. А. Мякотинъ,—что въ распоряженіяхъ Косцюшки, занимавшихъ менѣе одного мѣсяца времени, было сдѣлано для крестьянъ болѣе, чѣмъ въ продолженіе предшествовавшихъ 19 лѣтъ»²⁾, въ теченіе которыхъ дѣлались робкія попытки разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Помимо уже извѣстныхъ намъ указовъ, направленныхъ къ облегченію крестьянской доли, Косцюшко издалъ 2 мая изъ лагеря при Винярахъ универсалъ объ уменьшеніи по крайней мѣрѣ на одинъ день барщины для каждаго крестьянина, уходящаго въ войско, объ освобожденіи сельскихъ громадъ, участвующихъ въ посполитомъ рушеніи или идущихъ облавою на врага, отъ всякихъ повинностей на все время ихъ пребыванія въ лагерѣ и о заботливомъ отношеніи помѣщичьихъ дворовъ

¹⁾ *Zajęczek J. Historia rewolucji polskiej w r. 1794. Warszawa-Lwów. (Książnica, T. 12). 1907. T. II, стр. 29.*

²⁾ *Мякотинъ, op. cit., стр. 223.*

къ оставшимся въ деревнѣ крестьянскимъ семьямъ; онъ мотивировалъ это распоряженіе необходимостью предупредить интриги «москалей», которые «думаютъ возбудить противъ насъ поселянъ», «обѣщаютъ имъ улучшение ихъ участи» и «въ безчеловѣчномъ обращеніи, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терпитъ сельское населеніе, находятъ достаточный поводъ безчестить польскую націю». Гораздо далѣе этого универсала, касающагося только крестьянъ, поступающихъ въ ряды арміи, идетъ завершающій крестьянское законодательство Косцюшки Поланецкій универсалъ отъ 7 мая ¹⁾. Онъ обѣщаетъ крестьянамъ покровительство закона, объявляетъ ихъ лично свободными, предоставляя имъ право селиться въ любомъ мѣстѣ при условіи уплаты долговъ и общественныхъ податей, уменьшаетъ количество рабочихъ дней на пановъ («кто работаетъ 5 дней въ недѣлю, будетъ работать 3, кто 3—2, кто 2—1»), запрещаетъ помѣщику отнимать у крестьянина его поле, пока не будетъ доказано неисполненіе крестьяниномъ его обязанностей, грозитъ привлеченіемъ къ уголовному суду помѣщиковъ и ихъ экономовъ, притѣсняющихъ крестьянъ, устанавливаетъ новую должность дозорцы, обязаннаго принимать жалобы отъ крестьянъ и владѣльцевъ и рѣшать взаимные споры и т. п.

Отношеніе историковъ къ Поланецкому универсалу не одинаково. Одни находятъ его опаснымъ, задѣвающимъ частновладѣльческія права шляхты, несвоевременно и бесполезно обостряющимъ антагонизмъ между помѣщиками и крестьянами; другіе—недостаточно радикальнымъ, предоставляющимъ наибольшее облегченіе наименѣе обремененнымъ панской работой крестьянамъ и, главное, сохраняющимъ барщину во всей ея силѣ. Поланецкій универсалъ несомнѣнно посѣялъ тревогу среди помѣщиковъ, уже ранѣе косо смотрѣвшихъ на нѣкоторыя начинанія диктатора, особенно на рекрутскій наборъ среди хлоповъ, и признававшихъ, что молчаливые донинѣ рабы могутъ направить полученное ими оружіе не только противъ внѣшняго врага, но и противъ вѣковыхъ своихъ угнетателей; онъ усилилъ эмиграцію помѣщиковъ изъ Польши и вызвалъ нареканія ихъ на «якобинизмъ» возставшихъ; онъ не помогъ дѣлу возстанія, такъ какъ или не дошелъ до народа, или не внушилъ ему вѣры (Нѣмцевичъ); ксендзы и помѣщики не приняли мѣръ къ его опубликованію; «кажется онъ приводился въ исполненіе лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда достигала вооруженная рука войскъ Косцюшки» (Завѣруха); даже въ газетахъ онъ появился лишь спустя мѣсяцъ послѣ его изданія (Костомаровъ); онъ пришелъ слишкомъ рано

¹⁾ Переводъ у Костомарова, *op. cit.*, 758—763.

для народа, «еще, увы, слишкомъ темнаго, малосознательнаго и недовѣрчиваго» (Бартошевичъ) и потому прошелъ съ практической точки зрѣнія совершенно безслѣдно; но вреда возстанію онъ не причинилъ; явной оппозиціи, явнаго протеста противъ него не было. Другой вопросъ, могъ ли Поланецкій универсалъ итти далѣе, могъ ли онъ совершенно уничтожить барщину и разрушить до основанія тогдашнее шляхетское хозяйство. «Критики дѣятельности Косцюшки—пишетъ Завѣруха—говорятъ, что французскіе революціонеры совершенно сломали социальное господство дворянства и благодаря этому одержали побѣду. Такъ, дѣйствительно, было во Франціи; но во Франціи были промышленные и торговые города съ трудящимся населеніемъ, просвѣщеннымъ и страстно стремящимся къ свободѣ; была независимая интеллигенція, поставлявшая народу писателей, трибуновъ и полководцевъ; было богатое и могущественное мѣщанство, дерзко простиравшее руку къ кормилу народнаго правленія; былъ крестьянинъ, убѣжденный въ возможности сверженія дворянскаго ига. Въ Польшѣ же крестьянскія массы были еще темны и руководствовались слѣпымъ инстинктомъ; городское населеніе—немногочисленное и не искусившееся въ политической борьбѣ; мѣщанство—удовлетворявшееся скромнымъ участіемъ въ управленіи и не сочувствовавшее насильственнымъ переворотамъ; независимой интеллигенціи малая лишь горсточка. Для якобинской революціи въ Польшѣ не хватало силъ. Польская революція должна была мирить стремленія демократовъ со стремленіями умѣренныхъ шляхетскихъ прогрессистовъ»¹⁾.

Косцюшко стремился привлечь къ возстанію все населеніе безъ отношенія не только къ социальнымъ группировкамъ, но и вѣроисповѣднымъ. Въ тотъ же день, въ который былъ изданъ Поланецкій универсалъ, онъ обратился съ призывомъ «къ монашескому и свѣтскому духовенству польскаго греко-восточнаго неунитскаго исповѣданія», въ которомъ проводилъ параллель между русскимъ правительствомъ, «на насильствахъ и грабежахъ, на безстыдныхъ и злыхъ качествахъ укрѣпленнымъ», и основаннымъ на законности и свободѣ польскимъ правленіемъ, за которое поляки нынѣ проливаютъ свою кровь; онъ увѣрялъ, что разница обрядовъ не мѣшаетъ полякамъ любить православныхъ, «какъ братьевъ и соотечественниковъ», и что революцион-

¹⁾ *Zawierucha*, op. cit., 53. О Поланецкомъ универсалѣ см. также: *Korzon*, *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława-Augusta*, wyd. 2-ie, t. I, стр. 493—507; *Barłoszewicz*, op. cit., 235—238; *Костомаровъ*, op. cit., 758—764; *Мякотинъ*, op. cit., 219—229, и возраженія ему *Смоленскаго*, *Pisma historyczne*, III, 73—75; *Карпеевъ*, *Польскія реформы XVIII в.*, Спб, 1890, стр. 165—168.

ное правительство заботится о свободѣ православнаго обряда и матеріальномъ обеспеченіи его священнослужителей ¹⁾. Спустя нѣкоторое время Высочайшій Народовый Совѣтъ издалъ указъ о свободѣ православнаго исповѣданія, допущеніи православныхъ ко всѣмъ военнымъ и гражданскимъ должностямъ и образованіи особой іерархіи, подчиненной константинопольскому патріарху. За короткое время возстанія эти необычныя для малотерпимой Польши распоряженія революціоннаго правительства нашли себѣ примѣненіе на практикѣ: въ порядковыя комиссіи—брестско-литовскую, қобринскую, было избрано не мало православныхъ членовъ; православный игуменъ Григоровскій исполнялъ даже одно время обязанности предсѣдателя брестско-литовской комиссіи; ассигнованы были средства на наемъ помѣщенія для православной часовни, и въ резолюціи по этому поводу Высочайшій Совѣтъ заявлялъ, что онъ «признаетъ православныхъ братьями, равными со всѣми согражданами, и сынами одного отечества». Можно думать, что гуманные указы Косцюшки нашли себѣ нѣкоторый откликъ и въ отрѣзанныхъ границей 1793 г. южно-русскихъ воеводствахъ Польши; въ цѣломъ воеводства эти не присоединились къ возстанію, но среди 83 лицъ, подвергнутыхъ карѣ указомъ Екатерины II отъ 20 іюня 1795 г. за участіе въ «польскомъ бунтѣ», мы находимъ и православныхъ, начиная съ пономаря Ѳаддея Немирича и кончая высокимъ сановникомъ православной церкви, викарнымъ кіевскимъ епископомъ Михаиломъ Полоцкимъ ²⁾.

И. Рябининъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Универсалъ Косцюшки къ православному духовенству помѣщенъ у Костомарова, *op. cit.*, стр. 775, очевидно, въ переводѣ съ польскаго, несмотря на то, что онъ былъ напечатанъ одновременно на польскомъ и русскомъ яз.; начало универсала воспроизведено фототипически у Бартошевича, *op. cit.*, стр. 176, по рѣдкому экземпляру, хранящемуся въ Рапперсвильскомъ музеѣ.

²⁾ Korzon, *Wewnętrzne dzieje Polski*, I, 214—216.

Изъ исторіи возрожденія Галичины¹⁾.

II. На зарѣ возрожденія.

Первое серьезное столкновение между живыми народными силами, потенциально таившимися въ Галичинѣ, и мертвящей нивелляторской политикой произошло на пунктѣ народнаго просвѣщенія. Мы уже знаемъ, что правительство во всѣхъ инстанціяхъ ежегодно издавало массу предписаній и распоряженій касательно распространенія грамотности въ народѣ, но знаемъ также и то, что всѣ эти строгія напominанія и предупрежденія оставались лишь бумажными украшеніями на зданіи «просвѣщеннаго абсолютизма». Да, собственно говоря, правительству и не до того было, чтобы слишкомъ настаивать на выполненіи своихъ предписаній. Оно по горло было занято участіемъ въ наполеоновскихъ войнахъ и конгрессахъ, перекраивавшихъ карту Европы, не говоря уже о хроническихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, а общественныя силы пока пребывали въ дремотномъ состояніи. Лишь по окончаніи военныхъ дѣйствій наступило болѣе благоприятное для культурной дѣятельности время. Въ 1815 г. перемышльскій епископъ, впоследствии митрополитъ львовскій, Михаилъ Левицкій, издалъ обращеніе къ подвѣдомственному духовенству о возобновленіи приходскихъ школъ въ епархіи съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ населенія — «wojszyszej ludu prostego mowie». «Нѣкогда здѣсь,—читаемъ въ епископскомъ посланіи,—въ каждомъ приходѣ существовали свои школы, въ которыхъ сельское юношество обучаясь читать и писать по-украински («по rusku»), одновременно совершенствовалось и въ религіи. Предки нынѣшнихъ нашихъ прихожанъ, не будучи болѣе состоятельными, устраивали однако на свой собственный счетъ школы, не жалѣя затратъ, жертвъ и средствъ на содержаніе учителей; еще и теперь во многихъ мѣстахъ существуетъ эти школы или слѣды ихъ, служащіе памятниками заботливости

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 2.

нашихъ предковъ». ¹⁾ Здѣсь впервые ясно и опредѣленно поставленъ вопросъ о языкѣ преподаванія,—поставленъ передъ полонизированнымъ духовенствомъ, уже изгнавшимъ въ то время изъ своего обихода родную рѣчь. Убѣдившись затѣмъ, во время ревизіи приходовъ о согласіи прихожанъ давать средства на школы подъ непремѣннымъ условіемъ преподаванія на понятномъ языкѣ ²⁾, Левицкій основываетъ въ Перемышлѣ учительскій институтъ для подготовки педагогическаго персонала (1816 г) и одновременно обращается къ мѣстнымъ правительственнымъ органамъ съ ходатайствомъ о легализаціи народнаго языка, какъ орудія преподаванія въ мѣстныхъ школахъ. Упомянутое ходатайство послужило поводомъ къ любопытнѣйшей официальной полемикѣ между представителями разныхъ вѣдомствъ, различно относившихся къ народному языку, какъ средству просвѣщенія.

На ходатайство епископа администрація отвѣтила, что она вовсе не предписывала, чтобы въ сельскихъ школахъ принудительно былъ введенъ исключительно нѣмецкій языкъ; но въ то же время она предвидитъ затрудненія и при введеніи украинскаго языка, такъ какъ многія сельскія общества состоятъ изъ смѣшаннаго населенія, въ которомъ встрѣчаются лица, принадлежащія и къ римско-католическому, и къ уніатскому вѣроисповѣданію,—поэтому для послѣднихъ пришлось бы содержать спеціальныхъ учителей. А такъ какъ на украинскомъ языкѣ не существуетъ письменности, то едва ли найдется достаточное число учителей, способныхъ вести на немъ преподаваніе. Въ отвѣтъ на эту канцелярскую отписку въ явно полонизаторскомъ духѣ епископъ представилъ обширный меморіалъ съ изложеніемъ всѣхъ аргументовъ въ пользу преподаванія на народномъ языкѣ. Исходя изъ религіозной точки зрѣнія, авторъ меморіала, извѣстный поборникъ національнаго возрожденія Могильницкій, въ особенности подчеркиваетъ, что религіозный духъ среди народа падаетъ, благодаря тому, что народъ лишенъ обученія на своемъ языкѣ, который вовсе не совпадаетъ съ польскимъ. Это признаютъ и сами чиновники, при своихъ сношеніяхъ съ народомъ, обращаясь къ нему на его языкѣ. Равнымъ образомъ нѣтъ нужды содержать отдѣльныхъ учителей для польскаго и украинскаго населенія, такъ какъ громадное большинство сельскихъ обществъ восточной Галичины состоитъ

¹⁾ «Матеріяли до культурної історії Галицької Русі», изд. подъ ред. Ів. Франка, Львів, 1902, стр. 159.

²⁾ До нашего времени дошло любопытное прошеніе мѣщанъ м. Любачева о «uczeniu naszych dzieci po rusku», мотивированное желаніемъ и необходимою понимать преподаваемое въ школахъ. Тамъ же, стр. 249—250.

изъ русинъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались бы отдѣльные представители польской національности, достаточно было бы имѣть учителей, знающихъ оба языка. Къ этимъ соображеніямъ администрація отнеслась также отрицательно, отмѣтивъ, что такъ какъ ни книги, ни законы, ни распоряженія властей на украинскомъ языкѣ не издаются, то обученіе на немъ, кромѣ Закона Божія, было бы совершенно бесполезною тяготою для населенія; кромѣ того, извѣстныя трудности представляетъ и самый шрифтъ школьныхъ пособій, а потому рекомендуется въ нихъ употреблять латинскій шрифтъ, «чтобы не поддерживать духа сепаратизма между жителями одной области и даже одной общины» («um den Geist des Separatismus unter den Bewohnern einer und derselben Provinz, ja einer und derselben Ortsschaft nicht noch mehr zu nähren»). На томъ же настаивала администрація и въ другихъ своихъ отзывахъ, выдвигая, между прочимъ, и аргументацію отъ разума, которую недавно еще повторилъ г. Струве: «Нѣмецкій народъ также имѣетъ много нарѣчій, но въ школахъ употребляетъ только одинъ литературный языкъ; такимъ языкомъ у насъ является польскій, понятный и украинскому народу, Такое просвѣщенное, либеральное и справедливое правительство, какъ австрійское, не можетъ имѣть никакихъ причинъ политическаго характера къ тому, чтобы не допускать обученія на польскомъ языкѣ, Но,—киваютъ на Петра мѣстныя власти,—держась въ сторонѣ отъ партійныхъ соображеній, если уже нужно обратиться вниманіе и на политическую сторону вопроса, то навѣрное менѣе рачительнымъ было бы поддержаніе украинскаго языка, который является только нарѣчіемъ великорусскаго» ¹⁾. Въ этомъ деликатномъ намекѣ, при весьма не деликатныхъ комплиментахъ по адресу правительства, кроется уже зерно позднѣйшихъ обвиненій, съ разныхъ сторонъ предъявляемыхъ къ украинскому движенію. Даже сакраментальное слово «сепаратизмъ» уже произнесено. И современные намъ г-да Струве, быть можетъ, и не предполагаютъ, что прототипомъ ихъ аргументаціи является канцелярское произведеніе невѣдомаго австрійскаго чиновника 1816 года...

На приведенное постановленіе администраціи Левицкій принесъ жалобу императору Францу І. Императоръ, объявивъ благодарность духовенству за его заботы о народномъ образованіи, вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ учредить особую комиссію для рѣшенія общаго вопроса о языкѣ преподаванія въ галицкихъ школахъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 141; *Вознякъ М.*—Просвітні змагання, стр. 9. *Вознякъ М.*—Студії над граматиками ХІХ в., «Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. 90, стр. 52—55.

при чемъ высказалъ свое пожеланіе, чтобы комиссія не запрещала обученія чтенію и письму на народномъ языкѣ, такъ какъ это могло бы вызвать недовольство среди населенія. Комиссія, состоявшая изъ нѣмецкихъ чиновниковъ и представителей высшаго католическаго духовенства, собралась на совѣщаніе уже въ 1817 г. Интересы украинскаго народа представляли въ ней епископъ Левицкій и Могильницкій. Комиссія опять-таки, большинствомъ всѣхъ противъ двухъ голосовъ, пришла къ заключенію, что областнымъ языкомъ въ Галичинѣ является только польскій, и потому все обученіе должно производиться на немъ, за исключеніемъ Закона Божія, который не запрещается преподавать и по-украински. «Если бы,—говорилъ въ комисіи католическій митрополитъ Анквичъ,—украинскій языкъ сдѣлался главнымъ орудіемъ обученія въ народныхъ школахъ, то тѣмъ самымъ (!) онѣ были бы обращены въ церковныя школы для приготовления дьячковъ и церковнаго причта (!),—между тѣмъ Галичина является частью прежней Польши, гдѣ государственнымъ языкомъ былъ польскій, хотя на всемъ ея пространствѣ отъ Силезіи до Молдавіи народомъ употребляются многія нарѣчія. Если кто пожелаетъ научить мужика греко-католическаго исповѣданія (!) читать свои богослужебныя книги, то для этого достаточно перевести ихъ на польскій языкъ или напечатать латинскимъ шрифтомъ, а не увеличивать безъ нужды ради мужиковъ нарѣчій и буквъ». Левицкій и Могильницкій остались при особомъ мнѣніи, которое изложено въ обширной запискѣ Могильницкаго, детально разбиравшей вопросъ и защищавшей права украинскаго языка съ точки зрѣнія государственно-правовой, исторически-національной и культурной. Результатомъ этой защиты было императорское постановленіе отъ 22 мая 1818 г., которымъ опредѣлялись права народнаго украинскаго языка въ слѣдующемъ объемѣ: 1) обученіе Закону Божію во всѣхъ галицкихъ и буковинскихъ школахъ для юношества гр.-католическаго исповѣданія производится священниками того же исповѣданія на украинскомъ языкѣ; 2) всѣ остальные предметы въ смѣшанныхъ школахъ преподаются по-польски, съ тѣмъ однако, чтобы дѣти гр.-католическаго вѣроисповѣданія обучались также читать и писать по-украински, 3) въ школахъ, гдѣ обучаются только греко-католики, всѣ предметы преподаются по-украински, при условіи обученія польскому чтенію и письму; 4) въ поселеніяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ русины могутъ основывать и чисто украинскія школы, но на частныя средства; 5) украинскія школы въ поселеніяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ школъ, пользуются тѣми же правами, какими обладаютъ и польскія школы, и 6) надзоръ надъ

школами возлагается на духовенство соотвѣтственнаго исповѣданія, при чемъ надзоръ надъ смѣшанными школами принадлежитъ духовенству того исповѣданія, къ которому принадлежитъ большинство учащихся ¹⁾).

Такимъ образомъ, несмотря на тенденцію трактовать школьный вопросъ исключительно съ вѣроисповѣдной, а не національной точки зрѣнія и на преимущества, оказываемыя правилами польскимъ школамъ, за украинскими также признано было право на существованіе и на извѣстный объемъ конкурирующей дѣятельности. При томъ настроеніи, которое замѣчалось въ кругу мѣстной администраціи и рѣшавшей дѣло комиссіи, при упадкѣ, съ другой стороны, національнаго самосознанія среди самого украинскаго общества, и это было уже крупной побѣдой. Тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за изданіемъ приведенныхъ правилъ во главѣ школьнаго дѣла въ перемышльской епархіи былъ поставленъ такой ревностный сторонникъ родного элемента въ образованіи, какъ Могильницкій, вообще бывшій душою всей кампаніи въ пользу украинской школы. Дѣятельность Могильницкаго развернулася еще шире, когда послѣ Левицкаго епископскую кафедру въ Перемышлѣ занялъ съ 1818 г. Іоаннъ Снѣгурскій, убѣжденный сторонникъ національнаго возродженія. Стараніемъ Могильницкаго въ перемышльской епархіи было основано 410 школъ и изданъ «для училищъ парафіяльныхъ» цѣлый рядъ школьныхъ учебниковъ, въ которыхъ ощущалась наиболѣе острая нужда («Букварь славено-русскаго языка», «Катехизисъ малый», «Повинности подданныхъ ку ихъ Монархѣ», «Наука христіанская», «Правила школьная» и т. п.) ²⁾. Для болѣе успѣшнаго развитія издательскаго и вообще просвѣтительнаго дѣла Могильницкій еще въ 1815 г. основалъ въ Перемышлѣ первое въ Галичинѣ просвѣтительное общество, уставъ котораго («Statuta societatis presbyte-

¹⁾ *Левицький Ів.*—Матеріяли до історії народнаго шкільництва в Галичині,—см. «Матеріяли до культурної історії Галицької Руси», подъ ред. Ів. Франка, стр. 170—171.

²⁾ Въ качествѣ образца языка привожу нѣсколько пунктовъ изъ «Правилъ школьныхъ» изд. 1817 г., а именно изъ отдѣла IV-го «О захованіи ся кромѣ Церкви и школы», измѣняя лишь правописаніе на современное.

9. «Учітєся или робіте собі в дому заданія шкільная. Читайте, пишть, рахуйте, рисуєте, повтаряйте. При тім робіте охоче і належите, що вам родичі приказують. До жадної праці не будьте лінивими. 10. Егда вам бавитися pozwalюють, обірайте к сему місцє, где бисьте нікому прикрими не були. Бавтєся осібно хлопці з хлопцима, а дівчата з дівчатыми. Бавтєся безъ колотні і дикого галасу...»

За проступки противъ школьныхъ правилъ назначались соотвѣтственныя кары—отъ увѣщанія, лишенія мѣста въ классѣ і записи въ особую книгу вплоть до наказанія «наветъ розгою или пальцатомъ». См. «Матеріяли до культурної історії Галицької Руси», подъ ред. Ів. Франка, стр. 221—226.

orum ritus graeco-catholici galiciensium...») былъ утвержденъ въ 1816 г. Уставъ предполагалъ изданіе и распространеніе популярныхъ религіозно-нравственныхъ книгъ, написанныхъ такъ, чтобы ихъ могли понимать и неграмотные крестьяне,—слѣдовательно чистымъ народнымъ языкомъ, избѣгая только грубыхъ и вульгарныхъ выраженій. Къ сожалѣнію, общество еще до начала своей дѣятельности подверглось, по доносу базилианскихъ монаховъ и польскаго духовенства, подозрѣніямъ въ стремленіи къ распространенію среди народа превратныхъ толкованій, и изъ Вѣны или Рима сдѣлано было, по всей вѣроятности, указаніе о приостановкѣ работы общества ¹⁾. Судьба этой интересной просвѣтительной попытки еще разъ показываетъ, какими затрудненіями обставлено было дѣло національнаго возрожденія украинцевъ въ Галичинѣ и какъ, тѣмъ не менѣе, вопреки препятствіямъ оно все-таки стремилось найти для себя выходъ.

Съ именемъ Могильницкаго, бывшаго вообще исключительно свѣтлымъ явленіемъ на темномъ фонѣ галицкой жизни того времени, связывается еще одинъ эпизодъ, имѣвшій весьма важное значеніе въ исторіи національнаго возрожденія Галичины ²⁾. Отличаясь выдающимися способностями, образованіемъ и энергичнымъ характеромъ, онъ подчинялъ своему вліянію даже людей, въ сущности далеко стоявшихъ отъ тѣхъ побужденій, которыя руководили этимъ человекомъ. Таковъ былъ напр., епископъ, впослѣдствіи митрополитъ львовскій, Михаилъ Левицкій. Подъ вліяніемъ Могильницкаго даже онъ, какъ мы знаемъ, выступалъ защитникомъ народнаго языка и только впослѣдствіи обнаружилъ истинную свою фізіономію, подвергая тупому и озлобленному преслѣдованію піонеровъ возрожденія 30-хъ годовъ. Но въ 1821 г., когда будущій митрополитъ находился еще всецѣло подъ вліяніемъ Могильницкаго, онъ представилъ въ цензуру пастырское посланіе на церковно-славянскомъ языкѣ, вмѣсто обычно употреблявшагося тогда въ официальныхъ случаяхъ польскаго. Времена настолько уже измѣнились, что даже «книгъ Рускихъ Всевысочайшею Царственною властью ценсора» уже не нашлось въ Галичинѣ, и администрація отвѣтила епископу запрещеніемъ его посланія, ссылаясь на то, что отъ предшественниковъ его не исходило посланій на «кирилскомъ (і) языкѣ» («in cyrillischer Sprache»), и потому слѣдуетъ писать по-польски. Могильницкому было поручено

¹⁾ Тамъ же, стр. 274—276.

²⁾ О Могильницкомъ см. упомянутую уже работу *Левицького*—Погляд на розвій низшого і висшого шкільництва в Галичині, стр. 132—134, а такоже *М. Тершаковца*—Галицько-руське літературне відродження, Львів, 1908, стр. 9—11, *М. Возняка*—Студії над граматики XIX в. и *Маковця*—Три галицькі граматики. «Записки Н. Т-ва імени Шевченка», т. 89, 90 и 51.

составить протестъ противъ этого запрещенія, и официальная бумага разрослась въ цѣлое ученое изслѣдованіе объ украинскомъ языкѣ, впослѣдствіи напечатанное въ переводѣ на польскій языкъ («Rozprawa o języku ruskim», 1829 г.) ¹⁾. Въ этомъ первомъ въ Галичинѣ филологическомъ изслѣдованіи, которое послужило исходной точкой для послѣдующихъ дѣятелей національнаго возрожденія, Могильницкій рѣшительно становится на точку зрѣнія самостоятельности украинскаго языка въ отношеніи какъ польскаго, такъ и великорусскаго языковъ. Рядомъ филологическихъ и историческихъ аргументовъ Могильницкій доказываетъ, что украинскій языкъ развился не изъ какого-либо сосѣдняго языка, но на основѣ собственныхъ характерныхъ особенностей, проявившихся уже въ глубокой древности; равно какъ и украинскій народъ всегда былъ самостоятельнымъ членомъ въ семьѣ славянскихъ народовъ, а не вѣтвью того или иного изъ своихъ сосѣдей. Отстаивая употребленіе въ церкви славянскаго языка, Могильницкій съ тѣмъ большею рѣшительностью отдаетъ предпочтеніе живой народной рѣчи въ повседневномъ обиходѣ. Его поражаетъ то, что представители современной славистики, какъ Добровскій, Линде и др., ничего не знаютъ о языкѣ многочисленнаго славянскаго народа, по традиціи зачисляя его къ нарѣчіямъ то польскаго, то великорусскаго языковъ. Правда, самъ Могильницкій, повидимому, еще не зналъ о тѣхъ попыткахъ литературной обработки народнаго языка, которые къ тому времени уже появились на Украинѣ (произведенія Котляревскаго и Артемовскаго-Гулака, этнографическія записи кн. Цертелева и Максимовича), хотя украинская грамматика Павловскаго несомнѣнно была ему уже извѣстна. «Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? — съ горечью спрашиваетъ Могильницкій. — Почему никто теперь не говоритъ имъ, кромѣ лишь простого народа южно-русскаго, мелкопомѣстнаго дворянства и духовенства греческаго обряда? Почему въ такомъ пренебреженіи у насъ южно-русская письменность, тогда какъ она открыла бы для отечественной исторіи множество важнѣйшихъ памятниковъ?» ²⁾ Въ этихъ недоумѣнныхъ вопросахъ слышатся уже звуки того протеста противъ установившагося взгляда, того упрека мѣстному обществу, какіе раздадутся вскорѣ гораздо сильнѣе изъ устъ Шашкевича и другихъ дѣятелей 30-хъ годовъ. Но честь первой постановки вопроса о родномъ языкѣ принадлежитъ все-таки Могильницкому, если даже принять во вниманіе

¹⁾ Въ Россіи изслѣдованіе Могильницкаго, въ переводѣ съ польскаго, было напечатано дважды: въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1838 г. и въ 2-мъ томѣ «Записокъ о Южной Руси» Кулиша.

²⁾ Кулишъ—«Записки о Южной Руси», т. II, Спб. 1857, стр. 267.

Голова Минушаго. № 4.

его выросшее изъ традицій прошлаго преклоненіе предъ церковно-славянщиной. Отводя родному языку такое видное мѣсто, изслѣдованіе Могильницкаго было первымъ толчкомъ къ возбужденію среди галицкихъ украинцевъ того интереса къ народности, который не замедлилъ проявить себя болѣе замѣтно ¹⁾.

Въ дѣятельности Могильницкаго и группировавшагося вокругъ него перемышльскаго кружка (Лавровскій, Снѣгурскій, Паславскій и др.) ясно обнаруживается довольно значительное уже вліяніе возрожденія славянскихъ народностей и начинающихся въ то время славянскихъ изученій. Почти всѣ члены кружка имѣли связи и поддерживали оживленныя сношенія съ такими дѣятелями славянскаго возрожденія, какъ Копитаръ, Вукъ Караджичъ, Людевитъ Гай, Шафарикъ, Колларъ, и др., и указаніями ихъ, въ особенности такого глубокаго знатока славянскихъ отношеній, какъ Копитаръ, несомнѣнно пользовались. Завязывались также сношенія и съ русскими учеными (Востокъ, Кеппенъ, митрополитъ Евгеній) и часто именно сочиненія послѣднихъ приводили галицкихъ украинцевъ къ національному самосознанію. Извѣстный Антоній Добрянскій въ своей автобіографіи пишетъ, что лишь Копитаръ, служившій завѣдующимъ придворной библіотекой въ Вѣнѣ, разбудилъ въ немъ дремлющее самосознаніе, рекомендуя для чтенія такія книги, какъ Лѣтопись Нестора, «Исторію государства Россійскаго» Карамзина, «Исторію Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго и др., ибо до этого онъ «не зналъ ясно сказать о собѣ, чи ѓнъ полякъ, чи русинъ» ²⁾. Это вліяніе на первыхъ порахъ сказывалось преимущественно интересомъ къ научнымъ изысканіямъ въ области старины и языка, при чемъ такой интересъ большею частью является пока чисто книжнымъ, не вліявшимъ еще на практическіе шаги въ смыслѣ полнаго признанія правъ народной рѣчи на литературную обработку. Большинство изъ этихъ увлеченныхъ славистикой людей пишутъ грамматики (кромѣ Могильницкаго, еще Лавровскій и Паславскій) или историческія изысканія (Гарасевичъ, Лавровскій, Зубрицкій). Но въ то время, какъ при дворѣ епископа Іоанна Снѣгурскаго господствуетъ уже украинскій языкъ, какой-нибудь Іосифъ Левицкій издаетъ такіе классическія въ своемъ безобразіи вещи, какъ «Домоболіе проклятыхъ» съ его удивительнымъ посвященіемъ «учащемуся младенчеству (I) народа словено-русскаго»:

¹⁾ *Маковей О.*—Три галицькі грамматики. «Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. 51, стр. 11—16.

²⁾ *Гершаковецъ М.*—Відносини В. Копітара до галицько-українського письменства,—«Записки Н. Т-ва ім. Шевч.», т. 95, стр. 108.

Пускай вездѣ писать искусство совершенно,
Ты знаешь, что языкъ нашъ лучше несравненно.
Не собранъ изъ другихъ, онъ древній коренной,
Исполненъ всѣхъ красоть, богатый самъ собой;
Въ немъ птичьихъ посвистовъ, протяжныхъ нѣтъ напѣвовъ.
Ни звуковъ немилыхъ, ни дикихъ уху ревовъ,
Какіе слышатся въ чужихъ языкахъ намъ,
За тѣмъ, что нашъ языкъ отъ нихъ свободенъ самъ ¹⁾.

То «проклятiе» въ видѣ предательскаго двоязычiя, которое такъ мѣтко охарактеризовалъ Копитаръ, еще явно тяготѣетъ надъ дѣятелями предразсвѣтнаго періода галицкаго возрожденiя. Стремясь даже писать роднымъ языкомъ, воспѣвая прелести народной рѣчи, они часто, помимо собственнаго желанiя, сбиваются на дѣйствительно «дикiя уху ревы», заимствованные изъ мертваго «словено-русскаго» языка предшествовавшихъ періодовъ, органически вытравившаго изъ нихъ чутье языка. Теорiя пока расходилась съ практикой, но и послѣдняя была уже не за горами. Въ дополненiе къ влiянiямъ западно-славянскаго возрожденiя и общеевропейской романтической литературы пришли и болѣе близкiя и потому болѣе радикальныя въ смыслѣ разрыва съ двоязычiемъ и служенiемъ двумъ господамъ влiянiя. Географически ближе, но поверхностнѣе было влiянiе польской демократической литературы; дальше, но глубже по существу оказалось влiянiе литературы украинской, принесшей изъ далекихъ степей Украины дѣйствительно родные звуки.

Вопросъ о присоединенiи галицкихъ украинцевъ къ польской литературѣ, при господствѣ во всѣхъ областяхъ публичныхъ отношенiй въ Галичинѣ польскаго языка, возникалъ самъ собою. Мы уже видѣли примѣры того, какъ украинская народность трактовалась поляками въ смыслѣ «греко-католической» разновидности польскаго народа и какъ легко рѣшался вопросъ о ея просвѣщенiи путемъ перевода даже богослужебныхъ книгъ на польскiй языкъ или печатанiя ихъ латинскимъ шрифтомъ. «Нѣтъ нужды ради мужиковъ увеличивать число нарѣчiй и буквъ»—это убѣжденiе было господствовавшимъ тогда не только въ Галичинѣ, и даже первый издатель галицкихъ народныхъ (украинскихъ) пѣсенъ, Вацлавъ Залѣсскiй, недалеко въ сущности отошелъ отъ этого распространеннаго убѣжденiя. «Словаки, Славяне въ Силезiи, Моравы соединились съ Чехами,—писалъ онъ въ предисловіи къ сборнику «Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» въ 1833 г.,—съ кѣмъ же должны соединиться русины? Неужели слѣдуетъ намъ желать, чтобы русины имѣли свою собственную литературу?»—Конечно, ни въ какомъ случаѣ, ибо

¹⁾ «Зоря», 1886 г., стр. 291.

«что произошло бы съ нѣмецкой литературой, если бы отдѣльныя племена нѣмецкія пытались создать каждое свою литературу?» Отвѣтъ ясенъ—въ интересахъ польской литературы нежелательно, чтобы «греко-католическая разновидность» польскаго народа изъ-явила вдругъ претензіи на собственную литературу и такимъ образомъ, выражаясь языкомъ г-на Струве, произвела раздвое-ніе единой польской культуры.

Но сами поляки чувствовали въ то же время, что эта «разно-видность» не укладывается въ рамки польской народности и, прежде всего, не можетъ быть удовлетворена польской рѣчью. Обращаясь непосредственно къ украинскому народу и желая приобрѣсти среди него вліяніе, быть понятыми, сами же поляки изъ чисто практическихъ соображеній должны были употреблять народную рѣчь. Въ особенности это усилилось послѣ неудачнаго возстанія 1830—1831 г.г., когда Галичина сдѣлалась главной и единственной ареной польской политической агитаціи. Появляется цѣлый рядъ произведеній, написанныхъ поляками въ агитаціонныхъ цѣляхъ на украинскомъ языкѣ; нѣкоторые изъ агитаторовъ, напр., Каспаръ Ценглевиць, авторъ нѣсколькихъ популярныхъ стихотвореній и «инструкціи для учителей руского народу» систематически пользуются украинскимъ языкомъ, ибо, какъ утверждалъ одинъ изъ агитаторовъ, Кульчинскій, «народъ у насъ украинскій (*ruski*) и для него нужно дать и поэзію украинскую—простую, доступную сельскому пониманію». Какъ видимъ, та же «простая», «сельская» разновидность польскаго народа фигурируетъ и въ революціонныхъ построеніяхъ, прибли-жавшихся иногда къ дѣйствительному пониманію тяжелой жизни этого народа, но тѣмъ не менѣе, желавшихъ использовать его лишь въ цѣляхъ возстановленія исторической Польши. Вы «люде—не худоба» говорили народу польскіе демократы-агитаторы, забыва-вая только прибавить, что на положеніе «скотовъ» («худоба») низвело народныя массы именно то, за что приглашали теперь ихъ подняться, т.-е. порядки исторической Польши. И народъ на эти призывы не откликнулся, но въ интеллигентныхъ слояхъ агитаціонная литература, какъ видно изъ многочисленныхъ поли-тическихъ процессовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, имѣла весьма зна-чительное распространіе ¹⁾.

¹⁾ *Заневичъ Ів.*—Літературні стремління Галицькихъ Русинів, «Жите і Слово», 1895, т. IV, стр. 112—160; *Франко Ів.*—Шевченко героемъ польськой революційної легенди, Львів, 1901; *Студинський проф.*—Польські конспірації середъ руськихъ питомцівъ і духовенства в Галичині, «Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. 80 и 82; *Тершаковецъ, М.*—Галицько-руське літературне відродження, стр. 26—38. Документи къ этому движенію опубліковані *М. Тершаковцемъ* въ «Матеріялахъ і заміткахъ до історії національного відродження галицької Руси», Львів, 1907.

И расколола украинское общество въ Галичинѣ, собственно молодое его поколѣніе, на двѣ группы. Одна—такъ-называемые «демократы»—вполнѣ стала на точку зрѣнія своихъ польскихъ товарищей, приняла возстановленіе исторической Польши за свой національный долгъ и перешла въ чужой по національности лагерь, слагая свои головы за чужое дѣло. Другая—«русська партія»—восприняла лишь методы агитаціи и прежде всего народный языкъ, но придала имъ совершенно другой смыслъ и направленіе, воспользовавшись ими какъ орудіемъ собственнаго національнаго возрожденія. Въ учебныхъ заведеніяхъ Вѣны, Перемышля, Львова и другихъ городовъ представители обоихъ направленій вначалѣ работаютъ рядомъ, образуя совмѣстные кружки для самообразованія и изученія одинаково всѣхъ волнующихъ вопросовъ современности. Но въ горячихъ спорахъ о причинахъ и результатахъ недавняго возстанія, о способахъ и цѣли пропаганды въ народѣ уже чувствуется назрѣвающій разрывъ, который скоро разведетъ товарищей далеко въ разныя, даже противоположныя, стороны. «Все для народа и все посредствомъ народа»—провозглашалъ одинъ изъ революціонныхъ манифестовъ того времени, но въ этотъ лозунгъ «русська партія» начала вкладывать совершенно иной смыслъ, чѣмъ придавали ему авторы воззванія. «Все для народа»—но въ такомъ случаѣ возрожденіе старой Польши, доведшей гнетъ надъ народомъ, демосомъ, до крайней степени давленія, является угрозой именно народу,—слѣдовательно, прочь чисто политическія и государственныя цѣли, которыя были поставлены на первое мѣсто польскими демократами и ихъ украинскими приверженцами. «Все посредствомъ народа»—но въ такомъ случаѣ у народа нужно взять самыя формы работы, прежде всего народный языкъ, и при помощи этихъ формъ вливать въ массы новое содержаніе,—слѣдовательно, да здравствуетъ отрицаемое демократами національное возрожденіе украинскаго народа, какъ единственный путь къ улучшенію его положенія. Такъ преломились вѣянія времени въ средѣ украинскаго поколѣнія 30-хъ годовъ. Такимъ образомъ чисто политическое направленіе польскихъ революціонеровъ и отрицаніе ими украинской національности привело къ совершенно обратнымъ результатамъ. Даже употребленіе поляками въ цѣляхъ пропаганды народнаго языка, не совсѣмъ правильнаго и переполненнаго полонизмами, возбуждало своеобразную реакцію—въ видѣ употребленія того же языка, но уже въ его чистомъ и неиспорченномъ видѣ. На этой стадіи настроеній уже вполнѣ готова была почва для новаго, болѣе могущественнаго вліянія, которое заражало своимъ непосредственнымъ примѣромъ и подводило, такъ сказать, итоги

неосознаннымъ стремленіямъ къ національному пробужденію. Это вліяніе пришло изъ російской Украины.

Въ Галичинѣ въ 30-хъ годахъ появились изъ-за границы уже не только собранія произведеній народнаго творчества (этнографическіе сборники кн. Цертелева, Максимовича, Лукашевича, Срезневскаго, украинская грамматика Павловскаго), но и чисто литературныя произведенія на украинскомъ языкѣ. Сочиненія Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака, Квитки, Метлинскаго, Гребинки и др., безъ всякой задней мысли и съ видимымъ сочувствіемъ къ народу разрабатывавшихъ народный языкъ, были слишкомъ яркимъ и соблазнительнымъ примѣромъ, чтобы не захватить и не вызвать въ свою очередь подражанія. И они дѣйствительно захватили галицкую молодежь, по крайней мѣрѣ болѣе чуткую и отзывчивую часть ея. Во всѣхъ безъ исключенія воспоминаніяхъ о первыхъ моментахъ національнаго возрожденія галицкихъ украинцевъ фигурируютъ, какъ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ и яркихъ толчковъ, именно произведенія украинскихъ писателей. Обращаетъ вниманіе на себя даже тотъ теплый, полный неподдѣльнаго лиризма тонъ, какимъ обычно овѣяны эти воспоминанія. «Случайно попалась (Шашкевичу),—пишетъ по свѣжимъ слѣдамъ, въ 1846 г. его товарищъ и другъ Головацкій,—«Енеїда» Котляревскаго, украинскія пѣсни Максимовича и, кажется, грамматика Павловскаго; съ восхищеніемъ остановился онъ на томъ, чего такъ давно жаждалъ, увидѣлъ живой примѣръ, убѣдился въ возможности народной украинской словесности—и задался грандіозною мыслью—создать чисто-народную южно-русскую словесность, и этой мысли пребылъ вѣрнымъ до конца»¹⁾. Такъ какъ распоряженіемъ по цензурѣ отъ 10 мая 1822 г. было запрещено въ Австріи полученіе изъ Россіи какого бы то ни было содержанія книгъ, то немногіе попадавшіе сюда случайно экземпляры украинскихъ изданій ходили по рукамъ, переписывались, заучивались наизусть—и производили чрезвычайное впечатлѣніе, какъ фактическое доказательство необходимости и возможности созданія и развитія литературы на народномъ языкѣ. Литературное возрожденіе, которое обыкновенно бываетъ первымъ этапомъ, начальнымъ періодомъ всякаго національнаго движенія, было уже налицо, и изъ него слѣдовало только сдѣлать ближайшіе практическіе выводы. И они были сдѣланы молодежью, силой, если можно такъ выразиться, пробившейся на общественное поприще въ 30-хъ годахъ.

Такова была сложная, взаимно переплетавшаяся сѣть все-

¹⁾ Твори М. Шашкевича, Я. Головацького... Изд. «Просвіты», Львів, 1906, стр. 140.

возможныхъ вліяній, которая создала украинское національное возрожденіе въ Галичинѣ и выдвинула, какъ центральную, до извѣстной степени даже символическую, фигуру его въ лицѣ Шашкевича.

Маркіанъ Шашкевичъ—это Станкевичъ украинскаго возрожденія въ Галичинѣ, принужденный условіями времени дѣйствовать въ клерикальной средѣ галицкой духовной школы, между національными противорѣчіями галицкой жизни. Чрезвычайно живой и общительный, натура привлекательная въ высшей степени, «заразительная», какъ сказалъ бы о немъ покойный Житецкій,—Шашкевичъ, казалось, самой судьбой посланъ былъ для того, чтобы собирать и организовывать товарищей, указывая вѣрное направленіе не только въ теоретическихъ спорахъ, но воодушевляя и къ практической дѣятельности. Его организаторскій талантъ и обаятельность его характера сказались уже на первыхъ порахъ пребыванія Шашкевича въ семинаріи. «У Маркіана,—пишетъ его ближайшій сподвижникъ, сейчасъ упомянутый Головацкій,—было рѣдкое дарованіе — одного наставить и убѣдить, въ другомъ поднять духъ и ободрить,—даръ открывать даже замершія способности» ¹⁾. И вліяніе этой чистой личности и могучаго характера оставалось часто на всю жизнь, хранилось какъ лучшее воспоминаніе прекрасной юности. О товарищахъ Шашкевича впослѣдствіи говорятъ: это «одинъ изъ друзей гениальнаго энтузіаста нашего Маркіана», и это служило лучшей рекомендаціей въ глазахъ общества. «О безсмертный Маркіане,—обращается впослѣдствіи къ его загробной тѣни одинъ изъ такихъ друзей,—ты въ груди моей зажегъ огонь, который только могильная земля загасить можетъ» ²⁾. Даже враги и противники Шашкевича отдають ему должное. Нѣкто Мохнацкій, позже, въ 40-хъ годахъ, выступившій съ обширнымъ и злостнымъ доносомъ противъ дѣятелей возрожденія, характеризуетъ Шашкевича, какъ «человѣка исключительныхъ способностей, дѣятельнѣйшаго члена руськой партіи», а затѣмъ и какъ общепризнаннаго главу ея, «благодаря его энергіи и вліянію на другихъ» ³⁾. Все это показываетъ, что въ лицѣ Шашкевича мы имѣемъ дѣло съ весьма незаурядной личностью, способной открывать новые горизонты, прокладывать новые пути и вести за собою людей, подчиняя своему вліянію даже недюжинныя натуры. Неудивительно, что онъ почти юношей вѣрно угадалъ настоятельнѣйшую потреб-

¹⁾ Тамъ же, стр. 141.

²⁾ *Огоновський проф.*—Исторія литературы рускои, ч. II, в. 2. Львів, 1889, стр. 364.

³⁾ *Тершаковецъ М.*—Матеріали й замітки, стр. 155.

ность времени и твердой рукой направилъ пробуждающееся общественное сознаніе въ русло уже намѣтившагося національнаго возрожденія. Въ этомъ и состоитъ великое значеніе дѣятельности Шашкевича.

Не забудемъ, что ему пришлось дѣйствовать въ условіяхъ до крайней степени неблагопріятныхъ. Не только какъ піонеръ, пролагающій новые пути, онъ возбуждалъ противъ себя сильное противодѣйствіе со стороны рутинности, косности и инертности. Существовали еще специфически-галицкія препятствія, дѣйствующія тѣмъ сильнѣе, что преодолевать ихъ приходилось въ собственной средѣ, затрачивая массу силъ и энергіи на устраненіе тѣхъ треній внутренняго характера, которыя глубже всего подтачиваютъ усилія реформаторовъ. Какъ увидимъ ниже, Шашкевичу и его кружку пришлось натолкнуться на противодѣйствіе съ трехъ сторонъ: со стороны польскаго общества, главнымъ образомъ—демократовъ, революціонеровъ во имя исторической Польши, боровшихся за вліяніе на молодежь; со стороны нѣмецкаго правительства, боявшагося воскрешенія новой національности и, наконецъ, со стороны наиболѣе вліятельной части самого же украинскаго общества, т.-е. бюрократизированнаго, обскурантнаго и своекорыстнаго духовенства, отмахивавшагося отъ всякихъ новшествъ, разъ они грозили нарушить привычный покой. И наибольшимъ, быть можетъ, несчастьемъ для молодыхъ энтузіастовъ было именно это послѣднее обстоятельство—что имъ пришлось шагъ за шагомъ пробиваться въ собственной враждебной средѣ, клерикальной по преимуществу, и, вмѣсто широкихъ построеній общественнаго характера, направлять всѣ усилія на преодоленіе булавочныхъ уколовъ со стороны мелкихъ и ничтожныхъ людишекъ. И если лица исключительной силы характера, какъ Шашкевичъ, могли пройти среди нихъ невредимыми и незапятнанными, то людямъ средняго калибра именно эта повседневная, мелкая злоба часто была не подъ силу, да и Шашкевичъ долженъ былъ много силъ растратить попусту на борьбу внѣ широкой дороги къ своей настоящей цѣли. Если вспомнимъ при томъ, что эту борьбу на два внѣшнихъ фронта и внутри близкой среды пришлось вести молодому человеку, почти юношѣ,—Шашкевичъ умеръ 32-хъ лѣтъ,—то личность его предстанетъ предъ нами въ еще болѣе привлекательномъ свѣтѣ.

Несмотря на обширную литературу о Шашкевичѣ ¹⁾, обстоя-

¹⁾ Кромѣ старыхъ, но еще не потерявшихъ значенія работъ Огоновскаго (въ «Исторіи литературы рускои» и отдѣльно «М. Шашкевич, його життя і письма», 1886) и Коцовскаго («Життя і значіння М. Шашкевича»

тельства его личной жизни, въ особенности до нашествіи общественныхъ его выступленій, намъ мало извѣстны; да и надъ послѣдними нѣсколько пріоткрыта завѣса лишь въ недавнее время, когда сдѣлались доступными вѣнскіе и львовскіе архивы старыхъ полицейскихъ и цензурныхъ учреждений. Шашкевичъ родился 6 ноября 1811 г., на галицкомъ Подольѣ въ семьѣ деревенскаго священника, человѣка суроваго и непреклоннаго, въ послѣдствіи не только не оказавшаго сыну поддержки, но прямо отказавшемуся отъ него, когда юношу постигло первое серьезное жизненное испытаніе въ видѣ исключенія изъ семинаріи. Окончивъ гимназію въ Бережанахъ, Шашкевичъ поступаетъ въ 1829 г. на философскій факультетъ львовскаго университета ¹⁾ и, какъ будущій священникъ, одновременно въ духовную семинарію. Здѣсь онъ на этотъ разъ пробылъ, впрочемъ, не долго: вслѣдствіе какой-то юношеской исторіи Шашкевичъ въ 1830 г., по распоряженію митрополита Левицкаго, былъ исключенъ изъ семинаріи, но продолжалъ слушать университетскій курсъ. Очувшившись въ весьма тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, Шашкевичъ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ упорно работать надъ своимъ образованіемъ, все свободное время проводя въ библіотекахъ, изучая славянскіе языки и особенно увлекаясь церковно-славянскими памятниками. Впрочемъ, живой и пытливый умъ впечатлительнаго юноши не могъ долго сосредоточиваться на отжившей старинѣ, дѣятельный характеръ толкалъ его къ современности. Шашкевичъ переходитъ къ изученію вопросовъ славянскаго возрожденія и богатая литература новой славистики открываетъ предъ нимъ широкіе горизонты и для возрожденія родного народа. Какъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ товарищъ Шашкевича, Головацкій, въ библіотекахъ университетской и Оссолинскихъ Шашкевичъ нашелъ «сочиненія о славянствѣ Добровскаго, его *Institutiones linguae Slavicae*, исторію славянскихъ языковъ Шафарика, произведенія Линде, Раковецкаго, Вука Стефановича—и по ниточкѣ дошелъ до самаго клубка. Передъ нимъ раскрылся широкій міръ—славянство съ его сѣдой величественной стариною и съ отмолодѣвшими, возрождающимися отпрысками. Все это впитывала въ себя юная, полная силъ и надеждъ душа, съ живымъ жаромъ юности изучалъ онъ, углу-

1886), а также воспоминаній различныхъ лицъ, слѣдуетъ отмѣтить въ особенности работы М. Тершаковца, М. Возняка и проф. К. Студинскаго, возсоздавшихъ образъ отца національнаго возрожденія въ Галичинѣ на основаніи совершенно новаго, преимущественно документальнаго матеріала. Ссылки на эти работы будутъ приведены въ соответствующихъ мѣстахъ.

¹⁾ «Философія» въ австрійскихъ университетахъ того времени соответствовала двумъ послѣднимъ классамъ нынѣшнихъ гимназій.

блялся, обнималъ все славянство и жадно пополнялъ свои знанія»¹⁾. «Пригодою», т.-е. случайно, какъ говорить тотъ же Головацкій, онъ наталкивается здѣсь и на источникъ, окончательно рѣшившій его сомнѣнія и подъ его теоретическое увлеченіе славянствомъ подводившій прочный реальный фундаментъ. Этимъ источникомъ, какъ мы знаемъ, были литературные опыты украинскихъ писателей—Котляревскаго, Максимовича, грамматика Павловскаго; практическое воплощеніе горячихъ мечтаній было налицо. Теперь открывается передъ Шашкевичемъ практическая дорога, возможность примѣнить пріобрѣтенныя свѣдѣнія къ живому дѣлу, но прежде онъ и здѣсь находитъ нужнымъ самостоятельно пройти извѣстную школу: по свидѣтельству Головацкаго, Шашкевичъ «не годъ, не два изучалъ и углублялся въ народную рѣчь»²⁾ и потому овладѣлъ ею въ совершенствѣ. Нечего и говорить, что Шашкевичу была также хорошо извѣстна современная польская художественная литература съ ея романтической окраской и интересомъ къ народному творчеству, съ ея, временами, даже мѣстнымъ украинскимъ колоритомъ и своеобразными украинофильскими симпатіями въ лицѣ дѣятелей такъ-называемой украинской школы. И изъ положеній теоретиковъ и практиковъ польскаго романтизма Шашкевичъ, несомнѣнно, дѣлалъ свои выводы.

Извѣстіе о первой литературной работѣ Шашкевича относится къ 1832 г.³⁾,—характерно, что 20-лѣтній поэтъ начинаетъ свою дѣятельность переводомъ на украинскій языкъ такъ сильно нашумѣвшей тогда «Краледворской Рукописи»: это ставитъ въ прямую связь его литературную дѣятельность съ его славянскими изученіями того же времени. Въ слѣдующемъ году Шашкевичъ, уже студентъ 1-го курса богословскаго факультета, былъ вторично принятъ въ духовную семинарію, и здѣсь его появленіе сразу же сказывается оживленіемъ общественныхъ интересовъ. Онъ становится центромъ кружка⁴⁾, постановившаго «итти въ народъ» для всесторонняго его изученія и служенія

¹⁾ Твори М. Шашкевича, Я. Головацького... изд. «Просвіты», стр. 140.

²⁾ *Онишкевича*—Руска бібліотека, т. III, Львів, 1884, стр. 199.

³⁾ *Щурат В.*—Літературні начерки, Львів, 1913, стр. 63.

⁴⁾ Шашкевича, Вагилевича и Головацкаго, наиболѣе выдающихся членовъ кружка, товарищи въ шутку называли «руською трійцею», такъ какъ они «всегда втроемъ вели бесѣды, вмѣстѣ читали, критиковали, спорили—о литературѣ, народности, исторіи и политикѣ, и всегда почти по-украински». Для вступленія въ кружокъ Шашкевича существовало даже нѣчто въ родѣ особаго ритуала: «каждый вступавшій подавалъ всѣмъ членамъ руку и обязывался честнымъ словомъ въ теченіе всей жизни работать на пользу народа и возрожденія украинской литературы». Чтобы освятить свой союзъ, товарищи называли себя славянскими именами: *Русланъ* Шашкевичъ, *Далиборъ* Вагилевичъ, *Ярославъ* и *Богданъ* Головацкіе и т. п. См. *Онышкевича*—Руска бібліотека, т. III, стр. XXIII.

ему. Кружокъ на первыхъ же порахъ заманифестировалъ свое существованіе не только «хожденіемъ въ народъ» (Головацкій, Вагилевичъ и др.), но и литературнымъ сборникомъ «Сынъ Русѣ» (т.-е. «Руси», такъ какъ ѣ въ Галичинѣ всегда выговаривалось за і), составленнымъ изъ произведеній Шашкевича и его товарищей. Несмотря на нѣкоторую чисто юношескую наивность, этотъ небольшой сборникъ представляетъ чрезвычайно характерное явленіе на фонѣ галицкой жизни того времени. Въ немъ, начиная съ заглавія и оканчивая содержаніемъ, отразились тѣ споры съ поляками о народности и національных отношеніяхъ, которые были господствующей темой въ польско-украинскихъ кружкахъ, при чемъ національное самосознаніе проявляетъ себя хотя и въ примитивныхъ у нѣкоторыхъ авторовъ формахъ, но вездѣ достаточно ярко и опредѣленно («Слово до читателей руського языка», «До синів Руси», «Русин», «Сатира» и др.). Относительно Шашкевича это, по крайней мѣрѣ, виѣ всякаго сомнѣнія. Его маленькое «Слово до читателей руського языка» служитъ центральнымъ произведеніемъ сборника, объединяющимъ всѣхъ авторовъ въ одномъ стремленіи, и сообщаетъ ему глубоко идейное значеніе.

Дайте руки, юні други,
Серце къ серцю най припаде,
Най щезають тяжкі туги,
Ум охота най засяде.
Разом, разом—хто сил має,
Гонить зъ Русі мраки тьмаві;
Зависть най нас не спиняє,—
Разом къ свѣтлу, други жвавѣ! ¹⁾

И въ этомъ первомъ призывѣ молодого автора уже сказался дѣятель, который могъ зажигать среди товарищей огонь энтузіазма, не угасающій до «гробовой доски». «Дружно къ свѣту!»—въ этомъ вылился также и боевой кличъ всей недолгой, но полной глубокаго содержанія жизни Шашкевича.

«Сынъ Руси», конечно, не удовлетворялъ его составителя. Сборникъ дошелъ до насъ только въ рукописи, и намъ ничего неизвѣстно о попыткахъ къ его напечатанію. Вѣроятноѣ всего, ихъ не было, такъ какъ Шашкевичъ не могъ не видѣть, что, при всѣхъ хорошихъ стремленіяхъ и добрыхъ чувствахъ, выполненіе этого перваго опыта оставляло желать очень многаго. Но

¹⁾ «Соединимъ руки и сердца, юные друзья мои, забудемъ тяжкія скорби и вооружимъ умъ свой стремленіемъ къ знанію. Дружно, на сколько хватить силъ, ударимъ на темный мракъ, нависшій надъ родиной. Пусть не останавливаютъ насъ завистливые взгляды,—дружно къ свѣту, мои бодрые друзья!»—*Студинський проф.*—Кореспонденція Я. Головацкаго предисловіе, стр. СХV.

уже въ слѣдующемъ году, 4 мая 1834 года, въ львовскую цензуру («Bücherrevisionsamt») отъ Шашкевича поступаетъ рукопись сборника, озаглавленнаго—«Зоря, писемце, присвященное руському языку». Въ почтенномъ учрежденіи, вѣдающемъ судьбы печатнаго слова, не нашлось лица, знакомаго съ украинскимъ языкомъ, такъ какъ возбужденное губернаторомъ галицкимъ, бар. Кригомъ, еще въ 1832 г, ходатайство о назначеніи специально «русского цензора» до сихъ поръ не было удовлетворено. Поэтому цензурное вѣдомство переслало рукопись «zur Zensursbestimmung» администрации, а послѣдняя, очевидно, тоже не зная, что съ ней дѣлать, препроводила ее въ вѣнскую «Polizeihofstelle», гдѣ цензоромъ славянскихъ и греческихъ книгъ состоялъ упоминавшійся уже Варѳоломей Копитаръ. «Зоря» попала къ Копитару, и это отразилось не только на ея судьбѣ, но и создало чрезвычайно любопытный эпизодъ въ исторіи славянскихъ отношеній, на которомъ слѣдуетъ остановиться внимательнѣе.

Копитаръ, родомъ словинецъ, былъ убѣжденнымъ австро-филомъ, ожидавшимъ только отъ Австріи условій, способствующихъ возрожденію славянскихъ народностей, мечтавшимъ о созданіи въ Вѣнѣ культурнаго очага, всеславянской академіи, для всѣхъ славянскихъ народовъ. Еще раньше, цензуруя нѣкоторыя книги, имѣвшія отношеніе къ украиновѣдѣнію, напр., грамматику Іосифа Левицкаго, онъ въ своихъ замѣчаніяхъ высказывается за употребленіе украинскаго языка въ литературѣ и рѣзко полемизируетъ съ стремленіемъ галицкихъ украинцевъ «служить двумъ господамъ», раздираясь, такъ сказать, между церковнымъ и народнымъ языками ¹⁾. И вотъ къ нему попадаетъ, наконецъ, рукопись, въ которой онъ могъ видѣть осуществленіе своихъ душевныхъ мыслей, которая показывала, что ненавистному ему «служенію двумъ господамъ» приходитъ, повидимому, конецъ. Понятно, какія чувства возбудило въ Копитарѣ это «писемце, присвященное руському языку» и, какъ человекъ съ широкими горизонтами, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ для того, чтобы высказать свою завѣтную идею.

«Зоря», какъ мы знаемъ изъ воспоминаній одного изъ прикосновенныхъ къ ней лицъ, для самихъ составителей была прежде всего національной манифестаціей. Шашкевичъ и его ближайшіе друзья были возмущены тѣмъ, что Залѣсскій въ своемъ изданіи украинскихъ пѣсенъ, собранныхъ въ Галичинѣ, трактовалъ ихъ, какъ продуктъ польскаго провинціализма и напеча-

¹⁾ Чрезвычайно любопытныя замѣчанія Копитара опубликованы г. Маковеемъ въ упоминавшемся уже трудѣ «Три галицькі грамматики»,—см. «Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. 54, стр. 59—76.

талъ, сверхъ того, латинскимъ шрифтомъ. Составители «Зори» этому тенденціозному, на ихъ взглядъ, изданію хотѣли противопоставить свое, чтобы показать истинный обликъ родного народа. Сообразно съ этимъ главную часть сборника составляли народныя пѣсни, записанныя Головацкимъ въ его скитаніяхъ по Галичинѣ и Угорщинѣ, съ предисловіемъ Вагилевича; Шашкевичъ пишетъ для сборника біографію Богдана Хмельницкаго и, кромѣ того, нѣсколько стихотвореній и разсказъ «Олена»; стихотворныя же произведенія дали Головацкій и Вагилевичъ и, сверхъ всего, здѣсь была помѣщена какая-то «сатира противъ новаго священника»—какъ догадывается проф. Студинскій, извѣстное произведеніе XVIII в. «Замахъ на попа», обращавшееся до того времени въ многочисленныхъ спискахъ. Таково, приблизительно, было содержаніе «Зори», насколько можно установить его на основаніи дошедшихъ до насъ документовъ, такъ какъ оригиналъ ея исчезъ изъ цензурныхъ архивовъ. Правописаніе составители приняли, хотя и послѣ долгихъ споровъ, фонетическое, выбросивъ *ъ* и *ы* и обозначая всякое острое *и* знакомъ *і*.

Копитаръ оцѣниваетъ «Зорю» прежде всего и главнымъ образомъ съ точки зрѣнія политическихъ послѣдствій возрожденія украинскаго народа. «Наша Галичина,—пишетъ Копитаръ,—насчитываетъ свыше 2 милліоновъ украинцевъ (Russniaken) да Угорщина 1 милліонъ, для которыхъ пріятно и желательно было бы появленіе изданія на ихъ родномъ языкѣ. Равнымъ образомъ желательно оно и для другихъ 6—7 милліоновъ російскихъ украинцевъ, говорящихъ на томъ же языкѣ. Такимъ образомъ, кругъ вліянія распространяется на 9—10 милліоновъ душъ (наши украинцы—уніаты, російскіе—не-уніаты). Съ другой стороны, приходится отмѣтить, что съ завистью и ненавистью отнесутся къ этой доселѣ неблагопріятствуемой литературѣ наши и російскіе поляки. То же самое произойдетъ и со стороны единственно доселѣ покровительствуемыхъ великороссовъ Петербурга и Москвы, въ рукахъ которыхъ находится государственная власть въ Россіи (малороссы отъ великороссовъ отличаются почти такъ же, какъ чехи отъ поляковъ). Естественнымъ послѣдствіемъ возникновенія этой новой литературы будетъ ея развитіе за счетъ польской и великорусской. Въ виду этого для Австріи возникаетъ вопросъ: можно и должно ли поддерживать украинцевъ (малороссовъ) за счетъ и къ неудовольствію польской литературы? Должно ли это дѣлать также за счетъ и къ неудовольствію великорусской? Послѣдствіемъ этого будетъ, безъ сомнѣнія, начало духовной оппозиціи въ 6—7-милліонномъ населеніи богатѣйшихъ и лучше расположенныхъ провинцій юга

противъ петербургскаго засилья (Machtgewalt), но эти 6—7 милліоновъ только при исключительныхъ (sehr seltenen) обстоятельствахъ могли бы столкнуться съ нашими 3 милліонами. Можно держать пари десять противъ одного, что петербуржцы скоро найдутъ средство направить эту оппозицію противъ самой же Австріи». Передавъ затѣмъ приведенное выше содержаніе «Зори» и отозвавшись о немъ съ похвалою («gründlich genug, ja mitunter selbst geistreich»), Копитаръ выражаетъ пожеланіе, чтобы прежде рѣшительнаго отвѣта ему былъ доставленъ мотивированный отзывъ львовскаго цензора, какъ болѣе знакомаго съ мѣстными условіями и потому болѣе способнаго разобраться въ политическихъ послѣдствіяхъ появленія украинской литературы. Спрошенный вскорѣ вторично, Копитаръ отвѣтилъ, что на основаніи общихъ цензурныхъ нормъ «Зоря» можетъ быть разрѣшена къ печати, но въ виду того, что она является «конкретнымъ фактомъ чисто политическаго значенія», то для окончательнаго рѣшенія ему все-таки необходимо знать мнѣніе мѣстныхъ людей, знакомыхъ съ польско-украинскими отношеніями ¹⁾. Вслѣдствіе этого рукопись была препровождена обратно во Львовъ и черезъ митрополита поручена для отзыва назначенному между тѣмъ для «русскихъ» изданій цензору, проф. Венедикту Левицкому.

Вотъ гдѣ, если хотите, начало той «австрійской оріентаціи», о которой такъ много пустыхъ и праздныхъ разговоровъ велось въ послѣднее время въ націоналистической печати. И характерно, что первымъ, кто формулировалъ ее, былъ вовсе не кто-либо изъ участниковъ національнаго возрожденія галицкихъ украинцевъ и даже не австрійское правительство, а лицо въ нѣкоторомъ родѣ постороннее—славянскій патріотъ и ученый... Путемъ чисто логическихъ построеній онъ сумѣлъ открыть и формулировать политическія послѣдствія украинскаго возрожденія и даже опредѣлить его возможную роль въ международныхъ отношеніяхъ двухъ смежныхъ имперій. Въ одномъ только безусловно ошибался Копитаръ—когда утверждалъ, что Петербургъ сумѣетъ обратить украинское движеніе противъ Австріи. На это не оказался способнымъ ни современнѣйшій ему Петербургъ, въ 1847 г. разгромившій «украино-славянское общество» Костомарова и Шевченка, ни даже позднѣйшій—дѣйствовавшій противъ украинскаго движенія такими мѣрами, какъ Валуевскій циркуляръ 1863 г., lex Josephoviana 1876 г. и т. д., вплоть до настоящаго времени. Логика въ политикѣ не всегда обязательна, и Копитаръ, разумѣется, не могъ предвидѣть, что

¹⁾ Оригиналъ изложеннаго мнѣнія Копитара опубликованъ у М. Тершаковца—Матеріали й замітки, стр. 6—9.

политика официальной Россіи будетъ направлена именно въ пользу «австрійской оріентаціи», раздражая никому ненужными стѣсненіями и преслѣдованіями російскихъ украинцевъ и отталкивая этимъ австрійскихъ ¹⁾...

Ошибся Копитаръ и въ чисто практической части своего предложенія—дать высказаться по вопросу о возникающей литературѣ мѣстнымъ людямъ. Цензоръ Левицкій, которому пришлось рѣшать судьбу «Зори», этотъ завѣдомый плагиаторъ на профессорской кафедрѣ и типическое умственное ничтожество, взглянулъ на свою задачу слишкомъ просто и не замедлилъ обнажить ее отъ дальновидныхъ соображеній Копитара. Въ постановленіи митрополита, составленномъ на основаніи отзыва цензора, рукопись «Зори» признано необходимымъ воспретить по слѣдующимъ мотивамъ. Прежде всего «Зоря» могла бы возбудить враждебныя чувства у поляковъ, ибо въ ней упоминается о религіозномъ гнетѣ и о возстаніи Хмельницкаго; затѣмъ появленіе ея могло бы дать пищу подозрѣніямъ противъ «вѣрнаго австрійскому правительству греко-католическаго клира и руско-галицкаго народа» въ томъ, что они склоняются на сторону православія и Россіи, особенно въ виду того, что—буквально гласитъ эта изумительная официальная реляція митрополита—«составилъ рукопись воспитанникъ семинаріи Мартынъ (І) Шашкевичъ подъ псевдонимомъ Russland (І), ²⁾ и ничего основательнаго она въ себѣ не заключаетъ». Наконецъ, и это главное, воспитанникамъ духовной школы приличнѣе заниматься своимъ непосредственнымъ дѣломъ, нежели литературой, ибо послѣдняя можетъ отвлекать

¹⁾ «Недовольство и раздраженіе даже въ самыхъ благонамѣренныхъ слояхъ малорусской интеллигенціи», а также «недовѣріе и даже враждебное отношеніе къ Россіи въ значительной части австрійскихъ малороссовъ», именно какъ слѣдствіе указанной политики—отмѣчается систематически даже въ отзывахъ мѣстной администраціи, напр., генералъ-губернаторовъ Черткова и кн. Дондукова-Корсакова. См. весьма любопытную «Историческую записку К. А. Военскаго» (чиновника цензурнаго вѣдомства), представленную начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати 12 ноября 1900 г. Этотъ официальный документъ напечатанъ въ извѣстномъ изданіи Академіи наукъ—«Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова», Спб., 1905, стр. 86—90.

²⁾ Такъ былъ понятъ и переведенъ *учеными* цензоромъ и митрополитомъ славянскій псевдонимъ Шашкевича—Русланъ!.. Между тѣмъ инсинуація, брошенная вскользь учеными мужами, вскорѣ вырастаетъ въ вполне опредѣленную клевету. Упоминавшійся уже предатель Мохнацкій въ своихъ до крайности лживыхъ показаніяхъ утверждаетъ, что Шашкевичъ за послѣдніе три года своего пребыванія въ семинаріи ежегодно въ январѣ или февралѣ выѣзжалъ *съ разрѣшенія консисторіи* (І) въ пограничный городъ Броды, откуда затѣмъ привозилъ «русскіе серебряные рубли». Эти деньги проигрывались въ карты семинаристами, принадлежавшими къ кружку Шашкевича, которыхъ обычно называли «Миколайчиками» («Mikolajdzi») за ихъ симпатіи къ имп. Николаю. Нечего и говорить, что при провѣркѣ эти вздорныя обвиненія оказались сплошной ложью. М. Тершаковецъ—Матеріяли й замѣтки, стр. 159, 165, 186, 173—189.

ихъ отъ спеціальныхъ занятій и привести къ сношеніямъ съ лицами—инсинуируетъ митрополитъ—«вреднаго образа мыслей и предосудительнаго поведенія» ¹⁾). Судьба «Зори» этимъ была рѣшена окончательно и безповоротно, несмотря на очевидную нелѣпость москвофильскихъ подозрѣній относительно предпріятія, которому Копитаръ приписывалъ совершенно обратное значеніе. Мало того—до извѣстной степени рѣшена была и судьба ея составителей, въ особенности этого ужаснаго «Russlanda»-Шашкевича. У него былъ произведенъ обыскъ и, хотя ничего подозрительнаго не обнаружено, установленъ спеціальныи надзоръ, тяготѣвшій надъ преступникомъ и въ послѣдствіи до самой смерти.

Но пока рукопись «Зори» странствовала по извѣстнымъ уже намъ мытарствамъ, Шашкевичъ развиваетъ весьма энергичную дѣятельность въ своей ближайшей средѣ. Прежде всего онъ стремится расширить вліяніе своего кружка и пополнить его новыми членами. Характеризуя кружокъ Шашкевича, предатель Мохнацкій, несмотря на всю свою вражду къ нему, долженъ былъ сознаться, что здѣсь участвовали «лучшія головы во всей семинаріи» и что эта группа постепенно стягивала къ себѣ болѣе выдающихся лицъ изъ польскихъ конспиративныхъ организацій. Украинская рѣчь дѣлается обиходною въ семинаріи и вытѣсняетъ мало-по-малу польскую. Шашкевичъ не удовлетворяется этой побѣдой и дѣлаетъ попытки пустить народное слово въ officialный, такъ сказать, оборотъ. Съ цѣлью отвлеченія питомцевъ отъ подпольныхъ организацій, въ семинаріи ежемѣсячно устраивались собранія, на которыхъ воспитанники произносили рѣчи объ обязанностяхъ подданныхъ къ государству; обычно на этихъ собраніяхъ употреблялся польскій языкъ. Шашкевичу пришла въ голову мысль вести собраніе и рѣчи на родномъ языкѣ и онъ началъ проводить это систематически и настойчиво. Онъ, по словамъ Головацкаго, «кинулъ между семинаристовъ мысль, почему бы не говорити рѣчей на народномъ языкѣ и наконецъ расположилъ къ тому и начальство, и вызвался самъ первый сказати рѣчь». Первый опытъ прошелъ блистательно, и это произвело громадное впечатлѣніе: «вся семинарія была въ восхищеніи и рускій духъ поднесся на 100 процентовъ». ²⁾ Вслѣдъ затѣмъ Шашкевичъ и два его товарища, Устіяновичъ и Величковскій, выступаютъ съ проповѣдями на народномъ языкѣ и въ львовскихъ церквахъ. Что по тому времени это было не совсѣмъ легкимъ дѣломъ, показываетъ между прочимъ случай съ Плешкевичемъ,

¹⁾ *Студинскій проф.*—Кореспонденція Я. Головацкаго въ літахъ 1835—1849, предисловіе, стр. СХХV—СХХVII.

²⁾ *Тершаковецъ М.*—Галицько-руське літературне відроджене, стр. 25.

который вскорѣ послѣ Шашкевича долженъ былъ выступить съ проповѣдью на украинскомъ языкѣ передъ городской публикой. Проповѣдникъ вышелъ на амвонъ, сказалъ славянскій текстъ и, увидя предъ собой интеллигентную публику, до того смутился, что взялъ тетрадку и по ней, съ трудомъ и заикаясь, переводилъ приготовленную украинскую проповѣдь на польскій языкъ ¹⁾. Послѣ этого случая въ семинаріи нѣкоторое время господствовала мысль, что въ городахъ нельзя выступать съ роднымъ словомъ, и лишь примѣръ и воздѣйствіе Шашкевича убѣдили товарищей въ противномъ. Вообще Шашкевичъ въ то время пользуется всякимъ случаемъ, чтобы манифестировать свою національную принадлежность. Покончивъ въ 1834 г. удачно съ вопросомъ объ украинской проповѣди, онъ въ слѣдующемъ, 1835 г., воспользовался 40-лѣтнимъ юбилеемъ царствованія императора Франца I, чтобы провести родное слово въ печать, и для этой цѣли написалъ оду «Голосъ галичанъ», напечатанную въ томъ же году. Несмотря на свое названіе, ода Шашкевича значительно отличалась отъ всѣхъ подобнаго рода произведеній какъ совершеннымъ отсутствіемъ какого бы то ни было сервилизма и напыщенности, такъ и чистымъ народнымъ языкомъ, въ первый разъ появившемся въ Галичинѣ изъ-подъ печатнаго станка. Она произвела также сильное впечатлѣніе: «тая одна ода,—вспоминаетъ въ послѣдствіи одинъ изъ товарищей Шашкевича,—напечатана только въ 250 оттискахъ, сдѣлала совершенную измѣну (sic!—авторъ хотѣлъ сказать—переворотъ. С. Е.) на землѣ Галича въ русской народной жизни: она, можно сказать, разбудила Русь отъ глубокого сна» ²⁾. Далѣе, кромѣ участія въ собираніи и обработкѣ словарнаго матеріала, Шашкевичъ составляетъ книгу для чтенія въ народныхъ школахъ («Читанка») и, наконецъ, выступаетъ съ статьей противъ проекта Іосифа Лозинскаго, предлагавшаго принять для украинской письменности латинскую азбуку. Шашкевичъ написалъ горячую статью въ защиту традиціонной азбуки и эта статья «Азбука и Abecadło» была сейчасъ же напечатана на деньги, собранныя между семинаристами, и въ 3000 экземплярахъ разослана по всей Галичинѣ. Полемика между Лозинскимъ и Шашкевичемъ по такому, казалось бы, второстепенному вопросу, какъ азбука, имѣла, тѣмъ не менѣе, большое значеніе въ дѣлѣ распространенія и проясненія національнаго самосознанія въ Галичинѣ. Идея возрожденія уже

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Устияновичъ Н.—Возрожденіе галицкой Руси и М. Шашкевичъ. Цит. по работѣ г. Тершаковца, стр. 41. Одинъ изъ современниковъ передаетъ, что ода Шашкевича разошлась въ тысячахъ списковъ. «Жите і Слово» 1894 г., т. II, стр. 445.

выходила изъ стѣнъ семинаріи, изъ среды зеленой молодежи, и вмѣстѣ со статьями двухъ талантливыхъ противниковъ пролагала себѣ путь на широкую арену. Правъ, поэтому, былъ до извѣстной степени Лозинскій, когда впослѣдствіи писалъ въ своей автобіографіи, что въ результатъ закипѣвшей по поводу азбуки полемики «русины якъ бы изъ сна обудились и до своего самосознанія приходили»¹⁾. Шашкевичъ же воспользовался азбучной полемикой главнымъ образомъ для того, чтобы высказать свои душевныя мысли о народной литературѣ, идея которой неотступно стояла передъ нимъ. «Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ никому изъ славянъ и въ голову не пришло бы создавать народную, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, литературу,— писалъ Шашкевичъ,—это считалось бы по меньшей мѣрѣ святотатствомъ, какъ и теперь еще кое-кто думаетъ. Но вотъ мы уже имѣемъ собранія пѣсенъ, пословицъ и народныхъ разсказовъ, описанія нравовъ и обычаевъ и т. п. Внимательнѣе начали присматриваться къ народу, сравнивать славянскія нарѣчія, существующія съ незапамятныхъ временъ; начали опредѣлять ихъ отношенія между собой, касаясь какъ внутренняго ихъ значенія, такъ и внѣшнихъ формъ; начали глубже проникать въ значеніе языка, поднимать его на степень литературнаго и изъ этого дѣлать опредѣленные выводы». Незыблемымъ же для Шашкевича выводомъ является слѣдующій: «Литература каждаго народа—это образъ его жизни, его метода мышленія, его души; поэтому она должна зародиться среди народа и изъ него же вырасти, расцвѣсть на родной нивѣ, чтобы не походить на ту райскую птицу, о которой говорятъ, что у ней нѣтъ ногъ, а потому она все время принуждена висѣть въ воздухѣ. Литература является необходимѣйшей потребностью всего народа. Задачей ея и главнѣйшею цѣлью является распространеніе просвѣщенія между всѣми, не исключая, конечно, отдѣльныхъ членовъ всего народа»²⁾. Подъ свои заботы о возникновеніи и развитіи народной литературы Шашкевичъ, такимъ образомъ, подводитъ широкій идейный фундаментъ, ставя ее въ зависимость отъ требованій жизни и предназначая ее служить цѣлямъ воспитанія и просвѣщенія массъ. Этотъ демократическій кличъ литературы впервые раздался теперь въ Галичинѣ, являвшейся до того излюбленнымъ мѣстомъ напыщенныхъ одъ и лстивыхъ восхваленій по адресу сильныхъ міра сего съ полнымъ пренебреженіемъ къ настоящему фундаменту для литературы, которымъ могутъ быть только народныя массы.

¹⁾ *Маковей О.*—Три галицькі граматикі. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 51, стр. 43.

²⁾ Писання *М. Шашкевича*. Видав *М. Возняк*. Львів, 1912, Стр. 202—203.

Между тѣмъ, въ концѣ 1835 г. опредѣлилась судьба «Зори». На Шашкевича запрещеніе перваго его литературнаго дѣтища произвело впечатлѣніе неожиданнаго удара. По словамъ близкаго къ нему въ то время лица, онъ впалъ въ уныніе, видя невозможность слабыми силами отдѣльныхъ лицъ бороться съ могущественной государственной машиной, и носился съ мыслью убѣдить представителей правительства въ необходимости реформъ для пользы народа. Изъ этого подавленнаго состоянія вывели Шашкевича рассказы его товарища и друга Головацкаго, только что возвратившагося изъ путешествія по славянскимъ землямъ, о борьбѣ славянъ за національное возрожденіе. Подъ влияніемъ бодрящихъ извѣстій Шашкевичъ вновь воспрянулъ духомъ и съ прежнимъ увлеченіемъ отдается литературной работѣ. Въ это же время товарищамъ пришла въ голову удачная мысль использовать для литературныхъ цѣлей знакомства Головацкаго среди славянъ. Плодомъ этой мысли былъ литературный сборникъ «Русалка Дністровая», составившійся отчасти изъ матеріала, предназначеннаго для «Зори», съ пропускомъ привлечшихъ вниманіе цензора статей, отчасти же дополненный новымъ литературнымъ матеріаломъ. Головацкій посылаетъ сборникъ въ Будапештъ знакомому студенту, сербу Петровичу, и послѣдній проводитъ его чрезъ цензуру. На венгерской почвѣ украинская книга не возбудила никакихъ сомнѣній и колебаній: какъ видно изъ переписки Головацкаго, 4 іюля 1836 г. Петровичъ получилъ рукопись «Русалки», а 6 апрѣля 1837 г. печатаніе ея было уже закончено и все изданіе черезъ Вѣну выслано въ Галичину ¹⁾. Средства на изданіе были доставлены отчасти Шашкевичемъ путемъ займа, отчасти же его знакомымъ, священникомъ Ник. Верещинскимъ, который и впослѣдствіи неоднократно выступалъ въ роли щедрого мецената, не жалѣвшаго денегъ на предпріятія національнаго характера. «Тройца» могла торжествовать видя свои труды увѣнчавшимися успѣхомъ. «Суждено намъ быть послѣдними,—писалъ Шашкевичъ въ краткомъ, но яркомъ предисловіи къ «Русалкѣ».—Ибо въ то время какъ другіе славяне достигаютъ уже вершинъ («вершқа ся дохаплюють») и если не сдружились, то скоро уже сдружатся («побратаються») съ полнымъ и яркимъ солнцемъ возрожденія — намъ приходится пока прозябать внизу, среди густого и холоднаго мрака. И у насъ были свои пѣвцы и учителя, но налетѣли грозы и бури—и они умолкли; народъ и словесность наша надолго впали въ дремотное состояніе. Тѣмъ не менѣе, языкъ и прекрасная душа укра-

¹⁾ *Студинський проф.*—Кореспонденція Я. Головацького в літах 1835—1849, стр. 1—2.

инская («руська») среди славянщины были какъ будто чистой дѣвичьей слезой въ рукѣ серафима». Отмѣтивъ появленіе на украинскомъ языкѣ народныхъ пѣсенъ и другихъ произведеній, Шашкевичъ такими трогательными словами напутствуетъ свое дѣтище: «не грусти, Русалочка отъ Днѣстра, что не въ роскошномъ нарядѣ, а въ томъ, какой отъ природы и добраго, сердечнаго твоего народа получила, предстанешь нынѣ предъ своими сестрами. Онѣ—добры: извинятъ, примутъ тебя и украсятъ» ¹⁾).

Увы—надеждамъ этимъ не суждено было сбыться, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время и въ ближайшей средѣ. «Русалка» и ея издатели встрѣчены были гоненіями. Митрополитъ и цензоръ Левицкіе узнали въ ней запрещенную «Зорю», поставили въ связь съ тайными польскими организаціями и засыпали доносами правительство. Въ іюлѣ 1837 г. «Русалка» была уже конфискована и увидѣла свѣтъ вторично лишь въ 1848 г., когда правительству было уже не до цензуры. Авторъ, помѣстившихъ свои произведенія въ сборникъ, подвергли допросу. Вагилевичъ прямо отрекся отъ участія, заявивъ, что его имя попало въ сборникъ случайно и безъ его вѣдома. Шашкевичу грозило увольненіе изъ семинаріи наканунѣ окончанія курса и исключеніе изъ духовнаго званія, между тѣмъ какъ на его рукахъ къ тому времени оказалась семья умершаго отца. Въ виду этого Головацкій принялъ всю вину на себя, заявивъ, что онъ былъ единственнымъ издателемъ «Русалки» и поступилъ такъ только потому, что не зналъ о разницѣ цензурныхъ постановленій въ Венгріи и Австріи. Въ такомъ видѣ дѣло поступило къ свѣтскимъ властямъ, которыя отнеслись къ предпріятію «тройцы», конечно, враждебно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желали раздувать его, подобно перепуганной духовной власти. Директоръ львовской полиціи, Пайманъ, объ издателяхъ «Русалки» отзывался слѣдующимъ образомъ: «мы слишкомъ много хлопотъ имѣемъ и съ одной національностью (польской), а эти сумасшедшіе («Tollköpfe») хотятъ воскресить еще и мертвую украинскую («ruthenische») національность» ²⁾. Тѣмъ не менѣе, галицкій губернаторъ, баронъ Кригъ, свое мнѣніе строить главнымъ образомъ на показаніяхъ Головацкаго, которымъ онъ безусловно довѣрялъ, и отвергаетъ наличность у издателей какихъ-либо политическихъ стремленій, находя, что ихъ поступокъ объясняется чисто литературными задачами. Въ виду этого бар. Кригъ предлагалъ ограничиться по отношенію къ Головацкому и Шашкевичу лишь строгимъ выговоромъ и неослабнымъ наблюденіемъ за ихъ дальнѣйшимъ поведеніемъ ³⁾. Въ виду

¹⁾ Писання М. Шашкевича, стр. 77—78.

²⁾ Опишкевича—Руска бібліотека, стр. XXVII.

³⁾ Тершаковецъ М.—Матеріяли й замітки..., стр. 112—118.

разногласій между духовной и свѣтской властями, главное управленіе цензуры и полиціи въ Вѣнѣ передало дѣло на разсмотрѣніе еще извѣстному Копитару; кромѣ того разслѣдованіе о «Русалкѣ» производилось и въ Будапештѣ. Эти послѣднія инстанціи взглянули на дѣло совершенно иначе, нежели мѣстныя львовскія власти. Отзывъ Копитара представляетъ, согласно съ его общей позиціей въ данномъ вопросѣ, въ сущности апологію издателей «Русалки» и суровое осужденіе львовскаго цензора, мотивы котораго онъ просто «отказывается понимать»¹⁾. Что касается поведенія венгерскихъ властей, то Петровичъ уже въ 1839 г. извѣщаетъ Головацкаго, что «Русалка» еще 26 іюня 1838 г. «одобрена и разрѣшена къ публичной продажѣ»²⁾. Къ сожалѣнію, все это не имѣло значенія для судьбы злополучной книги въ Галичинѣ, гдѣ «Русалка» попрежнему оставалась подъ запрещеніемъ, а издатели ея подъ полицейскимъ надзоромъ.

Гораздо тяжелѣе на самочувствіи піонеровъ галицкаго возрожденія должно было отразиться отношеніе къ ихъ предпріятію общества. Кромѣ кружка молодежи и единичныхъ представителей старшаго поколѣнія, громадное большинство галицкой интеллигенціи, т. е. главнымъ образомъ духовенства, отнеслось къ появленію «Русалки» отрицательно. «Въ несчастную минуту родилась «Русалка»,—писалъ впослѣдствіи Головацкій.—Вмѣсто помощи и поощренія, посыпались издѣвательства, неудовольствія и даже прямая враждебность. Обнаружился полный разбродъ въ мнѣніяхъ («що голова, то розум»). Были такіе, которые готовы были ее привѣтствовать, но только не въ томъ одѣяніи (намекъ на гражданскій шрифтъ и фонетическое правописаніе «Русалки». С. Е.); одинъ упрекалъ за то, другой за другое, одному то, другому это не нравилось; не было недостатка и въ такихъ, которые и совсѣмъ отрекались отъ такого новшества и не скрывали своей враждебности» («бісом на неї дивилися»)³⁾. Выразителемъ этого настроенія былъ небезызвѣстный въ то время «литературный диктаторъ», Іосифъ Левицкій, спустя шесть лѣтъ по выходѣ «Русалки» разразившійся чрезвычайно рѣзкой и несправедливой оцѣнкой, которую новѣйшій изслѣдователь квалифицируетъ, какъ злостный доносъ и возбужденіе власти и общества противъ издателей злосчастной книги. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Ле-

¹⁾ Тамъ же, стр. 115.

²⁾ *Студинскій проф.*—Корреспонденція Я. Головацкаго в літах 1835—1849, стр. 16. Интересно, что на вопросъ, что могутъ означать гоненія на «Русалку», будапештскій цензоръ Nagyа отвѣтилъ: «suppressio, nihil quam suppressio. Sie wollen keine ruthenische Litteratur aufkommen lassen»,—тамъ же, стр. 7.

³⁾ Твори М. Шашкевича, Я. Головацкаго... Изданіе «Просвіти», стр. 141.

вицкаго, «надлежитъ быть благодарными правительству, которое ревностно слѣдитъ не только за политическими ученіями, но и за излишними нововведеніями, и потому не допустило распространенія «Русалки Днѣстровой» въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ тріумвирата» ¹⁾). Но выражаясь такъ рѣзительно, критикъ совершенно не понялъ значенія разбираемаго имъ труда и весь запасъ непонятной злости сосредоточилъ на правописаніи и тому подобныхъ мелочахъ чисто формальнаго значенія. Эта единственная печатная оцѣнка «Русалки» представляетъ чрезвычайно любопытный документъ для характеристики того общества, среди котораго внезапно раздался призывъ къ возрожденію, и нужно сказать, что едва ли даже вражеской рукой могъ быть начертанъ документъ болѣе убійственный...

Главной своей тяжестью всѣ эти нападки и непріятности упали, конечно, на Шашкевича, который былъ душой предпріятія. Но, по свидѣтельству того же Головацкаго, «онъ не палъ духомъ, а лишь закрылъ свое израненное сердце предъ безсознательными людьми и держалъ его открытымъ только для небольшого кружка друзей и знакомыхъ, которые усвоили его мысли и льнули къ нему, какъ къ старшему соколу меньшая братія» ²⁾). Шашкевичъ понялъ, что нужно сначала воздѣлать и приготовить почву для новыхъ идей возрожденія, и неусыпно работалъ въ этомъ направленіи какъ личнымъ своимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ на товарищей, такъ и литературными произведеніями. Въ 1838 г. онъ окончилъ свое богословское образованіе и, несмотря на выгодныя въ карьерномъ смыслѣ предложенія, оставилъ Львовъ для необезпеченнаго положенія сельскаго священника. Среди народа, отдавая всего себя практическому служенію ему и разработкѣ родного слова, Шашкевичъ въ невѣроятной нуждѣ прожилъ остатокъ своей недолгой жизни. Особенно радовался онъ успѣхамъ украинскаго слова въ російской Украинѣ, за которыми слѣдилъ съ волненіемъ и надеждами, дѣлясь ими со своими друзьями. Сохранилось нѣсколько писемъ Шашкевича, въ которыхъ онъ съ трогательной искренностью изображаетъ то впечатлѣніе, какое производили на него звуки родной музыки, доносившіеся изъ степей Украины ³⁾). Впрочемъ, это недолго продолжалось: смертельный недугъ, вынесенный Шашкевичемъ еще изъ стѣнъ семинаріи, быстро доканчивалъ дѣло разрушенія утлаго, расшатан-

¹⁾ *Lewicki J.* — Listy, tyżące się pismienictwa ruskiego w Galicyi. Перепечатаны въ цитированныхъ «Матеріалахъ і заміткахъ» *М. Тершаковця*, стр. 210—226.

²⁾ Твори *М. Шашкевича*, *Я. Головацького*... стр. 142.

³⁾ *Онишкевича*—Руска бібліотека, стр. 60—63. Ср. также стихотвореніе Шашкевича «Побратимові, посилаючи йому пісні українські».

наго нуждой организма, и 7 іюня 1843 г. Шашкевича не стало. Пульсъ національнаго возрожденія галицкихъ украинцевъ на нѣкоторое время пересталъ биться.

Литературное наслѣдіе, оставшееся послѣ Шашкевича, количественно очень невелико: десятка два лирическихъ стихотвореній, еще меньше переводовъ, одинъ рассказъ, одна-двѣ статьи, хрестоматія для дѣтей и неоконченный переводъ евангелія—вотъ и все, что дошло отъ этого перваго національнаго писателя галицкой Украины. И при всѣхъ литературныхъ достоинствахъ этого наслѣдія, не въ немъ, конечно, заключается центръ тяжести дѣятельности Шашкевича и его главная заслуга, благодаря которой имя Шашкевича приобрѣло себѣ поистинѣ вѣчную память въ потомствѣ. Проникновеннымъ взоромъ онъ сумѣлъ глубоко заглянуть въ будущее родного народа и, поистинѣ гениальнымъ чутьемъ угадавъ главную причину его временнаго упадка, создать такой лозунгъ, который оказался единственно спасительнымъ для его родины. Будучи подхваченъ впослѣдствіи, этотъ лозунгъ народности и демократизма привелъ къ широкому общественному движенію, знаменующему собой личное гражданское и національное освобожденіе народныхъ массъ. Эта заслуга Шашкевича ни сколько не потеряла бы въ своемъ значеніи, если бы до насъ не дошла ни одна строка изъ написаннаго имъ, или если бы его литературное наслѣдіе не было вовсе отмѣчено печатью художественнаго таланта, ибо нервъ его дѣятельности, даже литературной, лежитъ въ иной плоскости—извлеченія родного народа изъ того унизительнаго положенія паріевъ между народами, въ которомъ онъ пребывалъ. «Пусть свободы солнце засіяетъ: ты не неволи сынъ!»—обращается Шашкевичъ къ народу, и вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ людей-братьевъ по всему широкому міру, за Волгой, за Дунаемъ—вездѣ «гдѣ найдутся братски настроенныя души» («Згадка»). Для своего поколѣнія Шашкевичъ самъ сдѣлался лозунгомъ возрожденія, былъ, по выраженію Устіяновича, «пророкомъ чести, предтечей славы»; вокругъ него группировались всѣ живыя силы общества, смотрѣвшія впередъ, и неудивительно, если смерть Шашкевича среди его послѣдователей произвела впечатлѣніе національной катастрофы. Тѣмъ болѣе, что она совпала съ временемъ наибольшаго обостренія реакціи, какъ будто чувствовавшей приближеніе конца и потому особенно интенсивно злодѣйствующей. «Все умолкло, надежды наши уснули и ты, неоплаканный, угасъ»,—такими словами откликнулся на смерть Шашкевича его товарищъ, Казановичъ. И это впечатлѣніе наступившаго сплошнаго мрака, прорѣзаннаго лишь свѣтлымъ лучомъ привлекательной личности Шашкевича, составляетъ

доминируюцій мотивъ въ отзывахъ современниковъ, растерявшихъ до потери всякой энергіи. Цѣлый рядъ политическихъ процессовъ, въ которые пытались замѣшать и угасшаго отца національнаго возрожденія, былъ единственной зыбью, пронесившейся по поверхности спокойной, повидимому, жизни. Цензура, представленная извѣстнымъ уже намъ Венедиктомъ Левицкимъ, свирѣпствовала всюду, запрещая не только безобидныя оды и прочіе плоды художочной галицкой музыки, но и проповѣди и даже молитвословы, разъ они содержали хотя бы намекъ на мѣстный колоритъ. Духовная власть, въ лицѣ консисторіи и въ особенности митрополита Михаила Левицкаго, давила всякое проявленіе живой инициативы и даже просто не шаблонной мысли, измысливъ для этой цѣли особую «основную черту характера русинъ—консервативный принципъ» и всячески преслѣдуя всякое новшество, въ чемъ бы оно ни выражалось. Питомцамъ духовной семинаріи, составлявшимъ цвѣтъ національной молодежи, запрещено не только участвовать въ какихъ-либо литературныхъ предпріятіяхъ, но даже читать книги свѣтскаго содержанія ¹⁾. Гете, Шиллеръ, Оссіанъ, «Русская Правда», Бёрне, Карамзинъ, польская газета—все валилось въ одну кучу заподозрѣннаго и запрещеннаго. «Ученье—вотъ чума, наука—вотъ причина»,—на всевозможные гласы вопіяла разгулявшаяся реакція, уловляя и пресѣкая широко понимаемую крамолу, наглухо заграждая уста несогласно мыслящимъ. Вотъ почему 1848-й годъ засталъ учащуюся молодежь совершенно ополеченной, забывшей традиціи 30-хъ годовъ. Вотъ почему горсть сподвижниковъ Шашкевича умолкаетъ до лучшихъ временъ, съ нетерпѣніемъ ожидая того вожделѣннаго момента, когда, по образному выраженію Ант. Могильницкаго, раздастся гласъ, какъ Іосифу въ Египтѣ: «возвратись, Іосифъ, на родину, ибо умеръ уже Иродъ, искавшій твоей смерти» ²⁾. Поскольку же національная работа продолжается итти, она стремится направиться обходными путями—черезъ Вѣну, гдѣ легче было избѣжать дозора комбинаціи изъ двухъ Левицкихъ. Тамъ печатаются «Проповѣдки» (пословицы) Илькевича, тамъ Головацкій при посредствѣ своего брата Ивана выпускаетъ два тома сборника «Вінок русинамъ на обжинки» (1845 и 1847 г.); тамъ, не безъ вліянія Копитара и участія правительственныхъ круговъ, возникаетъ даже мысль объ изданіи журнала для

¹⁾ *Кміт Ю.* — Причинки до історіі руського духовного семинаря у Львові. «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 91, стр. 151—158. *Студинський проф.* — Польські конспірації, — «Записки Н. Т-ва ім. Шевченка», т. 80, стр. 76.

²⁾ *Студинський проф.* — Кореспонденція Я. Головацького в літахъ 1835—1849, стр. 220.

галицкихъ украинцевъ на народномъ языкѣ ¹⁾; тамъ же, наконецъ появляется громовой протестъ Головацкаго—«Zustände der Rusinen in Galizien», представляющій собою настоящій обвинительный актъ противъ системы обскурантизма, сервилизма и угнетенія, свившихъ себѣ прочное гнѣздо въ Галичинѣ 40-хъ годовъ. Просматривая чрезвычайно любопытный матеріалъ, заключающійся въ изданной профессоромъ львовскаго университета Студинскимъ перепискѣ Якова Головацкаго, мы воочію убѣждаемся, что національные интересы пробудившихся украинцевъ не исчезли, они только сошли съ поверхности, были загнаны вглубь, гдѣ и продолжали созрѣвать и углубляться, чтобы обнаружить себя при первомъ удобномъ случаѣ. Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи симптомомъ является чрезвычайный интересъ къ выходившимъ въ Россіи украинскимъ изданіямъ, которыя встрѣчаются въ Галичинѣ съ энтузіазмомъ и пользуются здѣсь исключительнымъ успѣхомъ. Заглавіями украинскихъ изданій, чаще всего съ болѣе или менѣе восторженными эпитетами, пестрятъ страницы упомянутой переписки. Къ этому же времени принадлежитъ и начало личныхъ сношеній галичанъ, какъ Головацкаго, Вагилевича и др., съ такими дѣятелями изъ російской Украины, какъ Платонъ Лукашевичъ, Максимовичъ, Бодянский, Срезневскій ²⁾. Обмѣнъ мнѣніями съ выдающимися украиновѣдами своего времени не только поднималъ галицкихъ дѣятелей въ собственныхъ глазахъ и укрѣплялъ ихъ на занятой позиціи, но онъ же показываетъ, откуда, собственно, пошло начало украинскаго движенія въ Галичинѣ,—того движенія, которое невѣжественные и недобросовѣстные люди еще и понынѣ силятся представить какъ своеобразное сплетеніе всевозможныхъ интригъ, начиная съ польской и оканчивая модной теперь австрійской. Что касается послѣдней, то историческое изученіе украинскаго движенія показываетъ, что она неповинна въ приписываемомъ ей «злодѣянніи». Болѣе, чѣмъ неповинна.

•Предъ нами прошелъ начальный періодъ украинскаго движенія въ Галичинѣ. Основнымъ его мотивомъ является, безъ сомнѣнія, полная изолированность отъ всякаго рода органовъ власти, начиная съ представителей вѣнскаго правительства и оканчивая властью имущими русинами духовнаго званія, какъ оба Левицкіе, митрополить и цензоръ, показавшими себя въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 68—70.

²⁾ Возняк. М.—Епізоди культурних зносин галицької й російської України в I полов. XIX віку. «Записки Українського Наук. Т-ва в Києві», т. XIII. Свѣнцицкий И.—Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси, Львовъ, 1906, и обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ю половину XIX в., Спб., 1906.

смыслъ лойяльности несравненно большими австрійцами, чѣмъ даже представители свѣтской власти. Офиціальныи матеріалъ, опубликованный г. Тершаковцемъ съ категорической ясностью обрисовываетъ стремленіе австрійскаго правительства задушить зарождавшееся среди галицкихъ украинцевъ національное сознаніе и, какъ результатъ послѣдняго, народную литературу, которая только начала въ то время дѣлать первые свои шаги на галицкой почвѣ. Нежеланіе «множить ради мужиковъ нарѣчія и буквы», запугиваніе «сепаратизмомъ», мытарства «Зори» и «Русалки Дністровой», процессы піонеровъ національнаго возрожденія, эти непрерывные обыски и тревоги съ перспективой отдачи въ солдаты или пожизненнаго заключенія гдѣ-нибудь въ Шпильбергѣ или Куфштейнѣ—все это, конечно, не содѣйствіе національному движенію украинцевъ. Отношеніе къ нему австрійскаго правительства цѣликомъ укладывается въ вышеприведенный отзывъ директора львовской полиціи о «сумасшедшихъ, которые хотятъ воскресить мертвую украинскую національность»,—и въ этомъ смыслѣ австрійское правительство осталось вѣрнымъ себѣ до послѣдняго времени, какъ до послѣдняго же времени украинцамъ приходилось быть въ оппозиціи и лишь путемъ упорной борьбы вырывать тѣ или иныя уступки. Исключеніе изъ австрійскихъ чиновниковъ составлялъ одинъ лишь Копитаръ, но его взгляды результатъ не вульгарнаго австрофильства во что-бы то ни стало, а глубокаго пониманія сущности украинскаго вопроса, всестороннихъ познаній и славянофильскихъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, убѣжденій. Вообще же Австрія всегда очень много брала отъ Галичины и слишкомъ мало давала ей, чтобы можно было говорить о какой-то специально украинской ея политикѣ, о злонамѣренномъ созданіи ею украинскаго движенія. Наоборотъ, само возникновеніе такъ называемаго москвофильства со всѣми его уродливыми чертами свидѣтельствуетъ, какъ въ сущности мало задумывалось австрійское правительство надъ національной проблемой въ Галичинѣ и какъ оно собственными руками толкало своихъ подданныхъ въ противоположную сторону. Легенда объ украинскомъ движеніи, какъ порожденіи австрійской, равно какъ и всякой другой, интриги, должна быть окончательно сдана въ архивъ. Ибо и безъ этихъ легендарныхъ интригъ существовало много слишкомъ достаточныхъ основаній для національнаго возрожденія всего украинскаго народа—и первая изъ нихъ, отмѣченная еще Могильницкимъ, та, что онъ всегда чувствовалъ себя именно отдѣльнымъ народомъ, а не частью какого-либо иного національнаго организма. Этотъ неясный инстинктъ лучшіе люди, мозгъ націи, облекли въ

сознаніе, претворили въ плоть и кровь и тѣмъ самымъ дали толчокъ къ непрекращающемуся, а все усиливающемуся развитію на національной почвѣ. Только и всего вѣдь. Здѣсь, именно и лежитъ узелъ вопроса, а также и разгадка того, почему этотъ вопросъ продолжаетъ существовать, несмотря на могущественное противодѣйствіе движенію, исходящее отъ облеченныхъ всей полнотою власти государственныхъ органовъ, и содѣйствіе послѣднимъ со стороны всевозможныхъ добровольцевъ изъ общества.

Эта неизсякаемость украинскаго движенія сказалась въ Галичинѣ сейчасъ же, какъ только мрачная полоса реакціи смѣнилась общественнымъ подъемомъ и получили возможность восхода сѣмена, брошенныя въ родную землю Маркіаномъ Шашкевичемъ. Насталъ 1848 годъ—«весна народовъ», и уже не слабая горсть энтузіастической молодежи, а солидныя общественныя силы собираются вокругъ знамени, выброшеннаго увѣренной рукой перваго національнаго дѣятеля галицкой Украины.

С. Ефремовъ.

За свѣтъ и свободу¹⁾.

Въ Петербургъ.

Когда я пришелъ къ Малиновской въ ея квартиру въ Измайловскомъ полку, она бросилась встрѣчать меня съ особенно радостнымъ видомъ.

— Мы васъ ждемъ уже второй день! Почему вы не были у насъ вчера?

— Все время просидѣлъ у Михайлова и у него же остался ночевать.

— А намъ вы совершенно необходимы!

— Что такое?

— Мы хотимъ просить васъ освободить Брешковскую.

Это была одна молодая дама, осужденная на четыре года каторжныхъ работъ за участіе въ пропагандѣ среди крестьянъ. Я уже зналъ, что ее собирались скоро везти въ Сибирь.

— Успѣю ли приготовить освобожденіе? Вѣдь ее повезутъ если не сегодня, то завтра.

— Ужъ увезли вчера! Но вы попытайтесь. Мы собрали для этого триста рублей денегъ, она объявитъ себя въ Нижнемъ больной и откажется ѣхать далѣе. Она рассчитываетъ задержаться по болѣзни на недѣлю.

Я сталъ соображать о томъ, что мнѣ можно будетъ сдѣлать.

— До Нижняго Новгорода,—отвѣтилъ я ей, наконецъ,—я ничего не могу предпринять, потому что ее повезли по желѣзной дорогѣ, и я не догоню. А за Нижнимъ возятъ въ Сибирь на

¹⁾ Настоящія главы воспоминаній Н. А. Морозова относятся къ 1878 году. Ср. его очерки «Во имя братства», напечатанные въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г., №№ 8—12.

тройкахъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Тамъ можно будетъ ее отбить, если я найду себѣ еще троихъ товарищей.

— А какъ вы думаете сдѣлать?

— Я не люблю сложныхъ и дорого стоящихъ плановъ. Смѣлые и простые планы всегда осуществимѣе. Мы, на примѣръ, выйдемъ пѣшкомъ на дорогу, какъ простые гуляющіе, и сядемъ гдѣ-нибудь у мостика черезъ ручей. Передъ тѣмъ, какъ жандармы подъѣдутъ, можно будетъ вынуть изъ мостика два или три бревна и крикнуть ихнему ямщику, чтобъ ѣхалъ осторожнѣе, такъ какъ мостикъ прогнилъ и продавился. А когда ямщикъ призадержитъ лошадей, тогда я и еще одинъ изъ товарищей воткнемъ въ спицы заднихъ колесъ по колу. Колеса не будутъ вѣртіться, и имъ нельзя будетъ умчаться, а мы, прицѣпившись въ жандармовъ и ямщика изъ своихъ револьверовъ, прикажемъ всѣмъ немедленно выйти изъ телѣги подъ угрозой смерти. Затѣмъ мы ихъ свяжемъ и, оставивъ на дорогѣ, ускачемъ на ихъ собственныхъ лошадяхъ въ Нижній, гдѣ Брешковской нужно имѣть вѣрное убѣжище на мѣсяцъ, до тѣхъ поръ, пока не прекратятся облавы.

— А вы сами останетесь въ Нижнемъ?

— Мы освободимъ ее заgrimированными, и насъ никто не будетъ въ состояніи узнать, тѣмъ болѣе, что теперь начинается Нижегородская ярмарка, и весь Нижній будетъ полонъ пріѣзжими.

— Вотъ будетъ кавардакъ,—сказала Малиновская,—когда жандармы начнутъ обыскивать и задерживать цѣлыя тысячи пріѣхавшихъ купцовъ!

Она звонко разсмѣялась, представляя въ своемъ воображеніи всеобщій переполохъ коммерсантовъ, пріѣхавшихъ туда для наживы.

— Но только какъ же я узнаю, что она пріѣхала въ Нижній?—спросилъ я.

— Тамъ есть у насъ знакомый, извѣстный губернский дѣятель Фрейлихъ, онъ всѣхъ знаетъ въ Нижнемъ, и настолько сочувствуетъ намъ, что сейчасъ же развѣдаетъ, въ тюрьмѣ она или въ больницѣ, и когда ее увезутъ.

— А еще кто есть тамъ изъ сочувствующихъ?

— Есть одинъ студентъ Поддубенскій и городской врачъ.

— Тогда давайте мнѣ всѣ эти адреса и рекомендаціи, и я завтра же уѣзжаю. Ни минуты нельзя терять!

И я отправился въ Нижній-Новгородъ въ восторгѣ отъ такого симпатичнаго мнѣ порученья. Мнѣ было тогда двадцать четыре года, я недавно былъ выпущенъ изъ темницы послѣ трехлѣтняго одиночнаго заключенія за «хождение въ народъ».

и мнѣ страстно хотѣлось совершать самые героическіе подвиги, особенно же спасти своихъ друзей.

Въ случаѣ нужды я хотѣлъ попытаться отбить Брешковскую даже единолично, неожиданнымъ нападеніемъ въ ближайшемъ удобномъ мѣстѣ, варьируя свой планъ, судя по условіямъ мѣстности, которую я рѣшилъ предварительно изслѣдовать. Тамъ, думалъ я, на самой дорогѣ ясно будетъ видно, что надо дѣлать. Только бы пріѣхать во-время!

Рекогносцировка.

— Куда прикажете?—спросилъ меня извозчикъ у крыльца Нижегородскаго вокзала.

— Въ какую-нибудь гостиницу!

Экипажъ въѣхалъ въ какой-то оврагъ, по обѣ стороны котораго на высотахъ, раздѣленныхъ новыми оврагами, были разсыпаны дома, домики и церкви съ золочеными и просто крашеными главами.

Извозчикъ привезъ меня въ гостиницу, гдѣ мнѣ дали во второмъ этажѣ небольшой чистенькій номеръ съ двумя окнами.

Оставшись одинъ, я тотчасъ выглянулъ въ одно изъ нихъ и увидалъ передъ собою небольшой скверикъ, на который выходилъ фасадъ моей гостиницы, а посреди скверика блестѣло, какъ зеркало, озерко или, скорѣе, прудъ въ зеленыхъ берегахъ. Это было очень красиво, и я невольно залюбовался на нѣсколько минутъ открывшейся передо мною и мало привычной для меня въ большихъ городахъ картиной.

— Позвольте вашъ паспортъ!—заявилъ возвратившійся служитель.

Я вынулъ изъ кармана сфабрикованный для меня «троглодитамъ» видъ почетнаго потомственнаго гражданина Нижегородцева и, вручивъ ему, сказалъ:

— Только поскорѣе возвратите! Мнѣ нужно получать деньги!

— Слушаю-съ!—и онъ исчезъ.

Переодѣвшись и умывшись, я немедленно отправился къ Фрейлиху со своей рекомендаціей.

Кругленькій бритый господинъ съ фигурой нѣмецкаго булочника принялъ меня въ своемъ кабинетѣ въ красивомъ деревянномъ домикѣ. Окно кабинета выходило въ небольшой садъ, сплошь усаженный цвѣтами. Цвѣты и цвѣты, куда ни оберни взглядъ!

— Я и моя жена очень любимъ цвѣтоводство, и все это насадили сами,—заявилъ онъ мнѣ, замѣтивъ мой долгій взглядъ въ окно и еще не прочитавъ рекомендаціи.

Затѣмъ, проглянувъ бумажку, онъ справился о здоровьи своихъ петербургскихъ друзей и озабоченно произнесъ:

— Конечно, я могу всегда узнать, кого изъ политическихъ привезутъ въ тюрьму, но могутъ посадить и въ арестантское отдѣленіе при городской больницѣ. И это всего скорѣе, а я тамъ не имѣю вѣрнаго человѣка.

— Такъ, пожалуйста, послѣдите за тюрьмой, а относительно больницы я самъ какъ-нибудь постараюсь. Кто изъ докторовъ здѣсь получше?

Онъ мнѣ назвалъ фамилію, которую я теперь забылъ.

— Онъ по какимъ болѣзнямъ?

— По внутреннимъ.

— Вотъ и отлично. А въ какіе часы въ больницѣ пріемъ входящихъ?

Онъ взглянулъ на часы.

— Кажется черезъ часъ.

— А далеко больница?

— Четверть часа ходьбы.

— Такъ я сейчасъ же побѣгу туда жаловаться на сильную боль въ желудкѣ, а вы ужъ какъ-нибудь сегодня же узнайте въ тюрьмѣ.

— Да останьтесь же хоть напиться съ нами чаю и познакомьтесь съ моей женой! Какой вы, право, пряткій!

— Напьюсь съ удовольствіемъ по возвращеніи изъ больницы, а теперь дѣло не терпитъ. Каждая минута дорога! Вы ужъ меня простите!

Я побѣжалъ въ городскую больницу. Сейчасъ же за ея парадными дверьми была большая комната, гдѣ вѣшали платье и тамъ же дожидались посѣтители. Отдавъ швейцару свое пальто, я спросилъ его о нужномъ мнѣ докторѣ, но онъ какъ разъ въ это время былъ замѣненъ другимъ. Это было большое разочарованіе. Однако, не желая уходить, я согласился и на второго доктора и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, осматривая комнату. Направо отъ входа былъ небольшой коридоръ, дверь котораго оказалась отворенной и въ немъ ходилъ взадъ и впередъ солдатъ съ ружьемъ.

— Что это такое?—спросилъ я швейцара.

— Арестантское отдѣленіе.

— А доктора туда ходятъ?

— Ходятъ.

Какая-то, только что вошедшая и явно очень многорѣчивая, женщина подошла къ швейцару и начала что-то безтолково говорить ему. Воспользовавшись тѣмъ, что его вниманіе отвлечено,

я быстро пошелъ въ арестантскій коридоръ съ такимъ дѣловымъ видомъ, какъ будто дѣлаю это уже десятый или сотый разъ. Глядя озабоченно въ пространство, я близко прошелъ мимо вопросительно взглянувшаго на меня и явно не знавшаго, что ему дѣлать, часового, какъ будто совсѣмъ его не замѣчая. Я взглянулъ въ окошечко первой лѣвой двери, потомъ второй, третьей, которая, на сколько помню, была и послѣдней, повернулъ на правую сторону, внимательно заглянулъ въ окошечки и ея всѣхъ камеръ, а затѣмъ спокойно прошелъ назадъ мимо часового, какъ человѣкъ убѣдившійся, что здѣсь все въ порядкѣ, и снова вышелъ въ швейцарскую.

— Дайте-ка мое пальто обратно,—сказалъ я служителю.— Я лучше приду завтра, когда будетъ нужный мнѣ первый докторъ,—и, давъ ему пятиалтынный, ушелъ совершенно удовлетворенный: во всѣхъ арестантскихъ камерахъ были только мужчины. Ея здѣсь нѣтъ!

— Видите, какъ все просто дѣлается!—сказалъ я Фрейлиху о результатахъ своей ревизіи, какъ только явился къ нему.

Тотъ расхохотался добродушнымъ смѣхомъ.

— Это былъ неопытный солдатъ, другой васъ не пустилъ бы.

— Ну и что же изъ этого? Тогда я сказалъ бы ему, что не зналъ о запрещеніи туда ходить и пошелъ бы обратно.—Завтра или послѣ завтра я опять такъ сдѣлаю.

И я, дѣйствительно, началъ ходить въ больницу черезъ день и въ тотъ моментъ, когда швейцаръ, неумышленного вмѣшательства котораго я очень опасался, уходилъ съ докладомъ, я съ важнымъ видомъ ревизовалъ всѣ арестантскія камеры и ни разу не былъ остановленъ часовыми, очевидно принимавшими меня за какого ревизора!

Итакъ, здѣсь не было Брешковской! Не было ея и въ тюремномъ замкѣ, какъ я узнавалъ отъ Фрейлиха. Гдѣ же она находится? Очевидно, ее задержали въ Москвѣ и привезутъ позднѣе, — думалъ я.

И я продолжалъ свои приготовленія къ ея освобожденію, стараясь привлечь къ нему мѣстную молодежь, съ которой сейчасъ же и началъ знакомиться.

Прежде всего, и даже въ первый же день по приѣздѣ, я пошелъ, конечно, къ рекомендованному мнѣ студенту Поддубенскому, жившему на лѣтнихъ каникулахъ въ домѣ своей матери. Вся ихъ семья состояла только изъ трехъ человѣкъ: его, единственнаго сына, и, затѣмъ, матери и тетки, которыя не могли налюбоваться на него.

Меня встрѣтили тамъ съ такимъ радушіемъ, съ какимъ встрѣ-

чаютъ только въ провинціи, и, тотчасъ же поставивъ самоваръ, начали угощать всевозможными домашними вареньями, одно изъ которыхъ было сварено изъ молодыхъ розовыхъ лепестковъ и обладало удивительнымъ ароматомъ и вкусомъ.

— Никогда я не воображалъ, что можно дѣлать варенье изъ розовыхъ лепестковъ—сказалъ я обѣимъ дамамъ.—А много ихъ уйдетъ на большую банку?

— Почти цѣлый домашній садъ,—простодушно отвѣтила мнѣ тетя,—конечно, если онъ не весь будетъ засаженъ розами.

Это сразу отбило у меня охоту рекомендовать кому-нибудь приготовленіе подобнаго варенья, хотя оно и было удивительно хорошо.

Уйдя, наконецъ, съ Поддубенскимъ въ его комнату въ мезонинѣ, я откровенно разсказалъ ему о причинѣ моего пріѣзда.

— Вы можете участвовать?—спросилъ я его.

— Непремѣнно буду.

— А кого бы еще пригласить?

Онъ задумался.

— Изъ мѣстной молодежи нѣтъ такихъ, которыхъ я рѣшился бы рекомендовать. Тутъ нужна выносливость, сила и смѣлость.

— А развѣ здѣсь есть еще и не мѣстная молодежь?

— Есть.

— Какая же?

— Здѣсь живетъ Якимовъ, вашъ товарищъ по большому процессу.

— Но женщины неудобны для нападенія.

— Я говорю не о ней, а о ея товарищахъ. Видите ли,—привавилъ онъ,—она пріѣхала сюда вмѣстѣ съ своимъ хорошимъ знакомымъ, студентомъ Ширяевымъ, вести пропаганду среди фабричныхъ рабочихъ. Они оба поступили на фабрику и тамъ нашли замѣчательнаго рабочаго, Халтурина, сильнаго, смѣлаго, много читающаго и всей душой отдавашагося новымъ общественнымъ идеаламъ.

— Такъ вы думаете, что Ширяевъ и Халтуринъ будутъ годны?

— Безусловно! Лучше ихъ и найти нельзя.

— Итакъ значитъ насъ четверо!—воскликнулъ я съ радостью.—А больше намъ и не надо! Когда же можно будетъ мнѣ познакомиться и сговориться съ ними?

— Завтра вечеромъ я приглашу ихъ къ себѣ.

— А нельзя ли лучше ко мнѣ въ гостиницу? Такъ будетъ меньше слѣдовъ, когда мы отобьемъ Брешковскую и начнутъ по всему городу розыски.

— Это вѣрно,—замѣтилъ онъ.—Мои родные не выдержатъ,

если ихъ арестуютъ, и все расскажутъ. Но я думалъ, что вы будете скрывать отъ всѣхъ свой адресъ, какъ дѣлали другіе прїѣзжавшіе къ намъ изъ Петербурга.

— Отъ васъ нѣтъ!

И я сказалъ ему названіе гостиницы и фамилію, подъ которой я въ ней поселился.

— Знаю,—сказалъ онъ,—я тамъ бывалъ прошлымъ лѣтомъ раза два въ сосѣднемъ съ вами номерѣ. Поэтому я приведу ихъ къ вамъ прямо, не спрашивая швейцара.

Ночной кошмаръ.

Я возвратился домой совершенно удовлетворенный собранной мною компаніей. Я отворилъ свое окно во второмъ этажѣ и сталъ въ него смотрѣть.

Темная лѣтняя ночь опустила уже надъ землей свои темно-синія крылья. Полная луна смотрѣла съ безоблачнаго неба прямо въ мое лицо, отбрасывая на полъ моей комнаты косыя изображенія двухъ ея оконъ. Она отражалась въ спокойной водѣ пруда, темнѣвшаго въ срединѣ садика передо мною, такъ ясно и отчетливо, что я сразу могъ увидѣть тамъ всѣ подробности ея пятнистой поверхности, начиная отъ овальнаго темнаго моря кризисовъ вверху ея правой стороны и кончая неопредѣленными очертаніями нижнихъ лунныхъ континентовъ. Освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ деревья по берегамъ пруда приняли фантастическій, сказочный видъ какихъ-то великановъ, закутанныхъ въ темные плащи. Рядъ городскихъ домовъ на противоположной сторонѣ площади, надъ которыми висѣла въ небѣ эта круглая луна, такіе обычные при дневномъ свѣтѣ, стали казаться теперь волшебными, таинственными замками.

Я сошелъ съ окна, на которомъ сидѣлъ, заперъ на ключъ дверь своей комнаты и, не зажигая огня, отперъ свой чемоданъ и сталъ осматривать свои запасные револьверы и кинжалы, выложивъ ихъ на подоконникъ. Синимъ блескомъ сверкнула вороненая сталь револьверовъ при лунномъ свѣтѣ, придавъ оружію такой же сказочный видъ, какъ и всему остальному. Убѣдившись, что оно въ порядкѣ, я положилъ все обратно въ чемоданъ и, заперевъ его, легъ спать.

Звонкое звяканье шпоръ въ коридорѣ вдругъ разбудило меня. Вотъ прошли отдѣльные бряцающіе шаги мимо моей двери и, возвратившись, остановились прямо у моего номера. Къ нимъ присоединились вторые, третьи, четвертые, всѣ такіе же бряцающіе, тамъ, въ коридорѣ, у моей двери набралась цѣлая толпа и начала что-то потихоньку обсуждать.

«Меня узнали! — пришло мнѣ въ голову, — это жандармы, пришедшіе арестовать меня! Моего паспорта мнѣ еще не возвратили изъ полиціи. Вѣрно узнали, что онъ не настоящій, или выслѣдили отъ Поддубенскаго!»

Отъ мысли вновь попасть въ одиночное заключеніе у меня морозъ пробѣжалъ по спинѣ. Опять подвергаться вѣчному враждебному наблюденію черезъ окошечко тюремной двери, опять подвергаться вѣчнымъ допросамъ, опять считать сказанную на нихъ ложь доблестью и бояться слова правды, какъ преступленія, — это была для меня такая ужасная перспектива, одна мысль о которой леденила всю мою внутренность!

«Нѣтъ! я не пушу ихъ! — говорилъ я въ отчаяніи самъ себѣ. — Я буду защищаться. У меня много оружія и патроновъ. Пусть лучше убьютъ меня, но не возьмутъ живого!»

Я всталъ съ постели и неслышно пошелъ босыми ногами къ своему чемодану. Я тихо отперъ его и выложилъ свои уже заряженные револьверы и коробки съ патронами на круглый столикъ передъ диваномъ моей комнаты. Какъ разъ на него падали теперь лучи луны, сильно перемѣстившейся за время моего сна. Былъ первый часъ ночи, обычное время обысковъ.

Я вновь чутко прислушался. Вотъ пришли новые жандармы, осторожно брякая шпорами. Нетрудно было сообразить, что весь коридоръ уже наполнился ими.

«Мнѣ невозможно броситься бѣжать съ выстрѣлами черезъ коридоръ, — подумалъ я. — Пришлось бы все время проталкиваться между ними! Схватятъ сзади».

Я тихо подошелъ къ окну и взглянулъ на улицу. Тамъ вдали стояли направо и налево отъ подъѣзда моей гостиницы осѣдланныя верховыя лошади и не менѣе пятидесяти человѣкъ сошедшихъ съ нихъ всадниковъ между ними. Въ садикѣ передъ прудомъ тоже повсюду ходили и сидѣли солдаты.

«Почему такая облава? — пришло мнѣ въ голову. — Неужели они считаютъ меня такимъ отчаяннымъ? Или приняли меня за кого-нибудь другого?»

Мое окно было прямо надъ подъездомъ гостиницы. Я могъ вылѣзть изъ окна на крышу крыльца и съ нея спуститься по одному изъ столбиковъ, а затѣмъ я могъ броситься бѣжать, отстрѣливаясь каждый разъ, когда чья-нибудь рука будетъ готова схватить меня, и попытаться скрыться въ темныхъ, безлюдныхъ сосѣднихъ переулкахъ.

«Но если облава не на меня, а на кого-нибудь другого? — подумалъ я. — Вѣдь это возможно, хотя и мало вѣроятно. Тогда

я самъ себя выдамъ. Нѣтъ! Я долженъ ждать ихъ нападенія и ни въ какомъ случаѣ не начинать самому».

Ко мнѣ никто не стучался. Я подошелъ къ двери и взглянулъ въ замочную скважинку, потихоньку вынувъ ключъ. Но черезъ нее были видны только отдѣльныя части людей. Дверь противоположнаго номера была открыта и въ ней былъ свѣтъ, какъ освѣщенъ былъ и весь коридоръ. Лучи какой-то лампы въ коридорѣ, проникая въ щель подъ мою дверь, освѣщали передъ нею мой полъ на значительномъ разстояніи, показывая, что щель внизу была широкая. Нагнувшись, я попробовалъ пальцемъ въ самомъ яркомъ мѣстѣ и увидѣлъ, что онъ почти входитъ въ щель. Я легъ вдоль двери и прижавъ носъ и правую щеку къ полу попробовалъ заглянуть черезъ просвѣтъ въ коридоръ. Я могъ тамъ видѣть только ноги людей, но и этого было достаточно. Въ номерѣ напротивъ сидѣло пять человѣкъ, всѣ въ сапогахъ со шпорами. По коридору то и дѣло проходили такіе же сапоги. Явно, что и коридоръ, и всѣ свободные номера, прилегающіе къ нему, были полны военными.

«Здѣсь цѣлый эскадронъ жандармовъ! — сказалъ я самъ себѣ. — Но почему же они не лоятся ко мнѣ въ дверь? Очевидно, они какъ-нибудь узнали, что я буду защищаться... Они ждутъ, когда я проснусь и отворю дверь, чтобъ позвать коридорнаго для умыванья! — догадался я. — Тогда они, выскочивъ съ обѣихъ сторонъ изъ-за моей двери, схватятъ меня за руки. Да, планъ очень ловкій?! Но я этого не сдѣлаю! Я буду ждать, пока имъ надоѣстъ! Я буду притворяться спящимъ всю эту ночь, а до дня они сами не будутъ ждать! Они — ночныя птицы, не любятъ свѣта!»

И вотъ, положивъ четыре револьвера на ночной столикъ передъ своей кроватью, я тихо надѣлъ свое платье и обувь, положилъ передъ собой носимую тогда мною «для конспираціи» землемѣрскую фуражку, чтобы быть готовымъ сейчасъ же надѣть ее на случай бѣгства, и легъ на свою постель, прислушиваясь къ малѣйшимъ, доносящимся до меня звукамъ.

Такъ часъ проходилъ за часомъ въ ожиданіи почти неминуемой гибели. Но вотъ востокъ началъ блѣднѣть, вотъ онъ заалѣлъ отъ занимавшейся утренней зари и лучи взошедшаго солнца брызнули, наконецъ, по крышамъ противоположныхъ домовъ, а облава все оставалась въ прежнемъ видѣ...

Вдругъ, часамъ къ шести въ коридорѣ началось опять какое-то движеніе, опять усиленно заходили шаги взадъ и впередъ, потомъ все снова затихло. Я подошелъ къ окну и выглянулъ на улицу. Тамъ болѣе не было ни лошадей, ни всадниковъ.

Какъ могли они уѣхать до такой степени неслышно?

Привыкнувъ къ мощнымъ петербургскимъ и московскимъ улицамъ, я не принялъ во вниманіе, что здѣсь была немощенная земля, и потому копытъ лошадей, если онѣ шли шагомъ мнѣ, при нарочно затворенныхъ рамахъ, было мало слышно.

«Что же это такое?—подумалъ я.—Можетъ быть все это исчезновеніе устроено только для моего успокоенія? Ночь прекратилась, нѣтъ опасности, что я скроюсь во тьмѣ и потому не зачѣмъ держать на улицѣ все войско, они скрыли его во дворахъ сосѣднихъ домовъ, какъ дѣлали въ Москвѣ, когда я былъ на «судилищѣ подъ Сухаревой Башней».

Возвратившись на постель, я прождалъ на ней до семи часовъ. Въ коридорѣ было попрежнему все тихо. Снова вставъ, я потихоньку повернулъ ключъ въ замкѣ моей двери какъ разъ настолько, чтобъ она могла пріотвориться ранѣе, чѣмъ замокъ щелкнетъ, и, нажавъ осторожно ручку, сразу отодвинулъ дверь внутрь коридора, готовый сразу ее захлопнуть, если покажется посторонняя рука. За дверью никого не было. Въ коридорѣ тоже все было пусто направо и налѣво до самого конца. Я снова незамѣтно заперъ дверь, взялъ свои револьверы и кинжалы со столика передъ кроватью, и положилъ ихъ обратно въ чемоданъ, оставивъ у себя въ карманѣ только обычный маленькій револьверъ. Подойдя къ двери, я вновь пріотворилъ ее, какъ прежде, и, смотря въ коридоръ, нажалъ кнопку звонка къ служителю. Мнѣ нужно было видѣть, пойдетъ ли онъ ко мнѣ одинъ или въ сопровожденіи жандармовъ. Прошло томительныхъ двѣ минуты и вдали показался, позѣвывая, коридорный безъ всякой свиты!

— Что это у васъ за возня была ночью?—спросилъ я его еще раньше, чѣмъ онъ подошелъ къ двери.

— Проѣзжіе уланы нагрянули!—досадливо сказалъ онъ.—Всю ночь не дали спать. Только въ шесть часовъ утра уѣхали.

Ой, какъ вдругъ легко и хорошо стало у меня на душѣ!

— Принесите мнѣ воды умыться!—сказалъ я ему, чтобъ объяснить свой звонокъ.—А зачѣмъ же они нагрянули?

— Цѣлый полкъ проѣхалъ. Куда тутъ помѣститься, когда всѣ вездѣ спятъ? Вотъ и остановились на площади, а офицеры всю ночь пили чай во всѣхъ свободныхъ номерахъ.

Оставшись, наконецъ, одинъ, я вмѣсто того, чтобы умываться, снова раздѣлся и, съ наслажденіемъ бросившись въ свою постель, спалъ въ ней крѣпкимъ сномъ до двѣнадцати часовъ дня!

«Какъ необходимо хладнокровіе въ дѣятельности заговорщика,—думалъ я, проснувшись.—Представить себѣ только, что вышло бы, если бы, благодаря возникшей у меня среди ночи полной увѣренности, что это облава на меня, я рѣшилъ бы восполь-

зоваться для своего спасенья, какъ пришло мнѣ въ первую минуту въ голову, ночной темнотой и, не ожидая утра, выскочилъ бы на улицу съ револьверомъ и бросился бы бѣжать черезъ цѣлый уланскій полкъ, который, конечно, инстинктивно погнался бы за мною! Если бѣ даже я и пробился и спасся, то дѣло, для котораго я былъ сюда посланъ, было бы разрушено мною самимъ, и мнѣ пришлось бы только умереть со стыда».

У меня замерло сердце отъ одной мысли о подобной перспективѣ. Въ эту кошмарную ночь я пережилъ вовсе не комическое приключеніе, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а дѣйствительную и притомъ самую смертельную опасность во всей моей жизни! И до сихъ поръ я не могу вспоминать объ этой ночи иначе, какъ объ огромной опасности. Это была бы моя моральная смерть.

Находка.

Вечеромъ ко мнѣ собрались мои новые гости. Сидя за столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ и были разложены для всѣхъ сыръ, колбаса, сливочное масло и булки, я прежде всего рассказаль имъ, сильно сгладивъ трагическій внутренній элементъ и налегая, главнымъ образомъ, на комическую сторону, всѣ мои тревоги этой ночи. Но они не смѣялись рассказу. Они сразу почувствовали подъ его комической внѣшностью минувшую возможность гибели, а и я въ глубинѣ души ясно сознавалъ, что былъ тогда очень недалекъ отъ попытки къ побѣгу, и это отравляло мнѣ удовольствіе счастливаго окончанія. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда я собственными силами преодолевалъ встрѣчавшую меня въ жизни внѣшнюю опасность, вся душа моя сейчасъ же ликовала,—здѣсь этого не было и стыдъ за то, что я желалъ сдѣлать, былъ такъ великъ, какъ если бѣ я это дѣйствительно сдѣлалъ. Но это было незамѣтно моимъ собесѣдникамъ. Они начали рассказывать и свои тревоги. Ширяевъ оказался чрезвычайно симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Особенно сближало меня съ нимъ то, что онъ былъ физикомъ по своей специальности. Прошлую зиму онъ усердно работалъ въ Парижѣ у Яблочкина при его первыхъ попыткахъ приложить электричество къ освѣщенію и прекрасно зналъ электротехнику. Теперь онъ, бросивъ на время науку, пріѣхалъ въ Россію съ той же цѣлью ея гражданскаго освобожденія, ради которой долженъ былъ оставить науку и я. Ширяевъ былъ блондинъ съ очень бѣлымъ цвѣтомъ кожи и тонкими, очень интеллигентными чертами лица.

Халтуринъ былъ болѣе крѣпокъ по тѣлосложенію и мало разговорчивъ, но было видно, какъ внимательно онъ слушалъ и

воспринималъ всей душою наши разговоры. Якимова же, съ которой я познакомился еще на судѣ, была высокая, сильная блондинка въ русскомъ стилѣ, съ огромной косой и съ большими сѣрыми, ясными глазами, въ которыхъ отражалось каждое движеніе ея души. Она была очень огорчена тѣмъ, что ей нѣтъ мѣста въ нашемъ предпріятіи и съ восторгомъ разсматривала при лунномъ свѣтѣ мое оружіе, которое я вынулъ снова изъ чемодана, чтобъ показать моимъ будущимъ товарищамъ. Чобъ сдѣлать обзоръ оружія болѣе романтическимъ, я нарочно, какъ и въ прошлый вечеръ, погасилъ въ комнатѣ свѣтъ. Потомъ мы перешли къ современной революціонной дѣятельности.

— Я очень радъ,—сказалъ мнѣ Ширяевъ,—что вы пріѣхали и предложили намъ болѣе живую дѣятельность. Тайныя занятія съ рабочими, разговоры о свободѣ, равенствѣ и братствѣ украдкой, съ опасеніями, какъ-то мало удовлетворяютъ душу.

— Да,—согласилась Якимова,—очень хочется сдѣлать что-нибудь рѣшительное. Слова надоѣли, и очень волнуетъ то, что происходитъ теперь въ столицахъ. Тамъ люди вышли уже на площади, не скрываются, какъ мы, по угламъ.

Халтуринъ молчалъ, задумавшись о чемъ-то. Взглянувъ на него, никому и въ голову не пришло бы, что черезъ полтора года ему суждено быть героемъ трагедіи, телеграммы о которой разнесутся по всему міру...

Я, на котораго всѣ они явно смотрѣли теперь, какъ на перваго среди нихъ въ этомъ маленькомъ кружкѣ, собравшемся за кипящимъ самоваромъ, былъ на дѣлѣ самымъ послѣднимъ! Такъ превратны бываютъ часто индивидуальныя представленія о людяхъ и такъ часто судьба дѣлаетъ первыхъ послѣдними и послѣднихъ первыми, особенно на опасномъ пути!

— Вы намъ оставьте адресъ,—сказала Якимова,—по которому мы всегда могли бы разыскать васъ въ Петербургѣ на случай, если шпіоны насъ откроютъ и придется бѣжать отсюда.

— Да, это очень важно для насъ,—прибавилъ Ширяевъ.— Такъ, ни съ того, ни съ сего, мы не бросимъ нашихъ рабочихъ. Здѣсь уже образовался порядочный кружокъ, но въ случаѣ крушенія этого дѣла, я уже не пойду болѣе на пропаганду, а обращусь къ активной дѣятельности...

Ударъ бичомъ и его отголосокъ.

Мы поздно разошлись въ эту ночь. На слѣдующее утро съ Поддубенскимъ, хорошо знавшимъ окрестности Нижняго-Новгорода, я отправился сдѣлать рекогносцировку по «дорогѣ

ссылныхъ», по которой отправляли этапами партіи осужденныхъ и отправляемыхъ административно. Никакого этапа «политическихъ» мы не встрѣтили на ней. Мы присмотрѣли въ нѣсколькихъ верстахъ удобное мѣсто, гдѣ и рѣшили произвести освобожденіе Брешковской по моему первоначальному плану. Такимъ образомъ, все было готово съ нашей стороны. Только почему же все нѣтъ той, которую мы хотѣли отбить у жандармовъ? И Фрейлихъ, и докторъ больницы, съ которымъ я уже познакомился, и потому пересталъ лично ревизовать арестантское отдѣленіе, удостовѣряли мнѣ каждый день, что Брешковской еще нѣтъ въ Нижнемъ и никогда не было раньше.

— Больше какъ въ Москвѣ ей негдѣ быть!—сказалъ мнѣ докторъ.

— Но почему же ее такъ долго тамъ держать?

— Можетъ - быть она дѣйствительно заболѣла?—полувопросительно замѣтилъ онъ.

— Это было бы отчаянно скверно!

У меня стало очень безпокойно на душѣ. Чтобъ немного развлечься, я, отъ нечего дѣлать, ходилъ въ нижній городъ, за рѣку, гдѣ ярмарка шла уже въ полномъ разгарѣ. Мы тискались между пестрыми разношерстными посѣтителями, главнымъ образомъ мужчинами, валомъ-валившими взадъ и впередъ по тѣснымъ улицамъ, между магазинами и импровизированными лавками, пили чай въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ трактировъ, гдѣ совершались торговая сдѣлки подъ визгливые голоса арфистокъ, выступающихъ и группами, и соло на своихъ эстрадахъ и поющихъ большей частью двусмысленные романсы.

Картина этой знаменитой ярмарки со всѣми ея деталями стала отчетливо вырисовываться въ моемъ умѣ во всей ея необычной громадности, но дѣло освобожденія, для котораго я пріѣхалъ, не подвигалось ни на шагъ, за отсутствіемъ освобождаемой...

И вдругъ, въ одномъ изъ такихъ кафе-шантановъ, въ который я пошелъ съ Ширяевымъ пить чай и наблюдать нравы, я взялъ газету и прочелъ въ ней ужасное извѣстіе, какъ каленымъ желѣзомъ вонзившееся мгновенно въ мое сердце. Оно было очень коротенькое:

«Ковальскій и его товарищи студенты одесскаго университета, оказавшіе вооруженное сопротивленіе жандармамъ, пришедшимъ ихъ арестовать, и приговоренные военнымъ судомъ къ смертной казни, вчера повѣшены, и войска съ музыкой прошли по ихъ могиламъ».

Я не могу здѣсь описать того переворота, который въ одинъ мигъ произошелъ въ глубинѣ моей души. Это была первая казнь

моихъ товарищей по убѣжденіямъ, и дѣйствіе ея было какъ неожиданный ударъ бича по моему лицу. Все мое обычное добродушіе было выметено изъ меня, какъ пыль изъ давно замкнутой комнаты, въ которой сильнымъ порывомъ урагана были вышиблены сразу всѣ окна и двери...

Мои губы и пальцы сжались, во всѣхъ мускулахъ почувствовалось такое напряженіе, что мнѣ казалось я могъ, какъ тигръ, однимъ прыжкомъ перескочить черезъ эту комнату.

— Что такое съ вами?—воскликнулъ Ширяевъ, отшатнувшись отъ меня, потому что ему показалось, что изъ моихъ глазъ вдругъ посыпались настоящія искры, какъ онъ потомъ объяснилъ мнѣ свой испугъ.

Я молча протянулъ ему газету и показалъ пальцемъ строки. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, губы его сжались, сѣрые красивые глаза словно вспыхнули огнемъ..

— Пойдемте отсюда!—сказалъ онъ мнѣ.

Мы быстро вышли и молча возвратились въ верхній городъ.

Ширяевъ простился со мною и побѣждалъ передать ужасное извѣстіе Халтурину и Якимовой. Я быстро пошелъ къ Фрейлиху...

— Что, нѣтъ еще Брешковской?—спросилъ я его.

— Сегодня утромъ не было нигдѣ! — отвѣтилъ онъ. — А вы читали о казняхъ въ Одессѣ?—спросилъ онъ съ сильнымъ волненіемъ въ голосъ.

— Да, — отвѣтилъ я. — Но я не могу сейчасъ говорить объ этомъ... Я пойду ходить одинъ по улицамъ.

Онъ понялъ мое состояніе и не удерживалъ.

О, съ какой никогда еще не испытанной ненавистью я глядѣлъ теперь на всякаго проходящаго городского! Всѣ прежнія идеи, что весь общественный строй виноватъ за поступки отдѣльных личностей, а не онѣ сами, вылетѣли изъ моего сознанія, какъ стая птицъ, испуганная раздавшимся ружейнымъ выстрѣломъ! Вѣдь личности составляютъ общественный строй, нельзя бороться съ нимъ, не борясь съ личностями... Но я не хочу бросаться, какъ собака на палку, на этихъ презрѣнныхъ, глупыхъ, низшихъ орудій (я взглянулъ на ничего неподозрѣвавшаго городского)...

Идя все быстрѣе и быстрѣе, все впередъ и впередъ, не зная куда, я вышелъ, наконецъ, изъ предѣловъ города и пошелъ по нагорному берегу Волги.

Чудная картина природы и могучей рѣки, несущейся въ безбрежную даль внизу подо мною, болѣе не дѣйствовала на меня чарующимъ, умиротворяющимъ душу образомъ. Я вдругъ почувствовалъ себя совершенно безразличнымъ къ этой стихійной красотѣ и, повернувъ, пошелъ обратно въ городъ. Теперь я чув-

ствовалъ себя уже совершенно и безвозвратно обреченнымъ. Я не могу болѣе жить,—думалъ я,—не отомстивъ за казенныхъ товарищей...

Я возвратился въ свой номеръ и бросился, закинувъ руки за голову, на свою постель. Я въ этотъ день не ѣлъ и не пилъ и, не раздѣваясь, заснулъ на своей постели.

Черезъ день, утромъ вбѣжалъ ко мнѣ Ширяевъ съ новой газетой въ рукахъ...

— Смотрите!—взволнованно воскликнулъ онъ, показывая мнѣ строки:

«Шефъ жандармовъ убить кинжаломъ на одной изъ людныхъ Петербургскихъ улицъ. Убившій скрылся на подѣхавшемъ рысакѣ».....

...И вдругъ страшное безпокойство овладѣло мною. Дѣйствительно ли Кравчинскій скрылся? Дѣйствительно ли его не схватили? Долго ли я здѣсь буду еще ждать и не полечу къ нему, чтобы обнять его, расцѣловать, охранять отъ всякой опасности?

Я вновь побѣжалъ и къ доктору, и къ земцу Фрейлиху, и вновь узналъ, что Брешковской здѣсь еще нѣтъ и не было...

Наступилъ слѣдующій день, потомъ еще одинъ съ тѣмъ же результатомъ. Съ самаго утра я набрасывался, какъ никогда ранѣе, на всѣ газеты, узнавалъ новыя подробности событій.

О, съ какимъ нетерпѣніемъ хотѣлось мнѣ скорѣе получить извѣстіе о пріѣздѣ Брешковской, освободить ее, и тотчасъ же умчаться въ Петербургъ!

И вдругъ я получилъ извѣстіе о ней, но только не оттуда, откуда ждалъ, и не въ такомъ видѣ!

Утромъ коридорный принесъ мнѣ письмо изъ Петербурга. Я открылъ его со страшнымъ нетерпѣніемъ и прочелъ строки, написанныя почеркомъ Малиновской:

«Возвращайтесь назадъ, ее провезли въ Сибирь еще раньше, чѣмъ вы поѣхали въ Нижній. Она требовала остановки, заявляла, что очень больна, но жандармы не обратили на ея заявленія ни малѣйшаго вниманія и провезли далѣе, даже не останавливаясь въ Нижнемъ».

Итакъ, всѣ мои приготовленія разсыпались, какъ карточный домикъ! Эта развязка, была такъ неожиданна, что мнѣ даже не вѣрилось.

«Бѣдная Брешковская! Кто же теперь освободить ее!»—думалось мнѣ. Но горестъ этого разочарованія смягчалась радостью отъ возможности немедленнаго возвращенія въ Петербургъ къ моимъ друзьямъ, которые могутъ теперь,—думалъ я,—во мнѣ очень нуждаться.

Собравъ всѣ свои вещи въ чемоданъ, я наскоро побѣжалъ проститься со здѣшними новыми товарищами, объяснилъ имъ неудачу дѣла и съ первымъ же поѣздомъ помчался въ Петербургъ.

Сонъ на яву.

— Здравствуй!—воскликнулъ я, бросаясь въ объятія Кравчинскаго, котораго засталъ у Малиновской въ самый моментъ моего возвращенія. Онъ крѣпко обнялъ меня.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ мнѣ, — на мою новую квартиру. Ты знаешь, я теперь женатъ.

— На Фанни? А я думалъ, что у васъ разстроится, ты вѣдь давно въ нее влюбленъ, а она не соглашалась оставить курсы.— Онъ улыбнулся.

— Да!.. До того случая! А послѣ него, ты понимаешь, она уже не могла болѣе сопротивляться.

— Я очень радъ, — сказалъ я. — Это чудная дѣвушка.

Мы вышли на Измайловскій проспектъ, повернули на Загородный и пришли, наконецъ, въ его новую квартиру, гдѣ насъ радостно встрѣтила Фанни. Она, очевидно, очень беспокоилась, когда онъ уходилъ, но не могла все время удерживать его дома.

— Ты намъ очень нуженъ, — сказалъ Кравчинскій. — Я и Клеменць, который тоже сюда пріѣхалъ, съ большимъ нетерпѣніемъ ждали тебя и даже хотѣли тебѣ писать, чтобы поскорѣе возвращался.

— Зачѣмъ?

— «Троглодиты» хотятъ дать средства на изданіе здѣсь въ Петербургѣ свободнаго журнала. Редакторами будемъ — ты, Клеменць и я. Это уже рѣшено. А назвать журналъ хотимъ «Земля и Воля».

— А гдѣ будемъ печатать?

— Въ типографіи, которую они уже устраиваютъ. Это будетъ та самая типографія, въ которой до сихъ поръ печаталась газета «Начало». Ты его читалъ?

— Какъ же? Читалъ. Уже три номера вышли.

— Да! Но у нихъ совсѣмъ нѣтъ литературныхъ силъ. Въ результатѣ у нихъ вышла неперіодическая газетка съ простыми фактическими сообщеніями и безъ всякаго опредѣленнаго направленія.

— Да, я видѣлъ! Чисто случайный подборъ замѣтокъ и статей.

— А мы, — продолжалъ онъ, — будемъ теперь издавать журналъ въ родѣ еженедѣльныхъ, но только тоже неперіодическій, по мѣрѣ накопленія матеріала. Впрочемъ, нѣтъ! Матеріала и статей у

насъ будетъ больше, чѣмъ сколько успѣютъ набирать четыре наборщика, которые будутъ жить въ тайной типографіи, когда она перейдетъ въ наши руки. Такъ что частота выхода номеровъ будетъ зависѣть только отъ ихъ работоспособности.

— Это очень хорошо!—замѣтилъ я.—Надо только поскорѣе устраивать типографію.

— Да! Троглодиты уже принялись за это.

Такова была моя первая встрѣча съ Кравчинскимъ послѣ событія на Михайловской площади, взволновавшаго тогда всю читающую Россію.

На слѣдующій день, когда я пошелъ по обыкновенію провести вечеръ у Малиновской, меня ждала еще одна встрѣча, но уже не съ нимъ, а несравненно болѣе неожиданная и имѣвшая для моей тогдашней жизни очень важныя послѣдствія.

У Малиновской, среди остальныхъ ея обычныхъ гостей, сидѣла незнакомая мнѣ молодая дѣвушка съ огромной черной, какъ вороново крыло, косой, красивыми сѣрыми глазами и немногу смуглымъ цвѣтомъ лица.

Какъ водилось въ нашей средѣ, я поздоровался и съ нею за руку, какъ со знакомой, и сѣлъ къ столу, подвинувъ себѣ стулъ, почти противъ нея.

— А знаешь, кто это?—улыбаясь сказала мнѣ Малиновская, показывая на нее.

— Нѣтъ.

— Это Ольга. Она убѣжала изъ Сибири съ поселенія по Московскому процессу.

— Какъ же вы убѣжали?—спросилъ я дѣвушку.

— Очень легко!—сказала она живо.—Исправникъ очень насъ притѣснялъ тамъ. Онъ требовалъ, чтобъ мы являлись въ полицію каждый день расписываться въ книгѣ, задерживалъ письма, не передавалъ посылки. Я этимъ и воспользовалась. Я нарочно нѣсколько разъ угрожала ему, что онъ заставитъ меня своими преслѣдованіями утопиться съ отчаянія. А когда наступило время, я взяла съ собой лишнее пальто, башмаки, шляпу и платье и, положивъ все это на берегу рѣки, уѣхала изъ города на приготовленномъ экипажѣ, распространивъ черезъ оставшихся товарищей слухъ, что я утопилась.

— А мѣстное начальство,—прибавила Малиновская,—бросивши ее разыскивать, нашло прежде всего ея шляпку и одежду на берегу и принялась выуживать ея тѣло баграми вмѣсто того, чтобы ловить.

Мы всѣ отъ души расхохотались.

— И что же вы такъ и доѣхали до Петербурга безъ всякихъ приключеній?

— Почти безъ всякихъ. На одной изъ первыхъ станцій я встрѣтилась съ сѣденькимъ старичкомъ, тоже ѣхавшимъ въ Россію. Узнавъ, что я ѣду одна, онъ началъ уговаривать меня взять его своимъ попутчикомъ, такъ какъ молодой дѣвушкѣ опасно ѣхать одной по нынѣшнимъ временамъ, да и дешевле ѣхать пополамъ. Я съ радостью согласилась, и съ тѣхъ поръ всѣ на пути принимали меня за его дочь, а я, конечно, не отвергала этого.

Она принялась оживленно рассказывать всѣ остальные мелкія подробности своего побѣга. Глаза ея засверкали, она была удивительно хороша въ этотъ моментъ, настоящая героиня романа, въ одно время искренняя, скромная въ оцѣнкѣ своихъ необыкновенныхъ поступковъ, и въ то же время совершенно не похожая на тѣхъ дѣвушекъ и женщинъ, которыхъ я раньше зналъ.

Да, въ ней было что-то особенное, героическое и въ то же время женственное въ гармоническомъ соединеніи между собой, и это съ перваго же часа нашего знакомства сильно подѣйствовало на меня. Образы отсутствующихъ обладательницъ моего сердца стали быстро тускнѣть, и когда вечеръ этотъ прошелъ, и я отправился ночевать къ моему другу, присяжному повѣренному Ольхину, въ моемъ воображеніи оставался только одинъ ея образъ, и я чувствовалъ, какъ онъ завладѣлъ всей моей душой, въ которой слишкомъ велика стала потребность не безмолвной, какъ прежде, а раздѣленной любви.

Каждый вечеръ я бѣгалъ теперь къ Малиновской, чтобъ поскорѣе увидеть ее, успокоиться, что она не арестована, обмѣняться съ нею мечтами о будущемъ, мнѣ стало скучно тамъ, гдѣ ея не было. Мы быстро сближались своими душами, и я съ необычнымъ чувствомъ счастья видѣлъ, что и она всегда старается быть тамъ, гдѣ по нашимъ разговорамъ предыдущаго дня, мнѣ нужно было появиться въ извѣстное время.

Не прошло и десяти дней послѣ нашей встрѣчи, какъ я уже не могъ молчать передъ нею. Во что бы то ни стало мнѣ захотѣлось сейчасъ же узнать свою судьбу.

Встрѣтившись съ нею снова у Малиновской и немного посидѣвъ вмѣстѣ съ ея гостями, я, наконецъ, позвалъ Ольгу въ другую, неосвѣщенную комнату, гдѣ никого не было кромѣ насъ. Мы сѣли рядомъ на диванъ и, держа ея руку въ своей, я сказалъ ей:

— Знаете, мнѣ кажется я васъ люблю...

Она молчала, не вынимая своей руки изъ моей. Въ полутьмѣ комнаты, освѣщаемой лишь черезъ открытую дверь изъ со-

сѣдней, гдѣ раздавались звонкіе голоса разговаривающей компаніи, я не могъ разобрать выраженія ея лица и глазъ.

— Можетъ быть мнѣ нужно уѣхать?—сказаль я ей тихо и покорно.

— Нѣтъ!—отвѣтила мнѣ она, и вдругъ положила голову на мое плечо...

.....

И вотъ мы вышли изъ этой комнаты, какъ женихъ и невѣста. И если была въ ея душѣ хоть десятая доля того счастья, которое наполняло тогда мою, то она должна была чувствовать себя очень счастливой въ этотъ вечеръ! Мы явились передъ остальной компаніей совсѣмъ другими, чѣмъ вышли изъ нея за часъ передъ этимъ. Мы старались всѣми силами никому не показывать вида о совершившейся въ насъ перемѣнѣ, но она, повидимому, глядѣла изъ каждой черты нашихъ лицъ. Вся остальная компанія инстинктивно раздвинулась и предоставила намъ сидѣть рядомъ, чего раньше никогда не дѣлалось.

Потомъ я проводилъ Ольгу въ комнату, которую она нанимала въ одномъ сочувствующемъ семействѣ, и тамъ мы еще сидѣли вдвоемъ половину ночи.

— Давно ты полюбила меня?—спрашиваль я ее.

— Съ перваго нашего разговора.

— И я тоже.

— Если тебя арестуютъ, я сама прибѣгу и скажу, чтобъ и меня арестовали,—сказала она.—Береги себя.

— Я буду беречься. А если тебя арестуютъ, то я тебя освобожу или погибну самъ.

И мы знали оба, что каждое сказанное слово у насъ—была правда.

Какъ странна, какъ непохожа на любовь другихъ была наша любовь! Меня разыскивало правительство, чтобъ сослать куда-то далеко въ Сибирь... Ее оно разыскивало для того же, и мы оба знали, что насъ ни за что не пошлютъ въ случаѣ ареста въ одно и то же мѣсто и, кромѣ того, продержатъ въ новомъ заключеніи врозь не одинъ годъ. Мы полюбили другъ-друга среди грозы и бури взволновавшейся русской общественной жизни, и каждый новый ударъ ея грозилъ сразить одного изъ насъ, а то и обоихъ вмѣстѣ. И все же намъ казалось тогда, въ эти первые дни, что будущее наше свѣтло и прочно, какъ будто сама наша любовь должна была заслонить насъ своимъ невидимымъ щитомъ отъ всѣхъ окружающихъ опасностей.

Мы, безъ всякихъ разсужденій, рѣшили оставаться пока на положеніи безсрочныхъ жениха и невѣсты, такъ какъ условія

нашей жизни были слишкомъ грозны въ это время, и уже недѣли черезъ двѣ послѣ нашего объясненія въ любви намъ пришлось пережить большую опасность.

На краю гибели.

Предвѣстники ея были замѣчены мною почти тотчасъ же послѣ моего перваго знакомства съ Ольгой.

Всегда особенно склонный къ роли оберегателя моихъ товарищей отъ повсюду поджидающихъ ихъ опасностей, я старался при каждомъ случаѣ потихоньку изслѣдовать окрестности ихъ жилищъ, чтобъ убѣдиться, не наблюдаютъ ли за нами шпионы.

Особенно заботясь о квартирѣ Малиновской, куда часто ходила Ольга, я никогда не входилъ въ нее, какъ другіе, прямо съ Измайловскаго проспекта, а проходилъ параллельной улицей на берегъ находящейся за нею рѣчки Лиговки и, повернувъ назадъ, шель уже къ дому съ обратной стороны, убѣдившись на пустынномъ берегу рѣчки, что никто за мной не слѣдитъ. А входъ въ домъ былъ съ переулка, т.-е. одной изъ такъ называемыхъ «ротъ» Измайловскаго полка. Заходя такимъ способомъ съ обратной стороны, я могъ съ ближайшаго ко мнѣ угла улицы видѣть прямо передъ собой, на противоположной сторонѣ, ворота дома Малиновской, но тамъ никогда не было ничего подозрительнаго, за исключеніемъ всегда сидящаго у нихъ дворника.

Вдругъ, черезъ нѣсколько такихъ обходовъ, я увидалъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, откуда я самъ считалъ особенно удобнымъ незамѣтно наблюдать, чрезвычайно страннаго субъекта, тоже явно занятаго наблюденіемъ...

Онъ былъ очень маленькаго роста, его волосы были длинны и опущены до самыхъ плечъ, на носу, попожемъ на картошку, надѣты очки, на головѣ кожаная фуражка, на плечахъ сѣрое пальто, а штаны вправлены въ голенища высокихъ охотничьихъ сапоговъ. Это была настоящая карикатура на «нигилиста», какъ его рисовали въ тогдашнихъ журналахъ. Онъ, вздрогнувъ при моемъ внезапномъ приближеніи, быстро взглянулъ мнѣ въ лицо и началъ смотрѣть въ обратную сторону.

Чувствуя, что малѣйшая моя нерѣшительность возбудитъ его подозрѣнія, я прямо пошелъ къ воротамъ нужнаго мнѣ дома, вошелъ на внутренній дворъ и явился въ квартиру Малиновской.

Тамъ были уже Ольга, Адрианъ, Сабуровъ, Кравчинскій и нѣсколько другихъ моихъ друзей.

— За вашей квартирой слѣдитъ шпионъ!—сказалъ я Мали-

новской.—Намъ надо прекратить здѣсь собранія, а вамъ скрыться и перейти на нелегальное положеніе.

— Не можетъ быть!—сказала она.—Я всегда осматриваю окрестности, когда выхожу, но ничего никогда не видѣла подозрительнаго.

— Хорошо!—отвѣтилъ я.—Я посмотрю еще разъ. За себя я не боюсь. Еще въ первый разъ, какъ я пришелъ къ вамъ, я нарочно спросилъ у дворника не номеръ вашей квартиры, а предыдущій по числу, рассчитывая, что онъ будетъ по той же лѣстницѣ. Оказалось, что онъ противъ васъ и тамъ, по карточкѣ на двери, живутъ какіе-то Мухтаровы. Я и теперь, входя сюда передъ шпиономъ, спросилъ у дворника, дома ли Мухтаровы, и онъ отвѣтилъ, что кажется не выходили. Онъ теперь скажетъ шпиону на его вопросъ, что я хожу къ Мухтаровымъ, и за мной не будутъ слѣдить.

Всѣ засмѣялись моей предосторожности, не подозрѣвая, что мой комическій шпионъ нигилистъ былъ самый настоящій политическій шпионъ.

Чтобъ обезпечить и Ольгу отъ преслѣдованій, я, какъ и въ прежніе вечера, вышелъ съ ней подъ руку, говоря ей при проходѣ мимо дворника какую-то шутку насчетъ Мухтаровыхъ, упомянувъ эту фамилію достаточно громко, чтобъ дворникъ слышалъ. Шпіона я уже не видѣлъ на противоположномъ углу.

На слѣдующій день я встрѣтилъ опять его же на Николаевскомъ мосту черезъ Неву, когда я шелъ къ Адріану. Онъ быстро шагаль мнѣ навстрѣчу и внимательно оглянулъ меня въ моей землемѣрской фуражкѣ, какъ уже извѣстнаго ему въ лицо, но затѣмъ прошелъ, не оглядываясь, далѣе.

— И за вами слѣдитъ тотъ же длинноволосый шпионъ,—сказалъ я Адріану, придя къ нему.

— Странное совпаденіе,—отвѣтилъ онъ видимо обезпокоенный.—Но можетъ быть это простая случайность.

Когда я шелъ обратно и проходилъ противъ квартиры Оболенева, я опять увидалъ того же самаго маленькаго субъекта съ рыжими усами. Но онъ теперь ѣхалъ уже на некрытыхъ дрожкахъ съ другимъ толстымъ, огромнаго роста шпиономъ, съ бритой, какъ у актера, фizioноміей и въ мягкой ширококрылой, какъ летучая мышь, шляпѣ. Соединеніе обѣихъ этихъ фигуръ въ однѣхъ дрожкахъ представляло изъ себя нѣчто необыкновенно комическое, но самое скверное было то, что оба, повернувшись, оглядѣли внимательно окна квартиры Оболенева и входятъ въ нее.

Я предупредилъ и его и настоятельно просилъ сейчасъ же бросить эту квартиру и перемѣнить свою внѣшность. То же

самое сказалъ я вечеромъ и Малиновской, противъ дома которой снова увидѣлъ этого наблюдателя на углу, и уговаривалъ присутствовавшихъ прекратить собранія здѣсь. Но большинство только смѣялось надъ моимъ разсказомъ о комической шпионской парѣ въ шарабанѣ.

Не придавала этому большого значенія, повидимому, и Ольга, которую я снова отвелъ подъ руку въ ея комнату въ ближайшей «ротѣ Измайловскаго полка», а самъ отправился ночевать по прежнему къ Ольхину, жившему далеко, почти на другомъ концѣ Петербурга и предложившему мнѣ пользоваться особой комнатою въ его квартирѣ во всякое время дня и ночи. Я былъ знакомъ всего лишь три мѣсяца съ этимъ рыжеволосымъ великаномъ съ огромной бородой, напоминавшей бога Тора, но успѣлъ очень полюбить его за простоту и отзывчивость. Я никакъ не ожидалъ тогда, что онъ еще болѣе хорошо отнесется ко мнѣ. И вдругъ это наглядно обнаружилось.

Ольхинъ еще не спалъ, когда я вошелъ къ нему.

— Что вы такъ поздно засидѣлись?— спросилъ я его.

— Писалъ стихотвореніе. Отгадайте, кому посвященное?

— Не знаю.

— Вамъ!

— Не вѣрю!

— А вотъ возьмите!

Онъ подаль мнѣ мою собственную фотографію, которую я подарилъ ему три дня назадъ. На обратной ея сторонѣ было написано:

«Мыслью отзывчивой, чуткой душою

Міръ озаряй!

Волей могучею, твердой рукою

Зло покарай!

Если тебя за святою работою

Люди убьютъ,—

Вѣрные братья окончатъ съ заботою

Начатый трудъ!»

Я былъ страшно растроганъ, и даже прямо ошастливленъ этимъ стихотвореніемъ! Такія пожеланія дѣлали меня какъ будто лучше въ моихъ собственныхъ глазахъ! А теперь какъ разъ я особенно желалъ быть очень хорошимъ ради Ольги. Мнѣ страшно захотѣлось показать и ей это стихотвореніе въ надеждѣ, что изъ-за него она будетъ любить меня еще болѣе.

«Вѣдь всѣ женщины,—думалъ я,—очень обращаютъ вниманіе на то, какъ относятся другіе къ предметамъ ихъ любви и общи-

вають свой предметъ въ сильной зависимости отъ мнѣнія о немъ другихъ, а не по однимъ своимъ впечатлѣніямъ».

— Можно мнѣ списать его?—спросилъ я.

— Я сейчасъ самъ напишу вамъ!

И взявъ листокъ бумаги, онъ тотчасъ сдѣлалъ копію и далъ мнѣ.

Мы легли спать очень поздно въ эту ночь, заговорившись, но я все-таки долго не могъ заснуть отъ охватившаго меня восторга.

«Неужели я становлюсь очень тщеславенъ?—думалъ я,—это стихотвореніе такъ сильно подѣйствовало на меня, какъ никогда не дѣйствовали другія, посвящавшіяся мнѣ ранѣе. Или это все изъ-за Ольги? Да, все изъ-за нея, потому что прежде всего мнѣ хочется показать ей. Это учетверяетъ мою радость. Раздѣленная радость—это радость въ квадратѣ».

Съ такой мыслью я и заснулъ. Думаю, что я проспалъ бы до двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня, если бъ рѣзкій звонокъ не раздался раннимъ утромъ и ко мнѣ въ комнату не влетѣлъ, весь взволнованный, извѣстный тогдашній писатель и общественный дѣятель Анненскій, знавшій, что я часто ночую у Ольхина.

— Малиновская арестована сегодня ночью вмѣстѣ съ Калинкиной! Было вооруженное сопротивленіе!—проговорилъ онъ, задыхаясь отъ быстрого входа.

Я вскочилъ, какъ ужаленный.

— Откуда вы узнали?

— Ея кухарка—пріятельница моей кухарки, и прибѣжала къ ней рассказывать. Обѣихъ увезли въ крѣпость. Въ квартирѣ устроили засаду. Тамъ сидятъ четыре жандармскихъ унтеръ-офицера въ полномъ вооруженіи... Я боялся, что вы туда пойдете и прискакалъ на извозчикѣ предупредить.

— А какъ же они выпустили кухарку?

— Купить провизіи въ лавочкѣ. Ее не тронули. Она вѣдь совсѣмъ безграмотная и такъ перепугалась при выстрѣлахъ, что спряталась, вся дрожа, подъ столъ. Оттуда ее и вытащили.

— Мнѣ надо бѣжать предупредить другихъ,—сказалъ я, одѣваясь, какъ попало; накинувъ пальто и свою землемѣрскую фуражку, я быстро выбѣжалъ изъ дому.

«Вдругъ Ольга пойдетъ сейчасъ же къ Малиновской—думалось мнѣ—и будетъ арестована тамъ... Можетъ быть она уже выслѣжена тѣмъ шпиономъ съ длинными волосами и арестована въ эту самую ночь?»

Осторожность, обратившаяся въ инстинктъ, не позволяла мнѣ и здѣсь взять извозчика, стоявшаго недалеко отъ квартиры

Ольхина, но выбѣжавъ на Литейный проспектъ, я бросился на перваго попавшагося.

— Въ Измайловскій полкъ!—Сколько возьмете?

— Пятьдесятъ копеекъ!

— Я дамъ рубль, только гоните во всю мочь! Тамъ умираетъ моя сестра.

Извозчикъ началъ стегать изо всѣхъ силъ свою лошадь, но мнѣ казалось, что мы совсѣмъ не подвигаемся впередъ. Въ сердцѣ была мучительная боль, въ головѣ была только одна единственная мысль: каждая лишняя минута, каждая секунда можетъ привести съ собою ея гибель, если только она еще цѣла.

— Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе!—понукалъ я безъ конца своего возницу.

Вотъ мы проѣхали весь Загородный проспектъ, вотъ въѣхали на Измайловскій, вотъ въ переулкѣ ея домъ, и на ея окнѣ направо выставленъ знакъ безопасности—подсвѣчникъ, снимавшійся на ночь.

Но я все еще не вѣрилъ. Сунувъ извозчику обѣщанныя деньги, я побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ и, бросивъ на этотъ разъ всякія предосторожности, я сильно дернулъ за ручку звонка.

И вотъ дверь отворила она сама, вся блѣдная.

— Ты знаешь?—спросила она меня.

— Знаю! А ты откуда узнала?

— Анненскіе бѣгаютъ и предупреждаютъ всѣхъ черезъ своихъ знакомыхъ.

Только теперь, видя ее передъ собою живую и невредимую, я началъ вѣрить, что грозная опасность миновала ее, и на душѣ на одно мгновеніе стало совсѣмъ легко. Но это было только на мгновеніе.

— Я побѣгу предупредить Кравчинскаго,—сказалъ я.

— И я съ тобой!—отвѣтила она.—Будемъ въ эти дни всегда вмѣстѣ.

— Да, будемъ вмѣстѣ. Врозь теперь невозможно жить.

Она быстро надѣла пальто и шляпку. Отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ дома, мы взяли извозчика и поѣхали на Загородный проспектъ къ Кравчинскому. Онъ тоже оказался уже предупрежденнымъ и, кромѣ того, зналъ еще многое, чего не знали мы.

— Въ эту же самую ночь,—сказалъ онъ мнѣ,—арестованы Адрианъ, Оболеневъ и Ольга Натансонъ, однимъ словомъ, все центральное бюро троглодитовъ. На ихъ окнахъ нѣтъ болѣе знаковъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Александръ Михайловъ, который теперь побѣждалъ какъ разъ предупреждать васъ по разнымъ лицамъ, потому что Ольгиной квартиры онъ не знаетъ, а ты ночуешь каждую ночь въ особомъ мѣстѣ.

— Это все тотъ длинноволосый шпионъ, котораго я видѣлъ,— замѣтилъ я.

— Несомнѣнно. Но какъ онъ не прослѣдилъ Ольги? Она жила вѣдь ближе всѣхъ къ Малиновской и ходила къ ней каждый вечеръ.

— Насъ считали ходящими въ сосѣднюю квартиру!

Я сообщилъ ему мою предосторожность съ дворникомъ.

Мы начали думать, кого еще надо предупредить. Почти всѣ, постоянно ходившіе къ Малиновской, кромѣ Баха, жившаго съ товарищемъ неизвѣстно гдѣ, были арестованы. Какъ бы предупредить Баха? Мы долго сидѣли у Кравчинскаго и ждали. Вновь пришелъ Михайловъ и страшно обрадовался, увидѣвъ насъ.

— Теперь,—сказалъ онъ,—надо только предупредить Трошанскаго и Баха. Я побѣгу къ Трошанскому, а ты зайди къ Баху, но только—смотри на сигналъ! У него горшокъ цвѣтовъ на правой сторонѣ окна. Если на лѣвой не входи. Онъ въ нижнемъ этажѣ тоже въ Измайловскомъ полку.

Это было совсѣмъ близко отъ квартиры Ольги.

— Пойдемъ къ тебѣ,—сказалъ я ей.—Ты останешься дома, а я пойду, предупрежу.

— Я хочу съ тобой, — взволнованно, но рѣшительно говорила она, когда мы выходили на улицу.—Я не могу пустить тебя туда одного. Тамъ,—я знаю,—уже всѣ арестованы, и тебя ждетъ засада.

— Потому-то и нельзя съ тобой. Безъ тебя я могу убѣжать, отстрѣливаясь, въ пустынные переулки, идущіе за ихъ квартирой. Вѣдь тамъ глухая окраина, одни заборы безъ прохожихъ. Я перепрыгну черезъ какой-нибудь и скроюсь, если пойду одинъ, а съ тобой этого нельзя. Не хочешь же ты бесполезно погубить и меня, и себя!

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить ее остаться.

— Если черезъ часъ ты не возвратишься,—сказала она, когда мы вошли въ ея комнату,—то знай, я пойду туда же.

— Хорошо, возвращусь.

Она сидѣла и молча плакала, наклонивъ голову надъ столомъ. У меня сердце разрывалось отъ жалости къ ней, но что я могъ сдѣлать? Долгъ требовалъ немедля ни минуты бѣжать съ предупрежденіемъ, и я быстро вышелъ, простившись съ нею какъ будто навсегда.

Черезъ пять минутъ я былъ уже въ виду дома своихъ товарищей. При поворотѣ въ переулокъ я замѣтилъ группу трехъ городскихыхъ, и это отмѣтилось въ моей памяти какъ обстоятельство подозрительное, такъ какъ городовые стоятъ обыкновенно поодиночкѣ на такихъ малолюдныхъ улицахъ. У самаго входа въ описанный мнѣ подъѣздъ сидѣлъ дюжій дворникъ. Я долженъ былъ пройти мимо подъѣзда, такъ какъ окна квартиры Баха въ нижнемъ этажѣ были за нимъ, и я не могъ замѣтить положенія горшка съ цвѣтами. Дворникъ поднялъ голову, глядя на меня, а я прошелъ мимо него, какъ бы задумавшись далѣе. Бросивъ взглядъ на первое изъ оконъ, я увидѣлъ цвѣточный горшокъ какъ разъ въ надлежащемъ мѣстѣ. Окна были закрыты занавѣсками и внутренности комнаты не было видно.

«Повидимому у Баха цѣлы», подумалъ я и, внезапно остановившись, я взглянулъ вверхъ и назадъ, какъ человѣкъ вдругъ опомнившійся отъ раздумья, а затѣмъ круто повернулъ обратно и вошелъ въ глубину подъѣзда. Мнѣ уже сказали, что не надо было итти тутъ вверхъ по лѣстницѣ, а пройти мимо нея въ глубину подъѣзда до самаго его темнаго конца и тамъ дернуть звонокъ у двери налѣво. Были уже раннія осеннія сумерки на улицахъ, а въ подъѣздѣ даже полная мгла, такъ что я долженъ былъ итти ощупью, ведя рукой по лѣвой стѣнѣ, чтобъ нащупать дверь.

Я нажалъ по обыкновенію на ручку двери, она оказалась заперта. Я дернулъ звонокъ, и колокольчикъ сильно задребезжалъ внутри квартиры. Въ это мгновенье я взглянулъ назадъ на открытую дверь подъѣзда, казавшуюся отсюда слабымъ сѣро-свѣтлымъ пятномъ на фонѣ улицъ, и увидѣлъ, какъ на этомъ пятнѣ показался темный силуэтъ дворника, заглянувшего въ глубину и быстро исчезнувшего обратно. Снова почувствовавъ что-то неладное, я быстро и неслышно пробѣжалъ въ своихъ резиновыхъ калошахъ до входа. Дворникъ бѣжалъ, не оглядываясь, къ концу переулка, гдѣ стояли городовые. Я тоже побѣжалъ къ обратному концу до перекрестнаго переулочка почти на томъ же разстояніи отъ дома и замѣтилъ, какъ изъ моего подъѣзда вышла какая-то мужская фигура и стала смотрѣть направо и налѣво, какъ будто ища кого-то, а съ другого конца бѣжала небольшая группа людей, человѣкъ въ пять. Но кто это были—городовые или просто рабочіе, нельзя было узнать въ спустившемся сумракѣ.

Не ожидая далѣе, я побѣжалъ по своему боковому переулку и окружнымъ путемъ возвратился къ Ольгѣ.

— Что-то странное,—сказалъ я ей, и передалъ свои впечатлѣнія.

— Они арестованы,—рѣшительно сказала она,—а въ квартирѣ ихъ и на улицѣ засада.

— Но знакъ стоитъ на мѣстѣ.

— Ихъ квартира была въ нижнемъ этажѣ и легка для наблюдений снаружи. Шпіоны замѣтили, какъ на ночь горшокъ всегда переставляется и поставили его утромъ послѣ ареста на обычное мѣсто.

— Но я не могу ограничиться этимъ. А вдругъ Бахъ и живущіе съ нимъ тамъ и пойдутъ теперь къ Малиновской изъ-за того, что я убѣждалъ послѣ звонка, не дождавшись ихъ выхода. Можетъ быть изъ подъѣзда выходилъ кто-нибудь изъ нихъ? Каково намъ будетъ жить, если это случится? Если ихъ арестуютъ?

— Да,—сказала она,—надо снова итти, но теперь уже вмѣстѣ. Я умру съ отчаянья, оставшись снова одна.

— Тогда пойдемъ. Но мнѣ надо перемѣнить свою внѣшность. Дворникъ меня уже видѣлъ въ моей землемѣрской фуражкѣ.

Въ комнатѣ у Ольги хранилась часть запасной одежды моихъ товарищей. Я взялъ оттуда болѣе теплое и толстое пальто, шляпу-цилиндръ и дождевой зонтикъ. Она надѣла свое прежнее пальто и мы съ нею вышли подъ ручку на улицу въ видѣ чиновника, идущаго въ гости со своей женой.

Было уже совсѣмъ темно и къ нашему удовольствію началъ еще моросить мелкій октябрьскій дождикъ, позволившій намъ раскинуть зонтикъ и этимъ скрыть черты своего лица.

На перекресткѣ не было уже ни одного городского, но когда мы подошли поближе къ подъѣзду, на лавочкѣ у него сидѣлъ уже не одинъ дворникъ, а еще двое вооруженныхъ городскихъ, и вся эта компанія поднялась со скамьи при нашемъ подходѣ.

— Экая грязьца,—сказалъ я Ольгѣ, достаточно громко, чтобы они слышали,—а итти намъ еще осталось чуть не полверсты. Хоть бы градоначальникъ обратилъ вниманіе на состояніе тротуаровъ.

— Да,—отвѣтила она,—хоть бы добраться только!

Съ этими словами мы прошли мимо поджидавшей насъ засады, пропустившей насъ, вѣроятно, только потому, что она не рѣшалась остановить на улицѣ чиновника съ супругой изъ того, что имъ нужно было итти мимо дома по пустынной окраинѣ, гдѣ произведенъ политическій арестъ. Было бы большимъ лицемѣріемъ съ моей стороны и сильной неправдоподобностью сказать, что мнѣ не было жутко въ моментъ прохожденія передъ шестью дюжими лапами, уже протянувшимися къ намъ, да и рука Ольги, продѣтая въ мою, сильно прижалась ко мнѣ въ этотъ критическій моментъ.

— Видѣлъ? — сказала она, когда мы уже достаточно ушли и, повертывая въ боковой переулокъ, увидѣли, что насъ никто не преслѣдуетъ. — Видѣлъ, что квартира за занавѣсками освѣщена?

— Видѣлъ. А ты видѣла, что горшокъ съ цвѣтами стоитъ на своемъ надлежащемъ мѣстѣ?

— Да.

— Надо перемѣнить систему сигналовъ, эти болѣе не годны.

Когда мы вновь пришли къ Кравчинскому, туда вбѣжалъ, весь возбужденный, Александръ Михайловъ.

— Какъ у Баха? — спросилъ онъ меня прежде всего.

— Арестованы.

Я быстро рассказалъ ему о сигналѣ и своемъ двукратномъ путешествіи.

— Вы оба счастливо отдѣлались, — проговорилъ онъ, — а у меня-то что вышло!

Онъ махнулъ рукой.

— Что такое?

Подхожу я къ квартирѣ Трощанскаго по противоположной сторонѣ улицы. Тамъ горитъ лампа, какъ обыкновенно, и знакъ безопасности переставленъ съ ночи на надлежащее мѣсто. Вхожу и звоню. Дверь отворяетъ жандармскій унтеръ. Здѣсь говорю живетъ модистка? — Здѣсь, здѣсь, пожалуйста! — отвѣчаетъ онъ. — Что мнѣ было дѣлать? Я знаю, что никакой модистки тутъ нѣтъ, что она этажемъ выше. — Нѣтъ, — говорю, — кажется мнѣ не вашу надо, повидимому я ошибся квартирой, она не похожа на ту, куда я хожу. Это очевидно выше! — А тутъ еще выскочили два другихъ городскихъ. Нѣтъ, — говорятъ, — господинъ, мы васъ должны отвести въ участокъ, тамъ разберутъ! — Зачѣмъ въ участокъ? — спрашиваю. Нечего, говорятъ, разговаривать; поведемъ его, Василій, а Федоровъ и Павелъ пусть сторожатъ еще! — И вотъ, двое повели меня по лѣстницѣ. Выходимъ на улицу. Тутъ какъ выхватилъ я свой никелированный наручникъ, да какъ блесну имъ у нихъ передъ самыми глазами! Оба заорали въ страхъ и отскочили въ сторону. А я бросился бѣжать по переулку! — Держи его, лови!.. — закричали они, пустившись за мной. — Стой, стрѣлять будемъ! — А я увидѣлъ передъ собой заборъ дровяного двора, припрыгнувъ, схватился обѣими руками за его верхъ, и — откуда только сила взялась! — въ одинъ мигъ перескочилъ на другую сторону! Слышу они кричать за заборомъ, тоже хотятъ перепрыгнуть, но обрываются, а я бѣгу дальше къ противоположному концу большого двора, сплошь уложеннаго рядами дровъ, бревенъ и тесу. Злющая собака напала на меня, а я, отмахиваясь отъ нея, добѣжалъ до

противоположной стороны, тамъ снова перескочилъ на заднюю улицу, въ которой не было ни души. По ней я вышелъ уже на людныя улицы, сѣлъ на извозчика и уѣхалъ.

Мы всѣ слушали его разсказъ, какъ сказку... «Да, — думалъ я, — вотъ началась она, настоящая дѣятельность, съ борьбою, съ опасностями, съ приключеніями!»

— Знаешь?—сказалъ мнѣ Кравчинскій, какъ бы угадывая мои мысли и отведя Ольгу и меня въ сторону.—Я уже давно формально членъ ихъ тайнаго общества.

И онъ указалъ на Михайлова.

— Троглодитовъ?—воскликнулъ я, повторяя непроизвольно кличку, данную Клеменцомъ этому кружку, по причинѣ неизвестности квартиръ его членовъ никому постороннему.

— Да. Въ программу его входятъ: дѣятельность въ народѣ путемъ пропаганды, агитации и дѣятельность по способу Вильгельма Телля, на равныхъ правахъ съ народническимъ способомъ пропаганды.—Хочешь войти и ты?

— Да!—отвѣтилъ я рѣшительно.—Вѣдь кружокъ, основанный нами послѣ освобожденія изъ заключенія, теперь разсѣялся и я свободенъ, а троглодиты мнѣ всегда очень нравились.

— А вы хотите?—обратился Михайловъ къ Ольгѣ.

— Тоже.

— И Перовская согласна!—дополнилъ Кравчинскій.—Значитъ ряды пополнены!

— Они присоединяются къ намъ! — громко сказалъ Кравчинскій оставшемуся въ сторонѣ Михайлову, который подошелъ къ намъ и крѣпко пожалъ обоимъ руки.

— Теперь, — сказалъ улыбаясь Михайловъ, — вамъ нужно только прочесть нашъ уставъ и дать слово подчиняться ему. Васъ всѣхъ мы уже давно голосовали невѣдомо для васъ и единогласно рѣшили принять, какъ только вы выразите свое согласіе. Но я васъ предупреждаю, что уставъ требуетъ отъ всякаго входящаго отдать въ распоряженіе общества всю свою жизнь и все свое имущество.

— Это и хорошо! отвѣчали мы.

— Игакъ—сказалъ Кравчинскій—отнынѣ нѣтъ болѣе «троглодитовъ!» Мы будемъ называться, какъ и нашъ журналъ: «Земля и Воля».

«Земля и Воля».

Еще раньше, чѣмъ произошло все описанное, мы, т. е. Кравчинскій, Клеменць и я, — выпустили первый номеръ журнала «Земля и Воля».

Я уже рассказалъ ранѣе этого, какъ съ мѣсяцъ тому назадъ Кравчинскій пригласилъ меня и Клеменца составить вмѣстѣ съ нимъ редакцію журнала «Земля и Воля», чтобъ печатать его въ тайной типографіи, устроенной «троглодитами», т.-е. тѣмъ самымъ тайнымъ обществомъ, которое офиціально приняло теперь названіе своего органа, хотя изъ трехъ редакторовъ его формально были въ этомъ обществѣ членами только двое — Кравчинскій и я.

Кравчинскій написалъ для перваго номера «Земли и Воли» чрезвычайно поэтическую передовую статью, начинавшуюся уже нѣсколько устарѣвшими тогда словами: «Погрузимся въ великое море народное, откроемъ свои очи, отверзимъ уши!..»

Потомъ я получилъ отъ Ольхина большое стихотвореніе «на гибель шефа жандармовъ», посвященное Кравчинскому.

Клеменць написалъ нѣсколько длинныхъ статей публицистическаго характера, а я маленькую хронику революціонныхъ событій. Эта «хроника» была первоначально одна изъ самыхъ большихъ статей, но ее пришлось разъ въ пять сократить, такъ какъ въ номерѣ не хватало мѣста, а сокращать публицистическія статьи казалось неудобнымъ. Мнѣ былъ порученъ портфель редакціи и ко мнѣ непосредственно стекались всѣ статьи постороннихъ сотрудниковъ, изъ которыхъ заслуживающія вниманія я прочитывалъ двумъ остальнымъ соредакторамъ, ограничивавшимся въ редакціонной работѣ почти исключительно рѣшеніемъ вопроса о годности или негодности для журнала предлагаемаго мною матеріала и писаніемъ къ каждому номеру своихъ собственныхъ статей. Но и у меня большая часть времени была свободной и я могъ предоставить ее для другихъ дѣлъ общества.

Я уже не помню теперь всѣхъ параграфовъ устава и правилъ возникшей въ то время революціонной организаціи «Земля и Воля!» Помню, что тамъ кромѣ основного пункта, отдать обществу всю свою жизнь, имущество и всѣ свои силы, были многія частныя правила. Такъ было правило о приѣмѣ новыхъ членовъ. Они предлагались тремя старыми членами и утверждались большинствомъ голосовъ. Было правило и о выходѣ изъ общества не иначе, какъ съ согласія остальныхъ товарищей и съ обѣщаніемъ навсегда держать въ безусловной тайнѣ все то, что пришлось видѣть или слышать во время общей дѣятельности.

Всѣ члены пользовались полнымъ товарищескимъ равноправіемъ на общихъ собраніяхъ и освѣдомлялись на нихъ объ общемъ ходѣ дѣятельности общества и о его ближайшихъ цѣляхъ. Это считалось необходимымъ потому, что дѣйствующій во тѣмъ не мо-

жетъ относиться съ полнымъ энтузіазмомъ и энергіей къ тому, чего онъ не знаетъ и въ необходимости чего не убѣжденъ. Однако разъ какой-нибудь группѣ лицъ поручалось какое-нибудь дѣло, то она должна вести его сама, не сообщая всѣхъ подробностей постороннимъ товарищамъ. Въ такомъ положеніи была, напри-мѣръ, новоустроенная типографія. Она была поручена Крыловой, Грязновой, Баху и «Абрамкѣ», очень симпатичному юношѣ, фамиліи котораго не зналъ никто. При устройствѣ ея они получили запрещеніе сообщить ея адресъ кому бы то ни было другому. Даже сообщаться съ редакціей они должны были, приходя къ намъ на квартиры, а не приглашая насъ къ себѣ. Такъ типографія и держалась въ величайшемъ секретѣ. Аналогичнымъ образомъ и каждая группа, которой поручалось вести какое-либо отвѣтственное дѣло, сейчасъ же должна была замыкаться въ себѣ и давать товарищамъ лишь общія объясненія о ходѣ своего предпріятія, сохраняя внутри себя всѣ детали, особенно *гдѣ, къмѣ, и какъ* исполняется порученное. Зато по окончаніи задачи сообщались общему собранію всѣ подробности дѣла.

Общество «Земля и Воля», которое, какъ я уже сказалъ, съ этого времени перестало называться «троглодитами», а приняло имя своего печатнаго органа, было немногочисленно, какъ и подобаетъ быть всякому серьезному тайному обществу, основанному на строгомъ подборѣ членовъ. Къ нему принадлежали, кромѣ Михайлова, Кравчинскаго, Квятковскаго, Зунделевича, еще Плехановъ, Поповъ и Лизогубъ, который послѣ ликвидаціи «Большаго общества пропаганды» былъ однимъ изъ основателей этой новой тайной группы и отдалъ въ ея распоряженіе все свое имущество, достигавшее нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей.

Все это я узналъ при своемъ приѣмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же получилъ предложеніе быть секретаремъ «Земли и Воли» и хранителемъ ея документовъ.

— Почему вы обращаетесь ко мнѣ?—спросилъ я Михайлова, обратившагося съ такимъ предложеніемъ.

— У тебя много знакомыхъ среди либераловъ и солидныхъ общественныхъ дѣятелей. А уставъ и документы надо хранить въ безопасномъ мѣстѣ.

Я подумалъ нѣсколько минутъ.

— Можетъ быть,—сказалъ я,—можно обратиться...

— Нѣтъ, нѣтъ!—перебилъ Михайловъ,—ты не долженъ говорить никому мѣсто храненія, за исключеніемъ одного человѣка, способнаго замѣстить тебя въ случаѣ твоего ареста.

— А вдругъ арестуютъ обоихъ сразу?

— Это мало вѣроятно. Впрочемъ, на этотъ случай ты дай указанія и своему хранителю, чтобъ онъ обратился къ тому или другому изъ либераловъ, ближе знающихъ нашу группу. А хранитель долженъ стоять совсѣмъ въ сторонѣ.

Всѣ времена перемѣшались!

Озабоченный этимъ важнымъ порученіемъ, я пошелъ прежде всего къ своему новому другу присяжному повѣренному Ольхину.

— Можете вы рекомендовать мнѣ такое лицо, которому можно было бы поручить храненіе очень важныхъ тайныхъ документовъ?

— Можно мнѣ.

— Я знаю. Но вы слишкомъ близко соприкасаетесь съ нами. Надо такого, кого, кромѣ меня и васъ, не зналъ бы никто другой.

Онъ думалъ нѣсколько минутъ. Потомъ вдругъ воскликнулъ, ударивъ по столу своей тяжелой ладонью.

— Зотовъ!

— Кто этотъ Зотовъ?

— Старикъ семидесяти лѣтъ, секретарь газеты «Голосъ».

— Такъ можно сейчасъ же пойти къ нему?

Ольхинъ взглянулъ на часы.

— Самое время! Онъ теперь дома. Это на углу Литейнаго и Бассейной въ домѣ Краевского, совсѣмъ близко отсюда.

Мы быстро вышли на улицу и, придя на Бассейную, вошли въ подъѣздъ углового дома, швейцаръ котораго поклонился Ольхину, какъ привычному посѣтителю.

Молоденькая и хорошенькая горничная въ бѣломъ фартучкѣ вслѣдъ за нашимъ звонкомъ привѣтливо отворила дверь и впустила насъ въ огромную переднюю, въ углу которой стояло чучело бураго медвѣдя на заднихъ лапахъ. Всѣ стѣны ея были уставлены отъ пола до потолка полками съ тысячами книгъ въ старинныхъ переплетахъ. Лишь ближайшая къ двери часть стѣны была удѣлена подъ вѣшалки для платья посѣтителей.

— Дома Владиміръ Рафаиловичъ?

— Дома, въ кабинетѣ,—отвѣтила горничная.

— Одинъ?

— Да.

— Такъ я сначала одинъ пройду къ нему,—сказалъ мнѣ Ольхинъ, когда горничная повѣсила наши пальто и шапки,—а вы пока подождите въ гостиной.

Онъ указалъ мнѣ дверь въ большую комнату со старинной мебелью и хорошими картинами въ золотыхъ рамахъ по стѣнамъ.

Пожилая дама вышла изъ внутреннихъ комнатъ почти тотчасъ

же послѣ моего входа туда и, любезно отвѣтивъ на мой поклонъ, прошла къ выходу.

«Вѣрно его жена»,—подумалъ я, и не ошибся.

Черезъ нѣсколько минутъ возвратился и Ольхинъ.

— Онъ согласенъ,—сказалъ онъ мнѣ тихо. —Но вы объ этомъ поговорите съ нимъ наединѣ, когда я временно уйду.

Ольхинъ провелъ меня по полутемному коридору, тоже сплошь установленному книгами, въ самую отдаленную комнату этой большой квартиры, гдѣ находился въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и самъ хозяинъ.

Это былъ высокій, худой старикъ, весь въ морщинахъ, безъ зубовъ, со ввалившимися въ ротъ губами, что особенно ясно обнаруживалось, благодаря его крошечнымъ, едва замѣтнымъ усамъ и рѣдкой бородкѣ изъ нѣсколькихъ десятковъ волосковъ на подбородкѣ. Только живые голубовато-сѣрые, умные, хотя уже немного выцвѣтшіе, глаза показывали, что въ этомъ старческомъ тѣлѣ живетъ дѣятельный, неподдающийся времени духъ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—сказалъ онъ мнѣ шепелявымъ голосомъ, вставъ при моемъ приближеніи и крѣпко пожимая мою руку.—Радъ познакомиться съ представителемъ современныхъ революціонныхъ дѣятелей. Часто теперь читаешь въ газетахъ про ваши дѣла. Удивляешься. Со времени декабристовъ еще не было у насъ ничего подобного.

Онъ улыбнулся, что-то вспоминая, старческой, но живой и ясной улыбкой.

— Могъ ли подумать Александръ Сергѣевичъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говорилъ мнѣ, что революція въ Россіи начнется развѣ черезъ двѣсти лѣтъ, будетъ сидѣть ея представитель всего черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти?

— Какой Александръ Сергѣевичъ?—спросилъ я.

— Да Пушкинъ!—совершенно просто отвѣтилъ онъ.

— Вы знали Пушкина?—съ изумленіемъ спросилъ я.

— А какъ же не знать? Очень хорошо! И Лермонтова зналъ, и Гоголя, и Кольцова, и Никитина, и многихъ другихъ. Всѣ они часто забѣгали провести у меня вечерокъ за чаемъ и всякими разговорами.

У меня глаза и ротъ раскрылись отъ изумленія. Мнѣ показалось, какъ будто какая-то невидимая нить протянулась отъ нихъ ко мнѣ изъ глубины прошлаго и связала меня съ ними. Это было просто удивительно! Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и я имѣемъ теперь общаго знакомаго!

И онъ тоже, уйдя весь въ прошлое, гдѣ остались его самыя яркія воспоминанія, говорилъ мнѣ о нихъ всѣхъ, какъ о жи-

выхъ, какъ о присутствовавшихъ только вчера въ этой самой комнатѣ и совершенно забывалъ въ эти моменты, что они всѣ умерли задолго до того, какъ я появился на бѣлый свѣтъ! Мало того! Родившись въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія, онъ лично зналъ и помнилъ многихъ декабристовъ и говорилъ о поэтѣ Рылѣевѣ, казненномъ за декабрьское возстаніе, тоже какъ о живомъ...

— А съ Герценомъ вы тоже были знакомы?—спросилъ я, подходя къ болѣе позднимъ временамъ.

— Конечно!—воскликнулъ онъ.—Вы не читали сборниковъ «Русская запрещенная поэзія», изданныхъ въ его лондонской типографіи?

— Читалъ за границей. Тамъ находятся запрещенные стихи Пушкина, Лермонтова и многихъ другихъ поэтовъ.

— Да, да!—воскликнулъ онъ.—Все это было собрано мною въ Россіи и мною же отвезено Герцену для напечатанія.

Ольхинъ, возвратившись послѣ короткаго отсутствія, молча и улыбаясь слушалъ нашъ разговоръ. Его взглядъ какъ бы говорилъ мнѣ:

— Видите какого хранителя я вамъ подыскалъ!

Затѣмъ онъ простился и окончательно ушелъ, попросту, прося Зотова его не провожать.

Оставшись со мной наединѣ, Зотовъ сейчасъ же перешелъ къ дѣлу.

— Ольхинъ рассказывалъ мнѣ все о васъ. Трудно было вамъ сидѣть три года въ одиночномъ заключеніи?

— Сначала очень, но затѣмъ, когда у меня появилась возможность читать и заниматься, стало лучше.

— А какая цѣль у вашихъ современныхъ товарищей?

— Вы говорите о ихъ взглядахъ? Чего кто надѣется непосредственно достичь?

— Да, именно.

— Объ этомъ трудно сказать что-нибудь общее: это зависитъ больше отъ пылкости каждаго. Одни надѣются на немедленный переворотъ всѣхъ современныхъ междучеловѣческихъ отношеній, на замѣну ихъ новыми лучшими, основанными на всеобщемъ трудѣ, на всеобщей братской любви и взаимной помощи, другіе думаютъ, что осуществленіе этихъ идеаловъ можетъ быть только постепеннымъ, и что революціонная дѣятельность можетъ и должна только ниспровергать преграды на этомъ длинномъ пути человѣческаго рода къ всеобщему счастью.

— А вы какихъ взглядовъ придерживаетесь?

— Послѣднихъ.

— А что же вы считаете осуществимымъ прежде всего теперь?

— То же, что осуществлено ужъ въ наиболѣе ушедшихъ впередъ странахъ.

— Что же именно?

— Демократическую республику.

— И вы думаете, что народъ къ ней готовъ? Вы горько ошибаетесь! На что годны безграмотные республиканцы?

— А много ли было грамотныхъ въ Сѣверной Америкѣ столѣтъ тому назадъ, когда американцы основали свои Соединенные Штаты?

— Побольше, чѣмъ у насъ теперь. По моему мнѣнію, у насъ пока возможна только конституціонная монархія, хотя по убѣжденію я самъ тоже республиканецъ и демократъ.

Онъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ и перешелъ ближе къ дѣлу.

— Ольхинъ говоритъ, что вы поэтъ и что вамъ принадлежать нѣкоторыя стихотворенія въ сборникѣ «Изъ-за рѣшетки»?

— Да,—скромно отвѣтилъ я.

— Я прочелъ весь сборникъ, тамъ много истинной поэзіи.

Онъ вдругъ всталъ и снялъ со своей полки изящно переплетенную книжку.

— Вотъ,—сказалъ онъ мнѣ.

Это былъ, дѣйствительно, нашъ сборникъ.

— А вонъ тамъ,—сказалъ онъ мнѣ, показывая на верхнія полки,—полная коллекція всѣхъ нелегальныхъ изданій.

— Но вѣдь васъ за нихъ по нынѣшнимъ законамъ сошлютъ на каторгу, если найдутъ!

Онъ засмѣялся.

— Нисколько! У меня есть разрѣшеніе отъ цензуры. Я библіофилъ и коллекторъ книгъ, и историкъ. Мнѣ безъ нихъ нельзя работать. Пожалуйста, сейчасъ же доставляйте мнѣ все, что у васъ выйдетъ, а я въ благодарность буду хранить ваши документы. Когда вы ихъ принесете?

— Можно завтра?

— Когда угодно приходите, лучше всего въ это время.

Такъ было устроено тайное хранилище уставовъ «Земли и Воли», а затѣмъ и «Народной Воли». Никто о немъ не зналъ, кромѣ меня, да Ольхина, а потомъ Александра Михайлова. Я одинъ приносилъ и уносилъ оттуда документы и все остальное, тщательно слѣдя за собою при уходѣ и отходѣ. Тамъ въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ хранились кромѣ уставовъ и нужныя письма, и печать Исполнительнаго Комитета, прикладывавшаяся къ посылаемымъ предупрежденіямъ, и печати разныхъ

полицейскихъ петербургскихъ учреждений, для заготовленія русскихъ и заграничныхъ паспортовъ, а затѣмъ, когда намъ удалось устроить нашего товарища Клѣточникова секретаремъ Третьяго отдѣленія и собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и списки всѣхъ шпионовъ, съ характеристикой дѣятельности каждаго.

Потомъ, когда черезъ два года «Народная Воля» погибла, доступъ къ этому хранилищу прекратился. Зотовъ умеръ, когда я былъ заключенъ въ Шлиссельбургской крѣпости, его имущество перешло къ наслѣдникамъ, не обнаружившимъ въ немъ никакихъ тайныхъ документовъ. Куда все это спряталъ Зотовъ, такъ и осталось до сихъ поръ никому неизвѣстнымъ. Передъ моимъ послѣднимъ арестомъ онъ мнѣ говорилъ, что въ случаѣ опасности увезетъ портфели къ себѣ на дачу и тамъ зароетъ ихъ подъ бесѣдкой въ садикѣ. Но гдѣ эта бесѣдка? Гдѣ этотъ его садикъ? Лежатъ ли тамъ еще мои портфели со всѣми документами «Народной Воли» или давно сгнили, — объ этомъ никто не можетъ разсказать въ настоящее время...

Н. Морозовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія В. В. Берви ¹⁾).

III. Вступленіе на престолъ Александра II.

Императоръ Николай злополучно окончилъ свое царствованіе и на престолъ вступилъ Александръ II. Кончилось время реакціи и готовились либеральныя реформы. Всѣ увѣряли меня, что теперь судьба моя получить благопріятный оборотъ. Я продолжалъ заниматься законодательными вопросами.

Въ это время взятъ былъ въ плѣнъ Шамиль, и намѣстникъ кавказскій Барятинскій вообразилъ себѣ, что онъ сдѣлался великимъ человѣкомъ. Онъ представилъ въ кавказскій комитетъ проектъ преобразованія судоустройства на Кавказѣ. Его содержаніе заключалось приблизительно въ слѣдующемъ: намѣстникъ Кавказа долженъ имѣть право учреждать какія ему угодно судебныя мѣста и должности, составлять для нихъ какіе ему угодно штаты, назначать и смѣнять всѣхъ судей, когда ему вздумается и т. п. Все это оправдывалось трудностью удерживать на Кавказѣ народъ въ повиновеніи и необходимостью замѣщать мѣста чиновниковъ въ значительныхъ размѣрахъ мѣстными жителями, такъ какъ русскіе незнакомы съ нарѣчіями Кавказа. Кавказскій комитетъ переслалъ проектъ къ министру юстиціи, и мнѣ пришлось его разсматривать. Я былъ возмущенъ властолюбіемъ Барятинскаго, слышшаго другомъ императора и ближайшимъ его единомышленникомъ. Будущее Россіи стало рисоваться въ моемъ воображеніи вовсе не въ такихъ радужныхъ краскахъ, какимъ его разрисовывали другіе. Чѣмъ болѣе я вдумывался въ проектъ, тѣмъ болѣе росло мое негодованіе; наконецъ, я написалъ слѣдующій докладъ. Я разсмотрѣлъ права, которыя предоставлены намѣстнику кавказскому, нашелъ, что эти права вполне достаточны и не требуютъ дальнѣйшаго расширенія. Что же касается до проекта Барятинскаго, то онъ включаетъ въ себѣ прямое покушеніе на императорскую власть.

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 3.

Я, конечно, понималъ, что обвиненіе такого человѣка, какъ Барятинскій, въ покушеніи на императорскую власть было дѣломъ очень серьезнымъ, но мнѣ казалось, что это единственное средство, чтобы положить предѣлъ его заносчивости. Мой непосредственный начальникъ, прочитавъ докладъ, отложилъ его. Однакоже на другой день онъ его возвратилъ мнѣ съ тѣмъ, чтобы его отдать переписать. Мнѣ рассказывали, что докладъ и въ министрѣ вызвалъ нѣкоторое колебаніе, однакоже онъ утвердилъ его и къ большому моему удовольствію кавказскому комитету сообщено было мнѣніе министра юстиціи, что проектъ Барятинскаго заключаетъ въ себѣ покушеніе на власть Александра II.

Въ министерствѣ готовились къ судебной реформѣ, оно стало издавать журналъ, чтобы имѣть органъ, посредствомъ котораго могло бы вліять на общественное мнѣніе. Я написалъ для этого журнала очеркъ англійскаго судоустройства. Онъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе между юристами. Министръ юстиціи призвалъ меня и благодарилъ за основательность и оригинальность изложенія. Въ публикѣ смѣялись и говорили, что наши правовѣды потому остались въ такомъ восторгѣ отъ моего труда, что въ немъ перечислены были высокіе оклады жалованья, которые получали судьи въ Англіи. Произошелъ курьезъ: извѣстный теперь всему свѣту реакціонеръ Побѣдоносцевъ въ разборѣ моего очерка находилъ мое изложеніе недостаточно либеральнымъ. Вотъ какъ мѣняются со временемъ люди. Я помню Каткова въ то время, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ испросить разрѣшеніе на изданіе «Русскаго Вѣстника». Какъ разъ въ тотъ день, когда дѣло это было покончено въ его пользу, онъ послѣ званнаго обѣда пріѣхалъ къ профессору Благовѣщенскому, у котораго я былъ въ гостяхъ, и высказывалъ свои горячія пожеланія насчетъ того, чтобы своимъ журналомъ способствовать созиданію либеральной конституціи въ Россіи. Я помню либеральные взгляды, которые высказывалъ Деляновъ, и хитрости, которыя онъ употреблялъ, чтобы спасти меня отъ когтей министра Путятина. Я, впрочемъ, вовсе не былъ такъ увлеченъ англійскими судебными учрежденіями, какъ могло показаться, но я имѣлъ заднюю мысль. На первый разъ я не ошибся въ своемъ расчетѣ и имѣлъ случай высказать свою идею, такъ какъ получилъ отъ министра порученіе изложить мой взглядъ на возможное въ Россіи преобразование судебныхъ учреждений.

Въ англійскомъ судоустройствѣ меня болѣе всего плѣняло право гражданъ жаловаться на дѣйствія всѣхъ должностныхъ лицъ прямо суду, который разсматривалъ эти дѣйствія въ пу-

бличномъ засѣданіи. Истиннымъ разсадникомъ административнаго произвола была жалоба по начальству. Какъ извѣстно, на материкѣ Европы жалоба по начальству была господствующимъ порядкомъ, а англійское учрежденіе жалобы въ судъ встрѣчало очень мало подражателей. Я нашелъ возможность связать правило англійскаго судопроизводства съ установившимся уже въ Россіи обычаемъ и такимъ образомъ старался ввести его въ новыя судебныя учрежденія. Въ Россіи существовали сенаторскія ревизіи. Отъ времени до времени императоръ посылалъ сенатора, который ревизовалъ ту или другую губернію. Когда сенаторъ пріѣзжалъ для ревизіи, всѣ граждане могли обращаться прямо къ нему съ жалобами на всѣхъ чиновниковъ, начиная отъ губернатора. Я предположилъ превратить случайныя ревизіи сенаторовъ въ постоянныя объѣзды. Сенаторы объѣзжаютъ губерніи такъ же, какъ они это дѣлали во время своихъ ревизій, и обсуждаютъ подаваемые имъ на чиновниковъ жалобы въ публичныхъ засѣданіяхъ. Конечно, нельзя было ожидать, чтобы правительство допустило такой судъ сенаторовъ, если они будутъ несмѣняемы; но я находилъ, что для достиженія такой важной цѣли возможно было пожертвовать несмѣняемостью по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ сенаторовъ, которымъ представлено было право непосредственно судить чиновниковъ; можно было предоставить государственному совѣту смѣнять сенаторовъ, чьихъ образъ дѣйствія оказался бы несогласнымъ съ безопасностью государства. Я находилъ, что при тогдашнемъ неограниченномъ управленіи несмѣняемость судей будетъ существовать болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, и мое предположеніе оправдалось. Когда сенаторъ Гольтгоеръ присудилъ Пыпина и Жуковскаго не такъ строго, какъ того желалъ императоръ, Александръ II хотѣлъ его уволить; министръ юстиціи возразилъ, что сенаторы несмѣняемы, и получилъ отъ императора отвѣтъ: «я одинъ несмѣняемъ». Судебные слѣдователи, въ качествѣ членовъ суда, должны были быть по закону несмѣняемыми, но министры юстиціи умѣли распоряжаться такъ, что могли смѣнять слѣдователей во всякое время, когда это для нихъ понадобится. Политическихъ преступниковъ судили сенаторы, а слѣдствія по политическимъ дѣламъ производили члены судебныхъ палатъ, и все-таки дѣло было поставлено такъ, что всѣ эти лица не могли оказывать администраціи и тѣни противодѣйствія. Одинъ изъ нихъ жаловался мнѣ, что даже слѣдствіе ни къ чему не служитъ, что эти дѣла обыкновенно бывають предрѣшены, и что дѣло судей заключается только въ томъ, чтобы придавать суду по возможности приличныя либеральныя формы. Большая часть

сенаторовъ, судившихъ политическихъ преступниковъ, были когда-то моими товарищами по службѣ. Тогда они были такъ же либеральны, какъ Побѣдоносцевъ, Катковъ и Деляновъ, но честолюбіе заставило ихъ играть въ нѣкоторомъ смыслѣ роль страсбургскихъ гусей; утверждаютъ, что предсѣдатель суда Петерсъ сдѣлался жертвою этого ложнаго положенія. Все это не трудно было предвидѣть, а потому я находилъ возможнымъ сдѣлать отступленіе отъ принципа несмѣняемости судей ради предоставленія гражданамъ права жаловаться на чиновниковъ прямо въ судъ. Если даже въ Англіи важнѣйшій изъ судей, лордъ канцлеръ, выходитъ въ отставку вмѣстѣ съ своей партіей, то тѣмъ болѣе можно было допустить въ Россіи смѣняемость судящихъ чиновниковъ сенаторовъ. Если бы такое учрежденіе вошло въ нравы русскаго народа, то съ нимъ гораздо труднѣе было бы совладать, чѣмъ съ независимостью судей, мало этого—независимость судей много бы отъ этого выиграла. Публичное обсужденіе дѣйствій чиновниковъ, которыми граждане оказываются недовольными, на мѣстѣ дѣятельности этихъ чиновниковъ послужило бы прекрасною школою какъ для гражданъ, такъ и для администраціи.

Мои усилія не дали горячо желаемыхъ мною плодовъ; министръ Замятнинъ нашелъ мой проектъ слишкомъ радикальнымъ. Въ томъ же самомъ дѣлѣ будущій реакціонеръ Побѣдоносцевъ нашелъ меня слишкомъ консервативнымъ, а либераль Замятнинъ слишкомъ радикальнымъ. Читатель увидитъ, что такая судьба постигала меня не разъ.

Судьба моя стала принимать новый оборотъ. Однажды я получилъ бумагу изъ харьковскаго университета; въ ней университетъ предлагалъ мнѣ каѳедру финансоваго права самымъ лестнымъ образомъ. Такъ какъ я не имѣлъ нужной для занятія каѳедры ученой степени, то университетъ нашелъ средство обойти это препятствіе; онъ хотѣлъ назначить меня даже не адъюнктомъ (доцентомъ), но исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора.

Царствованіе Николая такъ понизило юридическія знанія въ Россіи, что трудно было найти хорошаго преподавателя финансоваго права, даже въ Петербургѣ профессоръ финансоваго права былъ крайней посредственностью. Я очень желалъ сдѣлаться профессоромъ, но я зналъ ничтожныя средства, которыми располагають юридическіе факультеты. Благодаря либерализму Делянова, бывшаго тогда директоромъ публичной би-

бліотеки, я получилъ помимо читальной залы свободный доступъ въ залы бібліотеки, гдѣ могъ пользоваться безпрепятственно какъ запрещенными книгами, такъ и тѣми изданіями, которыя по дороговизнѣ своей недоступны для частнаго лица. Тамъ было, напр., полное собраніе англійскихъ статутовъ, многотомныя изданія Ганзарта, парламентскіе дебаты, его парламентская исторія и другія подобныя изданія. Такія же изданія, касающіяся Соединенныхъ Штатовъ Америки, Германіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и т. д. Кромѣ того я имѣлъ доступъ къ другимъ бібліотекамъ, гдѣ могъ читать запрещенныя книги и изданія, недоступныя по своей дороговизнѣ нашему брату. Со всѣмъ этимъ я не хотѣлъ разстаться, между тѣмъ я много слышалъ о бѣдности провинціальныхъ университетскихъ бібліотекъ и въ особенности о ничтожности средствъ юридическаго факультета. Поэтому прежде, чѣмъ принять предложеніе университета, я написалъ знакомому мнѣ профессору химіи, перечислилъ тѣ изданія, которыя, по моему мнѣнію, необходимы для занятія наукою, и просилъ его справиться, есть ли они въ университетской бібліотекѣ. При этомъ я присовокупилъ, что для самостоятельнаго занятія наукою юристу эти изданія такъ же необходимы, какъ химику лабораторія, медику анатомическій театръ, математику физическій кабинетъ и т. д. Знакомый мой передалъ это письмо на обсужденіе совѣта и вышелъ курьезъ. Самый извѣстный и вліятельный изъ профессоровъ юридическаго факультета нашелъ мое требованіе чрезвычайнымъ и излишнимъ, съ нимъ согласились прочіе профессора этого факультета, но противъ нихъ возстали естественники, математики и медики и большинствомъ голосовъ поручили ректору увѣдомить меня официально, что университетъ употребить всѣ свои усилія для выполненія моего желанія. Я побѣдилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я увидалъ, что съ перваго дня моего появленія въ университетѣ я буду имѣть противъ себя юридическій факультетъ; нужно было подумать прежде, чѣмъ окончательно рѣшиться.

Работать такъ, какъ я работалъ, было не въ обычаѣ не только въ Харьковѣ, но даже въ Петербургѣ. Въ публичной бібліотекѣ кромѣ меня внѣ читальной постоянно занимался только одинъ Костомаровъ; я не могъ понять, какимъ образомъ другіе ученые въ своихъ историческихъ и юридическихъ работахъ обходятся безъ дорогихъ изданій публичной бібліотеки. Борьба была необходима, и я хотѣлъ сначала посоветоваться съ проф. Кавелинымъ, о которомъ я уже упоминалъ. Неожиданно я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Охота вамъ ѣхать въ Харьковъ преподавать финансовое право; оставайтесь у насъ и пре-

подавайте государственное—это ваша специальность». Быть профессоромъ въ петербургскомъ университетѣ и преподавать государственное право было для меня верхомъ благополучія, я прямо высказалъ Кавелину эту мысль. «Но вы должны сначала», продолжалъ онъ, «выдержать экзаменъ на ученую степень. Мы васъ пошлемъ на два года за границу, а черезъ два года вы будете занимать кафедру международного права и государственнаго права европейскихъ державъ». Мнѣ казалось, что я достигаю цѣли своей жизни. Въ апрѣлѣ 1861 года я выдержалъ экзаменъ по главнымъ предметамъ, но такъ какъ наступили экзамены студентовъ и факультету некогда было собираться, чтобы экзаменовать меня, то вопросъ о моей посылкѣ за границу былъ рѣшенъ, и мнѣ предоставлялось выдержать экзаменъ изъ побочныхъ предметовъ осенью, передъ выѣздомъ за границу. Теперь наступаетъ рѣшительный поворотъ въ моей жизни, а потому прежде, чѣмъ продолжать, я долженъ сдѣлать характеристику того политическаго движенія, которое началось со вступленіемъ Александра II-го на престолъ.

Я уже говорилъ о томъ, что Николай I приучилъ русское общество всякое политическое восхваленіе и всякое политическое порицаніе сосредоточивать на лицѣ одного императора. Когда правительству курился фиміамъ, онъ относился къ лицу императора, когда секретно жестоко порицали его, порицали опять-таки одного императора. Николай до такой степени привыкъ сосредоточивать въ своемъ лицѣ все правительство, всю политику, онъ такъ громко провозглашалъ—«государство—это я»,—онъ такъ настаивалъ на томъ, что, кромѣ его, въ Россіи никакой политической силы нѣтъ и не можетъ быть, что всѣ привыкли смотрѣть въ этомъ случаѣ его глазами. Этотъ взглядъ тѣмъ болѣе укоренился, что онъ составлялъ традицію. Еще Павелъ говорилъ: «Въ Россіи нѣтъ правъ, никто не имѣетъ правъ, кромѣ меня; только тотъ дворянинъ, кто со мною говоритъ и пока онъ со мною говоритъ». Но вотъ фіаско прежней жизни породило необходимость реформъ, при этомъ, разумѣется, все общество должно было раздѣлиться на двѣ партіи сторонниковъ и враговъ реформъ. Безъ поддержки со стороны общества никакія серіозныя реформы не были мыслимы. Мало того, чтобы дать дѣлу правильное обоснованіе, нужно было создать партію, способную поддерживать реформы, и дать этой партіи достаточную прочность и силу, чтобы выполнять свою задачу. Что такой планъ удался бы, видно изъ того, что либеральная пресса съ перваго

дня, когда цензура стала ее допускать, оказалась неизмѣримо сильнѣе консервативной. Къ ней не только принадлежали самыя вліятельныя газеты и журналы—«Петербургскія Вѣдомости», «Современникъ», «Русскій Вѣстникъ», «Отечественныя Записки», но Старчевскій, редакторъ Листка, читавшагося маленькими людьми и имѣвшаго поэтому весьма большое число подписчиковъ, увѣрялъ, что безъ красноты имѣть успѣхъ нельзя. Но правительство не думало искать опоры въ общественномъ мнѣніи страны. Александру II-му твердили, что онъ тѣмъ крѣпче долженъ держаться за свою власть, чѣмъ серіознѣе будутъ тѣ реформы, которыя онъ предпринимаетъ. Милютинъ былъ первымъ поборникомъ сильной централизованной власти для проведения реформъ. При дворѣ понимали только двойную игру: полновластный деспотизмъ и революцію. Милютинъ практиковалъ и то, и другое, въ одно и то же время, Константинъ разыгрывалъ роль Филиппа Эгалите, консерваторы всѣ до единого смотрѣли заговорщиками, готовыми вызвать революцію. Великое дѣло освобожденія крестьянъ поручено было сначала Ростовцеву, который былъ извѣстенъ обществу, какъ декабристъ, измѣнившій своимъ товарищамъ и сдѣлавшій на нихъ доносъ. По духу своему онъ въ теченіе долгаго царствованія императора Николая I вполне сдѣлался николаевскимъ генераломъ...

Въ предыдущемъ изложеніи я уже до нѣкоторой степени охарактеризовалъ Панина. Онъ былъ отъявленный консерваторъ; приведу еще одинъ примѣръ, чтобы показать, до чего доходило его капризное самодурство. Однажды преданный ему и душою и тѣломъ директоръ Топильскій докладываетъ ему дѣла; среди занятій входитъ лакей и говоритъ, что подведена къ крыльцу верховая лошадь для дочери графа. Они выходятъ съ Топильскимъ на дворъ, молодая графиня въ первый разъ въ жизни должна сѣсть на коня и не можетъ рѣшиться. «Покажите ей, что въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго, садитесь, прокатитесь», говоритъ графъ Топильскому. Директоръ замѣчаетъ ему, что дворъ отдѣленъ отъ улицы только сквозной рѣшеткой и что въ мундирѣ и въ звѣздахъ ему неудобно гарцовать передъ публикой на дамскомъ сѣдлѣ. Черезъ нѣсколько дней Панинъ приказываетъ ему явиться къ себѣ запросто въ сюртукѣ; Топильскій въ точности исполняетъ приказаніе. Неожиданно подводятъ къ крыльцу лошадь, осѣдланную въ дамское сѣдло. «Теперь вы безъ орденовъ», говоритъ Панинъ, «потрудитесь прокатиться». И сѣдовласое превосходительство должно было, какъ гаеръ, эквилибрировать на дамскомъ сѣдлѣ передъ любопытными зрителями. Другой разъ графъ заставилъ его ловить на крышѣ пѣ-

туха, который его обезпокоилъ. Не трудно понять, насколько подобный челоѣкъ былъ способенъ замѣнить грубый николаевскій режимъ гуманностью и уваженіемъ къ челоѣческой личности. Онъ отнялъ цѣлое состояніе, большой каменный домъ въ Петербургѣ, у своего крѣпостного не по жадности, а по одному самодурству; у него было 14000 душъ (30000 людей) крѣпостныхъ, изъ нихъ онъ 7000 душъ держалъ на барщинѣ, т.-е. въ безотчетномъ распоряженіи своихъ приказчиковъ; въ Россіи не было ни одного вельможи, который доходилъ бы до такихъ предѣловъ рабовладѣльческаго деспотизма. Когда императоръ въ первый разъ высказалъ свое намѣреніе освободить крестьянъ, гр. Панинъ, не стѣсняясь, кричалъ на весь Петербургъ, что нужно повѣсить того, кто далъ императору эту мысль... Нельзя сказать, чтобы такой реформаторъ могъ поселить въ публикѣ увѣренность, что крестьянская реформа дастъ тѣ благіе плоды, которые отъ нея слѣдовало ожидать.

Немудрено, если либеральная публика была взволнована и полна недовѣрія, между тѣмъ эти самые консерваторы, которые удержали въ рукахъ власть, усердно заботились о томъ, чтобы дѣло приняло революціонное направленіе... Проводить реформы и не дать прессѣ возможность высказываться свободнѣе хотя бы для того, чтобы поддерживать эти реформы, было немыслимо... Быстро развилась литература, полная энергіи и блестящаго остроумія. Читая эту восхитительную проповѣдь гуманности, нападки, часто добродушныя, всегда граціозныя и остроумныя, на міровоззрѣніе временъ Николая, публика испытывала облагораживающее вліяніе новыхъ идей; все это рассказывалось въ такомъ веселомъ тонѣ, и поучало, и увлекало, и забавляло до такой степени, что никто не могъ устоять. Успѣхъ новой либеральной литературы былъ громаденъ. Но этотъ успѣхъ тяжело отзывался на бокахъ писателей. Въ особенности къ первостепеннымъ писателямъ цензура относилась съ такой безусловной враждебностью и подозрительностью, что она превращала для нихъ жизнь и карьеру писателя въ адское мученіе. Чернышевскій и Добролюбовъ были тогда первыми изъ писателей, тѣми, которые владѣли и сердцами и умами въ Россіи; жизнь ихъ до такой степени отравлялась цензурой, что Добролюбовъ умеръ отъ чахотки; участь Чернышевскаго извѣстна...

И консерваторы и либералы одинаково ненавидѣли правительство и имѣли полное основаніе такъ поступать. Никакъ нельзя сказать, что такая злополучная обстановка вытекала изъ естественныхъ условій, въ которыхъ производились реформы; наоборотъ, условія эти были до того благопріятны, что мнѣ не-

извѣстенъ въ исторіи ни одинъ государь-реформаторъ, который пользовался бы такой прекрасной обстановкой дѣла. Это было какъ разъ въ то время, когда въ западной цивилизаціи политическій энтузіазмъ, которымъ она горѣла такъ долго, замѣнился социальнымъ. Важную заслугу Чернышевскаго составляетъ его споръ съ «Экономическимъ Указателемъ», въ которомъ онъ доказывалъ, что общинное владѣніе или мірское крестьянское землевладѣніе заключаетъ въ себѣ великій социальный принципъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, можно было бы безъ малѣйшаго труда рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ создать такую социальную реформу, которая бы сразу поставила Россію во главѣ социальнаго движенія въ западной цивилизаціи. Когда въ XVIII вѣкѣ народъ Соединенныхъ Штатовъ Америки очутился въ такомъ благопріятномъ положеніи для политической реформы, въ какомъ въ это время ни одинъ изъ народовъ западной цивилизаціи не находился, это одушевило его такимъ восторгомъ, что онъ могъ создать считавшееся тогда окончательно невозможнымъ федеративное демократическое государство и создать его на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что устои эти держатся такъ же крѣпко теперь, какъ держались въ первый день обнародованія федеральной конституціи. Россія въ началѣ царствованія Александра II была именно въ такомъ же благопріятномъ положеніи для социальной реформы, въ какомъ Соединенные Штаты въ XVIII вѣкѣ были для политической. Если выдѣлить западныя окраины, присоединенныя къ Россіи отъ Швеціи и Польши, то оказывалось, что громадное большинство, на огромныхъ пространствахъ девять десятыхъ рабочаго класса, т.-е. крестьяне, земледѣльцы, казаки и т. д. имѣли чрезъ мірскія земли въ своихъ рукахъ свое орудіе труда, они поголовно имѣли собственное хозяйство и земли помѣщиковъ обрабатывали своимъ инвентаремъ. Помѣщики, наоборотъ, вовсе не имѣли вполнѣ обставленнаго хозяйства, крестьяне воздѣлывали ихъ земли и снабжали ихъ хлѣбомъ, мясомъ, продуктами садоводства и винодѣлія, какъ для собственнаго ихъ потребленія, такъ и для продажи; помѣщики имѣли только сады и оранжереи въ качествѣ предметовъ роскоши и нѣкоторое количество птицы и скота на скотныхъ дворахъ. Большинство людей жило на государственныхъ и другихъ земляхъ, безпредѣльныхъ въ безпредѣльной Россіи, и не было крѣпостными помѣщиковъ. Изъ числа прочихъ рабочихъ большинство составляли ремесленники и кустари, которые были собственниками орудій своего труда. Крупныя заведенія, работающія дорого стоящими машинами и съ дробнымъ раздѣленіемъ труда, только возникали. Было очень легко вмѣстѣ съ

крестьянской реформой создать такое социальное законодательство, которое въ области социальной составило бы такой же шагъ впередъ, какой федеративная демократія составила въ политической. Если бы русское общество, на которое люди западной цивилизаціи такъ долго смотрѣли съ презрѣніемъ и высокомеріемъ, почувствовало, что оно становится во главѣ цивилизаціи и выполняетъ великую историческую миссію, то его восторгъ легко превзошелъ бы энтузіазмъ американскаго народа при созиданіи федеративной демократіи. Если столько энтузіазма порождалось тѣми запоздалыми реформами, послѣ которыхъ мы не могли даже надѣяться сравняться съ западными государствами, то что было бы, если бы мы увидали возможность стать во главѣ движенія?! При тѣсной связи, которая явилась бы между дѣятелями реформы и литературой, если бы эти дѣятели вышли изъ среды литературы и поддерживались ею, первостепенные писатели прекрасно сумѣли бы поддержать и разжечь энтузіазмъ общества, объясняя ему всемірное значеніе переворота. Императору легко было бы писателей всѣхъ оттѣнковъ, сочувствующихъ реформамъ, поставить въ такое положеніе, что имъ необходимо было бы сплотиться и дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ противъ консерваторовъ; это дѣло было вполне въ его рукахъ, и оно бы ему несомнѣнно удалось, если бы онъ оставилъ въ сторонѣ всякія постороннія соображенія, а руководствовался исключительно популярностью выбираемыхъ имъ людей. Общество и императоръ поддерживались бы съ запада по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько поддерживались американцы, созидавшіе Соединенные Штаты; неограниченный императоръ, осуществляющій социальную идею въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и съ такимъ полнымъ успѣхомъ, о которомъ на западѣ невозможно было и думать, былъ бы для западной Европы поразительнымъ и назидательнымъ зрѣлищемъ.

Что же вышло изъ того, какъ поставлено было дѣло въ дѣйствительности? Либеральное общество и писатели оставлены были отъ дѣла совершенно въ сторонѣ, отъ этого у нихъ не могло быть и тѣни того серьезнаго настроенія, какое господствовало бы, если бы они признавали дѣло практическихъ реформъ своимъ дѣломъ. Писатели и редакторы заботились только о томъ, чтобы статьи читались легко, восхищали и волновали общество. О томъ, чтобы они стали поддерживать такихъ реформаторовъ, какъ Панина, смѣшно было думать. Панинъ либеральному обществу ничего, кромѣ ненависти, не внушалъ и внушать не могъ. Нена-

висть къ грубости временъ Николая I, крайняя низменность стремлений этого грубаго времени побуждали общество пропитываться идеями прямо противоположными, идеями безпредѣльной гуманности и свободы, полнаго отреченія отъ прежнихъ традицій, стремленія освободиться отъ всякихъ стѣсненій въ исполненіи своихъ желаній и въ особенности отъ всякой опеки. Правительство хотѣло попрежнему опекать общество и заставить его играть ту же самую роль, какую оно играло при Николаѣ I, роль вѣрноподданнаго народа, вполне полагающагося на мудрость своего правительства и восторженно восхваляющаго его благодѣянія. Общество ненавидѣло эту роль, но такъ какъ теперь правительство перестало быть консервативнымъ и сдѣлалось правительствомъ реформъ, то общество стало ставить себѣ такой высокій идеалъ, какой для правительства былъ недостижимъ къ осуществленію. Возродился или лучше сказать расцвѣлъ старый идеалъ временъ Петрашевскаго—идеалъ Фурье. Чернышевскій кончилъ тѣмъ, что въ знаменитомъ своемъ романѣ: «Что дѣлать» проповѣдывалъ этотъ идеалъ. Явился нигилизмъ съ его идеей торжества безграничной свободы. По сравненію съ такимъ идеаломъ всевозможныя реформы казались ничтожными. Теперь ученіе Фурье получило совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ то, какое оно имѣло при Петрашевскомъ. Оно перестало быть прелестной, облагораживающей людей мечтой и сдѣлалось орудіемъ борьбы. Соціальныя ученія, вынесенныя въ западной Европѣ изъ кабинетовъ мыслителей на улицу, превратились въ грозный соціальный вопросъ. Ученіе Фурье, получившее обликъ нигилизма, подняло революціонное знамя. Притязаніямъ правительственной опеки нигилизмъ противопоставилъ революціонную пропаганду; дѣло поставлено было такъ, что въ душѣ cadaго свободомыслящаго человѣка царилъ неизгладимое противорѣчіе. Съ одной стороны готовились реформы; наконецъ-то мы выходимъ изъ мрака, сердце готово было восторженно обожать Александра II; съ другой—его высокомѣрная правительственная опека оскорбляла до глубины души. Поручить крестьянскую реформу такому ненавистному человѣку, какъ Панину, можно ли было показать большее презрѣніе къ чувствамъ и ожиданіямъ общества? Можно ли было поставить цензуру и литературу такъ, какъ онѣ были поставлены?! Герценъ и Огаревъ были великими, всѣмъ извѣстными мучениками за свободу, они вполне заслужили получить теперь полное вознагражденіе за свои страданія. Герценъ и Огаревъ, пока они оставались подпольными писателями, могли проповѣдывать только революцію. Эта пропаганда, ничтожная при Николаѣ I, получила теперь

громкую извѣстность; государственные люди, въ родѣ Милютина, поддерживали ее тѣмъ, что снабжали Герцена пикантными извѣстіями, а консерваторы изъ ненависти къ императору старались раздувать движеніе. Какъ счастливы поляки, думалъ я, у нихъ слово и дѣло могутъ идти въ ногу. Пресса громко проповѣдывала, что отъ словъ нужно перейти къ дѣлу; но какое же это могло быть дѣло? Общество было отстранено отъ всякаго дѣла: это дѣло могло быть однимъ—революціонной пропагандой. И не мудрено было сочувствовать революціонной пропагандѣ. Не было никакой надежды, чтобы социальная миссія Россіи была выполнена правительствомъ Александра II-го. Честная революціонная пропаганда, при которой человѣкъ научался жертвовать собою для идеи, облагораживала его нравственно; а двойственность того времени, при которой и честный и негодяй-карьеристъ одинаково проповѣдывали передовыя идеи и одинаково подозревались въ предательствѣ, воспитывала въ среднемъ человѣкѣ шпіона и переметную суму, а не честную личность. Такъ упущень былъ превосходный случай сдѣлать изъ русскихъ великій народъ, стоящій во главѣ социальнаго прогресса въ западной цивилизаціи; я много разъ думалъ, что если бы на мѣстѣ Александра II-го стоялъ Петръ Великій, онъ не упустилъ бы этого случая.

IV. Первое мое участіе въ политическіхъ движеніяхъ.

Между министрами однимъ изъ наиболѣе прозорливыхъ былъ министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій. Онъ съ большимъ тактомъ способствовалъ развитію либеральныхъ идей въ университетахъ. Въ особенности въ петербургскомъ университетѣ свободное и организаціонное движеніе между студентами все далѣе пускало свои корни. Студенты имѣли сходки, на которыхъ обсуждали свои общія дѣла, составили организаціи, имѣли кассу. Прежде всего они обратили вниманіе на бѣдныхъ студентовъ. Произведено было правильное изслѣдованіе нищеты между учащимися и дало поразительные результаты; найдены были, напр., два студента, которые жили въ шкафу, студентъ, который жилъ зимою въ дощатой будкѣ, гдѣ когда-то помѣщалась извѣсть. Профессоръ Спасовичъ организовалъ студенческій судъ, дѣйствовавшій по всѣмъ правиламъ европейскихъ публичныхъ судовъ съ присяжными, адвокатами и т. д. Студенческія организаціи въ Петербургѣ дѣйствовали прекрасно, порядокъ на сходкахъ и публичныхъ собраніяхъ былъ образцовый. Ободренный успѣхомъ своихъ мѣръ, Ковалевскій задумалъ серіозныя реформы

въ области народнаго просвѣщенія и представилъ ихъ въ государственнѣйшій совѣтъ. Проектъ этотъ поставилъ себѣ цѣлью дать образованію въ Россіи тотъ толчокъ, въ которомъ оно такъ нуждалось; но это перепугало нашихъ обскурантовъ; они по натурѣ своей могли господствовать только или убивая мысль, или распространяя кругомъ себя безпорядки; съ ихъ существованіемъ согласовались только деспотизмъ или революція; никакой мирный шагъ прогресса не былъ возможенъ тамъ, гдѣ появлялось ихъ мрачное лицо. Во главѣ съ Панинымъ и Строгановымъ, этими двумя исчадіями ада, созданнаго въ Россіи императоромъ Николаемъ I, они принялись разрушать прекрасное дѣло министра Ковалевскаго. Императоръ Александръ... согласился съ ними, и Ковалевскій вышелъ въ отставку. Строгановъ, бывшій попечитель московскаго университета, былъ знаменитый бичъ, которымъ императоръ Николай I хлесталъ все, что порывалось мыслить; далѣе точки зрѣнія де-Местра онъ ничего не признавалъ и ненавидѣлъ все, что сдѣлано было мыслью въ теченіе XIX вѣка потому, что онъ всего этого не зналъ, а если и зналъ что-нибудь, то не въ состояніи былъ понять. И такой человѣкъ съ помощью Панина сдѣлался душою того заговора мракобѣсія, который имѣлъ цѣлью хлестать казацкой нагайкой несчастное русское просвѣщеніе. Даже Деляновъ устыдился роли строгановской нагайки и отказался быть попечителемъ петербургскаго университета; заговорщикамъ пришлось вмѣстѣ съ новымъ министромъ назначать и новаго попечителя; это не составило затрудненія... Вся Россія тогда кричала противъ радикальнаго пустословія, которое было на устахъ у всякаго взяточника и карьериста и отъ котораго каждый изъ нихъ немедленно бы отказался, чтобы сдѣлаться шпиономъ; вся Россія требовала серьезнаго дѣла, и вотъ представился первый случай сдѣлать серьезное дѣло. Нужно было спасти русское просвѣщеніе отъ интриги стараго пролаза Строганова, нужно было открыть императору глаза на эту увертливую лисицу, тѣмъ болѣе, что императоръ довѣрялъ ему воспитаніе наслѣдника престола, можетъ быть, на погибель для Россіи. Къ несчастью эта интрига была извѣстна въ настоящемъ своемъ видѣ только въ Петербургѣ, но зато же здѣсь и профессора и студенты рѣшились единодушно протестовать и противъ мѣръ, порожденныхъ интригой, и противъ удаленія Ковалевскаго. Имѣлось въ виду совершенно новое дѣло для Петербурга—политическая манифестація. Оказалось, что студенты были уже прекрасно подготовлены къ такому проявленію свободы; между ними оказался нѣкто Михаелисъ, составившій остроумный планъ для веденія этого дѣла. Сту-

денты дѣлились на кружки; Михаелись изъ всякаго кружка выбиралъ наиболѣе вліятельнаго человѣка и составилъ изъ нихъ такъ называемую центральную сходку. Они собирались гдѣ-либо въ частной квартирѣ и по большинству голосовъ рѣшали, какъ дѣйствовать. Когда затѣмъ собиралась общая сходка, ораторы говорили въ разбродъ, а члены центральной сходки все говорили въ одномъ направленіи; на сходкахъ господствовала полная свобода и полный порядокъ, а между тѣмъ дѣла рѣшались въ заранѣе предусмотрѣнномъ направленіи, такъ какъ центральная сходка служила наиболѣе вѣрнымъ выраженіемъ мнѣнія всехъ студентовъ.

Я отправился на Васильевскій островъ къ декану юридическаго факультета спросить, когда назначенъ мой дополнительный экзаменъ, и съ нимъ вмѣстѣ прошелъ въ университетъ. Къ крайнему моему удивленію я нашелъ площади, окружающія университетъ, и самый университетскій дворъ переполненными народомъ; возлѣ университета стояло войско. Оказалось, что я неожиданно попалъ на ту сходку, которая устроила первую по времени манифестацію въ Колокольной улицѣ. Я долженъ признаться, что я любовался на тотъ порядокъ и на самообладаніе, съ которыми дѣйствовали студенты. Полиція повторяла: «Господа, лишніе удаляйтесь!» Кто-то изъ толпы отвѣтилъ: «Полиція лишняя». И дѣйствительно, полиція была совершенно лишняя, такъ какъ не было и тѣни нарушенія порядка; но я все-таки находилъ ея присутствіе очень полезнымъ, потому что въ виду этого присутствія законность сходки не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Я пробылъ на митингѣ до конца и возвратился домой въ самомъ радужномъ расположеніи духа. Если дѣла пойдутъ такъ, какъ они шли сегодня, то не будетъ ни малѣйшей основательной причины мѣшать гражданамъ собираться мирно и выражать правительству свои воззрѣнія на общественныя дѣла, такъ или иначе отзывающіяся на нихъ.

На другой день я узнаю, что въ ночь Михаелись и вся собиравшаяся у него центральная сходка арестованы. Послѣдствія было нетрудно предвидѣть: въ университетахъ по всей Россіи начались безпорядки...

Произвольный и предательскій арестъ Михаелиса и центральной сходки вызвалъ въ университетѣ безпорядки; противъ студентовъ пущены были въ ходъ нагайки, приклады и штыки; аресты производились массами. Чтобы помѣшать интриганамъ продолжать свое преступное дѣло, мы рѣшили подать всеподданнѣйшее прошеніе о помилованіи студентовъ, опять-таки съ главною цѣлью открыть императору глаза на это дѣло. Адми-

нистрація тотчасъ стала преслѣдовать это прошеніе; я помню, что я собиралъ подписи слѣдующимъ образомъ: когда ко мнѣ подходилъ желающій подписаться, я объяснялъ ему, что прошеніе преслѣдуется администраціей, и спрашивалъ, согласенъ ли онъ подписаться при такомъ условіи; не оказалось ни одного отказавшагося отъ подписи. Тайная полиція, предположивъ, что прошеніе хранится у извѣстнаго впослѣдствіи адвоката и председателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, а тогда чиновника Стасова, сдѣлала у него обыскъ и арестовала его. На другой день министръ юстиціи сдѣлалъ по министерству запросъ о подписавшихся; всѣ до одного назвали себя. Отъ всѣхъ потребовано было одно общее объясненіе, а отъ меня, такъ какъ я до извѣстной степени принадлежалъ университету, особое. Общее объясненіе написалъ знаменитый впослѣдствіи адвокатъ, много лѣтъ бывший председателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, Арсеньевъ ¹⁾. Я въ своемъ объясненіи привелъ законы, дающіе всякому русскому право петиціонировать, и прибавилъ, что я счелъ своимъ долгомъ подать руку помощи молодымъ людямъ, которыхъ постигло несчастье, тѣмъ болѣе, что мнѣ было извѣстно, что они желали дѣйствовать законно, и если въ этомъ не успѣли, то только потому, что были поставлены въ условія, въ которыхъ не могли дѣйствовать такъ законно, какъ предполагали. Мнѣ заявили, что послѣ моего указанія на то, что студенты были вовлечены дѣйствіями администраціи, я буду непременно арестованъ и сосланъ. Поэтому на другой день я написалъ открытое письмо къ обществу, въ которомъ, во избѣжаніе искаженія смысла моего образа дѣйствія во время моего ареста, объяснялъ обществу, что я считаю предоставленное въ основныхъ русскихъ законахъ каждому русскому право петиціи такимъ правомъ, отъ котораго русскіе ни въ какомъ случаѣ отступаться не должны. Въ неограниченной монархіи такой законъ не можетъ быть отмѣненъ, потому что императоръ не можетъ безъ него обойтись, иначе онъ можетъ сдѣлаться жертвою не только обмана, но заговора своихъ приближенныхъ и измѣны; шпіонамъ нельзя вѣрить, а честные люди не будутъ доносить, а будутъ только петиціонировать. Существовало особое учрежденіе для пріема этихъ прошеній: императоры Николай I и Александръ II ежедневно гуляли по дворцовой набережной въ извѣстный всѣмъ часъ и лично принимали прошенія; по установившемуся обычаю прошенія принимались и единоличныя и коллективныя и притомъ безъ всякаго ограниченія ихъ содержанія; только тогда

¹⁾ Срав. объ этомъ событіи «Изъ далекихъ воспоминаній» К. К. Арсеньева. «Голосъ Минувшаго» 1913 г. № 1. Ред.

прошеніе считается противозаконнымъ, когда заговорщики прикрываютъ предлогомъ подачи прошенія движенія поднятой ими толпы, когда прошеніе подается скопомъ и заговоромъ, какъ говорится въ законѣ. Администрація, пользуясь своей безнаказанностью, настаивала на томъ, что она имѣетъ право принимать коллективныя прошенія каждый разъ, когда это полезно для ея цѣлей, а всѣ ей непріятныя признавать составленными скопомъ и заговоромъ. Я обращаюсь къ юристамъ всего цивилизованнаго міра и спрашиваю ихъ: можно ли признать прошеніе составленнымъ скопомъ и заговоромъ въ тѣхъ случаяхъ, когда о заговорѣ для насильственного низверженія императора или установленнаго народомъ правительства нѣтъ и помину? Разъ существуетъ законъ и установившійся обычай, правительство обязано принимать петиціи какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ ему нравятся, такъ и въ тѣхъ, когда онѣ ему не нравятся.

Едва я успѣлъ окончить письмо, какъ вошелъ курьеръ и потребовалъ меня къ члену слѣдственной комиссіи барону Врангелю. Я положилъ письмо въ карманъ съ цѣлью передать его для распространенія. У Врангеля я нашелъ Арсеньева. Добродушный баронъ со слезами на глазахъ сталъ уговаривать насъ отказаться отъ права подавать петиціи, иначе насъ сошлютъ въ Сибирь. Я попросилъ у него дозволеніе посоветоваться съ Арсеньевымъ. Былъ уже шестой часъ, но возбужденіе въ министерствѣ юстиціи было такъ велико, что множество чиновниковъ осталось дожидаться нашего рѣшенія; мы не могли найти мѣста, чтобы поговорить, насъ тотчасъ окружала толпа. Мы удалились въ безобидное счетное отдѣленіе, но и тамъ были люди, хотя не искусившіеся въ политикѣ. Не желая объясняться, я вынулъ изъ кармана написанное мною письмо и передалъ его Арсеньеву; читая его, онъ сдѣлался очень серіозенъ и потомъ объявилъ, что со мною вполне согласенъ. Лишь только мы вышли изъ комнаты, гдѣ совѣщались, насъ окружила толпа и намъ пришлось объяснять наше поведеніе передъ цвѣтомъ русской юриспруденціи. Арсеньевъ въ прочувствованныхъ словахъ выразилъ наше мнѣніе, что мы не можемъ отказаться отъ права петиціонировать, такъ какъ это единственный путь, предоставленный русскому народу для выраженія правительству своихъ потребностей, мы не можемъ также признать взгляды и дѣйствія администраціи въ этомъ дѣлѣ согласными со смысломъ и съ духомъ закона. Слова Арсеньева встрѣчены были съ энтузіазмомъ. Съ той минуты, когда мы передали нашъ отвѣтъ Врангелю, наша судьба считалась рѣшенною, однако же на дѣлѣ вышло не такъ. Министръ возвратился изъ дворца съ совсѣмъ другимъ взгля-

домъ на дѣло; всякое политическое преслѣдованіе по отношенію къ намъ было прекращено на томъ основаніи, что въ нашихъ дѣйствіяхъ не обнаруживалось намѣренія сопротивляться закону и власти императора.

Между тѣмъ броженіе между студентами и въ публикѣ продолжалось. Либеральные профессора петербургскаго университета, не желая подчиняться новому направленію, данному просвѣщенію, вышли въ отставку; такой неслыханный дотолѣ образъ дѣйствія произвелъ въ обществѣ большую сенсацію. Однажды Лавровъ повелъ меня на собраніе людей, желавшихъ организовать движеніе съ цѣлью петиціонировать противъ образа дѣйствія правительства въ области народнаго просвѣщенія. Когда я прислушивался къ настроенію умовъ въ то время, для меня не подлежало сомнѣнію, что если бы обществу дана была свобода дѣйствія, то громадное большинство образованныхъ людей подписалось бы подъ подобной петиціей, а между тѣмъ на лицахъ людей въ томъ собраніи, гдѣ я очутился, было написано одно уныніе. Всѣ были убѣждены, что правительство не только не уступитъ общественному мнѣнію, но что оно приметъ самыя крутыя мѣры, чтобы помѣшать обществу проявиться. Образованное общество чувствовало себя вполне безсильнымъ и парализованнымъ, не имѣя опоры подъ своими ногами. Опору эту могъ доставить одинъ только народъ своею массою, а народъ былъ вполне неспособенъ понять цѣль такого движенія по недостатку своего развитія; этотъ недостатокъ правительство и желало увѣковѣчить своими мѣрами. Остановить развитіе народа путемъ мирной и открытой пропаганды правительство имѣло тысячи средствъ, оно было безсильно только противъ подпольной, а подпольная, за которую ссылали въ каторжныя работы, могла быть только революціонной. Было слишкомъ ясно, что все, что жаждало дѣятельности, все, что не было въ состояніи перенести того унижительнаго положенія, въ которое были поставлены мирные пропагандисты, должно было перейти къ подпольной и революціонной пропагандѣ. Я чувствовалъ фальшивую ноту въ революціонной пропагандѣ противъ государя, который дѣйствовалъ сравнительно съ отцомъ своимъ либерально, но съ другой стороны я видѣлъ, что давать придворнымъ обскурантамъ возможность такъ грубо торжествовать надъ либералами составляло прямую деморализацію той сферы, въ которой вращался императоръ и которая могла на него воздѣйствовать. То, что слѣдовало ожидать, совершилось: Строгановскій заговоръ противъ народнаго просвѣщенія далъ сильный толчекъ революціонной пропагандѣ, вліяніе Герцена возрастало. Въ Москвѣ, гдѣ

движеніе мирнаго прогресса между студентами рано встрѣтило со стороны администраціи самый грубый и безцеремонный отпоръ, энергическіе студенты скоро стали на сторону революціи; они устроили первую по времени тайную типографію; типографія была открыта и учредители были сосланы въ каторжныя работы. Михайловъ, который привезъ изъ Лондона первыя революціонныя прокламаціи, сдѣлался самымъ популярнымъ въ Россіи человѣкомъ и его шествіе въ каторжныя работы было триумфальнымъ шествіемъ. Въ Петербургѣ въ это время самыми популярными людьми были Чернышевскій и Костомаровъ. Популярность Чернышевскаго сильно возросла отъ того, что онъ энергически примкнулъ къ революціонному движенію, а популярность Костомарова пострадала отъ того, что онъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Въ Петербургѣ тайная типографія могла издавать періодическое изданіе.

Послѣ освобожденія крестьянъ начались попытки дворянскихъ собраній, желавшихъ введенія въ Россіи конституціоннаго управленія. Самую осмысленную изъ этихъ попытокъ сдѣлало тверское дворянство. Во главѣ этого движенія стояли братья извѣстнаго анархиста Бакунина. Они вполне основательно рассуждали, что если дворянство желаетъ расширенія своихъ политическихъ правъ, то оно должно желать этого не изъ узкихъ сословныхъ интересовъ, а для блага всего народа, поэтому оно должно представить сначала народу доказательство благихъ своихъ намѣреній. Исходя изъ этой точки зрѣнія Бакунины составили слѣдующій планъ: предложить дворянству одновременно съ просьбой о конституціи ¹⁾ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы уставныя грамоты писались не иначе, какъ съ предоставленіемъ крестьянамъ полнаго права собственности на отводимые имъ надѣлы ²⁾. Дворянское собраніе огромнымъ большинствомъ приняло и то и другое предложеніе. Тогда тринадцать мировыхъ посредниковъ и два предводителя дворянства собрались на сѣздъ и разослали по волостямъ циркуляръ, что они, согласно желанію тверскаго дворянства, будутъ впредь нарѣзать надѣлы крестьянамъ въ полную собственность съ прекращеніемъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику, потому что иной образъ дѣйствія они находятъ противорѣчащимъ общественному благу. За это, они по инициативѣ графа Панина,

¹⁾ О «собраніи выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій». *Ред.*

²⁾ Т.-е. за обязательный выкупъ. *Ред.*

были арестованы жандармскою властью (привезены въ Петербургъ) и посажены въ крѣпость. Арестъ ихъ былъ незаконнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова; въ ихъ поступкѣ не только преступленія ¹⁾, но даже оппозиціи противъ правительства не было. Они имѣли полное право дѣйствовать въ этомъ случаѣ, опираясь на постановленіе дворянскаго собранія. Арестованные были преданы суду сената.

Однажды я иду въ министерствѣ юстиціи по коридору въ то время, когда уже всѣ чиновники разошлись, и встрѣчаю одного изъ своихъ товарищей, который рассказываетъ мнѣ о совѣтѣ, бывшемъ у министра юстиціи на счетъ того, какъ слѣдуетъ присудить арестованныхъ тверскихъ дворянъ. Рѣшено было примѣнить къ нимъ законъ объ умышленномъ неисполненіи высочайшаго повелѣнія, за которое полагается лишеніе правъ состоянія и каторжныя работы. Примѣненіе закона въ данномъ случаѣ было верхомъ несправедливости. Всякій человѣкъ и всякая корпорація можетъ отказываться отъ пользованія тѣми правами, которыя имъ предоставлены, а потому и тверское дворянство имѣло право отказаться отъ нарѣзки крестьянамъ надѣловъ на другихъ основаніяхъ, кромѣ собственности. Такое отреченіе было обязательно для всѣхъ дворянъ, не обжаловавшихъ постановленія собранія, а такъ какъ никто его не обжаловалъ, то оно и должно было остаться въ силѣ. Послѣ этого мировые посредники имѣли полное право издать свой циркуляръ. Но если отрицать это право, то преступленія въ немъ все-таки никакого не было; судъ не имѣлъ даже права входить въ разсмотрѣніе законности циркуляра до тѣхъ поръ, пока его исполненіе не было обжаловано частнымъ лицомъ. Мало этого, если бы они сознательно нарушили законъ, то и тогда бы ихъ нельзя было наказать за умышленное неисполненіе высочайшаго повелѣнія; чиновники на каждомъ шагѣ сознательно не исполняютъ законовъ и все-таки за это получаютъ замѣчанія и выговоры, увольняются отъ службы и т. д., но не судятся на основаніи помянутаго закона. Вотъ если бы генераль-адъютантъ или статсъ-секретарь получилъ отъ императора для объявленія высочайшее повелѣніе и умышленно скрылъ и не объявилъ бы его, тогда

¹⁾ Нарушеніе закона состояло лишь въ томъ, что посредники собрались на непредусмотрѣнный закономъ частный *губернскій* съѣздъ, тогда какъ были установлены лишь *уездные* съѣзды мировыхъ посредниковъ. Вся тверская исторія 1862 г., съ приведеніемъ текста постановленій и адреса, изложена въ книгѣ «Освобожденія», изд. П. Б. Струве въ Штутгардѣ 1903 г. См. также А. А. Корниловъ «Обществ. движеніе при Александрѣ II», стр. 114 и слѣд. и его же «Курсъ исторіи Россіи XIX в.», т. II, стр. 219—24.

онъ, дѣйствительно, подлежалъ бы суду и лишенію правъ; законъ этотъ изданъ для такихъ именно случаевъ. Подобное толкованіе закона было нелѣпо, и все-таки я не сомнѣвался, что интрига удастся; сенаторы были въ рабской зависимости и соглашались на все, опасаясь за свою шкуру; вѣдь они согласились же на арестъ и преданіе суду тверскихъ дворянъ, хотя и то и другое было верхомъ беззаконія.

Я пришелъ въ большое волненіе; цвѣтъ лучшей части русскаго дворянства долженъ былъ погибнуть такимъ позорнымъ образомъ. Я не спалъ всю ночь и придумалъ способъ, какъ защитить дворянъ отъ этой интриги. Надо огласить ее по Россіи и обратить на нее всеобщее вниманіе прежде, чѣмъ она сдѣлаетъ свое дѣло. Отпечатать ее у Герцена, разумѣется; но это съ одной стороны огласить ее, а съ другой обозлить многихъ изъ имѣющихъ власть; консерваторы будутъ кричать, что дворяне поставили себя подъ защиту подпольной печати. Вызвать манифестацію въ пользу дворянъ?—но это значило окончательно погубить ихъ дѣло; тогда-то именно правительство и присудило бы ихъ какъ можно строже. Я рѣшился сдѣлать такъ: именно въ то время въ большей части русскихъ губерній засѣдали дворянскія собранія; я написалъ циркулярное письмо, въ которомъ обличалъ интригу и доказывалъ незаконность ареста тверскихъ дворянъ, въ то же время отъ себя въ качествѣ дворянина подаль всеподданнѣйшее прошеніе объ огражденіи дворянъ отъ такого произвольнаго съ ними образа дѣйствій. Такимъ образомъ дѣло быстро получило большую огласку; въ то же время развязаны были руки всѣмъ тѣмъ, кто желалъ дѣйствовать въ пользу тверскихъ дворянъ. Мой поступокъ не падалъ на дворянъ, которые въ немъ не участвовали; онъ не былъ дѣломъ манифестаціи, которая, при взглядахъ имп. Александра, непременно повредила, а не помогла бы тверскимъ дворянамъ. Для практическаго образа дѣйствія на пользу арестованныхъ сохранены были всѣ шансы, и выходка сумасброда, какимъ я въ этомъ случаѣ представлялся, не могла уменьшить этихъ шансовъ.

Успѣхъ моего поступка превзошелъ всѣ мои ожиданія; министерство юстиціи отреклось вполне отъ своей интриги, но такъ какъ мое положеніе въ этомъ министерствѣ было таково, что я могъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о его дѣятельности, то мое заявленіе было объяснено припадками умопомѣшательства, которыя будто бы со мною случались. Меня отвезли въ домъ умалишенныхъ, но интрига была разрушена окончательно. Въ то же время дворяне западныхъ губерній, которые просили объ огражденіи свободы въ этомъ краѣ, посажены были также

въ домъ умалишенныхъ. Стремиться къ огражденію личной свободы правительству казалось безуміемъ.

Въ домъ умалишенныхъ со мною происходили разные курьезы. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ этомъ домѣ меня требуютъ къ главному начальнику этихъ заведеній, сенатору Кочубею. Вхожу въ общій залъ, вижу на диванѣ сидитъ человѣкъ большого роста, лѣтъ семидесяти, съ характерной львиной головой Кочубеевъ, описанной въ романѣ Толстого, передъ нимъ полукругомъ стоятъ доктора и прочее начальство дома, за ними толпа умалишенныхъ и прислуги. Я поклонился, безъ приглашенія сѣлъ рядомъ съ нимъ и смотрю на него вопросительно. Онъ принялъ величественную позу и наставительнымъ тономъ спросилъ меня: «Какъ вы позволили себѣ беспокоить государя по дѣлу, которое до васъ не касается?» «Каждое утро», отвѣчалъ я, «императоръ гуляетъ по дворцовой набережной; разные люди подходятъ въ это время къ нему съ плачемъ и рыданіями, становятся передъ нимъ на колѣна, хватаютъ его за фалды и осыпаютъ его прошеніями по своимъ частнымъ дѣламъ. Я дѣйствовалъ не по личному своему, а по общественному дѣлу; однако же я не побѣждалъ на дворцовую набережную, я послалъ свое прошеніе по почтѣ въ комиссію прошеній. Комиссія имѣетъ право не докладывать государю и оставлять безъ послѣдствій всякое прошеніе, не достойное вниманія императора. Слѣдовательно, если мое прошеніе дошло до государя и обратило на себя столько вниманія, то оно не было ничтожнымъ и излишнимъ»... Наставительный тонъ былъ теперь на моей сторонѣ. Кочубей покраснѣлъ, какъ ракъ, и не зналъ, что мнѣ отвѣчать. Въ то время сильные міра наводили такой страхъ, что никто не осмѣливался имъ противорѣчить, Кочубею и въ голову не приходило, что на его вопросъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ уничтожить меня, я буду серіозно возражать, и теперь онъ не зналъ, что дѣлать. Доктора кусали себѣ губы отъ смѣха, служители не знали, какъ сдерживать умалишенныхъ, которые пришли въ восторгъ, увидавъ, что такой же сидѣлецъ сумасшедшаго дома, какъ и они, сконфузилъ грознаго начальника. Наконецъ, Кочубей всталъ, молча и низко мнѣ поклонился, я отвѣтилъ такимъ же поклономъ, и мы разошлись.

Предсѣдатель комиссіи, которая меня допрашивала, графъ Бобринскій, спросилъ меня, какъ поступили бы съ тверскими дворянами въ демократической странѣ; онъ имѣлъ наивность воображать, что въ Швейцаріи и въ Америкѣ съ тверскими дворянами распорядились бы такъ же, какъ въ Россіи. Я, разумеется, объяснилъ ему, какъ въ подобныхъ случаяхъ дѣла дѣ-

лаются въ демократіяхъ и какіе у нихъ существуютъ законы для огражденія самостоятельности гражданъ отъ деспотизма администраціи. Неловкость Бобринскаго, который далъ мнѣ такой прекрасный случай провести параллель между цивилизованными порядками и русскими, вызвала гнѣвъ въ высшихъ сферахъ и создала еще одну невинную жертву. Желая замаскировать свою ошибку, Бобринскій требовалъ отъ стенографа, чтобы онъ измѣнилъ стенографическій отчетъ такъ, какъ ему было надобно, но стенографъ былъ полякъ-патріотъ и не согласился; онъ былъ уволенъ отъ службы.

Во время моего ареста я получалъ самыя неожиданныя оцѣнки. Въ мою камеру явился, въ качествѣ члена тюремнаго комитета, извѣстный консерваторъ, князь Мещерскій съ цѣлой свитой, онъ выразилъ мнѣ свою глубокую симпатію и грусть; редакторъ органа крѣпостниковъ «Вѣсти», Скарятинъ, и даже какой-то американскій плантаторъ, бѣжавшій изъ Америки отъ висѣлицы, посѣтили меня. Послѣдній серіозно принималъ меня за ягodu его поля и передалъ мнѣ свое сочиненіе, въ которомъ онъ доказывалъ, что негръ—животное, а не человѣкъ, съ цѣлью познакомить русскую публику съ его великимъ открытіемъ.

Въ домѣ умалишенныхъ я нашелъ нѣсколько здоровыхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые содержались тамъ очень давно; доктора рассказывали мнѣ, что они неоднократно, но безуспѣшно жаловались на присылку къ нимъ здоровыхъ людей. Самый интересный былъ петербургскій мѣщанинъ, фабричный рабочій ¹⁾. Онъ былъ человѣкъ едва грамотный, географическія свѣдѣнія его были такъ неудовлетворительны, что онъ не зналъ даже, что земля кругла. Какими-то судьбами ему попалась въ руки исторія Англіи. Отсюда онъ узналъ, что англичане переносили всевозможныя мученія и страданія, производили революціи потому, что государи хотѣли принудить ихъ уплачивать подати, на которыя они не изъявляли своего согласія. Онъ сталъ уговаривать своихъ товарищей подать русскимъ примѣръ такого же образа дѣйствія; на петербургскихъ фабрикахъ онъ возбудилъ большое къ себѣ сочувствіе. Перестали было платить подати, но, увидавъ, куда это ведетъ, всѣ кромѣ него уступили. Онъ же остался неизмѣнно вѣренъ своему рѣшенію и много лѣтъ боролся одинъ противъ всей силы царства русскаго. Его отдали наравнѣ съ другими не платившими мѣщанами въ невольныя работы, обращались тамъ съ нимъ самымъ варварскимъ обра-

¹⁾ Подробнѣе о впечатлѣніи В. В. Берви въ больницѣ будетъ сказано въ воспоминаніяхъ жены его, которыя будутъ напечатаны въ слѣдующей книгѣ журнала.

зомъ и по окончаніи установленнаго срока выпустили; онъ поступилъ на фабрику и продолжалъ не платить, тогда его приговорили на два года въ арестантскія роты; онъ выдержалъ два года; согласно закону спросили петербургское мѣщанское общество, желаетъ ли оно принять его въ свою среду. Общества всегда отказываются принимать лицъ, осужденныхъ въ арестантскія роты, въ особенности въ Петербургѣ, гдѣ и безъ того мазуриковъ много; обществу грозили, что ему придется поплатиться за этого упорнаго неплательщика податей, но онъ былъ популяренъ между петербургскими мѣщанами, и его все-таки приняли. Вступивъ въ общество, онъ опять объявилъ, что до тѣхъ поръ не заплатитъ ни копейки, пока петербургскіе мѣщане не будутъ имѣть представителя при обсужденіи государственнаго бюджета. На этотъ разъ его приговорили къ содержанію въ смиренномъ домѣ и тамъ пытали его разными пытками, чтобы сломить его упрямство. Но онъ вышелъ изъ смиренного дома такимъ же, какимъ вступилъ, и опять принять былъ обществомъ. Теперь ему грозили каторжныя работы, но рѣшители его судебъ предпочли посадить его въ сумасшедшій домъ. Онъ рассказывалъ мнѣ много неизвѣстнаго публикѣ о варварскихъ расправахъ при стачкахъ и о борьбѣ между петербургскими мѣщанами и пришлыми рабочими, сбивавшими цѣны.

В. В. Берви (И. Флеровскій).

Во второй половинѣ XIX вѣка.

Студенческіе годы ¹⁾).

III.

Въ Петербургскомъ университетѣ.

Петербургскій университетъ въ 1865 г.—Составъ профессоровъ юридическаго факультета.—Свобода преподаванія.—Случай съ профессоромъ Павловымъ.—Профессора Рѣдкинъ и Ивановскій.—Каѳедра богословія въ университетѣ.—Отмѣна откуповъ.—Веселіе Руси—пити.—Лѣтній садъ въ началѣ весенняго сезона.—Всеволодъ Крестовскій и калоши.—Врагъ кредиторовъ, генераль-губернаторъ Суворовъ.—Отголоски польскаго возстанія.—Суворовъ и Муравьевъ.—Выстрѣлъ Каракозова.—Слѣдственная коммисія.—Верховный уголовный судъ.—Отклики о его засѣданіяхъ.—А. А. Кобылинъ и дѣдъ.—Ю. К. Трапъ.—Начало реакціи.

Я уже упоминалъ, что впервые вступилъ въ стѣны петербургскаго университета осенью 1865 года. Къ этому времени новый университетскій уставъ успѣлъ вполне оказать свое вліяніе на университетскую жизнь. Университетская наука и дѣятельность профессоровъ стали свободнѣе отъ внѣшней регламентации, но все же профессорамъ приходилось помнить печальный примѣръ профессора Платона Васильевича *Павлова*. Назначенный передъ самымъ закрытіемъ университета на каѳедру русской исторіи, Павловъ прочелъ въ залѣ петербургской городской думы публичную лекцію о тысячелѣтіи Россіи, которую закончилъ слѣдующими словами: «Россія стоитъ надъ бездною, въ которую мы и повергнемся, если не обратимся къ послѣднему средству спасенія—къ сближенію съ народомъ. Имѣющій уши слышати да слышитъ!» ²⁾ «Нашлись—острила по этому поводу «Искра»,—уши, которымъ не слѣдовало этого слушать и донесли». За такую, строго говоря совершенно невинную фразу, Павловъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ сперва въ Ветлугу, а потомъ въ Кострому. Изъ ссылки

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 1, 2.

²⁾ Ср. Л. Ф. *Пантелеевъ*. «Изъ воспоминаній прошлаго». Спб. 1905, стр. 156—157. *Ред.*

его освободили только въ 1869 г., но университетской каѳедры въ Петербургѣ не возвратили и ему пришлось существовать уроками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾).

Студенты внѣ университета были совершенно освобождены отъ какого бы то ни было надзора со стороны университетскаго начальства, судъ и расправа надъ ними чинились безъ участія депутата отъ университета, что навсегда сдѣлало невозможными обычныя до того препирательства университетскихъ властей съ полиціей изъ-за чинившихся студентами дебоширствъ и скандаловъ, а по отношенію къ университету ихъ обязанности исчерпывались тихимъ, скромнымъ поведеніемъ въ его стѣнахъ и сдачей въ установленные сроки полукурсовыхъ испытаній съ правомъ послѣ этой сдачи держать, при условіи пребыванія въ спискахъ университета не менѣе двухъ лѣтъ, выпускные экзамены не только на кандидата, но и на дѣйствительнаго студента и до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся сдать эти экзамены успѣшно. Какія бы то ни было сходки, депутаціи, землячества и вообще корпоративныя учрежденія въ стѣнахъ университета были строжайше запрещены, а при попыткахъ организовать ихъ внѣ университета, не получали необходимаго на учрежденіе разрѣшенія подлежащей власти. Инспекція была весьма немногочисленна, она состояла изъ инспектора *Озерецкаго*, чловѣка почти незамѣтнаго, и трехъ его помощниковъ, изъ нихъ помню по фамиліи только одного—*Пальмина*. Послѣдній отличался большой обходительностью и всячески старался заводить знакомства среди студентовъ, но студенты отъ него сторонились, считая его агентомъ III отдѣленія. Остальные члены инспекціи, не исключая и самаго Озерецкаго, почти не выходили изъ дежурной комнаты. Для большинства студентовъ всѣ отношенія къ инспекціи ограничивались выправкой необходимаго для проживанія въ столицѣ вида на жительство. До взноса денегъ за слушаніе лекцій видъ этотъ не выдавался.

На первомъ курсѣ юридическаго факультета шесть профессоровъ читали шесть предметовъ, что въ то время было исключеніемъ, такъ какъ въ другихъ университетахъ на одного профессора приходилось по нѣскольку предметовъ. Профессоръ *П. Г. Рѣдкинъ* читалъ энциклопедію права, *И. І. Ивановскій*—государственное право важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ, *И. Е. Андреевскій*—полицейское право, *И. Я. Горловъ*—политическую экономію, *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*—русскую исторію, вмѣсто исторіи русскаго права, каѳедра которой была

¹⁾ Въ 1875 г. П. В. Павловъ былъ избранъ на каѳедру исторіи искусствъ въ Кіевскомъ университетѣ, которую и занималъ до 1885 г. *Ред.*

вакантна, приватъ-доцентъ *Люд. Бор. Дорнъ*—исторію римскаго права. Кромѣ того протоіерей *Палисадовъ* читалъ студентамъ перваго курса всѣхъ факультетовъ обязательный для нихъ, если они только принадлежали къ православному вѣроисповѣданію, предметъ—Богословіе.

Первая лекція, на которой мнѣ пришлось присутствовать въ университетѣ, была вступительная лекція Рѣдкина. Она произвела на всѣхъ ее слушавшихъ, думаю двухъ мнѣній не было и быть не могло, ошеломляющее впечатлѣніе. Рѣдкинъ сразу овладѣлъ умами своей аудиторіи и вселилъ въ слушателей безграничную вѣру въ свои исключительныя умственные и нравственныя качества. Достигъ онъ этого единственно оригинальнымъ содержаніемъ своей лекціи, лекторъ онъ былъ плохой, читалъ по приносимымъ изъ дому листкамъ, отрывистыми фразами, съ большимъ, казалось, трудомъ вылетающими изъ его глотки, на видъ онъ былъ исполненъ генеральской чванностью, что плохо гармонировало съ его невзрачной фигурой. Нѣсколько помню и теперь, по прошествіи 50 лѣтъ, содержаніе этой вступительной лекціи. «Въ гимназій—читалъ Рѣдкинъ—васъ учили учебнымъ предметамъ, теперь вы будете изучать науку, науку о правѣ. До 1863 г. наука о правѣ находилась въ сильномъ подозрѣніи, она считалась наукой опасной, даже самое слово «право» было строжайше запрещено употреблять въ лекціяхъ. вмѣсто права римскаго, гражданскаго, уголовнаго приказано было преподавать римское законовѣдѣніе, гражданскіе законы, уголовные законы и т. д. Только для международнаго было сдѣлано исключеніе. Было бы безконечно нелѣпо переименовывать международное право—въ международное законовѣдѣніе, а потому оно было переименовано въ «начала международного правовѣдѣнія». Уставъ 1863 г. снова разрѣшилъ преподавать въ университетахъ право. Благодаря такому разрѣшенію получилась возможность преподавать энциклопедію права въ смыслѣ науки о правѣ, обществѣ и государствѣ, слѣдуя строго научному методу. Такимъ строго научнымъ методомъ является методъ генетическій, впервые примѣняемый къ изложенію энциклопедіи права самимъ лекторомъ. Только, слѣдуя этому научному методу, энциклопедія права можетъ быть изложена всеобще, всесторонне, всеобъемлемо и въ единой всецѣлости». Сущности этого генетическаго метода посвящался цѣлый рядъ лекцій... По существовавшимъ въ то время цензурнымъ правиламъ, записки по университетскимъ лекціямъ могли литографироваться лишь съ письменнаго разрѣшенія лектора, подъ его личной отвѣтственностью за безвредность ихъ содержа-

нія съ цензурной точки зрѣнія и безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ цензурою, безотносительно къ числу литографированныхъ листовъ. Рѣдкинъ—единственный на моей памяти петербургскій профессоръ, упорно отказывавшій въ разрѣшеніи литографировать его лекціи. Между тѣмъ нужда въ стенографированіи его лекцій, особенно въ виду строгихъ требованій его на экзаменѣ, была весьма настоятельна; поэтому предпринимателямъ оставалось только обходиться безъ его разрѣшенія и печатать его записки на общемъ цензурномъ основаніи, не означая на обложкѣ имени автора, на что Рѣдкинъ смотрѣлъ сквозь пальцы. Такимъ образомъ были изданы и записки по его лекціямъ, и конспектъ къ нимъ.

Домой изъ университета я явился въ сильно приподнятомъ настроеніи, вызванномъ вступительною лекціей Рѣдкина, и тотчасъ же сталъ дѣлиться своими впечатлѣніями съ домашними. Узнавъ, что среди моихъ профессоровъ находятся Рѣдкинъ и Ивановскій, дѣдъ замѣтилъ, что когда-то хорошо зналъ того и другого. Ивановскій окончилъ блестяще виленскій университетъ еще въ бытность его, дѣда, ректоромъ и тогда уже подавалъ большія надежды. Въ Россіи онъ считался знатокомъ международнаго права (главный предметъ, преподававшійся Ивановскимъ и въ университетѣ, и въ Александровскомъ лицѣѣ), его очень уважаютъ въ высшихъ сферахъ и къ его совѣтамъ и разъясненіямъ прибѣгало часто министерство иностранныхъ дѣлъ, тамъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ. Относительно Рѣдкина дѣдъ спросилъ меня: какъ его зовутъ? Сколько-кихъ онъ приблизительно лѣтъ? Какова его внѣшность? И, получивъ мой отвѣтъ, сказалъ: «Дѣ, вѣроятно, это тотъ самый. Мнѣ приходилось съ нимъ встрѣчаться въ Москвѣ, въ сороковыхъ годахъ, когда онъ былъ профессоромъ московскаго университета, подававшимъ, какъ говорили, большія надежды. Про него и тогда говорили, что онъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гегеля¹⁾. Рѣдкинъ товарищъ по дерптскому профессорскому институту Н. И. Пирогова и по нѣжинской гимназій высшихъ наукъ (гдѣ учился въ 1820—26 гг.) Нестора Кукольника и Гоголя. Онъ оставилъ профессуру въ 1878 г. и поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ. Рѣдкинъ въ удѣлахъ имѣлъ большое значеніе, являясь правой рукой министра.

Экзаминаторомъ Рѣдкинъ оказался крайне строгимъ. Говорю

¹⁾ Въ описываемое время, т. е. въ 1860-хъ годахъ, во время профессорства въ Петербург. университетѣ, Рѣдкинъ уже проводилъ въ своихъ лекціяхъ нѣкоторыя положенія позитивизма О. Конта. См. біографію П. Г. Рѣдкина, составленную *Н. М. Коркуновымъ*, въ «Біограф. словарь проф. С. Петербург. университета». Спб. 1898, т. II. Ред.

съ чужихъ словъ, такъ какъ самъ никакихъ экзаменовъ у него не держалъ и въ никакихъ съ нимъ внѣ лекцій отношеніяхъ не состоялъ. Окончилъ Рѣдкинъ свое земное поприще членомъ государственнаго совѣта, каковымъ назначенъ былъ при Александрѣ III въ 1882 г.

Объ остальныхъ профессорахъ-юристахъ, читавшихъ въ 1865—1866 учебномъ году на первомъ курсѣ, я не стану распространяться. И. Е. Андреевскій и К. П. Бестужевъ-Рюминъ еще не забыты. Я лично съ ними знакомъ не былъ и ничего къ тому, что о нихъ уже сказано добраго, прибавить не могу. Приватъ-доцентъ Дорнъ былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ доцентовъ, которые въ теченіе всей своей долготѣтней профессорской дѣятельности не могутъ представить диссертациі не только на степень доктора преподаваемой ими въ теченіе десятковъ лѣтъ науки, но даже и на степень магистра. Какъ лекторъ онъ производилъ на меня, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе тупого долбязки. Лекціи его отличались нестерпимымъ многословіемъ, были мало систематичны, читалъ онъ такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, что чтеніе его порождало лишь одно уныніе. На первомъ курсѣ мы всѣ были специалистами по политической экономіи, а потому считали старика Горлова совершенно отсталымъ и лекцій его не посѣщали. Что же касается Ивановскаго, то онъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, читалъ государственное право важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ въ высшей степени увлекательно, съ юношескимъ пыломъ и даже задоромъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ блестящихъ лекторовъ, которыхъ не забываютъ. Разговоровъ о немъ среди студенчества почти не было. Студенчество къ нему, въ виду его возраста, относилось недовѣрчиво, господствовало опасеніе, что онъ «отсталъ». Тѣмъ не менѣе его аудиторія всегда была переполнена. Въ отличіе отъ своихъ преемниковъ онъ теоріи собственно государственнаго права отводилъ второстепенное мѣсто и читалъ, главнымъ образомъ, исторію западныхъ конституцій, что, благодаря исключительной эрудиціи и талантливости, придавало его лекціямъ захватывающій интересъ.

Кромѣ этихъ шести профессоровъ, изъ нихъ читали еще Рѣдкинъ исторію философіи права, Ивановскій—международное право и Дорнъ—догму римскаго права, были только три еще профессора-юриста: гражданскаго права—*Вицинъ*, уголовного права—*Чебышевъ-Дмитріевъ* и финансоваго права—*Пановъ*. Всѣ они, тотчасъ же по введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, покинули профессуру. Вицинъ ушелъ въ предсѣдатели московскаго коммерческаго суда, Чебышевъ-Дмитріевъ отдался

журналистикѣ, а Пановъ перешелъ въ только что учрежденную тогда военно-юридическую академію. Одновременно съ ними ушелъ и Горловъ. На смѣну имъ явились Пахманъ, Таганцевъ, и Вреденъ. Про послѣдняго острили: «Вреденъ—вредень». Каѳедры исторіи русскаго права, церковнаго права, византійскаго права, торговаго права, исторіи законодательства, а также судопроизводствъ уголовного и гражданскаго, полагавшіяся по уставу,—пустовали.

Богословіе читалъ протоіерей Палисадовъ, одинъ изъ курьезнѣйшихъ лекторовъ, какихъ мнѣ приходилось слышать. До профессорства Палисадовъ долгое время былъ настоятелемъ нашей посольской церкви въ Парижѣ и, благодаря этому, превосходно владѣлъ французско-нижегородскимъ діалектомъ съ семинарскимъ прононсомъ. Въ Россію онъ вернулся въ 1859 г. и тотчасъ же былъ приглашенъ занять каѳедру Богословія въ петербургскомъ университетѣ. Такъ какъ онъ владѣлъ французскимъ языкомъ, что въ то время было явленіемъ весьма рѣдкимъ среди нашего духовенства, и, кромѣ того, волосы имѣлъ коротко остриженными (наше духовенство за-границей изъ опасенія насмѣшекъ вынуждено стричь волосы и ходить по улицамъ въ свѣтскомъ платьѣ), то ему поручили наблюдение за прибывшимъ изъ Франціи какимъ то знаменитымъ проповѣдникомъ, при чемъ разрѣшили присутствовать на проповѣдяхъ въ штатскомъ платьѣ. Будучи, послѣ отъѣзда французскаго проповѣдника, освобожденъ отъ своихъ цензорскихъ обязанностей, Палисадовъ подалъ митрополиту рапортъ, въ коемъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи стричь волосы и ходить въ свѣтской одеждѣ и въ Россіи, въ виду того, что онъ привыкъ къ этому въ Парижѣ. За такую продерзость ему сильно попало отъ митрополита, и онъ едва не угодилъ на послушаніе въ монастырь.

На лекціяхъ Палисадовъ, чтобы привлечь къ себѣ слушателей, до безобразія паясничалъ и городилъ зачастую непроходимую чушь, облакая ее притомъ въ самыя суконныя формы. Въ моей памяти остались кой-какія тирады, которыя привожу во всей ихъ неприкосновенности. «Умъ человѣческій, единожды ставъ на точку сомнѣнія, все катится внизъ по пока-тости, пока не дойдетъ до нигилизма, а нигилизмъ мы можемъ уподобить орѣшку, который не въ силахъ раскусить; мы возьмемъ его въ Лондонъ, подъ всесокрушающей молотъ (тогда въ Англіи только что былъ изобрѣтенъ паровой молотъ, чудовищной силы) и отъ орѣшка остается прахъ, т. е. nihil, отсюда нигилистъ. Ergo, чего мы не можемъ понять, уразумѣть, раскусить, то мы разбиваемъ, уничтожаемъ, отрицаемъ, обращаемъ въ прахъ, т. е.

въ nihil, и становимся нигилистами». Подобными же наглядными примѣрами Палисадовъ любилъ украшать свою рѣчь даже тогда, когда она касалась доказательства религіозныхъ истинъ. Такъ въ доказательство, что «вѣра безъ дѣлъ мертва есть», онъ приводилъ такой примѣръ: «положимъ у насъ имѣется фласонъ, въ немъ заключены двѣ жидкости—желтая и голубая, два невзрачные сами по себѣ цвѣта, а попробуйте только ихъ взболтать, смѣшать и у васъ получится прелестный веръ де гри». Какъ экзаменаторъ Палисадовъ былъ совсѣмъ нетребователенъ и, подобно большинству тогдашнихъ профессоровъ Богословія, ставилъ всѣмъ экзаменующимся, какое бы отсутствіе знаній они ни обнаруживали, удовлетворительный баллъ. Имѣвшіе хоть самое поверхностное знакомство съ его лекціями смѣло могли разсчитывать на пятерку.

Къ началу 1866 года всѣ обѣщанныя правительствомъ въ началѣ царствованія реформы были закончены, оставалось только провести ихъ какъ слѣдуетъ въ жизнь. Здѣсь я коснусь лишь питейной реформы. Суть этой реформы состояла въ томъ, что право вольной (акцизной) продажи питей, допущавшееся до того лишь въ такъ называвшихся «привилегированныхъ губерніяхъ»¹⁾, было распространено, въ отмѣну искони существовавшихъ тамъ винныхъ откуповъ, и на великороссійскія губерніи. Чтобы постичь весь ужасъ откупной системы, тяготѣвшей надъ русскимъ народомъ, съ небольшими перерывами, чуть ли не со временъ Ивана Грознаго вплоть до 1863 г., стоитъ только вспомнить вошедшія въ сводъ законовъ, изд. 1877 г., постановленія по питейной части.

Согласно этимъ постановленіямъ, изданнымъ не столько въ интересахъ казны, сколько въ интересахъ немногочисленнаго, но вліятельнаго класса откупщиковъ, владѣть винокуренными заводами имѣли право только казна и дворяне. Винокуреніе не на заводахъ, или, хотя и на заводахъ, но не дворянами, каралось конфискаціей матерьяловъ и посуды, со всею къ ней принадлежностью, и значительными денежными взысканіями. Запрещалось выдѣлывать не только спиртные напитки, но и спиртовые лаки и политуру, а также напитокъ, извѣстный подъ именемъ *воронка* или *савражки*. Въ губерніяхъ всероссійскихъ каждый городъ съ его уѣздомъ отдавался на откупъ лицу, предложившему на торгахъ наивысшую цѣну, при чемъ откупщикъ получалъ исключительное право продажи въ предѣлахъ своего

¹⁾ Губерніи эти: Полтавская, Черниговская, Харьковская, Кіевская, Подольская, Могилевская, Минская, Витебская, Виленская, Ковенская, Волынская, Гродненская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, область Бессарабская. Авт. Ср. Н. Терскій. Питейные сборы и акцизная система въ Россіи. Спб. 1890, стр. 12. Ред.

откупа (по частямъ на откупъ можно было брать цѣлыя губерніи) хлѣбнаго вина установленной крѣпости и по установленнымъ питейнымъ договоромъ цѣнамъ, а также разныхъ водокъ (настоекъ, наливокъ и пр.), пива и меда. Такъ какъ цѣны на водку были въ разныхъ откупахъ различны, а въ «привилегированныхъ губерніяхъ» значительно ниже, чѣмъ въ тѣхъ, которыя сдавались на откупъ, то издавна возникъ не прекращавшійся, несмотря на жесточайшія наказанія, своего рода контрабандный промыселъ, называвшійся *«корчемствомъ»*. Для воспрепятствованія провоза и проноса на границы одного уѣзда въ другой водокъ и пр. и для поимки корчемщиковъ внутри также имѣлась многочисленная *корчемная стража*. До 1851 г. правомъ содержанія корчемной стражи пользовались на ряду съ казной и откупщики, а въ 1851 г. право это у нихъ было отнято, сохранена была лишь казенная корчемная стража, организованная на военную ногу. Развозъ и продажа внутри откупа питей, приготовленныхъ или полученныхъ въ противность узаконеній, а равно и продажа сихъ питей лицами, не имѣющими на то права, карались, въ случаѣ учиненія сихъ дѣяній *въ первый разъ* и безъ всякаго со стороны виновныхъ насилія противъ *«поимщиковъ или открывателей»*, конфискаціей и значительными денежными взысканіями, въ случаѣ же вторичнаго въ томъ же дѣяніи изобличенія—лица, отъ тѣлесныхъ наказаній неизъятая, подвергались еще и наказанію розгами, отъ 50 до 60 ударовъ, съ отдачей въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ одного года до двухъ лѣтъ, а лица, отъ наказаній тѣлесныхъ изъятая, сверхъ конфискаціи и денежнаго взысканія, лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ими правъ и преимуществъ съ ссылкой на житіе въ губерніи Томскую и Тобольскую. Малѣйшее сопротивление поимщикамъ или открывателямъ, оказанное при поимкѣ въ первый разъ хотя и безъ насильственныхъ дѣйствій, каралось въ той же мѣрѣ арестантскими ротами съ наказаніемъ розгами или ссылкой на житіе съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, смотря по состоянію осужденнаго, если же оно сопровождалось насильственными дѣйствіями, то влекло за собою тѣ же наказанія, которыя были положены *за возстаніе противъ властей, правительствомъ установленныхъ*, а именно: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжныя работы въ рудникахъ, на время отъ 15 до 20 лѣтъ, а для неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ сверхъ того и наказаніе плетью черезъ палача, въ мѣрѣ отъ 80 до 90 ударовъ ¹⁾,

¹⁾ Высшая мѣра наказаній плетью, какую зналъ законъ, отъ 90 до 100 ударовъ.

съ наложеніемъ клеймъ, если было учинено *вооруженными людьми и сопровождалось съ ихъ стороны безпорядками*. Наказаніе это уменьшалось на одну степень, если сопротивленіе было учинено хотя *невооруженными людьми, но съ явнымъ насиліемъ и безпорядками*, или же *вооруженнымъ людьми, но безъ явнаго съ ихъ стороны насилія*, и на пять степеней, если учинено было *невооруженными людьми и безъ явныхъ насильственныхъ дѣйствій съ ихъ стороны*, но однакожъ для возстановленія порядка *начальство было въ необходимости прибѣгнуть къ необыкновеннымъ мѣрамъ усмиренія*. Въ послѣднемъ случаѣ каторжныя работы полагались на заводахъ, на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ, а наказаніе плетью, съ наложеніемъ клеймъ, отъ 30 до 40 ударовъ. Еще строже карались продажа и провозъ для продажи напитковъ, а также о-де-колона изъ привилегированныхъ губерній въ губерніи все-россійскія. Если сопротивленіе оказывалось воинской командѣ (къ ней принадлежала и казенная корчемная стража) при выемкѣ, виновные отдавались подъ военный судъ и наказывались шпиц-рутенами. Если противозаконный провозъ или продажа напитковъ имѣли мѣсто въ селеніи и имущества виновнаго оказывалось недостаточно для покрытія наложеннаго на него денежнаго взысканія, то недостающая часть взыскивалась съ того сельскаго общества, въ коемъ происходили незаконные развозъ и продажа питей.

Все, что творилось на такой законодательной почвѣ, превосходило, благодаря алчности и развращенности откупщиковъ и ихъ прислужниковъ, продажности не только низшихъ, но и высшихъ чиновниковъ, особенностямъ нашего тогдашняго судопроизводства и отсутствія у массы населенія «полнаго разумѣнія»,—всякое воображеніе...

Отмѣна откуповъ вызвала всеобщее ликованіе. Цѣна на водку сразу сильно понизилась, и водка стала называться «*дешевкой*». Говорили «веселіе Руси пить». Въ этомъ отношеніи русскій народъ, однако, ничѣмъ отъ другихъ народовъ не отличается, но въ сознаніе русскаго народа глубоко проникло убѣжденіе, существовавшее у другихъ народовъ, ярко отраженное имъ въ двухъ пословицахъ: «Пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ» и «пьяница проспится, а дуракъ никогда». Вотъ почему всѣ попытки, какія только дѣлались отъ времени до времени на Руси для искорененія въ народѣ пьянства и истребленія пьяницъ,—были всегда бесплодными, несмотря на жестокія кары, сыпавшіяся какъ изъ рога изобилія на торговцевъ водкой и ея потребителей. Впрочемъ, потребителей рѣдко наказывали уголовными карами, ихъ преимущественно исправляли «домашними» мѣрами взысканія, что

было, пожалуй, еще ужаснѣе, къ нимъ можно отнести также наказанія полицейскія и дисциплинарныя. Мнѣ приходилось слышать о жестокихъ поркахъ, которыя задавались пьяницамъ, помѣщиками, станowymi и воинскимъ начальствомъ, и пьяницы не исправлялись... Я видѣлъ полковыхъ командировъ, которые хвалились тѣмъ, что заставляли пьяницъ пить подъ розгами водку, настоенную на вшахъ, клопахъ и пр. гадости,—и пьяницы не исправлялись. Я зналъ въ медицинской академіи сторожа Степана, который пилъ спиртъ изъ банокъ «съ препаратами». Съ другой стороны, я слышалъ, какъ командиры полковъ проносили водку изъ предѣловъ одного откупа въ другой, влитую въ ружейныя дула солдатъ (когда ружья были кремневые и пистонныя это было вполне возможно), и провозили ее въ казенныхъ сундукахъ и иныхъ помѣщеніяхъ.

Имп. Александръ II, до покушенія на него въ 1879 г. Соловьева, совершалъ ежедневно, если только позволяла погода, прогулки пѣшкомъ по Петербургу. Излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ для него въ раннюю весеннюю пору служилъ Лѣтній садъ. Гулялъ онъ почти всегда одинъ и только въ началѣ 70-хъ гг. неизмѣнной спутницей его въ такихъ прогулкахъ была единственная его дочь, великая княжна Марія Александровна. Нерѣдко въ саду можно было встрѣтить и государыню. Туда же въ это время устремлялась придворная и чиновная знать, въ чайніи попасть лишній разъ на глаза. Тѣмъ не менѣе, Лѣтній садъ отъ этого не утрачивалъ своего демократическаго характера и входъ въ него оставался вполне доступнымъ для такъ наз. большой публики. Публика эта до такой степени привыкла видѣть въ общественныхъ мѣстахъ своего государя, что нисколько его присутствіемъ не стѣснялась. Одна изъ такихъ прогулокъ въ Лѣтнемъ саду, едва не окончилась, однако, весьма печально для В. В. Крестовскаго. Это было въ 1862 или 63 г. въ то время, когда Крестовскій, покинувъ университетъ, всецѣло отдался писанію «Петербургскихъ трущобъ», что сдѣлало его хорошо извѣстнымъ петербургской полиціи, съ тогдашнимъ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Суворовымъ, во главѣ, такъ какъ безъ ея содѣйствія онъ не имѣлъ бы возможности проникнуть не только въ тюрьму, но даже во многіе притоны, куда приходилось входить съ опасностью для жизни. Въ это время мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ Крестовскимъ и у отца, и у извѣстной тогда актрисы Л. А. Владимировой. Я могу засвидѣтельствовать, что пущенное кѣмъ-то обвиненіе Крестовскаго въ томъ, что онъ часть своихъ «Трущобъ» и преимущественно тѣ главы, которыя написаны съ большимъ талантомъ, напр., Спасъ на Сѣнной,

Ерши и пр. укралъ у Помяловскаго, совершенная неправда. Въ то время, когда писались «Трущобы», я видѣлся съ Крестовскимъ чуть не ежедневно. Видѣлся, когда онъ возвращался съ экскурсій своихъ въ разные притоны, и я слушалъ со вниманіемъ, какъ онъ дѣлился своими впечатлѣніями. Вскорѣ я потерялъ его изъ виду, отецъ и дѣдъ сильно на него разгнѣвались за одну главу въ романѣ, въ которой онъ изобразилъ дѣда въ смѣшномъ видѣ.

Проходя какъ-то Лѣтнимъ садомъ, Крестовскій не обратилъ вниманія на шедшую впереди его даму, ускореннымъ шагомъ направившуюся къ выходу, какъ только Крестовскій сталъ ее нагонять. У воротъ сада дама что-то сказала дежурному жапдарму и быстро сѣла въ поданный ей экипажъ. Тутъ только Крестовскій по вставшимъ на запятки лейбъ-казакамъ узналъ, что дама эта была сама государыня. Не успѣлъ экипажъ съ государыней еще скрыться изъ виду, какъ Крестовскій, къ своему ужасу, былъ схваченъ полиціей и доставленъ въ Третье отдѣленіе, гдѣ къ вечеру ему было объявлено, что онъ по высочайшему повелѣнію подлежитъ высылкѣ въ 24 часа изъ Петербурга. Спасло Крестовскаго заступничество кн. Суворова. Узнавъ о бѣдѣ, постигшей писателя, благонамѣренность котораго для него была внѣ всякаго сомнѣнія, кн. Суворовъ немедленно отправился во дворецъ. Оказалось, что государыню испугали калоши Крестовскаго. Калоши эти сильно хлябали и стучали по мосткамъ, которыми въ зимнее и весеннее время устилаются аллеи Лѣтнаго сада; государынѣ показалось, что за ней гонится злоумышленникъ. Предстательство кн. Суворова имѣло полный успѣхъ, и высочайшее повелѣніе о высылкѣ было отмѣнено съ тою же быстротою, съ какою послѣдовало.

Кн. А. А. Суворовъ, внукъ знаменитаго полководца, одна изъ милѣйшихъ личностей, какихъ мнѣ только приходилось встрѣчать въ жизни. Среди ближайшихъ сподвижниковъ Александра II онъ рѣзко выдавался своей обходительностью, доступностью и отзывчивостью. До назначенія С.-Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, онъ былъ генераль-губернаторомъ Прибалтійскаго края и тамъ приобрѣлъ репутацію мягкаго и популярнаго администратора ¹⁾. Въ Петербургъ онъ былъ призванъ на смѣну грубаго и суроваго Игнатьева, уволеннаго отъ должности за неумѣлое подавленіе студенческихъ беспорядковъ. Вступивъ въ должность С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора, кн. Суворовъ первымъ долгомъ исходатайствовалъ от-

¹⁾ Ср. отзывъ объ его дѣятельности въ званіи генераль-губернатора Прибалтійскаго края въ запискахъ объ Остзейскомъ комитетѣ сенатора Шульца, напечатанныхъ въ «Голосѣ Минувшаго» 1915 г. № 1. Ред.

пускъ въ свое распоряженіе значительной суммы денегъ для раздачи пособій нуждающимся студентамъ, не могущимъ, по случаю закрытія университета, сдать выпускные экзамены или переселиться въ другіе университетскіе города.

Но особенной популярностью въ петербургскомъ обществѣ кн. Суворовъ былъ обязанъ своей борьбѣ съ тогдашнимъ диктаторомъ Литвы—Муравьевымъ и гуманному отношенію ко всѣмъ должникамъ, преслѣдуемымъ жестокосердыми кредиторами.

Знаменитый М. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ, съ 1857 г. по конецъ 1861 г. былъ министромъ государственныхъ имуществъ. Въ качествѣ министра онъ, какъ извѣстно, упорно противился освобожденію крестьянъ и всѣми силами интриговалъ противъ гр. Ростовцева. Но не эта реакціонная дѣятельность вынудила его оставить министерство одновременно съ гр. Путятинымъ. Преемникомъ ему былъ назначенъ ближайшій его сподвижникъ, А. А. Зеленый, такъ что въ министерствѣ все осталось попрежнему. Непосредственной причиной увольненія Муравьева была пощечина, полученная имъ отъ вице-директора департамента общихъ дѣлъ, Лавровскаго, за грубое и дерзкое обращеніе во время доклада. Объ этой пощечинѣ говорилъ тогда весь Петербургъ, и всѣ симпатіи были на сторонѣ Лавровскаго. Дѣло, конечно, замяли. Лавровскій получилъ назначеніе по цензурному вѣдомству и умеръ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, Муравьеву же пришлось оставить министерство.

Дѣдъ въ 30-хъ гг. былъ близокъ съ Муравьевымъ. Оба они дѣйствовали въ ликвидаціи мятежа. Муравьевъ даже былъ инициаторомъ закрытія виленскаго университета. Но виленская ихъ дѣятельность не способствовала ихъ сближенію, несмотря даже на довольно близкое свойство: братъ М. Н. Муравьева былъ женатъ на родной сестрѣ моей бабки по матери, Вѣрѣ Алексѣевнѣ Муравьевой, урожденной Горяиновой. Когда Муравьевъ въ 1863 г. былъ снова назначенъ въ Вильну съ неограниченными полномочіями усмирить мятежъ во что бы то ни стало, въ Петербургѣ вообще, а у въ насъ въ домѣ въ частности только и было разговоровъ, что о немъ и о его дѣйствіяхъ. Отъ дѣда я узналъ, что Муравьевъ въ свое время принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ декабристовъ, былъ даже арестованъ, но избѣгъ кары. Несмотря на нескрываемое отвращеніе Николая I къ лицамъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ декабристовъ, М. Н. Муравьевъ дѣлалъ блестящую карьеру, чему способствовали, кромѣ исключительнаго дарованія, которымъ надѣлила его щедрая природа, еще безпредѣльное усердіе и чудовищная жестокость. Будучи назначенъ въ 1831 г. губернаторомъ въ Гродно, онъ при пріемѣ представлявшихся держалъ

рѣчь о томъ, что онъ «не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ». Особенную жестокость Муравьевъ проявилъ въ бытность курскимъ губернаторомъ. Не довольствуясь широкимъ примѣненіемъ розогъ при, такъ наз., «выкалачиваніи» недоимокъ, что никого удивить не могло, такъ какъ составляло обычное на Руси явленіе не только при Николаѣ I, но и при Александрѣ II, даже послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, Муравьевъ, чтобы заставить упорныхъ неплательщиковъ, готовыхъ скорѣй вынести безконечное число розогъ, нежели развязать кошну, а такихъ стойковъ среди крестьянскаго населенія всегда было немало, закручивалъ на головѣ веревку съ такой силой, что у злополучныхъ недоимщиковъ глаза выходили изъ орбитъ. Такое усердіе, надо полагать, открыло ему доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Изъ губернаторовъ его назначаютъ директоромъ департамента податей и сборовъ, сенаторомъ, директоромъ межевого корпуса, членомъ государственнаго совѣта, предсѣдателемъ департамента удѣловъ, министромъ, диктаторомъ всего Сѣв.-Зап. края.

Дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ слишкомъ извѣстна, чтобы о ней здѣсь распространяться. Въ петербургскомъ обществѣ его кровавая дѣятельность и безпощадная жестокость симпатій не вызывали. Негодующіе голоса раздавались все сильнѣе и сильнѣе во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ низовъ и кончая высшими придворными сферами, при чемъ громче всѣхъ звучалъ голосъ маститаго кн. Суворова, который при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ присутствіи государя, смѣло обличалъ всемогущаго диктатора. Муравьевъ въ долгу не оставался и неустанно писалъ государю, что агенты жонда, обезсиленные и уничтоженные въ Сѣверо-Западномъ краѣ, продолжаютъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ столицахъ и внутри имперіи и находятъ тамъ поддержку и покровительство въ высшихъ правительственныхъ кругахъ. Подчасъ препирательства Суворова съ Муравьевымъ принимали комическій характеръ. «За что арестованъ такой-то?», запросилъ какъ-то Суворовъ Муравьева по телеграфу и получилъ отвѣтъ: «Угадайте». Участвуя въ разгаръ могущества Муравьева въ царской охотѣ, Суворовъ, когда государь мѣткимъ выстрѣломъ убилъ наповалъ медвѣдя, воскликнулъ: «Славный выстрѣлъ! Не дурно бы такимъ выстрѣломъ и двуногаго Мишку свалить!», за что и получилъ рѣзкое замѣчаніе государя. Но у Суворова былъ союзникъ въ лицѣ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева. Соединенными усиліями имъ удалось свалить всесильнаго диктатора. Въ апрѣлѣ 1865 г. Муравьевъ явился къ государю съ жалобой на Валуева и нѣкоторыхъ дру-

гихъ министровъ. Въ результатъ ему пришлось подать въ отставку, такъ какъ государь былъ сильно разгнѣванъ тѣмъ, что большинство вызванныхъ Муравьевымъ въ Литву русскихъ чиновниковъ оказались, не исключая и нѣкоторыхъ губернаторовъ, самыми скверными отбросами русской бюрократіи. Какъ водится, отставка была дана подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, и пилуля позочена возведеніемъ въ графское достоинство. «Riga mieuх», говоритъ французъ, «qui riga le dernier». Не прошло и года со времени увольненія Муравьева, онъ снова очутился у власти, былъ назначенъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи по дѣлу о покушеніи 4 апрѣля и кн. Суворову въ свою очередь пришлось подать въ отставку.

Въ широкихъ кругахъ петербургскаго населенія кн. Суворова величали: «Врагъ кредиторовъ, генераль-губернаторъ Суворовъ», и это вполне вѣрная его характеристика. Всякое лицо, преслѣдуемое кредиторами, если обращалось къ князю за защитой, любезно выслушивалось и, если только дознаніе подтверждало злобность кредитора, князь пользовался всей полнотой дарованной генераль-губернатору власти, и кредитору приходилось ликвидировать свои отношенія къ должнику такъ, какъ ему приказывали. Не слѣдуетъ забывать, что князь дѣйствовалъ при прежнемъ порядкѣ судопроизводства и всѣ его дѣйствія не имѣли значенія превышенія власти, какъ это имѣло мѣсто въ царствованіе Александра III, когда разные Зеленые, Грессеры, Анастасіевы, Неклюдовы безнаказанно присваивали себѣ ту же власть, въ прямое нарушеніе законовъ и вошедшихъ въ законную силу судебныхъ рѣшеній. Объ этомъ подробно будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Кн. Суворовъ занималъ постъ С.-Петербургскаго генераль-губернатора четыре съ половиной года (1861—1866)¹⁾. Онъ вынужденъ былъ подать въ отставку вслѣдъ за выстрѣломъ Каракозова, при чемъ и самая должность военнаго генераль-губернатора, искони существовавшая въ Петербургѣ, была упразднена. Князя обвиняли въ непростительной слабости и снисходительности, въ которыхъ усматривали главную причину политической распушенности извѣстной части общества. Между прочимъ ему ставили въ упрекъ и то, что онъ положилъ подъ сукно письмо, предупреждавшее его о готовящемся покушеніи, называли даже автора этого письма, пресловутаго Юркевича-Литвинскаго, въ послѣдствіи редактора пресловутой газеты «Гласный Судъ»,—и что романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?», написанный имъ во время

¹⁾ Ср. о немъ статью И. Е. Андреевскаго въ «Рус. Стар.» 1882 г. №№ 3 и 4. *Ред.*

содержанія въ крѣпости и помѣченный 4-мъ апрѣля 1863 г., былъ дозволенъ къ печати, благодаря лишь настоянію князя.

Извѣстіе, что на жизнь Александра II было произведено покушеніе въ Лѣтнемъ саду, разнеслось по Петербургу съ быстротой молніи. Всѣ, имѣющіе пріѣздъ ко двору, немедленно устремились во дворецъ для принесенія поздравленій по случаю чудеснаго спасенія и соотвѣтствующаго обстоятельствамъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, а оттуда по домамъ и знакомымъ подѣлиться добытыми свѣдѣніями. О покушавшемся было только извѣстно, что онъ русскій, а не полякъ. Зато личность мастерового, который по свидѣтельству Тотлебена, а затѣмъ и по собственному признанію, ударилъ по рукѣ преступника, благодаря чему выстрѣлъ направился въ сторону и жизнь государя была спасена, была вполне выяснена. Мастеровой этотъ былъ забранъ Тотлебенѣмъ въ свой экипажъ и отвезенъ вслѣдъ за государемъ, сперва въ Казанскій соборъ, а затѣмъ въ Зимній дворецъ и тамъ представленъ государю. Государь нѣжно облобызалъ своего спасителя и тотчасъ же повѣсилъ ему на грудь Владимирскій крестъ четвертой степени, дававшій тогда права дворянства. Принимая на другой день дворянство, государь сказалъ: «Надѣюсь, что вы, господа дворяне, радушно примите въ свою среду вновь возведеннаго мною въ дворянское достоинство—дворянина, вчерашняго крестьянина, который спасъ мнѣ жизнь. Я думаю, что этимъ онъ вполне заслужилъ быть русскимъ дворяниномъ». Вновь пожалованный дворянинъ оказался крестьяниномъ Костромской губерніи Осипомъ Ивановымъ Комисаровымъ, шапошникомъ по ремеслу. Впослѣдствіи къ его фамиліи была прибавлена еще и фамилія—Костромской, въ память того, что и Сусанинъ былъ изъ костромскихъ крестьянъ.

Взрывъ вѣрноподданническихъ чувствъ, послѣдовавшій за покушеніемъ, не поддается никакому описанію. Цѣлый почти мѣсяцъ шли повсюду нескончаемыя манифестаціи, въ которыхъ принимала участіе и широкая публика. Стоило только появиться гдѣ бы то ни было Осипу Ивановичу Комисарову-Костромскому, какъ онъ дѣлался предметомъ самыхъ шумныхъ овацій. Чествовали его всюду и вездѣ и на всѣ лады, возили изъ театра въ театръ, съ выставки въ концертъ, съ концерта на балъ. Сперва съ нимъ всюду носился Тотлебенъ, но вскорѣ ему это надоѣло и на его мѣсто явились другіе охотники. Наконецъ, жизнь мало-по-малу стала входить въ свою колею и престижъ Осипа Ивановича упалъ до ноля. Его поспѣшили отправить въ Тверь юнкеромъ въ какой-то гусарскій полкъ, при чемъ наградили домомъ въ 100 т. р., купленнымъ для него на деньги, собранныя по подпискѣ. Военная

служба, какъ видно, оказалась Осипу Ивановичу не по душѣ; юнкеромъ онъ прослужилъ недолго, какъ дворянинъ онъ могъ быть произведенъ въ офицерскій чинъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ состоянія въ юнкерахъ, что и было ему предоставлено. Получивъ чинъ корнета, онъ поспѣшилъ выйти въ отставку и вскорѣ умеръ, всѣми забытый, какъ говорили, отъ перепоя. Еще въ то время, когда съ нимъ нянчились, злые языки говорили, что онъ только стоялъ въ моментъ выстрѣла около стрѣлявшаго и по рукѣ его не ударялъ, что въ спасители онъ былъ произведенъ Тотлебенемъ по соображеніямъ чисто личнымъ. Вопросъ этотъ такъ и остался невыясненнымъ. Когда онъ возникъ, останавливаться на немъ было нелепо, а въ послѣдствіи заниматься имъ было некому, такъ какъ память объ Осипѣ Ивановичѣ Комисаровѣ-Костромскомъ совершенно заглохла ¹⁾.

Личность стрѣлявшаго въ государя нѣкоторое время никакъ не удавалось выяснитъ. На другой день послѣ покушенія, при приѣмѣ сената, явившагося въ полномъ составѣ для принесенія поздравленій по случаю счастливаго избавленія отъ грозившей опасности, государь сказалъ, между прочимъ, что личность преступника еще не разъяснена, но очевидно, что онъ не тотъ, за кого онъ себя выдаетъ. И дѣйствительно, полиція первоначально пошла по ложному слѣду, полагая, что задержанный преступникъ или студентъ медицинской академіи, или лицо, близко стоящее къ студентамъ-медикамъ. Этому, главнымъ образомъ, способствовало то обстоятельство, что у задержаннаго

¹⁾ Разсказъ автора о генералѣ Э. И. Тотлебенѣ не совпадаетъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаетъ объ этомъ эпизодѣ его жизни его біографъ, Н. К. Шильдеръ: «Въ роковой день 4-го апрѣля Эдуардъ Ивановичъ отправился на прогулку въ Лѣтній садъ, немного времени спустя послѣ покушенія, совершеннаго Каракозовымъ. Тотлебенъ встрѣтилъ въ саду еще множество лицъ, которыя, рассуждая о случившемся событіи, указали ему на одного юношу, оттолкнувшаго будто бы руку, поднявшуюся противъ государя. Выслушавъ разнообразныя заявленія, высказанныя ему по этому случаю, Тотлебенъ поручилъ полиціи тотчасъ препроводить молодого человѣка съ нѣкоторыми свидѣтелями въ Третье отдѣленіе для ближайшаго разслѣдованія. Юноша оказался шляпочнымъ подмастерьемъ Осипомъ Ивановичемъ Комисаровымъ. Когда всѣ обстоятельства этого дѣла были доложены императору Александру, его величеству угодно было поручить генералъ-адъютанту Тотлебену ближайшій надзоръ и попечительство за Комисаровымъ, возведеннымъ государемъ въ дворянское достоинство, съ присвоеніемъ ему фамиліи Комисаровъ-Костромской. Это неожиданное порученіе причинило Эдуарду Ивановичу на многіе годы не мало хлопотъ, пока Комисаровъ не преобразился окончательно въ гусарскаго юнкера.—Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ историческая правда объ этомъ своеобразномъ случаѣ, который вызвалъ въ нашемъ обществѣ разнообразныя толки; нашлись даже люди, которые высказали мнѣніе, что Тотлебенъ придумалъ всю эту исторію, чтобы найти удобный случай привлечь къ себѣ новыя милости и вниманіе со стороны государя»... *Н. Шильдеръ. «Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность», т. II, Спб., 1886 г., стр. 639. Ред.*

были найдены ядъ и рецептъ, помѣченный 3-мъ апрѣлемъ и молодымъ врачомъ изъ клиники С. П. Боткина, Александромъ Александровичемъ *Кобылинымъ*, который тотчасъ же былъ схваченъ и ему было предъявлено обвиненіе въ соучастіи въ преступленіи, въ доставленіи покушавшемуся на цареубійство преступнику яда. На бѣду Кобылина оказалось, что ночь наканунѣ совершенія преступленія Каракозовъ провелъ у него въ квартирѣ. Въ дѣйствительности дѣло было такъ. Утромъ 3 апрѣля въ клинику Боткина явился Каракозовъ съ жалобой на грудную болѣзнь и попалъ на осмотръ къ Кобылину. Послѣдній, выслушавъ его, объявилъ, что его надлежитъ изслѣдовать болѣе подробно и для этой цѣли пригласилъ его зайти послѣ занятій къ себѣ на квартиру, чѣмъ Каракозовъ и воспользовался. Изслѣдовавъ Каракозова подробно на дому, Кобылинъ прописалъ ему отобранный при задержаніи рецептъ. Каракозовъ находился въ послѣдней степени чахотки и положеніе его было поистинѣ самое жалкое. Кобылинъ, обладая душой въ высшей степени доброй и отзывчивой, всячески старался его подбодрить, приласкать и, разговорившись съ нимъ, узналъ, что у него не только нѣтъ средствъ купить лекарство, но что онъ еще не обѣдалъ и не имѣлъ ночлега. Кобылинъ накормилъ и оставилъ у себя ночевать... Разсказу этому, оказавшемуся впослѣдствіи святою истиною, никто не хотѣлъ вѣрить, и Кобылинъ до самаго надъ нимъ суда третировался какъ важный государственный преступникъ, слѣдовательно, тщательно искали его сообщниковъ среди академической молодежи. Несмотря на то, что вскорѣ было вполне установлено, что никакихъ связей Кобылинъ съ обнаруженнымъ кружкомъ *Ишутина*, къ которому принадлежалъ Каракозовъ, не имѣлъ, онъ былъ преданъ верховному уголовному суду, въ качествѣ ближайшаго соучастника Каракозова, и обоимъ имъ грозила смертная казнь. Защитникомъ Кобылина былъ назначенъ присяжный повѣренный Серебрянный.

Я. А. Серебрянный попалъ въ присяжные повѣренные перваго состава, благодаря положенію о введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ. Согласно этому положенію въ присяжные повѣренные, сверхъ лицъ, удовлетворяющихъ по своему цензу требованіямъ закона, могли приниматься еще и лица, имѣющія аттестаты высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, если они кромѣ того занимались не мене пяти лѣтъ ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ въ судебныхъ установленіяхъ прежняго устройства. Серебрянный, несмотря на свое іудейское исповѣданіе, имѣлъ богатую и обширную прак-

тику въ прежнихъ судебныхъ установленіяхъ и былъ едва не единственнымъ адвокатомъ изъ числа принятыхъ къ открытію судебныхъ установленій уже съ готовой блестящей адвокатской репутаціей. Славился онъ, однако, только какъ цивилистъ, а въ дѣлахъ уголовныхъ былъ такой же новичокъ, какъ и остальные его коллеги. Тѣмъ не менѣе, свою обязанность защитника Кобылина онъ, благодаря добросовѣстному изученію дѣла, исполнилъ блестяще, и Кобылинъ, несмотря на сильное противъ него предубѣжденіе и поддержку обвинительнаго акта самимъ министромъ юстиціи, исполнявшимъ въ верховномъ уголовномъ судѣ обязанности прокурора, былъ оправданъ и немедленно освобожденъ, какъ то полагается, по закону изъ-подъ стражи.

Явившись на другой день послѣ суда къ клинику, Кобылинъ былъ немедленно потребованъ къ президенту Дубовицкому, который безъ всякихъ разговоровъ объявилъ несчастному молодому человѣку: «я съ людьми, привлекавшимися къ отвѣтственности по государственному преступленію служить не желаю. Потрудитесь немедленно подать въ отставку». Объ этомъ въ тотъ же день черезъ меня и брата узналъ дѣдъ и, возмущившись до глубины души пошлостью и глупостью Дубовицкаго, принялъ Кобылина подъ свое покровительство. Благодаря его энергичнымъ ходатайствамъ у Милютина, была найдена возможность не увольнять Кобылина въ отставку, а перевести временно въ Варшавскій военный госпиталь. Послѣ смерти Дубовицкаго, Кобылинъ не замедлилъ вернуться изъ Варшавы въ Петербургъ, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, если не ошибаюсь, въ чинѣ тайнаго совѣтника и одного изъ выдающихся врачей-спеціалистовъ по груднымъ болѣзнямъ.

Въ качествѣ эксперта по дѣлу Каракозова вызывался, между прочимъ, профессоръ фармаціи и фармацевтической химіи въ медицинской академіи Ю. К. Трапъ. Ему было предложено въ слѣдственной комиссіи проявить отобранное у Каракозова письмо, писанное, какъ предполагалось, симпатическими чернилами. Изъ комиссіи, куда Трапъ былъ вытребованъ, къ своему ужасу, ночью, черезъ жандарма, безъ объясненія причинъ, ради чего онъ вызывается, онъ прямо явился къ дѣду, котораго въ качествѣ председателя медицинскаго совѣта считалъ своимъ по судебно-медицинской и фармацевтической части прямымъ начальникомъ, съ подробнымъ докладомъ. Болѣе робкаго, всѣхъ боявшагося и передъ всѣми унижающагося человѣка, какъ Трапъ, мнѣ не приходилось встрѣчать въ жизни. Когда отъ него потребовали проявить данное ему письмо, между строками котораго предполагался текстъ, писанный симпатическими чернилами, Трапъ

спросилъ: «а будетъ ли ему какая-либо кара, если онъ попортитъ часть письма?» «Безъ всякаго сомнѣнія»—грубо отвѣтилъ ему Мезенцевъ. Трапъ потерялъ было голову, но вскорѣ нашелся и сталъ пробовать дѣйствіе реактивовъ съ помощью кончика иголки. И текстъ сталъ проявляться, послѣ чего уже нетрудно было проявить и все письмо. Съ этого времени на Трапа стали смотрѣть какъ на привилегированнаго эксперта по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, что, рассказывали мнѣ, самъ я въ это время отсутствовалъ изъ Россіи, привело Трапа въ отчаянное состояніе: отказываться онъ не смѣлъ, боясь начальства, но еще пуще боялся революціонеровъ, чтобъ они ему не отплатили. Рассказывали, что имъ даже были получены угрожающія письма.

Дѣло Каракозова было первое громкое дѣло, разсмотрѣнное въ порядкѣ, установленномъ новыми судебными уставами. Введеніе въ дѣйствіе послѣднихъ совпало съ выстрѣломъ Каракозова и съ началомъ послѣдовавшей за этимъ выстрѣломъ реакціи. Судебной реформѣ, свидѣтелемъ начала дѣйствій которой мнѣ пришлось быть, я посвящаю слѣдующую главу.

А. Пеликанъ.

Изъ переписки декабристовъ¹⁾.

Помѣщаемыя ниже письма И. Д. Якушкина и И. И. Пущина посвящены характеристикѣ Александры Григорьевны Муравьевой, жены Никиты Михайловича. Это была одна изъ тѣхъ женъ декабристовъ, которыя, по словамъ поэта-декабриста А. И. Одоевскаго, «узникамъ съ улыбкой утѣшенія любовь и миръ душевный принесли».

«Наша милая Александра Григорьевна,—вспоминаетъ А. Е. Розенъ въ своихъ запискахъ,—съ добрѣйшимъ сердцемъ, юная прекрасная лицомъ, гибкая станомъ, единственная бѣлокурая изъ всѣхъ смуглыхъ Чернышевыхъ, разрывала жизнь свою сжигающимъ чувствомъ любви къ присутствующему мужу и отсутствующимъ дѣтямъ». Она старалась при мужѣ быть спокойной, «даже радостной», а наединѣ страдала... «Здоровье А. Г. ослабѣвало съ каждымъ годомъ, жизненные силы угасали, но душевные превозмогали до назначеннаго часу, до Петровской тюрьмы, гдѣ нашла свою могилу»... Уже 22 ноября 1833 г. «ангела хранителя» не стало.

Характеристики А. Г., сдѣланныя И. Д. Якушкинымъ и И. И. Пущинымъ въ 1854 г. въ Ялutorовскѣ, предназначались для сестры А. Г.—Надежды Григорьевны Долгорукой (урожд. гр. Чернышевой). Младшая сестра была во многомъ похожа на жену Н. М. Муравьева: «хотя цвѣтъ лица, глазъ, волосъ былъ совершенно различный у обѣихъ сестеръ,—вспоминаетъ въ 1838 г. бар. Розенъ, встрѣтившій кн. Долгорукую въ Тифлисѣ,—но голосъ, станъ, движенія, манеры совершенно однѣ и тѣ же и та же прямота и искренность въ бесѣдѣ».. «Мнѣ отраднo было раздѣлить съ ней воспоминанія о «незабвенной А. Г. Муравьевой».

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 3.

Съ прилагаемыхъ писемъ въ 1871 г., по порученіи М. И. Муравьева-Апостола, были сняты копіи, которыя находились въ архивѣ покойнаго В. Ев. Якушкина и переданы намъ его вдовой Ольгой Николаевной и братомъ Евгеніемъ Евгеніевичемъ.

С. М.

II. Воспоминанія о А. Г. Муравьевой.

1. Письмо Ив. Д. Якушкина.

Вы желаете, чтобы я писменно сообщилъ вамъ хоть что нибудь о покойной Александрѣ Григорьевнѣ, и я очень чувствую, что много сказать вамъ объ ней никакъ не сѹмѣю.

Отличительная черта въ Александрѣ Григорьевнѣ была теплота сердца, разливавшаяся почти независимо отъ нея самой на всѣхъ ея окружающихъ.

Своихъ она любила страстно. Не бывши лично знакомъ ни съ одной изъ ея сестеръ, о каждой изъ нихъ я знаю много подробностей изъ ея разсказовъ. Она всякій разъ бывала счастлива, когда могла говорить о своихъ. Часто она тосковала о своихъ дѣтяхъ, оставшихся у Екатерины Ѳедоровны ¹⁾, и не потому только, что была съ ними розно, но и по другимъ причинамъ, можетъ быть сколько нибудь Вамъ извѣстнымъ. Въ этомъ отношеніи ея единственной отрадой была дочь, родившаяся въ Читѣ, Нонушка: она не знала въ ней души.—Нонушка эта при Святомъ Крещеніи получила имя Ссфіи, Отецъ первоначально называлъ ее Соня, потомъ Ноня, Нонъ, Нонуфосъ и окончательно Нонушкой, названіе, которое она сохранила и до сихъ поръ для многихъ знавшихъ ее въ Сибири.

Мужа своего Александра Григорьевна обожала. Одинъ разъ на мой вопросъ въ шутку, кого она болѣе любить: мужа или Бога? она мнѣ отвѣчала, не шутя: что самъ Богъ не взыщетъ за то, что она Никитушку любить болѣе.

Иногда, въ минуты не совсѣмъ свѣтлыя, она была увѣрена, и увѣряла другихъ, что кромѣ своихъ она никого не любить, и точно можно было подумать, что по временамъ она всѣми силами старалась сосредоточить всю свою любовь на своихъ только, и тѣсно замкнуть себя въ семейный эгоизмъ; но это никогда не могло ей удасться, по той причинѣ, что оно было совершенно противно ея природѣ.

При первомъ случаѣ, когда она кому бы то ни было могла быть на пользу, она забывала всѣхъ своихъ и себя. Екатерина Ѳедоровна много присылала ей и деньгами и вещами; большую

¹⁾ Мать Н. М. Муравьева.

часть того и другого расходовала она на тѣхъ, кому это было нужно. Довести до свѣденія Александры Григорьевны о какомъ нибудь нуждающемся, было всякій разъ оказать ей услугу и можно было остаться увѣреннымъ, что нуждающійся будетъ ею успокоенъ.

Она посылала все нужное въ казематы товарищамъ своего мужа; отъ нея приносили туда ежедневно нѣсколько блюдъ съ разными явствами; а между тѣмъ она забывала иногда подумать объ обѣдѣ для себя и для своего Никитушки. Не рѣдко приходили отъ нихъ за щами на нашу артельную кухню. Однажды при миѣ, ея дѣвушка вошла доложить, что изъ каземата приходили просить сало, но что она отказала потому, что его оставалось очень немного. Александра Григорьевна приказала все, что у нихъ было, отослать въ казематъ, нисколько не подумавъ, что это сало могло быть нужно въ случаѣ нездоровья для ея Никитушки, или для ея возлюбленной Нонушки, или для нея самой. Такихъ примѣровъ самозабвенія всѣхъ не перечислишь и я ограничусь еще однимъ разсказомъ, случившимся въ Читѣ, изъ чего вы можете увидѣть, до какой степени Александра Григорьевна была способна забывать себя.

Фонвизины, по случаю какой то передѣлки въ домѣ, гостили у Муравьевыхъ. Въ это время Фонъ-визина тяжело занемогла и меня вытребовали изъ каземата на помощь другимъ ухаживающимъ за больной. У ней были разныхъ видовъ нервическіе припадки, спазмы въ груди смѣнялись корчами, корчи продолжительнымъ бредомъ. Вольфъ врачъ, одинъ изъ нашихъ товарищей, и я провели шесть ночей сряду надъ больной, не смыкая глазъ.

Въ это тяжелое время Никита Михайловичъ спалъ въ другой комнатѣ на полу, возлѣ него Нонушка спала въ своей кроваткѣ, а Александра Григорьевна за ширмами на перепутьи лежала полуодѣтая и всякій разъ спрашивала о больной, когда отъ нея выходилъ кто нибудь изъ насъ. Въ одну изъ такихъ ночей, больная въ бреду представляла себѣ, что она должна родить, и на этотъ случай требовала помощи; Александра Григорьевна, узнавши объ этомъ, явилась къ ней въ званіи повивальной бабушки и успокоила ее. Потомъ больная вообразила, что у нея отняли родившагося ребенка, горько плакала и просила, чтобы его возвратили ей. Тутъ Александра Григорьевна шепнула миѣ на ухо «я принесу ей Нонушку», а я въ отвѣтъ имѣлъ только возможность шепнуть: «вы съ ума сошли», что ее образумѣло. Нонушка, которую она готова была принести сонную къ женщинѣ въ бреду, два дня тому назадъ была больна при смерти, и съ ней

едва отвозились. Въ этомъ случаѣ намѣреніе Александры Григорьевны принести Нонушку было можетъ быть безразсудно, но я долженъ Вамъ признаться, что я чувствовалъ себя счастливымъ въ присутствіи такого прекраснаго существа, какимъ была она въ эту минуту. Передъ ней все исчезло и, видя только страждущую, она имѣла единственную потребность облегчить ея страданія. Все это происходило такъ просто и не принужденно, что тутъ не было того, что называютъ обыкновенно самоотверженіемъ, и при чемъ всегда предполагается нѣкотораго рода борьба; тутъ было только полное самозабвеніе и можно утвердительно сказать, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, правая рука Александры Григорьевны давала такъ, что про это ничего не знала ея лѣвая.

Часто хвораая она мало обращала на себя вниманіе и только иногда соглашалась лечиться и на нѣкоторое время оставаться дома, но и тутъ лишь только доходить до нея слухъ, что кто-нибудь боленъ или огорченъ, она забывала предписаніе врача и собственную хворость, спѣшила къ страждущему. Итакъ она умѣла своимъ сочувствіемъ къ нему облегчить его положеніе! Въ такія минуты, она была воплощенная любовь, и каждый звукъ ея голоса былъ обворожителенъ. По приходѣ нашемъ въ Петропавловскій (?) заводъ, женатымъ не дозволялось болѣе выходить изъ каземата для свиданія съ своими женами, какъ это было въ Читѣ, но женамъ было позволено жить въ тюрьмѣ вмѣстѣ со своими мужьями или навѣщать ихъ. Александра Григорьевна не имѣла возможности, какъ многія другія, запереться съ своимъ мужемъ; у нея дома оставалась Нонушка, ребенокъ слабаго здоровья, и требующая ея особенныхъ попеченій. Въ трескучіе морозы и во всякую погоду, она перебѣгала по нѣскольку разъ въ день изъ каземата домой къ Нонушкѣ и изъ своего дома въ казематъ къ мужу. Никита Михайловичъ при такихъ обстоятельствахъ тяжело занемогъ и нашъ врачъ опасался за жизнь его. Тутъ Александра Григорьевна осталась нѣсколько дней и нѣсколько ночей, неотлучно при мужѣ, предоставивъ свою Нонушку попеченіямъ няни, на которую она никакъ не могла вполне положиться. Конечно это время было самое тяжкое изъ всей ея жизни. Съ каждымъ годомъ здоровье ея приходило все болѣе и болѣе въ упадокъ. Въ Сентябрѣ 1832 она пришла въ казематъ днемъ, когда было довольно тепло, въ очень легкой одеждѣ, но ночью, возвращаясь домой, она почувствовала, что ее обхватило холодомъ, и въ ту-же ночь она ужасно страдала отъ колотей въ груди, къ ней призвали врача, у нея уже образовалось воспаленіе подреберной плевры. Необходимо было тотъ-

часъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ; бывши беременна—она выкинула. Отъ кровопусканія и другихъ сильныхъ средствъ колотья прекратились, но въ слѣдъ за тѣмъ появилась въ груди вода. Съ этихъ поръ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ больная съ каждымъ днемъ видимо угасала. Никакія врачебныя средства не могли возобновить истощившихся въ ней силъ. За два дня до ея кончины, она пожелала меня видѣть; я просидѣлъ съ полчаса у ея кровати; она едва могла говорить, и изъ словъ ея можно было заключить, что она уже готовилась на всегда разстаться со всѣми близкими ея сердцу.

Въ послѣднюю ночь, она позвала къ себѣ княгиню Трубецкую и продиктовала ей нѣсколько строкъ къ сестрѣ своей Софѣ Григорьевнѣ, потомъ исповѣдывалась и пріобщилась Святыхъ Таинъ.

Послѣднія минуты она провела очень покойно; благодарила Вольфа за его попеченіе; простилась съ Александромъ Муравьевымъ, братомъ Никиты, и съ Вадковскимъ, назначивъ каждому изъ нихъ что нибудь на память. Она просила всѣхъ не горевать объ ней, бывши сама увѣрена, что тамъ, куды она отправлялась, ей будетъ прекрасно, сокрушалась она только о своемъ Никитушкѣ, который, какъ она говорила, безъ нея совершенно осиротѣетъ, и это ея предсказаніе вполнѣ сбылось. Послѣдній вздохъ она испустила въ объятіяхъ своего мужа.

Въ день ея похоронъ, хватились, что погребальная колесница, на которой полагали везти ея тѣло, не пройдетъ по мосту, находившемуся по дорогѣ въ церковь. Ссылно-каторжные, узнавши объ этомъ обстоятельстве, по собственному побужденію бросились на мостъ, и тотчасъ все привели въ порядокъ.

Если бы вамъ случилось пріѣхать ночью въ Петровскій заводъ, то на лѣво отъ дороги вы бы увидѣли огонекъ, это безпрестанно теплющаяся лампада, надъ дверьми каменной часовни, построенной Никитой Михайловичемъ, и въ которой покоится прахъ Александры Григорьевны.

Въ этой часовнѣ ежегодно въ извѣстные дни совершается служба, при чемъ народъ Петровскаго завода и окрестныхъ селеній собирается тутъ и молится.

Черезъ два мѣсяца послѣ кончины Александры Григорьевны изъ Петербурга получено разрѣшеніе женамъ ежедневно видѣться съ своими мужьями у себя дома!

2. Записка Ив. Ив. Пущина.

Иванъ Дмитріевичъ разсказалъ Вамъ тепло и вѣрно о незабвенной спутницѣ нашего изгнанія.

Не знаю удасться ли мнѣ что нибудь прибавить къ сказанному имъ на этомъ спѣшномъ листкѣ.

Во время оно, я встрѣчалъ Александру Григорьевну въ свѣтѣ, потомъ видѣлъ ее за Байкаломъ. Тутъ она явилась мнѣ существомъ, разрѣшающимъ великолѣпно новую трудную задачу. Въ дѣлахъ любви и дружбы она не знала не возможнаго: все было ей легко и видѣть ее была истинная отрада. Вслѣдъ за мужемъ она поѣхала въ Сибирь (въ 16-ть сутокъ прискакала изъ Москвы въ Иркутскъ). Душа крѣпкая любящая поддерживала ея слабыя силы. Въ ней было какое то поэтически, возвышенное настроеніе, хотя въ сношеніяхъ она была необыкновенна простодушна и естественна. Это составляло главную ея прелесть. Непринужденная веселость, съ доброй улыбкой на лицѣ не покидала ее въ самыя тяжелыя минуты первыхъ годовъ нашего исключительнаго существованія. Она всегда умѣла успокоить и утѣшить—придавала бодрость другимъ. Для мужа была неусыпнымъ ангеломъ-хранителемъ и даже нянькою.

Съ подругами изгнанія съ первой встрѣчи стала на самую короткую ногу и тотчасъ размѣнялись прозвищами. Нарышкину звали Lischen, Трубецкую—Катюшей, Фонвизину—Визинкой; а ее звали Мурашкой. Эти мелочи въ сущности ничего не значать, но опредѣляютъ близость, и нѣкоторымъ образомъ обрисовываютъ взаимныя непринужденныя сношенія между ними, гдѣ была полная довѣренность другъ къ другу.

Помню тотъ день, когда Александра Григорьевна черезъ рѣшетку отдала мнѣ стихи Пушкина¹⁾. Эти стихи она привезла съ собой. Теперь они напечатаны. Воспоминаніе поэта—товарища Лицея, точно озарило заточеніе, какъ онъ самъ говорилъ, и мнѣ отрадно было быть обязаннымъ Александрѣ Григорьевнѣ за эту утѣшительную минуту.

Недолго однако мы наслаждались присутствіемъ Александры Григорьевны между нами. Во цвѣтѣ лѣтъ, она насъ покинула. Много страдала, но все переносила безропотно. Не задолго до болѣзни будучи беременна, она ходила на ходуляхъ, можетъ быть и эта неосторожность ей повредила. Знаю только, что мы тогда очень боялись за нее.

По какимъ то семейнымъ преданіямъ она боялась пожаровъ, и считала это предвѣщаніемъ недобрымъ. Во время продолжительной ея болѣзни, у нихъ загорѣлась баня. Пожаръ былъ потушенъ, но впечатлѣніе осталось. Потомъ въ ея комнатѣ загорѣлся абажуръ на свѣчкѣ; тутъ она окружающимъ сказала: «видно скоро конецъ». За нѣсколько дней до кончины, она узнала что Н. Д. Фонвизина родила сына и съ сердечнымъ чувствомъ восклик-

¹⁾ «Во глубинѣ сибирскихъ рудъ храните гордое терпѣнье» и т. д.

нула: «я знаю домъ, гдѣ теперь радуются, но есть домъ, гдѣ скоро будутъ плакать». Такъ и сбылось. Въ одномъ только покойница ошиблась, плакать не одинъ домъ, а всѣ друзья, которые любили и уважали ее.

Не знаю, что сказалося, знаю только, что молвить слово объ Александрѣ Григорьевнѣ для меня истинное наслажденіе. Воспоминаніе объ ней свѣтло во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1849 году я былъ въ Петровскомъ, подъѣзжая къ заводу увидѣлъ лампадку, которая мнѣ свѣтила среди туманной ночи. Этотъ огонекъ всегда горитъ въ часовнѣ надъ ея могилой; я помолился на ея могилѣ.

Тутъ же узналъ отъ Горбачевского, поселившагося на старомъ нашемъ пепелищѣ, что гуляя однажды на кладбищенской горѣ онъ видитъ человѣка, молящагося на ея могилѣ. Подходить и знакомится съ генераломъ Черкасовымъ. Черкасовъ говоритъ ему, что счастливъ, что имѣлъ возможность преклонить колѣна передъ могилой, гдѣ покоится прахъ женщины, которой онъ давно въ душѣ поклоняется, слыша о ней столько добраго по всему Забайкалью.

Вотъ уже слишкомъ 20 лѣтъ, что свѣтится память нашей первомученицы!

Тамъ ей хорошо!

26-го Декабря 1854 года.

Гр. Е. Е. Ламбертъ.

Къ перепискѣ ея съ И. С. Тургеневымъ, напечатанной въ „Голосъ Минувшаго“
1914 г. № 10. Фотографія снята въ 1850—60 гг. Получено отъ Е. Я. Ляцкого.

Общественное движеніе 60-хъ годовъ подъ перомъ его казенныхъ изслѣдователей.

(Неизданный документъ).

Извѣстно, что, вслѣдъ за появленіемъ первыхъ «подпольныхъ» изданій въ Россіи (въ 1862 году), для изслѣдованія этого факта и обнаруженія всѣхъ его «корней и нитей» была учреждена, подъ предсѣдательствомъ кн. Голицына, «Особая Комиссія» съ весьма широкими полномочіями.

Извѣстно также, что въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, кромѣ комиссіи кн. Голицына, существовало еще нѣсколько комиссій: для изслѣдованія причинъ (предполагалось, политическихъ) пожаровъ въ Петербургѣ, пожаровъ въ Симбирскѣ и т. д.

Извѣстно, что въ 1866 году, послѣ выстрѣла Каракозова, была учреждена для изслѣдованія этого дѣла и условий, среди которыхъ оно зародилось, комиссія подъ предсѣдательствомъ гр. Муравьева-Вилenskaго.

Извѣстно, что существовали комиссіи для изслѣдованія политическихъ дѣлъ и послѣ 1866 года: такова была, напр., комиссія, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Ланскаго, для изслѣдованія дѣла явившагося въ 1867 г. изъ-за границы и добровольно отдавашагося въ руки властей эмигранта Кельсiева.

Все это такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ такъ: обычное представленіе о комиссіяхъ, какъ объ установленіяхъ, учреждавшихся *ad hoc*, «отъ случая къ случаю», не отвѣчаетъ дѣйствительности, и въ этомъ отношеніи нижепомѣщаемый, до сихъ поръ совершенно неизвѣстный, весьма интересный документъ вноситъ существенный коррективъ.

Если мы обратимся къ обширной біографіи императора Александра II, составленной С. С. Татищевымъ, то по занимающему насъ въ данную минуту вопросу мы найдемъ такія строки: разсказавши о появленіи «подпольныхъ листковъ» и о другихъ «признакахъ революціоннаго настроенія среди нѣкоторой. хотя и

весьма небольшой, части русского общества», С. С. Татищевъ пишетъ, что въ 1862 г. «такой оборотъ дѣла побудилъ правительство прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ и энергичнымъ мѣрамъ. По Высочайшему повелѣнію закрыты воскресныя школы, пріостановлено печатаніе органовъ, виновныхъ въ распространеніи разрушительныхъ ученій, и для разслѣдованія революціонныхъ сообществъ, такъ нагло заявлявшихъ о своемъ существованіи, образована особая слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря, кн. А. О. Голицына. Коммиссія эта произвела рядъ обысковъ, и многочисленные аресты. Лица, избличенныя въ преступныхъ дѣяніяхъ, преданы суду Сената, приговорившаго главнѣйшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ писателя Чернышевскаго, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу на продолжительный срокъ, а менѣе виновныхъ—на поселеніе въ Сибирь. Но большее число арестованныхъ лицъ постигла административная кара: они высланы въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности, гдѣ и водворены подъ полицейскій надзоръ». ¹⁾ И далѣе: «послѣ подавленія польскаго мятежа совершенно прекратились острые проявленія революціоннаго броженія въ Россіи». ²⁾ А вслѣдъ затѣмъ: «Выстрѣлъ Каракозова злобѣщимъ свѣтомъ озарилъ наше внутреннее положеніе. Предсѣдательствуемая гр. Муравьевымъ слѣдственная коммиссія, хотя и установила, что злодѣйская попытка царубійства не исходила изъ заговора, а зародилась въ головѣ одного безумца подъ вліяніемъ окружавшей его среды и исповѣданія ея разрушительныхъ ученій, но она же обнаружила въ высшей степени серьезное явленіе: повальное зараженіе цѣлаго поколѣнія русской учащейся молодежи язвою социализма» ³⁾ Такимъ образомъ и по Татищеву выходитъ, что, по крайней мѣрѣ, коммиссіи голицынская и муравьевская являлись установленіями совершенно различными, никакой формальной связи между собою не имѣвшими.

На книгу Татищева, какъ на источникъ свѣдѣній, хотя бы только и съ одной ихъ фактической стороны, вполне достовѣрныхъ, ссылаться нельзя ⁴⁾, но о муравьевской коммиссіи, какъ объ учрежденіи самостоятельномъ, имѣются и вполне официальные документы. Къ числу этихъ документовъ относится прежде всего указъ правительствующему сенату отъ 28 іюня 1866 года,

¹⁾ С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ Второй, его жизнь и царствованіе. Т. II. стр., 536—537.

²⁾ Ibid., стр. 538.

³⁾ Ibid., стр. 539.

⁴⁾ Мы будемъ имѣть случай въ другой статьѣ привести этому несомнѣннымъ доказательства.

который начинается словами: «усмотрѣвъ изъ всеподданнѣйшаго донесенія предсѣдателя *особо учрежденной Нами слѣдственной комиссіи члена государственнаго совѣта, генерала отъ-инфантеріи, графа Муравьева*, что произведеннымъ сею комиссіею изслѣдованіемъ обнаружены въ разныхъ мѣстахъ Имперіи преступные замыслы, направленные противъ Верховной Власти и установленнаго законами образа правленія, Мы повелѣли учредить для разсмотрѣнія слѣдственного по сему предмету дѣла и постановленія окончательнаго по оному приговора верховный уголовный судъ»¹⁾).

Казалось бы, слѣдовательно, что независимость муравьевской комиссіи отъ всѣхъ другихъ слѣдственныхъ комиссій, до и послѣ нея учреждавшихся, не можетъ подлежать сомнѣнію, а между тѣмъ, не говоря уже объ остальныхъ комиссіяхъ, но и относительно комиссіи муравьевской, какъ это читатель увидитъ изъ дословно приводимаго ниже безусловно точнаго документа, что даже и это не такъ: въ дѣйствительности, учрежденная въ 1862 г. комиссія, не взирая на послѣдовавшее затѣмъ введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г., *дѣйствовала непрерывно въ теченіе девяти лѣтъ* (съ 1862 по 1871 годъ). Муравьевская комиссія являлась лишь *однимъ изъ звеньевъ этой комиссіи*, которая, употребляя подлинное выраженіе автора представленнаго въ 1871 г. императору Александру II-му officialнаго отчета о ней, «была поставлена на степень самостоятельнаго государственнаго учрежденія», подчиненнаго одному лишь государю.

Само собою разумѣется, что на ряду съ этой комиссіей ни на минуту не прекращало своей дѣятельности и III Отдѣленіе, но даже и ему пришлось сохранять при комиссіи видимость роли, такъ сказать, второй скрипки. Мы потомъ увидимъ, чѣмъ окончились ихъ взаимоотношенія.

Помѣщая вышеупомянутый, «всеподданнѣйше представленный Его Императорскому Величеству 16-го мая 1871 года» отчетъ, мы воспроизводимъ его дословно (всѣ примѣчанія и неоговоренные курсивы въ немъ принадлежать также автору отчета) и лишь затѣмъ дадимъ къ нему небольшой комментарий и съ своей стороны.

Называется этотъ документъ «Краткій отчетъ по дѣламъ Высочайше утвержденной въ С.-Петербургѣ слѣдственной Комиссіи 1862—1871 года» и гласитъ онъ слѣдующее:

«Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ революціонная пропаганда

¹⁾ «Сѣверная Почта» (предшественница «Правительственнаго Вѣстника») 2 іюля 1866 г. № 142.

лондонскихъ агитаторовъ была въ полномъ разгарѣ и успѣла проникнуть почти во всѣ слои общества. Возмутительные листки «Колокола» и «Общаго Вѣща», проповѣдывавшіе ниспроверженіе государственнаго порядка и правительства, зажигательныя брошюры и прокламаціи, взывавшія къ мятежу и топорамъ, цѣлыми массами распространялись не только въ столицахъ, но и въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ Имперіи и всюду производили смуту и опасное броженіе умовъ. Первыя послѣдствія этой мятежной пропаганды отразились прежде всего на учащейся молодежи. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ стали возникать постоянные безпорядки, студенты волновались, не желали подчиняться установленнымъ правиламъ, требовали самоуправления и самосуда, устраивали сходки и кружки, съ враждебнымъ правительству направленіемъ—и вскорѣ изъ адептовъ пропаганды обратились въ ревностныхъ ея распространителей. Они занялись тайной перепечаткой заграничныхъ революціонныхъ брошюръ и прокламацій и изданіемъ новыхъ возмутительныхъ воззваній, разбрасывали ихъ по улицамъ и площадямъ, раздавали народу, пересылали по почтѣ въ другіе города.

19-го февраля 1861 года обнародованы Высочайшій манифестъ и «Положеніе» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.—Лондонскіе агитаторы рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ и задумали обратить мятежную пропаганду преимущественно на крестьянъ, дабы превратнымъ толкованіемъ «Положенія» возбудить народную революцію и этимъ путемъ ниспровергнуть существующій государственный порядокъ и правительство. Для сей цѣли Герценъ и Огаревъ вошли въ непосредственныя сношенія съ коноводами польскаго мятежа и предложили имъ сзять дѣло возстановленія Польши съ замышленнымъ ими государственнымъ переворотомъ въ Россіи.

Въ іюнѣ 1861 г. бѣжалъ изъ Сибири и поселился въ Лондонѣ государственный преступникъ Бакунинъ, ярый революціонеръ и демагогъ съ крайними демократическими и социальными воззрѣніями. Онъ не замедлилъ присоединиться къ Герцену и Огареву и войти въ тѣсныя связи и переговоры не только съ польскими вожаками, но и съ дѣятелями всесвѣтной революціи—Гарибальди и Мадзини.

Пропаганда внутри Имперіи развивалась съ необыкновенною силою и къ концу 1861 г. приняла угрожающій характеръ. Между многими, появившимися тогда, листками прокламацій особое вниманіе обращало на себя въ высшей степени возмутительное воззваніе «Къ молодому поколѣнію», напечатанное въ сентябрѣ того же года въ Петербургѣ, какъ обозначено въ самомъ

листокъ; но, судя по шрифту, разверсткѣ и формату, не подлежитъ сомнѣнію, что воззваніе это вышло изъ-подъ станка Трюбнера.¹⁾

Другой листокъ «Молодая Россія», явившійся гораздо позже, именно въ апрѣлѣ 1862 года, находилъ, что вышедшія съ того времени прокламаціи заключали въ себѣ только *пустое либеральничанье*, съ презрѣніемъ отзывался о журналахъ Петра Долго-рукова²⁾ и Блюммера³⁾ и даже Герцена признавалъ *реакціонеромъ*. «Молодая Россія» требовала полной *соціальной и демократической республики на началахъ областной федераціи* и для достиженія такого переворота въ Россіи не гнушалась самымъ ожесточеннымъ кровавымъ терроромъ, который затмилъ бы революцію 1789 г.

Этотъ ярый листокъ изданъ «Центральнымъ Революціоннымъ Комитетомъ», который засѣдалъ въ Варшавѣ и съ которымъ депутаты «Молодой Россіи» *заключили конвенцію*. Другая прокламація «Свобода», слившаяся съ редакціей «Великорусса»,⁴⁾ выходила со штемпелемъ: «Русскій Центральный Народный Комитетъ «Земля и Воля». Съ послѣднимъ девизомъ появилось и воззваніе «Комитета Русскихъ офицеровъ въ Польшѣ», также вошедшаго въ соглашеніе съ Варшавскимъ Комитетомъ.

Такимъ образомъ, пропаганда отъ словъ перешла къ дѣлу, злоумышленники сплотились въ тайныя общества и стали опасною силою. Преступные происки лондонскихъ агитаторовъ не остались безъ послѣдствій и дѣло польскаго мятежа стало солидарнымъ съ революціонными замыслами въ Россіи.

Центральный Комитетъ энергически принялся за организацію повстанья: формировалъ банды, заготовлялъ оружіе, собиралъ деньги, назначалъ правителей и жандармовъ-вѣшателей, выпускалъ фанатическія воззванія.—Польшу, Волынь, Литву и Подолье обхватило глухое мятежное движеніе, вспышки котораго стали проявляться наружу, особливо въ Варшавѣ, въ формѣ религиозныхъ процессій, пѣнія революціонныхъ гимновъ, ношенія траура и чемарокъ, беспорядковъ и демонстрацій на улицахъ и площадяхъ, которые пришлось унимать штыками. Наконецъ, въ февралѣ 1862 г. полякъ Ярошинскій совершилъ злодѣйское покушеніе на жизнь Его Императорскаго Высочества Намѣстника Царства.—Злодѣй былъ казненъ, а фотографическія его карточки

¹⁾ Обстоятельство это подтвердилось и слѣдствіемъ. Составитель воззванія государственный преступникъ Михайловъ сосланъ въ каторжную работу.

²⁾ «Будущность» и «Правдолюбивый».

³⁾ «Свободное Слово».

⁴⁾ «Великоруссъ» появился въ іюлѣ 1861 г. Его вышло 4 номера, изъ коихъ послѣдній, по заявленію «Свободы», былъ подложнымъ.

распространялись по всему краю, вмѣстѣ съ «Ruch'омъ», «Kozi-pier'омъ» и другими возмутительными изданіями, и еще болѣе фанатизировали населеніе. Положеніе края было самое напряженное и революція готова была, повидимому, вспыхнуть; но коноводы повстанья возлагали особыя надежды на предстоявшее къ 19-му февраля 1863 г. прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ и потому, въ ожиданіи поголовнаго бунта послѣднихъ, медлили полнымъ развитіемъ мятежа.

Дѣйствительно, въ 1861 г., по поводу обнаруженія «Положенія», въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи возникли крестьянскія волненія и даже довольно значительныя (напр., въ сел. Бездны); но они не заключали въ себѣ ничего революціоннаго, а были слѣдствіемъ невѣжества и недоразумѣній, а частью злоумышленныхъ происковъ. Съ другой стороны, дворянство нѣкоторыхъ губерній, увлеченное идеями тогдашней пропаганды, проявило оппозицію распоряженіямъ Правительства и во всеподданнѣйшихъ адресахъ выражало противозаконныя требованія. Извѣстный адресъ Тверскихъ дворянъ отъ 5-го февраля 1862 года настаивалъ, между прочимъ, на необходимости сліянія всѣхъ сословій и уравниванія ихъ въ правахъ и на созваніе «Земскаго Собора». Но всего опаснѣе и преступнѣе была подземная работа агитаторовъ, стремившихся поселить въ народѣ вражду противъ правительства и существующаго порядка посредствомъ воззваній, подложныхъ манифестовъ, устройства комитетовъ грамотности, открытія народныхъ читаленъ, бесплатныхъ и воскресныхъ школъ, гдѣ, подъ видомъ распространенія грамотности и полезныхъ знаній, внушались простолюдинамъ вредныя ученія, неуваженіе къ религіи, семейному союзу, закону и властямъ. Тѣ же преступныя тенденціи систематически проводились и въ нѣкоторыхъ журналахъ, преимущественно въ «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ».

Весна 1862 года ознаменовалась страшными пожарами въ Петербургѣ, приведшими въ ужасъ все населеніе столицы. Народная молва приписывала это бѣдствіе злоумышленнымъ поджогамъ и связывала его съ дѣломъ пропаганды и происками поляковъ. Подозрѣніе это имѣло нѣкоторое основаніе, такъ какъ во время пожаровъ производилось усиленное разбрасываніе по улицамъ и площадямъ возмутительныхъ прокламацій и брошюръ. Наконецъ, дерзость агитаторовъ простерлась до того, что 8 апрѣля, въ день Пасхи, печатные листки воззванія «Къ офицерамъ» были разбросаны въ Зимнемъ Дворцѣ во время заутрени...

Правительству предстояло въ одно и то же время подавить явный мятежъ въ Царствѣ Польскомъ и вести борьбу противъ

темной, подзаемной силы, возбудившей всеобщую смуту въ государствѣ. Расправа съ польскимъ мятежемъ была предоставлена войску и дипломатіи; раскрытіе же и преслѣдованіе тайныхъ дѣятелей пропаганды возможно было только путемъ наблюденій и тщательныхъ розысковъ, и задача эта представляла немало затрудненій, если принять во вниманіе, что *связь событій еще не была въ то время достаточно выяснена.*

Для выполненія этой задачи, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, 18 мая 1862 г. учреждена въ С.-Петербургѣ особая Слѣдственная Комиссія, на которую возложено было раскрытіе всѣхъ обстоятельствъ, относившихся до распространенія преступныхъ воззваній, направленныхъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ управленія, и до обнаруженнаго покушенія злоумышленниковъ возбудить воинскіе чины противъ правительства.

Независимо отъ этого, были открыты еще двѣ временныя Комиссіи: одна—для обнаруженія причинъ бывшихъ въ Петербургѣ пожаровъ, другая—для изслѣдованія проникшаго въ воскресныя школы вреднаго направленія. Но такъ какъ оба эти предмета могли имѣть связь съ распространеніемъ воззваній, то председатели этихъ Комиссій обязаны были обнаруженные по нимъ свѣдѣнія сообщать вышеупомянутой Комиссіи и вошли въ составъ ея, въ качествѣ членовъ. Впослѣдствіи производство о воскресныхъ школахъ разсматривалось въ совокупности съ разслѣдованіемъ о воззваніяхъ.

13-го сентября того же 1862 года Ваше Величество, выслушавъ въ засѣданіи Совѣта Министровъ всеподданнѣйшій отчетъ о занятіяхъ Комиссіи (по распространенію воззваній) за предшедшіе 4 мѣсяца Высочайше повелѣть соизволили, чтобы Комиссія:

1) не ограничивалась производствомъ дѣла о виновныхъ въ распространеніи преступныхъ воззваній, но изслѣдовала всѣ вообще пути направленной противъ правительства какъ заграничной, такъ и внутренней пропаганды, а равно всѣ предпринимаемыя злоумышленниками средства къ поколебанію въ народѣ довѣрія и уваженія къ правительству,

и 2) принимала самыя строгія и рѣшительныя мѣры для предупрежденія и пресѣченія вредныхъ и опасныхъ намѣреній и дѣйствій злоумышленниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Вашему Величеству благоугодно было выразить Августѣйшую Свою волю, чтобы всѣ вообще Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями содѣйствовали Комиссіи въ успѣшномъ выполненіи возложенныхъ на нее обязанностей и исполняли всѣ ея требованія.

Высочайшія указанія сіи, ясно опредѣлившія кругъ дѣятельности Комиссіи, ея характеръ и самое значеніе, тогда же были приняты ею къ точному и неуклонному руководству. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени почти *всѣ, болѣе или менѣе важныя дѣла политическаго свойства, не исключая и дѣла о злодѣйскомъ покушеніи 4-го апрѣля 1866 года, производились въ Комиссіи* (курсивъ нашъ В. Б.). Кромѣ того на ея разсмотрѣніе и обсужденіе нерѣдко поступали слѣдственные производства Комиссій, учрежденныхъ по отдѣльнымъ случаямъ, какъ, напр., о побѣгѣ за границу государственнаго преступника Бакунина, о стремленіи злоумышленниковъ отдѣлить Сибирь отъ Имперіи, о пожарахъ въ Симбирскѣ и т. п.

Комиссія съ самаго начала ея открытія, поставлена на степень самостоятельнаго государственнаго учрежденія. Находясь въ непосредственномъ и исключительномъ подчиненіи Вашего Величества, она единственно Вамъ, Государь, представляла отчеты о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и занятіяхъ. При производствѣ же дѣлъ она, сверхъ общихъ узаконеній Имперіи руководствовалась еще особыми Высочайшими указаніями, сообразно съ которыми или прекращала дѣла въ административномъ порядкѣ, или же обращала ихъ къ судебному разсмотрѣнію на законномъ основаніи. Независимо отъ сего, въ силу Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 11-й день сентября 1863 г., Комиссія пользовалась правомъ повергать на усмотрѣніе Вашего Величества особыя представленія о лицахъ, которыя выказывали полное раскаяніе и готовность способствовать открытію преступленій.

Въ теченіе девятилѣтнихъ занятій (курсивъ нашъ В. Б.) Комиссія имѣла въ своемъ производствѣ весьма значительное число дѣлъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ, относящимся до государственныхъ преступленій и злоумышленій. Дѣла наиболѣе обширныя и по существу своему особенно важныя, вслѣдъ за окончаніемъ ихъ, передавались, по Высочайшимъ повелѣніямъ, въ судебныя установленія для законнаго взысканія съ виновныхъ; иныя же сданы въ 3-е Отдѣленіе Собственной Вашего Величества Канцеляріи, для храненія. Между тѣмъ въ архивѣ Комиссіи находится еще до 400 дѣлъ, заключающихъ въ себѣ переписку и производство о разныхъ лицахъ, въ томъ числѣ о такихъ, которыя, не бывъ преданы суду, подвергнуты административнымъ взысканіямъ или оставлены отъ дѣла свободными или же удостоились всемилостивѣйшаго прощенія по всеподданнѣйшимъ представленіямъ Комиссіи. Вообще, всѣхъ лицъ, какъ допрошенныхъ по дѣламъ Комиссіи, такъ и при-

влеченныхъ къ ея производству, или о коихъ собирались свѣдѣнія, числится по алфавитамъ свыше 3 тысячъ.

Разслѣдованіе о мятежныхъ воззваніяхъ, которымъ Коммиссія открыла свои дѣйствія 25 мая 1862 г., представляетъ весьма обширное и сложное производство, въ составъ котораго вошло нѣсколько дѣлъ. Къ нимъ привлечено до полутора ста лицъ разныхъ званій и сословій и уже къ сентябрю того же года обнаружены не только злоумышленные составители и распространители прокламацій, но и самый источникъ и главные нити революціонной пропаганды. Оказалось, что Герценъ, Бакунинъ и Огаревъ, замысливъ совершить государственный переворотъ въ Россіи, образовали тайное общество «Земля и Воля» и, чрезъ особо избранныхъ агентовъ въ Петербургъ, Москвѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ, стремились привести въ исполненіе свои мятежныя намѣренія. Въ числѣ агентовъ, между прочимъ, были: литераторъ Чернышевскій, книгопродавецъ Серно-Соловьевичъ, чиновники: Мосоловъ, Ничипоренко, Ветошниковъ, студенты—Утинъ и Налбандовъ. Единомышленники агитаторовъ образовали кружки, сближались съ народомъ и войскомъ, возбуждали въ нихъ вражду противъ существующаго порядка и Правительства, распространяли возмутительныя воззванія и вообще всюду сѣяли смуту и подготавливали возстаніе.

Къ этимъ кружкамъ были причастны служащіе и отставные чиновники, лица высшаго и купеческаго званія, учителя, женщины и преимущественно воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній. Нѣкоторые кружки носили особое наименованіе («Молодая Россія», «Великорусь»), заводили типографскіе станки и имѣли собственные органы, выходившіе въ послѣдствіи со штемпелемъ общества «Земля и Воля». Общество это слилось съ «Русскимъ Центральнымъ Народнымъ Комитетомъ», учрежденнымъ въ началѣ 1862 года въ Парижѣ нѣсколькими, измѣнившими долгу и присягѣ, военными. Во главѣ этого Комитета стоялъ офицеръ Потебня.

Прокламаціи и листки распространялись различными путями: или доставлялись изъ-за границы чрезъ агентовъ, контрабандистовъ, книгопродавцевъ и кондукторовъ желѣзныхъ дорогъ, или же составлялись внутри Имперіи и тутъ же печатались или воспроизводились посредствомъ литографій и даже фотографій. Между болѣе виновными, по слѣдствію о прокламаціяхъ вообще, оказались: офицеры Григорьевъ и Аверкіевъ, юнкеръ 24-го флотскаго экипажа Трувеллеръ, литераторы Чернышевскій и Писа-

ревъ, землемѣръ Андрющенко, чиновникъ Васильевъ, студенты Ольшевскій, Баллодъ, Яковлевъ, Рымаренко, Сулинъ, Утинъ, жена чиновника Александровская, домашняя учительница Павлова, дѣвица Блюммеръ. Одни изъ нихъ, какъ напр. Чернышевскій, Писаревъ, обвинялись въ составленіи воззваній, другіе же—въ воспроизведеніи ихъ въ печати или распространеніи въ народѣ.

Чтобы судить о количествѣ доставлявшихся изъ-за границы революціонныхъ листковъ, достаточно замѣтить, что на имя одного лишь Трувеллера *во время производства слѣдствія* были присланы изъ Лондона разомъ 1000 экземпляровъ воззванія «Къ войску» и 60—«Къ народу».

Трувеллеръ, студентъ Яковлевъ и офицеры Аверкіевъ и Григорьевъ изобличены въ томъ, что передавали нижнимъ чинамъ воззванія, внушали имъ дерзкія и мятежныя мысли о правительствѣ и Царствующемъ Домѣ и подстрекали ихъ къ неповиновенію.

Зловредная пропаганда проникла даже въ воскресныя школы, открытыя при нѣкоторыхъ церковныхъ приходахъ и гимназіяхъ для фабричныхъ, ремесленниковъ и дѣтей изъ простонародья: преподаватели раздавали имъ прокламаціи съ надлежащими комментаріями и наставленіями. Въ этой преступной дѣятельности, между прочимъ, изобличены поручикъ Ушаковъ и студенты Хохряковъ, Беневоленскій, Крапивинъ и Варгасовъ.

Правительство, въ виду охраненія народа отъ опасной пропаганды злоумышленниковъ, распорядилось повсемѣстнымъ закрытіемъ воскресныхъ школъ и народныхъ читаленъ.

Лондонскіе агитаторы возлагали особыя надежды на раскольниковъ, и потому всѣми мѣрами старались возмутить ихъ противъ правительства: сближались съ ихъ представителями, издавали въ пользу раскола особыя сочиненія и листокъ «Общее Вѣче», наконецъ—командировали въ Россію своего соумышленника Кельсіева, который долженъ былъ завести съ раскольниками непосредственныя связи. Въ мартѣ 1862 г. Кельсіевъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и Москву съ паспортомъ на имя турецко-подданнаго Василия Яни, вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми лицами, болѣе знакомыми съ раскольничьимъ дѣломъ (литераторомъ Максимовымъ, книгопродавцемъ Кожанчиковымъ, купцомъ изъ раскольниковъ Шебаевымъ), затѣмъ отправился въ Турцію, старался поднять тамъ Некрасовцевъ и высылалъ на Кавказъ разныя прокламаціи. Но мятежныя происки агитаторовъ, принятыми своевременно правительствомъ мѣрами и энергическимъ преслѣдованіемъ со стороны Комиссіи, не имѣли успѣха, не встрѣтивъ притомъ никакого сочувствія въ средѣ раскольниковъ.

Вслѣдъ за Кельсіевымъ, въ маѣ 1862 года, выѣхалъ изъ Лондона другой эмиссаръ, упомянутый выше, Ничипоренко. Онъ былъ отправленъ въ Италію, Австрію, Венгрію, и Сербію съ письмами Бакунина къ Гарибальди и другимъ дѣятелямъ революціи; но въ Пескиерѣ былъ обысканъ австрійскими властями и письма не дошли по назначенію. Между тѣмъ изъ нихъ оказывалось, что лондонскіе пропагандисты приглашали Гарибальди соединиться съ ними и общими силами произвести возстаніе славянскихъ племенъ, а затѣмъ, на развалинахъ низверженныхъ государствъ, возсоздать всеславянскую федерацію, при чемъ Малороссія и Польша, съ бывшими ея провинціями, должны были отдѣлиться отъ Россіи, на долю которой оставались бы однѣ Великорусскія области. Но и эти революціонные замыслы остались также безъ послѣдствій.

Что касается Ничипоренко, то послѣ обыска въ Пескиерѣ, онъ отправился въ Малороссію съ цѣлью дѣйствовать въ духѣ отдѣленія ея отъ Россіи, но, по имѣвшимся объ немъ въ Комиссіи свѣдѣніямъ, былъ немедленно арестованъ и привезенъ въ Петербургскую крѣпость. Укратиофильство было тогда въ полномъ развитіи, имѣло свой журналъ «Основу», нѣкто Гатцукъ издалъ народную *абетку* (азбуку), открылись школы, гдѣ преподаваніе шло исключительно на малорусскомъ нарѣчій, стали носить національные костюмы, сближаться съ народомъ, составлять громады или кружки, пѣть возмутительныя малороссійскія пѣсни, устраивать процессіи для поклоненія могилѣ поэта Шевченко, наконецъ, появились мятежныя воззванія мѣстнаго происхожденія. «Основа» прекращена изданіемъ, школы закрыты, а замѣченные въ развитіи сепаратизма (студентъ Чубинскій, чиновникъ Конисскій, учителя Стронинъ и Шевичъ) привлечены къ отвѣтственности.

Гораздо позже, въ Сибири обнаружено тайное общество подъ именемъ «Сибирскаго Кружка», имѣвшее цѣлью отдѣлить Сибирь отъ Россіи и образовать изъ нея самостоятельную республику. Члены кружка всячески и даже открыто распространяли эту идею, помѣщали въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и читали публично статьи съ сепаративнымъ направленіемъ, завели собственную литографію и распространяли въ высшей степени возмутительную прокламацію: «Къ Сибирскимъ патріотамъ», въ которой порицались всѣ дѣйствія и распоряженія Правительства, народъ призывался къ возстанію и соединенію отъ Урала до Восточнаго Океана, «чтобы идти и искать свободы», и объявлялось объ основаніи и организаціи общества «Независимость Сибири».

Лица, причастныя къ этому преступному кружку—отставной

сотникъ Потанинъ, чиновникъ Щукинъ, студентъ Шашковъ, мѣщанинъ Ядринцевъ и др., подверглись наказаніямъ по суду.

Еще задолго до открытаго повстанія, поляки, проживавшіе въ столицахъ и другихъ мѣстностяхъ Имперіи, стали особенно сближаться между собой и образовали интимные кружки, цѣль которыхъ заключалась въ сборѣ денегъ для предстоявшаго мятежа, въ добываніи оружія, въ привлеченіи молодежи для отправления въ банды.

Въ Петербургѣ подобные кружки образовались еще въ 1859 г., по прибытіи сюда извѣстнаго Сѣраковскаго. Въ нихъ принималъ дѣятельное участіе и офицеръ Генденрейхъ, который участвовалъ потомъ въ мятежѣ подъ псевдонимомъ «Крука». Сборы поляковъ происходили здѣсь въ квартирахъ офицеровъ—Домбровскаго, Варавскаго, Станевича и Шалевича. Сборы эти носили названіе «литературныхъ вечеровъ» и происходили по субботамъ; на нихъ собиралось человѣкъ до 30-ти офицеровъ и студентовъ, при чемъ обсуживались вопросы объ организаціи и мятежѣ. Независимо отъ этого, здѣсь существовалъ еще польскій Комитетъ изъ трехъ членовъ: чиновника Опоцкаго, офицеровъ Юндзилла и Коссаковскаго, находившихся въ непосредственной зависимости отъ «Народнаго Жонда». Распоряженія «Жонда» передавались черезъ Юндзилла и Опоцкаго.

Въ февралѣ 1863 г. было получено приказаніе, чтобы Огрызко заступилъ мѣсто Опоцкаго и чтобы къ марту всѣ приготовились къ отъѣзду; Юндзиллъ немедленно распорядился отправленіемъ въ банды нѣсколькихъ завербованныхъ офицеровъ и юнкеровъ, при чемъ снабдилъ ихъ деньгами, револьверами и подложными подорожными и паспортами.

Въ Москвѣ студенты изъ уроженцевъ западнаго края учредили тайное общество, состоявшее изъ 400 членовъ, въ томъ числѣ офицеровъ. Оно подраздѣлялось на гмины, имѣло собственный банкъ и библіотеку и подчинялось «Жонду». Члены общества обязаны были отправиться въ банды по первому требованію.

Въ мартѣ 1863 года прибылъ изъ Москвы въ Казань и остановился въ квартирѣ Иваницкаго двоюродный его братъ, поручикъ Чернякъ. Онъ сошелся съ тамошними студентами, между прочимъ съ Жемановымъ, Щербаковымъ и Орловымъ, и объявилъ имъ, что онъ агентъ общества «Земля и Воля», которымъ присланъ для возбужденія бунта въ Казани. При этомъ Чернякъ представилъ удостовѣреніе, подписанное будто бы Бакунинымъ и за его подписью; въ бумагѣ этой было сказано, что «предъяви-

телю ея можно довѣрять». Чернякъ просилъ содѣйствія студентовъ въ исполненіи даннаго ему порученія и вмѣстѣ съ Иваницкимъ и поручикомъ Мрочекомъ, предлагалъ взять Казань, овладѣть казармами, оружіемъ, пороховымъ погребомъ и казначействомъ и выпустить арестантовъ.

Переговоры объ этихъ замыслахъ не привели, однако, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и Чернякъ уѣхалъ въ Москву съ обѣщаніемъ возвратиться черезъ мѣсяцъ; но вмѣсто него 14-го апрѣля прибылъ студентъ Сильвандъ съ письмами, прокламаціями, револьверами и деньгами, присланными Чернякомъ. Сильвандъ и Мрочекъ возобновили предложеніе Черняка относительно возмущенія Казани, и всячески старались вовлечь студентовъ въ свои мятежные планы; но студенты не рѣшились довѣриться неизвѣстнымъ имъ личностямъ. Мрочекъ и Сильвандъ уѣхали въ Москву.

Въ томъ же апрѣлѣ въ губерніяхъ Пермской и Вятской появились въ значительномъ числѣ прокламаціи и подложные манифесты, а въ Тамбовской, Симбирской и Самарской губерніяхъ схвачены студенты и другія лица изъ поляковъ: Олехновичъ, Новицкій, двое Маевскихъ, Госцевичъ. При нихъ найдены фальшивые паспорта, револьверы со снарядами, карты Приволжскихъ губерній, 267 подложныхъ манифестовъ и революціонныя пѣсни.

Слѣдствіемъ обнаружено, что злоумышленники разбѣжжали по селамъ и деревнямъ и раздавали крестьянамъ листки манифеста или разбрасывали ихъ въ болѣе людныхъ мѣстахъ, близъ кабаковъ и по дорогамъ. Всего роздано до 500 листовъ, изъ коихъ 157 отобрано мѣстными властями, а прочіе остались въ рукахъ народа.

Что касается прокламацій, то виновными въ ихъ распространеніи оказались преимущественно студенты Липхартъ и братья Орловы, семинаристъ Дерновъ и отставной чиновникъ Элпидинъ.

Попытка внести революціонную смуту въ Поволжскій край и произвести въ немъ возстаніе, какъ видно изъ сказаннаго, принадлежитъ исключительно польскимъ мятежникамъ, которые стремились создать этимъ путемъ новыя затрудненія для Правительства и отвлечь его вниманіе отъ Польши, гдѣ повстаніе было уже въ полномъ разгарѣ.

Изъ поименованныхъ выше злоумышленниковъ нѣкоторые подверглись наказаніямъ по суду, другіе же успѣли бѣжать за границу и уже тамъ продолжаютъ свою преступную дѣятельность. Въ числѣ послѣднихъ находятся: Домбровскій, Юндзиллъ, Элпидинъ, Жемановъ, Щербаковъ.

Окончательное подавленіе мятежа въ Царствѣ Польскомъ

нанесло сокрушительный ударъ и той злонамѣренной партіи, которая, съ Герценомъ во главѣ, замыслила поднять знамя бунта и измѣны внутри Имперіи и связала свою судьбу съ революціонными происками поляковъ. Авторитетъ издателей «Колокола» палъ безвозвратно и лондонская пропаганда сразу утратила свое прежнее обаяніе. Но нельзя не признать, что въ опасную эпоху наибольшаго ея развитія Комиссія оказала несомнѣнную услугу тѣмъ, что принятыми ею энергическими мѣрами обнаружены всѣ тайные замыслы преступнаго заговора; вмѣстѣ съ тѣмъ она открыла и передала въ руки правосудія многихъ распространителей пропаганды и прокламацій и тѣмъ самымъ въ значительной степени способствовала ея прекращенію.

Но зло пустило слишкомъ глубокіе корни, особливо въ наиболѣе воспримчивой части общества—въ юномъ учащемся поколѣніи. Привыкнувъ въ теченіе долгихъ лѣтъ къ постоянной революціонной пропагандѣ и освоившись съ ея пріемами и стремленіями, оно продолжало агитировать и нерѣдко составляло разные кружки съ цѣлями болѣе или менѣе противозаконными, а иногда и безнравственными.

Обстоятельство это осложнилось возникшимъ одновременно съ пропагандой особымъ направленіемъ, извѣстнымъ подъ характеристическимъ прозваніемъ *нигилизма*.

Начало этого вреднаго направленія слѣдуетъ отнести еще къ концу пятидесятихъ годовъ, когда появились заграничные переводы на русскій языкъ сочиненій Бюхнера «Матерія и сила» и Фейербаха «Сущность христіанства», распространявшихъ идеи матеріализма и безбожія. Кромѣ того юношество съ жадностью бросилось на чтеніе сочиненій Ренана, Штрауса, Прудона, Фурье, Огюста Конта и т. п. и усвоило себѣ въ высшей степени вредныя ученія безвѣрія, социализма и коммунизма.

Въ результатѣ получился нигилизмъ—отрицаніе религіи, нравственности, семейнаго союза и вообще всѣхъ гражданскихъ и политическихъ основъ, на которыхъ зиждется современное общество.

Въ послѣднее время на западѣ Европы возникло и развилось съ необыкновенною силою движеніе рабочаго сословія, принявшее угрожающее положеніе и уже создавшее значительныя затрудненія для Правительствъ. Составились разныя ассоціаціи почти по всѣмъ отраслямъ труда, возникли конгрессы рабочихъ коммунъ, образовался «Международный союзъ рабочихъ», съ центромъ въ Женевѣ. Конечная цѣль этого движенія—освобожденіе труда и рабочихъ отъ гнета капитала и всякой регламентаціи и достиженія этимъ путемъ равномѣрнаго распредѣленія богатствъ и всеобщаго благоденствія.

Наше молодое поколѣніе не осталось чуждо этому социально-демократическому движенію и стало заниматься изученіемъ такъ называемаго «вопроса о рабочихъ», преимущественно по сочиненіямъ извѣстныхъ германскихъ публицистовъ—Шульце-Делича и Лассалля. Въ примѣчаніяхъ къ переводу «Политической Экономіи» Милля и особливо въ романѣ «Что дѣлать?» Чернышевскій проводилъ крайнія демократическія и коммунистическія идеи и этимъ собственно объясняется изступленное поклоненіе его личности и таланту въ средѣ неразвитаго юношества.

Только при совокупномъ соображеніи всѣхъ этихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ *существа* произведенныхъ Комиссіею дѣлъ, можно разяснить причины того смутнаго броженія, которое господствуетъ въ умахъ большей части учащейся молодежи.

Вредное нигилистическое направленіе, къ которому примкнули не одни учащіеся, но и многіе педагоги, литераторы и лица изъ разныхъ слоевъ общества было тѣмъ опаснѣе, что социально-демократическое ученіе нашло въ немъ готовую почву для развитія и пропаганды. Между тѣмъ журнальная пресса, при отсутствіи строгой и прозорливой цензуры, исподволь и съ замѣчательною послѣдовательностью излагала всѣ тонкости этого ученія, идущаго въ разрѣзъ съ основами государственнаго устройства и Монархической власти.

Въ печати появлялись обширные трактаты объ общинѣ, о трудѣ, о положеніи рабочаго класса, о необходимости открыть повсемѣстно народныя школы для умственнаго и нравственнаго развитія населенія, объ устройствѣ и улучшеніи экономическаго быта рабочихъ, посредствомъ артелей и ассоціацій, о женскомъ трудѣ и т.п. Одновременно съ тѣмъ открывались бесплатныя школы и читальни, разныя мастерскія, переплетныя, швейныя и другія заведенія на артельныхъ началахъ.

Соціальная пропаганда распространялась повсемѣстно и съ необыкновеннымъ успѣхомъ; она дѣйствовала почти открыто, такъ какъ многія изъ названныхъ заведеній были учреждены съ вѣдома и разрѣшенія Правительства.

Вся эта революціонная агитація, имѣвшая цѣлью подготовить народную массу къ политико-соціальному перевороту въ государствѣ, прикрывалась благовидной личиною попеченія о благѣ *меньшей братіи*... А между тѣмъ Россія была наканунѣ страшнаго событія 4-го апрѣля 1866 года.

Слѣдствіе по этому событію представляетъ исключеніе изъ всѣхъ дѣлъ, произведеннымъ Комиссіею, какъ по особенной важности предмета, обилію и разнообразію вошедшихъ въ составъ его обстоятельствъ, такъ и по той успѣшности, съ которою, въ

весьма короткое время, обнаружены всѣ нити преступнаго заговора. Приступивъ къ слѣдствію 5-го апрѣля, Комиссія къ 14-му іюля, т. е. чрезъ три съ небольшимъ мѣсяца, успѣла окончить и передать въ Верховный Уголовный судъ обширное и сложное производство объ извѣстномъ злодѣѣ Каракозовѣ, 26 главныхъ и ближайшихъ его сообщникахъ и многихъ другихъ злоумышленникахъ, причастныхъ къ тому же дѣлу... Независимо отъ этого Комиссіею постановлены по оному особая заключенія болѣе чѣмъ о 150 лицахъ, которыя, по недостатку уликъ и юридическихъ данныхъ, не могли быть преданы суду.

По настоящему дѣлу обнаружены также обстоятельства, указывавшія на связь и сношенія злоумышленниковъ съ тайными кружками изъ поляковъ, существовавшими въ столицахъ и другихъ мѣстностяхъ уже послѣ подавленія мятежа. Кружки эти содѣйствовали побѣгу политическихъ преступниковъ изъ тюремъ и остроговъ, укрывали ихъ, снабжали деньгами, фальшивыми паспортами и отправляли за границу. Въ Москвѣ даже былъ организованъ для этой цѣли особый «Жондъ», подъ наименованіемъ «Опеки народной», имѣвшій сношенія съ поляками, высланными Правительствомъ въ Сибирь и въ разные города центральныхъ губерній. Слѣдствіемъ открыто, что побѣгу изъ Москвы Домбровскаго способствовали агенты «Опеки» совмѣстно съ нѣкоторыми изъ осужденныхъ по дѣлу 4-го апрѣля, и что при содѣйствіи тѣхъ же агентовъ—извѣстный злоумышленникъ Худяковъ намѣревался въ іюлѣ 1865 года освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича, пересылавшагося чрезъ Москву въ Сибирь. Тотъ же Худяковъ въ началѣ 1866 г. задумалъ освободить изъ каторги другого преступника,—Чернышевскаго, для увоза его въ Женеву, гдѣ предполагалось основать социалистическій журналъ. Лицо, предназначавшееся для поѣздки съ этою цѣлью въ Сибирь, Худяковъ снабдилъ, между прочимъ, фальшивыми паспортами и рекомендательными письмами къ ссыльнымъ полякамъ и другимъ лицамъ въ Западной и Восточной Сибири. Письма эти, написанныя химическими чернилами, были разобраны въ Комиссіи и оказались на польскомъ языкѣ за подписью какого-то «Станислава». Въ нихъ, между прочимъ, говорилось, что «польская партія въ Петербургѣ не теряетъ надежды на успѣхъ своихъ замысловъ и приглашаетъ продолжать польское дѣло въ Сибири».

Для обнаруженія этихъ замысловъ и тайныхъ происковъ поляковъ, по распоряженію Комиссіи, произведены обширныя розысканія въ разныхъ мѣстахъ Сибири, но, за силою всемілостивѣйшаго манифеста, послѣдовавшаго въ маѣ 1867 г., дѣло по

этому предмету прекращено. Между тѣмъ, взятая при обыскахъ ссыльныхъ поляковъ обширная переписка (до 12 тысячъ листовъ) обнаружила враждебное ихъ настроеніе противъ Правительства и дѣятельныя, почти безконтрольныя, сношенія ихъ между собою и съ соотечественниками внутри Имперіи,—что въ свою очередь указывало на слабый и недостаточный надзоръ за политическими ссыльными со стороны мѣстныхъ властей. Объ этомъ Комиссія сообщила въ свое время Министру Внутреннихъ Дѣлъ для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ.

Личность «Станислава» долгое время оставалась загадкою. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей и руководителей польскаго кружка въ Петербургѣ, занимавшагося укрывательствомъ бѣглыхъ преступниковъ и отправленіемъ ихъ за границу по подложнымъ паспортамъ. Къ нему же доставлялись для сбыта русскіе фальшивые кредитные билеты, заготавливаемые въ огромномъ количествѣ за границею польскими эмигрантами, съ цѣлью подрывать наши финансы, а главнымъ образомъ для составленія посредствомъ обмѣна денежнаго фонда для поддержанія эмиграціи.

Произведеннымъ Комиссіею разслѣдованіемъ обнаружено, что поддѣлкою билетовъ занимался, между прочимъ, бѣглый офицеръ Юндзилль, о которомъ упомянуто выше, и что билеты эти высылались «Станиславу» черезъ кондукторовъ-поляковъ Варшавской желѣзной дороги.

Агентами «Станислава» по сбыту и обмѣну фальшивыхъ бумажекъ были: учитель Станиславъ Вешторъ, братъ его Петръ, жена чиновника Эмилиа Завадская, братъ ея Овсянко, чиновникъ Стецкевичъ, технологъ Урбановичъ и др.—Вообще всѣ лица, занимавшіяся этимъ преступнымъ промысломъ, по окончаніи слѣдствія преданы суду и уже послѣ того обнаружено Коммиссіею, что «Станиславъ» проживаетъ въ Стокгольмѣ подъ фамиліей Гайдукевича. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ іюнѣ 1866 г. по паспорту на имя фонъ-Фреймана.

Одновременно съ Гайдукевичемъ успѣлъ скрыться за границу другой злоумышленникъ, отставной штабсъ-ротмистръ Озеровъ, который принималъ дѣятельное участіе въ проискахъ мятежныхъ поляковъ и увезъ изъ Ардатова жену преступника Домбровскаго. Озеровъ поселился въ Парижѣ подъ фамиліей Шаховскаго и въ качествѣ польскаго эмигранта пользовался субсидіей отъ бывшаго правительства Императора Наполеона III-го.

Событіе 4 апрѣля вызвало со стороны Правительства рядъ общихъ и частныхъ мѣръ, въ видахъ возможности искорененія зла. Къ послѣднимъ относится, между прочимъ, закрытіе бесплатныхъ школъ, нѣкоторыхъ читаленъ, библіотекъ, книжныхъ

магазиновъ, швейныхъ, переплетныхъ и другихъ подобныхъ заведеній, учрежденныхъ на артельныхъ началахъ и служившихъ разсадниками нигилизма и соціальной пропаганды. Но изъ дѣлъ, произведенныхъ Комиссіею въ позднѣйшее время, усматривается, что революціонная агитація не перестаетъ волновать умы молодого поколѣнія и, повидимому, обратилась для него въ привычку и даже потребность.

Въ октябрѣ 1867 г. въ здѣшнемъ почтамтѣ было задержано письмо юнкера 2-го Константиновскаго военного училища Лукашевича къ юнкеру Касьянову въ Москву. Сверхъ дерзкихъ и преступныхъ отзывовъ и сужденій о Священной Особѣ Вашего Императорскаго Величества и правительственныхъ лицахъ, въ письмѣ сообщалось о существованіи какого-то тайнаго общества съ цѣлью просвѣтить народъ и ввести въ Россіи конституціонное правленіе. Затѣмъ Лукашевичъ, извѣщая о своей принадлежности къ этому обществу, приглашаетъ Касьянова также вступить въ члены, а если можно, то привлечь въ общество и другихъ юнкеровъ. Слѣдствіемъ обнаружено, что общества не существовало, но его намѣренъ былъ учредить самъ Лукашевичъ и въ этихъ видахъ пріискивалъ себѣ единомышленниковъ. Случай этотъ важенъ, какъ доказательство, что возрастающее поколѣніе имѣло возможность еще на школьной скамѣ проникаться революціонной заразой и пріучаться къ организаторской дѣятельности. По дѣлу видно, что въ бывшемъ Воронежскомъ корпусѣ кадеты получали «Колоколъ» и другія запрещенныя изданія, добывали возмутительныя стихотворенія и составляли политическіе кружки съ сепаративными стремленіями. Въ Константиновскомъ училищѣ также существовали подобные кружки, были, между прочимъ, и нигилисты, выписывавшіе въ складчину журналъ «Дѣло». Большая часть писемъ Лукашевича къ товарищамъ заключала въ себѣ сужденія о нигилизмѣ, социализмѣ, конституціи, земствѣ и самоуправленіи.

Вслѣдствіе вреднаго направленія и преступныхъ отзывовъ объ Особѣ Вашего Величества, Лукашевичъ высланъ на Кавказъ рядовымъ, съ лишеніемъ права на производство въ офицеры ранѣе трехъ лѣтъ службы.

Въ 1868 году Комиссіею произведено нѣсколько дѣлъ, указывавшихъ на сношенія поселившихся въ Женевѣ русскихъ выходцевъ и бѣглыхъ политическихъ преступниковъ съ лицами внутри Имперіи.

Выше было упомянуто, что преданные суду по дѣлу о распространеніи въ 1863 году революціонной пропаганды въ Приволжскомъ Краѣ отставной чиновникъ Эллидинъ и бывшіе студенты

Жемановъ и Щербаковъ бѣжали за границу. Всѣ они поселились въ Женевѣ, гдѣ Элпидинъ завелъ русскую типографію, напечаталъ въ 1867 г. романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?», предпринялъ полное изданіе остальныхъ его сочиненій. Въ томъ же году выѣхалъ за границу черновецкій мѣщанинъ Розановъ, вошелъ въ сношенія съ названными злоумышленниками и другими русскими выходцами и записался въ члены «Международнаго союза рабочихъ». По возвращеніи въ іюнѣ 1868 г. въ Россію, Розановъ задержанъ на границѣ, обысканъ и доставленъ въ Петербургъ. При допросахъ въ Комиссіи онъ заявилъ о существованіи обширнаго революціоннаго заговора, имѣющаго цѣлью ниспроверженіе въ Россіи нынѣшняго государственнаго устройства, истребленіе властей, уничтоженіе чиновъ и сословныхъ отличій и водвореніе соціальной республики. Заявленіе это Розановъ основывалъ на интимныхъ бесѣдахъ своихъ съ названными преступниками, преимущественно съ Элпидинымъ, который утверждалъ, что къ заговору причастны многія лица не только за границей, но и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и что въ Петербургѣ существуетъ Комитетъ злоумышленниковъ, предполагавшихъ еще въ томъ же году (1868) насильственно захватить кого-либо изъ Особъ Императорскаго Дома и не выдавать до тѣхъ поръ, пока не будетъ освобожденъ съ каторги Чернышевскій и не будутъ введены разныя реформы. Элпидинъ предлагалъ и Розанову поступить въ число заговорщиковъ, которые, по словамъ его, узнаютъ другъ друга посредствомъ условныхъ знаковъ и за малѣйшую измѣну мстятъ смертю, но фамилій ихъ не называлъ, находя это вреднымъ для дѣла.

При такой неопредѣлительности заявленія, не представлявшей никакихъ данныхъ для производства слѣдствія, Комиссія вошла въ сношеніе съ 3-мъ Отдѣленіемъ Собственной Вашего Величества канцеляріи о принятіи мѣръ къ обнаруженію преступныхъ замысловъ путемъ тщательныхъ розысковъ и наблюдений. Самъ же Розановъ отправленъ на родину подъ надзоръ полиціи.

Въ октябрѣ 1868 г. задержана другая личность, осташковскій мѣщанинъ Бочкаревъ, который въ теченіе 1867 и 1868 г.г. *четыре* раза ѣздилъ за границу и тоже входилъ въ сношенія съ женевскими агитаторами. Бочкаревъ рассказывалъ имъ о существующихъ *будто бы* въ Россіи тайныхъ революціонныхъ обществахъ, выдавалъ себя за члена ихъ и за яраго революціонера, готоваго на все преступное, говорилъ о предстоящемъ въ Россіи государственномъ переворотѣ и о стремленіи связать это дѣло съ возстаніемъ болгаръ, предлагалъ обанкротить государство посред-

ствомъ поддѣлки билетовъ внутреннихъ займовъ и, наконецъ, просилъ Элпидина и другихъ выходцевъ познакомить его, Бочкарева, съ членами *Европейскаго революціоннаго Комитета*. Но эмигранты недовѣрчиво относились къ личности Бочкарева, заподозрили въ немъ шпиона и даже обыскали его.

Независимо отъ изложеннаго Комиссіею открыто, что въ 1867 и 1868 г.г. Элпидинъ присылалъ разнымъ лицамъ въ Россіи объявленія объ изданіи имъ сочиненій Чернышевскаго, а въ Петербургѣ имѣлъ тайныхъ агентовъ, рассылавшихъ его письма по *городской почтѣ*. При обыскѣ проживающей здѣсь дочери чиновника дѣвицы Солодовниковой, найдены три письма Элпидина за подписью Фолькъ¹⁾. Содержаніе этихъ писемъ, которыя Солодовникова получала по адресу на чужое имя, крайне туманно и загадочно и, по всей вѣроятности, имѣетъ иносказательный смыслъ. Въ нихъ говорится, между прочимъ, о какихъ-то торговыхъ дѣлахъ, о посылкѣ, отправленной какому-то господину на югъ Россіи, о необходимости завязать корреспонденцію подъ различными адресами и т. п.

Вышеприведенное заявленіе Розанова о существованіи обширнаго революціоннаго заговора и загадочныя письма Элпидина о сношеніяхъ съ лицами на югѣ Россіи представляются не лишними значенія, въ виду возникшихъ въ 1869 году двухъ весьма важныхъ дѣлъ: о Нечаевѣ и о намѣреніи злоумышленниковъ сдѣлать подкопъ подъ рельсами Одесской желѣзной дороги съ цѣлью взорвать ихъ во время слѣдованія Царскаго поѣзда.

Обоимъ этимъ дѣламъ данъ ходъ въ обыкновенномъ судебномъ порядкѣ и въ Комиссіи не имѣется обстоятельныхъ по нимъ свѣдѣній. Извѣстно, однако, что къ нимъ привлечены многіе изъ учащейся молодежи, въ томъ числѣ студенты здѣшняго Земледѣльческаго Института. Между тѣмъ, въ послѣднее время Комиссіею произведено разслѣдованіе о происходившихъ въ этомъ заведеніи осенью 1870 года противозаконныхъ сходкахъ и сборищахъ, которыя, какъ оказалось по дѣлу, имѣли весьма опасный характеръ и могли бы повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ, если бы зло не было предупреждено благовременно принятыми мѣрами. Существенная и наиболѣе важная сторона этихъ собраній, на которыхъ бывало иногда до 150 студентовъ, вмѣстѣ съ посторонними и лицами женскаго пола, состояла въ чтеніи сочиненій и обсужденіи вопросовъ исключительно политико-соціальнаго и демократическаго характера. Здѣсь чита-

¹⁾ Volk-народъ.

лись, напр., статьи Лассаля «Сущность конституціи» и «Программа рабочихъ», трактовалось «о дѣятельности въ земствѣ», «объ артеляхъ и ассоціаціяхъ», о «женскомъ трудѣ» и тому подобныхъ современныхъ вопросахъ, которыми такъ страстно увлекается недоразвитое юношество. Рядомъ съ этими публичными чтеніями въ отдѣльныхъ номерахъ шли особыя лекціи, затѣяныя студентомъ Червинскимъ,—личностью съ самыми враждебными правительству воззрѣніями. Тутъ передъ кружкомъ своихъ товарищей, онъ развивалъ вопросы «объ общинномъ владѣніи землею», «о парламентскомъ дѣлопроизводствѣ» и посвятилъ цѣлую серію лекцій на изложеніе дѣятельности Чернышевскаго. И все это дѣлалось на виду и съ вѣдома Институтскаго начальства, которое свободно допускало въ стѣнахъ казеннаго заведенія шумныя противозаконныя сборища.—Нѣкоторые изъ преподавателей и деканъ Института Энгельгардтъ даже сами бывали на нихъ, при чемъ послѣдній внушалъ юношеству безнравственное обращеніе съ женщинами и демократическія идеи.

Производствомъ разслѣдованія о безпорядкахъ въ Земледѣльческомъ Институтѣ Комиссія завершила свою девятилѣтнюю дѣятельность.

Настоящій отчетъ представляетъ лишь бѣглый обзоръ тѣхъ собственно дѣлъ, обстоятельства коихъ имѣютъ нѣкоторую внутреннюю связь между собою. Онъ вовсе не коснулся множества другихъ обширныхъ и сложныхъ дѣлъ, разновременно произведенныхъ Комиссіею по Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніямъ. Таковы, между прочимъ, дѣла:

а) О русской читальнѣ, открытой еще въ 1862 году въ Гейдельбергѣ нѣкоторыми молодыми людьми, отправившимися въ тамошній университетъ для усовершенствованія въ наукахъ. Читальня эта, какъ дознано слѣдствіемъ, служила разсадникомъ для развитія и распространенія противоправительственной пропаганды и служила сборнымъ мѣстомъ для агитаторовъ.

б) О разныхъ лицахъ, замѣченныхъ въ крайнемъ нигилистическомъ направленіи. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣло о чиновникѣ Ножинѣ, яромъ нигилистѣ, который родную свою сестру обратилъ въ нигилистки и въ 1865 г. увезъ тайно огъ родителей изъ деревни (Тамбовской губерніи) въ Петербургъ. Другой нигилистъ, писатель Гирсъ, въ рѣчи надъ могилой литератора Писарева, умершаго въ 1868 г., дозволилъ себѣ публично отрицать загробную жизнь и безсмертіе души.

в) О такъ называемомъ «рублевомъ обществѣ», затѣянномъ

въ началѣ 1868 г. дворянами Волховскимъ и Лопатинымъ, предлагавшими составить корпорацію странствующихъ сельскихъ учителей для развитія въ народѣ образованія.—Вслѣдствіе благовременно принятыхъ мѣръ, общество это не успѣло сформироваться. Но, судя по политической неблагонадежности названныхъ лицъ и другимъ даннымъ, слѣдуетъ заключить, что цѣль ихъ предпріятія была противоправительственная.

г) По разнымъ заявленіямъ и извѣтамъ о существованіи тайныхъ политическихъ кружковъ и злонамѣренныхъ лицъ.—По этому предмету произведено значительное число разслѣдованій, нерѣдко принимавшихъ весьма обширные размѣры. Таковы дѣла по заявленіямъ ссыльно-каторжнаго Вашкевича, уроженцевъ Царства Польскаго Мѣшковскаго и Моравскаго, арестантовъ Комарова, Лукичева, Кушлянскаго, Тропскаго и др. Хотя большая часть подобныхъ заявленій оказывалась лживою, однако, по особенной ихъ важности, онѣ не могли быть оставляемы безъ тщательнаго разслѣдованія. Между многими изъ сихъ дѣлъ заслуживаетъ вниманія оговоръ въ политическомъ злоумышленіи, сдѣланный въ 1868 году дворяниномъ Фокъ на самого себя. Онъ заявилъ, что ѣздилъ за границу, сходилъ съ разными революціонными кружками, затѣвалъ произвести возстаніе славянъ и т. п. Все это, по разслѣдованію, оказалось вымысломъ. Между тѣмъ, Фокъ изобличенъ Комиссіею въ грабежъ съ покушеніемъ на убійство. Такимъ образомъ дѣло изъ политическаго обратилось въ обыкновенное уголовное.

Обширное и сложное производство о пожарахъ, бывшихъ въ Симбирскѣ въ 1864 году, какъ положительно обнаружено Комиссіею, также не заключаетъ въ себѣ ничего политическаго. Неосновательность мѣстнаго слѣдствія и недобросовѣстность полицейскихъ агентовъ, особливо пристава Розова, старавшагося изъ корыстныхъ видовъ приписать пожары поджогамъ, ввели первоначально въ заблужденіе и общество и Правительство. Но Комиссія открыла всѣ незаконныя дѣйствія Розова и другихъ лицъ, и въ то же время возстановила доброе имя полковника Дудинскаго, оговореннаго въ злоумышленныхъ поджогахъ».

На этомъ и кончается отчетъ Слѣдственной Комиссіи 1862—1871 года. Онъ весьма интересенъ прежде всего въ качествѣ свидѣтельства той несомнѣнной «смуты», которая царила въ головахъ самихъ членовъ Комиссіи. Чего-чего только не ввели они въ свой отчетъ! Распространявшіеся поляками «подложные манифесты» и культурная дѣятельность Комитетовъ Грамотности,

Гарибальди и Мадзини, какъ яко бы «дѣатели всесвѣтной революціи» и писатель Гирсъ, отрицающій «безсмертіе души», замысль «отдѣлить Сибирь отъ Россіи и образовать изъ нея самостоятельную республику» и такіе ужасы, какъ появленіе въ распущенной легальной печати обширныхъ трактатовъ «объ общинѣ, о положеніи рабочаго класса, о необходимости открыть повсемѣстно народныя школы для умственнаго и нравственнаго развитія населенія, объ улучшеніи экономическаго быта рабочихъ посредствомъ артелей и ассоціацій, о женскомъ трудѣ и т. д.»!... А тутъ еще студенты толковали «о дѣятельности въ земствѣ, объ артеляхъ, о женскомъ трудѣ и т. п. вопросахъ, которыми такъ страстно увлекается недоразвитое юношество», а профессоръ Энгельгардтъ внушалъ юношеству не только «демократическія идеи», но будто бы и «безнравственное обращеніе съ женщинами».

Эго ли еще не край гибели государству?...

Что же мудренаго, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ «Герценъ, Бакунинъ и Огаревъ, замысливъ совершить государственный переворотъ, образовали тайное общество «Земля и Воля» и черезъ особо избранныхъ агентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ стремились привести въ исполненіе свои мятежные планы»? Комиссія «открыла», что «въ числѣ агентовъ былъ, между прочимъ, литераторъ Чернышевскій»...

И вся эта, поистинѣ, суздальская мазня считалась картиною чуть не кисти Рафаэля!...

Чтобы дать себѣ отчетъ, какъ безконечно далеко было отъ дѣйствительности пустословіе Комиссіи, достаточно лишь сравнить, напр., то, что наговорила она объ обществѣ «Земля и Воля», съ слѣдующимъ безспорнымъ фактомъ: извѣсно, что изъ трехъ «лондонскихъ агитаторовъ» наиболѣе вѣрилъ, или показывалъ видъ, что вѣрилъ, въ эту организацію Бакунинъ и, вотъ, даже онъ, будучи озабоченъ доставкой въ Россію заграничныхъ изданій, писалъ 4-го марта 1864 года Герцену и Огареву такія строки: «Придется вамъ требовать вѣрнаго человѣка въ Одессѣ отъ «Земли и Воли», если «Земля и Воля» *дѣйствительность, а не призракъ* (курсивъ здѣсь и далѣе нашъ). Еще разъ спрашиваю, Огаревъ, продолжаешь ли ты вѣрить въ дѣйствительность «Земли и Воли», которой, *если она существуетъ*, право пора выскорлупиться. Получилъ ли ты, наконецъ, какія-нибудь новыя доказательства существованія и дѣйствительности Общества?»¹⁾).

¹⁾ Письма Бакунина къ Герцену и Огареву. Стр. 151—152.

Эти строки были написаны однимъ изъ (по утверженію Комиссіи) основателей Общества «Земля и Воля» къ двумъ другимъ будто бы его основателямъ *въ 1864 году*, т.-е. въ то время, когда, какъ извѣстно, «Земля и Воля» и совсѣмъ перестала существовать. И если Бакунинъ даже въ этомъ году писалъ, что «Обществу пора выскорлупиться, если оно существуетъ», значить *до того* онъ считалъ, что, если оно и существовало, то лишь въ зародышѣ, въ «невывскорлупившемся состояніи»... А Комиссія размалевывала въ то же время картину дѣятельности «Земли и Воли» со всѣмъ свойственнымъ этого рода «художникамъ» искусствомъ...

Комиссія упоминаетъ, между прочимъ, объ обнаруженномъ *въ 1869 году* «намѣреніе злоумышленниковъ сдѣлать подкопъ подъ рельсы одесской желѣзной дороги, съ цѣлью взорвать ихъ во время слѣдованія царскаго поѣзда», прибавляя, что дѣлу этому данъ ходъ «въ судебномъ порядкѣ».

Приходится, конечно, вѣрить Комиссіи, что такое дѣло было «возбуждено», но кто же именно судился по этому дѣлу и чѣмъ оно окончилось? Не странно ли, что о столь исключительномъ по своему значенію фактѣ нѣтъ ни слова ни въ судебныхъ лѣтописяхъ, ни въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ, ни въ богатой литературѣ мемуаровъ?... Извѣстно ли о немъ-кому либо изъ «шестидесятниковъ» и «семидесятниковъ»,—судебныхъ и общественныхъ дѣятелей,—или историковъ революціоннаго движенія въ Россіи и, если да, то что именно?

Комиссія говоритъ, что, начиная съ 13 сентября 1862 года «и до послѣдняго времени (т. е. до мая 1871 г.) всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла политическаго свойства, *не исключая* и дѣла о злодѣйскомъ покушеніи 4-го апрѣля 1866 года, производились въ Комиссіи».

Значить, даже и муравьевская комиссія не была учрежденіемъ особымъ, а являлась, какъ мы уже сказали, лишь однимъ изъ звеньевъ все той же Комиссіи, дѣйствовавшей *непрерывно* въ теченіе девяти лѣтъ.

Того же 13-го сентября 1862 года,—гласить отчетъ Комиссіи,—состоялось высочайшее повелѣніе, «чтобы всѣ министры и главноуправляющіе исполняли всѣ требованія Комиссіи». Этимъ былъ поставленъ въ извѣстную зависимость отъ Комиссіи даже и всемогущій главный начальникъ III Отдѣленія,—онъ же шефъ жандармовъ,—принужденный, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ посторониться и принять на себя какъ бы вторую роль. Но это не помѣшало ему фактически направлять всѣ дѣла по своему усмотрѣнію и, хотя Комиссія и говоритъ въ отчетѣ, что она «была поставлена на степень самостоятельнаго государствен-

наго учрежденія» съ непосредственнымъ подчиненіемъ одному лишь государю, но III Отдѣленіе, какъ это мы сейчасъ увидимъ изъ *также еще никогда не бывшаго въ печати документа*, считало эту Комиссію лишь своимъ «орудіемъ». Изъ того же документа явствуетъ и еще одинъ замѣчательный фактъ: III Отдѣленіе вполнѣ ясно понимало, что дѣятельность и Комиссіи и самого Отдѣленія находилась въ полномъ противорѣчій съ судебными уставами 1864 года. Понимая это, оно придумывало весьма своеобразные изъ такого положенія выходы.

Документъ, о которомъ мы говоримъ,—докладная записка III Отдѣленія, составленная имъ для своего главнаго начальника графа В. А. Шувалова въ 1870 году. Гласить она слѣдующее:

«Ваше Сіятельство еще при вступленіи Главнымъ Начальникомъ III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи изволили предвидѣть невозможность существованія Высочайше утвержденной въ С.-Петербургѣ Слѣдственной Комиссіи при новыхъ судебныхъ установленіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вамъ угодно было выразить свое мнѣніе о необходимости, чтобы производство дѣлъ политическаго свойства оставалось подъ инициативою и особымъ вліяніемъ III Отдѣленія.

Въ настоящее время уже возникъ вопросъ о существованіи означенной Комиссіи, *дѣйствующей въ разрѣзъ съ уставомъ уголовного судопроизводства*. (Курсивы наши).

Въ случаѣ закрытія Комиссіи III Отдѣленіе *лишится единственнаго, соответствующаго его назначенію, орудія¹⁾* къ преслѣдованію политическихъ злоумышленій.

Само III Отдѣленіе, при новыхъ судебныхъ уставахъ, поставлено почти въ совершенную невозможность *дѣйствовать самостоятельно* въ дѣлахъ политическаго свойства.

Дабы удержать за III Отдѣленіемъ *подобающее ему значеніе* и въ то же время, *по возможности*, согласовать его задачи съ требованіями уголовного судопроизводства, полагалось бы полезнымъ, въ случаѣ закрытія Слѣдственной Комиссіи и въ видахъ осуществленія вышеупомянутаго мнѣнія Вашего Сіятельства, образовать при III Отдѣленіи *Особое Присутствіе* (курсивъ подлинника) изъ двухъ лицъ и канцеляріи съ дѣлопроизводителемъ, собственно какъ для предварительнаго разсмотрѣнія и обсужденія поступающихъ въ Отдѣленіе донесеній по дѣламъ политическимъ и производства по нимъ дознаній, такъ и для представленія Вашему Сіятельству заключеній о свойствахъ дѣлъ и о томъ на-

¹⁾ III Отдѣленіе чувствовало себя, очевидно, настолько хорошо, что, такъ сказать, въ «домашней» перепискѣ не стѣснялось называть подчиненную «одному лишь Государю» комиссію своимъ «орудіемъ»...

правленіи, какое, по мнѣнію ихъ, слѣдуетъ дать дѣламъ. Въ случаяхъ маловажныхъ они представляютъ о прекращеніи дѣлъ въ административномъ порядкѣ. Если же познаніемъ будутъ обнаружены обстоятельства особой важности, требующія производства слѣдствія на законномъ основаніи, то, по докладу о семъ Вашему Сіятельству Особымъ Присутствіемъ, обстоятельства сіи сообщаются прокурору судебной палаты.

Въ сихъ случаяхъ слѣдствіе должно производиться членомъ палаты при участіи не только прокурора, но и лицъ Особого Присутствія, которыя, на одинаковыхъ съ прокуроромъ правахъ и по взаимному съ нимъ соглашенію, направляли бы слѣдствіе.

Въ случаяхъ чрезвычайныхъ, для производства слѣдствія могутъ быть учреждаемы, по Высочайшимъ повелѣніямъ, особыя Комиссіи, которыя, примѣняясь къ 1104 ст. Устава Военно-судебнаго, производили бы порученныя имъ дѣла безъ участія прокурорскаго надзора.

Лица Особого Присутствія должны входить въ составъ сихъ Комиссій въ качествѣ членовъ отъ III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи».

Нѣсколько иначе смотрѣла на это дѣло Комиссія, и ея мнѣніе, относящееся къ тому же времени, было выражено въ слѣдующемъ, также никогда еще не появлявшемся въ печати, документѣ:

«Такъ какъ нѣкоторыя изъ дѣлъ Комиссіи, по Высочайшимъ повелѣніямъ, направляются къ судебному разбирательству, то, въ видахъ *возможнаго* удовлетворенія требованіямъ Устава Уголовнаго Судопроизводства, полагалось бы: допустить участіе въ производствѣ слѣдствія *по симъ собственно дѣламъ* (курсивъ подлинника) лицо прокурорскаго надзора, съ тѣмъ, однако, чтобы оно вошло въ составъ Комиссіи *на совершенно одинаковыя и равныя права съ прочими ея членами* ¹⁾ (тоже).

Принимая въ общемъ составъ Комиссіи личное и непосредственное участіе въ производствѣ Комиссіею предварительнаго слѣдствія, членъ-прокуроръ будетъ имѣть возможность вполне основательно ознакомиться съ существомъ и обстоятельствами дѣла и при передачѣ онаго судебному разсмотрѣнію составить обвинительный актъ и явиться передъ судомъ въ роли прокурора-обвинителя.

Назначеніе подобнаго лица въ Комиссію ни въ чемъ не из-

¹⁾ Значить, собственно, безъ функціи надзора за ходомъ дѣлъ.

мѣнить нынѣшняго положенія и круга ея дѣятельности. Она продолжаетъ дѣйствовать на прежнемъ основаніи.

Въ лицѣ члена-прокурора слѣдовало бы соединить значеніе прокурора всѣхъ вѣдомствъ, такъ какъ въ Комиссію поступаютъ дѣла политическаго свойства, между прочимъ, о лицахъ военнс-сухопутнаго и морского вѣдомствъ.

Въ случаѣ назначенія въ Комиссію члена-прокурора, необходимо установить особый штатъ для ея канцеляріи.

Такимъ образомъ даже главный начальникъ III Отдѣленія графъ Шуваловъ, еще при вступленіи своемъ въ эту должность, уже «предвидѣлъ невозможность существованія Слѣдственной Комиссіи при новыхъ судебныхъ установленіяхъ», какъ дѣйствующей «въ разрѣзъ» съ этими установленіями; тѣмъ не менѣе, Комиссія преблагополучно существовала себѣ и послѣ этого въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ. Съ другой стороны, тотъ же Шуваловъ, стремясь не выпускать политическихъ дѣлъ изъ рукъ III Отдѣленія (оставить ихъ «подъ инициативою и особымъ вліяніемъ III Отдѣленія»), сознавалъ, что, закройся Комиссія и войди тогда въ дѣйствительную силу судебные уставы, и III Отдѣленіе очутится въ ужасномъ положеніи, ибо будетъ поставлено «почти въ совершенную невозможность дѣйствовать *самостоятельно* въ дѣлахъ политическаго свойства».

И, вотъ, являются всякаго рода предположенія о томъ, чтобы «по возможности» согласовать незаконное существованіе Комиссіи съ незаконными функціями III Отдѣленія и законами 1864 г. Для этого Комиссія считаетъ возможнымъ допустить въ свой составъ для разсмотрѣнія *только* такихъ дѣлъ, которыя должны перейти въ судебныя установленія, лицо прокурорскаго надзора, а III Отдѣленіе идетъ въ своемъ уваженіи къ закону («законъ—я нѣмѣю предъ закономъ»,—говорилъ еще Чичиковъ Манилову) гораздо далѣе: оно допускаетъ возможность политическія дѣла, производство дознаній о которыхъ III Отдѣленіе оставляетъ всецѣло въ своихъ рукахъ, но которыя потребуютъ потомъ производства и слѣдствій, передавать прокурорамъ судебныхъ палатъ съ порученіемъ производить таковыя слѣдствія одному изъ членовъ этихъ палатъ, но при непремѣнномъ условіи участія въ слѣдствіи, на ряду съ прокуроромъ, двухъ членовъ «Особаго Присутствія», т.-е. двухъ высшихъ чиновниковъ III Отдѣленія.

Такъ обдумывали планы совмѣщенія несовмѣстимаго разные сановники въ 1870 году, а въ слѣдующемъ же году оказалось возможнымъ разрѣшить прогиворѣчія гораздо проще.

Вышеприведенный отчетъ Комиссіи былъ представленъ по назначенію 16-го мая 1871 года, а черезъ три дня послѣ того

Комиссія перестала существовать, въ силу новаго закона 19 мая 1871 года, которымъ производство дѣлъ политическаго свойства было поручено попросту жандармскимъ офицерамъ, правда, при участіи прокуроровъ. Высшее наблюденіе за этого рода дѣлами и ихъ направленіе осталось, естественно, въ рукахъ шефовъ жандармовъ, и все кончилось такимъ образомъ ко всеобщему удовольствію.

В. Богучарскій.

Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ ¹⁾.

IV. Въ началѣ восьмидесятыѣ годовъ.

Выше мы приводили письмо Г. И. Успенскаго М. И. Петрун-кевичу, которое говоритъ намъ о томъ, что «Отечественныя Записки» однѣ не обезпечивали Успенскаго. Онъ искалъ заработка въ другихъ изданіяхъ, и его самого пытались привлечь къ участию въ различныхъ журнальныхъ комбинаціяхъ и проектахъ. Объ этомъ говорится въ нѣсколькихъ письмахъ къ Г. Успенскому, относящихся къ 1881 году, когда, съ наступленіемъ жестокой реакціи, журналы и газеты то и дѣло погибали. Между прочимъ, такъ погибъ и радикальный журналъ «Слово», которое было изведено изморомъ: главное управленіе по дѣламъ печати браковало одного за другимъ представляемыхъ кандидатовъ въ редакторы.

Въ цитируемыхъ далѣе письмахъ упоминаются нѣкоторые рассказы Г. И. Успенскаго 1881-го года. Они имѣютъ отношеніе къ главной тогдашней злобѣ дня, именно къ обостренію полицейскаго надзора за всѣмъ обществомъ, который, въ связи съ впечатлѣніями отъ акта 1 марта, вызывалъ множество недоразумѣній вслѣдствіе чрезмѣрнаго усердія охранителей. Таковы очерки «На травкѣ» (О. З., № 6) и «Маленькіе недостатки механизма» (О. З., № 9). Друзья и корреспонденты Г. И., какъ видно, сообщали ему факты и случаи недоразумѣній, которые подъ перомъ Г. И. и возводились въ «перлъ творенія», какъ знаменитый рассказъ купца Тараканова о дракѣ съ полиціей и сыщиками и злоключеніяхъ его изъ-за невинныхъ пилюль.

Письмо, начатое С. Н. Кривенкомъ:

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ. Приходитъ ко мнѣ діаволъ и искушаетъ... Діаволъ этотъ—Терпигоревъ и предлагаетъ слѣдующую чертовщину: чтобы Вы, я, онъ и Буренинъ, вчетверомъ,

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 1, 2 и 3.

взялись вести ежемѣсячный «Литературный Журналъ», принадлежащій нынѣ г. Суворину и который онъ отдаетъ намъ въ полную собственность безвозмездно + еще въ теченіе двухъ лѣтъ бумагу и типографскія издержки, которыя нужно будетъ возвратить только по истеченіи двухъ лѣтъ. У журнала имѣется около 6 тыс. подписчиковъ. Размѣръ книжекъ отъ 15 до 20 листовъ. Теперь цѣна 4 р.; но будетъ 8 р. Словомъ, матерьяльная часть въ превосходномъ видѣ, но... но... я могу дать относительно себя только отрицательный отвѣтъ. Просятъ очень; журналъ направленія, говорятъ, будетъ самага прекраснаго, какого захотите, жалованья намъ по 3 т. рублей, затѣмъ гонораръ и въ концѣ года дивидендъ... Просятъ скорѣе отвѣта, чтобы начать готовиться и съ новаго года выходить уже въ новомъ видѣ. «Слово» продолжаетъ безмолствовать. Въ утвержденіи Златовратскаго и Алексѣя Николаевича (поэтъ Плещеевъ.—Ч. В—ій) отказано. Теперь ходилъ—Пашино! Кажется—утвердятъ. Отвѣтъ сегодня или въ понедѣльникъ. Вотъ почему я, къ величайшему моему сожалѣнію, и на этотъ разъ не могу поѣхать къ Вамъ. Пожалуйста, Глѣбъ Ивановичъ, не уѣзжайте изъ мѣста настоящаго своего жительства, не написавъ мнѣ, что уѣзжаете, потому что я все-таки еще не теряю надежды повидаться съ Вами, ибо нужно переговорить о многомъ и многомъ.

(Остальная часть письма писана А. М. Скабичевскимъ). «Отеч. Зап.» ждутъ статью, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Пора набирать, такъ что начало Вы можете прислать хоть сейчасъ. Я полагаю, что по переимѣнѣ почерка Вы сейчасъ же догадались, что это уже пишетъ другое лицо,—именно Скабичевскій. Шлю Вамъ низкой (*зачерк.* глубокой) поклонъ и крѣпко жму Вашу руку. Простите великодушно, что не собрался къ Вамъ, дѣлъ было по горло все лѣто. Какъ только немного управлюсь, непременно приѣду къ Вамъ осенью или зимою. Глубоко Васъ уважающій и любящій

А. Скабичевскій.

1881 г. Августа 22.

22 сент. 1881 г. Скабичевскимъ послана Успенскому записка съ сообщеніемъ, что конторщикъ «Отеч. Зап.» выдалъ Успенскому лишнія деньги, что С. Н. Кривенко и Скаб. все собираются къ нему, но сговорились ѣхать вмѣстѣ, но то одному, то другому нельзя. «Соберемся къ Вамъ по всей вѣроятности уже на новоселье. А славную статью Вы написали въ Сентябрьѣ». Эта пріятельская поѣздка состоялась въ октябрѣ, и о ней, въ связи съ новыми журнальными комбинаціями рѣчь въ слѣдующемъ письмѣ:

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ.

Пишу къ Вамъ по порученію Салтыкова, который ждетъ не дождется окончанія Вашего разсказа и просить меня написать Вамъ о скорѣйшей присылкѣ его. Мы добрались отъ Васъ до Питера благополучно, и только одно было для меня весьма огорчительно: именно. несмотря на то, что я всю дорогу тщательно убѣждалъ Сергѣя Николаевича, что я вовсе не пьянъ, онъ остался при этомъ компрометирующемъ меня убѣжденіи. Да останется это мое посрамленіе на Вашей совѣсти, Глѣбъ Ивановичъ!

А у насъ тутъ въ словесномъ отношеніи новыя комбинаціи имѣются въ виду, какія именно—узнаете при свиданіи. Одно только могу сказать Вамъ теперь, что у нѣкогого критика лежитъ въ столѣ концессія на изданіе новаго журнала, издавать который онъ не имѣетъ никакихъ средствъ и срокъ этой концессіи скоро истечетъ. Но мы попробуемъ извлечь этотъ журналъ изъ тѣмъ его эмбриональнаго существованія. Пока это секретъ и Вы объ этомъ никому не сообщайте. Что Вамъ писать еще? Все у насъ стоитъ вполне благополучно, всѣ мы благоденствуемъ въ мирномъ житіи, преуспѣваемъ въ своихъ предпріятіяхъ и движемъ наше отечество по пути прогресса. Глубокій поклонъ Александрѣ Васильевнѣ, поцѣлуйте отъ меня Вашихъ дѣточекъ, и выпейте за меня хоть одну бутылку того прелестнаго пива, которое я у Васъ пилъ до посрамленія передъ Сергѣемъ Николаевичемъ и котораго я не забуду по гробъ жизни.

Преданный Вамъ А. Скабичевскій.

1881 г. Октября 26.

Послѣ пушкинскихъ празднествъ 1880 года, на которыхъ Успенскій выступалъ, вмѣстѣ съ Елисеевымъ, въ качествѣ делегата отъ «Отечественныхъ Записокъ», у него завязались и закрѣпились въ Москвѣ новыя знакомства и литературныя связи съ московскимъ литературнымъ и интеллигентнымъ обществомъ.

Однимъ изъ такихъ знакомствъ было пріятельство съ *Николаемъ Павловичемъ Орловымъ*, имѣвшимъ въ Москвѣ нотаріальную контору. Въ половинѣ 80-хъ годовъ дѣла Орлова позапутались и онъ кончилъ послѣ банкротства тѣмъ, что эмигрировалъ. Онъ писалъ (подъ псевдонимами) довольно живо. При наѣздахъ Успенскаго въ Москву они часто проводили время вмѣстѣ, и Орловъ иногда писалъ Успенскому обширныя письма. Нѣсколько извлеченій изъ нихъ, съ откликами на общественныя и литературныя темы дня, мы и приводимъ.

Въ письмѣ Орлова, отъ 12 сентября 1881 г., сообщается о празднованіи москвичами юбилея Щедрина.

«На юбилей Щедрина былъ, отбиралъ билеты, хлопоталъ на кухнѣ, и потомъ, какъ водится, захмѣлѣлъ, не помышляя, что на утро всѣмъ, имѣвшимъ несчастье проглотить кусокъ юбилейнаго обѣда, будетъ дана литературная порка.—«Новое Время» назвало всѣхъ дураками и свиньями. И дѣйствительно, мы только одни во всей Россіи вздумали праздновать и стали чрезъ это выскочками, но Буренинъ, справедливо распаляемый при юбилей Щедрина сугубымъ на него Щедрина гнѣвомъ, забылъ, что въ сущности юбилея никакого не было, а просто собрались знакомые между собою люди, вспомнили, что есть на свѣтѣ писатель Щедринъ, добросовѣстно потрудившійся 25 лѣтъ, и пошли вмѣстѣ пообѣдать и поговорить, никого не трогая, никому ничего не обѣщая и ни къ чему не обязываясь, но зоркій глазъ прессы проникъ и сюда и потребовалъ отчета... ну да это все пустое, а вотъ Вамъ описаніе юбилея:

«Обѣдъ былъ 31 августа въ большой очень красивой залѣ Эрмитажа по 8 р. съ персоны, собралось человѣкъ 50, большой портретъ Щедрина, въ цѣлой массѣ лавровъ, стоялъ на видномъ мѣстѣ, всѣ обѣдающіе были въ рабочихъ костюмахъ, т.-е. кто какъ хотѣлъ, никакихъ заранѣе опредѣленныхъ тостовъ не полагалось, но по заведенному порядку безъ этого не обошлось: говорили Гольцевъ, Звѣревъ, Одарченко и Бурлакъ. Вы знаете этихъ людей и потому можете легко сообразить, что если не было высказано столько великихъ истинъ, сколько дали бы намъ при этомъ Суворинъ и Буренинъ, то по крайней мѣрѣ не было глупостей. Послѣ этого Бурлакъ прочелъ изъ послѣдней книжки «письма къ тетенькѣ». Затѣмъ послана была въ редакцію «От. Зап.» общая телеграмма Щедрину: «Празднуя 25 лѣтъ Вашей литературной дѣятельности, пьемъ дорогое здоровье ваше и вѣруемъ въ торжество разума, правды и любви».

«Главнымъ распорядителемъ обѣда былъ Лавровъ Вуколъ Михайловичъ, (сообщаю Вамъ его имя) и инициатива исходила изъ редакціи «Русской Мысли». Въ числѣ закуски красовался «окорокъ торжествующей свиньи» и свиная фаршированная голова, роскошно сервированная «Московскими Вѣдомостями» (сильно это не понравилось «Новому Времени»).

Послѣ нѣсколькихъ дѣловыхъ замѣчаній о «Русской Мысли» и статьяхъ начавшаго въ ней сотрудничать Глѣба Успенскаго, Орловъ приглашаетъ Успенскаго ѣхать вмѣстѣ куда нибудь подальше, на сѣверъ или югъ, и сообщаетъ:

«Въ Москвѣ у насъ все идетъ благополучно, если не считать

все истребившихъ морозовъ, всѣ заняты новымъ закономъ (явно, рѣчь идетъ о реакціи и усиленной охранѣ.—Ч. В—ій), принять онъ весьма единодушно. И дѣйствительно, какая-то гора свалилась съ плечъ. Въмѣсто массы всякаго рода распоряженій, циркуляровъ и наказовъ, въ которыхъ трудно было я думаю разобраться и самому опытному администратору, мы имѣемъ теперь нѣчто стройное, цѣлое.

«Театръ Пушкина дѣйствуетъ хорошо, что-то будетъ съ перемѣною начальства для казенныхъ театровъ, но пока русская опера (какъ слышно попавшая въ милость) у насъ въ прежнемъ плачевномъ состояніи. Жаль, что Вы отчаиваетесь на счетъ разсказа о пилюляхъ («Маленькіе недостатки механизма»—Ч. В—ій). Пишите его какъ можно смѣшнѣе, а гдѣ смѣхъ, тамъ трудно увидѣть злобу и не пропустить... Кстати еще Вамъ случай: кого-то разыскивали и разослали примѣты: блондинъ, синія очки, свѣтлое драповое пальто; знакомый мой поѣхалъ въ деревню, гдѣ молодая барышня, и къ ней присватался, но въ самый разгаръ любовныхъ чувствъ явился въ деревню исправникъ и, выпивъ за здоровье будущихъ супруговъ, сообщилъ отцу семейства грустную необходимость взять жениха, какъ самозванца, ибо по осмотру въ чемоданѣ нашли и пальто и очки; просидѣвъ должное время въ уѣздѣ и губерніи, женихъ присланъ былъ въ Москву, гдѣ по разъясненіи ошибки отпущенъ и я могу показать его Вамъ. Теперь согласитесь, если положеніе такихъ лицъ комично, то изображая его, зачѣмъ знать художнику, политика или другое что породило это положеніе. Передъ публикою, какъ и предъ цензоромъ, добродушные попавшіе въ переполохъ люди, вызывающіе одинъ чистый добродушный смѣхъ, а причины, породившія это, остаются совершенно на заднемъ планѣ и нужны только, какъ холстъ для картины... Вѣдь и Пикквикъ, собирая факты о пискаряхъ и знаменитой лошади, былъ политикъ и общественный дѣятель... Не трусьте и доставьте удовольствіе публикѣ.

«Бѣдное «Слово»! И человѣкъ, 12 т. верстъ пѣшкомъ прошедшій на страусѣ¹⁾, не годился ему. На кого же теперь направить Діогенъ свой фонарь? Вотъ я думаю кипятится Сергѣй-то Николаевичъ (Кривенко). На счетъ могущаго быть соглашенія съ «Русскою Мыслію» я говорилъ и въ принципѣ это дѣло возможное, но во всякомъ случаѣ редакціи надобно знать заранѣе и приготовиться, поэтому если рѣшено будетъ «Слову» сложить свою голо-

¹⁾ Повидимому, кандидатъ въ редактора «Слова», упомянутый выше Пашино.

вушку, то не замедлите увѣдомить заблаговременно и объяснить Ваши условія.

«Какъ поживаютъ Ваши цыплята? Я думаю морозы имъ не понутру. Скоро Вы переѣзжаете? Пожалуйста увѣдомите не медля о новомъ адресѣ. Бурлакъ кланяется Вамъ. За книжку благодарю, а когда получу, то вспырнемъ ее. Александръ Васильевнѣ прошу передать мое почтеніе»...

Другое обширное письмо Орлова съ упоминаніемъ о разсказѣ про пилюли, какъ уже напечатанномъ («Отеч. Зап.» 1881 г. № 9), относится къ концу сентября или октября того же 1881 года и начинается аллегорическимъ изображеніемъ итальянской долины, мирно процвѣтающей подъ жаркимъ небомъ, но потрясенной и испуганной внезапнымъ изверженіемъ вулкана. Аллегорія намекаетъ на правительственный погромъ общественности и литературы. Потоки лавы, сказано въ концѣ картины, угрожаютъ «даже стоящему внѣ долины мирному, недавно отдѣланному домику въ с. Сябринцахъ (только мебель не привезена изъ Петербурга)». Не знаю, какъ выдержите Вы этотъ натискъ, но онъ неумолимъ»...

Первая половина письма далѣе посвящена выясненію недоразумѣній между Успенскимъ и редакціею «Русской Мысли».

5). «Съ удовольствіемъ воспріялъ новость,—продолжаетъ Орловъ,—что Вы затѣваете романъ «Овечьи слезы»—въ этомъ духѣ у меня есть разсказецъ изъ дѣтскихъ воспоминаній, но болѣе радуюсь Вашему будущему юмористическому роману—въ наше время онъ будетъ имѣть болѣе успѣхъ, хорошо оплатится и дастъ Вамъ возможность отдохнуть отъ тяжелаго дѣйствія современныхъ мрачныхъ картинъ и освѣжить умъ, какъ слабительное желудокъ, набитый пухлой и неудобоваримой пищею—вѣдь, законъ одинъ: вѣчный фельетонистъ пріобрѣтаетъ способность порхать, какъ бабочка, по лозамъ, изготовленнымъ для экзекуціи, а вѣчный описыватель бѣдствій и мрака становится звѣремъ, способнымъ ни за что, ни про что растерзать этого фельетониста.

6). «Книги получилъ (двѣ), большое за нихъ спасибо. Разсказъ о пилюляхъ вышелъ хорошъ, но опять-таки мрачный, и потому требующій большой осторожности даже въ словахъ. Вотъ Щедринъ дождался-таки своего. Можете представить съ какимъ нетерпѣніемъ раскрыли мы «Отеч. Зап.», не вѣря слухамъ, и увы! Говорятъ, статья эта анатомировала свиную дружину (т.-е. пресловутую Священную Дружину.—Ч. В—ій) и, какъ пишетъ Градовскій въ «Порядкѣ», одно изъ лучшихъ произведеній Щедрина. Любопытно было бы прочесть. Доставайте, если можете.

7). «Златовратскій прислалъ въ Р. М. статью, Юрьевъ (С. А.

Юрьевъ, редакторъ «Русск. Мысли». Ч. В—ій) хвалить. Боборыкинъ тоже далъ свое произведеніе. Весьма радуюсь появленію «Нови», но не понимаю, какъ это является она вмѣсто «Слова»? Переименовано только оно, или новая программа и новая редакція? Если Вы не будете очень строги, то для «Нови» дамъ Вамъ разсказецъ, стихи и статью по поводу книги Кривенко «Физическій трудъ». Писаревъ и Бурлакъ Вамъ кланяются; адреса Маковой я до сего времени не получилъ, посылаю къ Бурлаку сейчасъ и можетъ быть добуду. Съ Рушко, если можно, пожалуйста развяжитесь, какъ для того, чтобы годилась она на предки, такъ и въ виду прилагаемаго письма—очень обяжете.

8). (и самое главное). Деньги 400 руб. изъ редакціи получилъ, но такъ какъ почтою переправить ихъ нельзя (между Петербургомъ-то и Москвою), то привезу ихъ самъ, для чего 20 числа сего ноября сяду въ вагонъ почтоваго поѣзда и прибуду къ Вамъ въ Чудово въ 7 ч. утра въ субботу—къ чаю. Попросите Александру Васильевну приготовить пирожокъ поподжаристѣй, а напитокъ я привезу съ собою. Теперь прощайте, бумаги больше нѣтъ. Всѣмъ кланяюсь и пребываю истинно Вамъ преданный

Н. Орловъ».

Въ одномъ письмѣ Н. П. Орловъ пишетъ, наконецъ, о непопавшей въ «Русскую Мысль» «Исповѣди» Льва Толстого.

«Это—искренняя душевная исповѣдь, вполне объясняющая долгое молчаніе его и причину поѣздки къ штундистамъ. Жаль только, что въ концѣ концовъ вся масса душевной смуты выразилась у него хотя и сильно и оригинально, но чисто *духовно*, безъ всякаго отношенія къ *дѣйствительной* жизни, тогда какъ въ мотивахъ есть прелестныя вещи». Далѣе Орловъ дѣлаетъ рядъ выписокъ изъ «Исповѣди». «Вотъ вамъ приблизительный абрисъ, который по возможности уяснится Вамъ изъ прилагаемаго евангелія Толстого, недостающія тетради котораго по полученіи вышлю».

Извѣстный публицистъ, авторъ статей о русскомъ южномъ сектанствѣ и видный сотрудникъ въ теченіе многихъ лѣтъ журнала «Недѣля», *Яковъ Васильевичъ Абрамовъ*, какъ онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Г. И. Успенскомъ («Пріазовскій Край», 1902 г. 4 апрѣля), зналъ Г. И. очень близко въ теченіе десяти лѣтъ, 1880—1890 г.г. Близость ихъ подтверждается множествомъ сохранившихся записочекъ къ нему Успенскаго, изъ которыхъ мы приведемъ далѣе болѣе любопытное и характерное, остановимся пока на письмахъ этого же 1881 года.

Первое ихъ знакомство состоялось въ декабрѣ 1880 г., когда Абрамовъ явился въ Петербургъ въ качествѣ начинающаго писателя съ нѣсколькими рукописями, которыя и были пристроены, при содѣйствіи Успенскаго, въ «Отеч. Запискахъ». Успенскій, какъ то бывало и съ другими, поразилъ Абрамова «своимъ участливымъ отношеніемъ къ человѣку, котораго онъ видѣлъ впервые, котораго не зналъ и который пришелъ къ нему съ улицы». Между ними началась горячая бесѣда. Въ итогъ ея черезъ три дня они уже ѣхали вмѣстѣ въ Новгородскую губернію, въ усадьбу А. В. Каменскаго, въ одну изъ тѣхъ экскурсій, въ которыхъ Г. И. набиралъ матеріалъ для своихъ произведеній. «Мы провели въ усадьбѣ два дня, при чемъ къ Г. И-чу постоянно приходили мѣстные крестьяне, часть которыхъ онъ зналъ прежде, а часть шла по наслышкѣ о немъ отъ другихъ. Цѣлые дни мы толковали съ крестьянами. Эти два дня остались у меня въ памяти, какъ какой-то свѣтлый сонъ. Поѣздка эта, въ связи, конечно, съ наблюденіями Г. И-ча, сдѣланными ранѣе, дала ему матеріала на цѣлыхъ три очерка»...

Въ двухъ письмахъ Абрамова изъ Нальчика, относящихся къ 1881 году, рѣчь идетъ, между прочимъ, и о произведеніяхъ Успенскаго и о проектахъ изданія новаго органа, гдѣ предполагалось болѣе близкое участіе Успенскаго. Абрамовъ проситъ выяснить судьбу нѣкоторыхъ его статей, жалуется на закрытіе «Слова», и т. п.

«У Васъ,—пишетъ онъ:—опять явилось намѣреніе издавать свой журналъ. Если бы это намѣреніе было приведено въ исполненіе, я весь къ Вашимъ услугамъ: буду дѣлать все, что могу. Но, право, мнѣ кажется, что Вамъ не удастся разстаться съ «Отеч. Зап.» А я былъ бы очень и очень радъ, если бы Вы издавали собственный журналъ и если бы мнѣ пришлось работать въ немъ.

«Теперь о Вашемъ «На травкѣ». Вы проводите такую мысль, что враждебно-испытующее отношеніе народа къ «вольнымъ дачникамъ» появилось только въ послѣднее время. Не знаю, какъ стояло дѣло тамъ, въ Россіи; но у насъ, насколько я помню, я постоянно встрѣчалъ факты народной враждебности и подозрительности къ людямъ, одѣтымъ въ нѣмецкое платье. До появленія Вашего «На травкѣ» я думалъ рассказать одинъ очень характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ, бывший съ однимъ изъ моихъ пріятелей лѣтъ шесть тому назадъ въ глуши Черноморіи, куда ни тогда, ни даже теперь внѣшнія вліянія совсѣмъ не проникаютъ. Эпизодъ этотъ я Вамъ когда нибудь расскажу».

II. Изъ писемъ Г. И. Успенскаго къ Е. С. Некрасовой.

Письма Г. И. Успенскаго къ Екатеринѣ Степановнѣ Некрасовой, къ писательницѣ-москвичкѣ, числомъ до 70 и обнимающія время отъ 1881 до второй половины восьмидесятыхъ годовъ, хранятся въ комнатѣ сороковыхъ годовъ Румянцевскаго Музея. Корреспондентка Г. И. цитировала часть этихъ писемъ, въ общемъ незначительную, въ своихъ воспоминаніяхъ объ Успенскомъ («Рус. Мысль», 1902 г. № 9). Кое что приведено было и нами въ статьяхъ объ Успенскомъ. Здѣсь мы приводимъ то, что не было напечатано (за исключеніемъ немногихъ повтореній извѣстнаго), оставляя въ сторонѣ письма, представляющія простыя мимолетныя, ничѣмъ не характерныя, записочки и сопровождающія письма кое какими пояснительными замѣчаніями. Даты писемъ приблизительно были опредѣлены самою Е. С.

Отношенія ихъ были чисто товарищескія, и нѣкоторыя письма дышатъ всей прелестью живой дружеской бесѣды.

Первое изъ этихъ писемъ относится къ марту 1881 года, къ моменту, когда Успенскій собрался было въ самарскую губернію (онъ считалъ себя связаннымъ съ нею пребываніемъ въ с. Сколковѣ), собрался съ тѣмъ, чтобы писать о голодѣ. Послано письмо изъ Петербурга. Упоминаемый въ началѣ письма сборникъ «Откликъ» вышелъ въ 1881 г.

Екатерина Степановна! Студенты извѣстили меня, что публиковать объ ихъ сборникѣ—пока рано, такъ какъ выйдетъ онъ послѣ 15 марта. Вѣроятно мы увидимся съ Вами эти дни. Въ Самару я пока не поѣду; если поѣду—то послѣ 20-го числа марта, да и то, признаться, неохотно поѣду: велико удовольствіе—голодъ! Чортъ бы его дралъ. Чтеніе корректуръ, тоже, я думаю, не доставитъ Вамъ особеннаго удовольствія, почему и не посылаю Вамъ ихъ. Абрамовъ говоритъ, что Вы переѣзжаете на другую квартиру, и я не знаю дойдетъ ли это письмо. Посылаю наудачу. Будьте здоровы и не забывайте насъ.

Г. Успенскій.

5 марта.
Четвергъ.

Слѣдующее шутовское письмо вызвано было тѣмъ, что Г. И. не могъ уплатить Некрасовой во время какого-то незначительнаго долга.

Екатерина Степановна!

Христомъ Богомъ и именемъ Вашего сосѣда, извѣстнаго всему свѣту Филиппа митрополита,—прошу Васъ простить меня недостойнаго раба. Я знаю до какой степени нагло, подло, гнусно, преступно поступилъ я съ Вами! Я скомпрометировалъ Васъ предъ всей Москвой—что скажутъ Меримеладовы, узнавъ что Вы занимали деньги для меня?

Что скажетъ Анна Степановна, ежели проникнетъ ужасную тайну? Я содрагаюсь при одной только мысли о томъ, что это можетъ открыться? Вы однажды сказали мнѣ, что въ Москвѣ «ментально» исчезаютъ репутаціи какъ только займешь денегъ и не отдашь во время. Ментально! Да не лучше ли прямо наложить на себя руки? Чего жъ ждать, когда все должно разрушиться и все потрясется? Да легче мнѣ удавиться, прости Господи, чѣмъ дожидаться такого столпотворенія вавилонскаго! Чего же ждать?

Именно это отчаяніе, этотъ страхъ предъ возможностью ментально провалиться сквозь землю, исчезнуть съ лица земли, остаться безъ репутаціи, безъ крова, пристанища,—но съ однимъ бременемъ срама на плечахъ—именно это ужасное предчувствіе неминуемой гибели (если только Анна Степановна проникнетъ въ тайну)—и препятствуетъ мнѣ своевременно уплатить потрясающій долгъ мой.

Дорогая Катерина Степановна! Серьезно—не сердитесь, пожалуйста, погодите еще одну капельку,—я все сполна уплачу очень скоро, въ іюлѣ непременно. Случились непредвидѣнныя комбинаціи и т. д. Въ Москвѣ буду непременно. Получили-ли Вы мои фотографическія карточки? Если нѣтъ, то вотъ записка къ Панову. Пожалуйста возьмите сколько угодно, а остальные пришлите мнѣ, *пожалуйста*-же! Адресъ для посылки: Новгородская ж. дорога, ст. Спасская Полисть, Г. И. У. на датѣ Ковровцева.

Слово, находится въ ужаснѣйшемъ положеніи. Едва-ли даже и издаваться оно будетъ. Денегъ нѣтъ ни копѣйки. Если разрѣшать редактора,—то деньги будутъ, если нѣтъ—нѣтъ.

Исполните пожалуйста мою послѣднюю просьбу,—и затѣмъ я ужъ съ спокойною совѣстью испущу мой страдальческій духъ! Аминь.

Вашъ Г. Успенскій.

81 г. 14 іюля.

Въ концѣ іюля Успенскій прибѣгаетъ къ посредничеству Некрасовой для помѣщенія въ «Рус. Мысли» своего разсказа.

Объ этомъ мы читаемъ въ письмѣ, полученномъ Некрасовою 1-го августа, между прочимъ, слѣдующее:

«...во 1-хъ мнѣ надо отдавать московскіе долги, во 2-хъ надо непремѣнно ѣхать по тому же дѣлу (самарскій голодъ—Ч. В—ій), иначе я до того упаду духомъ подъ давленіемъ моей гнусной бездѣтельности, что ей Богу буду не въ состояніи работать ни осень, ни зиму. Увѣряю Васъ, что это такъ, а меня это просто разорить. Въ виду всего этого, рассказъ, который у меня есть, мнѣ надо помѣстить гдѣ нибудь... Если бы было разрѣшено *Слово*,—то я бы печаталъ тамъ. Въ *Дѣлѣ*—нельзя, п. ч. перессорились изъ-за «Русскаго Богатства» (Бажинъ). Въ «Вѣстн. Ев.»—совсѣмъ невозможно: это «лагерь», и Салтыковъ обидится. Остается одно, попробовать помѣстить въ «Русской Мысли».

«Я знаю, что Юрьевъ меня терпѣть не можетъ, да и я его тоже терпѣть не могу,—вотъ мы и кв. (квиты)¹⁾».

Во 1-хъ Салтыковъ Юрьева любитъ, во 2-хъ «Русск. Мысль»—почти еще безъ направленія, въ 3-хъ печатаетъ иногда Богъ знаетъ что, а 4-хъ рассказъ мой ни въ чемъ не (зачеркнуто дватри слова) унижить редакцію. Я, дѣйствительно, могу получить упрекъ отъ ред. «От. З.»—но Юрьевъ ни отъ кого не получить никакого упрека».

Редакція «Русской Мысли», которую фактически велъ и тогда уже не Юрьевъ собственно, а Гольцевъ, конечно, согласилась на всѣ условія Г. И. Это былъ очеркъ «Старики», появившійся въ ноябрьской книжкѣ «Рус. Мысли» 1881 года. Вмѣстѣ съ слѣдующемъ очеркомъ «Равненіе подъ одно» (Р. М. 1882, № 1), «Старики» позднѣе вошли въ собраніе сочиненій Успенскаго подъ названіемъ «Старый бурмистръ». Г. И. выговорилъ себѣ по 200 р. за листъ и рассчитывалъ, что «Старики» составятъ два съ половиною печатныхъ листа.

Подъ свой рассказъ Г. И. взялъ, до появленія въ печати, 500 рублей, и затѣмъ начались при большой его мнительности и кромѣ того при путаницѣ, производимой конторою журнала, недоразумѣнія и счеты, раздражавшіе Г. И. до послѣдней степени. Настроеніе его обрисовывается въ слѣдующемъ письмѣ, полученномъ Некрасовою 8 ноября 1881 г:

Многоуважаемая Екатерина Степановна! такъ какъ въ Августѣ или Сентябрѣ и вы мнѣ не писали, то и я не писалъ,

¹⁾ Поводъ къ взаимному нерасположенію, можетъ быть, былъ содѣланъ статьями Успенскаго о пушкинскихъ торжествахъ, проливавшими холодной воды на увлеченіе рѣчью Достоевскаго, а этого увлеченія не могъ не дѣлать славянофилъ Юрьевъ.—Ч. В—ій.

я думалъ, что Вы сердитесь. Да признаться все время изъ за этой исторіи съ «Русск. Мыслью» мнѣ было глубоко скверно. Судите сами: я телеграфирую въ редакцію «Русск. Мысли» и спрашиваю, сколько вышло? отвѣчаютъ телеграммой $\frac{3}{4}$ листа. Я прошу Орлова узнать подробно въ редакціи у самого Лаврова,—и онъ отвѣчаетъ мнѣ только *три четверти*. Что жъ это? Не мошенникъ ли я? Я обѣщалъ около 2-хъ листовъ и выходитъ что я даже листа не далъ, и это 2 раза (!!) отвѣчаетъ мнѣ редакція! Теперь что же оказывается? Вышло почти вдвое больше противъ того, что они говорили и во всякомъ случаѣ гораздо ближе къ тому, что я обѣщалъ, чѣмъ къ тому, что телеграфировали мнѣ редакція, повторяю, *два раза!!!*

Ну не ж ли это? Нѣтъ, они рассказывали другимъ, что Успенскій надулъ, вѣдь объ этомъ въ Петербургѣ болтали—к..... они этакіе! Слово «надулъ» родилось вмѣстѣ съ ними на свѣтъ, и такъ же крѣпко сидитъ въ мозгу, какъ носъ на лицѣ. Чисто лавочное міросозерцаніе! Вѣдь они и къ Вамъ пріѣзжали съ упрекомъ въ обманѣ, посудите теперь сами—не п..... ли они? Будь еще одна страница или двѣ, что мнѣ ничего не стоило написать, вѣдь это было бы именно около двухъ, они же телеграфировали и сплетничали: *три четверти*, убавляя дѣйствительный размѣръ статьи не на 2, а на 6 страницъ!

Ну чортъ съ ними! хорошо тоже д..... эти почтили Салтыкова! Нечего сказать похоже на юбилей! Островскому былъ юбилей въ Петербургѣ не такой. Хоть бы взяли примѣръ съ юбилея Крашевскаго. И что же смотрѣла Ваша вяленая Гамбета, Гольцовъ, сей ибей и ядикай.

Теперь я послалъ имъ мою 2-ю статью и вполне хорошую, но едва ли она придется имъ по вкусу, особливо Юрьеву, у котораго рука берется за перо только затѣмъ, чтобы изгадить и осрамить что-нибудь дѣйствительно хорошее. Почитайте его примѣчанія къ превосходной статьѣ Дитятина. И подумайте, гдѣ и когда бывало что нибудь подобное. Дитятинъ, какъ убѣжденный человѣкъ, вступаетъ въ полемику съ Аксаковымъ и со всей его кликой. Клика эта зло явное, всѣмъ видимое,—и сильное своими высшими связями. Клика распускаетъ на всю Россію смрадъ, и мракобѣсіе,—виляетъ, лжетъ и т. д. Убѣжденный, умный человѣкъ пишетъ статью, въ которой онъ научнымъ путемъ разбиваетъ эту шайку лгуновъ. Общественный дѣятель выходитъ на войну, не такъ какъ Гольцовъ или другой подобный налимъ,—и что жъ дѣлаетъ старая ваточная юбка Юрьевъ? Она навязываетъ этому писателю примѣчаніе объ Иванѣ Сергѣевичѣ, по имени по отчеству величаетъ Ив. С. Ив. С. отличный человѣкъ кто лично его

знаетъ... Статья Дитятина хороша, за исключеніемъ первыхъ страницъ, т. е. страницъ, въ которыхъ авторъ характеризуетъ Аксаковыхъ, какъ лжецовъ и проходимцевъ... Нѣтъ у этихъ д..... убѣжденій; впечатлѣнія личнаго знакомства они переносятъ въ общественное дѣло! Никогда у нихъ не будетъ никакого толку, если старая юбка будетъ шляться между статей, какъ старая приживалка. Буду очень радъ, если статья моя не годится этимъ д.....—она дѣйствительно недурна. Если-бы не нужда, разумѣется, я бы носа къ нимъ не сунулъ, трактирное панибратство и самое п..... кулачество,—вотъ что такое эти люди. Торгуютъ словестностію, какъ овсомъ.

NN¹⁾ я видѣлъ одинъ разъ года два тому назадъ, лѣтомъ съ какой-то жидовкой-акушеркой (жида съ лягушкою вѣнчали,—это про нихъ сказано). Показался онъ мнѣ грубой дубиной, кутейникомъ, самымъ неисправимымъ, хотя жидовка и побуждаетъ его походить на калегварда. Все онъ вреть, что пишетъ, такъ мнѣ кажется. Скоро и я буду писать о народной школѣ, и Вы увидите сколько эти подлецы прячутъ сору, своего и чужого, для того, чтобы симпатично соврать о своей почти ангельской добротѣ къ народу. И все общія фразы, общія мѣста,—до тошноты!

Пишите ему въ ред. «От. З.»—тамъ передадутъ. А я его терпѣть не могу.

(Далѣе Г. И. сообщаетъ о покупкѣ дома въ Сябринцахъ, близъ ст. Чудово и рисуетъ видъ и планъ своихъ владѣній и кратко сообщаетъ о своихъ хозяйственныхъ планахъ, см. «Р. М.» 1902, № 9, стр. 49).

Ну, будьте здоровы, Сибиряковъ еще не пріѣзжалъ, но ему отдѣлываютъ квартиру и скоро онъ будетъ. Я все помню, что обѣщаль, только вашихъ московскихъ фертовъ литературныхъ не люблю. Поѣдете въ Петербургъ, заѣзжайте пожалуйста.

Вашъ Г. Успенскій.

(Приписка:) Пожалуйста не откажите мнѣ написать адресъ Дитятина, имя, отчество и т. д. Да еще. что за безобразная исторія съ господиномъ Пановымъ²⁾? мнѣ говорятъ Бурлакъ и Писаревъ—идите, идите къ нему, что жъ вы нейдете, онъ васъ дожидается, идите жъ пожалуйста, .. и т. д. я, дуракъ, и пошелъ. Пан. снимаетъ

¹⁾ Названа фамилія одного совершенно незначительнаго автора.

²⁾ Фотографъ, къ которому идти сниматься убѣдили Г. И-ча его московскіе пріятели, артисты В. Н. Андреевъ-Бурлакъ и М. Писаревъ; повидимому, Пановъ потребовалъ съ Г. И. деньги, тогда какъ пріятели увѣряли его, что фотографъ желаетъ снять его даромъ изъ чести продавать снимки.

съ меня пять портретовъ, *самъ* предлагаетъ столько же экземпляровъ и т. д. И все это выходитъ въ какую-то нелѣпицу? Что жъ это такое? Зачѣмъ такое обиліе вранья,—рѣшительно не понимаю!

Пишите пожалуйста ко мнѣ Е. С.—Я можетъ быть скоро буду въ Москвѣ на минутку. На дняхъ пришлю Вамъ 3 моихъ новыхъ книги. И Ольгѣ Ивановнѣ особо съ письмомъ. И статью въ Рус. Вѣд.

Въ письмѣ, полученномъ Некрасовою 16 ноября, Г. И., вѣроятно получивъ упрекъ отъ нея, высказываетъ раскаяніе въ невоздержномъ тонѣ своего письма; и въ частности въ выходкѣ противъ Гольцова, съ которымъ у него позднѣе завязались искреннія и теплыя дружескія отношенія. Выдѣляя его отъ остальной редакціи, противъ которой раздраженіе еще не улеглось, Успенскій пишетъ:

«Ну знаете,—я дѣйствительно грубое письмо написалъ и напрасно серд. на Г. и пр.—Но ей ей они с....! Передайте, если можете, всѣмъ имъ по оплеухѣ или попросите сдѣлать это Гольцева, который, какъ извѣстно, весьма чутокъ на добрыя дѣла. Сдѣлайте милость спросите мимоходомъ,—что за причина этого ослинаго молчанія? (Г. И. не получалъ отвѣта отъ редакціи на письма—Ч. В-ій). Что они домового ли хоронятъ, вѣдьму ль замужъ отдаютъ?»

Изъ письма, полученнаго 22 ноября 1881 года:

«Будетъ съ 1-го Декабря новый журналъ «Новъ» (вмѣсто *Слова*), не говорите этого, а посылайте статью Кривенкѣ, посылайте Масоновъ. Отчего ни одна женщина не опишетъ *по совѣсти* чего нибудь женскаго, хоть роды, дѣтоубійство, швыряніе дѣтей въ отхожее мѣсто и т. д. Мало ли у женщинъ всего этого. Нѣтъ, молчать, не пикнуть. А развѣ это не женскій вопросъ?»

Изъ письма отъ 26 ноября 1881 года: Пожалуйста оставьте Панова въ покоѣ, бросьте его къ чорту съ портретами. Сейчасъ пришли «От. З.» и я просмотрѣлъ свою статью,—плохо! усталъ я, и надоѣло ¹⁾.

Нови не будетъ. Не позволяютъ. Но будетъ *огромная* газета, которая затмитъ все, что до сихъ поръ было. Объ этомъ я напишу и Вы должны быть соотрудницей. Теперь я пишу статью непріятную для женскаго пола. Что дѣлать! Претерпѣлъ я, и умолчать не могу ²⁾.

Вѣрнопопданный

Г. Успенскій.

¹⁾ «О. З.» 1881 г., № 11, глава «Опустошители» изъ серіи «Богъ грѣхамъ терпитъ», составляющая продолженіе «Маленькихъ недостатковъ механизма».

²⁾ Большую газету проектировалъ въ это время безуспѣшно извѣстный журналистъ г. Н. Николадзе.

Изъ записки безъ даты.

На рождество или послѣ 15 Дек., т. е. передъ рождествомъ, я приѣду въ Москву непремѣнно. Въ Тверь не поѣхалъ,—и тоска, тоска, тоска, не могу ничего писать.

Вашъ Г. Успенскій.

Изъ ряда записокъ и писемъ дѣлового содержанія видно, что Некрасова исполняла много порученій Г. И. и хлопотала объ изданіи его сочиненій. Между прочимъ, она убѣдила В. М. Лаврова издать сборникъ статей Успенскаго «Власть тьмы». Книга была издана въ 2400 экз., а Успенскому уплачено гонорара 300 рублей, при чемъ Лавровъ не позаботился послать ему ни одного авторского экземпляра, что очень обидѣло Г. И. (см. письма Успенскаго къ Гольцеву—«Архивъ Г—ва», т. I).

Какъ видно изъ писемъ 1882 года, весной между Успенскимъ и Некрасовой шла рѣчь о поѣздкѣ Некрасовой въ Астрахань, туда же собирался и Успенскій, но поѣздку разстроила крупная непріятность въ началѣ іюня, обрушившаяся на Успенскаго. Въ Чудовѣ какой-то проходимецъ сочинилъ доносъ на писателя, какъ на социалиста-заговорщика, и разборка этого доноса задержала Г. И. Разсказъ объ этомъ эпизодѣ, въ письмѣ Успенскаго изъ Чудова, полученномъ Некрасовой 12 іюня 1882 г., уже былъ въ печати (ст. Некрасовой); эпизодъ послужилъ поводомъ къ очерку «Подозрѣваемые» («О. З.» 1882 г. № 9). Въ припискѣ къ письму Г. И. спрашиваетъ:

«За что на меня сердитъ В. Ал. Гольцевъ? И когда онъ будетъ меня бранить въ «Рус. Вѣд.»? На меня ужасно много сердито народу. Точно другіе никто и никогда не ошибались въ своей жизни и въ своемъ дѣлѣ. Ну Господь съ ними. Я писать ничего не буду».

Въ началѣ 1883 года Успенскій предпринялъ дальнее путешествіе на Кавказъ, откуда вернулся въ Москву 14 апрѣля 1883 года.

По возвращеніи съ Кавказа было написано Г. И. слѣдующее шутовское письмо, съ выраженнымъ въ немъ подозрѣніемъ, что въ личной жизни Е. С. произошла существенная перемѣна.

(Изъ Чудова, получено 24 апрѣля 1883 года).

Дорогая Екатерина Степановна!

Получилъ я Ваше письмо: все въ немъ тоже, что и всегда—и чернила, и бумага, и почеркъ, и слова какъ будто тѣжъ самыя,—а что-то не то! Честное слово; самъ не знаю почему, *рѣшительно*

безъ малѣйшаго основанія, а просто только по одному письму послѣднему,—*чувствую*, что что-то въ Вашей жизни произошло. Что такое?

Я еще подумалъ объ этомъ когда получилъ отъ Васъ (40 р. Въ ножки кланяюсь!) и великолѣпную бумагу съ подписью *Екатерина*. Императрица Ек. 2-я точно также подписывалась: Екатерина, но у нея всегда, кромѣ подписи, было еще написано что-нибудь на бумагѣ,—а такихъ манифестовъ, на которыхъ ничего кромѣ Екатерины нѣтъ, сколько помню она въ свѣтъ не выпускала. Ахъ Москва, Москва! И доброе дѣло сдѣлаетъ и въ рыло ткнетъ! Когда я получилъ эти 40 р. и пустую бумагу,—точно въ рыло кто мнѣ деньги бросилъ! Отъ чего это и за чѣмъ это было сдѣлано! Напишите мнѣ пожалуйста и все подробно, обо *всемъ* помните: и нѣсть тайны, которая-бы не открылась.

Такъ ужъ лучше покайтесь чистосердечно. Вотъ что милая Екатерина Степановна! Что дѣлается съ моими книгами? Я думаю ничего, но попытайтесь еще разъ передать г. издателю такія условія:

За 3 тома,—1500 руб. которыя уплачиваются такъ:

(Далѣе идутъ соображенія чисто дѣловыя).

Я скоро опять поѣду на Кавказъ и ужъ *разыщу* Васъ въ преисподней и разоблачу всѣ ваши шашни и плутни, обличу, выведу на свѣжую воду и т. д. Тогда то я и буду въ ножки Вамъ кланяться.

Охъ, что-то мнѣ кажется, нѣтъ-ли тамъ въ Протопоповскомъ переулкѣ въ приходѣ Никиты мученика какихъ нибудь амуровъ! Я теперь отлично отдохнулъ, носъ у меня сталъ чуткій, кой что воротилось по части впечатлительности—такъ вотъ мнѣ и кажется что нѣтъ-ли тутъ чего нибудь двухспальнаго? Нѣтъ? Ну, виновать!

Охъ есть—есть—есть..., а впрочемъ молчаніе, молчаніе. Однакожъ позвольте стпросить,—не выходите ли Вы замужъ за кого нибудь?

А?

Если да,—то это просто превосходно, отлично,—говорю это по чистой совѣсти. Вотъ тогда, годика черезъ два, если Вы пришлете мнѣ пустую бумагу съ подписью «Екатерина»,—такъ ужъ я буду понимать, что Вы слава богу живы, здоровы и что разговаривать объ этомъ много нечего. А этого мнѣ разумѣется и довольно,—по горло! Само собой.

Г. Усп.

Замѣтка Е. Некрасовой, обидѣвшейся на вольную шутку: «Видимо писано въ пьяномъ состояніи».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ (полученномъ 10 апрѣля 1883 г.) снова рѣчь о продажѣ сочиненій Г. И. и объ изданіи газеты, послѣ того, какъ проектъ Николадзе не состоялся.

«Дорогая Екатерина Степановна! Ну, простите меня пожалуйста за глупое письмо,—пожалуйста! что жъ касается выраженій «во хмѣлю»,—то это неправда—я теперь не пью, да сударыня! А былъ я просто веселъ и *игралъ* во мнѣ прелестный Кавказъ. Вотъ и все.

«На Русскую Мысль плюньте ради Бога чортъ съ ними—А вотъ, что прошу убѣдительно и ради Бога,—подавайте прошеніе въ Гл. Упр. по дѣламъ печати объ изданіи еженедѣльнаго (зачеркн. «газеты») журнала (по программѣ Недѣли) «*Русская Жизнь*», ц. 5 р. Это будетъ превосходное дѣло. И Вы здѣсь будете завалены работой. Журналъ долж. издав. въ *Петербургѣ*. Пожалуйста подайте, что Вамъ стоитъ написать бумагу и подать ее по почтѣ куда слѣдуетъ. Вѣдь какой человѣкъ! Я ѣздилъ по Россіи, видѣлъ людей всякаго званія и говорю вполне вѣрно—у этой газеты будетъ огромная подписка, знаю-же я что говорю. Только вы просите разрѣшеніе и дайте его мнѣ. Тогда Вы не будете унывать о томъ, что Васъ обижаютъ утробы и уроды «Рус. М.». Я буду писать скоро.

При семъ прилагаю письмо М. И. Лаврова изъ Баку, который просилъ его передать въ «Рус. Курьеръ». Будьте добры пожалуйста сдѣлайте это, но такъ какъ кое что изъ этого письма войдетъ въ мои путевыя замѣтки, гдѣ между прочимъ будутъ описаны бакинскіе безпорядки, которые я видѣлъ, то я прошу Васъ и Викт. Алекс. (Гольцева), о слѣдующемъ: какъ только корреспонденція эта будетъ *набрана*, пусть онъ велитъ оттиснуть ее въ гранкахъ и передать Вамъ, а Вы положите гранки въ конвертъ и пришлете мнѣ. Мнѣ она нужна до $\frac{1}{2}$ мая, я сдамъ работу для «От. З.» на все лѣто. Если Викт. Алекс. сдѣлаетъ мнѣ это, то я пришлю ему изъ Ленкорани корреспонденцію, за своей подписью, о сектантахъ.

Простите же за глупое письмо, а Погожева поздравьте.

Г. Успенскій.

Получено 26 мая 1883 г.

Дорогая Екатерина Степановна!

«Буду писать на дняхъ»—а до сихъ поръ ничего нѣтъ. Между тѣмъ мнѣ крайне необходимо рѣшить дѣло сейчасъ и вотъ что я прошу Васъ, пожалуйста ради Бога. Если Вы видите какія-нибудь

затрудненія, проволочки и т. д.—то бросьте всякіе переговоры и сію жъ минуту пришлите съ артельщикомъ спальнаго вагона утренняго или 12 или 2-хъ часового поѣзда книги въ Петербургъ, Невскій, 131, кв. 8, Кривенкѣ; я ихъ буду ждать въ Петербургѣ до понедѣльника; онѣ мнѣ необходимы. Крайне, крайне. Не знаю куда дѣваться отъ тоски.

Вашъ Г. Успенскій.

Въ началѣ слѣдующаго письма, помѣченаго «пятница, 10 іюня» (1883 г.), Г. И. рекомендуетъ своей корреспонденткѣ, мечтавшей объ Италіи, съѣздить прежде всего на Кавказъ и напоминаетъ о политическихъ ссыльныхъ: «Я бы теперь даже не на Кавказъ поѣхалъ, а въ Сибирь, да взялъ бы адреса, да разузналъ бы какъ живутъ. Такъ забывать людей нельзя. А то — Италія, Ніапыль!» Ему какъ всегда, «все некогда, кучи, кучи непріятностей!..» «Нужна масса денегъ для дома. И я пожалуй все лѣто просижу за работой, а потомъ и осень, и зиму и т. д. Вотъ скучно-то и тяжело! Ужасъ какъ!»... Далѣе читаемъ:

...Надобно развязаться съ Лавровымъ, я ни за что у нихъ работать не буду, а долгъ уплатить надо, поговорите пожалуйста съ В. А. (Гольцовымъ) не пожелаетъ-ли онъ, чтобы я писалъ въ «Курьеръ»¹⁾ литературныя обозрѣнія, петербургскія литературныя письма разъ въ недѣлю, а гонораръ онъ передавалъ бы въ «Рус. Мысль». Я подпишусь псевдонимомъ, и что другимъ платятъ, то пусть платятъ и мнѣ. А лучше нельзя ли, чтобы была назначена огуломъ извѣстная плата въ мѣсяцъ за 4 фельетона, притомъ одинъ могъ быть больше, другой меньше. Тутъ будетъ и о литературѣ и о литераторахъ и вообще о Петерб. жизни, о студентахъ, студенткахъ литературѣ, начинающихъ талантахъ, направл., и т. д. Пожалуйста потолкуйте и напишите мнѣ. Вы меня простите, что я такъ долго не отвѣчалъ. Я Васъ очень люблю, но меня все гнететъ и гнететъ и работа и масса глупыхъ заботъ.— Въ Москву пріѣхать нѣтъ денегъ.

Если бы Гольцевъ добылъ у Ланина рублей 200, тогда бы я поѣхалъ на Кавказъ и написалъ бы въ «Рус. К.» нѣсколько писемъ, съ подписью, о сектантахъ (въ «Отеч. З.» уже отдано), а осенью за Литературную Хронику бы принялся и сталъ бы уплачивать долгъ Лаврову. Поговорите не настаивая,—а такъ, съ достоинствомъ, какъ это Вы всегда умѣете дѣлать. До свид.

Вашъ Г. Успенскій.

¹⁾ Газета Ланина «Русскій Курьеръ», гдѣ и было напечатано три фельетона Г. И. за подписью Г. И.-въ: «Въ ожиданіи лучшаго», 1883 г. №№ 117, 121 и 128. См. ниже.

Едва ли это письмо съ фразой «я васъ очень люблю» не было поводомъ къ недоразумѣнію между Г. И. и Е. С. По нѣкоторымъ глухимъ фразамъ въ слѣдующихъ письмахъ, намекамъ и недо-молвкамъ можно догадываться, что Е. С. въ слишкомъ интим-номъ смыслѣ поняла эту фразу, что въ дальнѣйшемъ и измѣнило ихъ дружескія отношенія...

Слѣдующая записка къ Некрасовой написана въ пріѣздъ ея въ сентябрѣ 1883 г. въ Петербургъ.

Екатерина Степановна, не могу, не могу и не могу! Вы не разсердитесь на меня, я вполне увѣренъ, что не разсерди-тесь. Вы не можете мнѣ не вѣрить, если я говорю, что мнѣ невоз-можно оторваться отъ рабочаго стола—ни на минуту! Выберите сами часъ повидаться и загляните ко мнѣ сегодня—я всегда радъ Васъ видѣть. Если бы Вы поѣхали завтра въ 2 часа, тогда я пришоль-бы къ вамъ 9½ часовъ утра и пробылъ бы до 11 ч. Если Вы можете такъ сдѣлать т. е.: ѣхать въ 2 ч. и принять меня завтра въ субботу 9½ часовъ утра,—тогда не отвѣчайте на эту записку—я приѣду непременно.

Вашъ Г. Успенскій.

Получено 4 ноября 1883.

Екатерина Степановна!

Въ 1-хъ я и NN (московскій пріятель Г. И.—Ч. В.—ій) двѣ вещи совершенно разные. Какъ Вы этого не знаете? Я просилъ рассказывать мнѣ для *литературныхъ* цѣлей, а не *кабачныхъ раз-говоровъ*. Вы все думаете, что я только закусываю, а пишетъ-то кто? И ваше извѣстіе, что Вы мнѣ ничего не сообщите—очень не хорошо. Есть у Васъ пэнс-нэ? Вы надѣньте его и посмотрите на меня и на NN—похожи ли мы другъ на друга. Я еще и съ М. М. закусывалъ,—можетъ быть и поэтому со мной разговари-вать нельзя? Обидно. Затѣмъ вотъ что: чрезъ того же NN Вы получите отъ меня 3 книги. Одна Вамъ, другая Гольцеву, а 3-ья Ян-жулу. И прошу я Васъ (*вымарана строчка*) двѣ изъ этихъ книгъ передать Гольцеву (т. е. его и Янжула), котораго и прошу (чрезъ Васъ) передать Янжулу.

Чѣмъ богать тѣмъ и радъ! Что касается К.,—то я его совер. не знаю и не видалъ. Пишетъ онъ бездушно, деревянно. Все можетъ писать. Кромѣ того мнѣ передавали, что когда Оболенскій об-ругалъ меня¹⁾, то этотъ самый К. пришелъ въ ред. «Жив. Обзор»,

¹⁾ Смотри «До чего договорился Г. Успенскій» («Рус. Бог.» 1883, № 7) по поводу замѣтокъ Успенскаго о возвращеніи съ Кавказа въ Россію. Въ этихъ замѣткахъ была, между прочимъ, фраза, что мужикъ, есть «особь, опасная своею личною глупостью и дикостью» («О. З.» 1883, № 5 «Изъ путевыхъ замѣтокъ». Въ собр. сочиненій все передѣлано).

и сказалъ: «отлично! Такъ и надо, давно пора!» На меня сердито очень много бездарностей. А не знаю, можетъ К. и хорошъ. Онъ тоже что-то строчилъ изъ народной жизни, но не вышло. А у меня хоть и плохо, и нехудожественно,—а выходитъ, читають по временамъ.—Вотъ эти ординарныя твари и сердятся.

Пишите мнѣ пожалуйста, только не о К-ыхъ, я сегодня только что кончилъ работу, всю ночь не спалъ, усталъ ужасно и потому кончаю. Скоро приѣду въ Москву Адр. мой: Палероля, 51.

Портретъ у Бергомаско. Снимался 6 разъ—и все скверно. Теперь у Шапиро сняли хорошо. Его гравируютъ въ Парижѣ у Панемакера.

Получивъ, сейчасъ пришлю.

Вашъ Г. Успенскій.

(Изъ Петербурга, осень 1883 г.)

Сейчасъ я посылаю Вик. Алек. Гольцеву 3-й фельетонъ и вотъ что ему пишу: если эти фельетоны ему годятся, то пусть печатаетъ и платитъ мнѣ по 35 р. за каждый постоянно. Если нѣтъ,—пусть возвратитъ мнѣ назадъ, но литературныя обозрѣнія, все-таки, отдаетъ мнѣ.

Затѣмъ вотъ что: я долженъ Вамъ болѣе 50 р. Теперь, сію минуту, Вы этихъ денегъ съ меня не берите,—но за четвертый фельетонъ—Вы получите, за 5—я, за 6—Вы. Пишу Вамъ чортъ знаетъ какъ. Если Гольцевъ вышлетъ мнѣ за 3 фельетона 105 р., то я приѣду въ Москву на 2 дня повидаться со всѣми, приду непременно къ Вамъ. Пока до свиданія

Вашъ Г. Успенскій.

Къ началу 1884 г. и къ пребыванію Некрасовой въ Петербургъ относятся, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ записокъ, слѣдующія письма:

Дорогая Екатерина Степановна!

(Въ началѣ письма жалобы на болѣзнь: «въ январѣ писалъ—чрезъ каждыя двѣ минуты стоналъ отъ боли въ ногахъ на весь залъ, статья была бы на такая. Но мнѣ все это надоѣло и опротивѣло, всѣ эти сочиненія и мученія глупыя». См. ст. Некрасовой, стр. 58).

...Сейчасъ я иду въ редакцію, и если мнѣ Салтыковъ дастъ столько денегъ, сколько нужно, то я сейчасъ же буду въ Москвѣ, тамъ меня ждетъ Михайловскій. Писать буду, если не поѣду, подробно. Въ «Новомъ Обозр.» (газета изд. въ Тифлисѣ), въ Лите-

ратурной Хроникѣ Вамъ большія похвалы за статью Гоголь и Ивановъ.

Не скучайте! До свиданія.

Г. Успенскій.

Лѣткова выходитъ замужъ.

Екатерина Степановна!

Мнѣ рѣшительно невозможно объяснить Вамъ, почему именно я разстроенъ и чѣмъ. Это до Васъ не касается, но я очень разстроенъ и, если Вы будете обижаться, что я не прихожу къ Вамъ,—то будетъ еще новое мученіе. Я приду какъ только будетъ возможно и на этихъ дняхъ. Если есть корректура, пришлите, если нѣтъ—не надо. Теперь я не буду давать обѣщанія. Мнѣ нельзя, и если Вы мало-мальски меня уважаете,—то не будете и негодовать.

Вашъ Г. Успенскій.

Насколько можно догадываться причиною разстройства могли быть, какъ происходившій тогда разгромъ остатковъ «Народной Воли», среди которой были друзья Г. И., такъ и семейныя непріятности. Онъ думалъ покончить «съ цѣлымъ періодомъ жизни навсегда», какъ это сказано въ слѣдующемъ письмѣ, и какъ видно еще изъ слѣдующаго, сталъ жертвою сплетенъ, которыя и побудили его просить Некрасову не писать ему писемъ по адресу семьи въ Чудово.

Екатерина Степановна! Вотъ мое послѣднее слово,—въ понедѣльникъ, если окончу работу для «От. З.» и Станюковича,—то приѣду въ Петербургъ, и если буду хоть мало-мальски не такъ ужасно настроенъ, какъ всѣ послѣдніе дни и всю осень, то дамъ Вамъ знать или приѣду самъ. Если же нѣтъ,—то ни въ какомъ случаѣ не приѣду. Тогда по дорогѣ я буду въ Москвѣ. Павленковъ покупаетъ у меня 5 и 6 т. и вотъ я поѣду. Затѣмъ я никогда не возьму въ руки пера, послѣ этихъ двухъ гадкихъ статей, которыя пишу теперь, если только не буду знать, что надо писать. Теперь я рѣшительно не вижу надобности, напротивъ, ничего не чувствую, кромѣ слѣдовъ какой-то проституціи на душѣ. Убѣдительно прошу Васъ не давать моему поведенію никакихъ произвольныхъ объясненій,—Вы меня, право, не знаете. Проѣздомъ чрезъ Москву я разскажу Вамъ, я тогда буду покоенъ, покончивъ съ цѣлымъ періодомъ моей жизни навсегда. Итакъ, если не увижу Васъ въ понедѣльникъ,—тогда до свиданія, въ Москвѣ.

Пожалуйста не пишите мнѣ писемъ, въ которыхъ я увидѣлъ бы обиду. Это опять таки-докажетъ, что Вы меня почти не знаете, но я Вамъ все расскажу.

Вашъ Г. Успенскій.

Между тѣмъ, были закрыты постановленіемъ четырехъ министровъ «Отечественныя Записки», и Успенскій очутился въ крайне затруднительномъ матеріальномъ положеніи, въ дополненіе къ личнымъ невзгодамъ и къ волненіямъ, связаннымъ съ людьми «Народной Воли». Слѣдующее письмо говоритъ, кромѣ всѣхъ этихъ невзгодъ, о Германѣ Лопатинѣ, пытавшемся тогда возстановить организацію «Народной Воли».

Екатерина Степановна! Ото всѣхъ передрыгъ осенью, зимой и особливо послѣднихъ дней,—я рѣшительно изнемогъ и свалился. Вся страстная и святая и послѣ святой изобиловали такими ужасами моей личной жизни, что состарили и сокрушили меня на десять лѣтъ. Поэтому я не полагаю, чтобы я обидѣлъ очень Васъ, написавъ это письмо. Напротивъ и Вы меня ужасно обидѣли во многомъ. Зачѣмъ Вы ходили къ (названо женское имя). Вѣдь это гнѣздо сплетень! И что только вышло изъ этихъ откровенничаній, чего я только не перенесъ. И главное все это мнѣ ненужно. Но обо всемъ этомъ послѣ я напишу Вамъ подробно. Теперь же такъ стоитъ дѣло, что ко мнѣ Вы не пишите въ Чудово. Какъ гадка иногда жизнь человѣческая!

Письмо это передать Вамъ мой искреннѣйшій глубокій пріятель. Познакомьтесь съ нимъ непременно, поговорите и посмотрите, сколько хорошаго Вы узнаете. Я въ жизни не встрѣчалъ болѣе замѣчат. человѣка. Познакомьте пожалуйста его съ Ломовской, между прочимъ. Онъ въ Москвѣ никого не знаетъ и Вы пожалуйста примите въ немъ участіе.

Если можно, нельзя ли найти доступъ къ Солдатенкову, чтобы достать отъ него какое-нибудь капитальное произв. для перевода... (вырѣзана—строчка). А затѣмъ, если Вы еще знакомы съ Бахметьевымъ (секретарь «Р. М.»—Ч. В—ій)—спросите, сколько я долженъ «Рус. М.» копѣйка въ копѣйку. Я у нихъ работать не буду. Пришлось итти къ Стасюлевичу, и онъ, видя, что мнѣ дѣваться некуда, далъ мнѣ за листъ 150 р. «От. З.» ничего мнѣ не дали, ни копѣйки, такъ какъ я «настолько извѣстенъ», что меня вездѣ охотно примутъ, а вотъ публицистамъ и критикамъ некуда дѣваться, поэтому имъ и выдали по 1000 и 600 р. Словомъ, если надо было мнѣ получить наказаніе за что-нибудь,—то я его получилъ и положительно едва-едва дышу, не имѣя впереди ничего кромѣ самой ужасной нужды и тоски безконечной.

Если узнаете у Бахм. цифру долга,—то сообщите подателю сего письма.

Однако порядочно я избитъ и изуродованъ за время сущ. «От. З.» и особенно въ послѣд. годы и въ особ. въ послѣдніе дни, жестокіе и безчеловѣчныя.

Г. Успенскій.

Къ ноябрю этого же 1884 года относятся два письма Г. И. къ Некрасовой, полученные 19 и 23 ноября, на второмъ имѣется отмѣтка Е. С.: «Не отвѣчала и на то письмо, не буду отвѣчать и на это... Будетъ, довольно!» Въ первомъ изъ нихъ Г. И. выражаетъ обиду, что Е. С. послала Павленкову деньги за экземпляръ сочиненій Г. И. «Я вамъ не пишу и не зайду къ Вамъ вовсе не потому, чтобы даже мысль имѣлъ раззнакомиться съ Вами»... и въ концѣ письма: «А обо мнѣ не думайте никакого зла и не думайте, что у меня противъ Васъ есть зло. Я вѣдь васъ люблю». Содержаніе писемъ въ остальномъ совершенно дѣловое: Г. И. проситъ свою корреспондентку похлопотать о кредитѣ у денежныхъ людей Москвы для издателя Ф. Ф. Павленкова: «человѣкъ этотъ вполне вѣрный, аккуратный до щепетильности и ни за одну копѣйку, данную ему, нельзя имѣть ни малѣйшаго опасенія... Его надо поддерживать, потому что онъ и самъ поддерживаетъ такихъ людей, которымъ и Вы, и Л. Ф. отдадите послѣдній грошъ».

Къ самому началу слѣдующаго 1885 г. относятся такія письма изъ Чудова:

Екатерина Степановна! Пожалуйста, не думайте, что я молчу по тѣмъ же причинамъ, по какимъ Вы не удостоили 2 моихъ письма отвѣтомъ,—нѣтъ! Я Вашему письму радъ, но крюкотворству, которое въ немъ извивается змѣею,—не радъ, и это Вы напрасно. Я Вамъ всегда и писалъ и говорилъ, просто, и поступалъ такъ, какъ мнѣ можно, безъ ехидства, а Вы ехидничаете. Ну да ладно, я буду Вамъ писать: теперь я пишу въ 1-й разъ по выздоров. сына, который едва не умеръ брюш. тиф. Я усталъ и всѣ устали, и всѣ, и въ особ. я хотимъ выспаться за все время, а тамъ работать въ «Рус. М.», а тамъ и письмо Вамъ подробное и мѣстами неласковое, но обиды не будетъ...

Не печальтесь! Все хорошо на этомъ свѣтѣ. Въ Новостяхъ... Впрочемъ—не могу теперь ничего болѣе написать. Ей Богу усталъ. Во вторникъ буду писать Вамъ изъ Петербурга.

Вашъ по старому

Г. Успенскій.

Чудово. Получено 27 января 85 г.

Екатерина Степановна! Слышалъ я что Вы работали въ «Свѣточѣ» и вѣроятно я обязанъ Вамъ тѣмъ, что получилъ его. Жаль мнѣ¹⁾, а Вамъ большое спасибо. Вотъ вамъ нѣчто пріятное: недавно я доставалъ Павленкову деньги 5000 р. и досталъ у Сибирякова; Павленковъ предложилъ имъ 8 проц., слѣдов. въ 2 года—800 р. Они сначала загордились, не хотѣли брать, но какъ разъ въ эту минуту изъ Минусинска пришла къ нимъ же просьба о книгахъ написанная Ал. Иван. (А. И. Иванчинымъ-Писаревымъ, находившимся въ ссылкѣ.—Ч. В—ii). Книгъ требовали они на 1100 р., а Сибиряковы и вѣроятно бы отказали, но тутъ подвернулись эти 800 р. процентовъ, отъ которыхъ они отказывались, и явилась возможность, не тративъ ни копѣйки, тотчасъ исполнить просьбу сибиряковъ. Павленковъ же можетъ брать книги въ обмѣнъ съ уступкой, такъ что дѣло сдѣлалось въ одну минуту, и не позже 2-ой недѣли будетъ послана чуть не цѣлая библіотека. Скучно Вамъ Е. С., добрая Вы! А мнѣ какъ скучно—вы и представить не можете. Такъ жизнь и пройдетъ чортъ знаетъ въ чемъ,—буквально сколько не живу на свѣтѣ—всѣ хорошія минуты на перечеѣ и если ихъ сложить—такъ дня полнаго не выйдетъ. Хотѣлось бы мнѣ повидать Васъ и я думаю, что по выходѣ или къ выходу № 2-го «Рус. М.» я буду въ Москвѣ. Тогда мы съ Вами обо всемъ переговоримъ. Я вѣрю, что когда-нибудь непременно все будетъ хорошо.

Незабывающій Васъ никогда

Г. Успенскій.

Приписка сбоку письма:

Я беру комнату у Павленкова и буду тамъ долго жить одинъ: М. Итальянская 6, кв. 16.

Дорогая Екатерина Степановна! Эта великолѣпная ²⁾ бумага можетъ уже дать Вамъ понятіе о томъ, что я сознаю себя негодяемъ и хочу загладить мой поступокъ: я былъ въ Москвѣ 2 дня и у Васъ не былъ, но вотъ что пожалуйста послушайте: я могъ сѣсть за работу 4-го февраля—и до 15, много 20 мнѣ нужно было написать болѣе 4-хъ печ. листовъ для «Р. М.», чтобы мало-мальски

¹⁾ «Свѣточъ» была московская радикальная гозета, очень скоро закрытая правительствомъ. «Жаль»—и относится къ прекращенію газеты.

²⁾ Письмо написано на атласной розовой бумагѣ, сложенной въ конвертикъ, со штемпелями: Почтовый вагонъ 23 февр. 1885 и Москва 24 февр.

покрыть расходы, кот. заставила сдѣлать болѣзнь всѣхъ дѣтей—(теперь я уничтожилъ квартиру въ Петербургѣ, взялъ до буд. осени сына изъ гимназіи, т.-е. долженъ былъ напрасно потерять массу денегъ,—одна плата за сына 410 р. въ годъ пропала, не говоря о томъ, что прожито въ гор. и деревнѣ, доктора, телеграммы и т. д.—нѣсть числа). И эти 4 листа я написалъ, не вставая съ мѣста—даже болѣе 4 листовъ. Все, что Вы прочтете въ февралѣ и мартѣ, все написано въ эти 8 дней, да одинъ рассказъ я взялъ у Бахм. назадъ, такъ онъ плохъ, потому что рука у меня онѣмѣла отъ работы. Теперь я напишу еще только 1 рассказъ и довольно! Ни въ какомъ случаѣ не возьму въ руки перо, оставляю сов. лит. дѣло и буду служить въ Сибири, о чемъ ужъ и идутъ хлопоты. Такъ вотъ, едва окончивъ работу, я былъ въ Москвѣ въ прошлую субботу. Въ тотъ же день я увидѣлъ Бахметьева, который сказалъ мнѣ, что деньги выдастъ въ понедѣльникъ. Волей-неволей пришлось пробыть воскресенье въ Москвѣ. Говорю волей-неволей, потому что меня ждала въ дерев. Л. Н. Кривенко, которой нужно было денегъ, иначе она не поспѣла бы въ понедѣльникъ на свид. къ мужу (находившемуся въ Домѣ Предв. заключ.—Ч. В—ій) Въ Москвѣ былъ Михайловскій, и въ субботу мы были съ нимъ у Иванюковыхъ, и въ воскресенье предполагалось устроить обѣдъ, пригласивъ Васъ, Ломовскую, Янжула, Ковал. (Ковалевскаго М. М.—Ч. В—ій) и пр., у Соболевскаго въ новой кварт., при чемъ онъ хот. позв. ред. (редакцію «Русскихъ Вѣдомостей».—Ч. В—ій). Михайловскій взялся пригласить своихъ знакомыхъ, Иванюковъ своихъ, а мнѣ поручили пригласить Ломовскую и Васъ. Т. к. я стоялъ въ гост. Парижѣ, то утромъ въ воскр. и поѣхалъ къ Лом., кот. ок. (оказалась) въ Твери; отъ нея я хотѣлъ ѣхать прямо къ Вамъ и просидѣть у васъ отъ 1 до 5, когда предполагался обѣдъ, но на возвратномъ пути заглянулъ въ свою гост. и нашелъ Бахметьева, кот. привезъ мнѣ деньги.—Въ виду этого я и уѣхалъ домой и сдѣлалъ) оч. хорошо, п. ч. Крив. дожидалась уже меня на поѣздѣ. Вотъ какъ было дѣло. Вы на меня не сердитесь, такъ какъ я и безъ этого едва существую на свѣтѣ. Но вотъ еще что: до пасхи, т.-е. окончивъ рассказъ для 4 №, я немедленно уѣзжаю изъ дому; куда еще не знаю,—но буду ѣхать тихо, медленно, подолгу и пробуду въ Москвѣ всю страстную недѣлю и праздники. Вѣроятно, къ тому времени мнѣ выйдетъ и мѣсто по переселенч. дѣлу, и тогда я ужъ безъ спѣху проживу въ Москвѣ нѣсколько дней. Итакъ, не сердитесь, дурно обо мнѣ не думайте и меня не забывайте, какъ и я Васъ не забываю.

Г. Успенскій.

(Москва, 20 августа 1885 года).

Катерина Степановна!

Въ Воскресенье, весь день я буду свободенъ и проведу съ Вами (но къ Иванюковымъ не поѣду),—вотъ что я могу сказать рѣшительно. Какъ бы Вы на меня не сердились—иначе мнѣ нельзя. Да и безъ Вашего приглашенія я хотѣлъ и долженъ былъ Васъ видѣть,—поэтому въ воскресенье я приду къ Вамъ къ 10 часамъ утра и мы куда-нибудь поѣдемъ, въ Третьяков. галерею.

Вашъ Г. Успенскій.

Если можно билеты до Севастополя. А то у меня и денегъ-то почти нѣтъ.

(1886 г. Лѣтомъ, въ Москвѣ, изъ «Сѣверной Гостинницы).

Дорогая Екатерина Степановна!

Приходите ко мнѣ пить чай, если Вамъ нечего дѣлать и захватите съ собой письмо, которое я Вамъ далъ на прочтеніе, приходите пожалуйста. Ночью сегодня буду писать. Всякія заботы объ отъѣздѣ изъ Москвы—прекратилъ. Пожалуйста приходите и приносите письмо, оно мнѣ необходимо. Я не зашелъ къ Вамъ потому, что только что воротился изъ Петров. парка и усталъ ужасно.

Г. Успенскій.

Пожалуйста тоже захватите Исповѣдь Нигилистки. Если же не придете,—что будетъ—худо весьма,—то пришлите это все, завернувъ въ бумагу. Пожалуйста приходите.

Приводимое далѣе удручающее письмо Успенскаго помѣчено Некрасовою такъ: «декабрь 1883 г.» Оно можетъ относиться и къ 1886 г., имѣя связь, м. б., съ предыдущимъ письмомъ. Письмо вообще характерно для наступавшей съ половины 80-хъ годовъ ужасной полосы близящагося безумія.

Дорогая Екатерина Степановна!

И бумагу и конвертъ я получилъ давно, все это я понимаю, и главное знаю, какъ я убійственно подло поступаю, не написавши Вамъ до сихъ поръ ни одной строчки,—но знаете, ради Бога, что я ужасно, ужасно боленъ. Со мной какое-то необычайное нервное разстройство, чего никогда не бывало—право, я иногда думаю

какъ бы мнѣ не сойти съ ума, Что-то вообще со мной ужасно худо, необычайно худо, смертно. Не знаю какъ и быть. Вотъ отчего я не писалъ Вамъ. Я сейчасъ пишу это письмо, и радъ что могу держать перо, буквы прыгаютъ у меня, какъ сумасшедшія. Сейчасъ же такимъ же нелѣпымъ образомъ *долженъ* писать *статью* въ январь. Долженъ. Когда мнѣ только страшно чего-то и холодно до невозможности. Но буду писать, потому что кое-какъ держу перо въ рукахъ.

Пожалуйста пишите мнѣ Пале-Рояль. Кажется, я лягу въ больницу, въ отд. комнату мѣсяца на три. Получили ли мои 2 т.? Третій будетъ скоро. Я отыщу Вамъ скоро работу.

Пожалуйста пишите! До свиданія!

Г. Успенскій.

Въ заключеніе приводимъ неотправленное по назначенію письмо Успенскаго въ редакцію газеты «Южный Край», содержащее рекомендацію Некрасовой. Е. С. этимъ письмомъ не воспользовалась и оно осталось въ ея бумагахъ. Письмо—съ датой только мѣста, дня и мѣсяца.

Москва, 11 іюня.

Милостивый Государь

Александръ Александровичъ!

Позвольте обратиться къ Вамъ съ слѣдующей просьбой, причемъ прилагается нѣсколько рецензій, написанныхъ Екатериной Степановной Некрасовой. Г-жа Некрасова ужъ печаталась въ большихъ журналахъ. Такъ, въ «Вѣстникѣ Европы» за настоящій годъ была ея статья о рукописяхъ Пушкина. Въ От. Зап. прошлый годъ она писала о женскихъ курсахъ большую статью, кромѣ того она очень долго и много работала въ газетахъ «Русскій Курьеръ», «Русскія Вѣдомости», и въ журналѣ «Слово» ей принадлежитъ очень много рецензій. Вообще я смѣло рекомендую Вамъ Е. С., какъ сотрудницу полезнѣйшую для Вашей газеты. Она можетъ присылать повременамъ небольшія библіографіи о новостяхъ въ книжномъ дѣлѣ, а главное можетъ быть отличнымъ корреспондентомъ изъ Москвы. Въ виду того я думаю, что Вамъ было бы весьма полезно воспользоваться желаніемъ Е. С.—сотрудничать въ Южномъ края, ни мало не сомнѣваюсь, что каждая корреспонденція, каждая замѣтка, которую она сочтетъ нужнымъ прислать Вамъ, будетъ всегда «обще интересна». Москва извѣстна ей, лучше чѣмъ кому бы то ни было и особенно же литературный и профессорскій круги. Если Вы найдете сотрудничество Е. С. полез-

нымъ для Южнаго краѣ,—то благоволите увѣдомить ее о Вашихъ желаніяхъ относительно размѣра, содержанія корреспонденцій и т. д. Могу Васъ увѣрить, что работы ея будутъ всегда интересны и всегда исполнены вполнѣ прекрасно.

Покорный слуга Вашъ

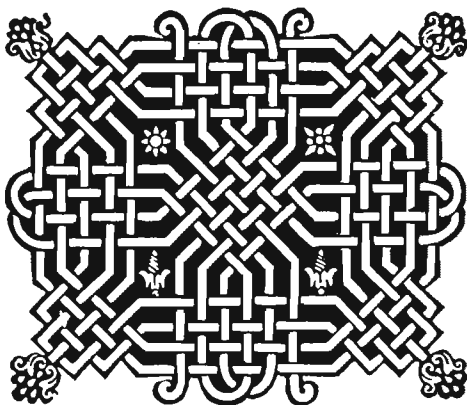
Глѣбъ Успенскій.

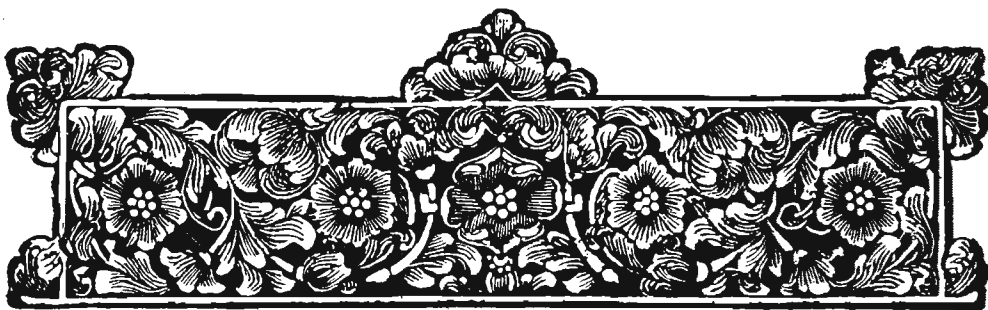
Адресъ Е. С.

Москва, I-ая Мѣщанская, Протопоповскій переулокъ, собств. домъ, Е. С. Некрасовой.

Отвѣтныхъ писемъ Некрасовой въ архивѣ Успенскаго не оказалось, и такимъ образомъ отношенія ихъ рисуются въ приведенной перепискѣ, богатой данными и чертами для характеристики Г. И., не полно. Можетъ быть, не сохранились и нѣкоторыя письма Успенскаго: онъ не разъ говоритъ, что напишетъ скоро «подробно». Могло быть, что эти обѣщанія и были иногда исполнены, но болѣе «подробныя» и интимныя письма не дошли до насъ. Мало помогаютъ выясненію ихъ отношеній и печатныя воспомина-нія Е. С. Некрасовой.

Ч. Вятринскій.

Италія и Польша въ 1863 г.

Обращеніе Верховнаго Главнокомандующаго къ польскому народу дало поводъ одному изъ итальянскихъ историческихъ журналовъ *Il Risorgimento Italiano* (1914, fasc. 4), въ статьѣ «*La Polonia e l'attuale guerra europea*», вспомнить объ участіи, которое Италія принимала въ судьбахъ Польши въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Однако, историческій матеріалъ, приводимый на данный случай журналомъ, довольно скуденъ, такъ что при желаніи получить достаточно полную, хотя бы только въ основанныхъ чертахъ, картину отношеній къ польскому вопросу какъ со стороны творцовъ и вождей итальянскаго ризоржименто, такъ равно и со стороны итальянскаго общества и правительства той эпохи, намъ придется использовать также нѣкоторые другіе, относящіеся сюда, матеріалы ¹⁾.

Извѣстно то первостепенной важности мѣсто, которое отводилось «національности» къ мадзиніанской системѣ. Человѣчество имѣетъ цѣлью постепенное открытіе Нравственнаго Закона (истины и справедливости, жизни и прогресса) и воплощеніе его въ дѣйствительности. Огромная коллективная работа человечества, направленная на достиженіе этой цѣли, можетъ идти успѣшно только при надлежащемъ раздѣленіи труда. Изъ необходимости такого раздѣленія неотвратимо вытекаетъ необходимость въ существованіи отдѣльныхъ національностей. Въ общей работѣ каждая національность имѣетъ свою специальную задачу, для выполненія которой обладаетъ соотвѣтствующими особенностями. Національности—это «индивидуумы человечества», рабочіе великой мастерской, въ которой всѣ должны работать ради

¹⁾ Въ ссылкахъ на указанную статью историческаго журнала я буду для краткости ограничиваться указаніемъ: «Журн». Считаю также нужнымъ, во избѣжаніи частыхъ ссылокъ, сдѣлать оговорку, что каждый разъ, когда слова Мадзини приводятся мною безъ спеціальнаго указанія на источникъ, они цитируются по національному изданію его сочиненій.

достиженія общей цѣли, но каждый дѣлаетъ ту работу, которая соотвѣтствуетъ особенностямъ его географическаго положенія, быта, способностей, данныхъ ему природою средствъ. Совокупность всѣхъ такихъ особенныхъ національных условій ставитъ каждой національности специальную, частную цѣль, достиженіе которой ведетъ въ направленіи къ общей цѣли человѣчества. Иначе,—у каждой національности имѣется своя особая и специальная *миссія*; для того же, чтобы эта миссія могла быть надлежащимъ образомъ въ общечеловѣческихъ интересахъ выполнена, національность должна быть свободной, независимой, должна быть полной суверенной распорядительницей своихъ судебъ.

«Человѣчество на самомъ дѣлѣ,—говоритъ Мадзини,—не образуется до тѣхъ поръ, пока входящіе въ составъ его народы не завоюютъ себѣ свободнаго осуществленія своего верховенства и не объединятся въ одну республиканскую федерацію»¹⁾. Интересы человѣчества, слѣдовательно, полнота и цѣлостность его существованія несомнѣстимы съ наличностью не-суверенныхъ, зависимыхъ, а тѣмъ болѣе угнетенныхъ и поработенныхъ національностей. А такъ какъ въ кругу обязанностей человѣка Мадзини на первый планъ ставитъ обязанности по отношенію къ человѣчеству, то для него становится логически неизбѣжнымъ признавать стоящимъ выше и впереди всѣхъ вопросовъ вопросъ національный—эмансипацію угнетенныхъ народностей. Тщетны были бы усилія того, кто пытался бы послужить человѣчеству инымъ, какъ будто бы, болѣе прямымъ и непосредственнымъ путемъ, отодвигая въ сторону вопросъ національный и ставя на его мѣсто вопросъ социальный. «Никогда,—пророчески утверждаетъ Мадзини,—социальный вопросъ не будетъ рѣшенъ, если раньше народы не станутъ свободными, равными, связанными союзными отношеніями, имѣющими собственное имя, собственное знамя, сознающими себя»... Онъ горячо и свято вѣритъ въ то, что «испорченный дурными правительствами Божій планъ непремѣнно будетъ осуществленъ», что «естественныя дѣленія, врожденныя, добровольныя стремленія народовъ станутъ на мѣсто произвольныхъ дѣленій, произведенныхъ дурными правительствами», что «карта Европы будетъ передѣлана», что «отечество народное, созданное рѣшеніемъ свободныхъ людей, возникнетъ на развалинахъ отечества королей, привилегированныхъ кастъ», что «между этими отечествами будетъ гармонія, братство»,—онъ вѣритъ въ это

¹⁾ Это—одно изъ основныхъ положеній того «договора братства», въ силу котораго образована была *Молодая Европа*. Въ настоящій моментъ интересно вспомнить, что договоръ этотъ подписанъ былъ въ Бернѣ восемнадцатью лицами отъ имени трехъ національностей—*нѣмецкой, итальянской и польской*....

и поступает по своей вѣрѣ. Не ограничиваясь колоссальной дѣятельностью, развитой имъ въ интересахъ единства и свободы своей родной Италіи, онъ становится частью въ центрѣ, частью въ непосредственной близости къ обширной работѣ, направленной на эмансипацію другихъ народностей.

Какъ великъ былъ объемъ этой работы? Насколько значительны были успѣхи, достигнутые ею ко времени польскаго возстанія? Имѣется во многихъ отношеніяхъ замѣчательное письмо Мадзини ¹⁾ къ одному изъ масонскихъ главарей, продиктатору Луканиі, Николаю Миньонѣ и во второй части его Мадзини какъ разъ, хотя въ краткихъ и общихъ чертахъ, даетъ отвѣтъ на эти вопросы. Онъ пишетъ: «Я нахожусь—не скажу во главѣ, а въ контактѣ, соприкосновеніи съ обширной европейской работой. Эта работа охватываетъ Польшу, Россію, Венгрію, Сербію, Болгарію, Черногорію, Турецкую имперію и Австрійскую имперію,—пространство отъ Балтійскаго до Адриатическаго моря. Въ Польшѣ наиболѣе обширная національная ассоціація, какую только я знаю, господствуетъ въ странѣ; имѣетъ своимъ центромъ тайное правительство въ Варшавѣ. У меня здѣсь его делегатъ. Въ Россіи, кромѣ движенія крѣпостныхъ, которое явится базой революціи, имѣемъ налицо сильную работу въ средѣ просвѣщеннаго юношества, особенно же въ войскѣ. Имѣется одинъ русскій комитетъ въ Варшавѣ, другой въ Петербургѣ. Знаменемъ служить: «Земля и Воля». Заключенъ тѣсный союзъ—фактъ весьма важный—между конспираторами русскими и поляками. Здѣсь у меня делегатъ петербургскаго комитета. А впрочемъ, работой руководитъ русско-славянскій комитетъ въ Лондонѣ, въ составъ котораго входятъ лица, издающія «Колоколъ». Сербія готова, вооружена, настроена и въ контактѣ со мною, подобно намъ сбита съ пути своимъ княземъ, который всегда конспирировалъ, а когда наступалъ моментъ, предавалъ; она нынѣ вновь присоединяется къ направленію европейской демократіи въ видахъ возстанія противъ турокъ. Половина сербскаго племени находится въ австрійской имперіи. Болгарія слѣдуетъ за Сербіей. О Черногоріи не приходится говорить: когда бы ни заходила рѣчь о томъ, чтобы биться съ туркомъ, она всегда готова. Она жаждетъ порта—Каттаро; имѣетъ вліяніе, благодаря распространенному тамъ славянскому племени, на Далмацію, по всему иллирійскому

¹⁾ Я беру его изъ покойной «La Ragione», гдѣ оно было впервые опубликовано (въ 1909 году, въ № 314 отъ 15 ноября). Датировано оно 21 февраля 1864 г.

побережью. Движеніе Греціи является въ своемъ основаніи прежде всего національнымъ. Она жаждетъ своихъ провинцій: Эпира, Фессаліи, Македоніи, острововъ, остающихся понынѣ турецкими. Оттонъ, подобно нашему королю, составлялъ заговоры, чтобы препятствовать (движенію). Преданные имъ въ дѣлѣ Наупліи, болѣе логичные и болѣе смѣлые, чѣмъ мы, греки, его низвергнули. Слабые и угрожаемые циностраннымъ вмѣшательствомъ, они проявили нерѣшительность и разыскали себѣ короля, какого ни попало. Но въ общемъ переворотѣ они свою роль выполнили бы. Венгрія, благодаря своему географическому положенію, не можетъ двинуться сама, а ставитъ условіемъ своего возстанія сербское движеніе и наше нападеніе на Австрію. Славянская Боснія, настроенная, слѣдовала бы венгерскому движенію. Затѣмъ Германія стала бы вверхъ дномъ и эхомъ всѣхъ этихъ готовыхъ начаться движеній, заговорила бы національная гордость Франціи, въ которой растутъ недовольство и стыдъ. Всѣмъ этимъ многочисленнымъ элементамъ необходима инициатива. И я, думая объ Италіи и полагая, что смогу собрать необходимыя средства, разгласилъ повсюду, что въ апрѣлѣ—маѣ мы выступимъ инициаторами (новой) европейской эпохи». Почему Мадзини «думалъ объ Италіи» понятно. «Національность и возможность итальянской инициативы,—читаемъ мы въ его автобіографическихъ замѣткахъ,—такова была программа, такова была двойная идея, господствовавшая надъ всей моей дѣятельностью съ 1834 по 1837 г.», т. е., въ періодъ Молодой Европы, точно также и въ началѣ 60-хъ годовъ его дѣятельностью руководила все та же двойная идея, и онъ оставался при томъ же старомъ убѣжденіи, въ силу котораго раньше писалъ: «Европа жаждетъ нынѣ новой жизни, новаго неба, новой земли; какъ въ святой крестовый походъ бросится она по слѣдамъ народа, голосъ котораго, подкрѣпляемый могучими дѣянiями, прозвучитъ призывомъ къ вѣчной Истинѣ, къ вѣчной Справедливости и—анаемой силѣ, которая угнетаетъ, лжи, которая вноситъ въ жизнь фальшь и развратъ». Этимъ народомъ-иниціаторомъ новой эпохи—такова идея, «звѣздой блеснувшая его душѣ» еще въ стѣнахъ савойской крѣпости—и долженъ быть народъ итальянскій, въ томъ и заключается его миссія, которую, по расчетамъ Мадзини, онъ долженъ былъ выполнить въ апрѣлѣ—маѣ 1863 г.

Въ письмѣ къ Миньонѣ Мадзини говоритъ о Польшѣ, ничѣмъ не выдѣляя ея изъ ряда другихъ, готовыхъ къ движенію странъ. Но и у нея, конечно, тоже есть своя особенная миссія, исключи-

тельная важность которой была уже задолго до того подчеркнута мѣстомъ, отведеннымъ ей въ тройственномъ революціонномъ союзѣ-*Молодой Европѣ*, составъ которой опредѣлялся слѣдующими основаніями: «Въ Европѣ имѣются три семьи народовъ: греко-латинская, германская, славянская. Италія, Германія, Польша представляютъ ихъ. Греція, священная по воспоминаніямъ и надеждамъ, слишкомъ мала, чтобы явиться инициаторомъ. Россія спала тогда мертвымъ сномъ... Слѣдовательно, нашъ союзный договоръ должно было заключить сначала между тремя народами-инициаторами. Греція, Швейцарія, Румынія, славянскія страны южной Европы, Испанія мало-по-малу сгруппировались бы вокругъ того изъ трехъ народовъ, который ближе каждой изъ нихъ». Если миссія Италіи—иниціатива европейскаго движенія, то миссія Польши—пріобщеніе славянъ къ этому движенію, «славянская инициатива». Понятно, согласно мадзиніанскому плану, итальянская инициатива должна предшествовать польской. Но судьба рѣшаетъ иначе. Раньше, чѣмъ Мадзини успѣваетъ собрать средства для итальянской инициативы, вспыхиваетъ польское возстаніе. Въ статьѣ своей «Polonia e Italia» ¹⁾ Мадзини пишетъ по этому поводу слѣдующее: «Почти за два мѣсяца до польскаго возстанія я писалъ національному комитету въ Варшавѣ, советуя ему повременить съ движеніемъ. Комитетъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ не намѣренъ ускорять событій, но если указъ о рекрутскомъ наборѣ, измышленномъ Вѣлепольскимъ въ видахъ разрушенія силъ (революціонной) ассоціаціи, будетъ приведенъ въ исполненіе, то поляки возстанутъ для отчаянной борьбы, будучи увѣренными, что *европейская демократія въ такомъ случаѣ выполнитъ свой долгъ*». Въ чемъ заключался этотъ долгъ и какія задачи ставило европейской и, въ особенности, итальянской демократіи польское возстаніе,—объ этомъ въ сжатой формѣ, но вполне опредѣленно высказывается Мадзини въ слѣдующемъ воззваніи ²⁾: «Кличъ—*да здравствуетъ Польша*» является кличемъ Италіи, кличемъ Европы, кличемъ всѣхъ тѣхъ, которые въ душѣ протестуютъ во имя права и вѣчной справедливости противъ произвола, тираніи и зла. Но Польшѣ нельзя помочь недѣйствительными протестами или виватами въ честь умирающихъ; нельзя помочь ей посылкою немногихъ эмигрантовъ, большинство которыхъ арестовывается враждебными правительствами раньше, чѣмъ успѣ-

¹⁾ Первоначально появилась въ «Unita Italiana»; вошла въ VIII т. собр. труд. Мадзини (ред. А. Саффи).

²⁾ Это, повидимому, забытое или упущенное изъ виду біографами Мадзини воззваніе воспроизведено К. О. Мандалори въ «Rivista Popolare», № 19 отъ 15 окт. 1913 г., въ статьѣ: «Lettere sconosciute di Giuseppe Garibaldi (dopo Aspromonte)».

ють перейти границу. Помочь Польшѣ можно—*расширивъ кругъ возстанія*, открывъ путь для необходимаго ей оружія, давъ ей, вмѣсто враждебныхъ правительствъ, дружественные народы. Спасеніе Польши обрѣтается *въ Венеціи, въ Бѣлградѣ, въ Пештѣ*. Сдѣлать возможной ту единственную помощь, которую она призываетъ,—и составляетъ цѣль открытой здѣсь подписки въ *одинъ франкъ*. Во имя братства народовъ,—во имя святого принципа національности, представляемаго Польшей и Италіей,—во имя поляковъ, пролившихъ свою кровь въ битвахъ за наше единство,—да будетъ стыдно тому, кто, имѣя возможность (дать), откажетъ въ своемъ имени и въ своемъ *франкѣ*. Лондонъ. Мартъ 1863. Джузеппе Мадзини». Но болѣе обстоятельно и подробно развиваетъ онъ и мотивируетъ идею этого воззванія въ появившейся вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ упомянутой статьѣ о Польшѣ и Италіи. Она слишкомъ обширна, чтобы воспроизвести ее здѣсь, и потому я отмѣчу только ея наиболѣе существенные аргументы и положенія.

Мы знаемъ уже, что поляки увѣдомили Мадзини, что они возстанутъ, если будетъ приведенъ въ исполненіе указъ о рекрутскомъ наборѣ (9/15 янв. 1863 г.), распространявшійся главнымъ образомъ на городскую ремесленную молодежь, какъ наиболѣе участвующую въ революціонномъ движеніи. «Поляки,—пишетъ Мадзини,—сдержали свое слово. Европейская демократія измѣнила своему долгу. Каждый полякъ, умирающій нынѣ, имѣетъ право вмѣстѣ съ послѣдней своей мыслью послать намъ горькій упрекъ. Передъ каждымъ полякомъ, котораго мы встрѣчаемъ на улицѣ, каждый изъ насъ долженъ закрыть отъ стыда свое лицо». Возникшій конфликтъ давалъ народамъ давно жданный удобный случай. При наличныхъ европейскихъ условіяхъ «еще одинъ народъ, который возсталъ бы, который въ центрѣ или въ южной Европѣ мужественно откликнулся бы на призывъ возставшихъ поляковъ, засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ на дѣлѣ солидарность націй, и началась бы, какъ въ 1848 г., та серія движеній и побѣдъ, которая намѣтила бы линіи будущей карты Европы. Еще одинъ народъ, который отвѣтилъ бы на сигналъ,—и теперь, быть можетъ, Австрія была бы уже разбита, Венеція освобождена, начата была бы свободная жизнь восточной Европы, и Польшѣ обезпечена была бы побѣда». Но такого народа не нашлось. Почему? «Не знаютъ развѣ безпамятные народы, что всѣми жертвами, павшими во имя свободы, что всѣми слезами, которыя матерями пролиты надъ заключенными въ тюрьмы или изгнан-

ными сыновьями, начиная съ 1848 и по настоящій годъ, они обязаны тому, что въ должный моментъ не объединились на одномъ планѣ, въ одной битвѣ? Не знаютъ они развѣ, что въ могилѣ, въ которую легла бы снова Польша, похоронены были бы также, быть можетъ, еще на десять лѣтъ надежды всѣхъ угнетенныхъ націй?—что, когда умираетъ оставленный безъ помощи при исполненіи своего долга народъ, то вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ часть жизни всѣхъ? Развѣ... весь печальный опытъ долгаго прошлаго не научилъ ихъ еще простѣйшей аксіомѣ, гласящей: *гдѣ всѣ бьются, побѣда для всѣхъ*? Развѣ они, которые мямлятъ, вѣдь, что-то о религіи и христіанствѣ, не ощущаютъ въ душѣ голоса, который вопить: *народы суть братья, суть индивидуумы челоѣчества; какъ индивидуумъ долженъ, когда имѣетъ возможность, бѣжать на помощь другому, подвергнувшемуся разбойничьему нападенію, такъ и народъ долженъ, во имя Бога и единства семьи челоѣчества, приходить на помощь другому народу, вынужденному вести войну съ тѣмъ, кто хочетъ лишить его свободы, жизни, справедливости*». Мадзини думаетъ, что они это сознаютъ и чувствуютъ, но только «такъ сказать, теоретически, какъ чувствуется истина геометрической аксіомы, не испытывая потребности жертвовать собою ради нея, безъ пламени святого негодованія противъ того, кто попытался бы ее нарушить», забывая, наконецъ, о томъ, что «не оказывать, имѣя возможность, помощи народу, бьющемуся за право,—не только ошибка, а преступленіе, которое неизбѣжно когда нибудь, а придется искупить». Тѣ же немногіе, которые помнятъ это, не представляютъ себѣ ясно лучшаго способа помощи Польшѣ. «Для народовъ, которымъ должно и нужно стать націями,—для Сербіи, Венгріи, для народностей, несущихъ иго турецкой имперіи,—нѣтъ нынѣ иной хорошей политики, какъ *возстать*, подражая Польшѣ въ твердой рѣшимости и методѣ». Что же касается Италіи, то для уплаты ея долга Польшѣ нѣтъ другого способа, другого пути кромѣ того, который ведетъ... къ Венеціи. Спасти Польшу Италія можетъ, только «обрушившись всѣми силами страны на Австрію въ Венеціи, на Альпахъ и въ нижнемъ теченіи По». Война съ Австріей была бы войной за освобожденіе національностей: «она была бы сигналомъ для возстанія Сербіи, Венгріи, Богеміи», при чемъ съ возстаніемъ Венгріи черезъ австрійскую Галицію открылся бы широкій и свободный путь для помощи Польшѣ людьми и оружіемъ. Мадзини не вѣритъ въ то, чтобы инициативу такой войны могло принять на себя итальянское правительство, которое «ждетъ приказовъ изъ Парижа и посылаетъ итальянскіе батальоны для защиты итальянскихъ владѣній Австріи отъ пред-

полагаемыхъ покушеній партіи дѣйствія». Но онъ обращается къ народу, къ юношеству, къ венеціанскимъ изгнанникамъ,—ко всѣмъ элементамъ, которые составляютъ великую національную партію: «Почему вы—говоритъ онъ имъ,—единодушно не кричите—ежедневно, ежечасно, на собраніяхъ, со страницъ газетъ, при посредствѣ подписокъ, адресовъ, петицій, пускай бесполезныхъ, но все же являющихся выраженіемъ чаяній,—почему не кричите вы правительству, странѣ, войску: *въ Венецію! въ Венецію!*» Онъ увѣренъ, что подъ напоромъ сильнаго общественнаго движенія правительство сдастся или же падетъ. И заключаетъ свою статью: «Польское движеніе, представляющее собою инициативу движенія славянскихъ племенъ, указываетъ Италіи на ея великій интернаціональный долгъ: воспользоваться моментомъ для того, чтобы свою инициативу среди южныхъ славянъ связать съ польской инициативой среди сѣверныхъ славянъ. Это—часть ея миссіи, и отъ фактическаго осуществленія таковой зависить въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ думаютъ, завоеваніе Италіей собственной свободы внутри страны. Сознаніе собственной силы есть первое условіе свободы. И народъ, выступающій освободителемъ вовнѣ, не можетъ примириться съ положеніемъ раба у себя внутри».

Близкимъ и дорогимъ было польское дѣло и для Гарибальди. Въ первые же дни возстанія въ итальянскихъ газетахъ появилось слѣдующее открытое письмо его ¹⁾ къ польской эмиграціи, помѣченное Капрерой, 5 февраля 1863 г.: «Мои братья по оружію! Вы просите у меня слова—я хотѣлъ бы предложить Вамъ дѣла. Вполнѣ справедливо, чтобы Италія взволновалась изъ-за васъ, пролившихъ свою кровь на поляхъ битвъ за ея искупленіе,—и я на это надѣюсь. Борьба, въ которую отчаяніе вовлекло вашу несчастную страну, должна возбудить общественное мнѣніе Европы въ пользу вашихъ угнетенныхъ согражданъ. Въ этой землѣ не окажется недостатка въ великодушныхъ,—они вамъ протянутъ руку. Да спасетъ Богъ Польшу. Вашъ Дж. Гарибальди». По вопросу о родѣ и характерѣ помощи Польшѣ онъ въ основномъ не расходится съ Мадзини. Онъ присоединяется къ идеѣ «польскаго франка», назначеніе котораго мы уже знаемъ, и съ своей стороны, подкрѣпляетъ воззваніе Мадзини слѣдующимъ приглашеніемъ ²⁾: «За митингами должны бы слѣдовать какіе-нибудь матеріальные знаки симпатій къ Польшѣ. Приглашаю поэтому тѣхъ, кто имѣетъ возможность изъ великодушныхъ итальянцевъ, къ пожертвованію *одного франка*. Капрера, 30 марта 1863 г.

¹⁾ «Журн.».

²⁾ *Мандалори*, loc. cit.

Дж. Гарибальди». Прибывшіе въ Италію польскіе эмиссары вступаютъ съ нимъ въ переговоры относительно посылки въ Польшу гарибальдійской экспедиціи. Предполагается, что во главѣ ея станетъ онъ самъ. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ существенно потерпѣлъ бы тотъ широкій планъ, который намѣчался лозунгомъ «въ Венецію!», и въ осуществленіи котораго самую видную и рѣшающую роль, понятно, долженъ былъ сыграть Гарибальди. Гарибальдійская экспедиція организуется и посылается, но во главѣ ея становится не самъ Гарибальди, а одинъ изъ близкихъ ему людей, одинъ изъ знаменитой марсальской Тысячи, Франческо Нулло. Мы имѣемъ, впрочемъ, свидѣтельство Мадзини, что и Нулло, которому было суждено вскорѣ сложить голову на обгаренныхъ кровью поляхъ Польши, что и онъ былъ убежденнымъ и горячимъ адептомъ лозунга «въ Венецію!», если и рѣшился уйти въ Польшу, то единственно потому, что «не видѣлъ искры истинной жизни въ Италіи» и усумнился поэтому въ осуществимости мадзиніанскаго плана. Но явно продолжаетъ вѣрить въ него и работать въ пользу его осуществленія Гарибальди. Не даромъ въ письмѣ къ Маріану Лангевичу онъ многозначительно пишетъ: «Да благословитъ васъ Господь,—мы всё будемъ съ Вами и скоро»... Не даромъ въ первыхъ числахъ апрѣля онъ оставляетъ свою уединенную Капреру и появляется на континентѣ, вызывая переполохъ среди правящей партіи порядка, хорошо знавшей по опыту, что всякое такое появленіе его на континентѣ служить предвѣстникомъ какого-нибудь сюрприза, грозящаго ея интересамъ и видамъ. На этотъ разъ дѣло шло о давленіи на правительство въ видѣ побужденія его къ войнѣ съ Австріей. Помимо косвеннаго давленія, черезъ посредство возбужденнаго общественнаго мнѣнія, начаты были и прямые переговоры съ Викторомъ-Эммануиломъ въ надеждѣ уломать его—двинуть войска въ Венеціанскую область. Но поведеніе короля и его министровъ скоро показало безнадежность этой попытки. Переговоры съ ними были круто оборваны; Мадзини, махнувъ на нихъ рукою, поспѣшилъ основать Всемирный Республиканскій Союзъ, а Гарибальди выступилъ съ извѣстнымъ обращеніемъ къ европейскимъ народамъ, къ которымъ взывалъ: «*Не оставляйте Польши!*» Между прочимъ здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что горячее сочувствіе Гарибальди польскому дѣлу не исключало его симпатій къ русскому народу, такъ какъ, очевидно, не его онъ считалъ виновнымъ въ несчастіяхъ Польши. По крайней мѣрѣ вотъ любопытное письмо Гарибальди ¹⁾ къ одной русской дѣвушкѣ въ

¹⁾ Мандалори, loc. cit.

Миланѣ, написанное въ то время (10 января 1863 г.), когда пожаръ возстанія уже сталъ разгораться. «Дражайшая дѣвушка! Вы у меня просите слова симпатіи къ Россіи, въ которой вы родились. Христосъ родился на берегахъ Іордана, и когда онъ провозгласилъ братство людей, то не спрашивалъ, родились ли они на берегахъ *Невы* или *Вислы*. Русскіе суть, слѣдовательно, наши братья, потому что я видѣлъ, что подъ однимъ и тѣмъ же солнцемъ—общимъ отцомъ—созрѣваютъ и прекрасный виноградъ Италіи и великолѣпные хлѣба на гиперборейскихъ поляхъ вашей родной земли. Съ любовью цѣлую васъ въ лобъ, вашъ Дж. Гарибальди».

Франческо Нулло не совсѣмъ ошибался въ своемъ пессимизмѣ, когда «не видѣлъ искры дѣйствительной жизни въ Италіи». По существу этотъ пессимизмъ «раздѣлялся и Мадзини, устанавливавшимъ, какъ мы видѣли, что крикъ «да здравствуетъ Польша!» не вызывалъ того подъема и энтузіазма, въ силу котораго становится внутренней необходимостью превращеніе *мысли* въ *дѣйствіе*, что сознаніе необходимости дѣйствія было чисто теоретическимъ и т. д. Онъ находилъ и объясненіе этому въ томъ, что люди утратили «чувство своего коллективнаго единства», что у нихъ исчезло «инстинктивное пониманіе того, какъ достигается побѣда»,—и все это по той причинѣ, что «они поставили *интересы* на мѣсто *принциповъ*, идею *благосостоянія* на мѣсто религіи *долга*, жалкій идолопоклоннический культъ *Я* на мѣсто вѣры, говорящей *Мы*»... Правильно или нѣтъ объясненіе Мадзини, но, несомнѣнно, настроеніе итальянскаго общества, даже той части его, которая образовала кадры передовой демократіи,—настроеніе это не вполне соответствовало надеждамъ, чаяніямъ и стремленіямъ вождей. Будь иначе, волна общественнаго подъема смыла бы всѣ препоны, и Италія выполнила бы свою «миссію», свой «интернаціональный долгъ»,—по крайней мѣрѣ, сдѣлала бы энергическую попытку выполнить его, а такая попытка уже сама по себѣ могла бы оказать существенное вліяніе на ходъ грядущихъ событій и на судьбы Польши. Однако, итальянское общество далеко не оставалось равнодушнымъ къ этимъ судьбамъ. При первомъ же извѣстіи о польскомъ возстаніи почти во всѣхъ городахъ полуострова образовались комитеты Pro-Polonia, въ большинствѣ объединенные подъ общимъ руководствомъ стараго патріота, сенатора Джакомо Плецца. Созывались многочисленные митинги, выносившіе соответствующія резолюціи, большей частью, впрочемъ, не шедшія дальше тѣхъ предѣловъ, которыя намѣчались,

напр., порядкомъ для палермскаго митинга ¹⁾: «Народное собраніе города Палермо съ величайшей охотой присоединяетъ свой голосъ къ голосу остальной Италіи въ сердечнѣйшемъ братскомъ привѣтѣ, посылаемомъ героической Польшѣ, которая возстаетъ и бьется за то же самое дѣло, во имя котораго возсталла, за которое билась и будетъ еще биться Италія. Собраніе приглашаетъ въ то же время населеніе всей Сициліи, не имѣющее возможности сдѣлать другое, принести свою лепту великодушному народу, который, подобно итальянскому, хочетъ объединиться въ свободѣ и избавиться отъ самаго гнуснаго рабства». Призывъ къ пожертвованіямъ не остался безплоднымъ. Средства, по мелочамъ притекавшія со всѣхъ концовъ Италіи и складывавшіяся въ общемъ въ довольно значительныя суммы, получали различное назначеніе: часть передавалась въ распоряженіе делегата Народоваго Жонда и шла непосредственно на дѣло возстанія; часть расходовалась на отправку въ Польшу лицъ, желавшихъ биться за польское дѣло; часть шла на помощь жертвамъ возстанія—вдовамъ, сиротамъ и т. п., наконецъ, часть, наименѣе значительная, сосредоточивалась въ рукахъ тѣхъ, которые считали необходимымъ заготовить средства для «итальянской инициативы». ²⁾ Очень широкіе размѣры приняло также петиціонное движеніе. Со всѣхъ концовъ страны поступаютъ многочисленныя петиціи, требующія вмѣшательства Италіи и ея заступничества за Польшу. Такимъ образомъ движеніе изъ страны переносится въ парламентъ. Въ палату оппозиціей вносится, между прочимъ, два порядка дня. Одинъ, предложенный депутатомъ Феррари, гласитъ: «Палата объявляетъ священнымъ дѣло Польши и въ ожиданіи министерства, которое лучше представляло бы итальянскую свободу, откладываетъ рѣшеніе (по поводу петицій) и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Другой порядокъ дня, предложенный Криспи и подписанный также Бенедетто Кайроли и другими 17-ю депутатами, идетъ ближе и прямѣе къ цѣли: «Палата, признавая солидарность Италіи съ дѣломъ Польши и всѣхъ другихъ угнетенныхъ народовъ, признавая, что освобожденіе всѣхъ итальянскихъ земель отъ иноземца является неотложнымъ долгомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ помочь Польшѣ, какъ равно и всѣмъ національностямъ, отстаивающимъ свои права,—приглашаетъ правительство удовлетворить пожеланія, высказанныя націей, вооруживъ страну

¹⁾ Мандалори, loc. cit.

²⁾ Мадзини энергично протестовалъ противъ такого нецѣлесообразнаго раздробленія средствъ, полагая, что слѣдовало бы всѣ ихъ направить на одну цѣль,—ту же, на которую предназначался «польскій франкъ», то-есть, на «итальянскую инициативу» въ венеціанской области, что въ наибольшей мѣрѣ соотвѣтствовало бы интересамъ самой Польши.

для борьбы за собственную свободу и свободу другихъ». Это было прямымъ требованіемъ той «итальянской инициативы», о которой такъ мечталъ въ теченіе 32 лѣтъ (со времени Молодой Италіи) и которую такъ настойчиво проповѣдывалъ Мадзини и къ осуществленію которой готовился Гарибальди, отпуская Нулло въ Польшу, а самъ оставаясь въ Италіи.

Однако и всему этому общественному движенію, и усиліямъ парламентской оппозиціи, выполнившей директивы «партіи дѣйствія», суждено было остаться безплодными. На пути ихъ непреодолимой преградой стояли Викторъ-Эммануиль и его правительство, чутко и твердо охранявшіе прежде всего интересы только что народившейся итальянской монархіи и связавшихъ себя съ нею общественныхъ классовъ. Во имя этихъ интересовъ были закрыты въ Генуѣ и Кунео польскія военныя школы съ цѣлью добиться со стороны Россіи скорѣйшаго признанія новой монархіи. Во имя этихъ же интересовъ правительство энергично воспротивилось обсужденію въ парламентѣ польскаго вопроса и, опираясь на свое большинство, добилось того, что парламентъ удовлетворился обѣщаннымъ имъ дипломатическимъ заступничествомъ за поляковъ. «Итальянскій дворъ,—говоритъ по этому поводу въ своихъ замѣткахъ Криспи ¹⁾,—не можетъ покровительствовать стремленіямъ польскаго народа. Признанная царемъ единственно въ силу того, что она (итальянская монархія) съумѣла подавить итальянскую революцію, не можетъ она защищать предъ петербургскимъ дворомъ революцію польскую. Она можетъ просить актовъ милости, но никогда не требовать справедливости». Замѣчаніе Криспи вполне подтверждается содержаніемъ той депеши, которую тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Е. Э. Висконти-Веноста послалъ (Туринъ, 15 апрѣля) итальянскому послу въ Петербургъ, маркизу Пеполи: «Этотъ рядъ движеній, всегда подавляемыхъ и всегда снова возникающихъ, является доказательствомъ, что проблема, о которой тутъ идетъ дѣло, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя одна сила можетъ разрѣшить радикальнымъ и окончательнымъ образомъ. Мудро придерживаясь системы, способной устранить причины этихъ кризисовъ, императоръ Александръ пріобрѣлъ бы большія права на признательность Европы, успокоивъ ея страхи и упрочивъ ея миръ. Это открыло бы сверхъ того благородной русской націи новую эру величія и славы. Благоволите, господинъ маркизъ,

¹⁾ «Журн.».

передать копію» и т. д. Къ этому свелось обѣщанное правительствомъ дипломатическое вмѣшательство Италіи. Извѣстно, что, въ совокупности съ вмѣшательствомъ другихъ державъ, оно и въ такомъ своемъ видѣ произвело въ Петербургѣ значительный эффектъ, обусловивъ изданіе манифеста объ амнистіи повстанцамъ, которые къ извѣстному сроку сложатъ оружіе. Но и самый характеръ дипломатическаго вмѣшательства и достигнутые имъ результаты не таковы, чтобы имъ могла удовлетвориться «партія дѣйствія». Она продолжаетъ развивать агитацію въ странѣ, тѣмъ болѣе неудобную нынѣ правительству, что результаты дипломатическаго заступничества давали только лишній аргументъ въ пользу сторонниковъ лозунга «въ Венецію!», какъ единственно практически цѣлесообразнаго. И правительство принимаетъ мѣры, о которыхъ свидѣлствуетъ слѣдующій характерный секретный циркуляръ ¹⁾, разосланный министромъ внутреннихъ дѣлъ Перуции префектамъ: «Послѣ рѣшенія парламента относительно Польши продолженіе митинговъ въ ея пользу является очевиднымъ предлогомъ для агитаціи, угрожающей общественному порядку, и средствомъ для узурпаціи той дѣятельности, которая предоставлена исключительно правительству. Это никоимъ образомъ не можетъ быть терпимо. Рекомендую поэтому правительственнымъ властямъ проявлять большую бдительность и энергію, распуская какія бы то ни было скопленія или собранія въ публичныхъ или открытыхъ для публики мѣстахъ, гдѣ произносятся рѣчи и составляются резолюціи, оскорбительныя для правительства или подстрекающія къ дѣйствіямъ, угрожающимъ внутренней или внѣшней безопасности».

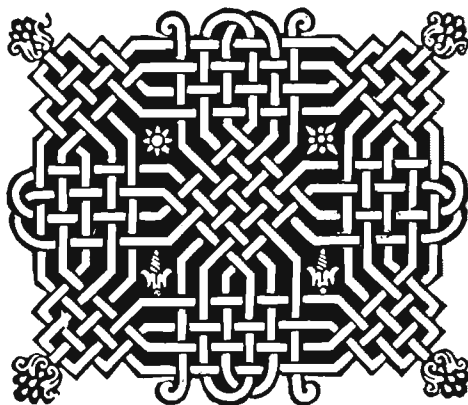
Если «партія дѣйствія», а ея вожди тѣмъ болѣе, не имѣли основанія быть довольными, то широкіе умѣренные круги общества чувствовали себя вполне удовлетворенными: вѣдь ихъ желанія по существу и не шли дальше ходатайства передъ петербургскимъ дворомъ. При удовлетворенности широкихъ общественныхъ круговъ и энергичныхъ мѣрахъ властей противъ неудобной правительству агитаціи обстановка для нея становилась все менѣе и менѣе благоприятной. Въ концѣ концовъ въ самой «партіи дѣйствія» должны были явиться, усталость, разочарованіе и охлажденіе. Наступаетъ моментъ, когда одинъ только Мадзини остается на своемъ посту и съ одной только ему свойственной феноменальной настойчивостью, неутомимостью и энергіей до послѣдней

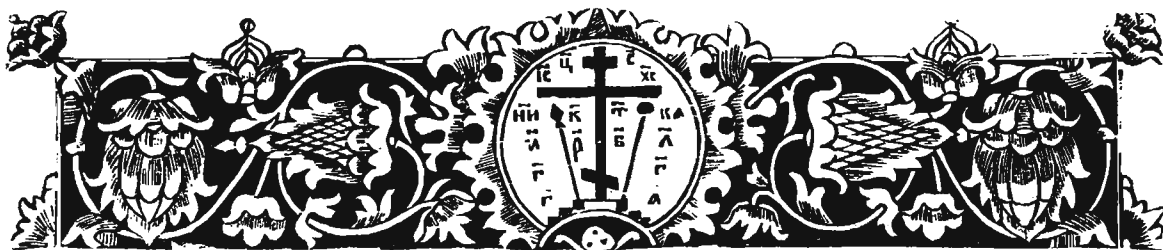
¹⁾ Мандалори, loc. cit.

минуты твердить одно и то же, до послѣдней минуты не перестаетъ звать страну къ манящей его завѣтной цѣли. Вѣрный своему долгу капитанъ, онъ оставляетъ свой, потерпѣвшій крушеніе, корабль послѣднимъ, не раньше той минуты, когда тотъ окончательно и безповоротно идетъ на дно. Цитированное уже мною письмо къ Миньонѣ является въ этомъ смыслѣ замѣчательнымъ документомъ. Все съ тѣмъ же неугасаемымъ пыломъ убѣжденія повторяетъ Мадзини въ послѣдней его части: «Долгъ Италіи слѣдовать за ней (возставшей Польшей) и венеціанскимъ предпріятіемъ, дать сигналъ къ общему европейскому перевороту. Вы составляете комитеты для сбиранія денегъ въ пользу Польши. Что такое? Развѣ итальянскій народъ долженъ ограничиться тѣмъ, что пошлетъ польскому народу восемь или десять тысячъ франковъ и съ ними возвратитъ родинѣ пятьдесятъ или сто польскихъ изгнанниковъ, три четверти которыхъ будутъ арестованы по дорогѣ? Нѣтъ, кажется невозможнымъ, что итальянская гордость не обрѣтается болѣе въ вашихъ сердцахъ. Народъ въ 22 милліона долженъ помочь Польшѣ, сдѣлавъ ея движеніе европейскимъ. И это должно сдѣлать, напавъ на Австрію въ Венеціи. Издавна я работаю съ такимъ намѣреніемъ, но нужны средства для пріобрѣтенія оружія. вмѣстѣ съ тѣмъ, что у меня есть на этотъ случай, достаточно было бы ста тысячъ франковъ. Возможно ли, чтобы югъ Италіи не могъ ихъ дать? Возможно ли, чтобы онъ не могъ дать половину этой суммы? Возможно ли, чтобы тѣ, которые воистину любятъ страну, ея честь, ея инициативу, ея будущее, не могли наперечъ усилія и найти способъ, чтобы собрать сумму, какую спекулянтъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей находить десять разъ въ своей жизни,—вотъ мысль, которая пронизываетъ мнѣ душу. Во имя Бога подумайте, будьте людьми, будьте итальянцами, будьте равными французамъ 89 года, полякамъ 1863 г.! Собрать деньги, всю агитацію сосредоточить на крикъ «въ Венецію, въ Венецію», составить статистику нашихъ, имѣющихся въ войскѣ, и сообщить ее мнѣ, связать себя въ то же время еще болѣе братскими узами съ Сициліей, и распространить среди массъ идею, что зло зависитъ не отъ того или другого министерства, а отъ господствующаго строя,—вотъ что должно дѣлать. Если нѣтъ, то во имя чести народа, на который всѣ смотрятъ, помолчимъ, не будемъ себя дискредитировать передъ Европой при самомъ нашемъ народженіи»... Тонъ и содержаніе этихъ горячихъ и рѣзкихъ строкъ таковы, что легко предположить письмо написаннымъ въ самомъ началѣ возстанія, когда пламя его еще только разгоралось—даже раньше, какъ будто только повторяющимъ его лондонское воззваніе о «польскомъ франкѣ». Но въ

письмѣ есть еще одна заключительная фраза, выдающая его трагическую дату: «Сдѣлайте лучшее, какое найдете возможнымъ, употребленіе изъ этого моего письма—*последняго призыва, вырвавшагося изъ моего сердца*»... Письмо было написано 21 февраля 1864 г.—въ ту пору, когда потерявшіе надежду на помощь извнѣ повстанцы начали складывать оружіе, и революціонный пожаръ быстро догоралъ, время отъ времени освѣщая сгущавшіяся сумерки послѣдними вспышками умиравшаго пламени.

Гр. Шрейдеръ.

Сигизмундъ Милковскій.

(1824—1915).

Въ ряды венгерской инсurreкціонной арміи, поднявшейся въ 1848 г. противъ Австріи, устремилась какъ демократическая польская молодежь, такъ и посѣдѣвшіе въ бояхъ генералы и офицеры—участники возстанія 1831 г. Къ венграмъ ихъ влекла не одна только общность историческихъ традицій. Съ пораженіемъ Австріи поляки соединяли надежды на освобожденіе Галиціи, которая должна была сыграть роль польскаго Піемонта въ ихъ борьбѣ за свободу и независимость отечества. Въ небольшомъ польскомъ легіонѣ, участвовавшемъ въ осадѣ крѣпости Арадъ, находился и недоучившійся студентъ-математикъ кievскаго университета, 24-лѣтній Сигизмундъ Милковскій, впоследствии извѣстный писатель Теодоръ-Томашъ Ежъ. Мужество, проявленное имъ при осадѣ названной крѣпости и въ сраженіяхъ при Ишасенгъ, Надъ-Шарло, Коморнѣ, Будѣ, Регединѣ и Темешварѣ, доставило ему первые офицерскіе погоны. Когда помощь, оказанная имп. Николаемъ I Австріи при подавленіи венгерскаго возстанія, разсѣяла надежды поляковъ на освобожденіе Галиціи и вторженіе черезъ нее въ русскую Польшу, Милковскій съ остатками польскаго легіона переправился въ Турцію, а оттуда въ Англію. Не находя на первыхъ порахъ въ Лондонѣ занятій, онъ въ теченіе 9 дней оставался безъ пищи; затѣмъ поступилъ въ мастерскую бумажныхъ обоевъ. Окрѣпши матеріально, онъ поступилъ въ члены основаннаго польскими эмигрантами во Франціи «Демократическаго Общества», центральный комитетъ котораго переведенъ былъ въ то время изъ Парижа въ Лондонъ. Проникшись задачами этого Общества и его лозунгомъ: «все для народа черезъ народъ», Милковскій близко сошелся съ его виднѣйшими дѣятелями и при ихъ содѣйствіи началъ сотрудничество въ еженедѣльномъ журналѣ «Польскій Демократъ», издававшемся съ января 1851 г. въ Брюсселѣ. Затѣмъ, по порученію лондонскаго «Центральнаго комитета европейской демократіи», находившагося въ тѣсныхъ сно-

Сиг. Милковскій.

шеніяхъ съ польскимъ «Демократическимъ Обществомъ», онъ отправился въ качествѣ эmissара на Балканскій полуостровъ. Когда вспыхнула восточная война и армія Николая I оккупировала Дунайскія княжества, Милковскій обратился къ румынскимъ патріотамъ съ предложеніемъ организовать въ ихъ странѣ возстаніе, которое, съ одной стороны, должно было содѣйствовать приобрѣтенію румынами независимости, а съ другой—облегчить вторженіе союзныхъ армій въ южную Россію. Но румынскіе политическіе дѣятели отвергли этотъ планъ: рискованное предпріятіе Милковскаго они нашли менѣе отвѣчавшимъ интересамъ ихъ страны, чѣмъ пассивное выжиданіе результатовъ пораженія Россіи. Вслѣдствіе этого участіе поляковъ въ восточной войнѣ ограничилось лишь сформированіемъ при турецкой арміи двухъ польскихъ легіоновъ подъ начальствомъ гр. Владислава Замойскаго и извѣстнаго писателя Михаила Чайковскаго, перешедшаго въ магометанство и принявшаго имя «Садыкъ-паши». По окончаніи восточной войны, Милковскій скитался по М. Азій и Европѣ, особенно по южно-славянскимъ странамъ, изучая ихъ бытъ, нравъ и языкъ; во время этихъ скитаній ему приходилось быть и фабричнымъ рабочимъ, и дипломатическимъ агентомъ, и поваромъ, и купцомъ; болѣе продолжительное время онъ прожилъ въ Константинополѣ; здѣсь онъ приступилъ къ литературной обработкѣ громаднаго собраннаго имъ матеріала и въ 1858 г. издалъ во львовскомъ «Литературномъ Дневникѣ» свою первую повѣсть изъ украинской жизни «Васылъ Голубъ»; но эту мирную его работу въ турецкой столицѣ нарушило возстаніе, вспыхнувшее въ 1863 г. въ Царствѣ Польскомъ.

Изъ недавно напечатанныхъ воспоминаній Милковскаго объ участіи его въ событіяхъ 63 года ¹⁾ мы узнаемъ, что революціонное польское правительство, намѣреваясь атаковать Россію съ юга, обратилось къ нему съ предложеніемъ сформировать въ Турціи польскій легіонъ и доставить его въ Подолію. Во исполненіе этого предложенія Милковскій набралъ въ гор. Тульчѣ 258 добровольцевъ—«ахъ, какіе это были солдаты!» восторженно вспоминаетъ онъ спустя 50 лѣтъ—и постановилъ двинуться съ ними черезъ румынскую Бессарабію, надѣясь въ пути увеличить численность своего отряда и количество собраннаго оружія. Но уже въ Тульчѣ «дипломатическій минотавръ» потребовалъ отъ него немалой жертвы. Въ назначенный къ выступленію день тульчинскій губернаторъ Рашидъ-паша обратился къ ино-

¹⁾ «Od kolebki przez życie», Tygodnik Ilustr., 1913 г., № 5, 7—17.

страннымъ консуламъ съ циркуляромъ, въ которомъ заявлялъ, что «мѣстная власть считаетъ себя вынужденной прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ противъ бродягъ, избравшихъ Турцію исходнымъ пунктомъ для исполненія преступныхъ замысловъ, на которые правительство Великой Порты, во вниманіе къ добрососѣдскимъ отношеніямъ и трактатамъ, не можетъ взирать равнодушно». Циркуляръ этотъ, сильно встревожившій расположенныхъ къ полякамъ англійскаго и французскаго консуловъ, которые выразили готовность протестовать противъ репрессій со стороны Рашида-паши, въ дѣйствительности не заключалъ въ себѣ особенной опасности для польскаго отряда. Онъ являлся результатомъ предварительнаго соглашенія съ Милковскимъ, которому указано было на необходимость заарестовать для виду, въ угоду дипломатическимъ требованіямъ, весь польскій отрядъ, но обѣщано было вечеромъ же, въ день ареста, выпустить его на волю за исключеніемъ 30-ти болѣе старыхъ и малоспособныхъ къ военнымъ трудамъ добровольцевъ, подлежавшихъ демонстративной отсылкѣ въ Константинополь. Турецкій администраторъ съ точностью исполнилъ свое обѣщаніе. Какъ ни чувствительна была для Милковскаго потеря 30-ти человѣкъ, но она до нѣкоторой степени вознаграждалась тѣмъ обстоятельствомъ, что разошедшіяся по всему свѣту телеграммы Рашида-паши объ его служебномъ рвеніи и повальномъ арестѣ поляковъ въ Тульчѣ усыпили бдительность румынъ, не подозрѣвавшихъ, что заарестованные поляки будутъ въ состояніи на слѣдующій же день вооруженно переправиться черезъ Дунай. Напутствованный благими пожеланіями и дружескими совѣтами Рашида-паши, Милковскій съ 213 добровольцами (кромѣ 30-ти человѣкъ, задержанныхъ въ Тульчѣ, 15, попрятавшихся во время ареста на огородахъ и въ домахъ, не успѣли присоединиться къ отряду во время его выступленія) двинулся въ Румынію. Онъ надѣялся, что румынскія власти послѣдуютъ примѣру турецкихъ и сведутъ преслѣдованіе къ одной формальности, что, во избѣжаніе конфликта съ Россіей, онѣ издадутъ распоряженіе о поискахъ польскаго отряда, но сами же постараются не найти его. Поведеніе англійскаго и французскаго консуловъ въ Тульчѣ давало ему основаніе думать, что европейское общественное мнѣніе отнесется сочувственно къ такому именно выходу румынскаго правительства изъ того, несомнѣнно, щекотливаго положенія, въ которое его поставилъ польскій легіонъ. Вступая на территорію Румыніи, Милковскій обратился къ румынскому народу съ воззваніемъ, въ которомъ объяснялъ цѣли своей экспедиціи и выражалъ надежду на предоставленіе ему возможности

исполнить свой долгъ. Со стороны румынскаго народа онъ и не встрѣтилъ враждебнаго къ себѣ отношенія. Населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей проявляло даже сочувствіе къ польскимъ легіонерамъ; румынскія крестьянки надѣляли ихъ то хлѣбомъ, то сушенымъ мясомъ, то печеными яйцами и желали счастливаго пути. Иначе, однако, отнеслось къ полякамъ румынское правительство, дѣйствовавшее подъ давленіемъ Россіи, которая настойчиво требовала задержанія и разоруженія польскаго легіона. Оно двинуло противъ поляковъ большой отрядъ, въ восемь разъ превосходившій силы Милковскаго. Встрѣча произошла 2—14 іюля у Костангаліи, уже вблизи русской границы. Начальникъ румынскаго отряда полк. Калинеску не безъ сердечности убѣждалъ Милковскаго сложить оружіе, выражалъ ему свое горячее сочувствіе и указывалъ на неизбежность пораженія поляковъ. «Я въ десять разъ сильнѣе васъ,—говорилъ онъ,—васъ горсточка; je vous écraserais». Соглашеніе, однако, не состоялось; предложеніе сдаться было отвергнуто. «Наступила, — вспоминаетъ Милковскій, — характерная прощальная сцена. Румынскіе офицеры подавали намъ для пожатія руки со словами: *au revoir sur le champ de combat*. Какой-то молодой офицеръ подѣхалъ ко мнѣ и, пожавши руку, сказалъ: *Colonel, dans la mêlée j'épargnerai votre tête... я поблагодарилъ его... Мы разѣхались*». Вопреки всякимъ вѣроятностямъ, происшедшее въ столь неравныхъ условіяхъ сраженіе окончилось полной побѣдой Милковскаго. Только отсутствіе конницы лишило его возможности преслѣдовать бѣжавшихъ передъ «горсточкой» поляковъ румынъ и спасло ихъ отъ окончательнаго пораженія. По окончаніи битвы, къ Милковскому явились румынскіе офицеры съ просьбой отъ имени всего румынскаго народа оставить имъ раненыхъ поляковъ, за которыми они обязывались честнымъ словомъ ухаживать, какъ за родными братьями. Милковскій съ благодарностью принялъ это предложеніе. Раненые поляки были перевезены въ Галацъ, въ госпиталь, и здѣсь, дѣйствительно, встрѣтили сердечный уходъ и большую о себѣ заботливость. «Со стороны румынъ—говоритъ Милковскій—это былъ поступокъ очень благородный и, слѣдуетъ добавить, разумный; слѣдствіемъ его было то, что при слѣдующей встрѣчѣ они побѣдили насъ безъ битвы». Правда, надежда Милковскаго на прекращеніе преслѣдованія не осуществилась. Молдавскій господарь Александръ Куза принужденъ былъ руководствоваться не симпатіями своего народа къ возставшимъ на защиту родины полякамъ, а представленіями русскаго правительства, вполне согласными съ требованіями международнаго права. При дер. Ринзештахъ,

на правомъ берегу Прута, Милковскій вновь былъ окруженъ войскомъ полк. Калинеску. Но на этотъ разъ онъ не сталъ испытывать судьбу. Когда сами легіонеры заявили ему о своемъ желаніи итти въ Польшу, но не сражаться съ румынами, онъ принялъ предложенныя ему условія почетной капитуляціи. Румыны распустили весь польскій легіонъ, но, уважая доблесть противника, дали возможность отдѣльнымъ полякамъ безпрепятственно переправиться въ Галицію.

Послѣдующая полувѣковая жизнь Милковского протекла преимущественно въ Швейцаріи. На далекой чужбинѣ онъ не терялъ связи съ родиной. Онъ сотрудничалъ въ многочисленныхъ польскихъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ повѣсти, этнографическіе очерки и статьи по исторіи, педагогикѣ, географіи и статистикѣ, и близко принималъ къ сердцу интересы разсѣянныхъ по всему земному шару своихъ соотечественниковъ. 76-тилѣтнимъ старцемъ онъ совершилъ поѣздку въ польскія колоніи Сѣв. Америки, изучилъ бытъ тамошнихъ эмигрантовъ и основалъ среди нихъ цѣлую сѣть польскихъ школъ. Не знавшій колебаній, вѣрный лозунгу «Демократическаго Общества», до конца дней своихъ—въ Венгріи и подъ родными знаменами, въ повѣсти и въ статьѣ—остававшійся революционеромъ и агитаторомъ, Ежъ и въ своей писательской дѣятельности видѣлъ лишь исполненіе гражданскаго долга. Лишенный возможности говорить въ родной странѣ о страданіяхъ и чаяніяхъ поляковъ, онъ показывалъ въ своихъ повѣстяхъ, какъ боролись и погибали за свободу другіе славяне. Онъ будилъ сочувствіе къ поработенному хлопъ и бичевалъ польскую аристократію и ея пороки. Имя покойнаго Ежа, занявшее весьма видное мѣсто въ исторіи польской литературы, знакомо и русскому читателю. Переводы его повѣстей появились на русскомъ языкѣ какъ отдѣльными изданіями, такъ и на страницахъ «Русскаго Богатства», «Вѣстника Европы» и другихъ нашихъ журналовъ.

И. Рябининъ.

Критика и библіографія.

Е. В. Пѣтуховъ, профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Второе изданіе, просмотрѣнное и дополненное. XXXII+496 стр. Юрьевъ. 1912. Ц. 4 руб.

Въ трудѣ профессора Юрьевскаго университета Е. В. Пѣтухова обращаетъ на себя вниманіе прежде всего его заглавіе. Въ послѣднемъ подчеркивается, что авторъ не беретъ на себя отвѣтственной задачи изложить *исторію* русской литературы. Его задача скромнѣе: «охватить въ сжатомъ историческомъ обзорѣ главнѣйшія явленія русской литературы съ начала нашей письменности до установленія художественнаго реализма въ лицѣ Гоголя» (III). Однако, при всей своей скромности и такая задача далеко не такъ легка, какъ, повидимому, это кажется автору. Если бы авторъ, формулируя свою задачу, говорилъ не о «сжатомъ историческомъ обзорѣ», а попросту о «сжатомъ обзорѣ»,—тогда другое дѣло: авторъ имѣлъ бы право группировать и разсматривать произведенія русской литературы въ какомъ ему угодно порядкѣ и даже съ какихъ-угодно точекъ зрѣнія. Другое дѣло «историческій», хотя бы и самый сжатый, обзоръ. Слово «историческій»—высоко отвѣтственное слово и заключаетъ въ себѣ рядъ научныхъ требованій, которыя не могутъ не быть выполнены лицами, берущимися за подобный «обзоръ».

«Охватить въ сжатомъ историческомъ обзорѣ главнѣйшія явленія русской литературы» это значитъ разсмотрѣть такія произведенія и въ такомъ порядкѣ, чтобы въ умѣ читателя создалась картина *развитія* русской литературы. Правда, не всѣ періоды въ исторіи русской литературы допускаютъ это. Особенно касается это начальнаго періода до XVI в. Но стремиться къ тому, чтобы создать такую картину развитія, обязанъ всякій ея историкъ. Трудности, неизбѣжно встрѣчаемыя историкомъ литера-

туры на этомъ пути, должны быть, такъ или иначе, преодоливаемы, но не избѣгаемы. Историкъ литературы долженъ въ своей области всюду оставаться историкомъ: онъ не имѣетъ права, съ цѣлью избѣгнуть затрудненій при проведеніи исторической точки зрѣнія, покидать послѣднюю и переходить къ иной точкѣ зрѣнія, напр., къ теоретико-словесной. Да и надобности въ такомъ переходѣ нѣтъ. Историческая точка зрѣнія, при всей своей сложности, отличается гибкостью и допускаетъ самыя разнообразныя степени примѣненія. Тамъ, гдѣ литературный матеріалъ скуденъ и не даетъ возможности построить болѣе или менѣе вѣрную въ научномъ отношеніи картину развитія литературы, тамъ историко-литературная точка зрѣнія должна примѣняться въ ея самой элементарной формѣ, т.-е. въ формѣ хронологическаго начала: разсмотрѣть литературныя произведенія въ хронологическомъ порядкѣ (установленномъ точно или приблизительно) значить уже примѣнить историко-литературную точку зрѣнія: произведение прикрѣпляется къ опредѣленному моменту, который сопровождался опредѣленными историческими событіями и обстоятельствами, объясняющими появленіе произведенія и его смыслъ ¹⁾.

Книга проф. Пѣтухова, рассматривающая произведеніе русской литературы до Кантемира включительно, распадается на двѣ части: въ одной изъ нихъ, большей, въ которой дается обзоръ литературы отъ XVI в. до второй половины XVIII в. (стр. 156—483), примѣняется, болѣе или менѣе научно, историко-литературная точка зрѣнія; другая часть, меньшая, излагающая литературныя явленія съ возникновенія русской литературы до XVI в. (стр. 1—156) почти лишена историко-литературнаго характера, о чемъ нельзя не пожалѣть. Начальные моменты во всякой литературѣ особенно важны и привлекательны для историка: съ какими духовными, религіозными, умственными, нравственными и т. д. чертами и потребностями выступаетъ передъ нами данный народъ наканунѣ развитія его литературы, какія обстоятельства породили въ его средѣ потребность въ литературномъ творествѣ, чьи и какіе образцы литературные оплодотворили его собственное творчество, каково отношеніе между заимствованнымъ и своимъ, національнымъ, какова связь между самостоятельными литературными произведеніями и обстоятельствами современной имъ жизни даннаго народа, замѣчаются ли

¹⁾ Такъ сопоставленіе «Слова о князьяхъ», составленнаго въ 1175 г. въ Черниговѣ, съ «Словомъ о полку Игоревѣ» даетъ возможность притти къ интересному выводу о томъ, что Святославъ Кіевскій (раньше Черниговскій) любилъ прибѣгать къ литературному воздѣйствію на князей.

какія-либо особенности въ послѣдовательной смѣнѣ литературныхъ произведеній, и если замѣчаются, то какія и въ чемъ ихъ смыслъ съ точки развитія литературы народа, — таковы тѣ вопросы, которые съ особенною силою напрашиваются именно въ отношеніи къ начальнымъ моментамъ въ исторіи всякой литературы. Для насъ, русскихъ, эти моменты, быть можетъ, особенно интересны: юная и свѣжая еще, только что выведенная изъ патріархально-родового быта, душа русскаго славянина стала формироваться подъ могучими культурными воздѣйствіями сосѣдей.

Посмотримъ, какъ университетская наука, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, относится къ рожденію и первымъ самостоятельнымъ началамъ русской литературы.

Начальные моменты исторіи русской литературы сжато представляются проф. Пѣтухову такъ: «1. Древнѣйшая эпоха XI—XII вв., сосредоточившая въ себѣ развитіе обще-русской литературы въ Кіевѣ до его политическаго паденія. 2. Средніе вѣка въ предѣлахъ XIII—XVI столѣтій. Тутъ нужно остановиться сначала на литературныхъ явленіяхъ XIII и XIV в.в., возникшихъ въ разныхъ мѣстныхъ центрахъ на основѣ старыхъ традицій кіевской эпохи, а затѣмъ и на такихъ явленіяхъ этой же поры, которыя возникли въ извѣстной степени подъ вліяніемъ мѣстныхъ специальныхъ особенностей и настроеній. Естественнымъ продолженіемъ послѣдней категоріи является обще-русская литература XV и XVI вв., сосредоточившаяся преимущественно въ Москвѣ (X)».

Схема проф. Пѣтухова приемлема, но съ нѣкоторыми поправками. Во-первыхъ «мѣстныя specialныя особенности и настроенія» зараждаются не въ XIII в., а въ XII в., даже въ XI в., и существуютъ не только въ XIII и XIV вв., но и въ XV и даже XVI вв.; и если историкъ литературы обязанъ считаться съ ними въ XIII и XIV вв., то я не вижу основаній, почему онъ можетъ игнорировать ихъ въ XII, XV и XVI вв. *Во-вторыхъ*, первый періодъ удобнѣе кончать половиной XIII в., т.-е. татарскимъ погромомъ, положившимъ видимый конецъ княжеско-дружинной Руси и давшимъ окончательный перевѣсъ удѣльной Руси.

Съ этими главными поправками схема проф. Пѣтухова можетъ быть принята. Она не только намѣчаетъ основные періоды и ихъ границы, но даже даетъ опредѣленный методологическій періодъ историческаго обзора русской литературы отъ X до XVI в., который можно формулировать такъ: явленія русской литературы необходимо разсматривать не только въ хронологическомъ порядкѣ, но и въ порядкѣ «мѣстностей» тамъ, гдѣ такое разсмотрѣніе необходимо для объясненія особенностей этихъ явле-

ній. Такой методологическій пріемъ не новинка въ научной исторіи русской литературы: его уже давно примѣнилъ въ своихъ лекціяхъ проф. А. С. Архангельскій (см. его «Чтенія по исторіи русской литературы», XX—XXI. Казань. 1903).

Тѣмъ съ большимъ удивленіемъ приходится отмѣтить странное явленіе: признавая существованіе «Мѣстныхъ специальныхъ особенностей и настроеній», вліявшихъ на древне-русскую литературу, проф. Пѣтуховъ не только не рассматриваетъ литературныхъ произведеній въ связи съ этими вліяніями, но даже не пытается группировать произведенія по мѣстностямъ. А между тѣмъ, оставляя въ сторонѣ XII в. и первую половину XIII в., въ теченіе которыхъ зародилась мѣстная литература—новгородская, смоленская, туrowsкая, черниговская, кievская, ростово-суздальская, галицко-волынская, историкъ русской литературы имѣетъ передъ собою съ половины XIII в. и до начала XVII в. двѣ обширныя мѣстныя литературы: новгородско-псковскую и окско-волжскую; въ составъ послѣдней входятъ въ свою очередь литературы: ростово-суздальская, тверская, муромо-рязанская, московская. Каждая изъ этихъ литературъ проникнута сильными мѣстными интересами и стремленіями и можетъ быть надлежащимъ образомъ понята и истолкована только при условіи, если ея явленія изучаются въ связи съ исторіей той мѣстности, гдѣ она создавалась.

Проф. Пѣтуховъ не далъ въ своей книгѣ даже простого перечня этой обширной мѣстной литературы (см. въ «Курсѣ исторіи русской литературы», изд. 2-ое, кн. 1-ая «Зарожденіе мѣстныхъ литературъ», §§ 234—279, кн. 2-ая, «Удѣльное литературное творчество», §§ 41—173). Онъ вырываетъ изъ нея отдѣльныя разрозненныя явленія, принадлежащія разнымъ культурно-историческимъ центрамъ, и рассматриваетъ ихъ въ произвольномъ порядкѣ, съ какой-то отвлеченной точки зрѣнія, вслѣдствіе чего ихъ естественно-историческій смыслъ затемняется и пропадаетъ. Обширная мѣстная литература, полная жизни и движенія, въ изложеніи проф. Пѣтухова пропала для читателей.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ литературой XI—XII вв. Здѣсь авторъ даже и не пытается рассматривать литературныя явленія хоть въ простомъ хронологическомъ порядкѣ, несмотря на то, что особенныхъ препятствій для такого разсмотрѣнія не существуетъ; онъ распредѣляетъ ихъ по рубрикамъ теоріи словесности: поученія, посланія, житія святыхъ, лѣтопись, историческая повѣсть, паломническая литература. При такомъ распредѣленіи осмысленный историческій обзоръ упраздняется; вмѣсто него на

сцену выступает условная теоретико-словесная формула, произвольно толкуемая¹⁾.

Между тѣмъ примѣненіе хронологическаго начала при обзорѣ русской литературы XI—XII вв., въ связи съ исторіей русскаго народа, уже теперь даетъ возможность историку литературы установить бѣненіе пульса жизни, отмѣтить жгучіе національные, демократическіе, моральные интересы тамъ, гдѣ при отвлеченно-словесной точкѣ зрѣнія лица, называющія себя историками литературы, видятъ до сихъ поръ «безыдейность» или «космополитическое направленіе».

Сочиненіе «О законѣ и благодати» (1037—1050) не простое поученіе, посвященное «изображенію высоты христіанской вѣры, этого недавняго пріобрѣтенія русскаго народа»; это—замѣчательное для первой половины XI в. философско-историческое произведеніе, въ которомъ видна высота достигнутаго въ княженіи Ярослава М. національнаго самосознанія: въ немъ впервые литературно заявляется, что русскіе князья владычествовали «не въ худѣ и не въ невѣдомѣ земли», но въ Русской, «яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земли»; впервые дѣлается попытка изобразить Владимира, какъ святого, впервые выражается протестъ противъ греческаго господства въ русской церкви²⁾. («Курсъ исторіи рус. лит.», кн. 1-ая §§ 186—188).

Лѣтописи... Но здѣсь самая слабая сторона труда проф. Пѣтухова. Изслѣдованія академика Шахматова, произведшія полный переворотъ въ изученіи такъ называемой «Начальной лѣтописи», игнорируются проф. Пѣтуховымъ.

А. А. Шахматовъ установилъ (и никто его до сихъ поръ не опровергъ), что въ составъ «Начальной лѣтописи» вошелъ рядъ отдѣльных лѣтописныхъ сводовъ. Нашъ изслѣдователь указалъ редакторовъ этихъ сводовъ, время ихъ появленія, связь ихъ съ опредѣленнымъ историческимъ моментомъ. Послѣ изслѣдованій А. А. Шахматова «Начальная лѣтопись» разбилась на нѣсколько произведеній, ярко отразившихъ тенденціи своихъ творцевъ и ихъ единомышленниковъ («Древнѣйшій Кіевскій сводъ» 1039, «Древній Новгородскій сводъ» 1050, «Кіевскій сводъ», 1073, «Начальный Кіевскій сводъ», около 1095, «Повѣсть временныхъ лѣтъ», 1113—1116, «Сильвестровъ сводъ, 1116). Въ изслѣдованіяхъ

¹⁾ Авторъ, напр., разсматриваетъ «Поученіе» Владимира Мономаха въ отдѣлѣ «посланія», а «Поученіе къ братіи» Луки Жидаты въ отдѣлѣ «поученія». Почему?

²⁾ Такимъ образомъ, «слѣды самостоятельной жизни, отраженіе реальныхъ условий дѣйствительности—любовь у русскихъ авторовъ къ родной землѣ и стремленіе обсуждать ея общіе интересы» (73) проявляются впервые въ первой половинѣ XI в., а не въ XII только, какъ склоненъ думать проф. Пѣтуховъ.

А. А. Шахматова глгошисные своды потеряли свою прежнюю «бездличность» и «бездстрастность» и обратились въ живыя произведенія, въ орудія борьбы ихъ редакторовъ за опредѣленные интересы, противъ опредѣленныхъ направлений. Отказавшись отъ выводовъ и обобщеній А. А. Шахматова, проф. Пѣтуховъ лишилъ свою книгу, можетъ быть, наиболѣе интересныхъ и живыхъ страницъ.

Трудъ проф. Пѣтухова не лишенъ и фактическихъ ошибокъ.

На стр. 75, говоря объ Аврааміи Смоленскомъ, авторъ утверждаетъ, что «время жизни Авраамія разными изслѣдователями опредѣлялось различно: *то въ XI, то въ XII, то въ XIV вѣкѣ*. Последніе изслѣдованія въ этомъ вопросѣ г. Кадлубовскаго дѣлають весьма убѣдительнымъ предположеніе о подвигахъ этого святого не ранѣе XIV в. (Арх. Кадлубовскій. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава 1902, стр. 1—43); но этотъ выводъ, не лишая Смоленскъ репутаціи мѣстнаго центра просвѣщенія и книжности, лишь отодвигаетъ упомянутый доводъ (?) къ болѣе позднему времени».

Подчеркнутыя мною строки поразительны. Какъ извѣстно, жизнь и дѣятельность Авраамія Смоленскаго относится изслѣдователями къ концу XII и къ началу XIII вв. (см. Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», М. 1871, стр. 56—57). Какой же изслѣдователь относитъ Авраамія Смоленскаго не то къ XI, не то къ XIV в.? Я бы такъ и не догадался, если бы проф. Пѣтуховъ не сдѣлалъ ссылки, съ указаніемъ страницъ, на изслѣдованіе проф. Кадлубовскаго. Книга проф. Кадлубовскаго — одна изъ «столбовыхъ» книгъ для историка литературы, и ея содержаніе хорошо извѣстно всякому работнику въ этой отрасли знанія. Что же означается? На означенныхъ проф. Пѣтуховымъ страницахъ проф. Кадлубовскій излагаетъ свое изслѣдованіе не объ Аврааміи Смоленскомъ, а объ Аврааміи Ростовскомъ, время жизни котораго дѣйствительно составляетъ предметъ разногласій: одни относятъ его къ XI, другіе къ XII, а проф. Кадлубовскій къ XIV в. А объ Аврааміи Смоленскомъ проф. Кадлубовскій ни слова въ своей книгѣ не говоритъ... Итакъ, проф. Пѣтуховъ выводы и обобщенія проф. Кадлубовскаго объ одномъ святомъ перенесъ на совершенно другого святого!..

Что говоритъ проф. Пѣтуховъ объ Аврааміи Ростовскомъ? На стр. 93 авторъ, какъ будто не подозрѣвая объ изслѣдованіи проф. Кадлубовскаго, относитъ смерть Авраамія къ 1077 г. (устарѣвшее житіе Филарета). Что это значитъ?

Успѣхъ произведеній авторъ совершенно не касается въ своемъ произведеніи. Свою рецензію заканчиваю отзывамъ академика

В. Н. Перетца о книгѣ проф. Пяткова: «Это лучший и самый свѣжій университетскій учебникъ изъ существующихъ у насъ» (В. Н. Перетцъ. «Нѣз лекціи по методологій исторіи русской литературы», Кіевъ, 1914, стр. 421).

В. А. Келтjяла.

Проф. В. В. Сиповскій: *Русская лирика. Вып. I. XVIII вѣкъ*. (Нѣз лекцій, читанныхъ на Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ). Петроградъ, 1914. Стр. 150. Ц. 80 к.

На страницахъ «Голоса Минувшаго» намъ уже приходилось рецензировать книгу, совершенно аналогичную той, заглавіе коей выписано выше. Разумѣемъ трудъ И. Н. Розанова: «Русская лирика. Отъ поэзіи безличной до неповѣди сердца» (Москва, 1914). Тогда мы указывали, что изученіе старой русской лирики стоитъ на очереди въ литературной исторіографіи, и появленіе работы проф. Сиповскаго вновь это подтверждаетъ. Во многомъ новая книжка похожа на первую; и Сиповскій, и Розановъ неизбѣжно говорятъ объ однихъ и тѣхъ же авторахъ: напр., о Державинѣ, Херасковѣ, Радищевѣ, Карамзинѣ; неизбѣжно они совпадаютъ и въ выборѣ поэтическаго матеріала для своихъ характеристикъ. Но имѣются и расхожденія. Книжку Розанова мы упрекали въ томъ, что авторъ ея совершенно игнорируетъ лирику Петровскаго и Елизаветинскаго времени. Проф. Сиповскій восполняетъ этотъ пробѣлъ. Онъ начинаетъ свое изложеніе, какъ и слѣдуетъ, съ русской хвалебной оды семнадцатаго столѣтія и вспоминаетъ Симеона Полоцкаго и Феофанъ Прокоповича; затѣмъ характеризуетъ любовную лирику XVII и начала XVIII вв.—съ наивныхъ до характерныхъ опытовъ магистра Пауса, мастера Глюка, кавалера Монса и его секретаря Стодѣтова. Уже въ этихъ робкихъ попыткахъ выработывается та лирическая фразеологія, которая потомъ постоянно обогащается въ екатерининское время. Отдѣльныя главы посвящаетъ проф. Сиповскій: Ломоносову, Тредиаковскому, Сумарокову, которыхъ И. Н. Розановъ также обошелъ молчаніемъ. Зато и въ книжкѣ В. В. Сиповскаго нѣтъ многого такого, о чемъ говорится у Розанова. Сиповскій рѣшительно замалчиваетъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ лириковъ Екатерининскаго времени: наковы, напр., В. Петровъ, Нелединскій-Мелецкій, Николевъ и другіе, отчего изображеніе эволюціи лирики, конечно, теряетъ въ полнотѣ и четкости: біографическихъ характеристикъ онъ также не даетъ, какъ не интересуется и развитіемъ русскаго стихосложенія, что очень привлекало вниманіе Розанова.

Такимъ образомъ обѣ книги взаимно дополняютъ другъ-друга,

и читателямъ, знакомымъ съ работой Розанова, мы рекомендуемъ прочесть и Сиповскаго. Обоихъ авторовъ единить и одинаковая постановка литературной задачи. О Розановѣ мы писали, что его книга не претендуетъ на научность. То же, и даже въ большей мѣрѣ, относится и къ Сиповскому. Онъ не производилъ специальныхъ изслѣдованій о старинной лирикѣ. Для своего обзора онъ охотно пользуется трудами В. Н. Перетца, Л. Н. Майкова, А. И. Соболевскаго, даже литературной молодежи: О. А. Покотиловой, Е. Н. Грѣшищевой. Небольшой объемъ книжки лишалъ автора возможности всесторонне разработать оцѣнку напр., такого богатаго лирика, какъ Державинъ; многое въ его характеристикѣ осталось недосказаннымъ (хотя надо отмѣтить, что глава о Державинѣ у Розанова еще скупѣе).

Книжка написана живо и читается легко; въ библиотекѣ популярнаго сочиненій по исторіи русской литературы она должна занять свое мѣсто. Жаль только, что стиль ея какъ-то размашистъ и неряшливъ. Вотъ два примѣра: «Намъ, людямъ XX-го столѣтія, отравленнымъ позоромъ невѣрія, разочарованіемъ и тоской, трудно повѣрить въ правду пафоса этихъ лирическихъ вдохновеній»; «Херасковъ особенно усердно сочинялъ въ области духовнаго творчества»...

Н. Пиксановъ.

Louis Leger. Nicolas Gogol. Paris. Bloud et C-ie, editeurs. 1914.

Извѣстный французскій славистъ, профессоръ въ Collège de France, Луи Леже выпустилъ въ свѣтъ новую книжку, посвященную Гоголю. Это, конечно, не такое капитальное изслѣдованіе, какъ трудъ Андре Мазона о Гончаровѣ, Лиронделя объ А. Толстомъ или наконецъ Патуйе объ Островскомъ. Это томикъ въ 265 стр. обыкновеннаго французскаго формата, одинъ изъ серіи «Les grands écrivains étrangers», но, тѣмъ не менѣе, она заслуживаетъ вниманія, въ нѣкоторомъ отношеніи, и со стороны русскаго читателя.

Въ первыхъ трехъ главахъ, посвященныхъ біографіи Гоголя, онъ, между прочимъ, упоминаетъ, что въ Парижѣ еще цѣль домъ, въ которомъ Гоголь во время пребыванія своего въ столицѣ Франціи писалъ «Мертвыя души». Въ слѣдующей главѣ авторъ анализируетъ «Переписку съ друзьями», относясь къ ней очень сурово. Въ пятой главѣ главное вниманіе удѣлено «Вію» (эта глава имѣетъ въ виду повѣсти фантастическаго характера). Специальная глава посвящена «Тарасу Бульбѣ». Сопоставленіе этой повѣсти Гоголя съ «Natchez» Шатобріана врядъ ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе. Сходство, какое находили между бѣгствомъ Андрея

съ татаркой и бѣгствомъ Chactas и Atala, можетъ быть и случайнымъ, какъ это признаетъ и самъ авторъ. По поводу «Тараса Бульбы» Луи Леже останавливается еще на этюдѣ о Гоголѣ Эрнеста Дюпюи, который сближаетъ гоголевскую повѣсть съ «Маттео Фальконе» Мериме, такъ какъ Тарасъ Бульба и Маттео добровольно убиваютъ своихъ сыновей. При чемъ авторъ высказывается отрицательно по вопросу о какомъ-либо вліяніи Мериме на Гоголя.

Въ главѣ «Реалистическія повѣсти» авторъ останавливается только на двухъ повѣстяхъ: «Старосвѣтскіе помѣщики» и «Шинель». По поводу разбираемыхъ въ этой главѣ повѣстей Леже предостерегаетъ тѣхъ, кто думаетъ, будто русская литература монополизировала выраженіе чувства состраданія къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» или даже изобрѣла его, и въ доказательство упоминаетъ о разсказахъ Шамфлера (Champfleury): «Les souffrances du professeur Delteil» и «Chien Caillou», которые, конечно, по словамъ самого же г. Луи Леже, не могутъ выдерживать сравненія съ произведеніями ни Гоголя, ни Достоевскаго.

Во главѣ «Мертвыя души» (это—самая обширная глава въ книгѣ) врядъ ли можно согласиться съ предположеніемъ автора, что названіемъ «поэма» Гоголь, «очевидно, хотѣлъ указать на то, что не все въ разсказѣ нужно считать дѣйствительнымъ (prendre au sérieux), но большую часть отнести на долю вымысла». Отмѣтимъ также въ этой главѣ любопытное наблюденіе французскаго слаvisto, что «Мертвыя души» являются произведеніемъ не легко понимаемымъ для французской публики, которая поэтому съ трудомъ можетъ имъ насладиться. На парижскомъ рынкѣ нѣтъ и переводовъ этой поэмы, преслѣдующихъ промышленныя цѣли. «Очевидно, «Мертвыя души» никогда не будутъ такъ популярны, какъ шедевры Толстого, Тургенева, Достоевскаго».

Слѣдующую главу составляютъ уже специальный этюдъ: «Гоголь и Мериме». Оказывается, первый, кто познакомилъ французскую публику съ Гоголемъ, былъ Віардо. Но онъ не зналъ русскаго языка и только охотно передѣлалъ (adapté) буквальный переводъ, присланный ему его русскими друзьями. Зато Мериме—первый дѣйствительно представилъ Гоголя своимъ соотечественникамъ, хотя зналъ только три его произведенія: «Тараса Бульбу», «Мертвыя души» и «Ревизора». Должно замѣтить къ тому же, что «Тараса Бульбу» Мериме совершенно не понималъ, «Мертвыя души» почти не понималъ. По словамъ г. Луи Леже, онъ находитъ ихъ сюжетъ отвратительнымъ (repoussant) и упрекаетъ его за погрѣшности противъ правдоподобія, между тѣмъ какъ самъ Мериме допускаетъ ихъ въ своемъ переводѣ «Ревизора». Такъ

слова Хлестакова: «Сунуть въ кастрюлькѣ пряжу на пароходѣ прѣхалъ изъ Парижа» переведены у него: «On m'envoie la soucre dans une casserole de Paris par le chemin de fer», хотя въ то время въ Россіи никакихъ желѣзныхъ дорогъ еще не было. Есть и другія погрѣшности въ переводѣ, являющіяся результатомъ плохого знанія Мериме русскаго языка. Такъ, слова: «Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ» переведены у Мериме: «Derjimtorda est allé à un feu de cheminée» (Cheminée—печная труба). Слова Осипа: «Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣдъ» переведены: «Je parie que tout le monde a déjà diné à cette heure». («Держу пари, что теперь ужъ весь свѣтъ пообедалъ»). Длѣе слова, характеризующія ораторскія способности Аммоса Федоровича: «Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи...» переданы такъ: «Non, non! Vous ne vous entendez pas seulement en chiens, vous savez organiser un dîner» («Нѣтъ, вы не только понимаете толкъ въ собакахъ, но и умѣете устраивать обѣды»). По справедливому предположенію г. Луи Леже, Мериме понималъ «столпотвореніе» въ смыслѣ «столотворенія».

Послѣдняя глава книги посвящена описанію празднованія въ Москвѣ столѣтней годовщины со дня рожденія Гоголя.

Н. Кашинъ.

Объ Окассенъ и Николетъ. Старофранцузская сказка-пѣснь. Перевела М. Ливеровская. Спб.—Москва. Книгоиздательство «Русская Мысль». Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Очень интересное произведеніе старофранцузскій поэзии, печатавшееся въ «Русской Мысли», выходитъ отдѣльнымъ изданіемъ-оттискомъ. Впрочемъ, разобраться въ немъ, выдѣлать интересные культурно-историческіе элементы можетъ только человѣкъ, специально заинтересованный. Въ немъ звучатъ мотивы Ренессанса, какъ реакція противъ средневѣкового аскетизма. Интересно разсужденіе Хассена о раѣ и адѣ: въ рай идутъ «старые поцы, убогіе и калѣки», въ адъ—«добрые, ученые и прекрасные рыцари... нѣжныя благородныя дамы, у которыхъ два или три возлюбленныхъ, кромѣ ихъ собственнаго мужа... музыканты и жонглеры... съ ними хочу быть и я...» И это голосъ XII—XIII вв. Интересны и та пропія, которая чувствуется въ отношеніи автора къ знати, и здоровый реализмъ, проникающій эту пѣснь. Болѣе специальный интересъ имѣетъ оригинальная форма пѣсни, диало-драматическая.

Переводъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворителенъ. Жаль только, что переводчица убоялась почему-то ассонансовъ подлинника, имѣющихъ огромное художественное значеніе. Это при-

знает г-жа Ливеровская, и объ этомъ прекрасно говоритъ Вальтеръ Патеръ: «Здѣсь, въ этихъ пѣсняхъ объ Оксесей и Николетъ, тихо звучитъ новая музыка рѣмованныхъ стиховъ; они хотѣли бы превратиться въ настоящія рѣмы, но словно останавливаются и еще не могутъ развить свободнаго полета; мы видимъ, какъ люди начинаютъ чувствовать это новое музыкальное сокровище, еще не развившееся, и уже предвидятъ, какой прекрасной можетъ стать современемъ подобная музыка». (В. Патеръ, «Избранники человечества», М. 1912. Стр. 13). Напрасно г-жа Ливеровская думаетъ, что ассонансы «чуждо знакомы родному слуху и не имѣютъ за собою никакой поэтической традиции». А Валерій Брюсовъ и нѣкоторые его послѣдователи?

Статья г-жи Ливеровской, предпосланная переводу, очень содержательна и научна, но слишкомъ специальна. Въ интересахъ читателей была бы болѣе желательна выдержка изъ Вальтера Патера.

В. Фицерь.

Жизнь Витторіо Альфieri изъ Асти, рассказанная имъ самимъ. Переводъ В. Г. Малахеевой-Мировичъ. Подъ редакціей Бор. Зайцева. Вступительная статья А. А. Андреевой. Москва К-ство К. Ф. Некрасова. 1914 г.

Личность и творчество великаго итальянскаго тиранноборца Витторіо Альфieri становится все болѣе достояніемъ русской читающей публики. Въслѣдъ за диссертацией проф. Гливенко, посвященной автору «Брута» и «Заговора Пакки», теперь вышла въ русскомъ переводѣ автобіографія поэта.

«За исключеніемъ Vita Бенвенуто Челлини—говоритъ Оветтъ—итальянская литература не знаетъ другого памятника этого рода, который былъ бы такъ увлекательно написанъ. Въ то же время автобіографія Альфieri превосходное чтеніе для иностранцевъ, такъ какъ является яркой иллюстраціей того, чего можетъ достигнуть человекъ путемъ упорнаго труда... Альфieri говорить лишь о самомъ себѣ. Его интересуетъ только одно: его непреклонная воля, благодаря которой онъ, невѣжественный и развращенный, сталъ великимъ трагическимъ поэтомъ своего времени, пламеннымъ апостоломъ политическаго и моральнаго возрожденія Италіи».

Какъ видно уже изъ приведенныхъ словъ, автобіографія Альфieri не безусловно—объективный рассказъ, а въ своемъ родѣ—апологія.

«Хотя Vita Альфieri,—замѣчаетъ другой изслѣдователь (Landau: Geschichte der italienischen Litteratur im XVIII J.)—и представляетъ драгоценный матеріалъ для его біографіи, опираться

только на нее одну нельзя... Она нуждается и въ отношеніи характеристики писателя и съ фактической стороны въ постоянномъ контролѣ при помощи его писемъ, а также сообщеній о немъ его друзей и знакомыхъ».

Можно не итти такъ далеко, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые итальянскіе изслѣдователи (напр., Bertana: Vittorio Alfieri studiato nella vita, nel pensiero e nell' opera), которые стремятся нѣсколько слишкомъ придирчиво—дискредитировать правдивость автора и достовѣрность его автобіографіи, но не подлежатъ никакому сомнѣнію, что въ ней встрѣчается не мало фактическихъ неточностей, вполнѣ понятныхъ, если принять во вниманіе, что вся первая и значительно большая часть автобіографіи была написана въ какіе-нибудь 38 дней (такъ напр., болѣзнь, относится авторомъ къ 1773 г., на самомъ дѣлѣ имѣла мѣсто въ началѣ 1774 г., первый эскизъ «Клеопатры» былъ законченъ не въ январѣ, а, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ февралѣ, часть своего состоянія поэтъ подарилъ сестрѣ не въ ноябрѣ 1778 г., а въ апрѣлѣ 1779 г. и т. д.). Встрѣчаются и опущенія, вызванныя, повидимому, особыми соображеніями: такъ Альфіери, бывший принципальнымъ противникомъ «Аркадіи», заявившій въ письмѣ къ Ленконѣ, что онъ поклялся никогда не быть членомъ ни единой академіи, не упоминаетъ въ своей автобіографіи, что онъ читалъ своего «Саула» въ академіи dell'Arcadia и сдѣлался ея членомъ. Иногда, наконецъ, одинъ и тотъ же эпизодъ освѣщается діаметрально противоположнымъ свѣтомъ. Такъ его романъ съ лондонской красавицей, кончившійся для него такъ плачевно, выдержанъ въ автобіографіи въ тонахъ драмы, а въ новеллѣ, написанной имъ послѣ своего возвращенія въ Туринъ, весь этотъ эпизодъ превращается неожиданно въ комедію.

Обо всѣхъ этихъ особенностяхъ автобіографіи Альфіери необходимо было освѣдомить читателя въ предисловіи, сопоставляя ее съ другими автобіографическими произведеніями и съ письмами писателя (Teza: Vita, giornali e lettere di V. Alfieri). Въмѣсто этого авторъ предисловія предпочелъ пересказать своими словами жизнь поэта, какъ она изложена имъ самимъ гораздо ярче и самобытнѣе въ его автобіографіи.

Переводъ, точный и литературный, довольно близко передаетъ духъ подлинника.

В. Фриче.

Французскіе лирики XVIII вѣка. Сборникъ переводовъ, составленный Г. М. Брюсовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. М. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. 1914.

Легкая французская лирика 18-го вѣка во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія.

Она характерна для настроенія части французскаго общества передъ великой революціей. «Чѣмъ ближе—говоритъ В. Я. Брюсовъ въ предисловіи къ разбираемому нами сборнику—XVIII в. подходилъ къ той пропасти, куда низвергла его великая революція, тѣмъ беззаботнѣе, тѣмъ легкомысленнѣе становились пѣсни его поэтовъ. Эгими веселыми напѣвами «старый порядокъ» какъ бы убаюкивалъ себя, заставляя сладко дремать подъ собиравшимися грозowymi тучами».

Въ историко-литературномъ отношеніи эта поэзія заслуживаетъ вниманія потому, что была естественнымъ противовѣсомъ ходульности ложноклассической трагедіи, грому и напыщенности ложноклассическихъ одъ.

Не менѣе важно значеніе этой поэзіи и по отношенію къ поэтической формѣ. Многословіе одъ, трагическихъ монологовъ и стихотвореній дидактическихъ здѣсь оказалось неумѣстнымъ. Мало-по-малу вырабатывается сжатость рѣчи: многое не договаривается, на многое только дѣлается намекъ. Лирика принимаетъ ту форму, которую сохраняетъ и до нашихъ дней.

Для насъ, русскихъ, эта поэзія имѣетъ и еще особенный интересъ. Нѣсколько поколѣній русскихъ читателей находились подъ ея обаяніемъ. Она была первой воспитательницей многихъ нашихъ поэтовъ и, между прочимъ, самого Пушкина.

Тѣмъ не менѣе вполнѣ въ силу и почти вплоть до нашихъ дней легкая французская поэзія XVIII вѣка была предана забвенію, и даже казалось, что она навѣки осуждена судомъ исторіи.

Въ 1910 г. вышелъ сборникъ Анны Веселовской («Любовная лирика XVIII вѣка»), представляющій собой попытку реабилитировать давно забытую и обычно пренебрегаемую русскую любовную лирику XVIII вѣка, указать ея, мало кѣмъ признаваемую, но несомнѣнную художественную цѣнность. Но русская лирика XVIII вѣка является въ значительной мѣрѣ сколкомъ съ французской. Очередной задачей въ этомъ направленіи явилось ознакомленіе русскихъ читателей съ французской «легкой поэзіей» и ея реабилитация.

Разрѣшить эту задачу и берется вышедшій въ 1914 г. сборникъ, составленный І. М. Брюсовой. Это—антологія изъ французскихъ поэтовъ XVIII вѣка, сопровождаемая руководящей статьей Валерія Брюсова «Французская лирика XVIII вѣка».

Вопросъ о художественной цѣнности этой поэзіи рѣшается В. Я. Брюсовымъ въ положительномъ смыслѣ. «Если Батюшковъ, юноша-Пушкинъ, Баратынскій и столько другихъ русскихъ поэтовъ умѣли найти очарованіе въ этой поэзіи—его нельзя считать ложнымъ: то было очарованіе подлиннаго искусства»;

эта поэзія имѣетъ такое же право на наше художественное вниманіе, какъ истинная поэзія любой иной эпохи».

Для ознакомленія современныхъ русскихъ читателей съ этой поэзіей составитель сборника рѣшилъ, за немногими исключеніями, довольствоваться переводами уже существовавшими, считая, что лучшія произведенія французскихъ поэтовъ уже имѣются у насъ въ хорошихъ переводахъ. Къ сожалѣнію, съ этимъ основаніемъ не вполне можно согласиться. Наши лучшіе поэты обыкновенно переводили не то, что считали наиболѣе удавшимся и характернымъ для переводимыхъ поэтовъ, но то, что почему-либо имъ самимъ было ближе, родственнѣе. Поэтому нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній А. Шенье, напр. «Le jeu de paume», до сихъ поръ остаются непереведенными. Если бы ограничиться только уже существующими переводами, то получилась бы картина не французской лирики XVIII вѣка, а только ея отраженія въ русской поэзіи. Очевидно, сознавая это, составитель включилъ въ свой сборникъ до 30 вновь сдѣланныхъ переводовъ, хотя вообще къ современнымъ переводамъ онъ относится недоувѣрчиво по слѣдующимъ соображеніямъ: «съ одной стороны художественные переводы, сдѣланные по опредѣленному заказу», рѣдко вполне удаются ихъ авторамъ. Съ другой—самый складъ стиховъ, самые приемы лирическаго творчества настолько изменились за 100—150 лѣтъ, что современному поэту уже гораздо труднѣе перенять особенности лирики Парни, Дюси, Дора и др., чѣмъ поэту хотя бы начала XIX в.». Соображенія эти кажутся намъ вполне основательными. Къ сожалѣнію, въ самомъ сборникѣ принципъ этотъ не вездѣ выдерживается! Въ XVIII и началѣ XIX вѣка употребительна была форма «приблизиться», вм. «приблизиться»; и у Батюшкова мы находимъ, напр.: «Дарна, приблизься» («Источникъ»), «Но если Делія съ тоскою къ нему приблизится» («Послѣдняя весна»), «Приблизьтѣсь, жены, и друками сплетая дружно въ легкій кругъ, протяжно» и т. д. («Мадагаскарская лѣсня»). Въ сборникѣ г-жи Брюсовой вездѣ тутъ находимъ замѣну ис на з: «приблизься», «приблизится», «приблизьтѣсь». Такое подновленіе Батюшкова, измѣняющее и инструментовку стиха, кажется намъ недопустимымъ.

Что касается до переводовъ, сдѣланныхъ на заказъ для данного изданія, то большинство изъ нихъ съ большимъ успѣхомъ побѣждаетъ указанная выше затрудненія. Это и неудивительно, такъ какъ большинство переводовъ принадлежитъ Валерію Брюсову, который и раньше, въ отрывкахъ изъ «Энеиды», показалъ себя истиннымъ виртуозомъ въ этомъ отношеніи.

Что касается до переводовъ, уже существовавшихъ раньше—

а такихъ въ сборникахъ громадное большинство, — то составитель болѣе всего дорожилъ близостью къ оригиналу, помѣщая близкіе переводы въ текстъ, а болѣе свободныя обработкѣ тѣхъ же произведеній, если онѣ имѣлись, относя къ примѣчаніямъ. Впрочемъ строгая послѣдовательность тутъ не выдержана. Примѣчанія вообще цѣнны, хотя и носятъ нѣсколько случайный характеръ. Здѣсь встречаемъ указанія на другіе переводы данныхъ стихотвореній, извѣстные составителю. Въ задачу составителя, конечно, не входило перечисленіе всѣхъ существующихъ переводовъ, но все же иногда хотѣлось бы большей осѣдомленности. Кое-гдѣ указывается недостаточность предварительной черновой работы. Кромѣ собраній стихотвореній извѣстныхъ поэтовъ, составителемъ, очевидно, были просмотрѣны нѣкоторые журналы конца XVIII вѣка и журналъ «Благонѣрный» за 1820—22 г., но, кажется, и только, тогда какъ въ нашихъ журналахъ и альманахахъ всей первой половины XIX в. нашлось бы не мало переводовъ и, можетъ быть, болѣе удачныхъ, чѣмъ нѣкоторые изъ помѣщенныхъ въ сборникъ. При большемъ запасѣ матеріала и выборъ могъ бы быть строже, и книжка только выиграла бы въ художественномъ значеніи. Такъ напр. въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» за 1829 г. помѣщено было стихотвореніе А. Крылова: «Къ клену» (изъ Парни). Переводъ этотъ, по нашему мнѣнію, болѣе удаченъ, чѣмъ указанный въ сборникъ (въ примѣчаніи) переводъ О. Сомова.

Разъ составитель не пренебрегаетъ такими малозвѣстными переводчиками, какъ Сомовъ, Норовъ, то уже кажется страннымъ, что совсѣмъ не упомянуты переводы Дм. Габбова, котораго тогдашніе журналы хвалили именно за переводы (изъ французскихъ поэтовъ (Мильвуа и др.), и что у Норова не только не розысканъ, но и не указанъ довольно близкій переводъ изъ Шенье «Младая узница». Но все это, конечно, мелкіе поэты. Перейдемъ къ болѣе извѣстнымъ поэтамъ Пушкинской эпохи. Отъ вниманія составителя ускользнули интересныя подражанія Мильвуа и Шенье Плетиева, переводы гг. Вяземскаго (изъ Вольтера), разсыянные по журналамъ переводы изъ Шенье Ознобишина, бывшаго однимъ изъ самыхъ преданныхъ поклонниковъ французской легкой поэзіи. Изъ позднѣйшихъ переводчиковъ ускользнулъ отъ вниманія извѣстный переводчикъ Н. Вейнбергъ («Слѣпой» Шенье). Иной характеръ носитъ примѣчаніе къ знаменитому стихотворенію Мильвуа «Паденіе листьевъ». Указано подражаніе какого-то В. Григорьева, но не указанъ переводъ довольно извѣстнаго въ свое время поэта Милонова. У Вас. Туманскаго, переводамъ котораго, за

ихъ близость къ подлиннику, вообще удѣлено довольно почетное мѣсто, такъ что даже иной разъ ему отдается предпочтеніе передъ Пушкинымъ, осталось совсѣмъ не отмѣченнымъ стихотвореніе «Таковъ я былъ, таковъ и буду я», довольно близкое подражаніе стихотворенію Шенье «*Tel j'étais autrefois tel je suis encore*».

Что касается до самихъ французскихъ поэтовъ, включенныхъ въ антологию, то въ сборникѣ приведены образцы изъ 23 поэтовъ. Изъ тѣхъ, объ отсутствіи которыхъ можно пожалѣть, укажемъ на Грессе (есть переводъ Веневитинова) и особенно Жильбера, которому подражали многіе русскіе поэты, начиная отъ Висковатова и Милонова и кончая самимъ Пушкинымъ. Любопытно бы еще было видѣть образцы поэзіи Пирона, хотя бы потому, что онъ хорошо былъ извѣстенъ Пушкину, назвавшему одного изъ своихъ пріятелей, поэта Аркадія Родзянко, «Пирономъ Украины». Впрочемъ, характеризовать поэта двумя-тремя стихотвореніями вообще очень трудно, и ясное представленіе изъ данной антологіи читатель выноситъ только о трехъ главныхъ поэтахъ, представленныхъ большимъ количествомъ образцовъ: Парни, Шенье и Мильвуа. Остальные сливаются въ одно общее коллективное лицо, но тѣмъ сильнѣе, можетъ быть, чувствуется «ароматъ эпохи».

Ив. Розановъ.

Проф. Д. М. Петрушевскій. Великая Хартія Вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII вѣка. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1915. Цѣна 85 коп.

Въ этой работѣ, посвященной конституціонной исторіи Англіи XIII вѣка, авторомъ переизданы два очерка, уже раньше появлявшіеся въ печати. Однако, передъ нами не простая перепечатка, такъ какъ очерки подверглись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительнымъ измѣненіямъ и переработкѣ. Особенно это нужно сказать относительно перваго очерка, касающагося Великой Хартіи Вольностей. Здѣсь авторъ, напримѣръ, гораздо рѣзче, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ, подчеркиваетъ свой взглядъ на Великую Хартію, какъ на документъ, отражающій интересы феодальной реакціи. Съ этой точки зрѣнія авторъ рѣшительно измѣняетъ свою оцѣнку одной изъ самыхъ знаменитыхъ статей Хартіи—ст. 39-й, гдѣ каждому «свободному человѣку» въ судебномъ отношеніи гарантируется «*legale iudicium parium suorum*». Если въ первыхъ изданіяхъ очерка эта статья считается направленной противъ судебного произвола со стороны королевской власти, противъ различныхъ прежнихъ злоупотребле-

ній въ сферѣ суда,—то въ новомъ изданіи авторъ видитъ здѣсь попытку возстановить преобладаніе узко-феодальнаго суда пэровъ въ ущербъ развитію королевской юстиціи, построенной не на феодальныхъ началахъ. Въ связи съ этимъ авторъ въ новомъ изданіи обращаетъ большое вниманіе на ст. 34, также гарантирующую феодальную курію отъ вмѣшательства королевскаго суда.

Что касается второго очерка, посвященнаго исторіи возникновенія Парламента, то онъ подвергся лишь небольшимъ измѣненіямъ.

Большую цѣнность книгѣ придаютъ собранные въ концѣ ея документы въ латинскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Особенный интересъ для изучающихъ Великую Хартію долженъ представить одинъ изъ этихъ документовъ,—«The Articles of the Barons»—представляющій изъ себя, повидимому, первоначальную редакцію Хартіи, списокъ условій мира, спѣшно составленный въ первый день переговоровъ короля съ баронами. Окончательный текстъ Хартіи былъ выработанъ нѣсколькими днями позже, и притомъ съ такими измѣненіями, которыя, какъ указываетъ авторъ, очень характерны для оцѣнки всего движенія.

Несомнѣнно, книга является очень полезнымъ пособіемъ для изученія политической исторіи Англіи въ XIII вѣкѣ. Было бы только желательно, чтобы авторъ привелъ болѣе подробныя библиографическія указанія; въ частности, что касается взгляда на Великую Хартію, какъ на выраженіе своего рода феодальной реакціи, можно было бы указать, что этотъ взглядъ не является вполне общепризнаннымъ, такъ какъ въ сравнительно недавно вышедшей книгѣ Adams'a «The origin of the English Constitution» Хартія очень энергично берется подъ защиту отъ упрека въ «реакціонности», при чемъ проводится оригинальная теорія о чисто-феодальномъ происхожденіи англійской конституціи.

Г. Пригоровскій.

1882—1914, *La triplice alleanza. Riordi, note, appunti di un Vecchio Parlamentare*. Roma, 1914.

Историку тройственнаго союза нельзя будетъ обойти вниманіемъ брошюры Стараго Парламентарія, хотя его «вспоминанія и замѣтки» и страдаютъ существенно важнымъ недостаткомъ: полнымъ отсутствіемъ объективности. Авторъ явно выполняетъ опредѣленное заданіе: оправдать нынѣшнюю политику итальянскаго правительства, продолжающаго оставаться въ составѣ тройственнаго союза, доказавъ, что не правительство въ 1882 году навязало странѣ этотъ союзъ, а, наоборотъ, страна навязала его правительству, которое только подчинилось давленію обще-

ственного мнѣнія. Но этотъ коренной недостатокъ брошюры въ значительной мѣрѣ искупается несомнѣнной освѣдомленностью автора, повидимому имѣющаго доступъ къ источникамъ и хранилищамъ такихъ дипломатическихъ тайнъ, которыя еще не скоро станутъ достояніемъ публики. Эта освѣдомленность заставляетъ иногда автора невольно проговариваться о такихъ вещахъ, которыя въ интересахъ поставленной имъ себѣ задачи лучше было бы продолжать хранить въ тайнѣ. Итальянское общественное мнѣніе, напр., всегда считало короля Гумберта инициаторомъ и главнымъ виновникомъ присоединенія Италіи въ 1882 году къ существовавшему ранѣе Австро-Германскому договору (1879 года). Нынѣ авторъ, вопреки своей тезѣ, блестяще подтверждаетъ правоту общественного мнѣнія. Оказывается, что носѣщеніе Гумбертомъ австрійскаго императора въ октябрѣ 1881 г., бывшее рѣшительнымъ шагомъ къ заключенію тройственного союза, произошло по настоянію итальянскаго короля, а не по инициативѣ котораго въ этомъ случаѣ *министерство и не подождало*. По обыкновенію, Гумбертъ велъ собственную игру за спиною «отвѣтственнаго» министерства, которое благодаря этому очутилось въ трагикомическомъ положеніи: «Едва,—сообщаетъ Старый Парламентарій,—распространились слухи о предстоящемъ визитѣ итальянскаго короля австрійскому императору, какъ посыпались оффиціальныя и оффиціозныя опроверженія, тѣмъ болѣе, что первые слухи были пущены въ оборотъ въѣскими газетами. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить такой характерный фактъ: въ то время какъ Манчини, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, спрашивалъ у Робиланта, нынѣшнѣ посла въ Вѣнѣ, откуда эти слухи взялись, Робилантъ спрашивалъ министра, что вѣрнаго въ этихъ слухахъ». Въ брошюрѣ Старого Парламентарія выясняется также та первенствующая роль, которую въ дѣлѣ заключенія тройственного союза сыгралъ *нынѣшній* министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Сидней Сонинно, бывший въ царствованіе Гумберта однимъ изъ столбовъ дворцовой политики и главнымъ вдохновителемъ реакціи. Любопытны также разоблаченія относительно взаимныхъ отношеній Бисмарка и Криспи, который весьма гордился своей интимностью съ желѣзнымъ канцлеромъ, между тѣмъ какъ послѣдній, повидимому, не особенно высоко ставилъ итальянскаго государственнаго мужа и даже относился къ нему не безъ пропѣи.

Гр. Шрейдеръ.

Баронъ С. А. Корфъ. Автономныя колоніи Великобританіи. С.-Петербургъ. 1914. Цена 3 рубля.

Эта книга проф. Корфа, съ такимъ постоянствомъ и усердіемъ занимающагося изученіемъ государственнаго устройства

Британской имперіи и ея автономных колоній, составляет въ высшей степени цѣнное приобрѣтеніе русской литературы государственнаго права. Оно цѣнно и само по себѣ, какъ примѣръ поразительно добросовѣстнаго и обстоятельнаго изученія цѣлаго ряда крупнѣйшихъ вопросовъ государственнаго права, притомъ вопросовъ, такъ сказать, самоновѣйшихъ, цѣнно оно и потому также, что въ русской литературѣ государственнаго права почти совершенно отсутствуютъ труды, касающіеся цѣлаго ряда тѣхъ вопросовъ, которые такъ прекрасно изложены г-мъ Норфомъ на основаніи фактовъ новѣйшей исторіи колониальной имперіи Англіи.

Автору настоящихъ строкъ принадлежитъ рядъ книгъ по статьямъ, касающихся колониальной имперіи Англіи вообще и отдѣльных ея автономныхъ колоній, но эта книга касается преимущественно социальнаго строя англійскихъ колоній, ихъ экономическаго и социальнаго законодательства.

Г-мъ Норфомъ—специалистъ по государственному праву. Этимъ опредѣлился и характеръ разбираемой нами книги. Она представляетъ собой трудъ чисто юридическій и даетъ только государственнo-правовую сторону строя Британской имперіи и ея колоній, отмѣчая вскользь, мимоходомъ, даже самыя важныя правовыя институты, характерныя для экономическаго и вообще особенности социальнаго уклада той или иной колоніи. Извѣстно, что нѣкоторыя колоніи Англіи, какъ напр., Новая Зеландія, считаются своего рода социальными лабораторіями современнаго человѣчества.

Укажемъ, впрочемъ, болѣе опредѣленно содержаніе книги. Это большой томъ въ 450 страницъ. Онъ начинается статьей о Канадѣ (100 стр.), затѣмъ идутъ статьи: Австралія (также около 100 стр.), Южн. Африка (90 стр.), Новая Зеландія (80 стр.), Ньюфаундлендъ (30 стр.). Остальную часть тома занимаетъ статья «Государственный строй Имперіи». Всѣ эти статьи, кромѣ трехъ (Южн. Африка, Ньюфаундлендъ и «Госуд. строй Имперіи»), были уже напечатаны раньше въ разныхъ повременныхъ юридическихъ изданіяхъ.

Мы затрудняемся сказать, которая изъ статей болѣе важная или болѣе интересна: всѣ онѣ, исходя изъ частныхъ примѣровъ государственнаго строя той или иной колоніи, ставятъ передъ читателемъ основныя вопросы государственнаго строительства и показываютъ, какъ эти вопросы были рѣшены англичанами.

Всѣмъ извѣстно—или во всякомъ случаѣ всѣмъ должно бы быть извѣстно,—что Англія своею колониальною политикою, по крайней мѣрѣ съ второй половины прошлаго вѣка, дала міру

примѣръ, заслуживающій самаго тщательнаго изученія и powerful подражанія. Однако, успѣшность англійской колоніальной политики должна была стать очевидной даже для людей политически слѣпыхъ послѣ событій, имѣвшихъ мѣсто во всѣхъ колоніяхъ Англіи во время ея войны съ бурами. Въ переживаемое нами время успѣшность колоніальной политики Англіи засвидѣтельствована передъ всѣмъ міромъ еще болѣе блестящимъ, еще болѣе поразительнымъ образомъ, при чемъ наибольшее впечатлѣніе производитъ отношеніе къ Англіи со стороны главной массы недавно покоренныхъ буровъ и со стороны всей массы населенія Индіи. Все это было неожиданнымъ для тѣхъ, кто слѣдилъ за развитіемъ политическаго строя Британской имперіи въ новѣйшее время. Вотъ почему мы считаемъ появленіе книги г. Корфа крайне полезнымъ не только для юристовъ—государствовѣдовъ, но и для историковъ. Мало того: всѣмъ вообще русскимъ людямъ, не знающимъ англійскаго языка и желающимъ понимать *raison d'être* многихъ фактовъ колоніальной исторіи Англіи XIX и XX вѣка, книга г. Корфа безусловно необходима.

Однако, она имѣетъ значеніе не только для Россіи. Въ свое изученіе колоніальныхъ проблемъ Англіи г. Корфъ внесъ такое полное и всестороннее знакомство съ литературой вопроса, какого тщетно было бы искать даже у большинства занимавшихся изученіемъ тѣхъ же проблемъ западно-европейскихъ ученыхъ и публицистовъ, не исключая и трудолюбивыхъ нѣмцевъ. Г. Корфъ цитируетъ такія книги и другія изданія, которыхъ невозможно найти въ библіотекахъ нашихъ и даже германскихъ университетовъ. Мы помнимъ, какъ намъ для полученія нѣкоторыхъ изданій приходилось въ свое время обращаться въ Канаду, Австралію и Новую Зеландію. Мы увѣрены, что если бы трудъ г. Корфа былъ переведенъ на французскій или нѣмецкій языкъ, онъ занялъ бы почетное мѣсто въ литературѣ колоніальнаго государственнаго права.

Въ заключеніе скажемъ еще разъ, что трудъ г. Корфа представляетъ собой чисто юридическое изслѣдованіе. Г. Корфъ оперируетъ почти исключительно разными государственными актами. У него почти совершенно отсутствуетъ, если такъ можно выразиться, человѣческая сторона изучаемыхъ имъ явленій. Намъ, между тѣмъ, казалось бы, что даже для юристовъ было бы интересно прочесть, напр., тѣ немногія рѣчи, которыя были произнесены въ англійскомъ парламентѣ передъ принятіемъ билля объ австралійской федераціи, особенно рѣчь престарѣлаго англичанина Блэка, прожившаго большую часть своей жизни въ Канадѣ и занимавшаго даже одно время постъ министра юстиціи

въ правительствѣ Канадской федераціи. На самомъ склонѣ лѣтъ Блэкъ вернулся въ Англію, былъ тамъ выбранъ членомъ парламента и по поводу билля объ австралійской федераціи произнесъ такую рѣчь, которая характеризуетъ взаимныя отношенія Англіи и ея автономныхъ колоній гораздо яснѣе, чѣмъ цѣлый рядъ чисто юридическихъ актовъ. Эта рѣчь приведена почти полностью въ нашей статьѣ «Соед. Штаты Австраліи», съ которой начинаются наши «Соціалистическіе Этюды» (стр. 85—88). Намъ даже кажется, что, если бы г. Корфъ читалъ эту рѣчь, онъ не рѣшился бы сказать, что тотъ небольшой споръ, который вызвала въ англійскомъ парламетнѣ ст. 74 Австралійской федеральной конституціи, былъ споромъ, «выяснившимъ *противоположныя* точки зрѣнія, англійскую и *колоніальную*» («Авт. колоніи Великобританіи», стр. 189).

Въ заключеніе нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Корфъ, цитируя часто огромную англійскую литературу по затрогиваемымъ имъ вопросамъ, почти не упоминаетъ той, болѣе чѣмъ ограниченной, литературы, которая имѣется по тѣмъ же вопросамъ на русскомъ языкѣ; число лицъ, знающихъ у насъ англійскій языкъ, такъ ничтожно.

П. Мижусевъ.

Сочиненія Н. И. Пирогова. Томъ первый. 2-ое юбилейное изданіе, значительно дополненное. Кіевъ, 1914 г. 1010 стр. Ц. 2 р.

Культурно-педагогическое наслѣдство Пирогова до сихъ поръ еще остается неисчерпаннымъ. Только недавно ¹⁾ могли явиться страницы его дневника, посвященныя гнетущимъ событіямъ 1-го марта. Потрясенный ими, Пироговъ прервалъ свою автобіографію,—въ его дневникѣ скорбно и властно зазвучали гражданскіе мотивы. Мыслитель-гражданинъ остро вскрываетъ здѣсь причины этого явленія, выясняя, въ какой тупикъ зашла русская жизнь. Эти вдохновенно и пророчески написанныя страницы, пролежавшія подъ спудомъ болѣе четверти столѣтія, вошли затѣмъ въ юбилейное изданіе сочиненій Пирогова 1910 года. Это изданіе въ значительной степени пополнено новыми матеріалами, или впервые появившимися, или только не воспроизведенными въ изданіяхъ 1887 и 1900 г.г.

Такъ редакторомъ юбилейнаго изданія, С. Я. Штрайхомъ, были впервые включены въ него четыре циркуляра по одесскому округу (о тѣлесныхъ наказаніяхъ, о методахъ преподаванія) и одинъ по кіевскому (о врачахъ-педагогахъ), письма изъ Гейдельберга

¹⁾ Въ историческомъ сборникѣ «О минувшемъ», 1909 г.

о высшихъ школахъ на Западѣ, наконецъ, новыя письма къ Бертенсону, баронессѣ Раденъ, Огонь-Догановской, Ахматовой, къ редакторамъ европейскихъ журналовъ, а также рѣчи при прощаніи съ Одессой. Всѣ эти документы по-новому вскрывали различныя грани великой души нашего педагога, чутко реагировавшего на злободневные вопросы переживаемой поры.

Новое изданіе сочиненій Пирогова также даритъ насъ нѣкоторыми сюрпризами. Ихъ не такъ много, и новые документы не мѣняютъ нашего представленія объ его дѣятельности, но вносятъ кое-какіе штрихи, главнымъ образомъ, въ исторію его административно-педагогической работы.

Впервые вносятся въ собраніе сочиненій «Правила о проступкахъ и наказаніяхъ для руководства воспитателей»,—примѣненныя Пироговымъ въ школахъ кіевского учебнаго округа. Здѣсь находимъ подробную регламентацію какъ проступковъ учащихся, такъ и соотвѣтствующія имъ мѣры воздѣйствія. Извѣстно, какой протестъ со стороны Добролюбова встрѣтили эти правила, утвержденныя кіевскимъ попечителемъ и находящіяся въ такомъ противорѣчій съ его гуманистическими статьями. Чтобы полнѣе разобраться въ этомъ давнемъ спорѣ между двумя передовыми мыслителями, нужно знать въ деталяхъ сущность этихъ правилъ, съ пояснительными къ нимъ комментаріями. Особенно интересенъ № 12 инструкции воспитателямъ «О совѣстномъ судѣ товарищей» (204—6 стр); Пироговъ первый рискнулъ произвести подобный опытъ, не привившійся къ нашимъ школамъ и позднѣе. Любопытны и тѣ гарантіи, которыми онъ хотѣлъ придать этому опыту большую жизненность и силу.

Впервые печатаются тринадцать циркуляровъ Пирогова по кіевскому округу. Попечитель выясняетъ въ нихъ важность педагогическихъ совѣтовъ, на которыхъ всесторонне должны обсуждаться не только тѣ или иные проступки учащихся, но и методы преподаванія. Русскихъ педагоговъ нужно еще было приучать къ коллегіальности въ управленіи школою; чтобы поддержать отдѣльных педагоговъ, дѣрзнувшихъ выступить противъ исканія директора и солидарнаго съ нимъ большинства съ особымъ мнѣніемъ, Пироговъ хотѣлъ внимательно прислушаться къ смѣлому и искреннему голосу такихъ педагоговъ и въ своихъ циркулярахъ благожелательно разбиралъ ихъ доводы, публично выражая имъ свою благодарность. Въ другихъ циркулярахъ онъ говоритъ о наглядности въ преподаваніи, о врачахъ-педагогахъ, о преподаваніи исторіи и пр.

Сдѣлавшись попечителемъ одесскаго учебнаго округа, Пироговъ вскорѣ сталъ хлопотать о преобразованіи Ришельевского

лица въ университетъ. Въ дополненіе къ напечатанной въ первомъ юбилейномъ изданіи запискѣ Пирогова «О преобразованіи Одесскаго лица въ университетъ» г. Штрайхъ помѣщаетъ теперь обширную «Докладную записку о ходѣ просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ и о вопіющей необходимости преобразованія учебныхъ заведеній» (703—726 стр.). Записка эта интересна не только своей критикой существующихъ школъ, но и самымъ планомъ организациіи высшей школы въ Новороссійскомъ краѣ.

Не такъ давно Л. Ф. Пантелѣевымъ въ газетѣ *Школа и Жизнь* (№ 46, отъ 18 ноября 1913 г.) была опубликована «Докладная записка объ изысканіи средствъ къ отстраненію столкновений, встрѣчающихся между студентами и мѣстной полиціею или лицами военнаго вѣдомства». Теперь она включена въ собраніе сочиненій Пирогова (№62) и позволяетъ намъ прослѣдить генезисъ его идей по университетскому вопросу. Пироговъ намѣчаетъ два пути къ исцѣленію этого хроническаго недуга нашей жизни. Или общественное и моральное усовершенствованіе самой корпоративности среди студенчества или, наоборотъ, ея упраздненіе. Первое трудно достижимо въ условіяхъ русской дѣйствительности, второе—едва ли желательно въ цѣляхъ чисто научныхъ и педагогическихъ. Нашъ мыслитель уже чувствуетъ здѣсь, въ какія роковыя противорѣчія попала наша высшая школа. Мы знаемъ, что и позднѣе, всецѣло отстаивая идею автономнаго университета, Пироговъ все же очень скептически смотрѣлъ въ будущее, на горькомъ опытѣ столь быстро отставленнаго попечителя извѣдавъ всю тяжесть условій нашей дѣйствительности.

И. Соловьевъ.

Юрій Крижаничъ. Экономическіе и политическіе его взгляды. Съ предисловіемъ В. И. Пичета. Культ.-ист. библи. подъ ред. Ист. Ком. Уч. Отд. О. Р. Т. З. № 2. Спб. 1914. Стр. 126. Цѣна 90 коп.

Въ предисловіи г. Пичета объясняется необходимость своей книги тѣмъ, что «изданіе Безсонова давнымъ давно стало библиографической рѣдкостью». Можно было бы прибавить, что Безсоновское изданіе вообще давно уже требуетъ пересмотра. Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать появленія книги г. Пичеты.

* Характеръ этой книги, въ которой «переизданы наиболѣе характерныя главы изъ «Политичныхъ Думъ» Крижанича (изданія Безсонова), не вполне, впрочемъ, ясенъ. Если преслѣдовать цѣли научнаго изданія—нельзя было ограничиваться перепечаткой текста въ томъ видѣ и съ тѣми только примѣчаніями,

какъ это сдѣлалъ Безсоновъ. Если желать популяризаціи идейнаго наслѣдія Юрія—Сербина, нужно было дать переводъ его сочиненія на дѣйствительный русскій языкъ. Чтеніе «Политичныхъ Думъ» въ подлинникѣ требуетъ упорства и настойчивости, которыхъ не можетъ вдохнуть общій интересъ къ «культурной исторіи». Для преодоленія трудностей текста нуженъ въ этомъ случаѣ специальный интересъ къ данному писателю, слѣдовательно требуется уже вполне научное его изданіе.

Слѣдуя примѣру г. Пичеты, въ № 3 той же бібліотеки (*В. Н. Бочкаревъ*. Московское Государство XV—XVII в.в. по сказаніямъ иностранцевъ—современниковъ) нужно было бы давать отрывки изъ сочиненій иностранцевъ не въ русскомъ переводѣ, а въ подлинникѣ и, право, понять латинскій языкъ иного изъ этихъ иностранцевъ легче, чѣмъ русскую рѣчь Крижанича.

Не только отдѣльныя слова, которыя употребляетъ Юрій ¹⁾, но и всѣ его обороты, всѣ построенія фразъ чрезвычайно тяжелы. Читатъ просто текстъ Крижанича нельзя, его надо разбирать. Вотъ почему переводъ его въ цѣляхъ популяризаціи положительно необходимъ.

Изданіе, подобное настоящему, могло бы преслѣдовать также задачу—служить «введеніемъ» въ книгу Юрія. Но для этого необходимо, чтобъ читатель, получившій въ свои руки изданіе г. Пичеты представлялъ себѣ характеръ и размѣры (хотя бы оглавленіе или обзоръ содержанія) всѣхъ «Политичныхъ Думъ».

В. И. Пичета, кажется, вполне правъ когда вслѣдъ за С. А. Бѣлокуровымъ отрицаетъ совершенно «славянофильство» Крижанича ²⁾. Но читатель долженъ знать тѣ мѣста текста Крижанича, которыя дали поводъ заключать о его «панславизмѣ».

Наконецъ, несмотря на всѣ недостатки Безсоновскаго изданія и произвольность того порядка, въ которомъ Безсоновъ расположилъ въ своемъ изданіи нѣкоторыя главы «Политичныхъ Думъ», все же до настоящаго времени изданіе Безсонова—единственное, къ которому можетъ обратиться всякій заинтересовавшійся «Политичными Думами» Крижанича по книгѣ г. Пичеты. Поэтому въ рассматриваемой книгѣ необходимы были бы точныя указанія на тѣ раздѣлы Юрьева сочиненія въ изданіи Безсонова,

¹⁾ Слова эти большей частью объяснены въ примѣчаніяхъ еще Безсоновымъ, но въ иныхъ случаяхъ объясненія мало помогаютъ. Переводъ слова «скинпы» черезъ «скипы» (стр. 31 по изд. г. Пичета) избѣгаетъ дѣйствительно неблагозвучія русскаго слова, но зато и оставляетъ читателя, не сильнаго въ славянскихъ языкахъ, въ полномъ недоумѣніи.

²⁾ См., впрочемъ, *В. Вальденбергъ*, Государственные идеи Крижанича, Спб., 1912 и *его же* рецензію на изданіе г. Пичеты въ ноябрьской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. за 1914 г.

изъ которыхъ заимствовалъ г. Пичета «экономическіе и политическіе взгляды Крижанича». Безъ такихъ указаній книга г. Пичеты врядъ ли можетъ служить путеводителемъ по изданію Безсонова,—что вполне входило бы въ ея задачи.

Отмѣченные недостатки, конечно, вовсе не отнимаютъ цѣнности у книги. И отрывки Юрьевыхъ «Думъ» и предисловіе г. Пичеты интересны и полезны, но мнѣ кажется, что изданіе могло бы принести бѣльшую пользу, если бы не наводило на указанныя выше сомнѣнія.

Г. Вернадскій.

Изъ текущихъ работъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій за 1914 г.

Въ XI выпускѣ Трудовъ Полтавской ученой архивной комиссіи помѣщено нѣсколько писемъ писателя 30—40-хъ годовъ Е. П. Гребенки къ его товарищу, полтавскому помѣщику Н. М. Новицкому. Письма относятся къ 1831—41 г.г. и не представляютъ собою особой новизны, такъ какъ они были уже использованы редакторомъ ихъ въ настоящемъ сборникѣ, г. Коваленкомъ, для его очерка біографіи Гребенки ¹⁾. Первые письма 1831—33 гг., писанныя Гребенкою съ его хутора, посвящены преимущественно мелочамъ обыденной жизни; въ нихъ мелькаютъ знакомыя черты провинціального дворянскаго быта 30-хъ годовъ. Интереснѣе первыя наивныя впечатлѣнія 22-лѣтняго Гребенки, только что пріѣхавшаго въ Петербургъ въ 1834 г. Отъ его наблюденій не ускользаетъ общее стремленіе «возстановить народность» ²⁾. Онъ спѣшитъ подѣлиться впечатлѣніями отъ театра и литературы, торопится передать литературныя новости и слухи изъ литературнаго міра. Отводя первое мѣсто Марлинскому и Гречу, Гребенка пишетъ и о Пушкинѣ. «Пушкинъ пишетъ исторію Пугачева. Кажется сѣлъ не въ свои сани. Впрочемъ, его стихи день ото дня холодѣютъ. Онъ теперь придворный человѣкъ—камеръ-юнкеръ»...

Статья И. Ф. Неутріевскаго «Голодъ въ Полтавской губ. въ 1833—34 гг. и мѣры борьбы съ нимъ (по архивнымъ даннымъ)» интересна по сообщаемымъ въ ней матеріаламъ. Донесенія гражданскаго губернатора Могилевскаго и губернскаго прокурора Зборовскаго военному губернатору кн. Репнину рисуютъ яркую картину голода, а о мѣрахъ борьбы съ нимъ даетъ представле-

¹⁾ Черниговскій Земскій Сборникъ 1898 г.

²⁾ «Самый модный романъ, который всѣ поютъ—«красный сарафанъ»... На придворныхъ праздникахъ дамы иначе не являются, какъ въ русскихъ сарафанахъ и кокошникахъ. Государь часто является въ казакинѣ, а наслѣдникъ и не носитъ другого платья».

ніе переписка губернской комиссіи продовольствія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Урѣзывая размѣры правительственной помощи голодающимъ, намѣченныя комиссіей продовольствія, министръ выражаетъ опасеніе, какъ бы усиленныя мѣры вспоможенія не ослабили дѣятельность поселянъ и заботливость помѣщиковъ. Комитетъ министровъ, постановивъ дать ссуду на покупку хлѣба казеннымъ крестьянамъ и казакамъ изъ продовольственного капитала, считаетъ нужнымъ прибавить, что «поселяне, за недостаткомъ корма, могутъ продать или убить скотъ для поселенія, что они должны обратиться къ продовольствію себя овощами, что при худомъ урожаѣ пища ихъ должна быть не столько обильна, какъ въ другое время, что при дорогихъ цѣнахъ ржи и меньшей дороговизнѣ овса употребленіемъ въ примѣси овсяной муки, питательной и безвредной, можно сократить издержки ихъ». Между тѣмъ въ Рѣшетилловской волости, Полтавскаго у., солдатская жена Литвинова пишетъ въ своемъ прошеніи: «до сего времени питалась то желудями, изъ дуба падавшими, то лебедой, мѣшавши въ то хоть по малой части муки, но теперь нечѣмъ болѣе питаться»...

Представляетъ собою нѣкоторый интересъ помѣщенная въ настоящемъ выпускѣ трудовъ Полтавской архивной комиссіи переписка В. Н. Каразина съ малороссійскимъ ген.-губернаторомъ кн. А. Б. Куракинымъ, посвященная попыткѣ Каразина привлечь дворянство Полтавской и Черниговской губ. къ матеріальному участию въ основаніи Харьковскаго университета.

Въ Извѣстіяхъ Калужской ученой архивной комиссіи (вып. XXII) мы встрѣчаемъ нѣсколько писемъ М. И. Кутузова къ калужскому городскому головѣ И. В. Торубаеву. Наиболѣе интересны письма между 22 сентября и 18 октября 1812 г., въ которыхъ Кутузовъ стремится увѣрить Торубаева въ полной безопасности Калуги со стороны непріятеля. Особенно значительно письмо отъ 16 октября съ Полотнянаго завода, гдѣ, поручая Торубаеву успокоить купеческое и мѣщанское сословіе, которыя «пустыми слухами приведены въ волненіе и опасность», Кутузовъ говоритъ—«увѣрьте ихъ, что я ишу дать врагу сраженіе, но никакъ не ретируюсь, и что цѣль моя не въ томъ состоитъ, чтобы выгнать непріятелей изъ предѣловъ нашихъ, но чтобы, призвавъ въ помощь всемогущаго Бога, изрыть имъ могилы въ нѣдрахъ Россіи»...

Рядъ интересныхъ матеріаловъ сообщается въ статьѣ Д. И. Малинина «Изъ исторіи крѣпостныхъ отношеній въ Калужской губ. въ 19 вѣкѣ». Такъ, напр., по даннымъ архива губернскаго правленія авторъ подробно описываетъ убійство Малоярославецкаго помѣщика А. Хитрова его крѣпостными женщинами, «ожесто-

ченными вынужденіемъ къ преступнымъ съ нимъ непозволительнымъ связямъ», и то, какъ помѣщикъ Михайловскаго у. А. Суходольскій въ 1852 г. былъ высѣченъ своими дворовыми людьми. Случай съ Суходольскимъ долженъ ограничить утвержденіе В. И. Семевского, что «до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ не дошло ни одного случая тѣлеснаго наказанія помѣщиковъ за послѣднія 5 лѣтъ царствованія императора Николая»¹⁾. Дѣло о наказаніи Суходольскаго дворовыми людьми было доложено государю, и по его повелѣнію дворовые были преданы военному суду. По приговору военного суда подсудимые съ большою жестокостью были подвергнуты наказанію шпицрутенами, ради чего въ село Суходольскаго былъ присланъ батальонъ Рязанскаго полка, и потомъ отправлены на работы въ рудники.

Замѣтка того же Д. И. Малинина «Жиздринскія деревни Тургенева» не даетъ новаго интереснаго матеріала о Тургеневѣ, какъ помѣщикѣ.

Изъ архивныхъ мелочей, которыхъ много въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій», можетъ быть, большій интересъ въ отношеніи исторіи быта представляетъ собою опись движимаго имущества умершаго въ 1746 г. канцеляриста боровской воеводской канцеляріи подушнаго сбора, сумѣвшаго оставить по смерти немалое достояніе.

Приходится пожалѣть о томъ, что интересный архивный матеріалъ, рисующій помѣщичій бытъ середины 18 вѣка, испорченъ обработкою В. М. Кашкарова («Изъ давняго прошлаго»). Г. Кашкаровъ облекъ архивные матеріалы въ форму художественнаго разсказа и разукрасилъ его бытовыми деталями, внесенными отъ себя. Читателю слишкомъ трудно разобратъся, гдѣ кончаются данныя документовъ и начинаются плоды творчества г. Кашкарова. Такого рода дилетантизмъ непріятно было встрѣтить среди работъ ученой комиссіи.

XXX выпускъ трудовъ Оренбургской ученой архивной комиссіи состоитъ изъ перепечатанныхъ статей и замѣтокъ, помѣ-

¹⁾ Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 583. *Авт.* Мое указаніе основано на секретныхъ отчетахъ Мин. Вн. Дѣлъ, за 1836—1856 г.г., изданныхъ за границей. «Матер. для Истор. Крѣп. права въ Россіи». Берл. 1873 г. Послѣ приведенныхъ авторомъ рецензій словъ моихъ я продолжаю: «но что имъ (помѣщикамъ) приходилось тогда не разъ подвергаться такимъ непріятностямъ, доказываетъ свидѣтельство Ю. Самарина въ его запискѣ «О крѣпостномъ состояніи», составленной въ 1854—56 г.». Я констатировалъ, основываясь на всепод. докладахъ Мин. Вн. Дѣлъ неосвѣдомленность объ этомъ центрального органа министерства; но возможно, что это было въ нѣкоторыхъ случаяхъ и умышленное умолчаніе въ сжатыхъ отчетахъ. Изъ статьи г. Малинина, къ сожалѣнію, не видно, кѣмъ было доложено государю о дѣлѣ Суходольскаго, т.-е. шелъ ли этотъ докладъ чрезъ Минист. Вн. Дѣлъ. В. С.

щенныхъ, когда-то въ «Оренбургскомъ листкѣ» за 1888, 1889, 1890 и 1897 гг., въ «Оренбургскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за 1889 г., въ «Тургайской газетѣ» за 1897 г. Одна изъ печатаемыхъ статей была издана въ 1892 г. отдѣльною брошюрой. Среди этихъ старыхъ статей и матеріаловъ наиболѣе интересны тѣ, которыя рисуютъ тревожную жизнь оренбургскаго казачества и его пограничную борьбу съ киргизами и хивинцами въ первой половинѣ 19 вѣка. Таковы, напр., пересказанныя г. Игнатовичемъ записки полковника Зеленина о хивинскомъ походѣ Перовскаго въ 1839—40 г. Въ разсказѣ г. Н. Бухарина «Хивинка», къ сожалѣнію, слишкомъ чувствуется редакторская обработка записанной со словъ казачки А. Г. Степановой повѣсти о нѣсколькихъ годахъ плѣна, проведенныхъ ею въ Хивѣ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Наиболѣе интересна, можетъ быть, въ этой повѣсти страничка о старообрядцахъ, укрывшихся въ Хиву отъ религіозныхъ преслѣдованій въ Россіи.

Для характеристики религіозной политики времени имп. Николая I нѣкоторые интересъ представляютъ матеріалы о мытарствахъ, которыя претерпѣли казаки изъ чувашъ Мочинской станицы, попросившіе разрѣшенія исповѣдывать магометанство. Усилія властей были напротивъ направлены къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ православныхъ.

Въ XI выпускѣ трудовъ Пермской архивной комиссіи «Извлеченіе изъ рукописной книги—секретныя дѣла «Слово и дѣло» за 1751 г.» даетъ нѣкоторый матеріаль для характеристики жизни на уральскихъ горныхъ заводахъ въ серединѣ 18 вѣка. Наибольшую долю книги «Трудовъ» заняло подробное описаніе хода раскопокъ Глядѣновскаго костища Пермской губ. и предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ. Описаніе сдѣлано г. Н. Н. Новокрещеныхъ, произведшимъ раскопки въ 1896 г. Матеріаль, сообщаемый Пермскою архивной комиссіей, далеко не новъ. Глядѣновскому костищу посвящена статья А. Спицына въ Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Археологическаго общества 1901 г.

Въ Извѣстіяхъ Таврической архивной комиссіи № 51 помѣщена специальная статья А. Л. Бертъе-Делагарда «Цѣнность монетныхъ номиналовъ въ Крымскомъ ханствѣ». Письма кн. В. М. Долгорукова-Крымскаго кн. Г. А. Потемкину, законодательные акты и другія документы о военной службѣ крымскихъ татаръ, письмо и прошенія гр. Н. С. Мордвинова—всѣ эти документы даютъ матеріаль для исторіи присоединенія и завладѣнія Крымомъ. Наибольшій интересъ въ настоящемъ томѣ Извѣстій архивной комиссіи представляетъ записка гр. П. А. Толстого о состояніи народа турецкаго въ 1703 г., напечатанная г. А. А.

Сергѣевымъ по рукописи, хранящейся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, дополняющая извѣстныя записки П. А. Толстого объ Италіи. Характеристика «Записки» Толстого была дана въ свое время Павловымъ-Сильванскимъ въ его статьѣ «Графъ П. А. Толстой»¹⁾. Какъ уже отмѣчено Павловымъ-Сильванскимъ записка Толстого—обстоятельные отвѣты на статьи наказа, даннаго Толстому при отправленіи его посломъ въ Турцію. Петра Турція интересовала прежде всего со стороны ея военныхъ силъ, состоянія финансовъ, отношеній къ западнымъ и восточнымъ сосѣдямъ и внутреннихъ отношеній къ различнымъ народностямъ, населяющимъ государство. По всѣмъ этимъ вопросамъ Толстымъ и сообщаются обстоятельныя свѣдѣнія.

Вл. Сырогъчовскій,

В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старообрядцевъ—перечень списковъ, составленный по печатнымъ описаніямъ рукописныхъ собраний. Изд. Импер. Археографич. Комиссія. Спб. 1912.

Въ исторической литературѣ старообрядчества давно уже ощущался большой недостатокъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ описанію и изслѣдованію многочисленныхъ старообрядческихъ твореній. Правда, еще въ началѣ 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія были изданы два сочиненія, касающихся даннаго вопроса, именно: «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола»—Александра Б(ровковича) и «Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви»—поморскаго писателя Павла Любопытнаго, но все же пополнить указанный пробѣлъ вполнѣ они не могли. Несмотря на всѣ свои большія достоинства, какъ «Описаніе», такъ и «Каталогъ» не имѣли исчерпывающаго значенія: первое касалось лишь *нѣкоторыхъ* старообрядческихъ произведеній (главнымъ образомъ, сочиненій первыхъ старообрядческихъ вождей), второй же содержалъ описаніе литературы, созданной трудами исключительно *безпоповскихъ* писателей.

Существеннымъ дополненіемъ къ этимъ двумъ книгамъ послужили изданныя впослѣдствіи описанія нѣкоторыхъ русскихъ рукописныхъ собраний, заключающихъ въ себѣ также и произведенія старообрядческаго характера. Особенно цѣнными въ этомъ отношеніи оказались: «Описаніе рукописей собранія А. И. Хлудова», составленное А. Поповымъ (М. 1872) и «Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей Богданова», составленный И. Бычко-

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 21—24.

вымъ (Спб. 1893), такъ какъ отдѣлъ старообрядческой литературы занималъ въ этихъ описаніяхъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Но несмотря на все обиліе этихъ новыхъ появившихся свѣдѣній о старообрядческихъ произведеніяхъ, вслѣдствіе ихъ разбросанности по различнымъ, иногда даже трудно находимымъ, изданіямъ, продолжала чувствоваться большая потребность въ полномъ систематическомъ описаніи рукописной старообрядческой литературы.

Въ предлагаемой книгѣ В. Г. Дружинина мы и находимъ выполненіе подобнаго рода задачи.

Весь довольно обширный трудъ раздѣленъ авторомъ на два отдѣла: первый, въ который вошли старообрядческія произведенія, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ именъ ихъ авторовъ, и второй, содержащій анонимныя сочиненія, а также различныя посланія и письма. Общее количество сочиненій, описанныхъ въ книгѣ, огромно и отличается большимъ разнообразіемъ. Какъ видно изъ предисловія автора къ своему труду, хотя основнымъ матеріаломъ его интересной книги являются указанные выше описанія рукописныхъ собраній Хлудова и Богданова, тѣмъ не менѣе, приведенный въ началѣ книги списокъ ясно показываетъ, насколько использовалъ г. Дружининъ для цѣлей своей работы и всѣ другія довольно многочисленныя описанія извѣстныхъ русскихъ книгохранилищъ. Къ этому нужно присоединить также то обстоятельство, что вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ было использовано рукописное описаніе собранія Рогожскаго кладбища, составленное покойнымъ свящ. І. Власовымъ, и принято во вниманіе обширное (болѣе 700 №№) собственное собраніе старообрядческихъ рукописей. Имѣя въ виду все это, нельзя въ данномъ случаѣ въ работѣ г. Дружинина не признать чрезвычайно важнаго и наиболѣе полного обзрѣнія общихъ богатствъ старообрядческой литературы.

Подробный списокъ произведеній знаменитыхъ вождей и дѣятелей русскаго старообрядчества въ отдѣлѣ I настоящаго труда сдѣланъ съ наибольшей полнотой и подробностью. Здѣсь мы впервые имѣемъ тщательно составленные и подробные перечни всѣхъ твореній извѣстнѣйшихъ борцовъ за «древлее благочестіе»: протопопа Аввакума, инока Авраамія, діакона Феодора, Спиридона Потемкина, братьевъ Денисовыхъ, Феодосія Васильева, Ивана Алексѣева, П. Любопытнаго, инока Никодима и другихъ многочисленныхъ большихъ и малыхъ старообрядческихъ писателей. Въ данномъ случаѣ особенно цѣнными для дѣла изученія старообрядческой исторіи и литературы являются свѣдѣнія о трудахъ знаменитыхъ поморскихъ «богослововъ», философовъ и

риторовъ» братьевъ Андрея и Семена Денисовыхъ. Разнообразіе и общее количество (около 300) написанныхъ ими сочиненій даютъ наглядное понятіе о большой культурно-просвѣтительной и проповѣднической дѣятельности этихъ далеко недюжинныхъ личностей.

Не менѣе важнымъ является и второй отдѣлъ настоящей книги. Въ немъ сосредоточены, главнымъ образомъ, сочиненія, авторы которыхъ до сихъ поръ остаются неизвѣстными; сюда же вошли многочисленныя посланія и переписки какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ старообрядческихъ обществъ. Всего въ этомъ отдѣлѣ указано около 900 сочиненій.

Наконецъ, въ книгѣ впервые встрѣчаются свѣдѣнія и о такихъ старообрядческихъ сочиненіяхъ, которыя ранѣе не были даже совсѣмъ извѣстны. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ большого вниманія особенно списки нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ сочиненій поморскихъ писателей—Андрея Денисова и Трифона Петрова. Первые были найдены авторомъ въ сборникѣ (Торжественникѣ) XIX в., принадлежащемъ Андроньевскому кладбищу въ г. Ярославлѣ, вторые—въ рукописи № 315 собранія Рогожскаго старообрядческаго кладбища.

Съ формальной стороны книга г. Дружинина не оставляетъ желать чего-либо лучшаго. вмѣстѣ съ названіями произведеній какого-либо автора, укрѣпившимися въ нашей литературѣ по старообрядчеству, авторъ приводитъ также всегда и подлинныя названія сочиненій, заимствованныя непосредственно изъ рукописей. На ряду съ этимъ въ книгѣ приводятся начало предисловія (если оно имѣется) и первыя строки самого произведенія. Особенное значеніе данное обстоятельство должно имѣть для лицъ, занимающихся непосредственнымъ изученіемъ старообрядческихъ рукописей, такъ какъ оно даетъ возможность быстро ориентироваться въ вопросѣ о названіи или принадлежности какому-либо автору того или иного произведенія старообрядческой письменности. Не менѣе важно и другое огромное удобство настоящаго труда, именно: указаніе на всѣ имѣющіеся и гдѣ-либо хранящіеся экземпляры описываемаго старообрядческаго сочиненія. Онѣ даютъ возможность изучающему какой-либо вопросъ старообрядческой исторіи прямо остановиться на интересующей его рукописи, избѣгая кропотливыхъ и неудобныхъ, а также и не всегда возможныхъ справокъ по печатнымъ каталогамъ русскихъ рукописныхъ собраній. Нужно также отдать должное автору и за чрезвычайно умѣло и удобно составленный указатель, который позволяетъ быстро находить нужное въ довольно обширномъ по объему изданіи.

Таковы въ общемъ достоинства и преимущества предлагаемой книги.

Какъ и всякій обширный трудъ, работа г. Дружинина не свободна также и отъ нѣкоторыхъ, большею частью незначительныхъ, недостатковъ и погрѣшностей. Прежде всего страннымъ кажется помѣщеніе въ книгѣ-указателѣ *старообрядческой* литературы произведеній, не принадлежащихъ старообрядческимъ авторамъ. Таковы, напримѣръ, слѣдующія сочиненія: пресловутое «Соборное дѣяніе на еретика Мартина», «Исторія о бѣлокриницкихъ раскольничѣхъ» П. Афанасьевича, «О ересяхъ и расколахъ въ Россіи» — извѣстная записка П. И. Мельникова и нѣкоторыя другія. Нельзя также не обратить вниманія на отсутствіе въ *нѣкоторыхъ случаяхъ* указаній на существующія изданія какого-либо старообрядческаго сочиненія. Въ отдѣлѣ второмъ, напримѣръ, не указаны печатныя изданія слѣдующихъ №№: 173, 189, 547, 565, 803 и многихъ другихъ. Нѣкоторыя сочиненія отнесены въ разрядъ анонимныхъ и помѣщены въ отдѣлѣ второмъ («Омышленіе», стр. 343, «Разборъ акта 8 іюля 1868 г.», стр. 399, «Уставъ Бѣлокриницкаго монастыря», стр. 453, «Посланіе къ лужковцамъ», стр. 351, «Преніе съ безпоповцами о священствѣ», стр. 398, и нѣкоторыя др.), между тѣмъ какъ авторы ихъ хорошо извѣстны.

Не совсѣмъ, повидимому, полно и детально использованы авторомъ старообрядческія рукописи собранія Рогожскаго кладбища.

П. Власовъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) Алавердянцъ М. Я. Идеологи освобожденія турецкихъ армянъ. П. Ц. 40 к. 2) Анненкова П. Е. Записки жены декабриста П. Кн-во Прометей. Ц. 1 р. 50 к. 3) Н. Г. Высоцкий. Дѣло о «Христовщинѣ». М. 4) Гольдштейнъ Г. М. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, война и наши торговые договоры. М. Ц. 1 р. 35 к. 5) Гольдштейнъ И. М. Война, германскіе синдикаты, русскій экспортъ и наши торговые договоры. М. Ц. 60 к. 6) Каталогъ библіотеки музея Д. Г. Бурылина въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ. Т. I, вып. I. Иваново-Вознесенскъ. 7) Проф. Крэмбъ. Германия и Англія «Книг. писат.». М. Ц. 75 к. 8) Люди нижегородскаго поволжья. Вып. I. Редакція В. Е. Чехихина. Изд. Ниж. Арх. Ком. Ц. 30 к. 9) П. Мельгуновъ. Что такое исторія? Изд. 2-е. Изд. «Задруга». М. Ц. 10 к. 10) Мережков-

скій Д. С. Дневникъ 1910—14. М. Ц. 1 р. 50 к. 11) Мережковский Д. С. Некрасовъ и Тютчевъ. М. Ц. 50 к. 12) Потоцкая. Мемуары. П. Кн-во Прометей. Ц. 2 р. 13) П-ий Б. А. Современная Монголія. П. Ц. 30 к. 14) Русская литература XX в., ред. проф. Венгерова. Изд. «Миръ». М. Кн. IV. 15) Сборникъ Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи, т. XVII, вып. II, III и IV. 16) Судебная реформа подъ ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, т. I. М. Изд. «Объединеніе». По подпискѣ. 17) Тургеневскій сборникъ, подъ ред. Н. К. Пиксанова. Кн-во «Огни» Ц. 1 р. 75 к. 18) Н. Н. Фирсовъ, проф. Разиновщина. Изд. Вольфъ. Ц. 30 к. 19) Франческо Фламини. «Божественная комедія» Данте. Изд. М. Высшихъ женскихъ курсовъ. Ц. 75 к. 20) В. Е. Якушкинъ. А. В. Суворовъ. М. Изд. «Задруга». Ц. 40 к.

Мелочи исторіи.

Побѣдоносцевъ въ Маріенбадѣ.

Отрывокъ изъ воспоминаній проф. Киша ¹⁾.

К. Побѣдоносцевъ, всемогущая глава Святѣйшаго Синода въ Россіи, и его молодая жена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лѣчились у меня; со временемъ я сталъ ближе къ нему, какъ къ человѣку. Это была въ высшей степени интересная личность; его высокая, худощавая, аскетическая фигура со лбомъ мыслителя, съ блестящими за черными роговыми очками глазами, съ гладко выбритымъ лицомъ, острымъ носомъ, широкимъ ртомъ, съ поразительно безобразными зубами, и съ острымъ подбородкомъ, напоминала своими манерами и одеждою нѣмецкаго учителя или, можетъ быть, испанскаго инквизитора. Большой философъ, онъ въ то же время твердо держался своихъ строго православныхъ и абсолютистскихъ воззрѣній. Издавна у него сложилось отрицательное отношеніе къ австрійскимъ государственнымъ дѣятелямъ и упорный предразсудокъ противъ евреевъ. Послѣднихъ онъ ненавидѣлъ не лично, это было ясно, такъ какъ онъ часто гулялъ съ видными русскими евреями, особенно финансистами, и иногда обѣдалъ въ еврейскомъ каширномъ ресторанѣ, — но у него было твердое убѣжденіе, что еврейская раса вредна въ Россіи. «Евреи», говорилъ Побѣдоносцевъ, «умны, умѣренны и плодовиты. Отъ такого народа надо охранять русскихъ». Однажды, во время его пребыванія въ Маріенбадѣ, больные евреи изъ Россіи обратились съ просьбой къ лѣчившемуся тамъ извѣстному берлинскому банкиру, финансовому довѣренному Бисмарка, Герцогу фонъ Блейхрöderу, и ко мнѣ, какъ къ врачу Побѣдоносцева, чтобы мы попросили его своимъ могучимъ вліяніемъ облегчить стѣсненное положеніе евреевъ въ Россіи. Мы такъ и сдѣлали, но какъ представительство Блейхрöderа, такъ и мое заступничество закончились одинаково неудачно. «Я бы желалъ», сказалъ мнѣ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, «чтобы мои единовѣрцы въ Австріи были бы такъ же свободны, какъ ваши въ Россіи». За этимъ слѣдовало детальное разсмотрѣніе стѣсненнаго положенія русиновъ въ Галиціи и угнетенія чеховъ въ Богеміи. Я старался разъяснить ему, что его свѣдѣнія ошибочны, но понималъ изъ его заявленій, что онъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ вождями общаго славянскаго движенія въ Австріи и что они односторонне освѣдомляютъ его.

¹⁾ О воспоминаніяхъ доктора Киша см. «Гол. Мин.» 1915 № 3.

Побѣдоносцеву нуженъ былъ покой, но и во время отдыха въ Маріенбадѣ его одолѣвали просьбами и предложеніями. Въ Петербургѣ же у него часто буквально не было свободной минуты. Однажды онъ сказалъ мнѣ: «когда я совершенно изнемогаю отъ своихъ служебныхъ обязанностей, я создаю себѣ единственно доступный мнѣ отдыхъ, пользуясь находящимся въ моемъ распоряженіи купэ,—я ѣду изъ Петербурга въ Москву и обратно. Во время такой поѣздки я могу безъ помѣхи думать и спать».

П. С.

По поводу одной пѣсни.

Русско-японская война, какъ и другія войны, вызвала цѣлый рядъ тѣхъ или иныхъ отраженій въ литературѣ. Изъ всѣхъ этихъ произведеній большую популярность приобрѣло, кажется, одно только стихотвореніе о «Варягѣ». Оно стало въ полномъ смыслѣ слова народной пѣсней,—во всѣхъ концахъ Россіи распѣваютъ въ народѣ «Варяга». Вѣроятно, громадному большинству лицъ, слыжавшихъ эту пѣсню, неизвѣстно, что она представляетъ собою переводъ съ нѣмецкаго. Нѣмецкій текстъ стихотворенія можно найти въ «Новомъ журналѣ иностранной литературы, искусства и науки» (редакторъ Ѳ. И. Булгаковъ), за 1904 годъ, № 4, стр. 2. Редакція поясняетъ, что стихотвореніе принадлежитъ нѣмецкому поэту Рудольфу Грейнцу и первоначально было напечатано въ журналѣ «Jugend». Параллельно съ нѣмецкимъ текстомъ помѣщенъ русскій переводъ, сдѣланный Е. М. Студенской. Переводъ довольно близокъ къ подлиннику. Для примѣра приводимъ первыя четыре строчки:

Auf Deck, Kameraden, all' auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze «Warjag» ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade!

Переводъ:

Наверхъ, о товарищи, всѣ по мѣстамъ!
Послѣдній парадъ наступаетъ!
Врагу не сдастся нашъ гордый «Варягъ»,
Пошады никто не желаетъ.

Интересно было бы прослѣдить тѣ пути, которыми стихотвореніе, помѣщенное въ журналѣ не слишкомъ распространенномъ, проникло въ народныя массы. Не было ли оно перепечатано въ какихъ-нибудь изданіяхъ для солдатъ? Или тутъ сыгралъ роль граммофонъ, пластинки котораго въ послѣдніе годы многое занесли въ деревню?

М. Клевенскій.

Легенда о подвигахъ Уленшпигеля¹⁾.

(Романъ Шарля де Костера).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ то же сентябрьское утро Уленшпигель, взявъ свой страннический посохъ, три флорина, данные ему Катлиной, кусокъ свиной печенки и ломоть хлѣба, отправился изъ Дама въ направлении Антверпена на поиски за Семерыми. Нель спала.

Пристала къ нему собака и, привлеченная запахомъ печенки, прыгала ему на колѣни. Видя, что она не отстаётъ, онъ обратился къ ней съ рѣчью;

— Нерасчетлива ты, моя милая собачка! Напрасно тебѣ вздумалось покинуть хозяйскій домъ: поджидаютъ тебя тамъ вкуснѣйшіе объѣдки славныхъ пироговъ и кости, полные мозговъ. Напрасно ты кинулась наудачу за бродягой, у котораго, можетъ случиться, не то, что кушанья, не всегда найдутся для тебя и сухія корки. Послушайся меня, глупая собачка, воротись по добру-по-здорову къ твоему хозяину. Берегись дождей, снѣговъ, града, холодной изморози, тумановъ, гололедицы и другихъ закусокъ, выпадающихъ, словно шишки на спину бѣднаго Макара, на долю бродяги. Не разставайся со своимъ тѣплымъ уголкомъ возлѣ печки, грѣйся, свернувшись въ комочекъ у веселаго огонька. Пускай я одинъ буду топтать грязь, пыль, брести сегодня по такой жарѣ, что свариться можно, завтра по леденящей стужѣ,

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 1, 2, 3.

въ пятницу сытый доотвала, въ воскресенье голодный до изступленія, Припомни-ка лучше, кто твой хозяинъ ненабравшаяся еще ума-разума собачка, да ворочайся домой.

Но животное, повидимому, совсѣмъ не слушало наставленій Уленшпигеля, вертя хвостомъ и усердно подпрыгивая, оно лаяло отъ возбужденія аппетита. Уленшпигель забылъ про печёнку въ своемъ кошелѣ, и полагалъ, что собака по дружбѣ выражаетъ ему свой восторгъ.

Онъ шелъ, песъ не отставалъ отъ него. Пройдя такъ съ полмили, они увидѣли на шоссе запряженную понурымъ ослемъ повозку. На откосѣ, съ краю дороги, сидѣлъ между двумя кустиками чертополоха толстый мужчина и, держа въ одной рукѣ кусокъ жареной баранины, обгладывалъ кость, въ другой у него была фляжка, изъ которой онъ понемногу тянулъ. Отрываясь отъ ѣды и питья, этотъ человѣкъ охалъ и плакалъ.

Уленшпигель остановился, остановилась и собака. Чую запахъ печёнки и баранины, она взобралась на откосъ, сѣла передъ человѣкомъ и, желая принять участіе въ пиршествѣ, скребла лапой его куртку, но онъ отталкивалъ ее локтемъ и, поднимая вверхъ баранину, жалобно охалъ. Песъ тоже вылъ изъ жадности. Осель, гнѣваясь на свою упряжку, на невозможность добраться до чертополоха, принялся въ свою очередь ревѣть.

— А тебѣ что надо, Жанъ? — обратился къ ослу человѣкъ.

— Ничего особеннаго, — отвѣтилъ за осла Уленшпигель, — хотѣлось бы ему, какъ видно, позавтракать чертополохомъ, который цвѣтетъ у васъ подъ бокомъ, словно на амвонѣ въ Тессендерло терній, обвивающія Распятіе. А вотъ собака непрочь поближе познакомиться съ костью, которую вы держите, но, пока что я ее угощу печенкой изъ моего кошеля.

Собака сѣла печёнку. Человѣкъ поглядѣлъ на кость, основательно обгрызъ на ней остатки мяса, потомъ обглоданную бросилъ псу. Тотъ, придерживая добычу лапами, принялся грызть ее на травѣ.

Затѣмъ человѣкъ взглянулъ на Уленшпигеля, который призналъ въ немъ Лама Гудзака изъ Дама.

— Ламъ, — сказалъ онъ, — что тебѣ вздумалось здѣсь пить, ѣсть и заливаться слезами? Ужъ не отодралъ ли тебя пренахально за уши какой-нибудь пьяный гуляка?

— Охъ! жена моя! — вырвалось у Лама.

И онъ сталъ до дна опорожнять свою фляжку, Уленшпигель положилъ ему на плечо руку со словами:

— Нельзя такъ быстро пить, слишкомъ скорое питье почкамъ

однѣмъ на пользу, а лучше бы шло оно на пользу тому, у кого совсѣмъ нѣтъ бутылки.

— Разговаривать ты гораздъ,—отвѣчалъ Ламъ,—а вотъ посмотримъ, какъ пить будешь?

И онъ протянулъ фляжку. Уленшпигель молча взялъ, приподнялъ вверхъ локоть и, возвращая ее обратно, промолвилъ:

— Называй меня, какъ хочешь, хоть испанцемъ, если послѣ меня ухитришься напоить допьяна воробушка малаго.

Ламъ посмотрѣлъ на фляжку и, не переставая охать, порылся въ своемъ кошелѣ, вытащилъ оттуда другую фляжку и другой кусокъ колбасы. Нарѣзалъ колбасу ломтиками и принялся меланхолически жевать ихъ.

— Неужто, Ламъ, ты ѣшь безпрестанно,—освѣдомился Уленшпигель?

— Во всякомъ случаѣ часто—подтвердилъ Ламъ, но затѣмъ лишь, чтобы разогнать печальныя мысли. Гдѣ-то ты теперь, моя женушка?!—воскликнулъ онъ, утирая намернувшуюся слезу, и отрѣзалъ ломтиковъ десять колбасы.

— Ламъ,—снова промолвилъ Уленшпигель,—не ѣшь такъ быстро и не поступай безжалостно съ бѣднымъ пилигримомъ.

Со слезами Ламъ удѣлилъ ему четыре ломтика, и Уленшпигель, попробовавъ, изумился ихъ дивному вкусу.

Но Ламъ, продолжая ѣсть и сокрушаться, произнесъ:

— Жена моя, голубушка! Какая ты хорошая была: тихая, прекраснаго тѣлосложенія, лёгкая, точно бабочка, быстрая, словно молнія, веселая пѣвунья, что твой жаворонокъ. Но черезчуръ ужъ любила наряды. И шли жъ они ей! Если бы ты, мой милый, видѣлъ ея проворныя на ласку ручки, никогда бы ты не позволилъ имъ касаться ни печки, ни кухонныхъ разныхъ принадлежностей. Развѣ можно! кухонный огонь только пачкаетъ, чернитъ ихъ бѣлизну. А какіе глаза! Бывало гляжу въ нихъ, и такъ и таю отъ нѣжности. Пригубь-ка, я отхлебну за тобою. Ахъ! Жива ль она! Знаешь, Тиль, у себя дома я дѣлалъ за нее всю работу, все хотѣлось не допускать ее ни до чѣго труднаго. Я выметалъ за нее весь домъ, дѣлалъ двуспальную постель, на которой она, притомившись за день отъ вольготнаго житія, вытягивалась вечеромъ. Я мылъ посуду и бѣлье и гладилъ самъ... Ышь, Тиль, это, вѣдь гентскія колбасы!.. Частенько, она, отправившись на прогулку, возвращалась домой обѣдать слишкомъ поздно, но мнѣ такъ радостно было видѣть женушку, что я не смѣлъ пожурить ее, напротивъ радовался, когда ночью, капризничая, все-таки не ворочалась ко мнѣ спиной... А теперь все кончено... Пей! что жъ

ты не пьешь?! Это вино брюссельское, не уступить настоящему бургундскому...

— Почему жъ она тебя бросила?

— Да развѣ я знаю?— снова продолжалъ Ламъ.—И куда сокрылась блаженное время, когда женихомъ, бывало, придешь къ ней, а она отъ любви и страха прячется отъ тебя? Заглядишься, случалось, на ея красивыя, круглыя и бѣлыя руки, а она возьметъ да и спуститъ ниже рукава. А въ другой разъ сама напрашивается на ласки и подставляетъ подъ мои поцѣлуи свои дивныя очи, свой затылокъ широкій и крѣпкій. Начнешь цѣловать ее, задрожитъ, слегка застонетъ и, откинувъ назадъ голову, ударить меня по носу. И хохочетъ—хохочетъ, если вскрикнешь, бывало: «Ай!» И я любовно въ шутку и насмѣхъ бивалъ ее.

— Тиль, найдется ль еще вино въ фляжкѣ?

— Найдется,—обнадѣживалъ Уленшпигель.

Ламъ выпивалъ и велъ дальше свой рассказъ:

— Въ другой разъ обовѣется мнѣ вокругъ шеи обѣими руками и молвить: «Красивый ты!» И словно сумасшедшая, сотни разъ поцѣлуешь и въ щеки и въ лобъ, въ уста же никогда. Спросишь, бывало: почему ты цѣлуешь безъ-удержу, а въ губы поцѣловать не желаешь? Убѣжить, схватить сидящую на высокомъ бокалѣ¹⁾ на скрынѣ куколку, одѣтую ребеночкомъ, въ шелковомъ платицѣ, расшитомъ жемчугами, начнетъ эту куколку на рукахъ укачивать и скажетъ: «Не желаю, потому что не хочу имѣть вотъ этого». По всей вѣроятности ея мать, блюдя дочернюю дѣвичью чистоту, увѣряла ее, что дѣти родятся отъ поцѣлуевъ въ губы!—Тиль, погляди-ка въ мой кошель, не найдется ль тамъ маленькаго окорочка ветчинки.

— Нашлось. Поль-окорочка есть,—сказалъ Уленшпигель, передовая ветчину Ламу, который одинъ ее всю съѣлъ.

Уленшпигель, глядя на исчезновеніе вкусной снѣди, промолвилъ:

— Большую пріятность оказала эта ветчина моему желудку.

— Моему—тоже,—подтвердилъ Ламъ, ковыряя въ зубахъ ногтями... Но мою голубку я больше не увижу, сокрылась она изъ Дама. Хочешь искать ее со мной вмѣстѣ, развѣзжая на мой повозкѣ?

— Хочу,—согласился Уленшпигель.

— Но,—освѣдомился Ламъ,—развѣ ничего нѣтъ больше въ бутылкѣ?

— Ничего,—отвѣчалъ Уленшпигель.

¹⁾ En un hanap posé sur un bahut.

И они сѣли въ повозку, влекомую осликомъ, возвѣстившимъ скорбнымъ крикомъ моментъ отъѣзда.

А собака, наѣвши досыта, безмолвно удалилась.

II.

Когда повозка покатила по плотинѣ между прудомъ и каналомъ, Уленшпигель съ нѣжностью потрогалъ на груди прахъ Класа и спросилъ себя, было ли вчерашнее видѣніе обманнымъ или истиннымъ, насмѣхались ли надъ нимъ духи или же они загадочно повѣдали о томъ, что ему, дѣйствительно, нужно было найти для счастья земли родной.

Тщетно побившись надъ разрѣшеніемъ загадки, онъ такъ и не доискался, что обозначали «Семеро» и «Опоясанье».

Остановливаясь на покойномъ королѣ и на живомъ королѣ, на правительницѣ¹⁾, на Римскомъ папѣ; на великомъ инквизиторѣ, на генералѣ іезуитскаго ордена, онъ насчиталъ шесть главныхъ палачей своей родины, къ сожженію которыхъ ему хотѣлось приступить немедленно. Но тутъ же онъ подумалъ, что это не они: слишкомъ ужъ легко было бы ихъ сжечь; очевидно, приходилось искать «Семерки» и «Опоясанья» гдѣ-нибудь еще.

И у него не выходили изъ головы слова:

Когда Востокъ обниметъ Западъ,
Конецъ наступитъ разрушенью.
Семерыхъ люби
И Опоясанье.

Эхъ!—безъ словъ говорилъ онъ самъ себѣ,—найти семерыхъ, жечь семерыхъ, любить семерыхъ! отказывается мой разумъ постигнуть это. Ибо, кто жъ это сжигаетъ тѣхъ, кого любить.

Повозка катилась и поглотила уже изрядную долю пути, какъ вдругъ послышался шумъ шаговъ по песку и голосъ, напѣвавшій пѣсенку:

Потеряла друга милаго.
Не встрѣчали ль вы его?
Онъ пустился въ путь-дороженьку,
Не вѣдая для чего.

Какъ орелъ ягненка кроткаго,
Мое сердце онъ схватилъ.
Онъ—мужчина безъ бородушки—
Меня бѣдную сгубилъ.

¹⁾ Правительница—Маргарита Пармская, побочная дочь Карла V-го, назначенная Филиппомъ II намѣстницей Нидерландовъ. Впослѣдствіи изъ протеста противъ Альбы она отказалась отъ намѣстничества.

Примѣч. переводч.

Встрѣтите его, скажите,
 Что Нель бѣдная устала.
 Гдѣ онъ, Тиль мой, расскажите?
 Нель за нимъ бѣгомъ бѣжала.

Чохнетъ горлица бѣдняжка,
 Потерявши голубка,
 Больше женщина-подружка
 Сердце ронить за дружка.

Гдѣ онъ, милый, гдѣ? Скажите,
 Не видали ль вы его? ¹⁾

Уленшпигель хлопнулъ Лама по животу и сказалъ:

— Не сопи такъ громко, попробуй, удержи дыханье, пузанъ ты этакій.

— Охъ, трудно не сопѣть человѣку съ моей комплекціей.

Но Уленшпигель, не слушая его, спрятавшись за холстъ, натянутый надъ повозкой и, подражая хриплому голосу продрогшаго пьяницы, запѣлъ:

Твоего дружка видали
 На повозочкѣ дырявой,
 Рядомъ съ толстякомъ—разявой;
 Какъ же, мы его видали! ²⁾

— Тиль,—отозвался Ламъ,—злой у тебя языкъ сегодня.

— Уленшпигель, попрежнему не слушая его, просунулъ голову въ дыру въ полотнѣ и сказалъ:

— Узнаешь меня, Нель?

Она, испугавшись, что лицо у нея было заплаканное, сквозь смѣхъ и слезы промолвила:

— Какъ же не узнать, это ты, низкій обманщикъ.

— Нель, только не вздумай, пожалуйста, меня бить, а не то

¹⁾ Vous qui passez, avez-vous vu
 Le fol ami que j'ai perdu?
 Il chemine au hasard, sans règle,
 L'avez-vous vu?
 Comme de l'agneau fait un aigle,
 Il prit mon coeur au dépourvu.
 Il est homme, mais point barbu.
 L'avez-vous vu?
 Si le trouvez, dites que Nele
 Est bien lasse d'avoir couru.
 Mon aimé Thyl, où donc es-tu?
 L'avez-vous vu?
 Sait-il que languit tourterelle
 Quand elle a son homme perdu?
 Ainsi de plus d'un coeur fidèle.
 L'avez-vous vu?
²⁾ Ton fol ami, je l'ai bien vu,
 Dans un chariot vermoulu,
 Assis auprès d'un gros goulu,
 Je l'ai bien vu.

я возьмусь за свою увѣсистую и суковатую палку; ею можно здорово поколотить, и слѣдъ останется.

— Тиль,—спросила Нель,—ты идешь искать Семерыхъ?

— Да,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Нель несла въ рукахъ кошель, готовый, повидимому, отъ полноты прорваться.

— Тиль,—сказала она, протягивая ему свою ношу,—я такъ разсудила, что нехорошо мужчинѣ отправляться въ дальній путь безъ провизіи: вотъ возьми съ собою въ дорогу жаренаго гуся, ветчины и гентскихъ колбасъ. Будешь ѣсть, будешь и меня вспоминать.

Уленшпигель смотрѣлъ на Нель и не думалъ брать у нея изъ рукъ кошель, но тутъ Ламъ, просунувъ голову въ другую дыру въ полотнѣ, заговорилъ:

— Не смущайся, милая, запасливая дѣвушка, если онъ не беретъ у тебя, то по забывчивости; вручи мнѣ свою ветчинку, дай мнѣ гуся, пожалуй мнѣ колбаски; они будутъ у меня въ сохранности!

— Что это за добродушная физія?—полюбопытствовала Нель?

— Это — пояснилъ Уленшпигель, — жертва супружества, источенная скорбью, которая высохла бы, какъ яблоко въ жаркой печкѣ, если бъ не подкрѣпляла своихъ силъ безпрестанной ѣдою.

— Вѣрно сказано,—вздохнувъ, промолвилъ Ламъ одобрительно.

Солнце свѣтило и сильно грѣло темя Нель. Она покрыла голову передникомъ. Желая остаться наединѣ съ своей милой, Уленшпигель обратился къ Ламу:

— Видишь, вонъ тамъ по лугу идетъ женщина?

— Вижу,—отвѣчалъ Ламъ.

— Узнаешь ее?

— Да развѣ это моя жена? Нѣтъ, она одѣта не такъ хорошо.

— Ахъ, ты, кротъ слѣпой, еще и сомнѣваешься!—настаивалъ Уленшпигель.

— А что, если окажется, что это не она?—колебался Ламъ.

— Если не она, все равно ничего не потеряешь; оттуда влѣво, на восходъ солнца, есть кабачекъ, гдѣ можно достать хорошаго пива. Мы къ тебѣ скоро подѣдемъ. Вотъ тебѣ вдобавокъ ветчина для утоленія твоего вѣчнаго аппетита.

• Ламъ, сойдя съ повозки, торопливо зашагалъ по направленію къ женщинѣ, находившейся на лугу.

Уленшпигель обратился къ Нель:

— Отчего ты не подойдешь ко мнѣ?

Потомъ помогъ ей подняться на повозку, сѣлъ возлѣ нея, снялъ у нея съ головы передникъ и съ плечъ накидку; затѣмъ, покрывая ее поцѣлуями, спросилъ:

— Куда ты это собралась, моя любимая?

Она, впадъ въ восторженное состояніе, не отвѣчала ни слова. И Уленшпигель впалъ въ подобный же любовный восторгъ и сказалъ:

— Вотъ ты и пришла!... Тамъ въ живой изгороди шиповникъ цвѣтеть. Но могутъ ли сравняться эти розы съ цвѣтомъ твоей свѣжести?! Не королева ты, но позволь мнѣ сдѣлать тебѣ корону изъ моихъ поцѣлуевъ. Милыя ручки, розовыя, розовыя, словно Богъ любви нарочно ихъ сдѣлалъ для объятій!.. Ахъ, дѣвочка моя любимая, когда мои сильныя мужскія руки властно лягутъ тебѣ на плечи, не помрачатъ ли онѣ твоей красы?!.. Легкая бабочка покоится на алой гвоздикѣ. Но можно ли мнѣ, простому, грубому понѣжиться на чудесной бѣлизнѣ твоей плоти, понѣжиться и не повредить ея блеску!.. Богъ величается въ небѣ, государь на тронѣ, солнце въ выси. За что же мнѣ, ни Богу, ни государю, ни солнцу довелось быть такъ близко возлѣ тебя! Мяжки, нѣжны твои волосы, точно шелковыя пушинки!... Нель, я могу сдѣлать больно, ударить, разорвать на кусочки, но не бойся, возлюбленная... Ножки твои крошечныя! Отчего онѣ такія бѣленькія!? Не купали ль ихъ въ молоко?

Она хотѣла встать.

— Чего ты боишься?—успокаивалъ ее Уленшпигель,—не солнце теперь свѣтитъ надъ нами, и не оно золотитъ тебя всю. Не потупляй своихъ очей. Гляди въ мои глаза, какой огонь въ нихъ загорается! Слушай, любимая! слушай голубка! время сейчасъ пустынное, обѣденное, пахарь дома, питается похлебкой, не станемъ ли и мы съ тобой питаться, питаться любовью?! Ахъ, отчего нельзя мнѣ на твоихъ колѣнахъ изъ индійскаго жемчуга тысячи лѣтъ выбирать зернышко за зернышкомъ твои дивныя жемчужины!

— Язычекъ-то у тебя золотой,—молвила она.

И солнце-батюшка сверкало сквозь прорванное полотно, и жаворонокъ пѣлъ надъ полями клевера, и Нель склонила свою головку на плечо Уленшпигеля.

III.

Между тѣмъ вернулся Лэмъ съ крупными каплями пота на лбу и одышкой, какъ у дельфина.

— Охъ!—промолвилъ онъ:—подъ несчастной звѣздой я родился. Пробѣжался понапрасну, подошелъ къ этой женщинѣ, а

она оказалась совсѣмъ не моей женой, да и пожилой вдобавокъ; съ лица ей можно дать сорокъ пять, а по ея дѣвичьей манерѣ покрывать голову видно, что она незамужняя. Спросила меня, зачѣмъ это я съ такимъ большимъ животомъ забрался въ клеверъ?

— Ищу своей жены,—отвѣчалъ я ей; счѣлъ васъ за нее, поэтому и побѣждалъ къ вамъ.

Тогда старая дѣва посовѣтовала мнѣ воротиться туда, откуда я пришелъ, и прибавила, что если моя жена меня оставила, то сдѣлала очень хорошо, потому что всѣ мужчины разбойники, бездѣльники, еретики, коварные, готовые обмануть дѣвушку, даже въ сѣлидномъ возрастѣ, и что, если я немедленно не уберусь прочь, она натравитъ на меня свою собаку.

Я и убрался, признаться, не безъ опасенія: у самыхъ ея ногъ лежалъ здоровенный дворовый песъ. Только перебравшись за межу, на чужой участокъ, я присѣлъ и для обновленія силъ отвѣдалъ твоей ветчины. И вотъ сижу я въ клеверѣ; вдругъ слышу шумъ за собою, поворачиваюсь и вижу пса старой дѣвы, но онъ уже не грозный, кротко, съ аппетитомъ виляетъ хвостомъ и проситъ у меня моей ветчинки. Я ему удѣлилъ нѣсколько кусочковъ; вдругъ появилась его хозяйка и какъ закричить:

— Куси его, куси его, мое дитятко!

Тутъ я пустился удирать со всѣхъ ногъ; песъ за мною, выхватилъ у меня ветчину и, выхватывая, больно поранилъ. Разсердившись отъ боли, я обернулся и такъ хватилъ его палкой по ногамъ, что, вѣрно, которую-нибудь лапу да перешибъ. Песъ свалился и завизжалъ на своемъ собачьемъ языкѣ: «Смилуйтесь!» Я и смиловался. Между тѣмъ хозяйка его, за недостаткомъ подъ рукой камней, бросала въ меня землю, а я удиралъ.

Охъ, право, жестоко и несправедливо, что дѣвушка, не отличавшаяся красотой и не вышедшая поэтому замужъ, вздумала на мнѣ срывать свою злость.

Я немного успокоился, вспомнивъ про кабачокъ, о которомъ ты упоминалъ, и думалъ утѣшиться въ немъ *bruinbiegomъ*¹⁾. Но расчеты мои не оправдались. Войдя, засталъ я драку между мужчиной и женщиной. Я просилъ ихъ, нельзя ли на минуточку перестать драться и поднести мнѣ кувшинчикъ пива, все равно какой вмѣстимости: въ одну кружку, такъ въ одну, въ шесть; такъ въ шесть. Но драчунья женщина, похожая на вяленую рыбу, распалилась до самозабвенія и крикнула, чтобы я проваливалъ, а не то она заставитъ меня проглотить деревянный башмакъ своего супруга, тотъ самый башмакъ, которымъ коло-

¹⁾ *bruin bier*—темное пиво.

тила по головѣ своего благовѣрнаго... И вотъ, мой другъ, я весь въ поту и притомился. Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь поѣсть?

— Есть,—промолвилъ Уленшпигель.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ Ламъ.

IV.

Соединившись такимъ образомъ, они продолжали свой путь вмѣстѣ. Осликъ, повѣсивъ уши, тащилъ повозку.

— Ламъ,—заговорилъ Уленшпигель,—собралось насъ здѣсь четверо товарищей: осликъ—скотинушка Божія, гдѣ бѣжитъ по лугамъ, сорветъ чертополохъ, тѣмъ и живъ; ты—добрый пузанъ—въ поискахъ за той, которая отъ тебя убѣжала; третья—она, кроткая возлюбленная съ нѣжнымъ сердцемъ, нашедшая того, кто ея недостойнъ, т. е. меня—четвертаго попутчика.

Не унывайте, дѣтки! желтѣетъ листъ, небеса тускнѣютъ, скоро въ осеннихъ туманахъ станетъ закатываться солнышко, придетъ зима, печальный ликъ смерти покроетъ снѣжной надгробной пеленой тѣхъ, кто спитъ въ землѣ, подъ нашими ногами, а я пойду по міру за счастьемъ своей родины, страны нашихъ праотцевъ. Жаль Класа: мученически погибъ онъ на кострѣ. Милые моему сердцу! Я—вашъ отпрыскъ, я—дубовый побѣгъ и цѣпкій плющъ любви—велика моя скорбь, и я отмщу за васъ! Прахъ любимыхъ бьется на моей груди.

Ламъ промолвилъ:

— Не надо жалѣть тѣхъ, кто умираетъ за правду.

Уленшпигель задумался; потомъ вдругъ произнесъ:

— Нель, настала пора намъ разстаться, надолго разстаться, быть можетъ никогда больше не увижу я твоего тихаго лица.

Нель глядѣла на него своими сверкающими, какъ звѣзды, глазами.

— Почему бы не сойти тебѣ съ этой повозки и не пойти со мною въ лѣсъ, тамъ ты можешь найти, чѣмъ полакомиться: я знаю травы, знаю, какъ зовѣтся каждая пташка.

— Дѣвочка,—отозвался Ламъ,—не хорошо съ твоей стороны задерживать въ дорогѣ Уленшпигеля: ему нужно искать Семерыхъ и помогать мнѣ въ поискахъ за моей женой.

— Время терпитъ,—возражала Нель,—и плакала, сквозь слезы нѣжно смѣясь своему дружку Уленшпигелю.

Тотъ, глядя на нее, сказалъ пріятелю:

— Найти свою жену никогда не опоздаешь, найдешь ее какъ разъ во время, когда пожелаешь отвѣдать новаго горя.

— Тиль,—возмущался Ламъ,—неужели ты ради этой дѣвочки

покинешь меня одного на моей повозкѣ?.. Ты не отвѣчаешь и мечтаешь о лѣсѣ, а въ лѣсу, вѣдь, нѣтъ ни Семерыхъ, ни моей жены. Ихъ скорѣе нужно искать на мощеной дорогѣ, гдѣ такъ хорошо катиться повозкамъ.

— Успокойся Ламъ,—утѣшалъ Уленшпигель,—на твоей повозкѣ полный кошель; если ты одинъ, безъ меня, отправишься въ Кулькеркъ, съ голоду, все равно, не помрешь. Погодя и я подойду къ тебѣ. Тебѣ надобно быть въ тѣхъ мѣстахъ одному, потому что тамъ ты узнаешь, въ какую сторону тебѣ направить свои стопы въ поискахъ за женой. Слушай же и разумѣй! Тѣмъ же шагомъ, какъ мы ѣхали, поѣзжай въ Кулькеркъ, это—въ трехъ миляхъ отсюда. Есть тамъ церковь, по прозванію «свѣжая», открытая всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, подобно многимъ другимъ церквямъ. На колокольномъ есть флюгеръ въ видѣ пѣтуха, поворачивающагося на заржавѣвшихъ петелькахъ во всѣ стороны. Поскрипыванье этихъ петелекъ указываетъ бѣднымъ людямъ, потерявшимъ своихъ любезныхъ, дорогу, по которой надобно итти, чтобы ихъ вновь найти. Но сперва требуется семь разъ ударить орѣховой палочкой по каждой грани стѣны. И смотря по тому, откуда повѣетъ вѣтеръ, въ то время когда петельки заскрипятъ, въ ту сторону и нужно итти. Подуетъ сѣверный вѣтеръ, на сѣверъ надо и путь держать, притомъ держать осторожно, ибо полночный вѣтеръ—воинственный; пахнетъ южнымъ вѣтеркомъ, двигайся бодро, весело: это—любовный вѣтерокъ; повѣетъ съ востока—поспѣшай рысью: повѣяло, значить, радостью и свѣтомъ; пахнетъ съ запада—спѣшить нечего: пахнуло дождемъ и слезами. Поѣзжай, Ламъ, поѣзжай въ Кулькеркъ и поджидай меня тамъ.

— Ёду,—рѣшился Ламъ.

И онъ поѣхалъ туда на своей повозкѣ.

Пока Ламъ катился въ Кулькеркъ, сильный и сырой вѣтеръ гналъ по небу сѣрые облака, словно стадо сгрудившихся барановъ. Деревья недовольно шумѣли, точно волны вздувагося въ непогоду моря. Уленшпигель и Нель долго оставались одни въ лѣсу. Уленшпигелю хотѣлось ѣсть, и Нель искала съѣдобныхъ корешковъ, но вмѣсто нихъ находила поцѣлуи своего милаго да желуди.

Разставивъ силки, Уленшпигель сталъ свистѣть, приманивая птицъ въ надеждѣ изловить ихъ и зажарить. Прилетѣлъ соловей и сѣлъ на кустикъ возлѣ самой Нель, но она его не тронула, предоставивъ ему пѣть; и надъ прилетѣвшей малиновкой она сжалилась: слишкомъ ужъ милъ ей былъ гордый видъ этой птички. Появился и жаворонокъ, но Нель ему прямо сказала, что лучше

пѣть въ поднебесной выси вольные гимны природѣ, чѣмъ жалко биться на убійственномъ кончикѣ вертела.

И она правду сказала, потому что Уленшпигель успѣлъ разложить огонь и выстрогать вертелъ, ожидавшій уже своихъ жертвъ.

Но больше не прилетали къ нимъ птицы, исключая злыхъ вороновъ, каркавшихъ очень высоко, надъ ихъ головами.

Итакъ, Уленшпигелю не пришлось поѣсть.

Между тѣмъ настала для Нель пора воротиться домой, и она въ слезахъ тронулась въ путь, а Уленшпигель издали смотрѣлъ, какъ его милая медленно уходила.

Но вотъ она снова вернулась, бросилась ему на шею, и молвила:

— Я ухожу.

Потомъ вновь удалялась отъ него, но черезъ нѣсколько шаговъ опять возвращалась, и говорила:

— Я ухожу.

Такъ уходила и возвращалась десятки разъ.

Наконецъ совсѣмъ ушла. Уленшпигель остался одинъ и пустился вслѣдъ за Ламомъ.

Отыскавъ Лама. Тотъ, пригорюнившись, сидѣлъ у подножья башни съ большимъ кувшиномъ пива—*bruinbier*'а—между колѣнъ и покусывалъ печально орѣховую палку.

— Уленшпигель,—промолвилъ онъ,—мнѣ кажется, ты отправилъ меня сюда единственно для того, чтобы самому остаться наединѣ съ этой дѣвушкой. Я стучалъ, какъ ты мнѣ совѣтовалъ, семь разъ орѣховой палкой по каждой башенной грани, но хоть вѣтеръ и дьявольскій, однако флюгеръ не скрипѣлъ.

— Вѣрно его подмазали,—отвѣтилъ Уленшпигель.

Затѣмъ они отправились въ герцогство Брабантское.

V.

Король Филиппъ неослабно, по цѣлымъ днямъ и ночамъ, строчилъ и маралъ бумагу и пергаментъ, бумагъ и пергаменту повѣряя мысли своего черстваго сердца. Никого не любя въ жизни, зная, что никто не любить его, желая на однихъ своихъ плечахъ держать всю свою огромную власть, онъ, какъ миѳическій Атлантъ, сгибался подъ непосильнымъ бременемъ. Чрезмѣрный трудъ подтачивалъ его, флегматика и меланхолика по натурѣ. Чувствуя отвращеніе ко всему радостному, онъ возненавидѣлъ Фландрію за ея веселье; возненавидѣлъ купечество за богатую и роскошную жизнь, дворянство за вольность рѣчей, за независимость манеръ, за сангвиническую, барскую вспыль-

чивость. Онъ зналъ съ чужихъ словъ, что задолго до того времени, когда кардиналъ Куза, около 1380 года, обличалъ злоупотребленія въ церкви и проповѣдывалъ необходимость ея обновленія, во Фландріи и Нидерландахъ противъ папы и Римской церкви проявилось мятежное настроеніе, выразившееся въ возникновеніи различныхъ сектъ. Состояніе умовъ о ту пору похоже было на бурливый въ закрытомъ чугунѣ кипятокъ.

Упрямый лошакъ онъ считалъ необходимымъ навязать, точно Божью, свою волю всей вселенной. Хотѣлъ снова подвести фламандскую и валлонскую страну, отвыкшую отъ рабскаго повиновенія, подъ бывшее иго, не давъ ей никакихъ льготъ. Желалъ видѣть св. мать католическую церковь, апостольскую и римскую, единой, вселенской, нерушимой въ своихъ правилахъ и постановленіяхъ, желалъ, безъ указанія причинъ, потому что такъ желалъ, поступая въ данномъ случаѣ по образцу вздорной и капризной женщины. По ночамъ бѣсновался въ постели, не находя мѣста, точно спалъ на колючихъ шипахъ, и терзался своими думами, мысленно твердя.

«Да, да, св. Филиппъ, да, да, Господи Боже, что же дѣлать?! Приходится превращать Нидерланды въ сплошную общую могилу и кидать въ нее всѣхъ ея жителей. Ничего, они возвратятся къ тебѣ мой ангель-хранитель, къ тебѣ Пресвятая Марія и къ вамъ св. угодники и небожители!»

И онъ попытался на дѣлѣ осуществить свои слова-мысли, являясь болѣе римскимъ, чѣмъ Папа, и болѣе католическимъ, чѣмъ вселенскіе соборы.

И затосковавшимъ Уленшпигелю, Ламу и всему народу Фландріи и Нидерландовъ казалось, что они издали, въ мрачномъ Эскуріалѣ¹⁾, видятъ этого коронованнаго длинноногаго паука, со щупальцами наготовѣ, ткущаго кросна, чтобы опутать свои жертвы и высосать изъ нихъ чистѣйшую кровь.

Въ царствованіе Карла V сожгли на кострахъ, живыми зарыли въ землю и повѣсили до ста тысячъ христіанъ. Имущество несчастныхъ казненныхъ поступило въ императорскіе и королевскіе сундуки, стекаясь туда, наподобіе дождевыхъ капель въ водосточныя трубы. Но Филиппъ полагалъ, что это мало: онъ навязалъ странѣ новыхъ епископовъ и намѣревался ввести въ ней инквизицію по образцу испанской.

¹⁾ Послѣ С-тъ-Кантенской битвы (1657 г.), когда испанская артиллерія разрушила церковь, построенную въ память св. Лаврентія, Филиппъ II-ой далъ обѣтъ искупить этотъ грѣхъ, и воздвигъ километрахъ въ пятидесяти отъ Мадрида монастырь и дворецъ. Воздвигнутыя зданія (между 1562—1584 гг.) своей архитектурной формой напоминали рѣшетку, орудіе казни св. Лаврентія, и получили названіе «Эскуріаль».

Примѣч. переводч.

И городскіе герольды подъ барабанный бой повсюду громогласно читали указы, возвѣщавшіе всѣмъ еретикамъ, мужчинамъ, женщинамъ и дѣвушкамъ смерть на кострѣ въ томъ случаѣ, если со стороны виновнаго не послѣдуетъ раскаянія въ своихъ заблужденіяхъ, и смерть на висѣлицѣ, если осужденный принесетъ покаяніе. Дѣвушки и женщины, впавшія въ ересь, обрекались быть заживо погребенными.

И огонь мятежа пробѣжалъ по странѣ.

VI.

Пятаго апрѣля, передъ Пасхой, владѣтельные господа: Людовигъ Нассускій, Гюлембергскій, графъ Бредероде, по прозвищу Геркулесъ-Гуляка, прибыли въ Брюссель, на дворъ къ правительницѣ, герцогинѣ Пармской. Шествуя по четверо въ рядъ, они дошли до дворца и, не разстраивая рядовъ, по ступенькамъ поднялись наверхъ.

Очутившись въ залѣ, въ которой находилась правительница, они представили ей петицію, въ которой просили добиться отъ Филиппа отмѣны указовъ, касающихся религіи и введенія испанской инквизиціи, и заявили, что, въ противномъ случаѣ, въ недовольной этими вердиктами странѣ могутъ произойти общіе безпорядки, создадутся разореніе и нищета.

И эта цетиція получила названіе «Компромисса ¹⁾».

Берлеймонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи предателемъ и истязателемъ родной страны, находился возлѣ Ея Высочества и сказалъ ей, насмѣхаясь надъ бѣднымъ видомъ нѣкоторыхъ изъ челобитчиковъ:

— Государыня, не беспокойтесь: это—всего только «гезы» ²⁾.

Выражаясь такъ, придворный хотѣлъ показать, что эти дворяне разорились на королевской службѣ, стремясь сравняться въ роскоши съ испанской знатью.

Въ знакъ презрѣнія къ словамъ господина Берлеймона челобитчики закончили свою петицію заявленіемъ:

«Полагаемъ честью для себя считаться и называться гезами за вѣрную службу королю на благо родины».

Послѣ этого событія они стали носить на шеѣ золотую медаль;

¹⁾ Le Compromis.

²⁾ Гѣзы (Geux—нищіе)—союзъ нидерландскихъ дворянъ и другихъ недовольныхъ испанскимъ гнетомъ при Филиппѣ II-омъ. Въ 1566 году эти недовольные подали протестъ-петицію Маргаритѣ Пармской, нидерландской намѣстницѣ. Петиція получила названіе «Ми овой сдѣлки»—Le Compromis. Въ 1572 г. «Гезы» стали во главѣ войны Нидерландовъ за свою независимость.

Примѣч. переводч.

съ одной стороны этой медали было выбито изображеніе короля, съ другой—двѣ руки, обнимающія суму, и слѣдующая надпись: «Вѣрность королю вплоть до сумы». Они стали носить также на своихъ шляпахъ и колпакахъ золотыя украшенія въ формѣ тарелочекъ для подаванія и шляпъ, какіе носятъ нищіе.

Между тѣмъ Ламъ носилъ по городу свое брюшко, искалъ жены и не находилъ.

VII.

Однажды утромъ Уленшпигель сказалъ ему:

— Пойдемъ со мной, сходимъ на поклонъ къ одному грозному сесильному вельможѣ.

— А скажетъ онъ мнѣ, гдѣ моя жена?—освѣдомился Ламъ.

— Скажетъ, если знаетъ,—обнадежилъ Уленшпигель.

И они отправились къ Бредероде, Гулякѣ—Геркулесу по прозванію.

Тотъ въ это время былъ на дворѣ своего дома.

— Что тебѣ отъ меня нужно?—спросилъ онъ Уленшпигеля.

— Поговорить съ вами, всемилостивѣйшій государь,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Говори,—разрѣшилъ Бредероде.

— Вы,—началь Уленшпигель,—прекрасный, храбрый, сильный вельможа. Нѣкогда вы задушили француза его собственными латами, словно ракушку въ собственной раздавленной скорлупѣ. Но вы не только храбрый и сильный, вы и мудрый. Почему же тогда вы носите медаль съ надписью: «Вѣрность королю вплоть до нищенской сумы»?

— Да, почему?—спросилъ въ свою очередь Ламъ.

Не изъ-за большой ли выгоды поступаете такъ или, быть можетъ, ради лестнаго дружества? Почему, вмѣсто того, чтобы заявить ему о своей вѣрности вплоть до нищенской сумы, не выгоните вы этого палача изъ нашей страны, и пусть онъ будетъ вѣренъ нищенской сумѣ до самой своей смерти.

И Ламъ въ знакъ согласія кивалъ головою.

Бредероде, окинувъ Уленшпигеля быстрымъ взглядомъ, улыбнулся при видѣ его откровенной и симпатичной фізіономіи и промолвилъ:

— Если ты не шпіонъ короля Филиппа, то добрый фламандецъ, и я тебя, на всякій случай, по-разному отблагодарю.

И повелъ его, Ламъ слѣдовалъ за ними, въ свою буфетную. Тамъ вельможа до крови надралъ ему уши, приговаривая.

— Это на случай, если ты шпіонъ.

Уленшпигель не кричалъ.

Потомъ, обратившись къ своему дворецкому, приказалъ:

— Подай-ка графинчикъ съ настойкой на корицѣ.

Дворецкій подалъ графинчикъ и большую чару съ душистой наливкой.

— Пей,—сказалъ Бредероде Уленшпигелю,—за здоровье добраго фламандца.

— Хорошъ добрый фламандецъ, золотой язычокъ, настоенный на корицѣ, лучшимъ языкомъ и святыя не говорятъ!—отпивъ до половины, воскликнулъ Уленшпигель и протянулъ чару Ламу.

— А кто этотъ пузанъ ¹⁾, получившій угощеніе за ничто?

— Мой пріятель, который каждый разъ за виномъ воображаетъ, что скоро найдетъ свою супругу.

— Да, воображаетъ,—подтвердилъ Ламъ,—съ большимъ почтеніемъ смакуя наливку.

— Куда же вы теперь направляетесь?

— Отправляемся мы на поиски за Семерыми, за тѣми, кто спасетъ землю фламандскую.

— Что-жъ это за Семеротакіе?—полюбопытствовалъ Бредероде.

— А вотъ когда я ихъ найду, я вамъ скажу,—отвѣчалъ Уленшпигель...

Тутъ Ламъ, развеселившись послѣ вкуснаго вина, сказалъ:

— Ужъ не пойти ль намъ на луну искать мою жену.

— Что жъ, прикажи подать лѣстницу.

Въ маѣ, зеленомъ мѣсяцѣ, Уленшпигель молвилъ Ламу:

— Вотъ пришелъ и прекрасный мѣсяць-май! Небеса голубѣютъ, ласточки ликують; вѣтки на деревьяхъ до красноты налились сокомъ, вся земля въ любви живетъ. Какъ разъ пора вѣшать и жечь за вѣру. Добрые инквизиторы не дремлютъ сколько благородства на ихъ лицахъ! Имъ дана власть вязать и разрѣшать: наказывать, исправлять, предавать въ руки свѣтскихъ судей, сажать въ тюрьмы. Ахъ, прекрасный мѣсяць-май!—пора арестовъ, судебныхъ ускоренныхъ волокитъ, безъ соблюденія обычной законной процедуры, пора сожженій, повѣшеній, отсѣченія головъ, выкапыванія могилъ, заранѣе заготовляемыхъ для несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ, обреченныхъ на преждевременную смерть. Зяблики поютъ на деревьяхъ. А добрые инквизиторы глазъ не сводятъ съ людей зажиточныхъ. И король наследуетъ имущество несчастныхъ. Идите же, дѣвушки, пойте въ лугахъ подъ звуки волынокъ и дудокъ! Насталъ прекрасный мѣсяць-май.

¹⁾ По-фламандски—papzak.

Прахъ Класа бился на груди Уленшпигеля.

— Дальше, въ путь!—звалъ Уленшпигель Лама.—Счастливы тѣ, у кого сердца чисты, кто въ грядущіе черные дни сможетъ высоко держать свой мечъ.

VIII.

Въ августѣ мѣсяцѣ Уленшпигель провелъ одинъ день на Фландрской улицѣ въ Брюсселѣ, передъ домомъ Жана Всеѣдующаго ¹⁾, прозваннаго такъ въ память того, что его предокъ съ отцовской стороны клялся этимъ словомъ, избѣгая все помянуть имя Божіе. Вышеупомянутый Всеѣдующій занимался золотошвейнымъ мастерствомъ, отъ пьянства сдѣлался глухимъ и слѣпымъ. Тогда супруга его, пожилая кумушка съ удрученной фizioноміей, замѣнила мужа, ставъ вышивать платья, куртки, накидки, ботинки для баръ. Дочка ея, недурненькая дѣвушка помогала ей въ работѣ, за которую, между прочимъ, хорошо платили.

Проходя, почти въ сумерки, мимо этого дома, Уленшпигель увидалъ дѣвушку подъ окномъ и услыхалъ ея восклицаніе:

Августъ мѣсяцъ,
Милый мѣсяцъ!
За кого я выйду замужъ?! ²⁾

— За меня, если хочешь—отозвался Уленшпигель.

— За тебя?—удивилась она. Подойди-ка, я на тебя погляжу.

— А почему ты въ августѣ кричишь то, что у насъ въ Брабантѣ дѣвушки кричатъ передъ самымъ мартомъ?—продолжалъ онъ.

— А потому, что у вашихъ дѣвушекъ одинъ всего свадебный мѣсяцъ мартъ, а въ моемъ распоряженіи всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ, и вотъ наканунѣ каждого новаго мѣсяца, и не въ полночь, какъ это у васъ дѣлается, а между шестью часами и полуночью, я вскакиваю съ кровати и, задомъ пяясь къ окну, выкрикиваю извѣстную тебѣ присказку, потомъ снова такимъ же манеромъ возвращаюсь въ постель. Въ полночь я засыпаю съ мечтою о будущемъ супругѣ. Мѣсяцы, мѣсяцы, милые мѣсяцы. коварные насмѣшники. И снится мнѣ не одинъ супругъ, а разомъ цѣлыхъ двѣнадцать; ты окажешься ужъ тринадцатымъ, если пожелаешь.

¹⁾ Jean Sapermillemente.

²⁾ Août, août,
Dis—moi, doux mois,
Qui me prendra pour femme,
Dis—moi, doux mois?

— Плохо, прочіе будутъ ревновать,—выразилъ сожалѣніе Уленшпигель.—Тогда ты ужъ заодно кричи: «Спасите!»

Покраснѣвъ дѣвушка отвѣтила:

— Я и кричу «Спасите!» и знаю, зачѣмъ кричу.

— Я тоже знаю, и готовъ тебя спасти,—предлагалъ Уленшпигель.

— Со спасеніемъ придется подождать, улыбнувшись и показавъ свои бѣлые зубы,—прибавила она.

— Ждать я не согласенъ, нѣтъ,—протестовалъ Уленшпигель: домъ можетъ обрушиться мнѣ на голову, налетитъ вѣтеръ и швырнетъ меня въ канаву, какая-нибудь шавка укуситъ за ногу. Нѣтъ, ждать я не согласенъ.

— Я еще очень молода и зову супруга просто потому, что такъ ведется.

Уленшпигелю этотъ отвѣтъ показался подозрительнымъ: ему опять вспомнилось, что брабантскія дѣвушки кличутъ мужей накануне марта, а не въ мѣсяцъ сбора съ полей урожая.

Но она снова повторила:

— Я еще очень молода и зову супруга, просто, потому что такъ ведется.

— Не намѣрена ли ты дожидаться, пока состаришься?—возразилъ Уленшпигель. Это—плохая ариѳметика. Я никогда не видывалъ шейки круглѣе, грудей бѣлѣе, фламандскихъ грудей, полныхъ молока, на которомъ такъ хорошо растутъ мальчики.

— Полныхъ молока?—переспросила она,—какъ бы не такъ, слишкомъ торопливый путешественникъ.

— Ждать!—насмѣшливо повторилъ въ свою очередь и Уленшпигель,—не хочешь повременить, голубка, пока у меня выпадутъ зубы? Тогда я не смогу тебя съѣсть сырымъ, свѣженькую. Ты ничего не отвѣчаешь, только улыбаешься своими свѣтло-кариими глазами и своими губками, чистыми вишенками.

Дѣвушка, хитро поглядывая на него, освѣдомилась:

— Почему ты меня скоро такъ полюбилъ? Чѣмъ ты занимаешься? Гѣзъ ты или же богатый?

— Я—все вмѣстѣ: и гѣзъ, т.-е. бѣденъ, и богатъ; богатъ, если ты, милая, отдашь мнѣ себя.

Она пояснила:

— Я тебя совсѣмъ не въ томъ смыслѣ спросила. Мнѣ хочется знать, ходишь ли ты къ обѣднѣ? Хорошій ли ты христіанинъ? Откуда ты? Хватитъ ли у тебя храбрости признаться, что ты «гезъ», возстаешь противъ указовъ и противъ инквизиціи?

Прахъ Класа забился на груди Уленшпигеля.

— Да, я—гѣзъ,—отвѣтилъ онъ,—и пусть падутъ мертвыми

угнетатели Нидерландовъ, пусть источать черви ихъ трупы! Что ты такъ смотришь на меня, дорогая? Милая, огонь любви зажегся во мнѣ къ тебѣ, огонь молодости! Богъ зажегъ это пламя, и оно пылаетъ точно такъ же, какъ сіяетъ солнце, пока не погаснетъ. Но огонь мести, который таится въ моемъ сердцѣ, тоже зажженъ Богомъ и станетъ мечомъ, огнемъ, веревкой, пожаромъ, опустошеніемъ, войною и разореньемъ для палачей.

— Красивый ты,—проронила она печально, поцѣловавъ его въ обѣ щеки,—но молчи.

— Отчего плачешь?—спросилъ онъ.

— Оттого... нужно всегда, прежде чѣмъ говорить, оглянуться вокругъ и посмотрѣть, гдѣ говоришь.

— А развѣ здѣсь у стѣнъ есть уши?

— Только мои, другихъ нѣтъ.

— Значитъ, уши любви, дай я закрою ихъ поцѣлуемъ.

— Не шути, милый другъ, а слушайся, когда я говорю.

— Почему? Что ты хочешь сказать?

— Слушайся меня,—повторила она нетерпѣливо.—Вотъ моя мать... Особенно передъ нею молчи...

Вошла старуха Всезнающая.

— Ага,—говорилъ себѣ мысленно Уленшпигель,—забавная рожа, изрытая оспой, напоминающая всю въ дырахъ шумовку; притворство и черствость въ глазахъ; ротъ—не разберешь: то ли онъ корчитъ гримасы, то ли смѣется. Любопытно!

— Да пребудетъ Господь съ вами, сударь, отнынѣ и до вѣка,—промолвила старуха,—я получила, доченька, отъ господина Эгмонта¹⁾ хорошія денежки за работу, зато, что вышила ему на мантии шутовской клобукъ, въ посмѣяніе надъ Краснымъ псомъ.

— Надъ кардиналомъ де Гранвеллой,—отозвался Уленшпигель.

— Да,—повторила она,—надъ Краснымъ псомъ.—Говорятъ, онъ доноситъ королю объ ихъ шашняхъ: вотъ они и хотятъ его погубить. Они, конечно, себѣ на умѣ.

Уленшпигель не проронилъ ни слова.

— Вамъ, вѣрно, приходилось на улицѣ встрѣчаться съ ними. Одѣваются подъ простой народъ: ходятъ въ курткахъ и сермя-

¹⁾ Графъ Эгмонтъ—compte d'Egmont, фламандецъ, прославившійся въ войнахъ Карла V съ Францискомъ I, впоследствии примкнувшій къ протесту «Гезовъ» противъ деспотизма Филиппа II-го, но не ставшій во главѣ возстанія, вспыхнувшего во Фландріи противъ Инквизиціи въ шестидесятыхъ годахъ шестнадцатаго вѣка. Казненъ герцогомъ Альбой на Большой площади—Grand'Place—въ Брюсселѣ въ 1568 году. *Примѣч. переводчика.*

гахъ съ длинными рукавами и капишонами и съ нашивнымъ шутовскимъ клобукомъ. Я такихъ клобуковъ вышила двадцать семь, да моя дочь пятнадцать. Ужъ и злился же Красный песь, глядя на эти веселыя митры.

Потомъ шепнула на ухо Уленшпигелю:

— А теперь вѣдомо мнѣ, постановили господа дворяне вмѣсто клобука нашить обыкновенный снопъ, знаменіе, значить, ихъ союза. Да, да, идутъ противъ короля и Инквизиціи. Разумѣется, насъ это не касается, сударь?

Уленшпигель не отвѣчалъ ни слова.

— Какъ видно, незнакомый господинъ закручинился, сразу словно воды въ ротъ набралъ.

Не издавъ ни звука, Уленшпигель вышелъ.

Немного погодя, чтобы не разучиться пить, завернулъ онъ въ кабачокъ, оказавшійся полнымъ посѣтителей, неблагоразумно отзывавшихся о королѣ, опротивѣвшихъ указахъ, Инквизиціи и Красномъ псѣ, котораго, по общему мнѣнію, слѣдовало прогнать за границу. Завернулъ и увидалъ здѣсь Всезнающую старуху въ отрепьяхъ и, казалось, задремавшую надъ кружкой вина. Она довольно долго находилась въ подобномъ состояніи. Затѣмъ, вытащивъ изъ кармана тарелочку, принялась тутъ же собирать подаеніе, обращаясь преимущественно къ наиболѣе горячо высказывавшимся.

И довѣрчивые люди щедро подавали ей милостыню: флорины, деніе и патары.

Разсчитывая разузнать отъ дѣвушки кое-что новое, о чемъ умолчала старуха, Уленшпигель еще разъ прошелся передъ извѣстнымъ домомъ. Увидавъ дѣвушку, которая больше не зазывала, но улыбалась ему, многообѣщающе подмаргивая глазами.

Онъ вошелъ.

Совсѣмъ неожиданно, сейчасъ же вслѣдъ за нимъ вошла и старуха.

Разсердившись при видѣ ея, Уленшпигель, словно олень, выскочилъ на улицу и закричалъ:

— Пожаръ! пожаръ!—и, крича, добѣжалъ до дома булочника Якова Питерсена. Оконныя стекла, вставленныя по-нѣмецкому образцу, пылали краснымъ полымемъ подъ заходящимъ солнцемъ. Густой дымъ отъ подброшенной въ огромную печку цѣлой вязанки дровъ повалилъ столбомъ изъ трубы булочной. Уленшпигель на бѣгу продолжалъ кричать: «Пожаръ! пожаръ!» и указывалъ на домъ Якова Питерсена. Собравшаяся передъ домомъ толпа, глядя на красныя стекла и на густой дымъ, стала въ свою очередь вопить: «Пожаръ, пожаръ!» Причетникъ при храмѣ

Notre-Dame de la Chapelle затрубилъ въ рогъ, а церковный сторожъ ударилъ во всю мочь въ большой колоколъ. И мальчишки съ дѣвчонками съ пѣньемъ и плясками роемъ высыпали на улицу.

Колоколъ и рогъ не умолкали. Старуха Всевѣдующая поспѣшно присоединилась къ толпѣ. Уленшпигель прослѣдилъ ее. Когда она отошла довольно далеко, онъ вошелъ въ домъ.

Ты здѣсь!—недоумѣвала дѣвушка, развѣ тамъ не горитъ?

— Тамъ? Нѣтъ,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— А зачѣмъ же звонить колоколъ такъ жалобно?

— Самъ не знаетъ, зачѣмъ,—увѣрялъ Уленшпигель.

— А рогъ, что трубить такъ скробно, а народъ, который сбѣгается?

— Много на свѣтѣ шутовъ-гороховыхъ.

— Что горитъ?—поинтересовалась она.

— Глаза твои и сердце мое пылающее,—пояснилъ Уленшпигель. — И впился губами въ ея губы.

— Ты меня съѣшь!—протестовала она.

— Люблю вишенки,—признавался онъ.

Она глядѣла на него съ улыбкой и печально. Потомъ вдругъ заплакала.

— Не приходи больше сюда,—сказала она. Ты—гѣзь, врагъ Папы, не приходи больше...

— Понимаю, твоя мать!—сказалъ онъ.

— Да,—подтвердила она, покраснѣвъ. Знаешь, гдѣ она сейчасъ? Она подслушиваетъ на пожарѣ. Знаешь, куда она пойдетъ оттуда? Къ Красному псу, будетъ передавать ему все, что ей извѣстно, и надѣлаетъ хлопотъ герцогу, который на-дняхъ прїѣзжаетъ. Бѣги, Уленшпигель, я тебя спасаю, бѣги! Поцѣлуй еще разъ, но не возвращайся больше. Еще разочекъ, ты, вѣдь, красавецъ... Я плачу, но уходи все-таки.

— Храбрая дѣвушка,—промолвилъ Уленшпигель, не выпуская ее изъ объятій.

— Не всегда я бываю такой. Я тоже, какъ она...

— Значить, твои пѣсенки, твои нѣмыя зазыванья, красавица, людей влюбивыхъ?..

— Да, — призналась она. Моя мать этого хотѣла. Тебя я спасаю, потому что настоящей любовью полюбила. Теперь въ память о тебѣ, мой любимый, буду спасать и другихъ. Уйдя отъ меня далеко, будешь ли сердцемъ стремиться къ покаявшейся блудницѣ? Поцѣлуй меня, милый! Она не будетъ больше за деньги отправлять несчастныхъ людей на костеръ. Уходи, не оставайся долѣе. Какъ хороша твоя рука! Пстой, я твоя рабыня, я тебѣ ее поцѣлую. Ты мой повелитель. Пододвинься-ка поближе,

слушай и молчи. Прошлой ночью одинъ за другимъ приходили къ намъ бездѣльники и разбойники. Среди нихъ, между прочимъ, какой-то итальянецъ. Вошли они одинъ за другимъ. Моя мать пригласила ихъ войти въ залъ, меня услала и заперла двери. Я услышала ихъ разговоръ: «Каменное распятіе, Боржерутскія ворота, Крестный ходъ, Антверпенъ, Нотръ-Дамъ». Затѣмъ послушался заглушенный смѣхъ и считанье флориновъ на столѣ. Бѣги же! Бѣги, мой любимый! Сохрани обо мнѣ добрую память. Бѣги...

Уленшпигель послушался ея совѣта и побѣжалъ къ Старому Пѣтуху — *In den ouden Naep*, и нашелъ тамъ Лама, впавшаго въ меланхолію, грызущаго колбасу и смакующаго седьмую кружку Лувенскаго Петермана. И онъ заставилъ его бѣжать за собою, несмотря на его большой животъ.

IX.

Рысцой пустившись вмѣстѣ съ Ламомъ, добѣжалъ до Узкой улицы и нашелъ тамъ гнусный пасквиль на Бредероде. Онъ взялъ его и откровенно доставилъ по назначенію.

— Я—тотъ самый добрый фламандецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шпіонъ, которому вы изволили надрать уши, и котораго угостили такой вкусной наливкой. Я вамъ приношу небезынтересный небольшой памфлетъ. Въ немъ васъ обвиняютъ, помимо всего прочаго, въ томъ, что вы титуловались, словно король, графомъ Голландскимъ. Этотъ пасквиль только-что вышелъ изъ печатнаго станка Жана Клеветника, живущаго по набережной Разбойничьей, въ тупикѣ Почетно-Воровскомъ.

Бредероде, улынувшись, отвѣтилъ на это:

— Я велю тебя два часа плетми стегать, если ты мнѣ не скажешь имени составителя этого пасквиля.

— Государь,—оправдывался Уленшпигель, хотъ два года заставьте меня стегать плетми, но вы не заставьте мою спину сказать вамъ то, чего не вѣдаютъ мои уста.

И онъ удалился, не безъ легкой мзды, въ видѣ флорина за свои труды.

X.

Съ іюня, мѣсяца розъ, начались проповѣди въ странѣ фландрской.

И апостолы возвращенія къ первоначальной христіанской церкви проповѣдовали повсюду, во всѣхъ мѣстахъ, на поляхъ и въ садахъ, на холмахъ, служившихъ во время наводненія мѣстомъ выгона скота, по рѣкамъ, на баркахъ.

На сушѣ они окапывались, загораживаясь повозками. На рѣкахъ и въ гаваняхъ барки, устѣянные вооруженными людьми, составляли для нихъ охрану. На открытыхъ мѣстахъ, какъ на ратномъ полѣ, мушкетеры и стрѣлки изъ пищалей охраняли проповѣдниковъ отъ неожиданныхъ вражескихъ нападеній.

Итакъ, слово свободы раздавалось повсюду на землѣ нашихъ отцовъ.

ХІ.

Уленшпигель и Ламъ, очутились въ Брюгге и, оставивъ свою повозку на сосѣднемъ дворѣ, зашли въ церковь Спасителя вмѣсто гостиницы, потому что въ ихъ сумкахъ совсѣмъ не слышно было веселаго позваниванія монетъ.

Отецъ Корнелисъ Андриансенъ, «братецъ», находившійся на низшей ступени іерархической церковной лѣстницы ¹⁾, неряшливый, неистовый проповѣдникъ-лаятель, разразился въ этотъ день проповѣдью съ «каѳедры истины».

Молодые и красивыя, ревностныя прихожанки тѣснились вокругъ него.

Отецъ Корнелисъ говорилъ о Страстяхъ Господнихъ. Дойдя до того мѣста въ св. Евангеліи, гдѣ іудеи кричатъ Пилату: «Распни Его! Распни Его! У насъ есть законъ, и по закону этому Онъ долженъ умереть», Броэръ Корнелисъ воскликнулъ:

— Добрые люди, вы только-что слышали, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ пострадалъ и умеръ безславной и позорной смертью, и все оттого, что и тогда уже были законы и карали еретиковъ. Его правильно осудили, ибо Онъ не повиновался законамъ. И нынѣ, подумать только, еретики вниманія не обращаютъ на указы и расклеенныя всюду объявленія! Ахъ, Господи Иисусе! Какое проклятіе наслалъ ты на нашу землю! Досточтимая Матерь Божія, хорошо, что императоръ Карлъ умеръ и не видитъ скандальнаго поведенія знатныхъ стачечниковъ! Они рѣшились-таки явиться къ Правительницѣ съ челобитной противъ Инквизиціи и указовъ, благодѣтельныхъ указовъ, плодовъ зрѣлыхъ и долгихъ размышленій, направленныхъ къ разрушенію всѣхъ сектъ и ересей! И вотъ они, невзирая, что указы необходимѣй насущнаго хлѣба и сыра, желали бы свести ихъ на-нѣтъ! Въ какую смрадную, прокаженную, ужасную пропасть мы готовы низринуться?!.. Лютеръ, этотъ мерзкій Лютеръ, это бѣшеный быкъ, торжествуетъ въ Саксоніи, Брунsvикѣ, Луненбургѣ и Мекленбургѣ. Бренцеусъ, весь зама-

¹⁾ Ступеней этихъ было четыре: привратникъ (portier), причетникъ (lecteur), заклинатель (exorciste) и свѣщеносецъ (acolyte). *Прим. переводч.*

ранный, Бренцеусъ, питавшійся въ Германіи одними желудями, отъ которыхъ даже свиньи отказывались, торжествуетъ въ Бюртенбергѣ! Серветъ-Лунатикъ, вѣчно съ лунной четвертью на умѣ, три-ипостасникъ Серветъ царитъ въ Помераніи, Даніи и Швеціи, царитъ и дерзаетъ поносить святую, славную и державную Троицу. Да-съ царитъ! Хотя мнѣ говорили, что Кальвинъ его сжѣтъ, совершивъ все-таки, выходитъ, хоть одно доброе дѣло. Да, тотъ самый смердящій Кальвинъ, отъ котораго пахнетъ кислятиной; да-съ съ длиннымъ рыломъ на манеръ бурдюка; съ наружностью, похожей на ноздреватый сыръ, съ зубами, настоящими садовничьими лопатами. Да-съ, эти волки грызутся между собою. Да-съ, Лютеръ-быкъ, бѣшенный быкъ, возстановилъ нѣмецкихъ князей противъ анабаптиста Мюнцера, человѣка, по всѣмъ отзывамъ, добраго, жившаго по Евангелію. И по всей Германіи раздается мычаніе этого быка, да-съ!

Что же мы видимъ во Фландріи, Гельдернѣ, Фрисландіи, Голландіи, Зееландѣ? Рыскающихъ нагишомъ по улицамъ Адамитовъ¹⁾. Да-съ, добрые люди, безстыдниковъ, совсѣмъ нагишомъ показывающихся на улицахъ, свѣтящихъ прохожимъ своими тщедушными тѣлесами. Вы скажите, что ихъ немного, нашелся всего одинъ такой. Да-съ, одинъ, но онъ стоитъ сотни, а сотня въ свою очередь стоитъ одного, и этого одного по настоянію кальвинистовъ и лютеранъ живымъ спалили. Эти волки поѣдомъ-ѣдятъ братья-брата, увѣряю васъ!

Да-съ, такъ вотъ что же мы видимъ во Фландріи, Гельдернѣ, Фрисландіи, Голландіи, Зееландѣ? Развратителей, поучающихъ, что всяческое рабство противно слову Божію. Лгунишки они, смрадные еретики. Надобно покоряться матери святой Римской церкви. И вотъ проклятый городъ Антверпенъ служитъ сборищемъ со всего свѣта щенковъ-еретиковъ, дерзающихъ возвѣщать всенародно, что церковныя облатки мы готовимъ на собачьемъ салѣ. А то и еще говорятъ, говоритъ всѣмъ извѣстный «гѣзь», который не сходитъ съ ночнаго горшка и такъ и сидитъ на виду у всѣхъ на углу улицы, такъ вотъ онъ говоритъ, что нѣтъ ни Бога, ни вѣчной жизни, ни воскресенія плоти, ни вѣчнаго осужденія. А другой плаксивымъ голосомъ увѣряетъ; можно, молъ, крестить безъ соли и безъ топленаго сала, не требуется при этомъ плеванія, ни заклятія, ни свѣчи. Третій же провозглашаетъ: «Не заводилось вовсе чистилища». Не заводилось вовсе чистилище!—вы подумайте только, добрые люди! Лучше бы вы согрѣшили

¹⁾ Адамиты, члены религіозной секты (II вѣка), запрещавшей ношеніе одежды. *Прим. переводч.*

съ вашими сестрами, дочерьми, матерями, чѣмъ усомниться въ томъ, что чистилище существуетъ!

Да-съ, мало того, они задираютъ вверхъ носы передъ святымъ человѣкомъ, передъ инквизиторомъ. Явились они въ Белемъ, неподалеку отсюда, явилось ихъ, кальвинистовъ, тысячь до четырехъ—подъ охраною своихъ стражниковъ, со знаменами и барабанами. Да-съ! И здѣсь ужъ сильно ими запахло. Явились, захватили въ свои руки церковь св. Католины, осквернили ее, надругались, обезславили своими гнусными проповѣдями.

И почему, почему вы такъ нечестиво и прямо скандально равнодушны къ ихъ поведенію?! Чортъ возьми, отчего вы, мягкотѣлые католики, не возьметесь тоже за оружіе? У васъ такъ же, какъ и у проклятыхъ кальвинистовъ, найдутся латы, пики, бѣрдыши, мечи, луки, ножи, палки, рогатины и городскія пушки небольшого калибра.

«Они миролюбивы», возразите вы: «они желаютъ свободно и спокойно внимать слову Божію». Миролюбивы ли они или нѣтъ, для меня безразлично. Мнѣ нужно одно: отправляйтесь изъ Брюгге! Прогоните, убейте, выкиньте этихъ кальвинистовъ изъ Церкви!.. Ахъ, вы и не думаете отправляться! Мокрая вы курицы, трясушіяся со страха на вашихъ нашествияхъ! Недалека пора, когда проклятые кальвинисты на животахъ вашихъ женъ и дочерей будутъ отбивать барабанную дробь, а вы, тряпичные люди, станете позволять имъ это. Не ходите, пожалуйста, туда, не ходите; вы промочите себѣ ноги въ битвѣ. Фу, стыдъ и срамъ, почтенные вы люди! Фу, стыдъ и срамъ вамъ, католики! Вотъ такъ-то вы окатоличились, трусы жалкіе! Стыдно за васъ, селезнихи вы и селезни, гусыни и индюшки!

Мало-ль тамъ расчудесныхъ проповѣдниковъ! И отчего бы вамъ не отправиться туда и не послушать рѣчей, ту ложь, что они изрыгаютъ. Да-съ, ваши дочери станутъ бѣгать къ нимъ по ночамъ, и, не правда ли, ровно черезъ девять мѣсяцевъ городъ будетъ кишѣть маленькими гѣзами и гезянками? Ихъ тамъ четверо было, четверо скандалистовъ-бездѣльниковъ, проповѣдовавшихъ на церковномъ кладбищѣ. Первый изъ нихъ худъ, блѣденъ, безобразенъ, страдаетъ поносами и носить грязную шапку, благодаря этой шапкѣ не видно его ослиныхъ ушей. Случалось ли кому-нибудь изъ васъ видѣть уши подобнаго проповѣдника? На немъ не было нижней сорочки, одна лишь фуфайка, и руки совсѣмъ голыя торчали изъ нея. А я такого молодчика хорошо разглядѣлъ, хоть онъ и очень желалъ закрыться отъ меня своимъ грязнымъ, короткимъ плащомъ; хорошо разглядѣлъ я и его черные холщевые штаны, свѣтившіеся насквозь,

словно спиць на колоколнѣ собора въ Антверпенѣ, разсмотрѣлъ и его колокола, звонившіе по волѣ природы. Другой прощальга говорилъ проповѣди босымъ. Никто не видалъ его ушей. Говорилъ, говорилъ и вдругъ остановился на серединѣ проповѣди, и былъ за это освистанъ мальчишками и дѣвчонками. Они кричали ему: «Улу-лу! Улу-лу! Онъ не выучилъ своего урока!» Третій—не просто прощальга, а вдобавокъ еще и безобразникъ въ маленькой, грязной, отвратительной шапчонкѣ. И его ушей тоже не было видно. Четвертый Германусъ, еще лучше наряженный, чѣмъ другіе, дважды удостоившійся быть клейменымъ палачомъ, да-съ, хороши, скажу я вамъ!

Всѣ они подъ своими шапками носятъ засаленныя шелковыя повязки, изъ-подъ повязокъ ушей совсѣмъ не видно. Случалось ли вамъ видѣть уши подобнаго проповѣдника? Какой изъ нихъ дерзнетъ показать свои уши? Уши! Ага! Да-съ, показать свои уши! Все дѣло-съ въ томъ, что они у нихъ отрублены. Да-съ, ихъ отрубилъ имъ палачъ.

И вотъ, невзирая на все это, вокругъ подобныхъ скандалистовъ-прощальгъ, подрѣзывателей сумокъ, вокругъ, съ позволенія сказать, чеботарей, оторвавшихся отъ своихъ колодокъ, вокругъ оборванцевъ-проповѣдниковъ народъ впадаетъ въ неистовство и, точно пьяница или сумасшедшій, горланить: «да здравствуютъ гезы!»

Эхъ, видно намъ, несчастнымъ, истиннымъ римско-католикамъ остается одно: покинуть Нидерланды, и пусть себѣ на просторѣ раздаются вопли: «да здравствуютъ гезы! Да здравствуютъ гезы!..» Господи Иисусе! Какое-жъ проклятіе обрушилось на этотъ народъ! Что онъ заколдованъ или поглупѣлъ?! Повсюду богатые и бѣдные, старые и молодые, благородные и простые, богатые и бѣдные, мужчины и женщины—всѣ кричатъ: «да здравствуютъ гезы!»

И кто они всѣ эти господа, всѣ эти *cul-de-suir pelés*¹⁾, которые забрались къ намъ изъ Германіи? Всѣ свои пожитки они просадили на разныхъ дѣвушекъ, на карты, на лизоблюдство, на наложничество, на трескучее дебоширство. Даже ржаваго гвоздя не осталось у нихъ, нечѣмъ почесать мѣсто, которое свербить. И вотъ имъ теперь потребовались церковныя и монастырскія имущества!

И вотъ на своихъ банкетахъ у этого бездѣльника Кюленбурга вмѣстѣ съ другимъ бездѣльникомъ Бредероде, они пили

¹⁾ Выраженіе, не поддающееся точному переводу, соответствуетъ приблизительно русск. «прощальга».

Примѣч. переводч.

изъ деревянныхъ лоханей, желая показать этимъ свое презрѣніе къ господину Берлеймону и къ герцогинѣ-правительницѣ. Да-съ, пили и орали: «Да здравствуютъ гёзы!» Жаль! Будь я Господомъ Богомъ, безъ всякаго зазрѣнія, я бы претворилъ ихъ напитки, вино или, тамъ, пиво, въ грязные кухонные помои, да-съ, въ мерзкій, отвратительный, вонючій щёлокъ, послѣ мойки въ немъ сорочекъ и пахучихъ простынь.

Да-съ, ревите, ослы вы настоящіе, ревите: «Да здравствуютъ гёзы!» Да-съ, и я вамъ напророчу! И всѣ проклятія, несчастья, лихорадки, чума, пожары, разоренье, опустошенье, ракъ, англійская изнурительная горячка и чума падутъ на Нидерланды. Да-съ! и Господь получитъ свое отмщеніе за ваше гнусное оранье: «Да здравствуютъ гёзы!» И не останется больше отъ вашихъ жилищъ камня на камнѣ и отнимутся у васъ ваши проклятыя ноги, которыя такъ и рвутся на проклятыя кальвинистскія многоглаголанья. Да будетъ такъ! такъ! такъ! такъ! такъ! такъ да будетъ! Аминь.

— Ну, пойдёмъ, отсюда, голубчикъ,—сказалъ Уленшпигель Ламу.

— Погоди, сейчасъ,—отвѣтилъ Ламъ.

И онъ сталъ искать среди молодыхъ и красивыхъ набожныхъ слушательницъ проповѣди свою жену, но не нашель ея.

XII.

Уленшпигель съ Ламомъ прибыли въ мѣстность подъ названіемъ Minne-Water—Воды Любви; но знаменитые доктора и самъ Виснейсенъ Савантассъ говорили, что это Minne-Water, т.-е. Нестоящія воды. Уленшпигель и Ламъ сѣли на берегу подъ низко растущей надъ ихъ головами густой сомкнувшейся листвою и смотрѣли на проходившихъ мимо подъ ручку солидныхъ и молодыхъ парочекъ, прижимавшихся бедро къ бедру и нѣжно глядѣвшихъ другъ другу въ глаза, ничего въ мірѣ, кромѣ самихъ себя, не замѣчавшихъ.

Уленшпигель, мечтая о Нель, созерцалъ влюбленные парочки. Подъ вліяніемъ грустныхъ воспоминаній онъ промолвилъ.

— Пойдёмъ, выпьемъ.

Но Ламъ, въ свою очередь, заглядѣвшись на влюбленныхъ парочекъ, не слышалъ Уленшпигеля.

— Когда-то и я съ своей женой, въ пору нашей взаимной любви, разгуливалъ вотъ такъ подъ носомъ у людей. А эти люди такъ же, какъ мы теперь, одиноко безъ женщинъ расположились тогда на краю откоса.

— Пойдемъ, выпьемъ, на днѣ въ кружкѣ мы найдемъ Семейныхъ,—приглашалъ Уленшпигель.

— Прими къ свѣдѣнію замѣчаніе доки по части выпивки,—сказалъ Ламъ.—Знай, что Семеро—великаны, которые, если бѣ встали во весь ростъ, не могли бы вмѣститься въ церкви Спасителя.

Уленшпигель, печально вспоминая о Нель и въ то же время думая, что, можетъ быть, въ какой-нибудь гостиницѣ удастся найти ночлегъ, ужинъ и сговорчивую привѣтливую хозяйшку, снова повторилъ:

— Пойдемъ, выпьемъ!

Но Ламъ не слушалъ и говорилъ, глядя на соборную башню:

— Пресвятая Дѣва Марія, покровительница законной любви, дай мнѣ узрѣть еще разъ ея бѣленькую шейку, насладиться брачной постелью.

— Пойдемъ, выпьемъ! Найдешь ее въ кабачкѣ. Тамъ она величается передъ гуляками.

— Какъ ты смѣешь такъ плохо о ней думать? — возмутился Ламъ.

— Пойдемъ выпьемъ,—настаивалъ Уленшпигель—навѣрное она гдѣ-нибудь хозяйшкой.

— Пивныя рѣчи,—промолвилъ Ламъ иронически.

Уленшпигель продолжалъ:

— Быть можетъ, у нея найдется въ запасѣ для бѣдныхъ странниковъ миска съ душѣнымъ мясомъ, прянымъ и душистымъ, не очень жирнымъ, нѣжнымъ, сочнымъ, словно листочки розы. И плаваетъ это мясо, точно рыба въ четвергъ на масляной, между гвоздичкой, мускатнымъ орѣшкомъ, пѣтушиными гребнями, телячьимъ можжечкомъ и другими неземными лакомствами.

— Дурной какой! Ты, вѣрно, смерти моей хочешь. Не знаешь ты что-ли, что вотъ ужъ два дня, какъ у насъ не было во рту ничего кромѣ черстватаго хлѣба да дешевенькаго пива?

— Голодныя рѣчи!—опредѣлилъ Уленшпигель. — Пойдемъ, закусимъ и выпьемъ. У меня найдется добрыхъ полфлорина, этого достаточно, чтобы поугощаться и расплатиться.

Ламъ разсмѣялся. Они разыскали свою повозку и объѣздили весь городъ въ поискахъ за самой лучшей гостиницей. Но, встрѣчая все угрюмыя лица у мужчинъ-хозяевъ и несочувствующія у хозяекъ, они двигались дальше, считая, что кислая физиономія не предвѣщаетъ гостепріимства.

Они выѣхали на субботній рынокъ и пошли въ гостиницу подъ названіемъ *Blauwe-Lanteern*—Голубой фонарь. У хозяина было пріятное выраженіе лица.

Поставивъ подъ навѣсъ свою повозку, они отвели осла въ

хлѣвъ и оставили его тамъ въ компаніи съ гарниномъ овса. Велѣли подавать себѣ ужинать, поѣли и попили всласть, хорошенько выпались и, проснувшись, поѣли еще. Ламъ, лопаясь отъ удовольствія, болталъ:

— Въ моемъ животѣ сейчасъ небесная музыка.

Когда настала пора расплачиваться, хозяинъ подошелъ къ Ламу и сказалъ:

— Мнѣ слѣдуетъ съ васъ десять патаровъ.

— У него деньги,—промолвилъ Ламъ, указывая на Уленшпигеля, который отвѣтилъ:

— У меня вовсе нѣтъ денегъ.

— А полфлорина?—спросилъ Ламъ?

— У меня вовсе нѣтъ денегъ,—повторилъ Уленшпигель.

— Нечего сказать, хорошъ отвѣтъ. Погодите, я сейчасъ сдеру съ васъ обоихъ одежонку, а потомъ доберусь и до сорочки.

Ламъ, вдругъ набравшись хмельной храбрости, воскликнулъ:

— А что если я, я хочу ѣсть и пить?! напить больше, чѣмъ на двадцать семь флориновъ?! ничего и напью. Неужели ты думаешь, что въ моемъ чревѣ не найдется одного мѣдяка?! Найдется! Будетъ чѣмъ заплатить. Еще живъ Господь! Знаешь ли, что мое чрево до сихъ поръ кормилось одними овсянками?! Тебѣ, вѣрно, подъ твоимъ засаленнымъ фартукомъ никогда никакихъ овсянокъ носить не приходилось. Поэтому у тебя, злюка ты этакій, сало на воротѣ твоей фуфайки, а не такъ, какъ у меня, на животѣ жиръ толщиной въ три пальца!

Хозяинъ впалъ въ неописуемую ярость. Онъ былъ заикой, и ему хотѣлось говорить быстро-быстро. Но, чѣмъ больше онъ торопился, тѣмъ больше чихалъ, словно песъ, только что вылѣзшій изъ воды. Уленшпигель кидалъ ему въ носъ хлѣбные шарики. А Ламъ, все болѣе воодушевляясь, продолжалъ:

— Не безпокойся, найдется у меня, чѣмъ заплатить тебѣ за твоихъ трехъ тощихъ куръ, за четверыхъ цыплятъ-заморышей да за большого дурака павлина; что, распустивъ свой замаранный грязью хвостъ, разгуливаетъ на заднемъ дворѣ. И не будь твоя кожа суше старой пѣтушиной кожи, не сыпъся уже изъ тебя земля, у меня бы нашлось чѣмъ заплатить, приказавъ подать самого тебя на жаркое, твоего сопляка-лакея, твою кривую служанку и твоего повара, у котораго руки слишкомъ коротки, чтобы почесать свою коросту.

Поглядите, поглядите люди добрые,—не унимался онъ,—на это чудище заморское, которое за полфлорина желаетъ раз-

дѣтъ насъ донага, поснимать съ насъ наши куртки и нижнія сорочки! Скажи мнѣ, заносчивый оборванецъ, что стоитъ твой платяной шкафъ со всѣмъ твоимъ платьишкомъ, и, такъ ужъ и быть, отсчитаю тебѣ за него три ліарда.

Но хозяинъ все больше свирѣпѣлъ и пыхтѣлъ сильнѣе.

И Уленшпигель продолжалъ бросать ему шарики въ носъ.

А Ламъ, точно левъ, ораторствовалъ:

— Сколько же ты, тщедушная твоя образина, положишь за моего чудеснаго осла съ тонкой мордой, длинными ушами, широкой грудью, твердыми, какъ желѣзо, икрами? Восемнадцать флориновъ на худой конецъ, не правда ли, дохлякъ ты, хозяинъ? Хватитъ ли старыхъ гвоздей въ твоихъ скрыняхъ, чтобъ разсчитаться за такую добрую скотинушку?

Хозяинъ пыхтѣлъ еще сильнѣе, но словно приросъ къ мѣсту.

Ламъ не умолкалъ:

— А сколько стоитъ по-твоему превосходная ясеновая повозка, крашенная въ алый цвѣтъ, обтянутая сверху куртрэскимъ полотномъ, защищенная отъ солнца и ливней? И сколько будетъ, если сложить вмѣстѣ восемьдесятъ и восемнадцать флориновъ? Отвѣчай ты, скряга и плохой счетчикъ. Между прочимъ, сегодня базарный день, на твоёмъ постояломъ дворишкѣ есть крестьяне, вотъ я немедленно и продамъ имъ свое добро.

И продалъ, потому что всѣ знали Лама. И, дѣйствительно, за осла и повозку выручилъ сорокъ четыре флорина и десять патаровъ. Тогда, позванивая золотомъ передъ носомъ хозяина, онъ спросилъ:

— Что, пахнетъ будущими пирами, чувствуешь?

— Чувствую,—отвѣтилъ трактирщикъ и прибавилъ совсѣмъ тихо:

— Когда ты продашь свою кожу, я куплю ее за ліардъ и сдѣлаю изъ нея талисманъ—предохранитель отъ мотовства.

Между тѣмъ миловидная, нарядная бабенка, находившаяся на внутреннемъ темноватомъ дворѣ, часто подходила къ окну, глядѣла на Лама и, всякій разъ, когда онъ могъ ее замѣтить, скрывала свою красивую мордочку.

Вечеромъ на лѣстницѣ, когда, подвыпивши и спотыкаясь, безъ свѣчи поднимался вверхъ, онъ почувствовалъ женщину, которая, обнявъ, цѣловала его въ щеку, въ ротъ, даже въ носъ, цѣловала жадно, орошая ему лицо любовными слезами.

Полусонный, послѣ выпивки, Ламъ легъ, заснулъ и на слѣдующій день отправился въ Гентъ вмѣстѣ съ Уленшпигелемъ.

XIII.

Тамъ онъ искалъ свою жену во всѣхъ кабачкахъ, трактирахъ и тавернахъ. Вечеромъ снова сходилъ съ Уленшпигелемъ In den Zingende Zwaan—въ Поющемъ Лебедѣ. Уленшпигель, гдѣ только могъ, сѣялъ тревогу и поднималъ народъ противъ палачей земли родной.

Попавъ на Пятницкій рынокъ, возлѣ Dulle-Griet—Большой Пушки, Уленшпигель прилегъ, животомъ внизъ, на мостовую.

Подошелъ угольщикъ и спросилъ:

— Что ты дѣлаешь?..

— Смачиваю себѣ носъ, чтобы знать, откуда вѣтеръ дуетъ,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Подошелъ столяръ и тоже освѣдомился:

— Что, ужъ не сдѣлалась ли мостовая матрацомъ?

— Скоро она сдѣлается одѣяломъ,—увѣрялъ Уленшпигель.

Остановился монахъ.

— Что тамъ дѣлаетъ этотъ теленокъ? — полюбопытствовалъ онъ.

— Распластавшись на землѣ животомъ, просить, мой отецъ, вашего благословенія.

Монахъ далъ ему его и удалился.

Тогда Уленшпигель припалъ ухомъ къ землѣ. Подошелъ крестьянинъ и поинтересовался:

— Слушаешь шумъ подъ землею? Да?

— Да,—согласился Уленшпигель,—слушаю, какъ растутъ лѣса, что пригодятся потомъ на подтопу для костровъ, на которыхъ будутъ жечь несчастныхъ еретиковъ.

— А больше ничего не слышишь?—спросилъ его полицейскій.

— Слышу,—настаивалъ Уленшпигель.—Жандармерія ѣдетъ къ намъ изъ Испаніи. Если есть у тебя добро, прячь скорѣй, скоро неспокойно станетъ въ городахъ по случаю воровъ.

— Онъ—помѣшанный,—предположилъ полицейскій.

— Онъ помѣшанный,—повторяли почтенные люди.

XIV.

Ламъ потерялъ аппетитъ, предавшись мечтамъ о миломъ видѣннѣи на лѣстницѣ въ Голубомъ Фонарѣ. Сердцемъ онъ стремился въ Брюгге, но силою былъ увлеченъ Уленшпигелемъ въ Антверпенъ. Здѣсь продолжалъ свои печальные поиски.

Уленшпигель, посѣщая таверны, замѣшиваясь между добрыми фламандцами реформатами и строгими католиками, но въ то же время друзьями Свободы, разсуждалъ съ ними по поводу рас-

клеенныхъ всюду указовъ. «Подъ видомъ очищенія нашихъ желудковъ отъ ереси, они вводятъ у насъ инквизицію, но пусть напрасно не стараются: это слабительное такъ и останется безъ употребленія. Мы лѣчимся только тогда, когда сами хотимъ. Мы выйдемъ, наконецъ, изъ терпѣнія, возстанемъ и возьмемся за оружіе. Королю это давно извѣстно. Онъ видитъ, что мы не желаемъ слабительнаго, и направитъ на насъ клистирные трубки, т.-е. малыя и большія пушки разныхъ родовъ и калибровъ, съ огромными жерлами. И начнется истинно-королевская прочистка! Ни одного богатаго фламандца не останется во Фландріи послѣ такого лѣченія. Нечего сказать, счастлива наша земля, что нашелся у нея такой царственный лѣкарь!»

Почтенные люди смѣялись въ отвѣтъ на эти рѣчи.

Но Уленшпигель говорилъ: «Пока можете смѣяться, но лишь только начнется погромъ въ соборѣ, бѣгите или же беритесь за оружіе».

XV.

15-го августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы и благословенія плодовъ и злаковъ, когда отѣвшіяся зерномъ куры остаются глухи къ призывамъ пѣтуховъ, умоляющихъ о любви,—оказалось разбитымъ у городскихъ воротъ въ Антверпенѣ большое каменное распятіе. Было разбито оно неизвѣстнымъ итальянцемъ, подкупленнымъ кардиналомъ де Гранвеллой. Въ это время изъ собора въ честь Пречистой Дѣвы вышла церковная процессія въ предшествіи шутовъ, одѣтыхъ въ зеленые, красные, желтые цвѣта.

Въ процессіи несли статую Пресвятой Дѣвы, и статуя въ пути была осквернена неизвѣстными лицами. Послѣ этого ее поспѣшно помѣстили на клиросѣ храма и входъ туда преградили.

Уленшпигель и Ламъ зашли въ соборъ. Передъ самымъ клиросомъ стояли молодые парни, пустомели и оборванцы и нѣсколько никому невѣдомыхъ мужчинъ. Стояли, перемигиваясь между собою и гримасничая. Никто раньше не видалъ ихъ въ Антверпенѣ, никто не видалъ и впослѣдствіи. Одинъ изъ нихъ съ лицомъ, похожимъ на печеную луковицу, спрашивалъ, очень ли испугалась Микэ, что она такъ поспѣшно воротилась въ церковь.

— Не тебя Она испугалась, смуглолицый негодяй,—отвѣтилъ Уленшпигель.

Молодой парень, котораго задѣли эти слова, пошелъ на него съ кулаками, но Уленшпигель, схвативъ его за шиворотъ, произнесъ:

— Посмѣй только ударить, и ты у меня языкъ свой выплюнешь!

Затѣмъ, обратившись къ бывшимъ въ церкви нѣсколькимъ извѣстнымъ горожанамъ, заявилъ, указывая на парней-оборванцевъ:

— Господа, не довѣряйте имъ: это—мнимые фламандцы, они предатели, подкупленные съ цѣлью навлечь на насъ несчастье, нищету и разоренье.

Потомъ снова обратился къ злоумышленникамъ:

— Эхъ, вы, ослиныя рожи, скажите-ка, откуда взялись у васъ деньги, которыя побрякиваютъ въ вашихъ котомкахъ? Или вы ужъ впередъ успѣли продать вашу кожу на барабаны?

— Ишь ты его, какой проповѣдникъ выискался!—говорили незнакомцы.

Затѣмъ они всѣ вмѣстѣ принялись кричать...

— А красивый нарядъ у Микэ! И корона у нея красивая! Отдадимъ-ка ихъ нашимъ подружкамъ.

Они начали, было, выходить, но тутъ одинъ изъ нихъ поднялся на кафедру и сталъ говорить шутовскую проповѣдь, тогда выходившіе вернулись съ крикомъ:

— Слѣзай, Микэ, слѣзай сама, покуда мы тебя не стащили внизъ. Яви чудо, покажи намъ, что не всегда тебя, лѣнивицу, носятъ, но что ты и ходить умѣешь.

Но, какъ ни кричалъ Уленшпигель, «Подстрекатели-погромщики, перестаньте говорить ваши гнусныя рѣчи, всякій грабежъ—преступленіе!» Они и не думали замолкать, напротивъ, слышались предложенія разбить клиросъ и заставить Микэ слѣзть.

Услыхавъ это, старушка—продащица свѣчей въ притворѣ, сыпнула нечестивцамъ въ глаза золою изъ горшка-грѣлки подъ ногами. Но старушку побили и швырнули на полъ, и тогда начался содомъ.

Явился въ церковь маркграфъ съ сержантами. Онъ убѣждалъ молящихся выйти изъ церкви, но такъ мягко, что только нѣкоторые послушались; другіе же говорили:

— Мы хотимъ сперва отстоять вечерню, дождаться акаѳиста пресвятой Дѣвѣ Маріи.

— Службы сегодня не будетъ,—увѣрялъ маркграфъ.

— Мы сами желаемъ отслужить акаѳистъ,—возразили неизвѣстные оборванцы.

Возразили и привели въ исполненіе свое желаніе въ самомъ храмѣ и на паперти. Нѣкоторые изъ нихъ въ это время играли

въ krieke-steenen—въ вишневая косточки, приговаривая: «Микэ, ты никогда не играешь въ раю, и скучаешь. Поиграй съ нами».

И, не переставая кощунственно задѣвать статую, они кричали, бранились и свистали.

Маркграфъ, притворяясь испуганнымъ, удалился. Всѣ церковныя двери, были заперты, кромѣ однѣхъ.

Неизвѣстные негодяи осмѣлѣли еще больше и вопили все громче. Простонародье, присутствовавшее въ храмѣ, не вмѣшивалось. И подъ сводами раздавался гулъ, словно послѣ стрѣльбы изъ сотни пушекъ.

И вотъ одинъ изъ негодяевъ, наружностью напоминавшій печеную луковицу и пользовавшійся, повидимому, вліяніемъ, поднялся на кафедру, сдѣлавъ своимъ знакъ рукой и сталъ говорить проповѣдь:

«Во имя Отца, Сына и Св. Духа», началъ онъ: «Троицы Единой безъ Лицъ и въ Трехъ Лицахъ Единой—Боже, избави насъ въ раю отъ ариѳметики—сего двадцать девятого августа вышла Микэ съ большой помпой, разряженная, на показъ господамъ и людемъ подневольнымъ ¹⁾ города Антверпена. Но по дорогѣ повстрѣчался Микэ дьяволъ, самъ сатана, и сказалъ ей этотъ сатана въ насмѣшку: «Ишь нарядилась, Микэ, словно королева, и несутъ ее баре, и не желаетъ она глядѣть на бѣднаго холопа сатану, который шествуетъ пѣшечкомъ». И отвѣтствуетъ ему Микэ: «Убирайся прочь, сатана, а не то я тебѣ, змѣй ты мерзкій, еще больнѣй наступлю на голову!» «Микэ», отвѣтствовалъ сатана: «вотъ ужъ тысяча пятьсотъ лѣтъ, какъ ты только тѣмъ и занимаешься, что наступаешь мнѣ на голову, но Святой Духъ, твой Владыка, меня вызволилъ. Я сильнѣй тебя, ты не будешь больше наступать на мою голову, и теперь я заставлю Тебя поплясать по моей дудкѣ». И взялъ сатана большой хлесткій кнутъ и ну стягать имъ Микэ, которая со страха и кричать-то не смѣла: боялась показаться трусихой. И вотъ пустилась она со всѣхъ ногъ удирать, и носильщикамъ-барамъ пришлось тоже пуститься рысью: нельзя же было допустить ее пасть въ своей золотой коронѣ и драгоценноотяхъ до чернаго народа. И стоитъ теперь Микэ смиренхонько, колотится отъ испуга на своемъ мѣстѣ да поглядываетъ на сатану. А тотъ сидитъ себѣ подъ самымъ куполомъ надъ боковымъ алтаремъ, держитъ кнутъ, потѣшается и говорить ей: «Постой, я еще разсчитаюсь съ тобой за кровь и слезы, пролитыя твоимъ именемъ! А что, Микэ, какъ ваше дѣвственное здорѣе? Видно придется тебѣ пе-

¹⁾ По-фламандски—Signorkes et pagaders.

реѣзжать. Перерубать тебя, ... деревянную статую, по-
поламъ, перерубать за то, что во имя твое сожигали на ко-
страхъ, вѣшали, зарывали въ землю не деревянные статуи,
а живыя изъ человѣческой плоти». Такъ говорилъ сатана и
говорилъ хорошо. И пора тебѣ слѣзть съ твоего мѣста,
кровавая Микэ, жестокая Микэ, совсѣмъ непохожая на своего
сына...

И вся толпа неизвѣстныхъ негодяевъ бранилась, кричала и
вопила:

— Микэ, Микэ, настала пора переѣзжать
Отдадимъ Брантъ доброму герцогу! Стаскивайте святыхъ
идоловъ! Кто желаетъ выкупаться въ Шельдѣ?! Дерево плаваетъ
въ водѣ лучше рыбы!

Народъ безмолвно слушалъ крикуновъ.

Но Уленшпигель, взойдя на каѣдру, принудилъ сойти съ
нея разглагольствовавшего негодяя и обратился къ народу:

— Что вы безнадежно помѣшанные что ли, лунатики или
отъявленные дураки?! Неужто не видите дальше своего носа и
не понимаете, что все это подстроено злодѣями-предателями?!
Они хотятъ взвести на васъ напраслину: обвинить въ оскверне-
ніи святыни и грабежѣ, объявить васъ бунтовщиками, вытрясти
добро изъ вашихъ сундуковъ, обрубить руки, ноги и живьемъ
спалить васъ! И король унаслѣдуетъ ваше имущество! Господа
и люди подневольные, не вѣрьте словамъ этихъ подстраивате-
лей чужого несчастья. Оставьте Божью Матерь неприкосновен-
ной на ея мѣстѣ, живите правильно, работайте, не унывая,
пользуйтесь въ свое удовольствіе вашими заработками и дохо-
дами. Черный бѣсъ разоренья не сводить съ васъ своего хищ-
наго ока и, учинивъ грабежъ и погромъ, накличетъ вражеское
войско; оно станетъ поступать съ вами, точно съ злодѣями-пре-
дателями и станетъ владычествовать надъ вами намѣстникъ
Альба. Принесетъ онъ вамъ съ собою инквизицію, лишеніе
всего имущества и смерть да еще и унаслѣдуетъ послѣ васъ,

— Ахъ,—убѣждалъ и Ламъ,—не безчинствуйте, господа и
люди подневольные, король и безъ того очень сердить. Дочка
вышивальщицы обо всемъ рассказала моему пріятелю Уленшпи-
гелю. Отнюдь не безчинствуйте же, господа!

Но за крикомъ вопившихъ негодяевъ народъ не могъ раз-
слышать этихъ увѣщаній.

Подстрекатели кричали:

— Мѣшокъ сюда, мѣшокъ и кончено дѣло, туда ее, надо
очистить мѣсто!

Уленшпигель, не покидая каѣдры, тщетно взывалъ:

— Господа и люди подневольные, не допускайте безчинства! Не накликайте на нашъ городъ разоренья!

Но его стащили съ кафедры, разорвали на немъ одежду и повредили ему лицо, несмотря на то, что онъ, отбиваясь, пустилъ въ ходъ и руки, и ноги. И весь въ крови онъ все-таки не переставалъ взывать:

— Не допускайте безчинства!

Но взывалъ понапрасну.

Неизвѣстные негодяи и уличный сбродъ ринулись на клиросъ, поломали рѣшетку подъ крики:

«Да здравствуютъ гѣзы!»

Начался полный погромъ. Къ полуночи этотъ обширный храмъ, вмѣщавшій въ себѣ семьдесятъ алтарей, много прекрасныхъ произведеній живописи и другихъ драгоценностей былъ пустъ, какъ орѣховая скорлупка безъ ядра. Алтари оказались поломаны, иконы сброшены на полъ и всѣ запоры и замки разбиты.

Учинивъ злодѣяніе, неизвѣстные погромщики отправились за тѣмъ же въ другія городскія церкви и часовни ¹⁾. Со свѣчами изъ храмовъ и факелами они рыскали повсюду.

Между прочимъ, не было между ними ни ссоръ, ни дракъ, и никто среди нихъ не былъ раненъ, невзирая на то, что во время погромовъ выламывали камни, разбивали деревянные и разныя другія вещи.

Явились они и въ Гаагу съ намѣреніемъ унести изъ храмовъ статуи и алтари, но ни въ Гаагѣ, ни въ другихъ мѣстахъ реформаты не принимали ни малѣйшаго участія въ погромахъ.

Въ Гаагѣ уполномоченные городского управленія освѣдомились у нихъ, ради чего они прибыли туда.

— О томъ, ради чего мы прибыли, — отвѣтили погромщики, — знаетъ наше сердце.

Уленшпигель, давно провѣдавъ объ этомъ вопросѣ и отвѣтъ, говорилъ, обращаясь къ горожанамъ:

— Позвольте доложить вамъ, господа и люди подневольные, зачѣмъ они сюда приплелись. Кто-то поручилъ имъ учинять всякія святотатства. И вотъ представьте себѣ: является ко мнѣ, въ мою избенку, разбойникъ-погромщикъ. Какъ, вы полагаете, я поступлю. Я поступлю, какъ гаагское городское управленіе. Снявъ шапочку, я скажу погромщику: «Милѣйшій мой разбойникъ, милостивый негодай, досточтимый мошенникъ, скажи,

¹⁾ Авторъ перечисляетъ эти храмы: Notre-Dame les Frères-Mineurs, les Franciscains, Saint-Pierre, Saint-André, Saint-Michel, Sains-Pierre-au Pot, le Bourg, les Fawkens, les Soeurs-Blanches, les Soeurs Grises, le Troisième-Ordre, les Prêcheurs. *Прим. переводч.*

пожалуйста, ради чего ты явился ко мнѣ. Онъ мнѣ скажетъ въ отвѣтъ, что о томъ, ради чего онъ соизволилъ явиться, знаетъ его жадное сердце. И я отдамъ ему всѣ ключи... Ищите, ищите, кому выгоденъ этотъ погромъ! Берегитесь Красной собаки! Преступленіе—налицо, за преступленіемъ надо ждать казни. Берегитесь Красной собаки! Большое каменное распятіе разбито. Берегитесь Красной собаки!

Верховный совѣтъ въ городѣ Малинѣ, черезъ посредство своего исполнительнаго органа, приказалъ не ставить никакихъ препятствій разбитію иконъ. «Жаль!»—говорилъ печально Уленшпигель: «Ничего не подѣлаешь, созрѣла жатва для испанскихъ косцовъ. Герцогъ, герцогъ ¹⁾ ужъ движется на насъ! Фламандцы, поднимается море, море мщенія! Бѣдныя женщины и дѣвушки, спасайтесь, преждевременныя могилы васъ ждутъ! Бѣдные мужчины, спасайтесь отъ висѣлицъ, отъ огня и меча! Филиппъ хочетъ довершить кровавое дѣло, начатое Карломъ. Отецъ сѣялъ смерть и изгнаніе. Сынъ поклялся лучше царствовать на кладбищѣ, чѣмъ надъ народомъ-еретикомъ. Спасайтесь, близки палачи и могильщики!

Простой народъ внималъ Уленшпигелю, и семьи сотнями начали покидать родные города, и по дорогамъ сплошной вереницей тянулись телѣги, нагруженные мебелью людей, отправляющихся на чужбину, въ добровольное изгнаніе.

И Уленшпигель бродилъ съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ Ламомъ, скорбящимъ и отыскивающимъ свою любовь.

А въ Дамѣ Нель плакала возлѣ обезумѣвшей Катлины.

XVI.

Въ ячменномъ мѣсяцѣ октябрѣ очутился Уленшпигель въ Гентѣ и увидалъ однажды графа д'Эгмонта. Тотъ въ компаніи съ настоятелемъ церкви Saint-Bavon возвращался домой послѣ какого-то пира. Вдругъ графъ замѣтилъ неизвѣстнаго человѣка, шедшаго рядомъ съ нимъ съ зажженнымъ факеломъ.

— Что ты хочешь отъ меня?

— Не дурного хочу, хорошаго,—отвѣчалъ Уленшпигель, хорошаго жду отъ фонаря, когда онъ зажженъ.

— Уходи прочь и оставь меня въ покоѣ,—сказалъ графъ.

— Я не уйду,—настаивалъ Уленшпигель.

— Не хочешь ли разокъ отвѣдать моего кнута?

— Готовъ хоть десять разъ отвѣдать, лишь бы только вста-

¹⁾ Герцогъ Альба.

вить вамъ въ голову такой фонарь, который смогъ бы освѣтить вамъ отсюда до самаго Эскуриала.

— Не надо мнѣ ни твоего фонаря, ни Эскуриала,—возразилъ графъ.

— Ладно,—не отставалъ Уленшпигель,—все горитъ во мнѣ, такъ хочется васъ предостеречь.

Затѣмъ, взявъ подъ уздцы графскую лошадь, которая брыкалась и становилась на дыбы, онъ промолвилъ:

— Господинъ графъ, обратите вниманіе, что теперь вы пляшете на вашей лошади, и ваша голова тоже пляшетъ у васъ на плечахъ. Но, говорятъ, король хочетъ положить конецъ этой пляскѣ, предоставитъ вамъ ваше тѣло, а вашу голову заставитъ плясать въ такихъ далекихъ странахъ, что вы ее оттуда потомъ ни за что не достанете. Позвольте мнѣ флоринъ, я вполне заслужилъ его.

— Кнута ты заслужилъ, если не уберешься съ дороги, скверный совѣтчикъ!

Графъ, я—сынъ Класа, за вѣру сожженнаго на кострѣ, и Сеткинъ, которая померла съ горя. Прахъ родительскій бьется на моей груди и говоритъ мнѣ, что господинъ д'Эгмонтъ храбрый воинъ, корпусный командиръ, можетъ двинуть свои трижды побѣдоносныя войска противъ Альбы.

— Уходи прочь,—отвѣчалъ господинъ д'Эгмонтъ, я—не предатель.

— Спаси землю нашу! Ты одинъ только и можешь,—молилъ Уленшпигель.

Графъ замахнулся кнутомъ на Уленшпигеля, но тотъ, не дожидаясь удара, отскочилъ въ сторону и бросился бѣжать съ крикомъ:

— Пользуйтесь фонарями, пользуйтесь фонарями, господинъ графъ! Спасайте нашу землю!

На другой день господинъ д'Эгмонтъ, прогуливаясь верхомъ, захотѣлъ пить и остановился передъ таверной *In'tbondt verken*—«Пестрая Свинья». Таверну эту держала миловидная бабенка, по прозвищу *Musekin*—«Мышка».

Приподнявшись на стременахъ графъ крикнулъ:

— Пить!

Уленшпигель, служившій у «Мышки», держа въ одной рукѣ высокій стаканъ, въ другой графинъ съ краснымъ виномъ, подошелъ къ графу.

Графъ, увидавъ его, молвилъ:

— А, это опять ты, воронъ-предвѣстникъ черныхъ бѣдъ.

— Господинъ графъ,—отвѣчалъ Уленшпигель,—если мое пред-

вѣщаніе и черно, то только отъ того, что плохо вымыто, а вотъ скажите мнѣ, отчего оно станетъ краснѣе: отъ вина ли, которое льется въ горло, или отъ крови, брызжущей изъ перерубленной шеи. Вотъ объ этомъ я и спрашивалъ мой фонарь.

Графъ ничего не отвѣтилъ, выпилъ, заплатилъ и уѣхалъ.

XVII.

Уленшпигель и Ламъ, верхами на осликахъ, полученныхъ ими отъ Симона Симонсена, человѣка, преданнаго принцу Оранскому, постоянно разъѣзжали, повсюду предупреждали людей зажиточныхъ о черныхъ замыслахъ короля крови и развѣдывали новости, приходившія изъ Испаніи.

Переодѣвшись крестьянами, они торговали овощами, перекочёвывая съ рынка на рынокъ.

Возвращаясь однажды съ брюссельскаго базара, увидали они въ одномъ каменномъ домѣ на Кирпичной Набережной, въ низкой, сводчатой комнатѣ красавицу-даму въ атласномъ платьѣ, цвѣтущую, съ пышной шейкой и веселымъ взглядомъ.

Она говорила своей молодой и свѣжей кухаркѣ.

— Возьмите, пожалуйста, еще масла и растопите на сковородѣ, я не люблю подгорѣлаго соуса.

— Уленшпигель заглянулъ въ окно и сказалъ:

— А я люблю всякіе: голодный желудокъ плохой привередникъ.

Дама оборотилась и обронила:

— Какой это тамъ простачокъ суется въ мои кухонныя дѣла?

— Ахъ, красавица-барыня,—отвѣчалъ Уленшпигель, если бъ вы пожелали подольше побыть въ компаніи со мною, я бы научилъ васъ особеннымъ кушаньямъ, есть такое рагу, странническимъ называется.

Потомъ, прищелькнувъ языкомъ, прибавилъ:

— Томить меня жажда.

— Жажда по чѣмъ?—спросила она.

— По тебѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Онъ—красивый мужчина,—замѣтила кухарка дамѣ, можно его впустить, пусть поразскажетъ о своихъ походахъ.

— Но вѣдь ихъ двое,—промолвила дама.

— Объ одномъ я позабочусь,—отозвалась кухарка.

— Вѣрно, сударыня, насъ двое,—снова началъ Уленшпигель,—я и мой бѣдный Ламъ, который, если бъ пришлось, ни за что не потащитъ на спинѣ сотню ливровъ ¹⁾, но въ животѣ съ

¹⁾ См. № 1 «Гол. Мин.», гл. X.

удовольствіемъ носить на пятьсотъ ливровъ всякихъ жаркихъ и напитковъ.

— Не насмѣхайся, голубчикъ, надо мною злополучнымъ, мнѣ и такъ не дешево обходится мое чрево,—усовѣщевалъ Ламъ.

— Сегодня оно тебѣ ни во что не обойдется,—обнадежила дама,—входите оба.

— Но,—прибавилъ Ламъ,—кромѣ насъ есть еще наши ослики, на которыхъ мы сидимъ.

— И овса тоже хватить въ конюшняхъ графа де Мегемъ,—разрѣшила; и этотъ вопросъ дама.

Кухарка, оставивъ сковороду, втянула во дворъ Уленшпигеля и Лама, сидѣвшихъ на осликахъ, начавшихъ немедленно ревѣть.

— Этотъ ревъ,—пошутилъ Уленшпигель,—салютъ въ честь будущей трапезы. Трубятъ на радостяхъ.

Когда оба сошли съ осликовъ, Уленшпигель спросилъ кухарку:

— Будь ты ослицей, захотѣла ль бы ты такого осла, какъ я?

— Будь я женщиной, захотѣла бы я парня съ веселымъ лицомъ.

— А кто жъ ты, если и не ослица, и не женщина? — поинтересовался Ламъ.

— Дѣвушка я,—отвѣчала она,—а честная дѣвушка—не женщина и ослицей ее тоже нельзя назвать,—вотъ и разумѣй, толстякъ этакій.

— Не вѣрь ей, пожалуйста,—увѣрялъ Уленшпигель Лама.— На половину она дѣвушка легкаго поведенія, а на четверть двухъ чертовокъ за поясъ заткнетъ. За ея плотскія шалости, ей ужъ уготовано на томъ свѣтѣ особое мѣсто: на постели рядомъ съ самимъ Вельзевуломъ.

— Злой насмѣшникъ,—сказала кухарка,—будь у тебя вмѣсто волосъ конская грива, не взяла бъ я ихъ и на подстилку.

— А я, я готовъ съѣсть твои волосы, не оставивъ на тебѣ ни волоска,—нашелся Уленшпигель.

— Золотой язычокъ!—умилилась дама. Да на что тебѣ всѣ женщины разомъ?

— Вовсе не всѣ,—отвѣтилъ Уленшпигель,—мнѣ довольно и тысячи, если можно вылить изъ нихъ одну такую, какъ вы.

Дама посовѣтовала:

— Сперва выпей кружку пива, съѣшь ветчинки, отвѣдай баранинки, пирожка, вотъ этого салата.

Уленшпигель, ставъ въ позу, скрестивши руки произнесъ спичъ:

— Хороша говядинка-ветчинка! хорошо пиво, божественный напитокъ! а баранинка—мясо деликатное, небесное! пирожокъ—

пальчики оближешь, язычок проглотишь; салатъ—жирная приправка, княжеская снѣдь! Но, да благословенъ будетъ тотъ, кому вы дадите закусить вашей красотой.

— Расщебетался какъ!—замѣтила дама.—Сначала поѣшь, бездѣльники!

— Не будемъ, значить, никого благословлять, не прочтя раньше предобѣденной молитвы, такъ что ли?

— Да такъ,—согласилась она.

Тогда Ламъ смущенно отозвался:

— Я ѣсть хочу.

— Ты поѣшь,—обнадежила его красавица-дама,—тебѣ, вѣдь, не надо ничего другого, кромѣ жаренаго мяса.

— Да, жаренаго мяса и свѣжаго тоже, какъ свѣжа была моя жена,—отвѣтилъ Ламъ.

Кухарка при этихъ словахъ насупилась. Тѣмъ не менѣе, они сытно поѣли и напились допьяна. И дама вдобавокъ въ ту же ночь дала Уленшпигелю поужинать, давала и на другой день и въ слѣдующіе дни.

Осликамъ полагалась двойная выдача овса, а Ламу двойная порція пищи. Цѣлую недѣлю онъ не выходилъ изъ кухни, думая о своей супругѣ, и, забавлялся кушаньями, а не кухаркой.

Это сердило кухарку, и та говорила, что не стоило, помышляя вѣчно о своей утробѣ, околачиваться на бѣломъ свѣтѣ и напрасно коптить небо.

Между тѣмъ Уленшпигель съ дамой окончательно подружались. И однажды она ему сказала:

— Тиль, не очень ты нравственный. Кто ты?

— Я—дитя, прижитое Счастливымъ случаемъ съ Удачнымъ Приключеніемъ.

— Не злословь, пожалуйста, самъ на свой собственный счетъ,—замѣтила она.

— Это я изъ страха, что другіе меня не похвалятъ,—возразилъ Уленшпигель.

— Станешь ли ты на защиту твоихъ гонимыхъ братьевъ?

— Прахъ Класа бьется на моей груди,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— Какъ ты красивъ!—восторгалась она,—кто такой этотъ Класъ?

— Мой отецъ, соженный за вѣру,—пояснилъ Уленшпигель.

— А не похожъ на тебя графъ де Мегемъ,—сравнила она;—онъ хочетъ обогреть кровью родину, которую я люблю: я—уроженка славнаго города Антверпена. Знай, что графъ сговорился

уже съ генераломъ изъ Брабанта Шейфомъ ввести въ Антверпенъ шесть отрядовъ пѣхоты.

— Объ этомъ я дамъ знать почтеннымъ господамъ и проворно, точно привидѣніе, предстану предъ ними.

Онъ такъ и сдѣлалъ, и на утро почтенные люди успѣли вооружиться.

А Уленшпигелю и Ламу пришлось, оставивъ своихъ осликовъ у фермера Симона Симонсена, скрываться отъ розысковъ графа де Мегема, который хотѣлъ найти ихъ и обоихъ повѣсить: ему донесли, что два еретика пили его вино и ѣли его хлѣбъ.

Онъ былъ ревнивъ и ревновалъ свою красавицу-жену, скрежетавшую отъ гнѣва зубами, плакавшую, и разъ двадцать падавшую въ обморокъ. Кухарка падала также, хотя и не такъ часто, какъ хозяйка, и заявляла, клянясь своимъ мѣстомъ въ раю и вѣчнымъ спасеньемъ своей души, что ни она, ни барыня ничего не дѣлали, только отдали, молъ, остатки отъ обѣда двумъ несчастнымъ странникамъ. И остановились тѣ странники подъ кухоннымъ окномъ, и сидѣли они на тщедушныхъ осликахъ.

И столько слѣзъ было пролито въ этотъ день, что полъ сталъ мокрымъ. Видя это господинъ де Мегемъ увѣрился, что онѣ не лгали.

Ламъ не рѣшался больше показываться у господина де Мегема, причиной тому была кухарка, прозавшая его «моя жена!»

И онъ скорбѣлъ, вспоминая о вкусной пищѣ. Но Уленшпигель, продолжавшій свои посѣщенія графскаго дома и прятавшійся на чердакѣ, постоянно приносилъ своему товарищу чего-нибудь вкуснаго.

На слѣдующій день вечеромъ графъ де Мегемъ признался своей красавицѣ-женѣ, что на разсвѣтѣ онъ рѣшилъ ввести въ Герцогенбушъ жандармскій корпусъ, которымъ командовалъ. Признавшись онъ заснулъ. Красавица-жена отправилась на чердакъ и разсказала объ этомъ Уленшпигелю.

XVIII.

Въ одеждѣ паломника, безъ денегъ и дорожной провизіи, немедленно отправился Уленшпигель въ Герцогенбушъ, съ цѣлью предупредить мѣстныхъ вліятельныхъ людей. Онъ рассчитывалъ достать въ пути лошадь у брата Симона Жерома, Прата; къ этому Прату у него были письма отъ принца. Оттуда предполагалъ пуститься вскачь кратчайшей дорогой до самаго Герцогенбуша.

Пересѣкая шоссе, увидалъ толпу идущихъ навстрѣчу солдатъ. Онъ страшно испугался за письма.

Но, рѣшивъ взглянуть смѣло въ глаза опасности, твердо ждалъ приближенія солдатъ: остановился и бормоталъ «Отче Нашъ». Когда они прошли мимо, онъ пошелъ за ними и узналъ, что имъ путь лежалъ въ Герцогенбушъ.

Шествіе открывалось валлонскимъ отрядомъ. Во главѣ отряда находился капитанъ Ламоть съ карауломъ, состоявшимъ изъ шести тѣлохранителей; затѣмъ еще эшелонъ съ меньшимъ карауломъ, въ зависимости отъ чина своего командира, потомъ судья, понятые и двое полицейскихъ, старшій караульный, обозная охрана, палачъ съ помощникомъ и музыканты, играющіе на флейтахъ и тамбуринахъ и производящіе чрезвычайный шумъ.

Потомъ фламандскій отрядъ въ двѣсти человѣкъ съ командиромъ и его помощникомъ. Отрядъ раздѣлялся на двѣ роты подъ командой унтеръ-офицеровъ; каждая рота дѣлилась на десятки подъ начальствомъ отдѣленныхъ. Впереди судей и палачей шли, какъ и въ первомъ эшелонѣ, флейтчики, тамбуринщики, и барабанщики и завывали.

За ними въ двухъ открытыхъ повозкахъ слѣдовали ихъ красивыя и удалыя подружки. Онѣ покатывались со смѣха, щебетали, словно малиновки, заливались по-соловьиному, плясали, стояли, лежали или ѣхали верхомъ.

Нѣкоторые изъ нихъ нарядились ландскнехтами, но въ костюмы изъ тонкаго, бѣлаго полотна, съ открытой шеей, короткими рукавами и панталонами, обнажавшими привлекательную плотъ. На головахъ у нихъ были тонкіе льняные чепчики, шитые золотомъ, съ прекрасными страусовыми перьями, развѣвающимися по вѣтру. Съ ихъ золотистыхъ полотняныхъ поясовъ, перевитыхъ краснымъ атласомъ свисали золотистые суконные чехлы для кинжаловъ. И ихъ башмаки, чулки, панталоны, куртки, аксельбанты, застѣжки были изъ золота и бѣлаго шёлка.

Другія также были одѣты ландскнехтами, но въ разноцвѣтныхъ полотняныхъ нарядахъ: синихъ, зеленыхъ, ярко-красныхъ, лазоревыхъ, малиновыхъ, съ разрѣзами, вышивкой и гербами, самыми фантастическими. И у всѣхъ на рукахъ, повыше локтя, имѣлся цвѣтной обручикъ—примѣта извѣстной профессіи.

Ноер-Wyfel—«дамскій надзиратель»—хотѣлъ, было, водворить среди нихъ тишину, но онѣ кокетливыми ужимками и шутками принудили его разсмѣяться и не думали повиноваться ему.

Уленшпигель въ одеждѣ пилигрима двигался сбоку двухъ отрядовъ, словно лодка рядомъ съ большимъ кораблемъ, и бормоталъ «Отче Нашъ».

Неожиданно Ламоть обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что ты идешь за нами, пилигримъ, куда направляешься?

— Господинъ командиръ,—отвѣтилъ проголодавшійся Уленшпигель,—совершилъ я какъ-то великій грѣхъ, и церковный судъ назначилъ мнѣ искусь: долженъ я былъ пѣшкомъ отправиться въ Римъ, испросить у св. Отца отпущеніе. И святой Отецъ отпустилъ мнѣ мое прегрѣшеніе. Очистившись отъ грѣховной скверны, воротился я на родину, но велѣно мнѣ было проповѣдывать въ пути воинамъ, всѣмъ ли вмѣстѣ или кому одному, какъ случится, заповѣдное слово Божіе, а за проповѣдь полагалось добροхотное даваніе хлѣбомъ и мясомъ. И вотъ велирѣчіемъ своимъ снискивалъ я насущное пропитаніе. Благоволите разрѣшить мнѣ на ближайшемъ привалѣ исполнить данный мною обѣтъ.

— Хорошо,—согласился господинъ де Ламоть.

Уленшпигель, братски замѣшиваясь то въ ряды валлоновъ, то фламандцевъ, постоянно ощупывалъ, цѣлы ли письма у него подъ фуфайкой.

Развязныя бабенки кричали ему:

— Пилигримъ, красавецъ пилигримъ, иди къ намъ, покажи намъ силу твоего мужского цѣломудрія!

Уленшпигель, подойдя къ нимъ, скромно сказалъ:

— По Богу сестрицы, негодится потѣшаться надъ несчастнымъ пилигримомъ. Прошелъ бѣдняга моря и доли и всюду возвѣщалъ святую вѣру воинамъ.

И онъ глазами пожиралъ ихъ женскія прелести.

Но неугомонныя дамы, высовывая изъ-подъ полотна фуры, свои оживленныя лица, не унимались:

— Больно ужъ ты молодъ читать солдатамъ проповѣди. Полѣзай на нашу повозку, мы научимъ тебя другимъ рѣчамъ, послаще твоихъ проповѣдей.

Уленшпигель съ удовольствіемъ внялъ бы ихъ голосамъ, еслибъ не боязнъ за свои письма. Ужъ двѣ изъ нихъ, высунувъ круглыя, бѣлыя руки за края повозки, старались втащить его на повозку. Но тутъ ревнивый «дамскій надзиратель», обратясь къ Уленшпигелю, промолвилъ:

— Только посмѣй помыслить объ этомъ, я тебя на кусочки изрублю.

И Уленшпигель отдалился отъ фуры, исподтишка поглядывая на свѣжихъ бабёнокъ, позолоченныхъ сверкавшимъ на дорогѣ солнцемъ.

Прибыли въ Берхемъ. Филиппъ де Ланнуа де Бовуаръ, командиръ фламандскаго эшелона, приказалъ сдѣлать привалъ.

Неподалеку оттуда находился довольно приѣмистый дубъ,

почти совсѣмъ лишенный вѣтвей, кромѣ единственнаго обломаннаго сука, на которомъ, мѣсяцъ тому назадъ, повѣсили одного анабаптиста.

Солдаты остановились. Откуда-то взялись маркитанты, стали продавать имъ хлѣбъ, вино, пиво, разныхъ сортовъ мясо. А неутомоннымъ бабѣнкамъ отпускали сахару, миндалю, пирожныхъ. Уленшпигелю, присутствовавшему при этомъ, захотѣлось еще больше ѣсть.

Вдругъ, точно обезьяна, взобравшись на дерево, онъ сѣлъ на толстый сукъ, на высотѣ футовъ семи надъ землею и принялся, согласно церковному благочинію, бичевать себя. Между тѣмъ солдаты и веселыя бабенки полукругомъ расположились вокругъ дуба.

— Во имя Отца, Сына и Св. Духа,—началъ онъ,—аминь. Въ писаніи сказано: кто подаетъ бѣднымъ, даетъ въ долгъ Богу. Христіанское воинство, и вы, прекрасныя дамы, любезныя подруги храбрыхъ воиновъ, одолжите Богу, т.-е. дайте мнѣ хлѣба, мяса, вина, пива, а если угодно, угостите и пирожными. У Господа Бога всего много, Онъ воздастъ вамъ за вашу доброту овсянками, сладкими винными рѣками, горами леденцовъ, кутьей, которую станете ѣсть въ раю серебряными ложками.

Потомъ, жалобнымъ тономъ прибавилъ:

— Не видите вы развѣ, какой жестокой самоказнью достается мнѣ прощеніе моихъ прегрѣшеній? Неужто не облегчите острой муки самобичеванія, отъ котораго у меня раны и спина въ крови.

— Кто онъ, этотъ сумасшедшій?—переговаривались солдаты.

— Друзья мои,—увѣрялъ Уленшпигель,—я не сумасшедшій, но кающійся и голодный грѣшникъ: съ одной стороны мой умъ скорбитъ о моихъ прегрѣшеніяхъ, съ другой—мой желудокъ оплакиваетъ свою пустоту, въ которой нѣтъ ни крошки жаркого. Да благословитъ Господь васъ, воины, и васъ, прекрасныя дѣвочки! Вижу я, запаслись вы и ветчинкой, и гусятиной, и колбасками, и виномъ, и пивомъ. Не поделитесь ли немного съ голодающимъ паломникомъ?

— Хорошо, хорошо, поделмся,—заговорили солдаты,—у этого пилигрима недурная рожа.

И всѣ принялись бросать ему кусочки разной снѣди, словно мячики. Уленшпигель не переставалъ говорить и ѣлъ, продолжая сидѣть на суку.

— Отъ голода,—разглагольствовалъ онъ,—черствѣетъ человѣкъ и дѣлается неспособнымъ къ молитвѣ, но послѣ ветчинки сразу куда-то исчезаетъ дурное настроеніе духа.

— Эй, ты, парень, забубенная головушка,—крикнулъ унтеръ и кинулъ ему полуполную бутылку съ пивомъ.

Уленшпигель, налету подхвативъ бутылку, сталъ пить маленькими глотками и приговаривать:

— Вреднѣйшая вещь для человѣческаго тѣла—сильный голодъ, но есть и еще для него гибельное несчастье: это—нерѣшительность, томленіе духа бѣднаго пилигрима. Получилъ онъ, напримѣръ, отъ щедрыхъ воиновъ подачку, отъ одного кусокъ ветчинки, отъ другого бутылку пива. Обыкновенно онъ парень трезвый, къ питью непривычный. И вотъ теперь боится выпить на почти пустой желудокъ, все опасается, какъ бы ему не захмелѣть.

Не успѣлъ окончить этой рѣчи, какъ снова подхватилъ налету гусиную лопатку и сказалъ:

— Право чудеса! Сидишь себѣ и занимаешься воздушной рыбной ловлей и вытаскиваешь невиданную луговую рыбу. Но ахъ! Уже и косточекъ отъ нея не осталось... Есть ли что-нибудь ненасытнѣе сухого песка. Только женщина бесплодная да пустой желудокъ.

Внезапно онъ почувствовалъ уколъ алебардой въ самое сѣдалище и услыхалъ солдатскій голосъ:

— А бараниной въ настоящее время пилигримы не брезгуютъ?

Уленшпигель увидалъ на остреѣ алебарды толстую баранью котлету. Снявъ ее за кончикъ длинной косточки, онъ сказалъ:

— А вотъ и вознагражденіе за уколъ! Кончикъ за кончикъ. Но мнѣ больше нравится кончикъ котлетки въ зубахъ, чѣмъ острее алебарды въ моихъ штанахъ. Высосавъ изъ косточки мозгъ, я сдѣлаю изъ нея флейту и буду славить на этой флейтѣ жалостливыхъ воиновъ. Но,—продолжалъ онъ разглагольствовать, обгладывая кость,—безъ закуски и обѣды не въ обѣды. Хороша сочная баранья котлетка, но не еще ли вкуснѣе она, когда за ней показывается благословенный ликъ сладенькой лепешечки?

Не успѣлъ сказать, какъ схватился за лицо: двѣ сладкихъ лепешки, пущенныхъ изъ группы развеселыхъ дамочекъ, прилипли ему одна къ глазу, другая къ щекѣ. Дамочки залились хохотомъ, а Уленшпигель отвѣчалъ:

— Покорно благодарю васъ, милыя дѣвочки, что угостили вы сахарными объятъями.

Но сахарныя лепешки свалились на землю.

Въ это время раздался барабанный бой, завизжали дудки и солдаты тронулись въ путь.

Господинъ де Бовуаръ приказалъ Уленшпигелю слѣзть съ дерева и итти рядомъ съ войскомъ, а тому, напротивъ, хотѣлось быть какъ можно подалеже отъ этого войска: онъ почувствовалъ изъ разговоровъ съ солдатами и по нѣкоторымъ кислымъ лицамъ, что его считаютъ подозрительнымъ, что, быть можетъ, станутъ обыскивать и, если найдутъ при немъ письма, чего добраго, еще и повѣсятъ.

Поэтому, нарочно свалившись въ оврагъ, онъ закричалъ:

Смилуйтесь, господа воины, сильно повредилъ ногу, не могу больше ходить, позвольте мнѣ сѣсть на повозку къ дѣвочкамъ.

Хотя такъ кричалъ, но прекрасно зналъ, что ревнивый «дамскій надзиратель» ни за что этого не допуститъ.

Дамочки же кричали ему съ повозки:

— Ну, что жъ, пилигримчикъ миленькій, иди къ намъ! Будемъ мы тебя любить, ласкать, угощать. Увидишь, въ одинъ день вылѣчимъ.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ,—соглашался онъ,—я знаю, что женщины для разныхъ ранъ лучше всякаго цѣлительнаго бальзама.

Но ревнивый «дамскій надзиратель» обратился къ господину Ламоту и сказалъ:

— Господинъ командиръ, я такъ полагаю, что этотъ самый пилигримъ все выдумываетъ на счетъ своей поломанной ноги, а на самомъ дѣлѣ хочетъ присосѣдиться на повозку, къ дѣвочкамъ. Прикажите, кинуть его, пусть остается здѣсь.

— Прекрасно, пусть остается.

И Уленшпигель остался во рву.

Нѣкоторые солдаты, повѣривъ, что паломникъ дѣйствительно сломалъ ногу, жалѣли, что потеряли весельчака. Они оставили ему мяса и вина дня на два. Дамочкамъ очень хотѣлось спуститься въ оврагъ и полѣчить тамъ бѣдняжку, но онѣ этого не могли, и бросали ему остатки лакомствъ.

Солдаты далеко ушли. Уленшпигель вынулъ изъ своего кармана пилигрима «ключъ отъ вольныхъ полей», купилъ лошадь и, словно вѣтеръ, по дорогамъ и тропинкамъ долетѣлъ до Герцогенбуша.

При извѣстїи о скоромъ прибытїи господъ Бовуара и Ламота, горожане въ числѣ восьмисотъ взяли за оружіе, избрали военачальниковъ и переодѣтымъ угольщикомъ послали Уленшпигеля въ Антверпенъ просить поддержки у Геркулеса-Гуляки Бредероде.

И солдатъ господъ де Ламота и де Бовуара не пустили въ Герцогенбушъ, городъ бдительный и готовый къ сильному отпору.

XIX.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ нѣкій врачъ Ажилеусъ далъ Уленшпигелю два флорина и письма, съ которыми нужно было отправиться къ Симону Прату. Симонъ Пратъ долженъ былъ сказать, что ему дѣлать.

У Прата Уленшпигель нашелъ столъ и домъ. Крѣпокъ былъ его сонъ и молодостью цвѣло его лицо. Пратъ, въ противоположность ему, былъ тщедушенъ, и что-то жалкое было въ общемъ обликѣ этого человѣка, и всегда онъ былъ погруженъ въ свои печальныя мысли. И Уленшпигель, просыпаясь иногда ночью, удивленно слушалъ удары молоткомъ.

Какъ бы рано не вставалъ онъ, неизмѣнно заставлялъ Симона Прата уже на ногахъ, и все жалъче становилось выраженіе его лица и печальнѣе просвѣтленный взглядъ, какой бываетъ у людей, готовящихся къ смерти или къ битвѣ.

Часто вздыхалъ Пратъ, складывая руки на молитву, и, казалось, постоянно былъ полонъ негодованія. Пальцы его, а также руки и рубашка были черны и сальны.

Уленшпигель рѣшилъ допытаться, чѣмъ объяснить ночные удары молотомъ, грязь на рукахъ и рубашкѣ и печаль на лицѣ Прата. И вотъ однажды вечеромъ, побывавъ въ тавернѣ «Голубой Гусь»—*Wlauwe Gans*—въ компаніи съ Пратомъ, очутившемся здѣсь противъ собственной воли, онъ притворился пьянымъ и съ такой сильной мухой въ головѣ, что ему, молъ, только въ пору дотащиться до подушки.

И Пратъ скорбно проводилъ его до дому.

Уленшпигель спалъ на чердакѣ, по сосѣдству съ котами. Кровать же Симона находилась въ самомъ низу, возлѣ погреба.

Продолжая притворяться пьянымъ, Уленшпигель, пошатываясь поднялся по лѣстницѣ, хватался за протянутую вверху веревку и сдѣлалъ видъ, что чуть было не свалился внизъ. Симонъ съ братской нѣжностью помогалъ ему. Уложивъ его, пожуривъ за неводержанность и попросивъ у Бога прощенія грѣшнику, онъ спустился, и вскорѣ Уленшпигель услышалъ знакомое постукиванье молотомъ, много разъ уже будившее его.

Безшумно вставъ съ постели, онъ босикомъ благополучно спустился по узенькимъ ступенькамъ и, пройдя всѣ семьдесятъ двѣ приступки, очутился у низкой полуприкрытой двери, изъ которой полосой струился свѣтъ.

Симонъ, пользуясь стариннымъ шрифтомъ временъ Лоренса Костерса, великаго пропагандиста печатнаго искусства, печаталъ летучіе листки.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ Уленшпигель.

Симонъ, испугавшись, отвѣтилъ:

— Если ты посланъ дьяволомъ и хочешь погубить меня, то ступай, доноси. Но, если тебя Богъ послалъ, то пусть ротъ твой будетъ тюрьмой твоему языку.

— Я отъ Бога,—успокоилъ Уленшпигель,—и совсѣмъ не хочу тебѣ зла. Что ты дѣлаешь?

— Печатаю Библію,—отвѣчалъ Симонъ.—Днемъ, ради пропитанія жены и дѣтей, я печатаю жестокіе и злые указы Его Величества, а ночью сѣю истинное слово Божіе, и тѣмъ исправляю свой дневной грѣхъ.

— Смѣлый ты,—промолвилъ Уленшпигель.

— Вѣрую я,—возразилъ Симонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ этой святой печатни распространилась Библія по Брабанту, Фландріи, Голландіи, Зеландіи, Утрехту, Сѣверному Брабанту, Верхнему Исселю, Гельдерну, распространялась до той поры, когда Симонъ былъ осужденъ на отсѣченіе главы и отдалъ жизнь за Христа и правду.

XX.

Однажды Симонъ сказалъ Уленшпигелю:

— Слушай, братъ, хватитъ у тебя смѣлости?

— Хватитъ,—отвѣтилъ Уленшпигель,—на то, чтобы хлыстомъ до-смерти проучить испанца, чтобы убить убійцу, уничтожить душегуба.

— Сумѣешь ли ты,—спросилъ печатникъ,—забравшись въ каминную трубу, терпѣливо слушать то, о чемъ говорятъ въ комнатѣ?

Уленшпигель завѣрилъ:

— Слава Богу, жилы у меня крѣпкія, икры тоже, и я, словно котъ, смогу долго высидѣть вездѣ, гдѣ захочу.

— Хватитъ ли у тебя терпѣнія и памяти?—освѣдомлялся заранѣе Симонъ.

— Прахъ Класа бьется на моей груди,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Слушай же,—продолжалъ печатникъ,—возьми эту игральную карту, перегнутую пополамъ, и отправляйся въ Дендермондъ, постучись тамъ два раза громко и одинъ разъ тихо въ дверь дома, вотъ съ него нарисованный снимокъ. Тебѣ отопрутъ и спросятъ, трубочистъ ли ты. Ты отвѣтишь, что ты худъ и карты не потерялъ. И покажешь ее. Затѣмъ сдѣлаешь, что нужно. Великое бѣдствіе нависло надъ фламандскою землею? Тебѣ покажутъ.

уже приготовленную и выметенную каминную трубу; въ ней ты найдешь крѣпкіе крюки, опору для ногъ и маленькую дощечку, достаточно надежно прилаженную, на которой можно сѣсть. Итакъ, когда тотъ, кто тебѣ откроетъ, скажетъ, чтобъ ты влѣзъ въ трубу, ты влѣзешь и будешь тамъ тихо сидѣть. Знатные господа соберутся въ комнатѣ передъ каминомъ, въ которомъ ты будешь находиться. Вотъ кто—эта знать: Вильгельмъ Молчаливый, принцъ Оранскій ¹⁾, графы—д'Эгмонтъ, де Горнъ, де Гугстритенъ и Людвигъ Нассаускій, храбрый братъ Молчаливаго. Мы—реформаты, желаемъ вѣдать о томъ, чего хотятъ и что могутъ предпринять эти вельможи для спасенія родины.

Перваго апрѣля Уленшпигель осуществилъ это порученіе и помѣстился въ трубѣ. Онъ былъ доволенъ, что не развели огня и подумалъ, что, пожалуй, безъ дыма слухъ окажется тоньше.

Вскорѣ дверь въ залъ распахнулась и его прохватилъ вѣтеръ. Но онъ не претендовалъ на сквознякъ, подбадривая себя тѣмъ, что вѣтеръ освѣжаетъ вниманіе.

Потомъ услыхалъ, какъ вельможи: Оранскій, д'Эгмонтъ и другіе вошли въ комнату. Они начали разговоръ о своихъ опасеніяхъ, о томъ, что гнѣвается король и что плохо распоряжается казна, при сборѣ податей. Одинъ изъ нихъ говорилъ строгимъ, надменнымъ и отчетливымъ тономъ. Уленшпигель его узналъ, узналъ онъ также по хриплому голосу Гугстритена, де Горна по его басовитости; графа Нассаускаго по твердости и воинственности выраженія; по медленной рѣчи Молчаливаго, который цѣдилъ слова, точно, прежде чѣмъ выговорить, взвѣшивалъ каждое свое слово на особыхъ вѣсахъ.

Графъ д'Эгмонтъ спросилъ, зачѣмъ собрались они вторично, тогда какъ въ Эллегатѣ у нихъ было достаточно досуга, и можно было рѣшить, что собственно имъ хотѣлось дѣлать.

Де Горнъ поддержалъ его:

— Время бѣжить, король гнѣвается, нельзя мѣшкать.

Тогда въ разговоръ вмѣшался Молчаливый:

— Страна въ опасности: нужно защищать ее противъ иноземнаго нашествія.

Д'Эгмонтъ загорячился и возразилъ, что онъ удивляется, почему могущественный король счелъ нужнымъ послать въ Ни-

¹⁾ Основатель независимости Нидерландовъ. Воспитывался при дворѣ Карла V-го и былъ назначенъ Филиппомъ II намѣстникомъ Голландіи, Утрехта и Зееланда. Послѣ смерти своего бездѣтнаго дяди Ренэ Нассаускаго получилъ въ наслѣдство княжество Оранжъ въ Провансѣ. Борьба Оранскаго съ Филиппомъ II окончилась (23 янв. 1579 г.) Утрехтской Уніей, въ силу которой была образована «Республика Соединенныхъ Нидерландовъ». *Примѣч. переводчика.*

дерланды войско, когда, благодаря усилиям дворянства и его собственным стараниям, въ странѣ все спокойно.

Тутъ Молчаливый замѣтилъ:

— У Филиппа въ Нидерландахъ четырнадцать полковъ, во всѣхъ этихъ полкахъ солдаты преданы тому, кто командовалъ подъ Гравелиномъ и С.-Кантенемъ.

— Я васъ не понимаю,—промолвилъ д'Эгмонтъ.

Принцъ прибавилъ:

— Я не хочу больше ничего разяснять, но будутъ прочтены вамъ и всѣмъ собравшимся вельможамъ нѣкоторыя письма. Начнемъ сперва съ писемъ бѣднаго заключеннаго въ тюрьму Монтиньи.

Въ этихъ письмахъ, между прочимъ, Монтиньи писалъ:

«Король чрезвычайно разгнѣванъ по поводу всего того, что произошло въ Нидерландахъ, и онъ въ свое время покараетъ зачинщиковъ безпорядковъ».

На это графъ д'Эгмонтъ сказалъ, что очень холодно, и что не мѣшало бы развести большой огонь въ каминѣ. Его желаніе было исполнено подъ говоръ двухъ вельможъ по поводу полученныхъ писемъ.

Огонь не разгорался и потухъ, потому что въ трубѣ оказалась большая закупорка, и комната наполнилась дымомъ.

Тогда графъ Гугстритенъ, кашляя, прочелъ письма, пришедшія отъ Алавы, испанскаго посланника, адресованныя правительницѣ.

«Посланникъ», сказалъ онъ, «пишетъ, что вся смута въ Нидерландахъ проистекаетъ отъ трехъ лицъ, а именно: отъ господъ Оранскаго, д'Эгмонта и Горна. Нужно, прибавлялъ посланникъ, быть любезными съ этими господами и сказать имъ, что король признаетъ, что только благодаря ихъ вѣрной службѣ держитъ въ повиновеніи эти страны. Что же касается двоихъ: Монтиньи и де Бергеса, то они находятся тамъ, гдѣ слѣдуетъ».

— Ахъ,—говорилъ себѣ Уленшпигель,—я выберу лучше дымный каминъ въ землѣ фландрской, чѣмъ провѣтренную тюрьму въ странѣ Испанской: тамъ изъ сырыхъ стѣнъ вырастаютъ готовыми петли для висѣлицъ.

Вышеупомянутый посланникъ сообщалъ слова короля, сказанныя имъ въ городѣ Мадридѣ:

«Вслѣдствіе всего происшедшаго въ Нидерландахъ, нашъ королевскій авторитетъ уменьшился, служба Божія унижена, и мы скорѣе готовы поставить подъ оружіе всѣ наши прочія владѣнія, чѣмъ оставить безнаказаннымъ подобное бунтарство. Мы рѣшили лично отправиться въ Нидерланды и просить помощи у Папы и Императора. Подъ покровомъ теперяшняго зла покоится

будущее добро. Мы приведемъ Нидерланды къ полному намъ повиновенію и передѣлаемъ по-своему въ этомъ государствѣ религію и правительство».

— Ахъ, Филиппъ король, Филиппъ король, если бъ я могъ по своему вкусу тебя передѣлать, то подь моей фламандской палкой претерпѣли бы великое измѣненіе твои бедра, руки и ноги. Приколотилъ бы я тебѣ двумя гвоздями голову къ спинѣ и посмотрѣлъ бы, какъ бы ты въ такомъ положеніи, глядя на кладбище позади себя, пѣлъ въ свое удовольствіе пѣсню о безудержномъ своемъ тиранствѣ.

Принесли вина. Де-Гугстритенъ поднялся и молвилъ:

— Пью за Нидерланды!

Всѣ послѣдовали его примѣру, а онъ, опорожнивъ свой кубокъ, пустымъ поставилъ его на столъ и прибавилъ.

— Скорбный часъ насталъ для бельгійскаго дворянства. *Надо подумать о средствахъ самозащиты*,—ожидая отвѣта онъ смотрѣлъ на д'Эгмонта, но тотъ не произносилъ ни слова.

Тутъ заговорилъ Молчаливый:

— Мы окажемъ сопротивление, если д'Эгмонтъ, заставившій дважды, подь С.-Кантенемъ и Гравелиномъ, трепетать Францію, д'Эгмонтъ, пользующійся неограниченнымъ вліяніемъ надъ фламандскими солдатами, захочетъ притти къ намъ на помощь и помѣшать Испанцу войти въ нашу страну.

Графъ д'Эгмонтъ возразилъ:

— Я слишкомъ почтеннаго мнѣнія о королѣ, и не полагаю, чтобы намъ слѣдовало, въ качествѣ мятежниковъ, выступать противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Пусть тѣ, кто опасаются его гнѣва, удалятся. Я останусь на своемъ посту, не имѣя возможности жить безъ его помощи.

— Филиппъ сумѣетъ жестоко отомстить,—промолвилъ Молчаливый.

— Ничего, я полагаюсь на него,—возразилъ д'Эгмонтъ.

— Вмѣстѣ съ головой полагаетесь, да?—спросилъ Людвигъ Нассаускій.

— Съ головой и тѣломъ моя преданность ему—подтвердилъ д'Эгмонтъ.

Возлюбленный и вѣрный другъ, я поступлю, какъ ты,—сказалъ де-Горнь.

Молчаливый предостерегъ:

— Нужно быть дальновидными и ни минуты не медлить.

Тогда графъ д'Эгмонтъ заговорилъ сурово и страстно:

— Въ Грамонѣ я приказалъ повѣсить двадцать два реформата. Если прекратится религіозная пропаганда, если будутъ наказаны

ниспровергатели иконъ, то, можно надѣяться, гнѣвъ короля уляжится.

Молчаливый осторожно высказался:

- Иногда надежды бываютъ неосновательными.
- Вооружимся довѣріемъ,—стоялъ на своемъ д'Эгмонтъ.
- Вооружимся довѣріемъ,—согласился съ нимъ де-Горнъ.
- Не довѣріемъ нужно вооружаться, а желѣзнымъ оружіемъ,—настаивалъ де-Гугстритенъ.

При этихъ словахъ Молчаливый кивнулъ въ знакъ того, что собирается уходить.

- Прощайте, безземельный принцъ,—сказалъ д'Эгмонтъ.
- Прощайте, безголовый графъ, нашелся Молчаливый.

Людвигъ Нассаускій промолвилъ:

- Мясникъ созданъ для барана, а слава для воина, спасителя земли праотцевъ!
- Я этого не могу, я этого не хочу,—протестовалъ д'Эгмонтъ.
- Да падетъ кровь жертвъ,—сказалъ Уленшпигель,—на голову куртизана.

Вельможи разошлись.

Тогда Уленшпигель вылъзъ изъ трубы и немедленно отправился съ новостями къ Прату. Тотъ, выслушавъ, сказалъ:

- Д'Эгмонтъ—предатель. Съ принцемъ же—самъ Богъ.

Герцогъ Альба!—Герцогъ Альба въ Брюсселѣ! Ахъ, почему у брюссельскихъ денежныхъ кассъ нѣтъ крыльевъ?!

Конецъ второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Молчаливый выступаетъ въ походъ, съ нимъ Господь.

Два графа уже схвачены. Альба общается Молчаливому милости и прощеніе, если тотъ явится къ нему.

Узнавъ эту новость, Уленшпигель сказалъ Ламу:

- Эхъ-ма! Герцогъ, по настоянію главнаго прокурора, отложилъ на трижды двѣ недѣли явку принцу Оранскому, его брату Людвигу, Гугстритену, Ванъ-денъ-Бергу, Гулембургу, де-Бредероде и другимъ друзьямъ принца; отложилъ и общается имъ судъ правый и милосердный. Слушай Ламъ, эта отсрочка похожа

на то, какъ однажды какой-то амстердамскій еврей обѣщалъ подождать и не выкидывать на улицу своего должника-врага. И что же оказалось, въ одинъ прекрасный день давшій отсрочку очутился на мостовой, а просившій отсрочки остался у окна.

— Ну, что же ты, — взывалъ отсрочившій, — спускайся ко мнѣ, и я тебя такъ ударю по головѣ, что она вѣдетъ въ грудь, и ты будешь глядѣть сквозь собственныя ребра, словно воръ черезъ тюремную рѣшетку.

Получившій отсрочку на это отвѣчалъ:

— Обѣщай мнѣ хоть въ сто разъ больше разныхъ благъ, я и то не спущусь. Такъ вотъ могли бы отвѣтить и Оранскій съ своими пріятелями. Оказывается, они такъ и поступили, отказавшись явиться. Д'Эгмонтъ и Горнъ не послѣдовали ихъ примѣру. А извѣстно, что слабый, неисполнившій своего долга, навлекаетъ на себя десницу Божию.

II.

Въ это время на Лошадиномъ рынкѣ въ Брюсселѣ отсѣкли головы вельможамъ д'Анделотъ, дѣтямъ Баттенбургскаго и другимъ славнымъ и храбрымъ дворянамъ, предполагавшимъ овладѣть Амстердамомъ, путемъ нападенія на него врасплохъ.

Въ количествѣ восемнадцати человекъ, подъ барабанный бой спереди и сзади, шли они на казнь всю дорогу съ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній.

И сопровождавшіе ихъ испанскіе солдаты съ пылавшими факелами жгли имъ тѣло въ разныхъ мѣстахъ. Когда же обреченные начинали отъ боли жестикулировать, грубые солдаты издѣвались:

— Ага, господа лютеране, видно не хочется вамъ сгорѣть слишкомъ рано?

И предатель, по имени Дирикъ Слосъ, доставилъ ихъ въ Анкюйзъ, остававшійся до тѣхъ поръ католическимъ, для передачи въ руки герцогскихъ полицейскихъ.

И они мужественно умерли.

И король послѣ нихъ получилъ наслѣдство.

III.

— Видѣлъ ты его, какъ онъ проѣзжалъ, — спросилъ одѣтый дровосѣкомъ Уленшпигель Лама, облеченнаго въ подобное же одѣяніе. — Видѣлъ ли ты мерзкаго герцога со скошеннымъ, какъ у орла, лбомъ, съ длинной жидкой бородой, похожей на обрывокъ веревки на висѣлицѣ? Пусть Господь задушитъ его этой бородашкой! Разглядѣлъ ли ты его, этого паука съ длинными мохнатыми

лапами, паука, которого изрыгнулъ изъ себя сатана и выплюнулъ прямо на нашу землю. Идемъ, Ламъ, идемъ, давай бросать камни въ его паутинныя кросна.

— Охъ,—отозвался Ламъ, сожгутъ насъ живьемъ.

— Идемъ, другъ мой милый, въ Гренандалъ ¹⁾! Идемъ въ Гренандалъ! Тамъ есть прекрасный монастырь, въ который Его Пауковое Высокогерцогство ходитъ просить у милосерднаго Господа Бога позволенія выполнить до конца свое дѣло, т.-е. повеселить нечистую силу людской мертвечиной. Сейчасъ у насъ Великій постъ, и Его Герцогская Свѣтлость признаетъ посты, но не желаетъ воздерживаться отъ крови. Идемъ Ламъ, вокругъ дома господина д'Оэна пятьсотъ человѣкъ охраны, всѣ вооружены и всѣ на коняхъ. Триста нашихъ пѣхотинцевъ двинулись небольшими отрядами и вошли уже въ «Бережённый лѣсъ»—la forêt de Soignes ²⁾).

Вотъ теперь, какъ разъ во время говѣнья Альбы, мы наскочимъ на него, схватимъ, посадимъ въ расчудесную желѣзную клѣтку и отошлемъ принцу.

Но Ламъ, дрожа отъ ужаса и безпокойства, промѣлвилъ:

— Страшно опасно, голубчикъ! Страшно опасно! Я съ удовольствіемъ бы вмѣстѣ съ тобой пустился въ это дѣло, если бы только не былъ я такъ слабъ на ноги, да и животъ мой черезчуръ раздутъ противнымъ кислымъ пивомъ, которое пьютъ въ этомъ городѣ Брюсселѣ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ землянкѣ, въ самой чащѣ лѣса. Вдругъ точно затравленные собаки, выглянувъ изъ своего логовища, они увидали сквозь опавшій листъ желтыя и красныя куртки герцогскихъ солдатъ и блестящее на солнцѣ оружіе. Люди эти, пѣшіе, шли по лѣсу.

— Насъ кто-нибудь выдалъ,—произнесъ Уленшпигель.

Когда солдаты скрылись изъ виду, онъ бѣгомъ пустился до Оэна. Солдаты пропустили его. Остаться незамѣченнымъ ему помогъ костюмъ дровосѣка и вязанка дровъ на спинѣ. Добѣжавъ до мѣста, онъ нашелъ кавалерію наготовѣ. Сообщилъ новость. Всѣ успѣли разсѣяться и спастись, за исключеніемъ дворянина де Бозара д'Армантіера, котораго схватили. Что же касается пѣхотинцевъ, прибывшихъ изъ Брюсселя, то ни одинъ изъ нихъ не попался. Дворянинъ де Бозаръ жестоко поплатился за всѣхъ прочихъ.

И гнусный предатель, изъ полка подъ командой Ликеса, ихъ всѣхъ предалъ.

¹⁾ Groenendael—мѣстечко въ часѣ ходьбы отъ Брюсселя. *Примѣч. переводчика.*

²⁾ Возлѣ Гренандала. *Примѣч. переводчика.*

Съ тоскою и ужасомъ въ сердцѣ отправился Уленшпигель на Звѣриный рынокъ въ Брюссель смотрѣть на свирѣпую казнь де Бозара.

И несчастнаго д'Армантіера посадили на колесо и дали ему тридцать ударовъ желѣзнымъ ломомъ по колѣнамъ, плечамъ, рукамъ и ногамъ: дробили членъ за членомъ, потому что палачи хотѣли видѣть жестоку муку своей жертвы.

И тридцать первый ударъ казнимый получилъ въ грудь и отъ этого удара онъ умеръ.

IV.

Въ свѣтлый и тихій іюньскій день въ Брюсселѣ на рынкѣ передъ городскимъ домомъ воздвигли эшафотъ, обтянули его чернымъ сукномъ и помѣстили на немъ двѣ плахи, утыканныя желѣзными пиками. На эшафотѣ положили двѣ черныхъ подушки и поставили на маленькомъ столикѣ серебряное распятіе.

И на этомъ эшафотѣ казнили на смерть мечомъ знатныхъ господъ, графовъ д'Эгмонта и де Горна. И король получилъ послѣ нихъ наслѣдство.

И посланникъ Франциска, именуемаго первымъ, сказалъ, говоря о д'Эгмонтѣ:

— Я только что видѣлъ, какъ отрубили голову тому, который два раза заставилъ Францію дрожать отъ страха.

И головы графовъ были воткнуты на желѣзныя острия пики.

И Уленшпигель промолвилъ, обратившись къ Ламу:

— На тѣла и кровь набросили черный суконный покровъ. Благословенны тѣ, кто въ грядущіе черные дни, воодушевятся и поднимутъ мечи свои!

V.

Въ это время Молчаливый собралъ войско и съ трехъ сторонъ вторгся въ Нидерланды.

И Уленшпигель въ Маренгутѣ, на собраніи «дикихъ Гёзовъ»¹⁾ говорилъ:

— По наущенію господъ инквизиторовъ король Филиппъ объявилъ, что будетъ присуждать въ Нидерландахъ всѣхъ и каждаго, виновнаго въ оскорбленіи величества, въ еретичествѣ завѣдомомъ или въ поблажкѣ еретикамъ—а преступленіе, молъ, это сквернѣйшее—къ наказаніямъ, установленнымъ за подобныя злодѣянія. При этомъ онъ оговорился: будетъ карать, невзирая

¹⁾ Гёзовъ не-дворянъ. Примѣч. переводчика.

на полъ и возрастъ, кромѣ случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ, и нечего никому надѣяться на снисхожденіе. Въ довершеніе всего король является наслѣдникомъ имущества своихъ жертвъ. И вотъ смерть косить людей въ богатой и обширной странѣ. Границы ея составляютъ: Сѣверное море, графство Эмденское, потомъ области: Вестфалія, Клеве, Юлихъ, Льежъ, Кельнское и Трирское епископство, Лотарингія и Франція. Смерть косить народъ на пространствѣ трехсотъ сорока миль, въ двухстахъ обнесенныхъ стѣнами городахъ, въ деревняхъ, на укрѣпленныхъ возвышенностяхъ и въ долинахъ. И король наслѣдуетъ.

И для этой косьбы нехватаетъ одиннадцати тысячъ палачей, называемыхъ Альбой солдатами. И родная земля сдѣлалась мертвецкой, изъ которой бѣгутъ искусство, ремесла, промышленность и отправляются за границу обогащать чужія страны, гдѣ совѣсть свободна и можно безнаказанно почитать Господа Бога. Смерть и Разореніе косятъ и косятъ. Король наслѣдуетъ. Наши земли пріобрѣтали свои привилегіи. Онѣ откупались у нуждавшихся принцевъ за деньги. Онѣ надѣялись, что въ силу договоровъ, заключенныхъ съ государями, будутъ безвозбранно пользоваться плодами своихъ богатствъ и трудовъ. Но расчеты ихъ не оправдались: вышло, что каменщикъ трудится только для пожара, рабочій—для вора. Король наслѣдуетъ.

Кровь и слезы! Смерть косить на кострахъ; на деревьяхъ, превратившихся въ висѣлицы по большимъ дорогамъ; въ открытыхъ могилахъ, въ которыя живьемъ кинули бѣдныхъ дѣвушекъ; въ тюремныхъ колодцахъ, мѣстахъ общаго потопленія, въ кругахъ изъ зажженной подтопы, среди которыхъ сгораютъ на маломъ огнѣ осужденные; въ пылающихъ соломенныхъ шалашахъ, гдѣ жертвы гибнутъ въ огнѣ и дыму.

И все это по волѣ Римскаго папы.

Шпіоны душатъ цѣлые города въ ожиданіи поживы на счетъ своихъ жертвъ. Чѣмъ больше человѣкъ богатъ, тѣмъ большимъ преступникомъ онъ является. Король наслѣдуетъ.

Но довольно! Храбрые мужчины въ землѣ нашей не позволять больше душить себя, словно ягнятъ. Среди обратившихся въ бѣгство попадаютъ люди вооруженные, ищущіе убѣжища въ лѣсахъ. Монахи успѣли уже донести, кому слѣдуетъ, на этихъ людей. У монаховъ расчетъ ясенъ, тѣхъ, на кого донесли, убьютъ, а имущество убитыхъ достанется доносчикамъ. И вотъ, днемъ и ночью цѣлыми шайками, словно дикіе звѣри, нападаетъ затравленный народъ на монастыри, отбираетъ у нихъ деньги, награбленные у бѣдняковъ подъ видомъ свѣчей, дорогихъ ракъ, золотыхъ и серебряныхъ дароносицъ, дисковъ, драгоценныхъ со-

судовъ. И что же вы думаете, мои милые! Народъ распиваетъ въ монастыряхъ вино, хранимое раньше монахами для ихъ собственнаго потребленія. Сосуды драгоцѣнные расплавляются или обмѣниваются на деньги, необходимыя для священной войны. Да здравствуютъ Гёзы!

Они тревожатъ королевскихъ солдатъ, убиваютъ ихъ, затѣмъ скрываются въ свои землянки. Днемъ и ночью въ лѣсахъ то вспыхиваютъ, то потухаютъ огни, безпрестанно переходя съ мѣста на мѣсто. Это наши праздничные огни. Намъ теперь достается и сама дичь и пухъ, и перья. Теперь мы господа. Крестьяне даютъ намъ, когда мы того ни пожелаемъ, хлѣба и сала. Ламъ, погляди на нихъ. Оборванные, одичалые, съ рѣшимостью и гордымъ видомъ, они бродятъ по лѣсамъ съ топорами, алебардами, длинными мечами, мушкетами. И все это оружіе идетъ имъ на потребу, и они сами себѣ голова и не желаютъ итти ни подъ чьей командой. Да здравствуютъ Гёзы!

И Уленшпигель запѣлъ:

Въ барабанъ ударьте,
Въ барабанъ военный!
Герцога терзайте, выпустите кишки,
Полосните ими по лицу убійцу!
Въ барабанъ ударьте!
Герцога сгубите!..
Да будетъ онъ проклятъ!
Герцога сгубите,
Собакамъ отдайте,
Лютою казните разбойника смертью.
Да здравствуютъ Гёзы!
За языкъ повѣсьте:
Не раздастся больше
Команда злодѣя.
За руку повѣсьте:
Не подпишетъ больше
Та рука безчестья,
Не осудитъ на смерть та рука за правду.
Въ барабанъ ударьте,
Въ барабанъ военный!
Да здравствуютъ Гёзы!
Живьемъ погребите
Палача въ могилѣ.
Съ трупами погибшихъ
Его вы заройте.
Пусть погибнетъ смертью
Заразной, зловонной!
Господи Иисусе! Съ небеси ты вѣзри
На насъ горемычныхъ.
Петли не страшимся,
Меча не боимся,
За слово Господне
Душу класть готовы.
Душу класть готовы
За свободу нашу,
За землю родную.

Въ барабанъ ударьте,
Въ барабанъ военный!
Да здравствуютъ Гёзы!¹⁾

И всѣ присутствовавшіе пили и кричали:

— Да здравствуютъ Гёзы!

И Уленшпигель пилъ изъ золоченаго монастырскаго кубка и съ гордостью взиралъ на отважныя лица «дикихъ Гёзовъ».

— Пушные люди!—обратился онъ къ нимъ,—вы—волки, львы, тигры. Пожрите же собакъ короля крови!

— Да здравствуютъ Гёзы!—отвѣчали они и запѣли:

Въ барабанъ ударьте,
Въ барабанъ военный!
Да здравствуютъ Гёзы!..

VI.

Уленшпигель находился въ Ипрѣ и набиралъ охотниковъ—солдатъ для принца. Полиція герцога преслѣдовала его, и онъ поступилъ церковнымъ сторожемъ къ настоятелю церкви св. Мартина, получивъ себѣ въ помощники звонаря, страшно трусливаго, огромнаго росту верзилу. Звали этого верзилу Помпилій Нюманъ. По ночамъ онъ принималъ свою тѣнь за дьявола, а свою рубашку за привидѣніе.

Настоятель былъ упитанный, съ широчайшимъ хребтомъ, точно фаршированная пулярка, готовая сѣсть на вертелъ. Уленшпигель вскорѣ воочію убѣдился, гдѣ паслось его преподобіе, что могло нагулять столько жиру. Звонарь ему рассказывалъ, да и собственными глазами онъ видѣлъ, что настоятель обѣдалъ въ девять часовъ, ужиналъ въ четыре. Въ постели оставался до половины девятаго; потомъ, передъ обѣдомъ, отправлялся

¹⁾ Battez le tambour!
Battez le tambour de guerre!
Qu'on arrache au duc ses entrailles!
Qu'on lui en fouette le visage!
Que le duc soit maudit! A mort le meurtrier!
Qu'il soit livré aux chiens! A mort le bourreaux! Vive le gueux!
Qu'il soit pendu par la langue
Et par le bras, par la langue qui commande
Et par le bras, qui signe l'arrêt de mort.
Battez le tambour de guerre. Vive le gueux!
Que le duc soit enfermé vivant avec les cadavres des victimes!
Que dans la puanteur,
Il meure de la peste des morts!
Battez le tambour de guerre. Vive le gueux!
Christ, regarde d'en haut tes soldats,
Risquant le feu, la corde,
Se glaive pour ta parole.
Il veulent la délivrance de la terre des pères.
Batter le tambour de guerre! Vive le gueux!

прогуляться въ церковь, а кстати и взглянуть, полны ли кружки для бѣдныхъ. И половина содержимаго этихъ кружекъ попадала въ его мошну. Въ десять часовъ онъ обѣдалъ: выпивалъ большую чашку молока, съѣдалъ полъ бараньей котлеты, небольшой паштетъ изъ цапли и опорожнялъ пять высокихъ бокаловъ брюссельскаго вина. Въ десять часовъ, посасывая черносливъ и поливая его орлеанскимъ виномъ, молился Богу, да не введетъ Творецъ своего раба въ обжорство. Въ полдень, отъ нечего дѣлать, на зубахъ у него хрустѣло крылышко пулярки и ея гузка. Въ часъ, подумывая объ ужинѣ, онъ опрокидывалъ большую чару испанскаго вина. Затѣмъ, вытянувшись на кровати, освѣжался въ объятіяхъ небольшого Морфейчика.

Проснувшись, для возбужденія аппетита, отвѣдывалъ чуточку соленой семги и осушалъ огромный бокалъ антверпенскаго доппель-кноля—*dobbel-knol*. Потомъ спускался въ кухню, садился передъ пылавшей печью и смотрѣлъ, какъ жарятся и румянятся для монастырской братіи толстые куски шельтины или хорошенько ошпаренный поросенокъ; а вкусенъ поросенокъ, вкуснѣ простой сайки. Но его преподобіе не ощущалъ особеннаго аппетита и созерцалъ вертель, который, словно бы чудомъ, вертѣлся безъ посторонней помощи. Это чудо было дѣломъ рукъ кузнеца, Питера ванъ Стинкиста, проживавшаго въ куртрэскомъ кастелянствѣ. За такой хитрый вертель настоятель заплатилъ пятнадцать парижскихъ ливровъ.

Затѣмъ его преподобіе снова ложился на постель и, вздремнувъ по причинѣ усталости, просыпался около двухъ часовъ для того, чтобы проглотить капельку поросячьяго студню и запить его дорогимъ романскимъ виномъ, бочка котораго стоила двѣсти сорокъ флориновъ. Въ три часа онъ кушалъ засахаренную въ мадерѣ птичку и опорожнялъ два стакана мальвазіи, стоимостью семнадцать флориновъ боченокъ. Въ три съ половиною часа, онъ принималъ въ себя полбанки варенья и орошалъ его медкомъ. Окончательно проснувшись къ этому времени, онъ, охвативъ колѣни обѣими руками, предавался задумчивому отдыху.

Наступала пора ужина. Приходилъ батюшка изъ церкви св. Ивана, не забывавшій въ этотъ питательный часъ отца настоятеля своими посѣщеніями. Они иногда соревновали, кто больше съѣстъ рыбы, домашней птицы, дичи и говядины. И наѣдавшійся быстрѣе долженъ былъ вознаградить другого блюдомъ жареной и пряной свинины, поданной съ семью различными овощами.

За ѣдой и питьемъ они болтали объ еретикахъ, держась того мнѣнія, что, сколько не истребляй нечестивцевъ, все оказывается мало. Между прочимъ, никогда между ними не выходило ссоръ,

исключая того случая, когда поднимался споръ о тридцати девяти различныхъ способахъ приготовленія пивного супа.

Наконецъ, склонивъ свои почтенныя головы на свои жреческіе животы, они начинали храпѣть. Иногда, полупроснувшись, кто-нибудь изъ нихъ изрекалъ, что жизнь вещь пріятная въ семь мірѣ и бѣдные люди напрасно на нее жалуются.

И вотъ у этого святого человѣка Уленшпигель сдѣлался церковнымъ сторожемъ. Прислуживалъ ему въ церкви и не безъ того, чтобы три раза не наполнить сосудецъ для себя, а одинъ разъ для настоятеля. Звонарь Помпилиусъ Нюманъ, помогая сторожу, при случаѣ также поступалъ съ сосудцемъ.

Уленшпигель, глядя на цвѣтущаго, полнощекаго, пузатаго Помпилиуса, освѣдомлялся у него, на настоятельскихъ ли хлѣбахъ нагулялъ звонарь себѣ завидное здоровье.

— На настоятельскихъ, чадое мое, на настоятельскихъ,—отвѣчалъ Помпилиусъ,—но прикрой-ка получше двери, чтобы насъ никто не услышалъ.

Потомъ, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Тебѣ, вѣдь вѣдомо, что нашъ настоятель нѣжною любовью любить всякія вина, пиво, разныя мяса и всякую птицу. Прячетъ онъ эти мяса и вина въ кадкѣ въ погребѣ, ключи отъ погреба постоянно держитъ въ своей мошнѣ. Спать ложится, засыпаетъ, а руки все держитъ на мошнѣ. Вотъ ночью, когда заснетъ, я иду и беру у него съ пуза ключи, погода, кладу обратно и, что грѣха таить, мое чадушко, колочусь со страху, колочусь, потому что, если узнаетъ, живымъ въ горячемъ котлѣ сварить.

— Помпилиусъ,—замѣтилъ Уленшпигель,—зачѣмъ доставлять себѣ столько хлопотъ, когда можно похлопотать всего одинъ разъ. Я поддѣлаю ключи, и больше мы не будемъ тревожить настоятеля, пусть себѣ спитъ со связкой своихъ ключей на пузѣ.

— Хорошо поддѣлай,—согласился Помпилиусъ.

Уленшпигель поддѣлалъ.

И вотъ въ восемь часовъ, когда настоятель спалъ уже сномъ праведника, они спускались въ погребъ и, по своему вкусу, распоряжались жаркими и бутылками. Уленшпигель забиралъ бутылки, предоставляя Помпилиусу жаркія. Помпилиусъ распоряжался по мясной части, потому что дрожалъ, какъ осиновый листъ, а ни ветчина, ни баранина, если и упадутъ, все равно не разобьются. Случалось, они забирали себѣ птицу еще въ сыромъ видѣ, сваливая вину на сосѣдскихъ котовъ, которые присуждались къ смерти.

Закусивъ власть, звонарь со служкой отправлялись на Кетль-

Стрить, къ дѣвочкамъ. Тамъ они не скупились, угощая своихъ миленькихъ ростбифомъ и ветчиной, колбасами, жареной птицей, орлеанскимъ и романскимъ винами и англійскимъ, извѣстнымъ, по эту сторону моря, подъ названіемъ *ale*. Напитки лили своимъ любезнымъ прямо въ ротъ цѣлыми потоками. А любезныя оплачивали за это ласками.

Но вотъ, однажды утромъ, послѣ обѣда, настоятель потребовалъ къ себѣ ихъ обоихъ. У него былъ грозный видъ, онъ высасывалъ мозгъ изъ суповой кости.

Помпилюсъ задрожалъ такъ, что панталоны на немъ ходуномъ заходили и животъ заколыхался отъ страха. Уленшпигель стоялъ спокойно и съ удовольствіемъ нащупывалъ въ своемъ карманѣ ключи отъ погреба.

Настоятель, обратившись къ нему, промолвилъ:

— Кто-то пьетъ мое вино, и поѣдаетъ мою птицу. Ужъ не ты ли это, сынъ мой?

— Нѣтъ,—увѣренно отвѣтилъ Уленшпигель.

— Тогда, можетъ быть, этотъ звонарь,—продолжалъ настоятель, указывая на Помпилюса,—осквернилъ свои руки преступленіемъ, ибо блѣденъ онъ, словно покойникъ? Видно краденое вино, точно ядъ, впрокъ ему не идетъ.

— Охъ, ваше преподобіе,—отозвался Уленшпигель,—несправедливо вы изволите подозрѣвать вашего звонаря. Правда Помпилюсъ блѣденъ, но не оттого, что напился, а потому, что нанюхался виннаго духа. Человѣкъ онъ слабый, того гляди, отъ одного хмельнаго запаха душа изъ него выйдетъ, такъ и выльется ручьями изъ штановъ.

— Да, бываютъ бѣдные люди на свѣтѣ,—промолвилъ настоятель, прихлебывая изъ своей большой чарки.—Ну, а ты, сынъ мой, у тебя рысьи глаза, не видалъ ли ты воровъ?

— Постараюсь ихъ подкараулить, ваше преподобіе,—рѣшительно отвѣтилъ Уленшпигель.

— Да хранить васъ Господь, мои дѣтки, въ здравіи и весельи,—произнесъ настоятель,—живете жизнью воздержанною. Ибо отъ невоздержанія проистекаетъ много зла въ сей мірской долинѣ слѣзъ. Уходите съ миромъ.

И онъ ихъ благословилъ.

И высосалъ мозгъ изъ еще одной косточки и выпилъ другую большую чару вина.

Уленшпигель и Помпилюсъ вышли.

— Ишь, противный скряга!—молвилъ Уленшпигель,—хоть бы тебѣ капельку попробовать далъ своего вина! Слава Богу, что украсть-то удалось у него вина! Но, чего ты колотишься?

У меня всё штаны мокры,—признался Помпилиусъ.

— Ничего, вода быстро высыхаетъ,—утѣшалъ Уленшпигель. Но, не стоитъ унывать, сегодня вечеромъ на Кетль-Стритъ зададимъ бутылочную музыку. И вдобавокъ напоймъ трехъ ночныхъ сторожей, которые, похрапывая, будутъ охранять городъ.

Такъ и вышло.

Въ концѣ-концовъ очутились возлѣ церкви св. Мартина. Церковь была убрана передъ храмовымъ праздникомъ. Уленшпигель и Помпилиусъ вошли въ нее ночью, заперли за собою двери, зажгли всё свѣчи, взяли альти и волынку и принялись, съ доступнымъ имъ искусствомъ, играть на этихъ инструментахъ. И свѣчи пылали, какъ солнце. Но этимъ дѣло не ограничилось. Выполнивъ то, что хотѣли, они отправились къ настоятелю; застали его, несмотря на позднее время, на ногахъ. Онъ обгладывалъ жаренаго дрозда, запивалъ его рейнскимъ и недоумѣло пялилъ глаза на освѣщенные церковныя окна.

— Ваше преподобіе, господинъ настоятель,—обратился къ нему Уленшпигель,—не угодно ли вамъ узнать, кто поѣдаетъ ваши жаркія и выпиваетъ вина.

— И въ довершеніе эта иллюминація,—промолвилъ настоятель, указывая на окна въ церкви. Ахъ, Господи Боже, неужели ты позволяешь святому Мартину по ночамъ жечь бесплатно свѣчи бѣдныхъ монаховъ!

— Онъ и еще кое-чѣмъ другимъ занимается,—вставилъ свое слово Уленшпигель,—извольте взглянуть, ваше преподобіе.

Настоятель взялъ свой посохъ и пошелъ вслѣдъ за ними. Вошли въ церковь.

Тамъ, на самой ея срединѣ всё святые посходили съ своихъ мѣстъ, выстроились кругомъ и, казалось, находились подъ командой св. Мартина. Тотъ цѣлой головой былъ выше всѣхъ святыхъ и на большомъ пальцѣ руки, протянутой для благословенія, держалъ жареную индюшку. У другихъ угодниковъ, у однихъ въ рукахъ, у другихъ во рту находились куски курицы или гуся, колбасы, ветчины, сырой и жареной рыбы, и, кромѣ того, вертелъ, вѣсившій добрыхъ четырнадцать ливровъ. И у каждого у ногъ находился графинчикъ съ виномъ.

Отъ подобнаго зрѣлища настоятель свѣта не взвидѣлъ, покраснѣлъ, раздулся съ лица до того, что Помпилиусъ и Уленшпигель опасались, какъ бы онъ не лопнулъ. Но его преподобіе, не обращая на нихъ вниманія, съ угрозами двинулся прямо на св. Мартина, словно желая вмѣнить ему въ преступленіе вину другихъ; сорвалъ у него съ пальца индюшку и надавалъ такихъ затрепачинъ, что сломалъ ему руку, носъ, жезлъ и митру.

И для другихъ виновныхъ онъ то же не поскупился на колотушки и кое-кто изъ нихъ лишился подъ ударами руки, ноги, митры, жезла, серпа, топора, рѣшетки, пилы и другихъ атрибутовъ высокаго сана и мученичества. Затѣмъ настоятель, тряся животомъ, съ необычайной яростью и поспѣшностью занялся тушеніемъ свѣчей.

Всю снѣдь, какую возможно было, онъ унесъ съ собою: ветчину, птицу, и колбасы и, сгибаясь подъ тяжестью ноши, возвратился въ свою спальню такимъ удрученнымъ и разсерженнымъ, что одинъ за другимъ выпилъ три графинчика вина.

Увѣрившись, что его преподобіе спитъ, Уленшпигель унесъ на Кетль-Стритъ все, что, по мнѣнію настоятеля, удалось спасти, а также все, оставшееся въ церкви. Но, прежде чѣмъ унести, онъ не позабылъ предварительно позавтракать лучшими кусками. Обломки же и объѣдки вмѣстѣ съ Помпилиусомъ сложилъ у ногъ святыхъ.

На слѣдующій день Помпилиусъ зазвонилъ къ заутренѣ. Уленшпигель поднялся наверхъ, въ спальню настоятеля, и попросилъ его спуститься и снова отправиться въ церковь.

Тамъ, указывая его преподобію на обломки святыхъ и на остатки пищи, онъ сказалъ:

— Ваше преподобіе, какъ вы ни старались, а они все-таки наѣлись.

— Да,—отвѣчалъ настоятель,—словно воры, добрались до моей спальни и все забрали, что мнѣ удалось спасти. Ахъ, не хорошо, господа угодники, я пожалуюсь на васъ Папѣ.

— Конечно, потомъ надо пожаловаться,—отозвался Уленшпигель,—но вотъ что теперь дѣлать?! Послѣ завтра храмовой праздникъ, будетъ торжественный крестный ходъ. Страшновато, какъ бы васъ, не заподозрили въ иконоборчествѣ. Какъ вы объ этомъ думаете, ваше преподобіе?

— Ахъ, святой угодникъ Мартинъ, избави меня отъ огня, не вѣдалъ я, что творилъ!—воскликнулъ настоятель.

Затѣмъ, подъ аккомпанементъ трусливаго звонаря, раскачивавшагося въ тактъ съ колоколами, онъ промолвилъ, обратившись къ Уленшпигелю.

— А нельзя ли, если сейчасъ приняться, подновить къ воскресенью святого Мартина? Иначе, что же мнѣ дѣлать, что сказать народу?!

— Ваше преподобіе,—посовѣтовалъ Уленшпигель,—нужно прибѣгнуть къ маленькой хитрости. Мы наклеимъ бороду Помпилиусу, у него вообще достаточно представительности, и онъ всегда бываетъ немного грустенъ. Надѣнемъ на него стихарь, окутаемъ

вуалью отъ митры, накинёмъ мѣховое облаченіе, какое носятъ каноники, и большую мантию угодника.

Порекомендуемъ ему держаться получше на своей подставкѣ, и народъ приметъ его за деревяннаго святого Мартина.

Настоятель подошелъ къ Помпилиусу, продолжавшему дергать за веревки, и сказалъ:

— Перестань звонить и выслушай меня. Хочешь ты заработать пятнадцать дукатовъ? Если да, то въ воскресенье, во время крестнаго хода, сдѣлаешься ты святымъ Мартиномъ, Уленшпигель обрядить тебя, какъ слѣдуетъ. И понесутъ тебя четверо носильщиковъ. Но помни, если ты тогда скажешь хоть одно слово, шевельнешь однимъ пальцемъ, я живымъ сварю тебя въ котлѣ съ кипящимъ масломъ, въ томъ самомъ котлѣ, который палачъ только что поставилъ на Рыночной площади.

— Хорошо, ваше преподобіе, я готовъ служить вамъ вѣрой-правдой, но вы знаете, что не держатся во мнѣ мои воды.

— Надобно повиноваться,—изрекъ настоятель.

— Повинуюсь, ваше преподобіе, отвѣтилъ Помпилиусъ очень жалобнымъ тономъ.

VII.

На слѣдующій день, въ ясную и солнечную погоду, вышли изъ церкви съ крестнымъ ходомъ. Уленшпигель постарался получше починить двѣнадцать угодниковъ, которые въ пути, среди цеховыхъ знаменъ, покачивались на своихъ пьедесталахъ, затѣмъ двигалась статуя Божіей Матери, за ней толпою шель штатъ Пресвятой Дѣвы, состоящей изъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ во все бѣлое и славословившихъ Пречистую, за молодыми дѣвственницами—лукисты и стрѣльцы изъ самопаловъ, потомъ, ближе всѣхъ къ балдахину, несли Помпилиуса, сгибавшагося подъ тяжеловѣснымъ одѣяніемъ св. Мартина.

Уленшпигель, запасшись чесоточнымъ порошкомъ облачилъ Помпилиуса въ епископское одѣяніе, надѣлъ ему перчатки, вручилъ жезлъ и обучилъ, какъ благословлять народъ на латинскій ладъ. Онъ помогалъ также облачаться и священникамъ. Однимъ подавалъ епитрахиль, другимъ, каноникамъ, мѣховое одѣяніе, дьяконамъ—стихари. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ, по церкви, оправляя складки на своей не по росту курткѣ и панталонахъ. Восторгался и превозносилъ красоту отполированного оружія стрѣльцовъ и страшную силу стальныхъ луковъ «Общества лукистовъ». Восторгался и въ то же время незамѣтно всыпалъ имъ щепотку чесоточнаго порошка за отложной ворот-

ничокъ, за рукавъ, всюду, куда можно было насыпать. Настоятелю же съ четырьмя носильщиками св. Мартина больше всѣхъ досталось этого снадобья. Но штатъ Пресвятой Дѣвы, состоящій изъ молоденькихъ дѣвушекъ, за миловидность онъ пощадилъ.

Крестный ходъ вышелъ. Хоругви развѣвались по вѣтру, процессія развернулася въ образцовомъ порядкѣ. Встрѣчные прохожіе, мужчины и женщины, крестились. И солнце, сіяя, изливало теплоту.

Настоятель первый почувствовалъ дѣйствіе порошка и почесалъ слегка за ухомъ. Всѣ: священники, лукисты, стрѣльцы старались незамѣтно почесать то шеи, то ноги, то руки, не рѣшаясь пока продѣлывать этого открыто. Четверо носильщиковъ почесывались тоже, но звонарь, сильнѣе другихъ ощущавшій зудъ, такъ какъ его выставили на самый солнцепекъ, не смѣлъ пошевелинуться изъ опасенія быть живьемъ свареннымъ въ котлѣ. Морщина на лбу онъ безобразно гримасничалъ и дрожалъ на нетвердыхъ ногахъ отъ страха, какъ бы не свалиться при каждомъ новомъ почесываніи своихъ носильщиковъ.

Но онъ не смѣлъ шелохнуться и съ испуга далъ волю изливаться своимъ водамъ, и носильщики спрашивали:

— Дождь, должно быть, будетъ сегодня, великій угодникъ? Священники пѣли величаніе Пресвятой Богородицы:

Si de coe... coe... lo descenderes
O sanc... ta... ta... ta... Ma... ma... ria¹⁾.

Они пѣли прерывисто, потому что отъ сильного зуда голоса у нихъ дрожали. Настоятель съ четверьми носильщиками св. Мартина готовы были въ клочья растерзать себѣ шеи и руки, но на самомъ дѣлѣ они скреблись очень скромно. Помпилюсъ спокойно держался на своихъ трясущихся ногахъ, въ которыхъ особенно чувствовался зудъ.

Но вотъ, вдругъ стрѣльцы, лукисты, дьяконы, священники, настоятель и носильщики св. Мартина остановились всѣ разомъ и, словно по командѣ, принялись почесываться. Порошокъ вызывалъ зудъ въ пяткахъ у Помпилюса, но онъ, боясь свалиться, не смѣлъ шелохнуться.

И наблюдательные люди говорили, что св. Мартинъ дико вращаетъ глазами и строить угрожающія лица бѣдному народу.

Вскорѣ жаркое солнце, отвѣсно падавшее на спины и животы участниковъ крестнаго хода, сдѣлало невыносимымъ дѣйствіе зудящаго порошка.

И тогда священники, лукисты, стрѣльцы, дьяконы и настоя-

¹⁾ Снизойди съ небеси, Пресвятая Марія.

тель остановились, точно стадо обезьянъ, и безъ всякаго зазрѣнія начали скрести всюду, гдѣ свербилло.

Чистыя отроковицы изъ штата Пресвятой Дѣвы пѣли Пречистой величанія, и ихъ свѣжіе голоса, поднимавшіеся къ небу, казались ангельскимъ пѣніемъ.

Вскорѣ всѣ участники процессіи разбѣжались, скрывшись, кто куда могъ. Настоятель, не переставая почесываться, спасъ св. Дары; набожный народъ доставилъ въ церковь святости. Четверо служителей, тащившихъ св. Мартина, грубо бросили Помпилиуса на землю. И вотъ бѣдный звонарь, не смѣя ни чесаться, ни двигаться, ни говорить благоговѣйно, закрылъ глаза.

Двое юныхъ подростковъ—мальчишекъ хотѣли было его унести, но, найдя слишкомъ тяжелымъ, прислонили стоякомъ къ стѣнѣ. И тутъ несчастный Помпилиусъ заплакалъ горькими слезами.

Народъ собрался вокругъ него, женщины вынимали тонкіе и бѣлѣйшіе носовые платки и обтирали ими лицо плакавшаго угодника, желая, какъ святыню, сохранить его слезы, и онѣ сочувственно говорили ему.

— Отче страстотерпче, какъ же тебѣ жарко!

Звонарь взиравъ на нихъ жалобно и невольно дѣлалъ носомъ гримасы.

Слезы ручьями струились изъ его глазъ, и женщины говорили:

— Великій угодникъ Мартинъ, не надъ грѣхами ли города Ипра плачешь ты? Твой благородный носъ такъ ходуномъ и ходитъ! Но вѣдь мы же послѣдовали совѣтамъ Люи Виве, и намъ, бѣднымъ ипритянамъ, будетъ и работа и кормежка. Охъ! Да какія крупныя слезы! Это—жемчугъ. Наше спасеніе въ этихъ слезахъ.

Мужчины тоже задавали вопросы:

— Можетъ быть, великій угодникъ, тебѣ хочется, чтобъ мы разорили до тла Кетль-Стритъ. Но, въ такомъ разѣ, научи раньше насъ, какими средствами добиться, чтобы бѣдныя дѣвушки не бѣгали по ночамъ и не заводили романовъ.

Вдругъ толпа закричала:

— Церковный сторожъ идетъ!

Уленшпигель подошелъ, взявъ Помпилиуса въ охапку, взвалилъ себѣ на плечи и понесъ. Слѣдомъ за нимъ шли особенно богомольные мужчины и женщины.

— Охъ! Мое чадушко,—шепталъ ему на ухо бѣдный звонарь,—какъ чешется-то, я помру отъ зуда!

— Держись прямѣй,—напомнилъ Уленшпигель,—или позабылъ, что ты долженъ быть деревяннымъ святымъ.

И пустился бѣгомъ съ своей ношей, пробѣжавшись, поставилъ

Помпилиуса передъ настоятелемъ, который до крови чесалъ свои уши.

— Ты тоже, какъ и мы, чесался?—обратился настоятель къ звонарю съ вопросомъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше преподобіе, отвѣчалъ Помпилиусъ.

— Говорилъ ты, двигался?

— Никакъ нѣтъ, ваше преподобіе,—отвѣчалъ Помпилиусъ.

— Ну, если такъ,—молвилъ затѣмъ настоятель,—получай свои пятнадцать дукатовъ и ступай. Можешь теперь чесаться.

VIII.

На утро народъ отъ Уленшпигеля узналъ, въ чемъ было дѣло, и говорилъ, что это злое издѣвательство оказывать почести, какъ святому, плаксъ, пускающему подъ себя воду.

И многіе сдѣлались еретиками. И унося съ собою свое достоинствѣ, они пополняли армію принца.

Уленшпигель снова направился въ Льежъ.

Очутившись въ одиночествѣ въ лѣсу, онъ присѣлъ и замечтался. Глядя на ясное небо, мысленно повторялъ:

— Война, вѣчная война! И для чего? Для того, чтобы врагъ испанецъ избивалъ бѣдный народъ, грабилъ наше добро, насиловалъ нашихъ женщинъ и дѣвушекъ. И вотъ, наши милые денежки уходятъ, потоками струится наша кровь, и никому, никому отъ этого нѣтъ пользы, кромѣ негодая—короля, который хочетъ вставить въ свою корону лишнюю жемчужину власти. Онъ считаетъ эту жемчужину славной, а она кровавая, пахнущая дымомъ костровъ. Эхъ! будь на то моя воля, разукрасилъ бы я тебя такъ, что только мухамъ было бы въ пору водить съ тобою компанію.

Пока онъ мечталъ объ этомъ, прошло передъ нимъ большое стадо оленей. Были среди нихъ крупные и старые, не утратившіе еще мужественнаго вида самцовъ, гордо несущіе семи-вѣтвистые рога. Ихъ молодые годовалые дѣтеныши-самцы, словно юные оруженосцы, мелкой рысцой бѣжали рядомъ съ стариками и, казалось, готовы были, въ случаѣ надобности, оказать помощь отцамъ своими колючками-рожками. Уленшпигель не зналъ, куда это стадо направлялось, но полагалъ, что на ночлегъ.

— Ахъ!—говорилъ онъ себѣ,—старики олени и милые оленята, идете вы весело и гордо, въ самую чашу лѣсную на покой—ночлегъ. Срываете по дорогѣ свѣжіе побѣги, дышите лѣснымъ благовоніемъ и радостны, счастливы, пока не доберется до васъ палачь-охотникъ. Такъ вотъ и съ нами бываетъ, господа старые олени и милые оленята!

И прахъ Класа бился на груди Уленшпигеля.

IX.

Въ сентябрѣ, когда комары перестаютъ жалить, перешелъ Молчаливый у С.-Вита черезъ Рейнъ, съ шестью полевыми орудіями и четырнадцатью тысячами фламандцевъ.

Подъ желтыми и красными знаменами съ Бургундскимъ гербомъ, суковатой палкой, долгое время омертвлявшей Фландрію и Нидерланды, палкой, положившей начало рабству, воплощеніемъ котораго явился Альба: кровавый герцогъ наступалъ съ двадцатью шестью тысячами пятью стами человѣкъ; за нимъ громыхали семнадцать полевыхъ орудій и девять пушекъ большого калибра.

Но Молчаливому не везло въ этой войнѣ, ибо Альба упорно уклонялся отъ сраженія.

И его братъ Людвигъ, Баярдъ ¹⁾ Фландріи, овладѣлъ многими городами, взялъ дань со многихъ морскихъ судовъ, но въ Фрисландіи, подъ Усмингеномъ, столкнулся съ сыномъ герцога и потерялъ шестнадцать пушекъ, тысячу пятьсотъ лошадей и двадцать знаменъ, потерялъ вслѣдствіе подлости наемниковъ—солдатъ, потребовавшихъ денегъ въ рѣшительную минуту.

И «въ морѣ крови и слезахъ, разрушеньяхъ и смертяхъ» напрасно искалъ Уленшпигель счастья и спасенія земли родной.

И палачи, рыская по странѣ, вѣшали, рубили на куски, жгли несчастныхъ невинныхъ жертвъ.

И король получалъ наслѣдства.

X.

Бродя по валлонской странѣ, Уленшпигель убѣдился, что принцу неоткуда было надѣяться на помощь, и направился къ городу Бульону ²⁾.

По дорогѣ все больше и больше стало попадаться ему горбуновъ различныхъ возрастовъ, половъ и положеній. Всѣ они запаслись молитвенниками и молотили свои «Патенотры».

И молитва ихъ похожа была на кваканье лягушекъ въ пруду въ жаркій лѣтній вечеръ.

Были горбатые матери съ горбунами дѣтьми на рукахъ и у

¹⁾ Знаменитый французскій полководецъ Пьеръ Террайль (род. 1473 г.), прославившійся въ войнахъ Карла VIII, Людовика XII и Франциска I-го. Онъ получилъ прозвище «рыцаря безъ страха и упрека». *Примѣч. переводчика.*

²⁾ Бельгійскій городъ, Bouillon, въ юго-западной Бельгіи на рѣкѣ Семуа (Semois) въ Люксембургской провинціи. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ этотъ городъ былъ столицей герцогства Бульонскаго. *Примѣч. переводчика.*

подоловъ юбокъ. И были горбуны на холмахъ и равнинахъ. И повсюду подъ безоблачнымъ куполомъ неба вырисовывались передъ Уленшпигелемъ ихъ тщедушные силуэты.

И вотъ онъ подошелъ къ одному изъ нихъ и спросилъ:

— Куда идутъ эти бѣдные мужчины, женщины и дѣти?

Человѣкъ отвѣтилъ:

— Мы идемъ на поклоненіе ракъ преподобнаго Ремакла, идемъ просить св. Угодника исполнить наше завѣтное желаніе, снять съ нашихъ спинъ грузъ униженія.

Уленшпигель снова задалъ вопросъ:

— Не можетъ ли св. Ремаклъ осуществить и мое неизавѣтнѣйшее желаніе и сбросить съ плечъ нашей бѣдной родины кроваваго герцога, который тяготитъ ее, какъ свинцовая ноша.

— Угодникъ не занимается сниманіемъ горбовъ, достойныхъ висѣлицы,—отвѣчалъ паломникъ.

А другіе, недостойные, развѣ онъ снимаетъ?

— Да, когда горбы молодые. Каждое такое исцѣленіе мы празднуемъ всѣмъ городомъ. И всякій паломникъ даетъ серебряную, а иногда и золотую монету, цѣлый флоринъ, исцѣленному счастливцу: тотъ становится, благодаря исцѣленію, святымъ и получаетъ могущественный даръ предстательства за другихъ.

— Почему же такой богатый угодникъ, какъ св. Ремаклъ, беретъ примѣръ съ какого-нибудь скряги аптекаря, и тоже требуетъ платы за излѣченіе?

— Безбожникъ, прощальга! Угодникъ караетъ такихъ, какъ ты, богохульниковъ,—возразилъ паломникъ, неистово тряся своимъ горбомъ.

— Охъ!—простоналъ Уленшпигель и, сгорбившись, упалъ у подножья дерева.

Паломникъ, пристально глядя на него, промолвилъ:

— Ужъ если св. Ремаклъ кого поражаетъ, такъ поражаетъ.

Уленшпигель сгорбился и, почесывая спину, приговаривалъ:

— Преподобный Отче, смилуйся, не казни! Страшная ломота въ плечахъ! Смилуйся, св. Ремаклъ! Не гляди, паломникъ, ступай себѣ съ Богомъ, дай мнѣ одному здѣсь помучиться да покаяться.

Но паломникъ и безъ просьбы пустился бѣгомъ на Большую площадь въ городѣ Бульонѣ, сборномъ мѣстѣ горбачей-пилигримовъ.

Прибѣжавъ туда и дрожа отъ страха, онъ, запинаясь, сталъ имъ разсказывать:

— Повстрѣчался странникъ, прямой, какъ тополь... странникъ богохульникъ... съ горбомъ на спинѣ... съ воспаленіемъ въ горбѣ!

Слушатели-паломники радостно завосклицали:

— Преподобный Ремаклъ, умѣешь ты посылать горбы, умѣешь зато и снимать ихъ! Сними жъ, чудотворецъ, наши горбы!

Тѣмъ временемъ Уленшпигель разстался со своимъ деревомъ. Войдя въ городское предмѣстье, онъ замѣтилъ на низенькой входной двери въ одну таверну обыкновенную ярморочную вывѣску: два поросячьихъ пузыря, привѣшенныхъ къ палкѣ. Такія вывѣски принято дѣлать въ Брабантѣ ¹⁾.

Уленшпигель снялъ одинъ пузырь, подобралъ валявшуюся на землѣ хребтовую кость отъ обглоданной камбалы; соорудивъ себѣ такимъ образомъ горбъ, онъ, трясъ головой и пошатываясь точно у него дрожали ноги, пришелъ на площадь.

Паломникъ, свидѣтель его паденія воскликнулъ:

— Вотъ онъ богохульникъ!—и пальцемъ указалъ на него. И всѣ бросились смотрѣть на сокрушавшагося грѣшника.

Уленшпигель покаянно качалъ головою и причиталъ:

— Ахъ, недостойнъ я ни милости, ни жалости: убейте вы меня, какъ бѣшеннаго пса.

И горбачи, потирая руки, въ свою очередь приговаривали:

— Нашего полку прибыло!

Уленшпигель бормоталъ сквозь зубы: «Погодите, вы мнѣ еще заплатите, негодники», и въ то же время напускалъ на себя видъ человѣка, который все терпѣливо снесетъ, и говорилъ:

— Не буду ни ѣсть, ни пить, не хочу, чтобы горбъ мой крѣпчалъ, буду ждать пока не излѣчитъ меня св. Ремаклъ, не излѣчитъ точно такъ же, какъ наказалъ онъ меня.

На слухи о чудѣ вышелъ изъ церкви настоятель, человѣкъ высокаго роста, съ большимъ животомъ и осанистый. Держа носъ по вѣтру, онъ, словно корабль, разсѣкъ волны горбуновъ.

Ему показали Уленшпигеля; онъ сказалъ:

— Такъ это тебя, простачокъ, св. Ремаклъ поразилъ своимъ бичомъ?

— Точно такъ, ваше преподобіе,—отозвался Уленшпигель,—это я прибѣгаю къ стопамъ угодника, умоляю исцѣлить меня отъ свѣжаго горба, если только вниметъ онъ мнѣ.

Настоятель, почувствовавъ въ послѣднихъ словахъ какой-то намекъ, промолвилъ:

— Дай я пощупаю твой горбъ.

— Пощупайте, ваше преподобіе,—предложилъ Уленшпигель. Настоятель воспользовался предложеніемъ.

— Твой горбъ недавній и не успѣлъ затвердѣть. Я надѣюсь, что св. Ремаклъ будетъ къ тебѣ милостивъ, слѣдуй за мной.

¹⁾ См. № 2 «Гол. Мин.», гл. XXXIX, примѣч. II.

Уленшпигель послѣдовалъ за настоятелемъ и вошелъ въ церковь. Горбуны, идя за нимъ, кричали.. «Вотъ тебѣ, проклятый, вотъ тебѣ богохульникъ! Сколько вѣситъ твой свѣженькій горбъ? Не сдѣлаешь ли изъ него нищенской сумы? Всю твою жизнь ты потѣшался надъ нами, потому что ты былъ прямъ, а мы горбаты. Теперь нашъ чередъ наступилъ. Слава святому угоднику Ремаклу!»

Уленшпигель безмолвно, понурившись, шелъ за настоятелемъ, вступилъ въ маленькій притворъ, гдѣ находилась мраморная рака, закрытая плитой, тоже мраморной. Между стѣной и ракови оставалось пространства не больше, чѣмъ на вытянутую руку. Собравшіеся горбачи, слѣдуя гуськомъ другъ за другомъ, зашли между стѣной и плитой раки и молча стали тереться горбами объ усыпальницу святого: они надѣялись, поступая подобнымъ образомъ, избавиться отъ своего уродства. И теревшіеся не хотѣли уступать своего мѣста еще непотеревшимся и безшумно дрались, изъ уваженія къ святости мѣста, исподтишка.

Настоятель велѣлъ Уленшпигелю стать на могильную плиту, для того, чтобы всѣ паломники могли его видѣть. Уленшпигель промолвилъ:

— Одному мнѣ трудно подняться.

Настоятель помогъ ему, поставилъ возлѣ себя и приказалъ стать на колѣни.

Уленшпигель исполнилъ приказаніе и такъ и замеръ въ одной позѣ, поникнувъ головою.

Тогда настоятель, собравшись съ духомъ, звучнымъ голосомъ началъ проповѣдь:

— Дѣти мои и братья во Христѣ! Вы взираете на грѣшника у моихъ ногъ, на бездѣльника и богохульника, котораго св. Ремаклъ покаралъ своимъ гнѣвомъ.

И Уленшпигель, ударяя себя въ грудь, говорилъ:—Confiteor¹⁾).

— Было время,—продолжалъ настоятель,—онъ былъ прямъ, наподобіе рукоятки аллебарды, и хвастался этимъ. А посмотрите теперь на него, какой онъ кривой и горбатый. Проклятіе свыше тяготѣетъ надъ нимъ.

— Confiteor,—повторялъ Уленшпигель,—каюсь, св. Угодникъ, сними мой горбъ.

— Да,—продолжалъ настоятель,—да, св. Угодникъ, представившись, во успеніи своемъ, ты совершилъ тридцать девять чудесъ, сними же съ его плечъ грузъ, который тяжело давить на нихъ. И мы восхвалимъ тебя за это, возвеличимъ изъ вѣка

¹⁾ Сознаюсь, каюсь.

въ вѣкъ—in sæcula sæculorum. Дай миръ на землѣ покорнымъ горбунамъ.

И горбачи единогласно возопили:

— Охъ, дай миръ на землѣ покорнымъ горбунамъ, исцѣли ихъ отъ уродства, избави отъ униженія! Сними съ насъ наши горбы, отче Ремаклъ!

Настоятель приказалъ Уленшпигелю сойти съ крышки раки и потереться горбомъ о плиту. Уленшпигель повиновался, приговаривая: «*mea culpa, confiteor*¹⁾», сними Отче, мой горбъ! И онъ терся своимъ горбомъ на виду у всѣхъ присутствовавшихъ.

А тѣ кричали:

— Глядите, глядите! Горбъ гнется, подается, таетъ справа.— Нѣтъ не таетъ, а вѣдряется въ грудь: горбы не таютъ, они входятъ во внутренности, а потомъ выходятъ вонъ.

— Нѣтъ входятъ въ животъ, тамъ служатъ они пріемникомъ пищи цѣлыхъ двадцать четыре дня.—Вотъ вамъ и подарокъ святаго въ видѣ исцѣленія.—А куда дѣваются старые горбы.

Вдругъ всѣ горбачи громко вскрикнули, потому что Уленшпигель, тяжело навалившись своимъ горбомъ на крышку раки, прорвалъ его. Сукровица, бывшая внутри пузыря, потекла каплями. И онъ воскликнулъ, выпрямляясь и простирая руки:

— Я исцѣленъ!

И всѣ горбачи хоромъ заголосили:

— Благословилъ его святой Ремаклъ, милостивъ онъ къ нему, а къ намъ строгъ.—Отче, поснимай наши горбы!—Я пожертвую тебѣ ягненка.—А я семь барановъ.—Пожертвую все, что настрѣляю за годъ.—Я шесть окороковъ.—Я свой домишко отдаю на церковь. Поснимай съ насъ наши горбы, отче!

И они глядѣли на Уленшпигеля съ завистью и почтеніемъ. И нашелся одинъ желающій пощупать подъ его фуфайкой, но настоятель остановилъ любопытнаго:

— Тамъ дыра, которая не любитъ свѣта.

— Я помолюсь за васъ,—промолвилъ Уленшпигель.

— Хорошо, голубчикъ, хорошо исцѣлившійся,—говорили всѣ разомъ горбачи,—прости ты насъ грѣшныхъ, за наши насмѣшки надъ тобою. Христось и то прощалъ на крестѣ, прости и ты насъ.

— Богъ проститъ, — снисходительно отзывался Уленшпигель.

— Прими же,—просили они,—прими патаръ, возьми флоринъ, не погнушайся реаломъ, пряменькій нашъ, голубчикъ, не побрезгай взять въ ручки крузады наши и каролы.

¹⁾ Моя вина, каюсь.

— Спрячте ваши каролы, пусть ваша лѣвая рука не знаетъ, что творить правая.

И онъ говорилъ такъ, ибо видѣлъ, что настоятель пожиралъ глазами монеты горбачей, не разбирая, были ли то золотыя или серебряныя.

— Хвала тебѣ, удостоившійся Божеской милости,—говорили горбачи Уленшпигелю.

И онъ гордо принималъ ихъ дары, словно чудотворецъ.

А скупцы среди горбуновъ, не произнося ни слова, терлись своими горбами о раку.

Вечеромъ Уленшпигель отправился въ таверну пировать.

Попировавъ и собравшись уже на покой, Уленшпигель подумалъ, что навѣрное настоятель пожелаетъ получить свою часть добычи. Подумавъ объ этомъ, онъ пересчиталъ свою выручку и нашелъ, что золота надавали ему больше, чѣмъ серебра: набралось свыше трехсотъ кароловъ. Тутъ онъ обратилъ вниманіе на стоявшій возлѣ въ кадкѣ, усохшій лавръ, потянулъ лавръ къ себѣ вмѣстѣ съ землею, а подъ низъ положилъ золото. А всѣ полфлорины, патары и серебряную мелочь разложилъ передъ собою на столѣ.

Настоятель вошелъ въ таверну и сѣлъ рядомъ съ Уленшпигелемъ.

— Ваше преподобіе, господинъ настоятель, что вамъ отъ меня захудалаго угодно.

— Ничего, кромѣ только твоего достоянія,—отвѣчалъ его преподобіе.

— Охъ!—тяжело вздохнулъ Уленшпигель,—вѣрно разумѣете вы то, что лежитъ на столѣ.

— Ну да, конечно,—согласился настоятель.

Затѣмъ, протянувъ руку, онъ очистилъ столъ и сгребъ все въ припасенную на этотъ случай кису.

И онъ далъ одинъ флоринъ Уленшпигелю, притворно вздохнувъ при этомъ.

И попросилъ у него орудія чуда.

Уленшпигель показалъ ему кость камбалы¹⁾ и пузырь.

Настоятель ихъ взялъ, а Уленшпигель жаловался и просилъ прибавить еще немного къ данному флорину, потому что, молъ, долгъ путь отъ Дама до Бульона для бѣднаго пилигрима, чуть не умирающаго съ голоду.

Настоятель ушелъ, не проронивъ больше ни слова.

Оставшись одинъ, Уленшпигель задремалъ и во снѣ не сво-

¹⁾ Schol—по-фламандски.

дилъ одного глаза съ лавра. На слѣдующее утро, на зарѣ, забравъ свою добычу, онъ покинулъ городъ Бульонъ и помчался въ лагерь Молчаливаго, передалъ тому деньги и рассказалъ происшествіе, прибавивъ, что это вѣрный способъ, какъ съ врага получать военныя контрибуціи.

И принцъ далъ ему десять флориновъ.

А хребтовая кость отъ обглоданной камбалы была помѣщена въ хрустальную коробочку, нашедшую себѣ мѣсто между гранями запрестольнаго креста въ главномъ алтарѣ, въ городѣ Бульонѣ

И каждому въ столицѣ герцогства Бульонскаго было вѣдомо, что хранимое въ крестѣ есть горбъ богохульника, исцѣленнаго и ставшаго прямымъ.

Переводъ В. Н. Карякина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель С. П. Мельгуновъ.

Издание „ЗАДРУГИ“ и К. Ф. НЕКРАСОВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ТРЕХТОМНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
МАСОНСТВО въ его прошломъ
и настоящемъ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
С. П. МЕЛЬГУНОВА и Н. П. СИДОРОВА.

ВЫШЕЛЪ ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

СОДЕРЖАНИЕ: И. М. Херасковъ. Происхождение масонства и его развитіе въ Англіи XVIII и XIX вѣка. А. М. Васютинскій. Французское масонство XVIII вѣка. В. Н. Перцевъ. Нѣмецкое масонство XVIII в. А. М. Васютинскій. Орденъ иллюминатовъ. А. В. Семена. Русское масонство XVIII вѣка. В. Н. Тукалевскій. Н. И. Навиковъ и И. Г. Шварцъ. Н. К. Пиксановъ. И. В. Лопухинъ.

Въ первомъ томѣ помѣщено 102 рисунка въ текстѣ, и 24 на отдѣльныхъ вкладныхъ листахъ (восемь въ краскахъ).

Изъ отзыва А. А. Кизеветтера въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“:

«Нельзя не привѣтствовать этого интереснаго предпріятія. Научное изученіе русскаго масонства, можно сказать, только-что еще пачато и, несмотря на то, что мы уже имѣемъ рядъ очень цѣнныхъ монографій по этому предмету, многое еще предстоитъ сдѣлать, рядъ спорныхъ и малоосвященныхъ вопросовъ еще дожидается своего разрѣшенія отъ дальнѣйшей разработки мало обследованныхъ матеріаловъ. Лучшимъ толчкомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, конечно, можетъ послужить сводное подведеніе итоговъ всему тому, что сдѣлано до сихъ поръ. Съ этой точки зрѣнія настоящее изданіе и получаетъ несомнѣнную цѣнность. Что же касается большой публики, то для нея популярно-живая и въ то же время стоящая на уровнѣ современныхъ знаній исторія масонства явится прямо незамѣнимымъ пособіемъ для ознакомленія съ этимъ важнымъ эпизодомъ въ исторіи русской культуры...»

Вышедшій первый томъ этого изданія производитъ очень благоприятное впечатлѣніе...

Внѣшность изданія роскошна и изяшна. Много прекрасныхъ иллюстрацій, портретовъ и изображеній всякаго рода масонской сѣмволки и бутафорій.

См. также отзывы въ „Вѣстникѣ Европы“ (1915 № 1), „Кіевской Мысли“ (№ 355, 1914), Изгоева въ Рѣчи (№ 11, 1915), Т. О. Соколовской въ Историч. Вѣст. (1915 № 2).

Цѣна на все изданіе въ переплетѣ 18 руб. (съ пересылкой въ предѣлахъ Европейской Россіи).

По выходѣ ВТОРОГО тома (въ концѣ апрѣля) цѣна БУДЕТЪ ПОВЫШЕНА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

При подпискѣ I р. 50 к., при полученіи I тома 6 р., II тома 6 р. и III—4 р. 50 к.

Подробный проспектъ высылается бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ книгоиздательствѣ „ЗАДРУГА“ (Москва, М. Никитская д. 29, кв. 6, телеф. 4-50-61.)

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

(Москва, М. Никитская 29, кв. 6. телеф. 4-50-61).

„НАШЕ ПРОШЛОЕ“.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Подъ редакціей **Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова,**
Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскихъ.

ПРИ УЧАСТИИ: *В. П. Алексѣева, Е. П. Амуровой, Е. Л. Богровой, В. Н. Бочкарева, И. П. Бьлконскаго, Е. И. Вишнякова, Т. С. Вышинской, Ч. Вѣтринскаго, Б. Н. Жаворонкова, Е. А. Зязгинцева, А. К. Кабанова, И. М. Катаева, С. А. Князькова, М. Н. Коваленскаго, Кротковой, С. Д. Малашиной, С. П. Мельгунова, Е. Мороховца, Е. Н. Лопатиной, Л. Нейманъ, В. П. Обнинскаго, О. Г. Пауль, В. И. Пичета, М. Португалова, К. В. Сивкова, Е. Н. Синегуба, Т. П. Сократовой, Я. В. Сорнева, Б. Е. Сыроѣчкова, В. Е. Сыроѣчкова, В. М. Ушакова.*

ЧАСТЬ I. Съ 65-ю рис. въ текстѣ и 20 ю на отдѣльныхъ листахъ Цѣна 1 р. 40 к.

Содержаніе: Въ Кіевской Руси. Въ Сѣверо-восточной Руси. Московское государство въ XVI в. Смутное время. Московское государство въ XVII в.

ЧАСТЬ II. Съ 82 рис. въ текстѣ 16 на отдѣльныхъ листахъ Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе. Время Петра I. XVIII вѣкъ. Въ началѣ XIX вѣка. Время Николая I. Паденіе крѣпостного права. Послѣ реформы.

Товарищество суконной торговли и складовъ

„М. Поповъ съ Сыновьями“.

МАГАЗИНЪ № 1. Москва, Тверская, соб. домъ.

МАГАЗИНЪ № 2. Москва, Ильинка, д. Московск. Торговаго Банка.

== СУКНО, ТРИКО, ДРАПЪ, ==

РУССКІЯ И ЗАГРАНИЧНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ
МАТЕРІИ И ПЛЮШЪ.

== ПЛЭДЫ И ОДѢЯЛА. ==

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТОВАРА
ДЛЯ ФОРМЕННАГО ПЛАТЬЯ.

XXVI г.
Издания.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ

1915 г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ книгахъ и друг. Кроме того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к., для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—5 р. Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5% подписной цѣны, при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ—въ размѣрѣ 10% и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 100 экземпляровъ—15%. Уступки эти дѣлаются при неперемѣнномъ условіи высылки денегъ непосредственно въ редакцію.

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и 15 руб. за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32, во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ, и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ). Г.г. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Продолжается подписка на 1915 годъ на журналъ

XXII годъ
изданія

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“,

XXII годъ
изданія

издаваемый въ Москвѣ Географическимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина.

Журналъ „Землевѣдѣніе“ посвященъ разработкѣ вопросовъ географіи, особенно изученію Россіи. Содержаніе журнала составляется изъ оригинальныхъ изслѣдованій, очерковъ, описаній путешествій, обзоровъ, критическихъ замѣтокъ, также переводныхъ статей, мелкихъ извѣстій, географической хроники, библиографіи. Въ программу журнала входятъ и вопросы о преподаваніи географіи, а въ приложеніи къ книжкамъ журнала помѣщаются иногда переводныя сочиненія по страновѣдѣнію, путешествіямъ и т. п.

„Землевѣдѣніе“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ, каждая, около 10—12 печатн. листовъ, съ приложеніемъ картъ, таблицъ и рисунковъ въ текстѣ. Цѣна годовому изданію 6 руб. съ пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва: Политехнический музей, Географическое Отдѣленіе И. О. Л. Е. Прежніе годы „ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ“, за исключеніемъ 1893 и 1911, могутъ быть получаемы за 5 руб. каждый.

Во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія **НОВЫЯ КНИГИ:**

Отдѣльныя изданія Географич. отдѣл.:

А. Жирмунскій. Вокругъ Азии. Путевые очерки, эскизы, замѣтки. Подъ ред. и съ примечаніями проф. Д. Н. Анучина. Съ 70 иллюстраціями. М. 1914. Ц. 80 к.

Проф. Д. Н. Анучинъ. Охрана памятниковъ природы. Съ 29 рис. и проф. Г. А. Комарниковъ. Международная охрана природы М. 1914. Ц. 40 к.

О. Норденшельдъ. Полярный міръ сосѣднія ему страны. Съ рис., и карт. Пер. подъ ред. Н. проф. Д. Анучина. М. 1913. Ц. 1 р.

Проф. І. Вальтеръ. Первые шаги въ наукѣ о землѣ. Общедоступное введеніе и наставленіе къ производству наблюденій. Съ 102 рис. и съ 123 задач. Изд. 2-е подъ ред. А. А. Чернова и проф. Д. Н. Анучина. М. 1914 г. Ц. 70 коп.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются сочиненія

В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. 1909 г. (болѣе 700 стр.). Цѣна 3 руб. 50 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 25%).
2. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I и т. II. Приготавливается къ печати новое изданіе.
3. Крестьяне въ царствованіе Императр. Екатерины II. Т. I изд. 2-е, 1903 г. Стр. XXXVII+643. Т. II, 1901 г. Стр. XLV+864. Цѣна 5 руб. (Продается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., б-я лин., д. № 28).
4. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Цѣна 3 руб., т. II, цѣна 3 руб. (Продается въ книжномъ складѣ Стасюлевича).
5. Василій Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ съ портретомъ. Цѣна 50 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).
6. Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтынова. Цѣна 20 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).
7. Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ сороковыхъ годовъ. (Петрашевцы). Цѣна 15 коп. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, уступка 30%).

Въ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія

ПОПУЛЯРНЫЯ ИЗДАНЫЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

В. И. ВОДОВОЗОВА:

1. Разказы изъ Русской исторіи. Вып. 1-й. Содержаніе: Разказы изъ лѣтописи Нестора.—Слово о полку Игоревѣ.—Нашествіе Батя на Русскую землю.—Александръ Невскій.—Дмитрій Донской.—Народныя быліны.—Великій Новгородъ.—Взятіе Пскова.—Состояніе Руси до Іоанна III. Цѣна 40 коп. Изданіе 13-е.
2. Разказы изъ Русской исторіи. Вып. 2-й. Содержаніе. Іоаннъ III и сынъ его Василій.—Смерть Василя III.—Дѣтство, юность и правленіе Іоанна Грознаго.—Сильвестръ и Адашевъ.—Опричина.—Курбскій и его переписка съ Іоанномъ.—Домострой.—Образованіе и бытъ народа.—Феодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. Ц. 60 к. Изд. 11-е.
3. Очерки изъ Русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: Допетровская Русь.—Переходное время (патріархъ Никонъ и Крижанинъ.—Западно-русскіе ученые и начало раскола). Царствованіе Петра В., Екатерины I Петра II, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I.—Петръ III и Екатерина II.—Царствованіе Екатерины II.—Имп. Павелъ I и его время. Изд. 3-е.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

Москва, Мал. Никитская, д. 29, кв. 6.

Поступили на складъ остатки изданія

„СВОБОДНОЙ РОССИИ“:

М. М. Богословскій. БЫТЬ И НРАВЫ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА. Ц. 15 к. (Изд. 1906 г.)

М. М. Богословскій. ИЗЪ ИСТОРИИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССИИ. Ц. 10 к. (Изд. 1905 г.)

М. М. Богословскій. КОНСТИТУЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1730 г. Ц. 10 к. (Изд. 1906 г.)

КЪ ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТОВЪ. I. Взглядъ на тайное общество въ Россіи (1816--1826 гг.) С. Лунина. II. Разборы донесенія слѣдственной комиссіи въ 1826 г. Никиты Муравьева. Ц. 10 к.

С. Ф. Фортунатовъ. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА АНГЛІЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ. Ц. 10 к. (Изд. 1905 г.)

Чупровъ, А. И. проф. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АГРАРНОЙ РЕФОРМѢ. Ц. 15 к. (Изд. 1906 г.)

Чупровъ, А. И. АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНІЮ ВЪ ИТАЛІИ. Ц. 15 коп. (Изд. 1907 г.)

В. Якушкинъ. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО. Ц. 10 коп. (Изд. 1906 г.).

ИЗДАНИЯ „НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ“:

Бутми. РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ АНГЛІИ. (Исторія англійской конституціи). Переводъ съ новаго англ. изд. подъ ред. М. Н. Покровскаго. Стр. 18. Ц. 40 к.

Гринъ. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА. Перев. Н. Н. Шамолина. Вып. 1-й, стр. 340. Ц. 50 к.; вып. 2-й, стр. 392. Ц. 70 к. Вып. 3-й (послѣдній) стр. 410. Ц. 80 к.

Кейнсъ. ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Перев. А. Гуковскаго. Съ предисл. А. А. Мануйлова. Стр. 284. Ц. 50 к.

Постъ. ЗАЧАТКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ПРАВОВЫХЪ ОТНОШЕНІЙ. Перев. Н. В. Теплова, съ предис. проф. М. Ковалевскаго. Стр. 274. Ц. 60 к.

Ранке. ОБЪ ЭПОХАХЪ НОВОЙ ИСТОРИИ. Перев. И. И. Шитца. Съ предислов. проф. П. Г. Виноградова. Стр. 192. Ц. 35 к.

Тойнби. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ АНГЛІИ ВЪ XVIII-МЪ СТОЛѢТІИ. Съ предис. проф. А. И. Чупрова. 2-е изд. Ц. 50 к.

Токвиль. СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ И РЕВОЛЮЦІЯ. Пер. А. Гуковскаго, подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Стр. 308. Ц. 50 к.

Тьерри. ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ. Перев. подъ редакц. и съ предислов. проф. Р. Ю. Виппера. Стр. 306. Ц. 60 к.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

Москва, Мал. Никитская, д. 29, кв. 6.

Московское отдѣленіе изданій журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Поступили на складъ.

В. Я. Кокосовъ. Разказы о Карійской ваторгѣ. (Изъ воспоминаній врача). Ц. 1 р.

Владиміръ Короленко. Отѣдешіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. 2-е изд. ц. 40 к.

Его же. Исторія моего современника. I. Раннее дѣтство и годы ученья. 2-е изд. ц. 1 р. 50 к.

Н. Е. Кудринъ. Галлерей современныхъ французскихъ знаменитостей. Съ приложеніемъ 12 портретовъ. (Луи Пастеръ. Альфонсъ Додэ. Эмиль Золя. Клемансо. Вальдекъ Руссо. Комбъ. Анри Рошфоръ. Жанъ Жоресъ. Жюль Гэдъ. Анатоль Франсъ. Поль Бурже). Ц. 1 р. 50 к.

П. Л. Лавровъ. Историческія письма. 4-е изд. безъ перем. Ц. 1 р.

Его же. Формула прогресса Н. К. Михайловскаго. Противники исторіи. Научныя основы исторіи цивилизаціи. 2-е изд. ц. 40 к.

Его же. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Ц. 40 к.

Л. Мельшинъ. (П. Ф. Якубовичъ). Очерки русской поэзіи. (Пушкинъ, Некрасовъ, Фетъ, Тютчевъ, Надсонъ. Современные мініатюры. О старомъ и новомъ настроеніи). 2-е изд. ц. 1 р. 50 к.

В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. (Протопопъ Аввакумъ. Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи. На зарѣ русской общественности. Изъ Пушкинской эпохи. Профессоры сороковыхъ годовъ. К. Д. Кавелинъ, какъ историкъ и публицистъ. Памяти Г. И. Успенскаго. Памяти Н. К. Михайловскаго). 2-е изд. ц. 1 р. 25 к.

А. Б. Петрищевъ. Триста лѣтъ. (1606—1906 гг.) 2-е изд. ц. 25 к.

Л. Н. Толстой. Посмертныя записки старца Федора Кузьмича. Съ вступительной статьей В. Г. Короленко и примѣчаніями В. Г. Черткова. Ц. 20 к.

Карлъ Шурицъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Перев. А. Н. Анненской. Ц. 30 к.

П. Я. Русская муза. Художеств.-историческая хрестоматія. 3-е изд. ц. 1 р. 75 к., въ изящн. коленкор. переплетѣ 2 р. 40 к.

Галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей Н. О. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семеваго и П. Ф. Якубовича. съ 29 портретами. Ц. 3 р.

В. И. Семеваго. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Ц. 3 р. 50 к.

Даніель Стернъ. Исторія революціи 1848 г. Перев. съ франц. подъ редакц. Н. Е. Кудрина. Т.т. I и II. ц. по 75 коп.

М. Фроленко. Милость. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Ц. 10 к.

Э. Шампъонъ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1780 г. Ц. 50 к.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

Москва, Мал. Никитская, д. 29, кв. 6, телеф. 4-50-61.

Московское отделение к-ва „О Г Н И“.

Поступили на складъ:

- Библиотека мемуаровъ.** Мое время. Григорія Винскаго. Редакция П. Е. Щеголева. Птр. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Библиотека мемуаровъ.** Записки гр. Е. Θ. Комаровскаго. Редакция П. Е. Щеголева. Птр. 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Библиотека мемуаровъ.** Записки несчастнаго (В. П. Колесникова), содержащая путешествие въ Сибирь по канату. Редакция П. Е. Щеголева. Птр. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Воспоминанія о быломъ.** Изъ семейной хроники 1770—1838.—Е. А. Сабаниной. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакция и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Птр. 1914 г. Ц. 1 р.
- Дневникъ Вѣры Сергѣевны Ансаковой** (1854—1855). Редакция и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Птр. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной.** Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. Θ. Олденбурга. Птр. 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Изъ Московской жизни 40-хъ годовъ.** Дневникъ Е. И. Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Птр. 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Бѣлинскій.** Письма. Три тома. Редакция и примѣчанія Е. А. Ляцкого. Птр. 1914 г. Цѣна каждаго тома Ц. 2 р. 50 к.
- Былины. Старинны богатырскія.** Вступительная статья Е. А. Ляцкого. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ. Художественная рамка и виньетки исполнены В. А. Никольскимъ по стариннымъ образцамъ. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Птр. 1911 г. Ц. 2 р.
- Стихи духовные. Слова золотыя.** Вступительная статья Е. А. Ляцкого. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ, при участіи Н. С. Платоновой. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Ц. 2 р.
- Русскіе художники.** Суриковъ. Текстъ В. А. Никольскаго. Портретъ художника и 7 репродукцій съ его картинъ. Птр. 1910 г. Ц. 1 р.
- Иностранные художники.** Пювись де-Шаваннь. Текстъ Я. А. Тугендхольда. Съ портретомъ художника и 7 репродукціями съ его картинъ. Птр. 1911 г. Ц. 1 р.
- А. Родэнъ.** Искусство. Переводъ Л. М. Со многими иллюстраціями Птр. 1914 г. Изданіе второе. Ц. 1 р. 75 к.
- Р. Тепферъ.** О прекрасномъ въ искусствѣ. Пер. въ фр. М. Г. Птр. 1913 г. Ц. 90 к.
- Чернышевскій въ Сибири.** Переписка съ родными (1865—1875). Со статьей Е. А. Ляцкого и примѣчаніями М. Н. Чернышевскаго. Портреты, рис., автографъ. Вып. I—III: Птр. 1912—1914. Ц. каждаго вып. 2 р.
- А. А. Кондратьевъ.** Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Портреты. Птр. 1912 г. Ц. 1 р.
- Евг. Ляцкій.** Гончаровъ. Жизнь. Личность. Творчество. Критико-біографическіе очерки. Изданіе 2-е, значительно переработанное и дополненное. Портреты, автографъ. Птр. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Л. Н. Толстой.** Картинки Отечественной войны изъ романа „Война и миръ“. Извлечено М. П.—ой. Птр. 1912 г. Ц. 15 к.
- Книга о святомъ Францискѣ Ассизскомъ.** Предисловіе и переводъ В. Конради. Изданіе художественное. Птр. 1913 г. Ц. 3 р.
- Джордано Бруно.** Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. Птр. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Образовательная бібліотека изд-ва „Огни“.** Серія I. Русскіе критики. **В. Г. Бѣлинскій.** Избранныя сочиненія. Подъ редакціей проф. А. К. Бороздина, со вступительными статьями и примѣчаніями. Птр. 1914 г. Ц. за двѣ части 1 р. 25 к.
- Образовательная бібліотека изд-ва „Огни“.** Серія III. Иностранные писатели. **Буало.** Поэтическое творчество. (L'Art poétique). Ред. прив.-доц. П. С. Когана. Птр. 1914 г. Ц. 40 к.
- Тургеневскій сборникъ.** Статьи и изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ Тургеневскаго кружка, подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Птр. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

рики XVIII в. Г. Пригоровскій. Д. М. Петрушевскій. Великая хартія Вольностей. Г. И. Шрейдеръ. La Triplice alleanza. П. Мижуевъ. С. А. Корфъ. Автономныя колоніи Великобританіи. И. М. Соловьевъ. Сочиненія Н. И. Пирогова. Г. В. Вернадскій. В. И. Пичета. Юрій Крижаничъ. В. Е. Сыроѣчковскій. Изъ текущихъ работъ ученыхъ архивныхъ комиссій. В. И. Власовъ. В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старообрядцевъ . . 269

VII. Мелочи исторіи.

П. С. Побѣдоносцевъ въ Маріенбадѣ. М. Клевенскій. По поводу одной пѣсни. 301

VIII. Романъ.

Шарль де Костеръ. Легенда о подвигахъ Уленшпигеля. Пер. В. Н. Карякина. 303

IX. Рисунки.

Портреты: гр. Е. А. Ламбертъ, С. Милковского, Т. Косцюшки.

X. Объявленія.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ КНИГА:
И. Н. РОЗАНОВЪ.

РУССКАЯ ЛИРИКА.

Отъ поэзіи безличной къ исповѣди сердца.
Историко-литературные очерки.

== ЦѢНА 2 руб. 50 коп. ==

Складъ: Книгоиздательство «ЗАДРУГА»,
Москва. М. Никитская 29, кв. 6.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 г.

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ —

**ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,**

подъ редакціей *С. П. Мельгунова и В. И. Семеvскаго.*

(3-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 10 руб., на $\frac{1}{2}$ года 5 руб., за границу 12 руб., $\frac{1}{2}$ года 6 руб.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка:

При подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюля 3 руб., 1 октября 2 руб.

————— Перевѣна адреса 20 коп. —————

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 1 руб. 25 к., налож. плат. 1 р. 50 к. Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ 7 р. 50 к. (безъ № 1). За 1914 г. по 8 р. На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1915 г. имѣютъ право пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“ и „Голосъ Минувшаго“ за 1913, 1914 гг. (см. условія въ № 1).

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29, тел. 4-50-61)

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ отъ 3 до 5 час.